Российская академия наук

ЕЖЕГОДНИК

РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

2001

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

2001

/2001 РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА

НА 2001 ГОД

С.-ПЕТЕРБУРГ
2006

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год / Отв. ред. Т. Г. Иванова. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006. — 432 стр.

ISBN 5-86007-433-6.

В числе материалов, входящих в очередной выпуск Ежегодника, — публикация автобиографического очерка С. И. Снессоровой («На память другу»), неизданный труд В. Я. Проппа («Стих о Егории Храбром»), переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым и В. Я. Шишковым, извлечения из эпистолярного наследия А. С. Полякова (письма С. А. Венгерову, А. Г. Фомину, Н. К. Николькому), письма И. П. Новосильцева к А. А. Фету, Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу и др. Печатается составленный Т. Г. Ивановой рассказ о Рукописном отделе Пушкинского Дома в 1917—1922 гг. и подготовленный Т. А. Кукушкиной очерк деятельности «Всероссийского союза писателей» (Ленинградское отделение, 1920—1932). Завершают книгу обзоры фондов, хранящихся в Пушкинском Доме.

Редколлегия
А. В. Лавров, Н. Н. Скатов, Т. С. Царькова

Ответственный редактор
Т. Г. Иванова

Рецензенты
Н. П. Генералова, Е. Д. Кукушкина

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 05-04-16123 д

© Коллектив авторов, 2006
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2006
© «Дмитрий Буланин», 2006

ISBN 5-86007-433-6

СТАТЬИ

Т. Г. Иванова

РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ПУШКИНСКОГО ДОМА В 1917—1922 гг.

В истории Рукописного отдела 1917—1922 гг. определяются, с одной стороны, событиями общероссийского и даже мирового масштаба (Февральская и Октябрьская революции) и, с другой, — очень частным и мало кому известным переездом Пушкинского Дома из стен здания Академии наук на Университетской набережной на Тифлисскую улицу в помещение бывшего Архива Департамента таможенных сборов. Годы революции и Гражданской войны — это период драматический и одновременно решающий в становлении Пушкинского Дома и сложении его богатейших рукописных коллекций. Не все эпизоды его освещены в имеющейся литературе;[1] обращение к архивным источникам позволяет во многом по-новому осмыслить данный этап в жизни Рукописного отдела.

1

Основатель Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский встречал 1917 год, нетерпеливо ожидая окончания войны, думая о постройке собственного здания для своего любимого учреждения (напомним, что существовал проект строительства специального здания на Петроградской стороне у съезда с Троицкого моста) и радуясь, что вокруг его детища объединяются культурные силы России. Именно этими настроениями дышат его письма декабря 1916—февраля 1917 г. «Третьего дня, — писал он в Москву 25 февраля 1917 г. библиофилу и издателю Льву Эдуардовичу Бухгейму, — от своего старого знакомого (еще с Пушкинской выставки 1899 г.) коллекционера Арк<адия> Арк<адье-

[1] Пушкинский Дом при Российской Академии наук: Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924; 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956; *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. 1905. 1930. 1980 (Исторический очерк). Л., 1980; Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982.

© Т. Г. Иванова, 2005

вича> Журавлева получил обещание передать в Пушкинский Дом частью теперь же, частию же по завещанию целый ряд прелестных музейных вещей <...>, множество автографов и книг... На днях приобретаем одно собрание автографов, где есть неизданный (!) Пушкин (правда, всего четверостишие), портрет Дельвига, автографы Шевченко, Радищева, Щербины, Некрасова, Полонского, Мея, А. Майкова и т. д.

Смешно будет дальнему нашему потомку, если письмо это дойдет до него: в Питере волнения, забастовка трамваев, по улицам патрули и казаки, толпы рабочих и манифестантов, нет хлеба, все злые и мрачные, а я „пою" о Пушкинском Доме! Вот, скажут, чудак-то был или сумасшедший, или маниак... Мне и самому совестно, да любовь к захватившей меня идее берет верх даже над не совсем сытым желудком».[2]

Однако очень скоро нестабильность политической обстановки вселила в сердца пушкинодомцев тревогу. 8 июня 1917 г. Б. Л. Модзалевский писал в Москву своему давнему знакомцу, уже известному в то время пушкинисту Михаилу Осиповичу Гершензону: «Какие мучительные и нечистоплотные роды Русской свободы! И не будет ли кровь новорожденной заражена неизличимо или неисправимо?».[3]

Постепенно тревога сменяется отчаянием. 4 декабря 1917 г. в письме Б. Л. Модзалевского к другому его доброму знакомому, Федору Александровичу Витбергу, читаем: «Вы еще живы? Я уже не живу, а только существую и все боюсь сойти с ума. Стараюсь отвлекаться на работу, но это плохо мне удается».[4]

«Я очень болен душою, — пишет Б. Л. Модзалевский 19 января 1918 г. М. О. Гершензону, — и уже не нахожу никакой почвы для хотя бы малейшего оптимизма. До крайности обострилась неврастения, не могу ни работать бодро, ни из дому выходить: один вид первого пролетарского или солдатского лица повергает меня в мрак уныния и безнадежности. У Вас в Москве гнусно, но что делается здесь, уму непостижимо. Как будто весь свет, все и вся стали вверх ногами и головой вниз и думают уж той частью туловища, которая у человека, ставшего в такую позу, пришлась на месте головы... Живем полуголодные, одичалые, озлобленные и все ждем чего-то самого худшего, хотя каждый новый день приносимыми новостями как бы доказывает, что худшего уже ничего быть не может...».[5]

25 августа 1917 г. немцы оккупировали Ригу, обстановка на русско-германском фронте существенно ухудшилась. Временное правительство поставило вопрос об эвакуации из Петербурга ряда учреждений в Москву. Эвакуация касалась самого правительства, министерств, управления по делам милиции, Эрмитажа, а также Академии наук.

---

[2] Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 195.

[3] Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном / Публ. Е. Ю. Литвин // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 340.

[4] Переписка Б. Л. Модзалевского с Ф. А. Витбергом / Публ. А. Г. Носовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 219.

[5] Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном / Публ. Е. Ю. Литвин. С. 343.

13 октября в газете «День» появилась подборка статей под шапкой «Эвакуация Петрограда». После интервью главноуполномоченного по эвакуации Н. М. Кишкина шла большая заметка под заглавием «Эвакуация Пушкинского Дома», в которой говорилось: «Из намеченных к эвакуации реликвий Пушкинского Дома следует упомянуть перстень с изумрудом Пушкина, принадлежавший великому князю поэту Константину Константиновичу, трубку поэта, его личную библиотеку, чернильницу Герцена, письменный стол Некрасова...

До боли жаль всех этих бесценных драгоценностей, быть может, обреченных всем „неожиданностям" эвакуации в условиях нашего смутного времени!».[6]

Пушкинодомские ценности, в том числе рукописи великого поэта, лермонтовские документы и другие материалы надолго, до 1920—1921 гг., были вывезены в Москву в Исторический музей и в Саратов.

1917—1922 гг. — это драматичный период в истории Пушкинского Дома, но тем не менее, сколь бы кровавыми, холодными и голодными ни были годы революции и Гражданской войны, именно в это время произошло важное событие: Пушкинский Дом получил новый статус в рамках Академии наук, свой первый собственный штат научных работников и свое первое собственное помещение.

20 апреля (по новому стилю) 1918 г. Конференция (Общее собрание) Академии наук приняла постановление о придании Пушкинскому Дому статуса, равного другим учреждениям Академии (Библиотека, Зоологический музей, Кунсткамера и пр.). Пройдет еще целый год, пока это постановление будет претворено в жизнь и Пушкинский Дом получит право на создание своего первого официального штата. Однако на протяжении всего 1918 и 1919 г. Пушкинский Дом, спасая русскую интеллигенцию от голода, снабжает многих людей из своего окружения удостоверениями, дающими людям в глазах новой власти некий официальный статус. Например, 14 декабря 1918 г. подобное удостоверение было выдано В. Д. Комаровой (урожд. Стасовой):

«Дано сие писательнице Варваре Дмитриевне Комаровой на предмет получения продовольственной карточки I категории в том, что она состоит научной сотрудницей Пушкинского Дома при Российской Академии наук, в котором работает над описанием рукописей и музейных предметов, принадлежащих к научным коллекциям в библиотеке Дома, а потому имеет право на продовольствие по I категории».[7] Такого же рода документы в 1918—начале 1919 гг. были выданы А. А. Петрову, В. А. Майкову, Н. Б. Глазбергу (Гласбергу), В. В. Никифорову, С. Н. Трофимову и многим другим.

На заседании Конференции, состоявшемся 5 апреля 1919 г., новое Положение о Пушкинском Доме и его штат были утверждены. Первое штатное расписание выглядело следующим образом: директор; старший ученый хранитель (он же заведующий Отделением рукописей); старший библиотекарь; хранитель музея; два хранителя рукописей;

---

[6] Эвакуация Пушкинского Дома // День. 1917. 13 окт., № 188.

[7] Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф. 150, оп. 1 (1918), № 1, л. 4. Далее ссылки на материалы Архива даются в тексте: ПФА РАН.

библиотекарь; четыре научных сотрудника (два при Отделении рукописей, один при библиотеке, один по Дому вообще); правитель дел — всего 12 человек. Обратим внимание на то, что звание «хранитель» в данном штатном расписании много выше по значимости, чем звание «научный сотрудник» (это отражалось и на заработной плате). Создатели Пушкинского Дома понимали, что без сохранения историко-литературных памятников никакое их изучение невозможно.

В письме Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму, написанном в тот же день, 5 апреля, мы находим планы создателя Пушкинского Дома по поводу персонального состава: «Состав наш будет такой (если доживем): директор — Котляревский; старший ученый хранитель — Ваш покорный слуга и почитатель; старший библиотекарь — И. А. Кубасов; хранитель Музея — С. В. Штейн; хранители рукописей: Л. К. Ильинский и Н. Г. Богданова, библиотекарь — г-жа Е. П. Казанович; 4 научных сотрудника и правитель дел — всего 12 человек».[8]

В конечном счете первый состав штата Пушкинского Дома сложился иным образом. В Архиве Академии наук находятся несколько списков пушкинодомцев на разные даты 1919 г. В первом документе, предназначенном для Правления Российской Академии наук, помимо директора академика Н. А. Котляревского, было предложено «внести в список служащих Дома по вольному найму с 1 июля сего года:

1) в должности Старшего Ученого Хранителя Дома — Бориса Львовича Модзалевского, с окладом в месяц по 3120 руб.

2) хранителя Книжных Собраний — Ивана Андреевича Кубасова, с окладом в месяц 2760 руб.

3) хранителей рукописей Сергея Никитича Трофимова и Наума Борисовича Глазберга, с окладом в месяц каждому по 2760 руб.

4) научных сотрудников: Надежду Степановну Боткину-Враскую и Марию Леопольдовну Жоффрьо, с окладом в месяц каждой по 2424 руб.

5) правителя дел Пушкинского Дома Василия Васильевича Никифорова, с окладом в месяц по 2424 руб.

6) Федора Павловича Прощина, с вознаграждением за ведение письменных и счетных работ по 1200 руб.» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 19).

Буквально с первых дней существования Пушкинского Дома в новом статусе Дому пришлось защищать своих сотрудников от репрессий новой власти. 23 июня 1919 г. был арестован первый правитель дел (по современной терминологии, заведующий канцелярией и одновременно заместитель директора по общим вопросам) Пушкинского Дома В. В. Никифоров. Из стен Академии сразу же исходит документ в защиту своего сотрудника: «Так как В. В. Никифорову не представлено никаких обвинений, а он чрезвычайно нужен в настоящее время для работы по устройству Пушкинского Дома, только что получившему от Комиссариата Народного Просвещения новый штат и бюджетные средства, на которые приступлено уже к ремонту отведенного для До-

[8] Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова. С. 196.

ма Советом Коммуны Северной области здания,[9] — прошу Совет возбудить срочное ходатайство об освобождении В. В. Никифорова как необходимого научного работника, долженствующего нести общеполезный труд на благо народного просвещения» (там же, л. 15). Проблема, по-видимому, была решена, и в дальнейшем В. В. Никифоров на протяжении некоторого времени во всех документах Пушкинского Дома значится правителем дел.

Уже на август 1919 г. состав Пушкинского Дома претерпел изменения: Н. А. Котляревский (директор), Б. Л. Модзалевский (старший ученый хранитель), И. А. Кубасов (старший библиотекарь), С. В. Штейн (хранитель Музея), Н. К. Козмин (хранитель рукописей), Е. П. Казанович (библиотекарь), Н. С. Боткина-Враская, М. Л. Чебышева, Б. И. Коплан, Б. В. Саитов (научные сотрудники), В. В. Никифоров (правитель дел) (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 1, л. 37—38).

На 6 декабря 1919 г. список опять трансформировался. Хранителем книжных собраний (видимо, то же, что и старший библиотекарь) вместо И. А. Кубасова стал Сергей Николаевич Трофимов, принятый в Пушкинский Дом на должность хранителя рукописей 29 сентября 1919 г. Хранителем рукописей наряду с Н. К. Козминым числится Н. Б. Глазберг. Вместо научного сотрудника М. Л. Чебышевой, ушедшей из Пушкинского Дома в октябре 1919 г. (там же, л. 54), называется только что принятая Е. П. Населенко (там же, л. 81). 3 января 1920 г. С. В. Штейн значится ушедшим с должности хранителя Музея, и его место занимает Н. С. Боткина-Враская (там же, л. 83).

Все эти изменения в составе Пушкинского Дома и в передвижениях в пределах штатного расписания вызваны нестабильностью политической обстановки и голодом, царившим в Петрограде. Кто-то уезжал из города в другие регионы, где было более сытно; кто-то, не имевший подобной возможности, приходил в Пушкинский Дом, чтобы получить хоть какие-то средства к существованию. Все, кто мог, числились работающими по нескольким организациям, лишь бы получить право на продовольственный паек. Кто-то, как например, С. В. Штейн, эмигрировал из советской России.

Документы, находящиеся в Архиве Российской Академии наук, свидетельствуют о бытовых условиях, в которых существовали пушкинодомцы в пореволюционные годы. Сохранился, например, недатированный «Список лиц, желающих примкнуть к организации по закупке продуктов в Симбирской губернии», который можно отнести к 1920 г. В этом списке находим имена Н. А. Котляревского, против фамилии которого в графе «число едоков» стоит число «5», Варвары Николаевны Модзалевской (жена Б. Л. Модзалевского) (6 «едоков»), Бориса Владимировича Саитова (3 «едока»), Надежды Степановны Боткиной (8 «едоков»), Василия Васильевича Никифорова (6 «едоков»), Евлалии Павловны Казанович (2 «едока»), Варвары Дмитриевны Комаровой (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 16).

---

[9] Речь идет о здании Архива бывшего Департамента Таможенных сборов на Тифлисской ул. См. об этом ниже.

Весьма колоритен другой документ, отпечатанный на бланке с грифом «Пушкинский Дом при Российской Академии Наук» 13 февраля 1920 г.:

«В Райпродукт.

Пушкинский Дом просит Райпродукт срочно предоставить разрешение на покупку валенок и калош к ним старшему ученому хранителю Пушкинского Дома Борису Львовичу Модзалевскому, хранителю рукописей Дома Николаю Кировичу Козмину и правителю дел Дома Василию Рафаиловичу Барановскому, которые не имеют ни теплой обуви, ни исправных калош, а между тем вынуждены срочно произвести ряд срочных работ по сортировке ящиков с рукописями, книгами и коллекциями в холодных и сырых помещениях предоставленного Пушкинскому Дому старинного здания Архива бывшего Департамента Таможенных сборов <...>» (там же, л. 91).

Столь же горько впечатляюще выглядит следующее прошение: «Пушкинский Дом просит предоставить летнее пальто библиотекарю Пушкинского Дома Евлалии Павловне Казанович, удостоверяя, что она действительно нуждается в этом предмете одежды, ибо такового у нее вовсе не имеется» (там же, л. 99).

Хранение и обработка рукописей — хлопотное дело, требующее оберточной бумаги, папок, коробок, шкафов, полок и т.д. Всем этим в разоренной стране разжиться было непросто. 9 сентября 1920 г. Пушкинский Дом обращается в Отдел распределения учебных пособий и канцелярских принадлежностей при Народном комиссариате просвещения со следующей просьбой: «Пушкинский Дом Российской Академии Наук просит отпустить 100 канцелярских коробок, необходимых ему для хранения рукописей» (там же, л. 196). Сохранилась и просьба, обращенная в Петрокоммуну, о выделении трех бутылок чернил, пяти банок клея и 300 синих папок для хранения «весьма ценных в историческом отношении автографов и рукописей» (там же, л. 199).

Постепенно, с затуханием Гражданской войны, в существовании Пушкинского Дома намечается некоторая относительная стабильность, но штатный состав еще долгое время находится в постоянной трансформации. Список научных сил на 2 июля 1920 г. следующий: Н. А. Котляревский, Б. Л. Модзалевский; ученые хранители Н. К. Козмин и М. Л. Гофман; хранитель Музея Н. С. Боткина-Враская; библиотекарь Е. П. Казанович; научные сотрудники В. Д. Комарова, Б. И. Коплан, В. И. Чернышев (пришел на место уволившегося Б. В. Саитова 26 апреля — там же, л. 121), Е. П. Населенко, С. И. Ковалев (там же, л. 147).

По мере того, как появлялись какие-либо дополнительные деньги, Пушкинский Дом старался принять к себе на работу новых людей. Так, 10 августа 1920 г. помечено обращение в Правление РАН относительно шести ставок научных сотрудников для следующих лиц: Сергей Иванович Ковалев, Варвара Николаевна Модзалевская, Надежда Григорьевна Богданова, Елена Борисовна Покровская, Татьяна Николаевна Хохрякова, Ксения Владимировна Рубец (там же, л. 175).

Список пушкинодомцев на 13 ноября 1920 г. выглядит следующим образом. Помимо директора Н. А. Котляревского и старшего ученого хранителя Б. Л. Модзалевского, это вернувшийся из странствований по дорогам Гражданской войны И. А. Кубасов (ученый хранитель книжных собраний), Н. С. Боткина-Враская (хранитель Музея), М. Л. Гофман и Н. К. Козмин (хранители рукописей), Е. П. Казанович (библиотекарь); научные сотрудники, занимающиеся разборкой рукописей — Б. И. Коплан, Е. П. Населенко, В. Д. Комарова, В. И. Чернышев, С. И. Ковалев (в Пушкинском Доме с 1 июля 1920 г.), В. Н. Модзалевская (с 1 июня), Н. В. Измайлов (с 1 сентября), Е. Б. Покровская (с 1 июля), Б. М. Энгельгардт (с 1 октября), С. А. Шахматова (с 1 июля). Около фамилии С. Н. Трофимова помечено, что 15 октября он оставил службу на должности хранителя книжных собраний. В списке значатся также Н. Г. Богданова, служившая с 1 июня по 1 сентября научным сотрудником, и К. В. Рубец, работавшая на этой же должности с 1 июля по 1 октября (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 4, л. 57—58).

В ведомости на премирование за сверхурочные часы работы в период с 1 ноября по 1 декабря 1920 г. мы находим еще несколько имен. По-видимому, это сотрудники, которые на этот период находились вне штата. Это Николай Михайлович Орлеанский, которому поручались переписка по делам Рукописного отделения, инвентаризация рукописей и прочие виды работ, и Валентина Андреевна Щеголева, выполнявшая, по всей вероятности, подобные же виды работ (там же, л. 54, 71). Здесь же, на должности заведующего отделом, значится Михаил Владимирович Митроцкий (по-видимому, правитель дел Пушкинского Дома). В подобной же ведомости за январь 1921 г., помимо упоминавшихся выше, значатся имена старшего библиотекаря Евгении Александровны Милютиной, эмиссара Николая Васильевича Яковлева, помощника эмиссара Владимира Петровича Семенникова (там же, л. 80).

Список сотрудников Пушкинского Дома на 14 февраля 1921 г. включает в себя следующих лиц: старший ученый хранитель Б. Л. Модзалевский (имя директора Н. А. Котляревского дается по умолчанию); ученые хранители рукописей М. Л. Гофман, Н. К. Козмин, Б. И. Коплан, В. И. Чернышев; хранитель Музея Н. В. Измайлов; хранитель книжных собраний И. А. Кубасов, его помощник Е. П. Казанович и старший библиотекарь Е. А. Милютина; научные сотрудники II разряда Е. П. Населенко, В. Д. Комарова, С. И. Ковалев, В. Н. Модзалевская, Е. Б. Покровская, Б. М. Энгельгардт, С. А. Шахматова, Н. М. Орлеанский, С. Ф. Платонов (не академик; указан год рождения — 1898); заведующий отделом М. В. Митроцкий; корреспонденты В. Б. Враская и В. А. Щеголева. Кроме того в списке мы находим и штат хозяйственной части: младшие служащие П. И. Ковалев и А. А. Тихонов; помощник заведующего отделом Н. И. Драмов-Петров; заведующая хозяйственной частью О. Н. Гофман-Никольская (жена М. Л. Гофмана); заведующий финансовой частью Ф. П. Прощин. В самом низу списка значатся эмиссар Н. В. Яковлев и помощник эмиссара В. П. Семенников (там же, л. 1).

В другом (недатированном) документе, который мы относим к лету 1921 г., опять находим некоторые изменения и в списке пушкинодомцев, и в их должностных обязанностях. Б. Л. Модзалевский — старший ученый хранитель; Лев Николаевич Перетц — заведующий отделом. М. Л. Гофман — заведующий книжными собраниями; его помощник Е. П. Казанович; старший библиотекарь Е. А. Милютина. Ученые хранители (рукописей) — Н. К. Козмин, В. И. Чернышев, Б. И. Коплан, Н. В. Измайлов. Хранитель Музея — П. Е. Рейнбот; его помощник — А. П. Штакельберг (на 1917 г. он был правителем дел канцелярии Академии наук). Эмиссар — Н. В. Яковлев; его помощник — М. Д. Беляев. Научные сотрудники — В. Н. Модзалевская, В. Д. Комарова, С. И. Ковалев, Н. М. Орлеанский, С. А. Шахматова, Е. Б. Покровская, Б. М. Энгельгардт, Е. П. Населенко, и помимо них, еще новые имена: З. В. Пушкарева, П. А. Горчинский (там же, л. 134).

На октябрь 1921 г., когда пушкинодомцы заполняли спущенные свыше анкеты, появляется еще ряд лиц. Георгий Петрович Блок числится хранителем рукописей (там же, л. 22); Борис Викторович Томашевский и Петр Митрофанович Устимович — научными сотрудниками (там же, л. 23, 38).

Как бы то ни было, уже в 1920 г. в Пушкинском Доме сформировалась группа лиц, ставших главными фигурами в деле комплектования Рукописного отдела и описания рукописей. Помимо Б. Л. Модзалевского и Н. А. Котляревского, непосредственно занимавшихся разбором поступавших материалов, это были В. Д. Комарова, М. Л. Гофман, Н. В. Измайлов и Б. И. Коплан. Именно таков, по-видимому, основной костяк Отделения рукописей в 1920—1922 гг. Однако, повторяем еще раз, разборкой рукописей в те времена занимались практически все, кто числился на должности научных сотрудников.

Варвара Дмитриевна Комарова (1862—1942) происходила из семьи Стасовых, оставивших яркий след в русской культуре; она была женой высокопоставленного лица — генерала-от-инфантерии Н. Н. Комарова. В. Д. Комарова, известная как писатель (псевд. Влад. Каренин), — автор романа «Муся» (журнальная публикация 1888; отд. изд.: СПб., 1911), сборника «Стрекозы (Рассказы и сказки)» (СПб., 1916). С 1892 г. она, познакомившись с невесткой Жорж Санд, начала собирать материалы о знаменитой французской писательнице. Биографический том «Жорж Санд, ее жизнь и произведения» (СПб., 1899), подготовленный ею, был удостоен Пушкинской премии. В дореволюционные годы в разных журналах В. Д. Комарова опубликовала часть эпистолярного наследства своего дяди, знаменитого критика В. В. Стасова — его переписку с П. И. Чайковским, А. К. Лядовым, Н. А. Римским-Корсаковым и др.[10]

Именно через В. Д. Комарову в Пушкинский Дом поступил обширный и многообразный архив Стасовых (ф. 294); ею же он был и описан. Сотрудницей Пушкинского Дома В. Д. Комарову можно считать с 1918 г., когда ей было выдано удостоверение, подтверждающее ее пра-

[10] *Носов А. А.* Комарова Варвара Дмитриевна // Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1994. Т. 3. С. 42—43.

во на паек I категории. В штатных списках ее имя появляется со 2 июля 1920 г. С 1924 по 1932 г. она являлась ученым хранителем. В 1920-е гг. В. Д. Комарова подготовила к печати два больших труда: «В. Стасов. Очерк его жизни и деятельности» (Л., 1927. Ч. 1—2) и «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка. 1878—1906» (Л., 1929; совм. с Б. Л. Модзалевским). В 1926 г. В. Д. Комарова выезжала в командировку в Париж на чествование памяти Жорж Санд (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 272 и далее). В. Д. Комарова — одна из немногих представителей первого поколения пушкинодомцев, кому удастся пройти через «академическое дело» 1929—1931 гг. с наименьшими потерями. Благоприятным образом, по-видимому, сказалось ее родство с видным деятелем Коммунистической партии Еленой Дмитриевной Стасовой.

Модест Людвигович Гофман (1887—1959) закончил I Петербургский кадетский корпус, а затем учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета (1905—1910). Он был вхож в творческую среду лучших представителей «серебряного века»: тесно связан с Вяч. Ивановым, вел знакомство с А. А. Блоком, С. М. Городецким, А. М. Ремизовым, пытался сам выступать на поэтическом поприще (сборники «Кольцо. Тихие песни скорби». СПб., 1907; «Гимны и оды». СПб., 1910), писал критические статьи о современной ему литературе («Книга о русских поэтах последнего десятилетия». СПб.; М., 1909). После окончания университета М. Л. Гофман был оставлен при кафедре истории русской литературы для подготовки к профессорскому званию, активно участвовал в работе Пушкинского семинария, руководимого С. А. Венгеровым. Здесь и проявились его научные интересы, связанные с литературой первой половины XIX в. Наиболее значительный труд М. Л. Гофмана дореволюционного времени — издание им Полного собрания сочинений Е. А. Боратынского (СПб., 1914—1915. Т. 1—2).

С Пушкинским Домом М. Л. Гофман оказался связан уже в самом начале 1910-х гг. Еще до революции он принимал активное участие в деле пополнения пушкинодомских коллекций. Летом 1913 г. именно он переправил в Петербург библиотеку с. Тригорского, полученную им от С. Б. Вревской. Им же был опубликован дневник А. Н. Вульфа и документы из архива Вревских («Пушкин и его современники». Пг., 1916. Вып. 21—22; весь выпуск подготовлен М. Л. Гофманом). Имя М. Л. Гофмана, как человека, привлекаемого для разборки рукописей, называется Н. А. Котляревским в одном из документов дооктябрьского периода.

1917—начало 1920 гг. М. Л. Гофман провел в Чернигове, где своей журналистской деятельностью привлек к себе внимание местной ЧК. Тогда же ему удалось опубликовать несколько книг: «Поэзия К. Ф. Рылеева» (1917), «Пушкин. Его общественно-политические взгляды и настроения» (1918), «А. С. Пушкин» (1919), «Деревня в произведениях Некрасова» (1919).

Весной 1920 г. М. Л. Гофман вернулся в Петроград и с 1 апреля уже числился в списках Пушкинского Дома. Б. Л. Модзалевский предложил своему младшему коллеге место хранителя рукописей. В доклад-

ной записке Б. Л. Модзалевского в Правление Академии говорилось: «Ввиду отказа Н. Б. Глазберга от должности хранителя рукописей Пушкинского Дома прошу Правление зачислить на это место с 1 апреля с<его> г<ода> Модеста Людвиговича Гофмана» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 116). Вскоре М. Л. Гофман, человек деятельный и энергичный, становится в Пушкинском Доме по сути дела третьим лицом после Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского.

Уже в послеоктябрьский период М. Л. Гофман много сделал для пополнения пушкинодомских коллекций. Летом 1920 г. именно он вместе с Е. П. Казанович привез из подмосковного имения Ивановское, принадлежавшего до революции княгине А. М. Козловской, ценнейший архив и библиотеку отца владелицы — М. Н. Лонгинова. М. Л. Гофман же, заменяя Б. Л. Модзалевского как полномочного представителя Академии наук в Особой комиссии по разбору ценностей и документов, изъятых из сейфов бывших частных банков Петрограда, отбирал для Пушкинского Дома документы, представляющие историко-литературный интерес.

В Петрограде вышла книга М. Л. Гофмана «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (Пг., 1922), в которой критически пересматривалось многое в сложившейся традиции текстологического изучения пушкинских текстов.

В июле 1922 г. М. Л. Гофман отправился в командировку в Париж для возобновления договора Пушкинского Дома с А. Ф. Онегиным (Отто). Встреча М. Л. Гофмана с А. Ф. Онегиным в его пушкинском «музейчике» состоялась 5 сентября, а 7 декабря, после напряженных переговоров, охранная опись музея и новый договор были зарегистрированы у нотариуса. Заграничная командировка обернулась эмиграцией. В Париже М. Л. Гофман продолжал напряженно работать, выпуская одну за другой книги: «Пушкинский музей А. Ф. Онегина в Париже» (1926), «Пушкин. Психология творчества. (Вторая глава науки о Пушкине)» (1928), «Пушкин — Дон-Жуан» (1935) и др.[11] После смерти М. Л. Гофмана остались его трудночитаемые записки, многие страницы которых посвящены Пушкинскому Дому.[12]

Николай Васильевич Измайлов (1893—1981), пришедший в Пушкинский Дом 1 сентября 1920 г. на место перешедшей в Библиотеку Академии наук Н. Г. Богдановой (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 190), вскоре стал одной из ключевых фигур в Рукописном отделе, лицом легендарным для нынешнего поколения пушкинодомских архивистов. Перу Н. В. Измайлова принадлежат воспоминания,

---

[11] *Богомолов Н. А.* Гофман Модест Людвигович // Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1992. Т.2. С. 5—6; *Марченко Т. В.* Гофман Модест Людвигович // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918—1940. Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 141—142.

[12] Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 180—238.

рисующие колоритные картины из жизни Пушкинского Дома 1920—1928 гг.[13]

Родившийся в семье юриста, Н. В. Измайлов после окончания Тенишевского реального училища поступает на историко-филологическое отделение Петербургского университета (1911). Здесь он, как и М. Л. Гофман, участвует в работе Пушкинского семинария С. А. Венгерова. Учеба была прервана Первой мировой войной, во время которой Н. В. Измайлов сначала был начальником санитарного транспорта (1914—1915), а затем служил прапорщиком в артиллерийской бригаде (1916—1917). Вернуться в университет ему удалось только в конце 1917 г.; закончил — в декабре 1918 г.

В Пушкинский Дом Н. В. Измайлов сначала пришел как читатель. После окончания университета его предполагали оставить при кафедре. Темой будущего магистерского сочинения по совету заведующего кафедрой С. А. Адрианова он избрал жизнь и деятельность известного критика и переводчика Василия Петровича Боткина. В поисках неизданных материалов (письма Боткина к братьям, к И. С. Тургеневу, к художнику К. А. Горбунову) Н. В. Измайлов явился осенью 1918 г. на третий этаж здания Академии наук, где находился Архив Конференции Академии, заведующим которого являлся Б. Л. Модзалевский, и где на тот момент хранились пушкинодомские сокровища. В сентябре 1920 г. Б. Л. Модзалевский пригласил запомнившегося ему читателя в Пушкинский Дом на должность научного сотрудника. В 1921 г. Н. В. Измайлов уже стал одним из ученых хранителей рукописей, а в 1924 г. — заведующим Отделением рукописей.

В 1920-е гг. в стенах Пушкинского Дома Н. В. Измайлов вырос в крупного пушкиниста (см.: Пушкин. Очерк жизни и творчества. Л.; М., 1924; Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927; совм. с М. Д. Беляевым, Б. Л. Модзалевским и Б. В. Томашевским). В 1929 г. он был арестован по «академическому делу» и отправлен в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь. Вернулся в Ленинград в 1934 г.; в 1939—1941 гг. преподавал на филологическом факультете университета. В самом начале войны ученый эвакуировался в г. Чкалов (Оренбург), где продолжил преподавательскую деятельность в местном педагогическом институте. В 1943 г. Н. В. Измайлов в Москве в Институте мировой литературы защитил кандидатскую диссертацию о творчестве Пушкина. В сентябре 1953 г. он вернулся в Ленинград, где во время блокады погибли от голода его жена и сестра. С марта 1955 г. Н. В. Измайлов опять становится сотрудником Пушкинского Дома — Института русской литературы, а в течение 1957—1970 гг. — заведующим его Рукописным отделом.

Борис Иванович Коплан (1898—1942) в списках пушкинодомцев появился с 1920 г. Студент Петроградского университета (1917—1921), он поначалу не занимал в Пушкинском Доме ведущих ролей. На 2 июля он значится научным сотрудником. Жестокая необходимость за-

---

[13] *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 272—346.

ставляла его совмещать учебу в университете и работу в Пушкинском Доме с преподаванием в одной из школ (1920—1924). Тем не менее очень скоро Б. И. Коплан становится незаменимым сотрудником Пушкинского Дома. «Безграничная любовь и преданность Пушкинскому Дому была, кажется, основной чертой его характера и составляла смысл его жизни», — писал о нем в своих воспоминаниях Н. В. Измайлов.[14]

Уже в списках на 14 февраля 1921 г. Б. И. Коплан именуется ученым хранителем Отделения рукописей. Именно так, решая вопрос о пушкинодомских выставках, посвященных Ф. М. Достоевскому и Н. А. Некрасову, представляет его Б. Л. Модзалевский почетному академику А. Ф. Кони в одном из своих писем 25 октября 1921 г.: «Будьте добры передать все, что Вы отобрали для выставки, подателю сего, моему помощнику и хранителю рукописей Пушкин<ского> Дома Борису Ивановичу Коплану. Он довезет все до нас в сохранности — в этом я ручаюсь».[15]

В августе 1926 г. Б. И. Коплан побывал в Тверской губернии — с целью обследования архивных материалов знаменитого просветителя, архитектора и литератора Н. А. Львова (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 277). Специалист по литературе XVIII—начала XIX вв., он оставил подробное описание всех материалов этого периода, выявленных в разных фондах РО ИРЛИ. По сути дела это своеобразный каталог, построенный по алфавиту персоналий. 11 переплетенных томов этого описания находятся в настоящее время в учетном секторе РО ИРЛИ и служат ценным справочником. Б. И. Коплан уже в середине 1920-х гг. стал и секретарем (по современной терминологии — ученым секретарем) Пушкинского Дома.

Б. И. Коплан участвовал во многих пушкинодомских трудах: «Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина» (Пб., 1922); «Некрасов. Неизданные стихотворения, варианты и письма. Из рукописных собраний Пушкинского Дома при Российской Академии наук» (Пг., 1922); «Радуга. Альманах Пушкинского Дома» (Пб., 1922); «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год. Пушкин. Дельвиг. Крылов. Жуковский. Тургенев. Писарев. Герцен. Чернышевский. Полонский. Стасов. Л. Толстой» (Пг., 1922); «Литературные портфели. Статьи, заметки и неизданные материалы по новой русской литературе из собраний Пушкинского Дома. I. Время Пушкина» (Пб., 1923); «А. Н. Радищев. Материалы и исследования» (М.; Л., 1936). В 1924 г. он совместно с Н. В. Измайловым составил путеводитель по Рукописному отделению для коллективной книги «Пушкинский Дом при Российской Академии наук: Исторический очерк и путеводитель» (Л., 1924).

Как и Н. В. Измайлов, Б. И. Коплан был арестован во время «академического дела» и выслан из Ленинграда. Его жена, Софья Алексеевна Шахматова-Коплан, дочь академика А. А. Шахматова, последо-

[14] Там же. С. 292.

[15] Переписка Б. Л. Модзалевского с А. Ф. Кони / Публ. Л. Д. Зародовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 368.

вала за ним в Ульяновск. В Ленинград Б. И. Коплан смог вернуться только в ноябре 1933 г. Но в стенах Пушкинского Дома ему уже больше не довелось работать. В тридцатые годы он трудился по договорам в редакции «Библиотеки поэта», Детиздате и других издательствах. Во время войны ученый был второй раз арестован и скончался в тюрьме.

Таковы судьбы тех людей, кто в самом начале 1920-х гг. составили костяк Рукописного отдела Пушкинского Дома и кого мы по праву можем считать первым поколением пушкинодомцев.

2

Помимо формирования штатов, Пушкинский Дом в пореволюционные годы занимался еще и освоением своих первых собственных помещений. Начиная с 1914 г., когда в связи с Первой мировой войной большая часть здания Академии наук была передана под военный госпиталь, коллекции Пушкинского Дома в запакованном виде хранились в разных концах этого кваренгиевского творения. Рукописные собрания в 1918 г. находились на третьем этаже Академии наук в помещениях Архива Конференции. Об этом свидетельствует, как упоминалось выше, в своих воспоминаниях Н. В. Измайлов.[16]

В 1919 г., после закрытия госпиталя, пушкинодомские коллекции уже размещались на втором этаже здания Академии наук — в анфиладе помещений, выходящих на Неву, и в большом конференцзале «под диплодоком» (слепок скелета огромного ящера, находящийся в этом же помещении). Н. В. Измайлов вспоминал: «Здесь-то, под „сенью диплодока“ (как говорил Борис Иванович Коплан), размещалось разнообразное имущество Пушкинского Дома: множество шкафов, шкафчиков, секретеров, бюро, полок с картонными коробками образовывали запутанную сеть, а между ними стояли в разных местах письменные столы сотрудников. В дальнем углу зала из тех же шкафов и полок был устроен особый „закуток“, служивший кабинетом и рабочим местом Нестору Александровичу Котляревскому. Здесь он работал — всегда в своем неизменном широком темносинем халате, разбирал коллекции гравюр, литографий, портретов и иллюстраций, систематизируя их и определяя; разбирал особенно близкие его сердцу архивы, через него поступившие в Пушкинский Дом и еще не занесенные в инвентарь до окончания их разборки, потому что при этом Н. А. откладывал и даже уничтожал те материалы, которые считал слишком интимными, не имеющими общественно-литературного или исторического значения или могущими компрометировать других лиц...».[17] В зимние месяцы 1920/1921 и 1921/1922 гг., когда помещения Академии наук не отапливались, пушкинодомцы разбирали рукописи в квартире покойного академика А. А. Шахматова, расположенной в этом же здании в нижнем этаже под Малым конференцзалом.

---

[16] *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой. С. 284—285.

[17] Там же. С. 287.

Летом 1920 г. Пушкинскому Дому был передан особняк С. С. и М. П. Абамелек-Лазаревых на Миллионной ул., д. 22. На протяжении нескольких лет он использовался как выставочное помещение, но собрание рукописей сюда не перевозилось. Оно оставалось в стенах Академии наук. И только ранней осенью 1922 г., когда Пушкинский Дом наконец-то смог отремонтировать переданное ему еще в 1919 г. здание Архива бывшего Департамента таможенных сборов на Тифлисской улице,[18] рукописи и другие коллекции покинули здание Академии наук. Н. В. Измайлов так описывает размещение Рукописного отдела в новом помещении: «Нижний этаж состоял из амбаров, запертых тяжелыми железными дверями, под аркадами, на которые опирался верхний этаж. Последний делился вдоль на две неравные части: со стороны двора довольно узкая галерея, с улицы — шесть залов <...> Посередине — большая лестница <...> Галерея слева от входа была занята Рукописным отделом. Вдоль внутренней стены стояли полки с картонками (на открытых полках) или просто с уложенными в закрытых шкафах рукописями (картонок не хватало <...>). В нише у входа был поставлен <...> несгораемый шкаф (сейф), в котором хранились автографы Пушкина. У окон стояли, друг к другу в затылок, письменные столы сотрудников отдела; тут же сажали и читателей — в то время немногочисленных».[19]

Так, с осени 1922 г. и до осени 1927 г., когда произошел переезд Пушкинского Дома в нынешнее здание на набережной Макарова (бывшая Таможня), размещались его рукописные коллекции.

3

Формирование штатов и освоение своих собственных помещений было только внешней стороной существования Пушкинского Дома в первые пооктябрьские годы. Сутью его жизни было совсем иное — собирание архивных и музейных материалов. Во вздыбленной политическим хаосом стране, в холодном и голодном Петрограде, строгое классицистическое здание Академии наук, построенное в конце XVIII в. на берегах Невы архитектором Джакомо Кваренги, становится центром притяжения русской интеллигенции, не желающей, несмотря ни на что, забывать о своих корнях и по-прежнему трепетно относящейся к хрупким листочкам бумаги, хранящим память о глубинных пластах русской культуры. Страх потерять документы, составлявшие семейно-родовую ценность, заставлял многих частных лиц, покидавших революционный Петроград, передавать свои архивы на временное хранение в Пушкинский Дом. Это учреждение, осененное авторитетом покойного великого князя Константина Константиновича и здравство-

[18] План расположения этого здания на «академическом» пятачке Васильевского острова см. в опубликованном письме Б. Л. Модзалевского к Л. Э. Бухгейму: Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова. С. 197.

[19] *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой. С. 296—297; см. план здания в кн.: Пушкинский Дом. Основан в 1905 году. Л., 1925.

вавших Н. А. Котляревского и Б. Л. Модзалевского, представлялось надежным хранилищем, которое не пострадает ни при какой власти.

Осенью 1917 г. одна из газетных заметок сообщала о поступлениях последнего времени: «В Пушкинский Дом продолжают поступать все новые и новые ценности. Бывший лейб-медик Л. Б. Бертенсон обогатил собрание Дома автографами Г. И. Успенского, Я. П. Полонского, Достоевского, Шелгунова, Шеллера-Михайлова, Н. С. Курочкина. Почетный академик А. Ф. Кони передал новую часть своего неистощимого исторического и литературного архива, в котором имеется переписка его отца, Ф. А. Кони, с Гребенкой, Щербиной, Галаховым, бароном Розеном, Неверовым, Ишимовой.

Из личного своего архива А. Ф. Кони пожертвовал все письма к нему Льва Толстого, Максима Горького, А. Н. Апухтина, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, Достоевского, В. Г. Короленко и друг. В. Г. Градовский передал Пушкинскому Дому архив своего отца, Г. К. Градовского, известного публициста, основателя кассы взаимопомощи. Между прочим в нем имеются письма Льва Толстого, С. А. Толстой, Фофанова, Дрожжина, Боборыкина, Леонида Андреева, К. К. Арсеньева, Тихонова-Лугового. Издатель журнала „Старые годы" П. П. Вейнер передал письма известного мемуариста Вигеля из Кишинева пушкинской поры.

Кроме отдельных поступлений от баронессы М. Д. Врангель, Б. Л. Модзалевского, на днях получена часть литературного архива Т. Л. Щепкиной-Куперник с письмами Савиной, Стрепетовой, Федотовой, Репина, Мирры Лохвицкой, В. Гольцева и т.д. К числу этого рода „молодых архивов" следует отнести архив недавно умершего драматурга и беллетриста Ю. Д. Беляева.

Ф. А. Витберг пожертвовал Дому свой личный архив, в который входят письма Герцена к знаменитому архитектору А. А. Витбергу, автору неосуществившегося грандиозного проекта храма Христа Спасителя, а также ряд альбомов и отдельных рисунков этого художника и бумаг, касающихся постройки храма. Командированный в поисках историко-литературного материала по провинции сотрудник А. С. Поляков привез ценный архив издателя первого посмертного собрания сочинений Пушкина, Анненкова, где имеется его большая переписка со всеми корифеями 40—60-х годов».[20]

Полный список поступлений 1917—1919 гг. можно найти в Отчетах Отделения русского языка и словесности.[21] Богатую информацию о комплектовании в 1917—1922 гг. дают архивные материалы фонда 150 (делопроизводство Пушкинского Дома) из Петербургского филиала Архива Российской Академии наук, на которые мы уже ссылались, восстанавливая штатный состав Пушкинского Дома. Отдельные све-

[20] Эвакуация Пушкинского Дома // День. 1917. 13 окт., № 188.

[21] Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1917 год / Сост. Н. А. Котляревский. Пг., 1917. С. 8—16; Отчет... за 1918 год / Сост. И. С. Пальмов. Пг., 1919. С. 20—26; Отчет ... за 1919 год / Сост. Н. К. Никольский. Пг., 1921. С. 33—49. В дальнейшем в нашей статье специальных отсылок к Отчетам при упоминании отдельных эпизодов в комплектовании РО ИРЛИ не дается.

дения можно почерпнуть из делопроизводства РО ИРЛИ. Наконец, колоритные картины собирательской работы нарисованы в воспоминаниях Н. В. Яковлева.

Все поступления времен революции и Гражданской войны условно можно разделить на три группы: 1) пожертвования и покупки, сделанные у частных лиц внутри Петрограда; 2) передача материалов из петроградских музеев, издательств, общественных организаций, банков, прекративших свое существование в революционный период; 3) приобретения от частных лиц и учреждений, расположенных вне бывшей столицы Российской империи.

Следует отметить, что в голодные годы Гражданской войны Пушкинскому Дому удавалось не только принимать материалы в дар, но порой и оплачивать их. Некоторые ассигнования выделялись органами советской власти, среди представителей которых на тот момент было немало образованных людей. Приобретения-покупки имели двойной нравственный смысл: они помогали сохранить духовные ценности, памятники культуры, принадлежащие русскому народу, и нередко спасали от голодной смерти их владельцев, ставших «бывшими» в своей стране. В Архиве Академии наук сохранился черновик доверенности на получение денег, выданный И. А. Кубасову: «Доверенность. Дана сия Ивану Андреевичу Кубасову в том, что он уполномочен мною получить из Комиссариата Народного Просвещения чек на 70 000 (семьдесят тысяч) рублей для приобретения рукописей для Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. 21 ноября 1919 г. № 2764» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 78). Подпись на черновом документе отсутствует.

Первый путь поступления новых материалов в Пушкинский Дом — от частных петроградских владельцев — был самый массовый. Характерно следующее письмо Л. Б. Бертенсона, еще дореволюционного дарителя Пушкинского Дома, помеченное 10 сентября 1917 г. и обращенное к Б. Л. Модзалевскому:

Глубокоуважаемый Борис Львович!

При ликвидации своего добра по случаю отъезда я, при разборе писем, еще нашел целый ряд таких, которые, я полагаю, могут пригодиться для Пушкинского Дома. В приложении Вы найдете следующее:

1) Письма ко мне (Я. П. Полонского, А. Жемчужникова, В. В. Розанова, Ц. А. Кюи, Н. Лейкина, Д. Мережковского, О. Чюминой-Михайловой и записка-автограф А. П. (так! — *Т. И.*) Куприна, в которой он называет себя поручиком).

2) Письмо кн. Вяземского к графу Алексею Толстому.

3) Письмо кн. В. Одоевского к Болеславу Маркевичу.

4) Письмо Репина на имя графини Мерси-д'Аржанто.

5) Письмо Болеслава Маркевича к гр. А. Толстому.

6) Автограф Миклухо-Маклая (записка на имя В. П. Буренина).

7) Серия писем на имя Пешковой-Толиверовой, а именно: Г. Успенского, Л. Шелгунова, Н. Курочкина, Ф. Достоевского, Т. Пассек,

Крестовского-псевдонима, графа Салиаса, А. Н. Пыпина, М. Микешина, Марка Вовчока, А. Шеллера (Михайлова), И. Сурикова.

Относительно последней серии считаю долгом обратить Ваше внимание, что так как А. Н. Пешкова-Толиверова еще находится в живых, то письма, адресованные на ее имя, еще не могут быть использованы для печати.

С искренним уважением и преданностью Л. Бертенсон.

(ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 99)

От Михаила Дмитриевича Беляева, будущего пушкинодомца, в 1917 г. поступил архив его покойного брата, писателя и драматурга Юрия Беляева (1876—1917) (ныне: ф. 24).[22] Среди материалов, помимо рукописей самого фондообразователя, были письма Л. Н. Толстого, Е. А. Салиаса, А. В. Сухово-Кобылина, А. И. Куприна, А. В. Амфитеатрова и др.

От Е. А. Кигн тогда же был принят архив писателя Владимира Людвиговича Кигна (псевд. Дедлов) (1856—1908): его стихотворения, рассказы, корреспонденции времен русско-японской войны, письма В. М. Васнецова, М. В. Нестерова, Л. О. Пастернака, И. Е. Репина, А. П. Чехова и др. (ф. 127).

Вера Васильевна Котляревская, первая жена Н. А. Котляревского,[23] передала комплекс писем к ней разных лиц, среди которых был и великий князь Константин Константинович (ф. 135).

В 1917 г. было приобретено Пушкинским Домом собрание автографов, принадлежавшее Александру Алексеевичу Корсуну (1818—1891): материалы В. Г. Бенедиктова, П. А. Вяземского, Г. Р. Державина, В. Ф. Одоевского, Ф. И. Тютчева, Н. Ф. Щербины и др. (ф. 351).

Через баронессу Марию Дмитриевну Врангель (урожд. Дементьеву-Майкову; 1857—1944), мать покойного историка искусства Николая Николаевича Врангеля (1880—1915; ф. 60) и известного деятеля белого движения Петра Николаевича Врангеля, другая баронесса, Софья Михайловна Энгельгардт, в 1917 г. передала визитную карточку А. С. Пушкина, письма Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, В. И. Даля, И. С. Тургенева, А. А. Краевского, А. Н. Майкова, Л. Н. Толстого, А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. А. Голенищева-Кутузова и др. В дальнейшем М. Д. Врангель, добрый друг Пушкинского Дома еще с дореволюционных времен, неоднократно способствовала пополнению его коллекций. Так, в 1918 г. через нее поступили материалы поэта и юриста Сергея Аркадьевича Андреевского (1847—1918) (ф. 638), скончавшегося в октябре месяце. Также через посредство М. Д. Врангель от Александры Петровны

---

[22] В дальнейшем указание на номер фонда приводится лишь в том случае, если поступившие материалы составили отдельный фонд. Случаи, когда документы вошли в Разряд I (отдельные поступления) или были присоединены к другим фондам, специально не оговариваются.

[23] *Кузьмина Л. И.* В. В. Пушкарева-Котляревская // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 24—32.

Араповой (1845—1919), урожденной Ланской, дочери Н. Н. Пушкиной-Ланской, поступили ее «Воспоминания» — весьма спорные, но имеющие свою историко-культурную ценность.

М. Д. Врангель прожила в Петрограде до конца 1920 г., служа в Музее города (Аничков дворец) на разных должностях (эмиссар, научный сотрудник, хранитель). С февраля 1920 г., когда П. Н. Врангель стал главнокомандующим вооруженными силами юга России, ее положение стало чрезвычайно опасным. В своих письмах к мужу, покинувшему Петроград еще в 1918 г., она, уже выбравшись из России в Финляндию, писала: «Мои доброжелатели заволновались. Некоторые предлагали мне переменить паспорт, другие переехать в окрестности (Петрограда. — *Т. И.*). Одна организация предложила ежемесячно меня субсидировать из каких-то сумм Колчака, чтобы я оставила службу; два больших учреждения в память Коки (Н. Н. Врангеля. — *Т. И.*) также предложили свою помощь».[24] Из соображений безопасности тех, кто оставался в советской России, М. Д. Врангель не могла открыто назвать «два больших учреждения», которые пытались ей помочь, но у нас есть все основания полагать, что это были Академия наук и Пушкинский Дом.

Сами пушкинодомцы также задумывались над судьбой собранных ими в частные коллекции материалов. 24 октября 1917 г., буквально накануне Октябрьского переворота, ощущая нарастающее дыхание грядущей смуты, Б. Л. Модзалевский пишет в Пушкинский Дом официальное письмо: «За время моих уже свыше двадцатилетних занятий историей русской литературы и изучения биографий ее деятелей в моих руках мало-помалу сосредоточилось довольно значительное количество рукописных материалов, — частию разысканных мною по разным специальным поводам, частию притекших ко мне случайно. Материалы эти в некоторой их части были мною использованы для печати в моих работах, значительное же их количество осталось неиспользованным, за недосугом ли, или за отвлечением к другим темам и вопросам.

Так составилась у меня довольно большая коллекция целых архивов историко-литературного (по преимуществу) значения, а также отдельных рукописей и автографов; оставлять все эти материалы в своем частном владении, особенно при переживаемых теперь обстоятельствах, представляется мне нецелесообразным, так как вряд ли мне самому удастся разработать то, что еще не разработано, между тем как став достоянием какого-либо учреждения, мое собрание может быть представлено в общественное пользование и привлечь к себе не одного исследователя...» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 122—123). И далее следует список имен, автографы которых имеются у Модзалевского: семья С. Т., И. С. и К. С. Аксаковых, Г. Р. Державин, В. А. Жуковский, Н. И. Надеждин, поэты В. Г. Тепляков и Д. П. Ознобишин, писатель-мистик А. Ф. Лабзин, профессор М. Я. Мудров и др. Навер-

[24] *Врангель Н. Е.* Воспоминания: От крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 408. Впервые письма М. Д. Врангель были опубликованы: *Врангель М. Д.* Моя жизнь в коммунистическом раю // Архив русской революции. Берлин, 1922. Кн.4. С. 198—214.

ху письма имеется карандашная помета Н. А. Котляревского о выплате за эти материалы 2500 рублей.

Осенью 1917 г. Б. Л. Модзалевский передал в Пушкинский Дом также материалы своего дяди Константина Николаевича Модзалевского (1844—1917), скончавшегося 19 октября (ныне все материалы Б. Л. Модзалевского и его семьи находятся в составе ф. 184).

18 декабря 1917 г. давний пушкинодомский даритель А. Ф. Кони передал письма к нему покойного президента Академии наук, великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 2, л. 17). В Архиве Академии наук сохранился также список автографов, принесенных в дар А. Ф. Кони на протяжении всего 1917 г. Здесь мы находим письма к нему И. С. Аксакова, А. Н. Апухтина, А. Д. Галахова, Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко, А. Н. Майкова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. П. Чехова и др. (там же, л. 19). В настоящее время все материалы А. Ф. Кони, поступавшие в разные годы, составили фонд 134.

Другой владелец историко-культурных документов, С. А. Феоктистова, вдова Евгения Михайловича Феоктистова (1828—1898), автора мемуаров, в том числе и о И. С. Тургеневе, с которым он был близок в молодости, 5 апреля (по новому стилю) 1918 г. обращалась к Н. А. Котляревскому со следующими словами: «Согласно нашей с Вами беседе, направляю к Вам архив моего мужа, уже разобранный. При нем опись всего имущества. Я крайне сожалею, что несмотря на мое глубокое сочувствие культурным задачам Пушкинского Дома, я лишена возможности материалы эти принести ему в дар. Ввиду крайне критического моего положения из этих дорогих и многозначащих для меня материалов, как ни горько — мне приходится сделать их предметом коммерции» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 132). Документы Е. М. Феоктистова ныне в РО ИРЛИ составляют его личный фонд 318.

Живя летом 1918 г. в Гатчине, Б. Л. Модзалевский в одном из своих писем к Н. А. Котляревскому напоминает о необходимости «довести до окончания негоциации» с Татьяной Борисовной Семечкиной (урожд. Данзас) (1844—1919). «Я убежден, что если мы пропустим приобрести ее собрание, нам этого не простят», — заключает Б. Л. Модзалевский.[25] Архив был приобретен и ныне составляет в РО ИРЛИ фонд 276.

В июне 1918 г. в Пушкинский Дом поступил родовой архив семьи Стасовых, оставивших столь значимый след в русской культуре. Здесь имеются биографические документы знаменитого архитектора Василия Петровича Стасова (1769—1848). Обширны и многообразны материалы его сына, музыкального и художественного критика Владимира Васильевича (1824—1906): его личные документы, статьи, переписка. В архиве значатся также материалы юриста и общественного деятеля Дмитрия Васильевича (1828—1918) и его жены Поликсены Степановны, урожденной Кузнецовой (1839—1918). Третье поколение

[25] Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова. С. 207.

Стасовых представлено документами Елены Дмитриевны (1873—1966), участницы революционного движения, и Варвары Дмитриевны (в замужестве Комаровой) (1862—1942). В. Д. Комарова, вскоре ставшая сотрудницей Пушкинского Дома, как сказано выше, и описала архив своей семьи (ф. 294).

29 октября 1918 г. Дмитрий Николаевич Любимов (1864—1942), крупный государственный чиновник и коллекционер автографов, просит Пушкинский Дом принять на временное хранение его собрание (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 198). «Временное хранение» обернулось постоянным: ныне любимовская коллекция зарегистрирована в РО ИРЛИ как фонд 160. Здесь интересны прежде всего пять больших альбомов с автографами видных деятелей русской культуры.

21 ноября Дмитрий Владимирович Философов (1872—1940) передал в Пушкинский Дом мемуары Е. В. Дягилевой, мачехи знаменитого импресарио С. П. Дягилева, и свои собственные «Записки» (там же, л. 211—212). Эти документы положили основу фонду Павла Павловича (1848—1914) и Елены Валерьяновны Дягилевых (1853—1919) (ф. 102). 14 декабря К. С. Лозина-Лозинский доставил в Пушкинский Дом рукописи своего покойного сына, поэта, прозаика и критика Алексея Константиновича Лозина-Лозинского (1886—1916), чьи материалы сейчас составляют фонд 161 (там же, л. 225).

В том же 1918 г. Н. С. Боткина-Враская, с 1 июля 1919 г. ставшая научным сотрудником, а затем хранителем музея Пушкинского Дома, передала коллекционный альбом Марии Петровны Фет (урожд. Боткиной) с автографами А. С. Пушкина (лист с автографом поэта ныне находится в ф. 244), Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. А. Фета, Ф. И. Тютчева и др., а также собрание писем В. П. Боткина к родным. От Марианны Борисовны Черкасской-Палечек (1876—1934), певицы, артистки Мариинского театра, поступили письма к ней М. Г. Савиной, В. Ф. Коммисаржевской, Э. Ф. Направника и др. (ф. 310). Оказался в Пушкинском Доме и архив другого артиста — Модеста Ивановича Писарева (1844—1905) (ф. 231).

В 1919 г. частные владельцы историко-культурных документов продолжали смотреть на Пушкинский Дом как на свою надежду и опору. 5 марта 1919 г. князь Эспер Эсперович Ухтомский, бывший редактор «Санкт-Петербургских ведомостей», предложил принять у него полный комплект газеты, а также личный архив. Э. Э. Ухтомский проживал в Царском Селе. Вывезти архив в Петроград в тот момент у Пушкинского Дома возможности не было. Поэтому «положено было благодарить Э. Э. Ухтомского за это пожертвование и предложить ему взять на себя охрану его впредь до перевозки в Пушкинский Дом» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 96). 5 мая 1920 г., желая оградить князя Э. Э. Ухтомского от пресловутых «уплотнений» и «выселений», Пушкинский Дом выдает ему следующее удостоверение: «В дополнение к ранее выданным и ныне подтверждаемым свидетельствам о поручении Пушкинским Домом при Российской Академии наук гражданину Э. Э. Ухтомскому (жительствующему в Детском Селе по Средней 34/5) хранить и научно разрабатывать пожертвованные им

обширнейшие комплекты и архив „Санкт-Петербургских ведомостей", Пушкинский Дом сим вновь обращается к советской власти Детского Села с просьбою оказывать ему (Ухтомскому) просвещенное содействие в его занятиях и трудах, не стесняя его и не перенося в другие помещения собранного им богатого историко-литературного материала, который Академией будет немедленно взят, как только дозволят условия транспорта» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 66). Архив Э. Э. Ухтомского (1861—1921) в стены Пушкинского Дома попадет много позднее — 10 марта 1927 г., уже и после смерти Э. Э. Ухтомского, и после кончины княгини М. В. Ухтомской (ф. 314).

Многие пожилые люди, желавшие оставить все свои земные дела в порядке, именно в Пушкинском Доме видели последнее пристанище для своих рукописных сокровищ. 29 марта 1919 г. Георгий Карцов, секретарь поэта А. Н. Апухтина, писал: «Препровождая при сем в Пушкинский Дом при Академии наук две тетради с произведениями поэта Алексея Николаевича Апухтина, в них вписанными мною, прошу Академию принять рукописи на хранение». А. Н. Апухтин диктовал эти стихи в 1880—1893 гг. «Более полного собрания произведений А. Н. Апухтина, — писал даритель, — не имеется». Далее Г. Карцов продолжал: «Приближаясь к концу <жизни>, в переживаемое нами время, когда необходимо принять все меры к охране русского искусства, старины и красот отечественной литературы, считаю необходимым передать мои записи Академии Наук, в хранилище, носящее имя того, которого А. Н. Апухтин ценил до самозабвения и пред гениальностью которого преклонялся всю жизнь» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 41—42).

В июне 1919 г. через композитора Сергея Михайловича Ляпунова покупаются архивные материалы Владимира Ивановича Даля (там же, л. 86—92). В 1922 г. от С. Ф. Платонова поступила еще часть архива Казака Луганского. Ныне все материалы В. И. Даля составляют фонд 90.

Чуть позднее, 9 августа 1919 г., приобретается архив Я. П. Полонского. Сохранился следующий документ, свидетельствующий об этой странице комплектования Пушкинского Дома — денежная доверенность вдовы поэта Жозефины Антоновны Полонской (1844—1920): «На основании завещанного мне покойным моим мужем Яковом Петровичем Полонским права собственности на все его движимое имущество, а равно и на все его произведения и переписку — доверяю сыну моему Борису Яковлевичу Полонскому передать архив Я. П. Полонского Пушкинскому Дому при Академии Наук, а равно и получить причитающиеся мне по сей передаче деньги. 9 августа 1919 года» (там же, л. 120).

Через год, 21 мая 1920 г., Пушкинский Дом выдал Борису Яковлевичу Полонскому, сыну поэта, мандат о том, что его квартира находится под защитой Академии наук (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 82). Сохранился и запрос Пушкинского Дома от 31 июля 1922 г. в Ревтрибунал по поводу картин Я. П. Полонского и других ценных вещей, конфискованных после расстрела Н. А. Елачича, женатого на

дочери Я. П. Полонского (там же, л. 79). В настоящее время рукописные материалы Якова Петровича Полонского (1819—1898) находятся в его личном фонде 241 и так называемой разрядной описи (Р. I, оп. 23).

6 ноября 1919 г., обращаясь к Б. Л. Модзалевскому, предлагает к продаже свои рукописи Федор Сологуб: «До настоящего времени я тщательно хранил у себя мои рукописи, хотя при переездах кое-что и терялося. Теперь хранение рукописей и переписки в частной квартире становится делом рискованным. Кроме того, по причинам слишком понятным, чтобы о них стоило распространяться, я желал бы часть их продать. Поэтому очень прошу Вас сообщить мне, не желает ли Пушкинский Дом приобрести у меня рукопись моего первого романа „Тяжелые сны" или другие рукописи. Поощряет меня обратиться к Вам и то, что я слышал в заседании в Публичной библиотеке относительно тенденций Пушкинского Дома в деле собирания материалов по новой русской литературе» (там же, л. 181—182).

Нам неизвестно, состоялась ли в 1919 г. эта покупка. Архив же Ф. Сологуба после смерти писателя, последовавшей в декабре 1927 г., уже 20 февраля 1928 г. был передан в Пушкинский Дом Ольгой Николаевной Черносвитовой (урожд. Чеботаревской; 1872—1943), свояченицей Ф. Сологуба (ф. 289).[26]

В Отчете Отделения русского языка за 1919 г. среди даров и покупок у частных лиц называется собрание писем к Людмиле Федоровне Грамматиковой (1860—1937), сестре А. Ф. Кони (ф. 38). Другой блок эпистолярии поступил от Л. Ф. Маркс — письма известных деятелей культуры к книгоиздателю Адольфу Федоровичу Марксу (1838—1904) (ф. 175). От Н. А. Пыпина, сына академика А. Н. Пыпина, были получены письма И. С. Тургенева к Н. А. Милютину и письма А. В. Головнина к великому князю Константину Николаевичу. К этому же году относится приобретение альбома Александры Александровны Альбрехт-Углицкой с записями М. Ю. Лермонтова, Н. В. Кукольника, А. С. Даргомыжского и др. Тогда же был куплен архив Владимира Павловича (1828—1889) и Павла Владимировича (1859—1918) Безобразовых, содержащий, кроме прочего, письма А. А. Бестужева-Марлинского, А. А. Оленина, П. М. Полторацкого к П. Н. Безобразову, их отцу и деду (ф. 23). Поступил в Пушкинский Дом и архив одного из основателей Литературного фонда Виктора Павловича Гаевского (1826—1888) (ф. 67).

Событием 1919 г. стало поступление в Рукописный отдел части знаменитой коллекции рукописей по истории России XVIII—XIX вв., прнадлежавшей Павлу Яковлевичу Дашкову (1849—1910). Еще 1 декабря 1918 г. Андрей и Дмитрий Яковлевичи Дашковы, братья покойного коллекционера, также участвовавшие в формировании его собрания, обратились в Академию наук с просьбой принять в дар «все рукописи, библиотеку, собрание портретов и рисунков, равно предметов исторического, литературного и бытового значения, находящихся

[26] Письмо О. Н. Черносвитовой к Т. Н. Чеботаревской / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317—320.

здесь в Петрограде в доме № 4/5 по Михайловской площади, как в особом помещении архива, так и в жилых комнатах» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 3, л. 19). Через некоторое время положение изменилось, и Дашковы вынуждены были вести переговоры о передаче собрания на основе продажи.

19 мая 1919 г. Академия, изыскивая 350 000 рублей, запрошенных владельцами коллекции, написала следующую памятную записку, предназначенную властным структурам и лицам, к ним близким:

«Известное с давнего времени всем русским ученым собрание Павла Яковлевича Дашкова представляет собою огромную научную ценность для исследователей русской истории, русской литературы и русской общественной жизни, начиная с XVI века до наших дней. Сохранение этой научной сокровищницы во всем ее целом, по мнению Академии Наук, является насущно необходимым в интересах русской науки и общественности. Академия вошла в переговоры с братьями Дашковыми о передаче всего этого архива, собранного общими стараниями и на общие средства братьев, в Академию Наук на известных материальных условиях, для выполнения этих условий со стороны Академии необходима сумма в 350 000 р. Академия Наук не утруждала бы Комиссариат просьбою о предоставлении ей этой суммы, если бы за последнее время не пришлось встретиться с конкурентами — людьми, несомненно, частными, которые также имеют в виду приобретение этого первоклассного собрания». Далее следуют подписи А. А. Шахматова, С. Ф. Ольденбурга и Н. А. Котляревского. Внизу стоит помета: «Передано q. v.[27] А. М. Пешкову-Горькому» (там же, л. 13).

Вопрос о выделении денег на покупку дашковского собрания был решен на удивление быстро. Уже 22 мая 1919 г. Академия получила соответствующее извещение, а 20 июля Б. Л. Модзалевский и И. А. Кубасов в присутствии представителя Государственного контроля А. Ф. Маркова приняли у Дашковых 166 томов рукописных материлов, имеющих отношение к литературе. Всего же в Пушкинский Дом поступило 525 томов и коллекция отдельных автографов.

В Архиве Академии наук имеется недатированный документ со следующей характеристикой коллекции: «Для целей и задач, преследуемых собственно Пушкинским Домом, коллекция Дашкова имеет совершенно исключительное значение: представители русской литературы конца XVIII и всего XIX века в Дашковское собрание вошли, можно сказать, все без исключения. Не говоря об отдельных автографах Пушкина, Гоголя (так называемые „уничтоженные бумаги"), гр<афа> Л. Н. Толстого, Тургенева („Стихотворения в прозе"), Достоевского, гр<афа> А. К. Толстого, следует назвать два обширнейших литературных архива — В. Р. Зотова (до 65 томов) и А. В. Старчевского (свыше 85 томов), в которых можно найти разнообразные материалы по русской литературе и журналистике 1830—1890 гг. во всем разнообразии и многообразии их представителей. Архивы Н. И. Греча, кн<язя>

[27] Латинская аббревиатура читается с трудом. Вероятно, q. v. (quod vide), то есть «смотри это (там-то)».

В. Ф. Одоевского, Д. П. Рунича, Н. С. Лескова, С. Н. Терпигорева (Атавы), В. О. Михневича, Н. В. Кукольника, Н. С. Савельева, П. А. Каратыгина, С. Н. Шубинского, П. И. Мельникова (Печерского), О. И. Сенковского (барона Брамбеуса) вошли в Дашковское собрание целиком или частями. Из отдельных рукописей укажем на автографы Радищева, Державина, Новикова, Гончарова, Писемского, Островского, Салтыкова (Щедрина)...» (там же, л. 99). И далее следует обширнейший список, включающий в себя весь цвет русской литературы.

Документы исторического характера, отложившиеся в коллекции Дашковых, тогда же, в 1919 г., передавались в Библиотеку Академии наук и в Азиатский музей. Братьям Дашковым сразу же было выплачено 150 000 рублей; выплата оставшейся суммы стоила огромного напряжения со стороны Академии, постоянно напоминавшей властям об этих деньгах, но, кажется, деньги все-таки были уплачены сполна. Впрочем, инфляция вскоре их полностью обесценила.

В это же время Пушкинский Дом озаботился судьбой той части коллекции Дашковых, которая располагалась в имении Надбелье Лужского уезда Петроградской губернии. Сохранилось удостоверение, выданное в связи с поездкой в Надбелье Александру Лаврентьевичу Азарову 15 марта 1919 г. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 15). Имеются подобные же удостоверения на разные даты, выданные и другим лицам. По-видимому, в этот период удалось вывезти дашковские материалы из Надбелья только в Лугу — в Петроград они не попали. И лишь в 1923 г. Пушкинский Дом смог возвратиться к решению этого вопроса. Пушкинодомцы связались с Лужским уездным Домом просвещения, и рукописи в конце концов оказались в Рукописном отделе (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1923), № 2, л. 11, 105).

Хлопоты Пушкинского Дома по воссоединению материалов Дашковской коллекции были продолжены и позже. Так, 25 мая 1925 г. Институт книговедения передает в Пушкинский Дом материалы И. С. Тургенева, которые С. А. Венгеров, основатель Книжной палаты (впоследствии Институт книговедения), брал когда-то у Дашковых для своей исследовательской работы (напомним, что венгеровский архив после его смерти первоначально оказался в Институте книговедения). Точно так же из Москвы, из Исторического музея, были переданы документы семейного архива Дашковых (документы с XVII в.), отправленные владельцами в Музей еще в 1918 г.

Ныне Дашковское собрание, частью в дальнейшем переданное Пушкинским Домом в другие учреждения, частью пополненное поступлениями начала тридцатых годов из БАН, частью расформированное внутри самого Рукописного отдела, составляет фонд 93 (4396 ед. хр.).

Судьба Д. Я. Дашкова, одного из владельцев коллекции, оказалась и в последующие годы тесно связанной с Пушкинским Домом. В ночь с 5 на 6 сентября 1919 г. на квартире Дашковых произошел обыск. Были изъяты ценности, в том числе представлявшие не только денежный, но и историко-культурный интерес. Опасаясь за их судьбу, братья обратились за поддержкой в Академию наук, и Академия, как и в дру-

гих случаях подобного рода, написала в соответствующие инстанции необходимое заявление. Но заявления, исходившие из стен Академии, в глазах репрессивной власти не имели никакого веса. Обыск был повторен в ночь с 20 на 21 сентября. Произведенные конфискации оставили престарелого Д. Я. Дашкова в буквальном смысле без средств существования.

В 1920—1925 гг. Д. Я. Дашков продолжал время от времени продавать Пушкинскому Дому остатки коллекции. Желая материально поддержать пожилого коллекционера, Пушкинский Дом в течение некоторого времени периодически оформляет Д. Я. Дашкову выплату денег за работу по договору. В Архиве Академии наук сохранилось несколько счетов подобного рода:

Счет в Пушкинский Дом Академии наук СССР
Дмитрия Яковлевича Дашкова.

За работу по систематизации находящегося в Пушкинском Доме Дашковского собрания рукописей в течение августа месяца сего года следует мне получить по соглашению сто рублей.

Д. Дашков.

1.IX.1926 г.

Внизу стоит виза Б. Л. Модзалевского: «Счет верен, работа исполнена» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 3, л. 143). В январе 1927 г. Финансово-контрольный отдел Губисполкома не утвердил очередной счет на сто рублей. Основание: «...эта работа, именуемая сдельной, тянется месяцами, является скрытым увеличением штатов и противоречит п. 2 расп<оряжения> Правит<ельства> о проведении режима экономии» (там же, л. 162). В 1926 г. Пушкинский Дом хлопотал о назначении персональной пенсии Д. Я. Дашкову в связи с ценностью переданного им государству рукописного собрания. Скончался Д. Я. Дашков в 1928 г.

Однако вернемся к истории комплектования Отделения рукописей в первые пореволюционные годы. Рукописные собрания Пушкинского Дома столь же активно, как в 1917—1919 г., частными лицами пополнялись и в 1920 г. В Архиве Академии наук сохранилось предсмертное письмо от 2 февраля 1920 г. известного историка литературы и театра и пушкиниста Петра Осиповича Морозова (1854—1920), члена Комиссии по изданию сочинений А. С. Пушкина, еще с дореволюционных времен сотрудничавшего с Пушкинским Домом (см.: ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 39, 224). П. О. Морозов писал Б. Л. Модзалевскому:

Дорогой Борис Львович,

Злая болезнь гонит меня под нож хирурга. Ускользну ли «худой, обритый, но живой», или... Во всяком случае, моя песня спета, и надо ликвидироваться. Будьте так добры, зайдите к моей жене (со двора, с Ивановской, налево, по грязной лестнице, кв. № 7): она Вам передаст мои бумаги, которые я давно собирался отдать в П. Д., и кроме того,

еще поройтесь у меня в столах (и на столах) — мне самому сделать это некогда — и возьмите, что захотите.

Привет всем пушкинистам.

Жму Вашу руку.

Moriturus te salutat.[a]

П. Морозов.

(ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 11)

Ныне все материалы П. О. Морозова, переданные им и его родными в разное время, составили фонд 191: его научные труды; личные документы и материалы по деятельности на театральном поприще; обширная переписка; материалы его жены Анастасии Юрьевны Морозовой и сына Ю. П. Морозова.

Весной 1920 г. Пушкинский Дом узнает от своей сотрудницы В. Д. Комаровой, что в ведении Аркадия Георгиевича Горнфельда находится архив известного критика и публициста Николая Константиновича Михайловского (1842—1904) и журнала «Русское богатство», им издававшегося. 19 апреля к держателю архивов отсылается официальное обращение с просьбой передать материалы в Пушкинский Дом, «где они нашли бы себе достойное место хранения» (там же, л. 60), а уже 18 мая было принято 20 папок и 15 отдельных конвертов, составляющих архив Н. К. Михайловского (там же, л. 79). В настоящее время фонд Н. К. Михайловского насчитывает 1375 единиц хранения (ф. 181). С архивом «Русского богатства» А. Г. Горнфельд расстанется позднее, в 1925 г.

21 апреля 1920 г., вскоре после кончины Федора Дмитриевича Батюшкова (1857—1920), известного историка литературы, театрального критика, общественного деятеля, составляется договор, подписанный Н. А. Котляревским и наследниками Ф. Д. Батюшкова о продаже его коллекции Пушкинскому Дому в рассрочку за 200 000 рублей. Покупка осуществлялась в пользу малолетних удочеренных детей Ф. Д. Батюшкова — Марии и Елены (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 3). Помимо гравюр и старинных портретов, бывших в коллекции фондодержателя, в Пушкинский Дом пришли рукописи Л. Н. Андреева, А. А. Блока, К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, В. Г. Короленко, А. И. Куприна, Д. С. Мережковского, В. С. Соловьева, А. П. Чехова и др. Ныне фонд Ф. Д. Батюшкова насчитывает 848 единиц хранения (ф. 20).

Пушкинодомцы первого поколения с огромным уважением относились к имени последнего дореволюционного президента Академии наук великого князя Константина Константиновича. 9 сентября 1920 г. от академика С. Ф. Платонова Рукописный отдел принял четыре пакета с рукописями К. Р. Через десять лет хранение материалов Константина Константиновича будет рассматриваться как «укрывательство

[a] Обреченный на смерть приветствует тебя (*лат.*).

в контрреволюционных целях» и станет одним из поводов к «академическому делу».

В том же 1920 г. Пушкинский Дом обратился в Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений с просьбой ассигновать 120 000 рублей на приобретение у наследников архива академика Александра Васильевича Никитенко (1805—1877) (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 70). Деньги были выделены в июле (там же, л. 142) и вскоре появился Акт о приемке материалов А. В. Никитенко и их опись (там же, л. 153, 163). Ныне фонд А. В. Никитенко составляет 1676 единиц хранения: дневники и записные книжки фондообразователя; материалы к биографии и по деятельности (в том числе и о его служебной деятельности как цензора); произведения П. А. Вяземского, И. А. Гончарова, А. Н. Майкова, О. Ф. Миллера и других лиц; письма Д. В. Григоровича, В. И. Даля, А. П. Керн, Н. А. Некрасова, В. Ф. Одоевского, В. А. Соллогуба и др. (ф. 205).

В 1920 г. велись переговоры Пушкинского Дома с Н. К. Ушинской об архиве ее отца, знаменитого педагога Константина Дмитриевича Ушинского (1824—1870) (там же, л. 201—204; ф. 316).

В Архиве Академии наук сохранился недатированный (относим к 1920 г.) черновик заявления Анны Кирилловны Стравинской, вдовы артиста Мариинского театра, владельца великолепной коллекции автографов деятелей культуры Федора Игнатьевича Стравинского (1843—1902): «Желая сохранить, в воспоминание о муже моем, покойном артисте Федоре Игнатьевиче Стравинском, и о его научных и художественных интересах собранную им, в продолжение всей его жизни, библиотеку, коллекцию гравюр, иллюстрированных изданий, автографов и документов, его личную переписку, портреты писателей и других деятелей, и считая, что Пушкинский Дом является учреждением, наиболее подходящим для хранения всех означенных выше собраний, я прошу принять их от меня как знак сочувствия научным целям Пушкинского Дома» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 212).

В деле фонда 297 (Ф. И. Стравинский), хранящемся в справочно-учетном секторе РО ИРЛИ, находится расписка А. К. Стравинской за полученные деньги: «За уступленные мною Пушкинскому Дому рукописи разных писателей (Достоевского, Григоровича, Писемского, Майкова и др.) получила сорок тысяч рублей. А. Стравинская. 3 дек<абря> 1920». В коллекции Ф. И. Стравинского содержатся сценарий оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама», составленный М. И. Чайковским, письма Ц. А. Кюи, Э. Ф. Направника, Н. А. Римского-Корсакова и др.

В конце 1920 г. в Пушкинский Дом поступает большой комплекс материалов, связанных с именем Ф. М. Достоевского. Это архив, хранившийся на квартире Анны Григорьевны Достоевской, с которой Пушкинский Дом начал вести переговоры еще накануне революции. В Архиве Академии наук сохранилось ее письмо от 12 апреля 1916 г., в котором она собиралась «просить совета насчет архива, приведения его в порядок» (ПФА РАН, ф. 2, оп. 1 (1913), № 42, л. 161). А. Г. Достоевская умерла 22 июня 1918 г. в Ялте, так и не успев сама осуществить

передачу архива в Пушкинский Дом. Немало документов погибло в ее петроградской квартире, оставленной без присмотра, но часть материалов тем не менее оказалась в Рукописном отделе (ф. 100). Это автографы произведений Ф. М. Достоевского, копии их рукою жены, корректуры; отрывки из записок и дневников А. Г. Достоевской, ее переписка; ее письма к мужу; письма разных лиц к писателю и др.

Спасению архива Ф. М. Достоевского, не исключаем, способствовал Николай Грацианович Пиотровский. Сохранился черновой вариант благодарственного письма Б. Л. Модзалевского к нему: «От имени Пушкинского Дома приношу Вам выражение искреннейшей благодарности за содействие, оказанное Вами в передаче Дому бумаг, книг и вещей, имеющих отношение к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского. Благодаря Вашему истинно просвещенному вниманию к задачам и делам Дома, его небольшое собрание материалов о Достоевском ныне значительно увеличилось, обогатилось и рукописями самого писателя, и письмами к нему различных литераторов, друзей и знакомых, книгами из его библиотеки, и другими предметами, имеющими к нему то или иное отношение. Значение Вашего участия в делах передачи наследия Достоевского в Пушкинский Дом усугубляется еще тем, что без Вашего вмешательства в судьбу этого наследия оно, без сомнения, погибло бы, подобно многим и многим другим.

В воспоминание о Пушкинском Доме не откажите принять препровождаемую при сем бронзовую медаль, выбитую Академией Наук в память столетия дня рождения Пушкина, и сохраните ее как знак признательности Дома за неоднократно уже проявленное Вами внимание к его интересам и научной деятельности» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 259).

В ответ было получено следующее письмо:

Глубокоуважаемый Борис Львович!

Сердечно тронут оказанным мне вниманием Вашим по поводу моего скромного участия в разыскании наследия Ф. М. Достоевского.

Писатель этот был неизменным властителем моих дум и я бесконечно счастлив, что судьбе угодно было натолкнуть именно меня на это наследие. Я пережил несколько незабываемых минут...

Всегда буду рад служить Пушкинскому Дому — всегда и везде, куда бы ни закинули меня обстоятельства.

Искренно Вас уважающий и преданный Вам Н. Пиотровский.

21.XII.1920. С.-Петербург.

(Там же, л. 260).

В 1921—1922 гг. активные действия пушкинодомцев по поиску и спасению рукописных материалов в частных коллекциях были продолжены. Одним из тех, кто включился в поездки по городу, стал Николай Васильевич Яковлев (1891—1981). Н. В. Яковлев, специалист по творчеству А. С. Пушкина и М. Е. Салтыкова-Щедрина, в 1915 г. закончил историко-филологический факультет Петроградского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию

(1916—1918). В 1916 г. он уже вошел в круг лиц, живо интересовавшихся делами Пушкинского Дома: его имя называется среди тех, кто разбирал рукописи. Н. В. Яковлев был политизированным человеком, и на протяжении 1905—1909 гг. участвовал в работе социал-демократической организации учащейся и рабочей молодежи Петербурга.[28] В феврале-июле 1917 г. он работал в Литературном отделе Исполнительного комитета Петроградского Совета. Очевидно, что его политические воззрения этого времени были весьма радикальными. В конце лета 1917 г. Н. В. Яковлев по приглашению С. А. Венгерова, учеником которого он был, переходит на работу в только что созданную Книжную палату. Вместе с другими сотрудниками этого учреждения (А. Г. Фомин, А. А. Шилов, Л. К. Ильинский, А. С. Поляков, И. А. Шляпкин, В. В. Буш и т. д.) Н. В. Яковлев много сделал для собирания печатной продукции разных политических партий. Однако Октябрьский переворот им принят не был. Как и весь коллектив Книжной палаты, он участвует в забастовке, направленной против большевиков. Впоследствии ученый покинул Петроград. Известно, что в сентябре—начале октября 1918 г. Н. В. Яковлев как представитель Книжной палаты пребывал в Самаре, где в это время власть принадлежала Учредительному Собранию. С мая по декабрь 1919 г., при Колчаке, он был директором Временного бюро Книжной палаты в Омске. К концу Гражданской войны Н. В. Яковлев переехал в Москву, а затем вернулся в Петроград. В 1921 г. в Пушкинском Доме он занял должность эмиссара. С 1924 г. преподавал в различных вузах Ленинграда, Кирова, Малмыжа, Пскова, Свердловска. Вторично в Пушкинский Дом он вернется на краткий период в середине пятидесятых годов (1952—1957).[29]

В начале 1920-х гг. Н. В. Яковлев оказался активным ревнителем пушкинодомских интересов. Так, где-то на Поклонной горе в маленьком домике сестер известного историка и публициста, академика Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (1829—1897) Н. В. Яковлевым был найден его архив. В своих воспоминаниях он так описывал свою встречу с двумя престарелыми представительницами «старого режима» в послереволюционной России: «Дверь медленно открывается. Передо мною две маленькие старушки, точно сошедшие с французской картины XVIII века. Высокие прически со взбитыми локонами, но только не напудренными, как у французских маркиз, а седыми. На шее, на плечах, на груди ленточки, прошивочки, кружева. Две пары глаз уставились на меня. В них — испуг и покорность судьбе.

Я поспешил их всячески успокоить, назвал поскорее Академию наук, Котляревского, Модзалевского. Обрадованные старушки подводят меня к шкафчику и шифоньерке. Там на полочках — ящички и коробочки. В одних — письма, перевязанные голубыми и розовыми лен-

---

[28] *Яковлев Н. В.* Выбор цели // Заря надежды: Социал-демократическая организация учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905—1909). Л., 1982. С. 269—312.

[29] *Яковлев Н. В.* Дни Октября / Публ. Г. Н. Яковлева, послесловие Г. В. Михеевой // Историко-библиографические исследования: Сб. науч. трудов. СПб., 1995. Вып. 5. С. 111—126.

точками. В других — рукописи исторических работ. Сестры свято сохранили научное наследие своего брата».[30]

Архив К. Н. Бестужева-Рюмина (ф. 27) ныне составляет 682 единицы хранения: статьи, рецензии, лекции фондообразователя; обширная переписка; его личные и родовые документы; материалы других лиц.

К 1921—1922 гг., по-видимому, относятся и воспоминания Н. В. Яковлева о рукописях М. Е. Салтыкова-Щедрина, хранившихся на квартире его дочери Елизаветы Михайловны, бывшей замужем за итальянским военно-морским атташе в России маркизом да Пассано. Пушкинодомцы, узнавшие об архиве от двух студентов Академии художеств, обнаружили рукописи в сырой квартире под обломками обвалившейся штукатурки. Фонд Михаила Евграфовича Салтыкова (1826—1889), составленный из разных поступлений, в настоящее время значится под номером 366 (2139 ед. хр.).

В 1920-е гг. под присмотром Пушкинского Дома находились многие частные петроградские собрания, с которыми их владельцы пока не хотели расставаться или которые Дом не мог принять под свою крышу. При новой власти постоянно происходило выселение «бывших» из их квартир, «подселение» и «уплотнение». Пушкинский Дом, как мог, старался помочь опекаемым им людям. Так, 12 июля 1920 г. Анастасии Михайловне Семевской, дочери известного редактора-издателя журнала «Русская старина» Михаила Ивановича Семевского (1837—1892), выдается удостоверение в том, что ее квартира, где имеется ценная коллекция книг, гравюр, картин, рукописей, принадлежит Российской Академии наук, а сама А. М. Семевская является хранителем, на основании чего просит не вселять к ней посторонних лиц (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1918), № 3, л. 155). 13 декабря 1922 г., после смерти А. М. Семевской, Пушкинский Дом обратился в Охранительное отделение Административного подотдела Петрогубисполкома с просьбой разрешить ему забрать материалы (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 125). Поручение это было возложено на эмиссара Пушкинского Дома Н. В. Яковлева.

Все дальнейшие события описаны в воспоминаниях Н. В. Яковлева. На квартире А. М. Семевской посланец Пушкинского Дома обнаружил только один из трех томов известного альбома «Знакомые», в котором видные деятели культуры оставляли свои записи. Не оказалось в квартире и никаких рукописей. С большим трудом Н. В. Яковлеву удалось выяснить, где проживает некая Прасковья Михайловна, нянюшка А. М. Семевской, на руках которой та умерла. В ее-то квартире в двух больших корзинах под ворохом ридикюлей он и обнаружил разыскиваемые рукописи. Далее предоставим слово самому Н. В. Яковлеву: «Я горячо заверяю старушку, что Пушкинский Дом хорошо заплатит за все это. Но прошу разрешить немедленно взять обе корзины, хотя сам не понимаю, как и на чем я их увезу.

Старушка кивает головой в знак согласия. Я быстро спускаюсь вниз по лестнице и — о радость! — навстречу мне подходит к дому

---

[30] *Яковлев Н. В.* Из воспоминаний о Пушкинском Доме // Звезда. 1969. № 8. С. 172.

„вридло“ („временно исполняющий должность лошади“) — человек с тележкою на двух колесах.

— Две корзины со второго этажа — на Васильевский, в Академию наук, — говорю я.

— Два кило, — флегматично отвечает „вридло“.

Чем будет расплачиваться дирекция, хлебом или деньгами, — не мое дело! Мне надо во что бы то ни стало сейчас же забрать рукописи. И я соглашаюсь на два кило, да еще в придачу обещаю помочь не только спустить корзины вниз, но и везти всю дорогу с хозяином тачки. „Вридло“ издает хриплое одобрительное ржание.

Не беспокоит меня и вопрос о рассчетах со старушкой. За такую драгоценность найдется достойная плата.

И вот мы в кабинете дирекции. Над двумя корзинами — Борис Львович, Б. В. Томашевский и я. Модзалевский открывает первую корзину. В его руке лист с беловой рукописью Пушкина:

Ты хочешь ли узнать, моя драгая,
Всю разницу меж Буало и мной?..

За нею следует полный текст комедии Островского. Далее идет рукопись статьи Герцена. Опубликована ли она? Мы только молча переглядываемся.

Вынув еще две-три вещи, Модзалевский переходит ко второй корзине. Перед нами блестит красный сафьян двух томов альбома „Знакомые“. Сняв их, Борис Львович запускает руку в глубину до самого дна — и выпрямляется с радостным вздохом:

— Ну, исполать вам, Николай Васильевич!».[31]

В настоящее время личный фонд М. И. Семевского (ф. 274) составляет 825 единиц хранения.

Напряженная деятельность пушкинодомцев по спасению частных архивов в 1917—1922 гг. поистине может быть названа героическим деянием. Даже краткий обзор этой страницы в истории РО ИРЛИ, предложенный в данной статье, пробуждает бесконечное уважение к нашим предшественникам. Однако работа с частными владельцами историко-культурных документов была не единственным аспектом в комплектовании Рукописного отдела Пушкинского Дома в пореволюционное время.

4

Как уже отмечалось выше, Пушкинский Дом старался пристально следить за судьбой не только частных собраний петербуржцев, но и за архивами различных учреждений и организаций, располагавшихся в бывшей столице Российской империи. В связи с этим весьма впечатляюща история с архивом Департамента полиции, находившимся на углу Фонтанки и Пантелеймоновской улицы. В разгар Февральской революции 1917 г., 27 или 28 февраля, как пишет Н. В. Измайлов, зда-

[31] Там же. С. 174.

ние архива Департамента было подожжено. Пушкинодомцы и сотрудники Академии наук (Н. А. Котляревский, Б. Л. Модзалевский, С. Ф. Ольденбург, Л. К. Ильинский, А. С. Поляков, В. П. Семенников, А. А. Шилов и др.), понимая непреходящую историческую значимость документов, которые там хранились (включая материалы начала XIX в.), раздобыли сани и отправились к горящему зданию. Им удалось спасти целый пласт материалов, включая исторический архив III Отделения. Тогда-то в Пушкинский Дом и попали материалы тайного надзора за А. С. Пушкиным, находящиеся ныне в фонде поэта — «Дело о надзоре за известным поэтом, отставным чиновником 10-го класса Александром Пушкиным» за 1829—1832 гг. (ф. 244). До 1922 г. архив Департамента полиции хранился в большом конференцзале Академии наук, а затем был передан в Центрархив (ныне: Российский государственный исторический архив в Петербурге).

Многие петроградские музеи и общества, опасаясь за собранные ими историко-культурные ценности, в годы революции сами обратились к Пушкинскому Дому с просьбой принять на хранение их коллекции. Уже в марте 1917 г., сразу же после Февральской революции, Пушкинский Дом принял материалы Пушкинского лицейского музея. Инициатором этой акции был выпускник XXXV курса Александровского Лицея, активный член Пушкинского лицейского общества Павел Евгеньевич Рейнбот (1855—1934), старый добрый друг Пушкинского Дома, с 1921 г. ставший его штатным сотрудником. Этот эпизод из истории Пушкинского Дома отразился в письме Б. Л. Модзалевского к Н. А. Котляревскому от 4 марта 1917 г. «Дорогой Нестор Александрович, — писал Б. Л. Модзалевский, — сейчас звонил мне П. Е. Рейнбот и сообщил, что судьбы Лицея сейчас решаются, что возник вопрос о судьбе Пушк<инского> лиц<ейского> музея, который надо спасать сегодня-завтра. Он спрашивает меня, примет ли Академия его теперь же, так как он, Рейнбот, с согласия других, принял решение передать Музей Пушкинскому Дому <...> Вы не думайте, что я с ума сошел: пишу в здравом уме и твердой памяти».[32] Б. Л. Модзалевский же в письме к М. О. Гершензону от 8 июня 1917 г. так комментирует это событие: «...принял Пушкинский Дом, как Симеон Богоприемец, на свои руки Пушкинский Лицейский Музей, ибо в помещении Лицея Союз городов устроил лазарет для 800 сифилитиков. Это уже садизм».[33]

В те же мартовские дни 1917 г. встал вопрос о передаче в Пушкинский Дом лермонтовских рукописей, собранных Николаевским кавалерийским училищем. Лермонтовский музей, как и Пушкинский музей в Александровском Лицее, можно считать своеобразным предтечей Пушкинского Дома. Музей в бывшей Школе юнкеров, в которой

[32] Из переписки Б. Л. Модзалевского / Публ. Е. И. Семенова. С. 203; см. также: Переписка Б. Л. Модзалевского с П. Е. Рейнботом / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год: Борис Львович Модзалевский. Материалы к научной биографии. СПб., 2001. С. 220—258.

[33] Переписка Б. Л. Модзалевского с М. О. Гершензоном / Публ. Е. Ю. Литвин. С. 340.

М. Ю. Лермонтов учился в 1832—1834 гг., был открыт 18 декабря 1883 г.[34] Лермонтовский музей сначала представил в Пушкинский Дом списки своих материалов (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 72), а затем, когда политическая обстановка стала угрожающей, документы были переданы в Пушкинский Дом (там же, л. 101—106). Ныне лермонтовские рукописи из Николаевского училища составляют основу личного фонда поэта (ф. 524).

В 1918 г. Б. Л. Модзалевский обращается в Конференцию (Общее собрание) Академии наук по поводу необходимости приобретения ценной коллекции редакции журнала «Русская старина»: «Мне известно, что в настоящее время представляется возможность вступить в переговоры с редактором „Русской старины" П. Н. Вороновым о приобретении у него всего архива этого исторического журнала. По обстоятельствам переживаемого времени журнал фактически прекратил уже свое существование — на 50-м году издания — и вряд ли может быть оживлен в скором времени...» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1899), № 1, л. 161). Архивные материалы журнала «Русская старина» поступили в Пушкинский Дом чуть позднее, в октябре 1920 г. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 189—196 — предварительная опись). Документы из этого архива в годы революции оказались также и в Библиотеке Академии наук. Осенью 1922 г. Пушкинский Дом по поводу этой части архива сделал соответствующий запрос, но тогда эти материалы получены не были (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 118). В Пушкинский Дом они поступили только в 1931 г., когда централизованно из БАН передавался целый массив архивных материалов. Ныне архив журнала «Русская старина» составляет предмет гордости Пушкинского Дома (ф. 265; 6149 ед. хр.).

В 1918 г. в Пушкинский Дом поступили материалы еще одного журнала: новая редакция журнала «Вестник Европы» передала часть своего архива за 1909—1917 гг. (ф. 48).

В ноябре—декабре 1922 г. решался вопрос о передаче в Пушкинский Дом архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, существовавшей с 1895 по 1921 г. при Академии наук. Последним председателем ее был Н. А. Котляревский, благодаря которому этот ценнейший по своему фактографическому материалу архив и попал в Рукописный отдел.[35]

В годы революции и Гражданской войны существовал еще один источник комплектования Рукописного отдела — вскрытые советской властью сейфы банков, арендованные до революции частными лицами. В записках М. Л. Гофмана, упомянутых выше, сохранились воспо-

---

[34] [*Бильдерлинг А. А.*] Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1883; *Фонякова Н. Н.* Лермонтовский музей // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 253—254.

[35] *Хохлова Н. А.* Обзор архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 47—76; см. также документ от 11 ноября 1922 г., свидетельствующий о том, что Конференция Академии наук разрешила принять этот архив Пушкинскому Дому (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 107).

минания о том, как он, во время болезни Б. Л. Модзалевского, регулярно приходил в «депо» разных банков (банковские хранилища), где было свалено содержимое сейфов, и отбирал материалы, имеющие интерес для Пушкинского Дома. В Архиве Академии наук сохранились многочисленные описи (помечены 1920—1921 гг.) бумаг, изъятых из Волжско-Камского и других банков и предназначенных для Пушкинского Дома и других архивов. К сожалению, описи чрезвычайно лапидарны: называются только фамилия владельца (как правило, без инициалов) и объем материалов (пачка, ящик) (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 147—204). Установить с достоверностью, какие именно материалы из банков отложились в конце концов в Пушкинском Доме, не представляется возможным. Большинство из них было передано в Москву. Скажем только, что среди владельцев называются фамилии Щербатовых, Мещерских, Врангелей, Крузенштернов, Долгоруковых, Волконских, Бестужевых-Рюминых, Шереметевых и др.

Документы свидетельствуют, что Пушкинский Дом в период революции и в начале 1920-х гг. контактировал не только со «старорежимными» учреждениями, но и с новыми, созданными советской властью. Так, в 1918 г. из Отдела охраны памятников искусства и старины в Пушкинский Дом были доставлены автографы А. С. Пушкина, принадлежавшие некогда княгине З. И. Юсуповой и находившиеся в знаменитом Юсуповском дворце.

Поведение пушкинодомцев порой удивляет своим наивным бесстрашием и вызывает восхищение тем пониманием хранительского долга, которое жило в сердцах и умах первого поколения сотрудников Рукописного отдела. В стране, где утвердился террор, аресты и расстрелы, Пушкинский Дом осмеливается обращаться к карательным властным структурам с прошениями о передаче ему рукописных материлов репрессированных лиц.

Весьма показателен эпизод с архивом профессора Бориса Владимировича Никольского (1870—1919), историка литературы, поэта и переводчика, активно высказывавшего свою приверженность монархии в дореволюционные годы, одного из создателей «Союза русского народа». Он был расстрелян большевиками в 1919 г. По всей вероятности, после гибели Б. В. Никольского родственники передали в Пушкинский Дом его рукописи. Часть материалов профессора, как стало известно пушкинодомцам, оказалась в ГПУ. В Архиве Академии наук сохранился документ — памятная записка рукой неустановленного лица — о Б. В. Никольском:

«Дела профессора Бориса Владимировича Никольского.

Арестован в ночь на 17-е мая 1919 г.

Расстрелян в ночь на 11-е июня 1919 г.

Находился в первые дни на Гороховой 2, затем был переведен (через 3 дня) в Дом Предварительного Заключения — Шпалерная 25. Отбывал заключение на V одиночном отделении — камеры 157 и 122, выбыв на краткое время в лазарет.

Желательно получить оставленные материалы — рукописи: до 60-ти стихотворных произведений и работы по литературе, вообще —

все материалы, имеющие ценность в научном отношении» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 45).

11 мая 1922 г. от имени Пушкинского Дома в Петроградское Государственное Политическое Управление исходит следующее письмо: «Пушкинский Дом при Российской Академии Наук настоящим просит о выдаче ему материалов, оставшихся после проф<ессора> Б. В. Никольского. Проф<ессор> Борис Владимирович Никольский был арестован 17 мая 1919 г., содержался на Гороховой ул., д. 2 и Шпалерной, д. 25 и затем расстрелян 11 июня того же 1919 г. После него остались взятые при обыске литературные работы, получавшиеся им во время заключения книги (Вольтера, Руссо, Шопена, Пушкина и др.) и написанные им в заключении стихи (числом до 60). Из означенных материалов особую цену и значение имеют для Пушкинского Дома историко-литературные исследования проф. Б. В. Никольского. Настоящее обращение вызывается тем, что основная литературно-научная часть архива (обширные исследования о жизни и творчестве Пушкина) находится в собраниях Пушкинского Дома и частично уже печатается, так что теперь Пушкинский Дом ходатайствует о получении лишь остальной части» (там же, л. 46; черновик). Нам неизвестно, как отреагировало ГПУ на этот наивно-дерзкий запрос. Как бы то ни было, через несколько лет, в 1929 г., архив Б. В. Никольского будет фигурировать в списке «преступно укрывавшихся» с «контрреволюционными целями» материалов, изъятых Правительственной комиссией из Рукописного отдела.

11 мая 1922 г., в тот же день, когда в ГПУ отсылалось письмо по поводу бумаг Б. В. Никольского, был составлен и второй документ этого же рода — в отношении архива Льва Львовича Толстого (1869—1945), сына писателя (там же, л. 47). Основная часть материалов из его архива к этому времени уже находилась в Пушкинском Доме. Сюда они попали при следующих обстоятельствах, описанных Н. В. Яковлевым: «Как-то раз уже на Тифлисскую улицу (по-видимому, еще во время ремонта здания в 1921 г. — *Т. И.*) явился к нам техник и сообщил, что у них в доме, на чердаке, валяются письма Льва Толстого! Я немедленно отправился туда вместе с ним.

Дом этот прежде принадлежал шведской баронессе, жене Льва Львовича Толстого. Находился он на Таврической улице, напротив сада. В начале революции господа уехали в Швецию, оставив весь свой архив на чердаке, в корзинах и ящиках. Жильцы, по обыкновению, вешали здесь белье на просушку. Они, конечно, полюбопытствовали: что в корзинах? Сломали замки, разбросали бумаги. Топлива у них хватало, поэтому очень многое уцелело.

Сотрудники Пушкинского Дома собирали в мешки драгоценные письма Льва Толстого!».[36]

11 мая в запросе к ГПУ речь шла о бумагах, изъятых при обыске у Николая Николаевича Холодилина, председателя домового комитета дома № 29 по улице Слуцкого (то есть дома Л. Л. Толстого). Реакция

[36] *Яковлев Н. В.* Из воспоминаний о Пушкинском Доме. С. 173.

ГПУ на данный запрос нам также неизвестна; архив же Л. Л. Толстого в настоящее время составляет фонд 303.

Таким образом, благодаря самоотверженности пушкинодомцев в 1917—1922 гг. было спасено немало историко-культурных документов из учреждений, разгромленных в годы революционной смуты, или осевших по каким-то причинам в структурах, созданных уже новым режимом.

5

В тяжелейшие годы Гражданской войны, когда были нарушены все связи между отдельными регионами страны, а путешествие по дорогам вздыбленной России было опасным для жизни, Пушкинский Дом старался наладить контакты с иногородними держателями рукописных материалов. Многочисленные «доброхоты» охотно брали на себя миссию посланников Пушкинского Дома. Настойчивому желанию научной гуманитарной интеллигенции «собирать камни» во времена, когда все их «разбрасывают», можно только подивиться. Титанические усилия первого поколения пушкинодомцев вызывают бесконечное уважение и подымают труд архивистов на такую высоту, которая сродни подлинному подвигу.

В «Историческом очерке», посвященном становлению Пушкинского Дома, М. Д. Беляев указывает, например, на такой эпизод: «От С. Н. Вревской, рожд. Лопухиной, поступил архив села Голубова, заключающий в себе переписку семьи Вульф-Осиповых-Вревских, с письмами С. Л. Пушкина, П. А. Плетнева и др. Архив этот в очень критический момент (в ноябре 1917 г.) был вывезен в Петербург покойным А. С. Поляковым, совершившим поездку в Голубово, можно сказать, накануне его сожжения».[37]

В Архиве Академии наук сохранилась папка, содержащая многочисленные удостоверения (черновики) о командировках, выданные Пушкинским Домом в 1917—1926 гг. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3). Количество командировочных удостоверений, круг лиц, их получавших, и места следования, указанные в документах, поражают. 6 мая и 16 июня 1918 г. С. В. Штейну выданы документы, удостоверяющие, что он направлен для поисков историко-культурных материалов в Москву и Орел. 4 сентября выдается удостоверение В. П. Семенникову для поездки в города Украины. 12 сентября — Н. Б. Глазбергу для следования в Одессу и Крым. В тот же день — А. Я. Лихтерману, едущему в Нежин для поисков гоголевских материалов. К сентябрю относится удостверение М. Д. Беляева для поездки в Киев и Чернигов. 15 января 1919 г. Н. Н. Михайлов получает удостоверение, подтверждающее его право поиска пушкинских материалов в Одессе и лермонтовских — в Пятигорске. Список, повторяем, может быть увеличен в десятки раз.

Очевидно, что во многих случаях командировочные удостоверения были лишь формальным (и очень сомнительным в смысле надежно-

[37] Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924. С. 21.

сти) документом, который должен был обеспечить их владельцам, выезжавшим из Петрограда, хоть какую-то иллюзию безопасности и подтвердить их лояльность в глазах советской власти. Многие из удостоверений касаются выезда в Петербургскую губернию (например, в Лужский или Гдовский уезды), причем одни и те же лица ездят в указанные места несколько раз, и напротив, разные лица в разное время выезжают в одно и то же место с одной и той же целью. Надо полагать, что эти удостоверения в голодные годы Гражданской войны выдавались лицам, выезжавшим из Петрограда для покупки продуктов.

Люди из окружения Пушкинского Дома приходили сюда за «мандатом», имевшим вес в глазах большевиков, и получали необходимый документ. В Архиве Академии наук сохранился, например, черновик удостоверения, выданного профессору В. Н. Таганцеву, которому в 1921 г. большевики инкриминировали организацию заговора против рабоче-крестьянской власти — того самого заговора, по которому был расстрелян Н. С. Гумилев:

9 июня 1920.
№ 2962.

Удостоверение.

Дано сие состоящему при Российской Академии Наук Владимиру Николаевичу Таганцеву в том, что ему поручается совместно с ученым хранителем рукописей Пушкинского Дома принять все меры к доставке библиотеки М. Н. Лонгинова из села Ивановского Клинского уезда Московской губернии в Петроград в Пушкинский Дом.

Хранитель рукописей Мод<ест> Гофман.

(ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 52)

Однако не все командировочные листы имели характер прикрытия для поездок, совершаемых с иными, чем поиск историко-литературных материалов, целями.

18 июня 1919 г. Пушкинский Дом выдает Н. Н. Шахову, давнему приверженцу пушкинодомских интересов, следующий документ: «Удостоверение дано гражданину Николаю Николаевичу Шахову в том, что он командирован Пушкинским Домом, сроком на четыре дня, в Самокральскую волость Новгородского уезда и обратно для приема и доставки в Петроград рукописей драматурга Невежина, поступающих в распоряжение Пушкинского Дома» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1919), № 2, л. 78). Уже 3 июля вывезенные из Новгородской губернии рукописи Петра Михайловича Невежина (1841—1919) поступили в Пушкинский Дом. Ныне они вместе с другими невежинскими поступлениями составляют фонд 200.[38]

[38] О фонде П. М. Невежина см.: *Аксененко Е. М.* Материалы о жизни и творчестве Петра Михайловича Невежина в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 76—112.

В 1919—1920 гг. Пушкинский Дом состоял в переписке с Александром Ивановичем Лясковским, редактором журнала «Вятское народное хозяйство». Проживая в Вятке, он старается соблюсти интересы Пушкинского Дома и выявить в местных делопроизводственных архивах материалы, имеющие историко-литературную ценность. Прежде всего это документы, касающиеся А. И. Герцена, отбывавшего здесь ссылку. А. И. Лясковским, как следует из его письма от 6 мая 1920 г., в архиве бывшего Вятского губернского правления и вятского губернатора были обнаружены записка А. И. Герцена об организации в 1835—1836 гг. местного Статистического комитета и его подписка о непричастности к масонским обществам (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 65).

23 февраля 1920 г. еще один верный друг Пушкинского Дома, Александр Сергеевич Поляков (1882—1923), получил пушкинодомское удостоверение, названное в духе времени «мандатом», следующего содержания: «Настоящим поручается Александру Сергеевичу Полякову вступить в переговоры с Николаем Михайловичем Лисовским по вопросу о принадлежащих ему рукописных, историко-литературных, иконографических и других материалах и приобрести их для Пушкинского Дома при Р.А.Н.» (там же, л. 8). Известный библиограф Н. М. Лисовский проживал в Москве, где было так же голодно, как и во всей России. Уже 12 марта в Пушкинский Дом приходит письмо, подписанное Н. М. Лисовским, его женой Эмилией Федоровной и дочерью Марией Николаевной. В письме выражалось согласие на переговоры о покупке (там же, л. 38). Переговоры шли на протяжении всего 1920 г. и закончились удачно. В настоящее время фонд Н. М. Лисовского (1854—1920; ф. 153) составляет 1256 единиц хранения: библиографические подборки фондообразователя; материалы по его служебной и общественной деятельности; обширная эпистолярия, включающая письма М. Ф. Андреевой, А. П. Бахрушина, В. Я. Брюсова, С. А. Венгерова, А. Г. Рубинштейна, В. И. Саитова и др.

Летом 1920 г. Е. П. Казанович и М. Л. Гофман привезли из имения Ивановское Клинского уезда Московской губернии библиотеку и архив Лонгиновых: сенатора, члена Государственного совета Николая Михайловича (1780—1853) и его сына, начальника Главного управления по делам печати Михаила Николаевича (1823—1875). Переговоры с владелицей собрания княгиней Александрой Михайловной Козловской (дочерью М. Н. Лонгинова) были начаты еще в конце 1916 г., но историческая ситуация помешала вовремя вывезти архив в Петроград.

В июне состоялась первая поездка М. Л. Гофмана в Москву по этому вопросу. 13 июня он встретился с А. М. Козловской, проживавшей в Москве, и выяснил у нее, что библиотека находится в с. Ивановском и принята на учет Отделом научных библиотек при Наркомпросе. Рукописные же материалы, с которыми владелица пока не желала расставаться, хранились в московской квартире А. М. Козловской. 22 июня М. Л. Гофман побывал в Ивановском и после больших хлопот, связанных со снятием печатей, наложенных на имение, осмотрел

библиотеку, состояние которой, несколько лет находившейся в неотапливаемом здании, внушало обоснованное беспокойство.

По возвращении в Петроград начались хлопоты по организации перевозки 17 000 томов книг. Материалы Архива Академии наук (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 1, л. 1—66) языком документов свидетельствуют, какого напряжения стоило в разоренной стране добыть необходимые веревки, мешки, ящики, гвозди, рогожи и т. д. 10 июля М. Л. Гофман вместе с Е. П. Казанович опять выехали в Москву. Е. П. Казанович сразу же отправилась в Ивановское для упаковки библиотеки и перевозки ее на ближайшую железнодорожную станцию. Обстоятельства работы Е. П. Казанович довольно подробно и красочно описаны в ее дневнике.[39] М. Л. Гофман же оставался в Москве для решения вопросов, связанных с железной дорогой. 20 июля он писал Б. Л. Модзалевскому: «У меня остается все только последнее: последние силы, последние воспоминания сапог, последние заработанные деньги...».[40] Для того чтобы организовать перевозку лонгиновских материалов М. Л. Гофману пришлось побывать в Отделе научных библиотек, в Отделе музеев, Народном комиссариате путей сообщения, Государственном контроле, Народном комиссариате просвещения, Николаевском вокзале, Государственном банке.

25 июля М. Л. Гофман еще раз побывал у А. М. Козловской, и на этот раз ему удалось убедить ее в необходимости передать архивные материалы на хранение в Пушкинский Дом. 26 июля он возвращался в Петроград уже с частью рукописных материалов. Все проблемы с железнодорожными вагонами были решены, и 31 июля Е. П. Казанович вместе с лонгиновской библиотекой также прибыла в Петроград (см. подробный отчет М. Л. Гофмана о командировке — ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 107—110). 1 августа М. Л. Гофман опять находился в Москве для решения различных пушкинодомских проблем. В эту свою поездку он получил от А. М. Козловской еще часть семейного архива.

В настоящее время семейный архив Лонгиновых в РО ИРЛИ составляет фонд 158 (1066 ед. хр.), содержащий стихотворения, статьи, воспоминания, обширную переписку М. Н. Лонгинова; отложившиеся у него материалы С. А. Соболевского и других лиц; материалы по деятельности Н. М. Лонгинова на посту секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны и заведующего благотворительными и учебными заведениями, состоящими под покровительством императрицы Александры Федоровны, а также письма к нему разных лиц; документы А. М. Козловской и пр.

В 1920 г. у Пушкинского Дома идет активная переписка с еще одной наследницей историко-культурных материалов — с врачом из Вологды Надеждой Михайловной Гаршиной (урожд. Золотиловой), вдовой писателя Всеволода Гаршина. У Н. М. Гаршиной побывал Борис

---

[39] Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 166—167.

[40] Письма М. Л. Гофмана к Б. Л. Модзалевскому / Публ. Т. И. Краснобородько, при участии В. Р. Гофмана. С. 230.

Михайлович Энгельгардт — ее родственник; он осмотрел материалы, и 21 июня 1920 г. Пушкинский Дом выслал в Вологду охранный документ, по которому «книги, рукописи, портреты, равно как и обстановка кабинета покойного писателя Всеволода Михайловича Гаршина составляют собственность Пушкинского Дома при Р.А.Н. и состоят у нее (т. е. Н. М. Гаршиной. — *Т. И.*) на хранении впредь до того, когда окажется возможным по условиям транспорта перевезти их в Петроград» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1920), № 2, л. 109). Тогда же Пушкинский Дом пишет письмо фондодержательнице, где выражается пожелание как можно быстрее получить рукописи писателя (там же, л. 115). 9 ноября 1920 г. в Отдел гражданского управления Петросовета идет письмо с просьбой выделить вагон-теплушку для перевозки из Вологды вещей В. М. Гаршина. Ответственным представителем Пушкинского Дома назначался Б. М. Энгельгардт (там же, л. 222—223). Поездка Б. М. Энгельгардта в Вологду, кажется, не состоялась. 13 января 1921 г. Пушкинский Дом соответствующее удостоверение выдал другому лицу — профессору Института истории искусств Петру Антоновичу Горчинскому. Ныне в РО ИРЛИ имеется гаршинский фонд (ф. 70), который насчитывает 274 единицы хранения: произведения писателя; его биографические материалы; переписка; материалы родственников.

В 1920 г. из Главархива (Москва) поступили разрозненные остатки погибшего в ходе революционных событий архива Е. А. Боратынского и А. А. Дельвига (из имения Мара Тамбовской губ.). Тогда же, вероятно, в Пушкинский Дом были переданы и материалы Казанского архива Боратынских. Первоначально эти материалы существовали как два отдельных фонда — ф. 32 (Боратынских — Дельвигов) и ф. 33 (Е. А. Боратынского). В 1995 г. оба фонда были переработаны и получили статус родового фонда Боратынских (ф. 33): письма разных лиц к Е. А. Боратынскому, письма А. А. Дельвига, семейная переписка их потомков и пр.

К концу 1920—началу 1921 гг. относится ряд документов, связанных с получением из Москвы архива А. А. Фета. 25 декабря помечены командировочные удостоверения М. Л. Гофмана и его жены О. Н. Гофман-Никольской, служившей в Пушкинском Доме заведующей хозяйственной частью. Другой командировочный лист датирован 11 января 1921 г. и выдан на имя Варвары Николаевны Модзалевской, жены Б. Л. Модзалевского. Сохранилась и недатированная телеграмма Б. Л. Модзалевского к Барабановой, владелице материалов: «Пушкинский Дом просит вас подготовиться перевозу архива Фета Петроград <.> Официальное удостоверение доставит понедельник или вторник Гофман <.> Просим не задерживаться отъездом столицы» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 149).

Пушкинский Дом притягивал к себе не только культурные силы России, но и тех представителей русской интеллигенции, кто волею судеб покинул родину. 28 августа 1920 г. Сергей Владимирович Штейн, бывший сотрудник Пушкинского Дома, хранитель его Музея, эмигри-

ровавший, по-видимому, в 1919 г. вместе с войсками Юденича, с оказией шлет Б. Л. Модзалевскому письмо следующего содержания:

Дорогой Борис Львович!

Жив, здоров и пользуюсь оказией, чтобы написать Вам. Нахожусь по-прежнему в Ревеле, доцентствую в Юрьеве и думаю о моих литературных друзьях, оставшихся в Петрограде.

Обращаюсь к Вам с рядом покорнейших просьб:

1) Если признаете за благо, то дайте мандат на собирание материалов для Пушкинского Дома. Здесь существуют возможности, которые, однако, преходящие и потому нужно торопиться. Мандат прошу дать на имя приват-доцента Дерптского университета по кафедре истории русской литературы Сергея Владимировича фон Штейна.

2) Попросите Нестора Александровича[41] дать мне рекомендацию, в которой было бы желательно прописать, что ему известны мои труды в области истории русской литературы, что я работал под его руководством etc. — все что полагается. У меня есть шансы получить штатное место в Юрьевском университете (штатную доцентуру) и письмо Нестора Александровича может мне очень помочь.

3) Прошу принять от меня в дар мою семейную переписку (с 1816 г.) и включить ее в состав рукописных собраний Пушкинского Дома. В переписке этой имеются письма Фета, Гаршина, Вл. Соловьева, Потебни и др.; кроме того она любопытна в бытовом отношении. Ныне переписка эта хранится у бывшей жены моей Екатерины Вл. — по второму мужу Голлербах, жит<ельствующей?> в Царском Селе по Пешковской ул. в доме № 27. О своей воле по поводу переписки я поставил ее в известность.

4) Окажите содействие подателю этого письма, интересующемуся миниатюрами. С ним Вы можете быть вполне не <одно слово нрзб.>, но откровенным.

Знаете ли Вы, что здесь Эр. П. Юргенсон?[42]

Оплакал кончину Ал. Ал. Шахматова.[43] Напишите, если будет время, о подробностях его смерти. Что Академия и Пушкинский Дом?

Стану ждать с нетерпением от вас известий. Мандат и рекомендацию было бы желательно получить через подателя этого письма. И то, и другое будет предъявлено лишь туда, куда это следует.

Мой привет Вашей супруге и всем домашним. Почтительнейший поклон дорогому Нестору Александровичу и привет всем, кто в Пушкинском Доме.

Обнимаю Вас. Душевно Ваш С. Штейн.

(ПФА РАН, ф. 150, оп.1 (1920), № 2, л. 166)

---

[41] Имеется в виду *Нестор Александрович Котляревский.*

[42] *Юргенсон Эрнест Петрович* (1891—до 1932) — коллекционер автографов (см.: РО ИРЛИ, ф. 352 (И. И. Ясинский), оп. 3, № 225 — список «Собрание автографов Э. П. Юргенсона. Отд. III. Россия. Литература», машинопись, 22 л.). Находился в переписке с Л. Э. Бухгеймом, М. В. Ватсон, А. А. Измайловым, Ф. Сологубом, И. А. Шляпкиным и др.

[43] Академик *Алексей Александрович Шахматов* скончался 16 августа 1920 г.

Нам неизвестно, каковы были результаты поисков С. В. Штейном русских историко-культурных материалов в Эстонии, но его собственный семейный архив, находившийся в Петрограде, в конце концов попал по назначению в Пушкинский Дом. Осенью 1920 г. Пушкинский Дом вступил в переговоры с Екатериной Владимировной Штейн, и 24 ноября она выразила согласие передать 24 переплетенных томика семейной переписки (там же, л. 197, 230). В настоящее время в РО ИРЛИ имеется фонд Штейна Владимира Ивановича (1852—1900), письмоводителя канцелярии Академии наук, цензора Центрального комитета иностранной цензуры, отца С. В. Штейна (ф. 541). В фонде отложились документы за 1816—1908 гг.

В Архиве Академии наук сохранился еще один документ, свидетельствующий о скрытых связях Пушкинского Дома с русскими эмигрантами — заявление профессора Гельсингфорсского университета Константина Ивановича Арабажина (1866—1929), создателя эмигрантского общества «Русская колония в Финляндии», согласно которому он передает библиотеку и рукописи из своей бывшей петроградской квартиры Академии наук. Заявление помечено 30 августа 1920 г. Судьба этих материалов неизвестна.

В 1920—1922 гг., наряду с активно продолжающимся комплектованием Рукописного отдела, происходили также очень важные процессы по воссоединению пушкинодомских материалов, по разным причинам оказавшихся в других учреждениях и даже городах.

Как уже указывалось выше, в октябре 1917 г. пушкинские, лермонтовские и некоторые другие рукописи, составившие пять пакетов, были эвакуированы в Москву и сданы на хранение в Исторический музей. Реэвакуация состоялась лишь в ноябре 1920 г. (мы придерживаемся этой даты, названной в цитируемом ниже письме Пушкинского Дома от 13 марта 1922 г. в Исторический Музей, хотя в других документах называется декабрь 1920 г. и даже 1921 г.). При возвращении материалов произошла накладка с рукописями Лермонтова. Из сохранившихся документов следует, что из одного из пушкинодомских пакетов лермонтовские рукописи вынимались уже в Москве для исследовательских работ и передавались на временное хранение в Бахрушинский музей. В ноябре 1920 г. вынутые рукописи в Петроград не вернулись. В начале 1922 г. в связи с намечавшимися планами работ в Госиздате возникла острая надобность в их исследовании. Тогда-то пушкинодомцы и начали активные поиски затерявшихся материалов.

В феврале 1922 г. Н. В. Яковлев отправился в Москву, чтобы прояснить этот вопрос. Дальнейшие обстоятельства этой истории запечатлены в его письме к Б. Л. Модзалевскому от 20 февраля:

«Спешу известить Вас через Сергея Федоровича,[44] что лермонтовских рукописей здесь нет!? Я был сперва у А. А. Бахрушина.[45] Оказа-

[44] Имеется в виду *Сергей Федорович Ольденбург* (1863—1934), непременный секретарь Академии наук, который, по-видимому, одновременно с Н. В. Яковлевым находился в Москве и собирался раньше его возвращаться в Петроград.

[45] *Бахрушин Алексей Александрович* (1865—1929) — предприниматель, меценат, коллекционер. Основатель Театрального музея в Москве (ныне: имени А. А. Бахрушина).

лось, что он немедленно, в том же 1918 г., вернул их обратно в Исторический Музей, в делах которого сохранилась и его сопроводительная бумага. При ней есть постановление коллегии Музея — присоединить рукописи к академическим пакетам. Пакеты же эти, сданные Рышковым[46] в 1918 г.[47] в числе 5, в декабре 1920 г. в том же числе пяти приняты Мацулевичем[48] (зам. директора Эрмитажа по мандату С. Ф. Ольденбурга) для реэвакуации в Академию. Затем Вл<адимир> Андр<еевич> Стеклов[49] мне здесь сообщил, что в начале прошлого года ими были вскрыты в Физической лаборатории доставленные пакеты, причем часть вещей поступила к ним, часть — в Славянское отделение (бумаги Шептицкого),[50] часть — в кассу Рышкову (медали, медальоны), часть — нам, в Пушк<инский> Дом (перстень и перо Пушкина — некоторых же вещей не оказалось, как напр<имер>, платинового кольца (колье? нрзб. — *Т. И.*) Ломоносова. Остается два предположения: или рукописи случайно не были дополнительно приложены к академическим пакетам и попали, напр<имер>, в рукописное отделение Ист<орического> музея, что я и постараюсь здесь еще выяснить у Тарабрина;[51] или затерялись как-нибудь между Физич<еской> лабораторией и нами, что необходимо немедленно же выяснить у Трофимова,[52] на котором лежало, по словам Влад<имира> Ан<дреевич>а, исполнение дела. Поговорить сейчас же с Трофимовым, не дожидаясь моего приезда, я и хочу просить Вас. Рассчитываю выехать в среду и хотел бы надеяться, что к моему приезду они хоть у нас найдутся, чтобы можно было сделать вид, что они привезены мною. Иначе не знаю, как и показаться в Госиздат. А главное, неужели они действительно потерялись?! Иду опять в Ист<орический> Музей. Там полный хаос. Места, кажется, много, народу тьма, а добиться толку очень трудно. При-

---

[46] *Рышков Владимир Александрович* (1865—1938) — чиновник особых поручений при Академии наук. Горячий сторонник Пушкинского Дома. См.: В. А. Рышков и его «Дневник» / Публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 119—159.

[47] Ошибка Н. В. Яковлева: пушкинодомские рукописи были эвакуированы в Москву осенью 1917 г.

[48] *Мацулевич Леонид Антонович* (1886—1959) — искусствовед, историк материальной культуры. В пореволюционный период — член Совета Эрмитажа, заместитель директора, хранитель византийских древностей. В ноябре 1920 г. участвовал в реэвакуации эрмитажных ценностей из Москвы (Исторический музей, Оружейная палата, Большой Кремлевский дворец) в Петербург. См.: *Пиотровский Б. Б.* История Эрмитажа: Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000 (по именному указателю).

[49] *Стеклов Владимир Андреевич* (1863—1926) — математик, физик, академик. Руководитель Физической лаборатории Академии наук, преобразованной в 1921 г. в Физико-математический институт. В 1920 г., то есть в описываемое время, лаборатория размещалась в здании Академии наук.

[50] Имеются в виду процентные бумаги, завещанные Шептицким Академии наук.

[51] *Тарабрин Иван Мемнонович* — хранитель отделения архива историко-бытовых материалов в Государственном историческом музее. См.: Научные работники Москвы. Л., 1930. С. 277.

[52] *Трофимов Сергей Никитич* — сотрудник Пушкинского Дома первого послереволюционного состава. В списках на 1 июля 1919 г. значится хранителем рукописей; затем был хранителем книжных собраний. Оставил службу 15 декабря 1920 г.

ходится употреблять максимальное давление» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1922), № 2, л. 6).

Н. В. Яковлеву в эту поездку в Москву так ничего и не удалось выяснить о судьбе затерявшихся лермонтовских материалов. 13 марта 1922 г. Пушкинский Дом шлет в Исторический музей письмо следующего содержания:

«Ввиду постоянных требований Государственного издательства Пушкинский Дом настоящим вторично просит о розыске недостающих рукописей Лермонтова.

Хотя принятые Историческим музеем в октябре 1917 г. на хранение пять пакетов Академии были затем, в ноябре 1920 г. возвращены Академии через посредство заместителя директора Эрмитажа Мацулевича в том же количестве (пяти), но упомянутые рукописи, находившиеся первоначально в пакете 2067, вынутые затем из него осенью 1918 г. для занятий Н. Халабаева[53] и Б. М. Эйхенбаума[54] в Бахрушинском музее и возвращенные тогда же А. А. Бахрушиным зашитыми в холст и опечатанными печатью Музея, — должны были составить дополнительный шестой пакет, который командированный Академией В. А. Рышков видел действительно в декабре 1918 г. лежащим на подоконнике в кладовой, имеющей дверь, пожертвованную кн. Щербатовым.

Прошу срочно проверить это указание В. А. Рышкова и пакет передать предъявителю сего, ученому хранителю Пушкинского Дома Модесту Людвиговичу Гофману» (там же, л. 14; черновик).

В конце концов дело с лермонтовскими рукописями разрешилось благополучно. Они действительно оказались в названном шестом пакете. 19 апреля 1922 г. в Петрограде был составлен акт о вскрытии этого пакета:

«Мы, нижеподписавшиеся, ст<арший> ученый хранитель Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевский, ученые хранители М. Л. Гофман и Н. В. Измайлов, научный сотрудник П. М. Устимович и управляющий делами Л. Н. Перетц составили настоящий акт в том, что в доставленном из Москвы М. Л. Гофманом пакете с надписью: „Собственность Российской Академии наук. К отношению Литературно-театрального музея Российской Академии Наук имени Алексея Бахрушина в Москве за № 264“, оказалось: 1) Шесть тетрадей разных произведений Лермонтова, общим количеством 122 (сто двадцать два) листа; 2) Рукопись драмы „Странный человек“ (38 листов); 3) № 13, 21 и 58 отд. III Лермонтовского Музея Николаевского Кавалерийского Училища, содержащие четыре копии с рисунков Лермонтова, копии всех рисунков Лермонтова из альбома «Livre de poésies» А. Верещагиной и рисунки Н. Поливанова. 19 апреля 1922 г. Петроград. Вскрытие пакета происходило в присутствии нижеподписавшихся, удостоверившихся пред-

[53] Имеется в виду *Константин Иванович Халабаев*, специалист по творчеству Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Салтыкова-Щедрина.

[54] *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886—1959) — литературовед, критик, специалист по творчеству Лермонтова, Тургенева, Л.Толстого.

варительно в целости и сохранности печати Бахрушинского музея» (там же, л. 31).

Летом 1921 г. была реэвакуирована и та часть пушкинодомских рукописей, которая осенью 1917 г. была отправлена в Саратов. Возвращением материалов занимался А. П. Штакельберг, состоявший в то время на должности хранителя помощника Музея. Сохранилось выданное ему удостоверение от 22 июня 1921 г.: «Дано сие помощнику хранителя Музея Пушкинского Дома Александру Павловичу Штакельбергу в том, что срок его командировки в Саратов (для укладки и реэвакуации в Петроград рукописей Пушкинского Дома, эвакуированных в Саратов в 1917 г.), продолжен до 10 августа 1921 г.» (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1917), № 3, л. 214).

Осенью 1922 г., освоив здание Архива Таможенного департамента на Тифлисской улице, Пушкинский Дом поднял перед Академией наук вопрос о передаче ему, согласно завещанию великого князя Константина Константиновича, архива покойного президента Академии наук. Так как Пушкинский Дом до сих пор не имел собственного помещения, архив К. Р., как и завещал покойный, с 1915 г. хранился в Библиотеке Академии наук. Вопрос об этом архиве, в котором находились рукописи А. С. Пушкина и других выдающихся деятелей русской культуры и истории, решался на Общем собрании Академии 14 октября 1922 г. А уже 26 декабря Пушкинский Дом официально поручает своему хранителю Н. В. Измайлову принять из БАН под расписку материалы К. Р. (ПФА РАН, ф. 150, оп. 1 (1915), № 1, л. 51 — доверенность на имя Н. В. Измайлова). Литературный архив Константина Константиновича, включая пушкинские рукописи, оказался в Пушкинском Доме (в здании на Тифлисской ул.), по-видимому, в начале 1923 г. В отчете Академии за 1923 г. говорится: «Обращаясь к Рукописному отделению (Пушкинского Дома. — *Т. И.*), надо отметить ряд особенно ценных в него поступлений, среди которых на первом месте следует отметить собрание рукописей Пушкина, завещанное Дому покойным Президентом Академии поэтом К. Р. (12 автографов Пушкина и альбом Ю. Н. Бартенева с автографом Пушкина)».[55]

Собрание пушкинских автографов, хранившееся у великого князя Константина Константиновича, весьма интересно. Это стихотворение «Певец! Когда перед тобой...», посвященное А. С. Пушкиным поэту-слепцу И. И. Козлову. Этот автограф Александра Ивановна Козлова (1812—1903), дочь поэта, подарила Константину Константиновичу в феврале 1899 г. Великому князю принадлежал также альбом Юрия Никитича Бартенева (1792—1866) с автографами многих русских деятелей культуры. А. С. Пушкин 30 августа 1830 г. сюда вписал стихотворение «Мадонна» («Не множеством картин бессмертных мастеров...»). После кончины вице-президента Академии наук Леонида Николаевича Майкова (1839—1900) его вдова, Александра Алексеевна Майкова

[55] Отчет о деятельности Российской Академии наук за 1923 год / Сост. С. Ф. Ольденбург. Л., 1924. С. 111. Подробнее см.: *Иванова Т. Г.* К истории архивного фонда великого князя Константина Константиновича в Пушкинском Доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 23—46.

(1841—1915), подарила Константину Константиновичу часть майковской коллекции пушкинских автографов. Среди материалов, которые перешли к К. Р., оказались беловые и черновые автографы стихотворений «Муза» («В младенчестве моем она меня любила...»), «Анчар», «Ямб» («Поэт по лире вдохновенной...»), «Сонет» («Поэт, не дорожи любовию народной...»), «Клеветникам России» и др. Всего 12 автографов. Сейчас все эти материалы находятся в фонде А. С. Пушкина (ф. 244).

Помимо пушкинских автографов Константин Константинович владел также одним автографом М. Ю. Лермонтова — письмом поэта к Марии Александровне Лопухиной. Как и пушкинские материалы, этот автограф позднее был выведен из состава фонда К. Р. и передан лермонтовскому фонду (ныне: ф. 524).

Однако значительная часть коллекции Константина Константиновича осталась в материалах его личного фонда (ф. 137). Это автографы Екатерины II, письмо митрополита Платона (Левшина) императору Павлу I, автограф стихотворения Ф. И. Тютчева «А. К. Плетневой» («Чему бы жизнь нас не учила...»), письмо Гете к госпоже фон Фогт, письмо Шиллера к Фридерике Грисбах и др.

Большой интерес представляет личный литературный архив К. Р. — рукописи его стихотворений, переводов, отзывов на произведения других авторов, переписка с деятелями культуры.[56]

Таким образом, в 1922 г. Пушкинский Дом постарался вернуть в свои стены все материалы, которые принадлежали ему к моменту революции.

Несколько слов необходимо сказать об издательской деятельности Пушкинского Дома в 1917—1922 гг. «Временник Пушкинского Дома», начавший выходить в предреволюционные годы, к сожалению, по причине финансовых трудностей, возникших у Академии во время Первой мировой войны, был прекращен. В 1917 г. успел выйти в свет первый пушкинодомский труд монографического характера. Это была книга, подготовленная В. Н. Княжниным «Аполлон Александрович Григорьев. Материалы для биографии» (Пг., 1917), вводящая в научный оборот целый ряд новых документов.

В том же году вышел второй выпуск стороннего издания — «Невского альманаха», в котором был раздел «Из собраний Пушкинского Дома при Академии наук».[57] Б. Л. Модзалевский здесь опубликовал тридцать четыре письма И. А. Гончарова к Ю. Д. Ефремовой (продолжение его публикации во «Временнике Пушкинского Дома. 1914»). Эти материалы были получены от дочери Юнии Дмитриевны Ефремовой Ю. А. Пухальской. Вторая публикация Б. Л. Модзалевского — три письма И. С. Тургенева к М. А. Языкову, полученные Пушкинским Домом от дочери адресата Александры Михайловны Языковой.

---

[56] Часть переписки К. Р. опубликована: *К. Р.* Избранная переписка / Изд. подгот. Е. В. Виноградова, А. В. Дубровский, Л. Д. Зародова, Г. А. Крылова, Л. И. Кузьмина, Н. Н. Лаврова, Л. К. Хитрово. СПб., 1999.

[57] Невский альманах: «Из прошлого» (Писатели, художники, артисты). Жертвам войны. Пг., 1917. Вып. 2.

Из архива Московского цензурного комитета Пушкинский Дом получил сцены из драмы «Раскольник» Ф. М. Решетникова, которые в свое время были подготовлены к печати Г. И. Успенским, а в «Невском альманахе» опубликованы все тем же Б. Л. Модзалевским. Он же является автором предисловия к публикации карикатур художника Николая Александровича Степанова (1807—1877) на К. П. Брюллова, М. И. Глинку, Н. В. Кукольника, В. Г. Бенедиктова и др.

Кроме Б. Л. Модзалевского в издании участвовали В. Н. Княжнин (письмо А. А. Григорьева к А. Н. Майкову), В. Евгеньев (письма Н. А. Некрасова к Н. А. Степанову), Е. П. Казанович (письма К. Д. Кавелина к Марко Вовчок), В. Каратыгин (письма М. И. Глинки к А. С. Даргомыжскому и Н. А. Степанову и письма А. Н. Серова к А. С. Даргомыжскому). Последний материал был вывезен из Гродно во время эвакуации (по причине Первой мировой войны) Александром Сергеевичем Степановым, внуком Н. А. Степанова, который был женат на сестре А. С. Даргомыжского.

Еще одной издательской площадкой для Пушкинского Дома в это сложное время стал журнал «Вестник Европы». В январском (№ 1) и мартовском (№ 3) номерах за 1917 г. также появилась рубрика «Из собраний Пушкинского Дома при императорской Академии наук».[58] Здесь В. Н. Княжниным был опубликован ряд документов, касающихся А. А. Григорьева (два его письма и «Листки из рукописи скитающегося софиста»). Материал, подготовленный Б. Л. Модзалевским, содержал письма К. Д. Кавелина к Александру Ильичу Скребицкому (1827—1915), поступившие в Пушкинский Дом из Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым вместе с архивом последнего (ф. 284).

В 1918 г. свои страницы для публикации пушкинодомских коллекций предоставил еще один журнал — «Нива» (№ 40—43 — тургеневские номера).[59]

Дальнейшие политические события надолго прервали публикаторскую деятельность Пушкинского Дома. И только в 1921 г. выходят два каталога выставок, организованных в особняке Абамелек-Лазаревых.[60]

Следующий же, 1922 год, стал необычайно плодотворным в области публикаций — вышло сразу 15 книг, многие из которых помечены грифом «Труды Пушкинского Дома». По жанру это путеводители по выставкам «Пушкин и его современники» и «Аполлон Григорьев», сборники публикаций новых материалов, посвященных одному персонажу (А. А. Дельвиг, В. Г. Короленко, А. И. Одоевский, А. С. Пушкин,

---

[58] Из собраний Пушкинского Дома при императорской Академии наук // Вестник Европы. 1917. № 1. С. 59—89; № 3. С. 127—212.

[59] Названные номера «Нивы» в библиотеках С.-Петербурга отсутствуют.

[60] *Беляев М. Д.* Выставка в память столетия со дня рождения Н. А. Некрасова в залах Пушкинского Дома при Российской Академии наук. Путеводитель. Пб., 1921; [*Модзалевский Б. Л.*] Выставка в память столетия со дня рождения Ф. М. Достоевского в Пушкинском Доме. Путеводитель. Пб., 1921.

Н. А. Некрасов, А. П. Чехов), и издания смешанного характера («Радуга», «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год»).[61]

Как видим, архивные описания — жанр, освоенный пушкинодомцами в публикациях дореволюционного времени[62] — в этот период подготовлены не были. И это неудивительно. 1917—1922 гг. — это время интенсивного спасения материалов в разоренной стране. В этот период важнее всего было найти архивы у их погибающих владельцев, привезти их в стены Академии наук и, по возможности, произвести самую первичную разборку.[63] На полноценную научно-техническую обработку, как она понимается современной архивистикой, у маленького коллектива Пушкинского Дома не было ни сил, ни времени.

Осенью 1922 г. начиналась новая страница в жизни Рукописного отдела Пушкинского Дома. Закончилась Гражданская война. Страна начинала жить если не сытно, то по крайней мере, не столь унизительно голодно, как во времена смуты. Рукописные сокровища, которым Б. Л. Модзалевский и его окружение посвятили свою жизнь, впервые расположились, пусть и не слишком вольготно, в собственном помещении. В Пушкинском Доме сложился коллектив единомышленников. Можно было в более или менее спокойной обстановке продолжать свое служение на поприще собирания и хранения историко-культурных документов.

---

[61] См.: Пушкинский Дом: Библиография трудов / Сост. А. К. Михайлова. Л., 1981. С. 18—22.

[62] См. описания, вышедшие в дореволюционный период: *Модзалевский Б. Л.* Описание рукописей Пушкина, находящихся в музее А. Ф. Онегина в Париже // Пушкин и его современники. СПб., 1909. Вып. 12. С. 7—47; *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910 (Пушкин и его современники; Вып. 9—10)); *Модзалевский Б. Л.* Список рукописей и некоторых других предметов, принадлежащих Пушкинскому Дому // Известия имп. Академии наук. Сер. 6. 1911. № 7. С. 509—537; *Княжнин В.* Архив Н. А. Добролюбова, принадлежащий Пушкинскому Дому. Описание // Временник Пушкинского Дома. 1913. СПб., [1914]. С. 1—77; *Модзалевский Б. Л., Казанович Е. П.* Описание рукописей, принадлежащих Пушкинскому Дому // Временник Пушкинского Дома. 1914. Пг., [1915]. С. 1—63; *Княжнин В.* Архив Н. А. Добролюбова (Дополнение) // Временник Пушкинского Дома. 1914. СПб., [1915]. С. 64.

[63] Результаты работы Рукописного отделения Пушкинского Дома отражены в изданиях: Пушкинский Дом при Российской Академии наук. Исторический очерк и путеводитель. Л., 1924; Пушкинский Дом. Основан в 1905 году. Л., 1925.

Е. В. Фролова

ФРИДРИХ ВЕСТФАЛЬ — КОРРЕСПОНДЕНТ М. А. БАЛАКИРЕВА

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится письмо Ф. Вестфаля М. А. Балакиреву: «Милостивый государь господин Балакирев, получивши известие, что проба в университете уже последует в пятницу сего 30-го декабря, по причине сего ноты Ваши не поспеют к вышеозначенному числу. Ф. Вестфаль. Декабря 28-го дня 1860 г.».[1]

Вероятнее всего в этом письме речь идет о приготовлениях к состоявшемуся 15 января 1861 г. концерту в университете, где прозвучали антракты к трагедии «Король Лир» М. А. Балакирева.[2] Как видно из текста документа, корреспондент композитора копировал ноты для данного концерта. Содержание письма свидетельствует о том, что его автор — переписчик партий или партитур музыкальных произведений. Поскольку человек по фамилии Вестфаль встретился на пути одного из крупнейших русских композиторов, небезынтересно было бы узнать — кем он был и какое место занимал в истории отечественной музыкальной культуры.

Фамилия «Вестфаль» неоднократно упоминается в эпистолярном наследии М. А. Балакирева. А. С. Ляпунова сочла, что там фигурирует Иоганн Мартин Вестфаль. При публикации переписки композитора с В. В. Стасовым она сослалась именно на этого человека, приведя даже некоторые биографические сведения: «Вестфаль (Вестфален) Иоганн Мартин (1812—?), в 1837—1870 гг. — контрабасист, с 1870 г. — альтист оркестра русской оперы Петербургских императорских театров; в 1876—1879 гг. служил в оркестре немецкой труппы; переписчик

[1] РО ИРЛИ, ф. 162 (М. А. Балакирев), оп. 4, № 209. Без сомнения, письмо это составлено не носителем языка: об этом свидетельствуют неестественная конструкция предложения и грамматические ошибки.

[2] Помимо сочинений М. А. Балакирева, в этом концерте было исполнено симфоническое аллегро Es-dur А. С. Гуссаковского. См.: М. А. Балакирев. Летопись жизни и творчества / Сост. А. С. Ляпунова, Э. Э. Язовицкая. Л., 1967. С. 66.

© Е. В. Фролова, 2005

нот».[3] То же имя встречается и в Полном собрании сочинений М. И. Глинки, где И. М. Вестфаль упоминается опять же как артист оркестра Русской оперы Петербургских Императорских театров и переписчик нот, копировавший сочинения композитора.[4] С другой стороны, в эпистолярном наследии одного из заметных деятелей русской культуры, собирателя автографов М. И. Глинки В. П. Энгельгардта фигурирует некий копиист Вестфаль, который был первым гобоистом театра.[5] Как видим, информация весьма противоречивая. В книге «М. А. Балакирев. Летопись жизни и творчества» указана только фамилия Вестфаль, даже без имени,[6] а в прочих изданиях, посвященных этому композитору, в том числе и в новейших публикациях, данный копиист не упоминается.[7]

Документы, сохранившиеся до наших дней в Российском государственном историческом архиве, наглядно свидетельствуют о том, что в середине XIX в. в оркестрах Петербургских Императорских театров служили два брата Вестфаля — Иоганн Мартин (1812—после 1879) и Фридрих Иоганн (1821—1864). Большая часть приводимых ниже сведений заимствована из служебных дел братьев Вестфалей, находящихся в указанном учреждении.[8]

Иоганн Мартин Вестфаль (Johann Martin Westphal) родился около 1812 г. в Пруссии: в служебном деле музыканта сохранился вид на жительство по 1 января 1839 г. за № 86, выданный 20 января 1838 г., где указано, что ему тогда было 26 лет (однако, если на день выдачи документа ему просто еще не исполнилось 27 лет, Иоганн Мартин мог быть и 1811 г. рождения).[9]

По-видимому, музыкант приехал в Россию в 1836 г.: в отношении Канцелярии Санкт-Петербургского военного генерал-губернатора от

---

[3] М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка. М., 1971. Т. 2. С. 351.

[4] См.: *Глинка М. И.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М., 1977. Т. 2 Б. С. 350.

[5] См.: *Толчаин В.* История создания «Вальса-фантазии» // Советская музыка. 1952. № 10. С. 41—48; Из воспоминаний о Глинке (Извлечения из переписки В. Энгельгардта) // Советская музыка. 1953. № 9. С. 43—49; *Энгельгардт В. П.* Из писем к Н. Ф. Финдейзену // Глинка в воспоминаниях современников. М., 1955. С. 318—324.

[6] См.: М. А. Балакирев. Летопись жизни и творчества. С. 424, 554.

[7] См.: Письма А. Н. Серова к М. А. Балакиреву // Очерки по истории и теории музыки. Л., 1939. С. 286—309; Переписка Балакирева и Кюи // Кюи Ц. Избранные письма. Л., 1955; *Балакирев М. А.* Переписка с Н. Г. Рубинштейном и с М. П. Беляевым. М., 1956; Автографы М. А. Балакирева и материалы, связанные с его деятельностью в фондах ГЦММК им. М. И. Глинки. М., 1959; *Ляпунова А. С.* Творческое наследие М. А. Балакирева. Л., 1960. Вып. 1—3; М. А. Балакирев: Исследования и статьи. Л., 1961; М. А. Балакирев: Воспоминания и письма. Л., 1962; Переписка Балакирева и Римского-Корсакова // Римский-Корсаков Н. А. Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М., 1963. Т. 5; *Кунин И.* М. А. Балакирев: Жизнь и творчество в письмах и документах. М., 1967; Балакиреву посвящается. СПб., 1998; *Зайцева Т. А.* Милий Алексеевич Балакирев: Истоки. СПб., 2000.

[8] РГИА, ф. 497, оп. 1, № 7517. О службе уволенного артиста-альтиста по старости лет и слабости здоровья Иоганна Вестфаля (далее — «дело Иоганна»); РГИА, ф. 497, оп. 2, № 12577. О службе состоявшего при Санктпетербургских театрах умершего музыканта гобоиста иностранца Фридриха Вестфаля (далее — «дело Фридриха»).

[9] Дело Иоганна, л. 16.

23 июля 1837 г. за № 1409 упоминается билет на проезд в Санкт-Петербург за № 280, выданный ему 8 июля 1836 г. от Кронштадтского военного губернатора.[10] Можно предположить, что Иоганн Мартин приехал в Россию морским путем, через Балтийское море и Финский залив.

С 1 июня 1837 г. на основании предписания директора Императорских театров от 21 июня 1837 г. за № 372 Иоганн Мартин Вестфаль был принят на службу в один из оркестров Петербургских Императорских театров на должность контрабасиста; с музыкантом был заключен трехлетний контракт.[11] Основанием для зачисления в штат оркестра стал рапорт директора музыки от 19 июня 1837 г., сохранившийся в деле Иоганна Мартина.[12]

Упоминавшийся уже вид на жительство по 1 января 1839 г. от 20 января 1838 г. сохранил приметы музыканта: «рост средний, волосы и брови русые, глаза голубые, нос и рот умеренные, подбородок круглый, лицо продолговатое, у левого глаза большой рубец».[13]

14 августа 1838 г. Иоганн Мартин Вестфаль женился на прусской уроженке Иоганне Каролине Марианне (Марии) Шрёдер (Johanne Caroline Mariane (Marie) Schröder, или в старинном написании Schroeder): в деле Иоганна Мартина сохранилась копия брачного свидетельства от 19 августа 1838 г.[14] В свидетельстве о смерти Каролины Шрёдер от 15 декабря 1869 г. указано, что она родилась 2 мая 1813 г. в Грайфсвальде.[15]

У Иоганна Мартина и Каролины Вестфаль было несколько детей. Возможно, некоторые из них не дожили до взрослого возраста. В служебном деле музыканта имеются копии метрических свидетельств на немецком языке от 8 февраля 1841 г., 13 сентября 1842 г., 25 января 1845 г. и 16 февраля 1849 г., позволяющие выяснить имена детей: Луиза Мария Магдалена (Louise Marie Magdalene, родилась 13 июня 1839 г.), Максимилиан Николаус Иоахим (Maximilian Nicolaus Joachim, родился 24 сентября 1841 г.), Александр Иоганн Иоахим (Alexander Johann Joachim, родился 3 сентября 1844 г.), Мария Шарлотта Хелена (Marie Charlotte Helene, родилась 15 февраля 1848 г.).[16] В 1853 г. Иоганн Мартин Вестфаль определил своего сына Максимилиана в Ларинскую гимназию, о чем свидетельствует прошение музыканта от 14 июля 1853 г. о выдаче ему свидетельства, что сын его законный и что со стороны дирекции Императорских театров к этому препятствий не имеется.[17] 28 апреля 1865 г. Вестфаль подал прошение о выдаче свидетельства и для дочери Марии: он также определял ее учиться.[18]

В 1840 г., как следует из извещения капельмейстеру Ф. Ралю от 2 марта 1840 г. за № 1023, по истечении срока трехлетнего контракта,

---

[10] Там же, л. 5.
[11] Там же, л. 1.
[12] Там же, л. 2.
[13] Там же, л. 16.
[14] Там же, л. 10.
[15] Там же, л. 53.
[16] Там же, л. 14, 13, 17, 30 соответственно.
[17] Там же, л. 42.
[18] Там же, л. 48.

Иоганну Мартину предложили продлить его еще на год.[19] Хотя сам музыкант выразил желание продлить контракт «на время продолжительнее», что становится известно из рапорта капельмейстера Ф. Раля от 5 марта 1840 г. за № 5,[20] директор Императорских театров, как свидетельствует его предписание от 11 марта 1840 г. за № 134, разрешил только годовую пролонгацию.[21] Второй контракт был подписан между 7 и 10 мая 1840 г.: из отпуска отношения от 7 мая 1840 г. за № 1856 следует, что при этой бумаге капельмейстеру Ф. Ралю был послан упомянутый документ для Иоганна Мартина Вестфаля,[22] а из рапорта того же Ф. Раля от 10 мая 1840 г. за № 58 — что контракт уже подписан.[23]

Несколько раз на протяжении своей службы в оркестре Императорских театров Иоганн Мартин Вестфаль ездил в отпуск в Германию, как тогда было принято формулировать, «для поправления здоровья и по домашним обстоятельствам». В Российском государственном историческом архиве сохранилось дело «Об увольнении в отпуск музыкантов Петра Бендера и Вестфаля»,[24] из которого становится известно, что Иоганн Мартин Вестфаль 10 мая 1841 г. подал прошение об увольнении в отпуск за границу. Отпуск был разрешен с 12 июня 1841 г. на 28 дней: 2 июня 1841 г. музыканту об этом было выдано свидетельство за № 1987. В этом же деле находится рапорт директора Императорских театров от 16 мая 1841 г., в котором написано, что оба музыканта «служат без контрактов», и что «они при том обязанности свои по службе исправляют с усердием».[25]

27 мая 1847 г. Иоганн Мартин подал прошение о начислении пенсиона,[26] положенного ему по закону по истечении 10 лет службы.[27] В отпуске рапорта Министру Императорского двора от 4 июня 1847 г. за № 1850 директор Императорских театров еще раз засвидетельствовал присущее музыканту «всегдашнее по службе ревностное усердие».[28] На основании предписания Министра Императорского двора от 6 июня 1847 г. за № 2058, которое упоминается в предписании директора Императорских театров от 10 июня 1847 г. за № 398, пенсион Иоганну Мартину Вестфалю был назначен.[29] Как было тогда принято, музыкант не отошел от дел, а остался на выслугу двух лет «в благодарность», до 6 июня 1849 г., что следует из текста отпуска отношения инспектору музыки Л. Мауреру от 10 июня 1847 г. за № 1960.[30]

---

[19] Там же, л. 7.
[20] Там же, л. 8.
[21] Там же, л. 9.
[22] Там же, л. 11.
[23] Там же, л. 12.
[24] РГИА, ф. 497, оп. 1, № 8717.
[25] Там же, л. 3, 3 об.
[26] О порядке назначения пенсиона см.: Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 3. Устав о пенсиях и единовременных пособиях.
[27] Дело Иоганна, л. 19.
[28] Там же, л. 21.
[29] Там же, л. 22.
[30] Там же, л. 25.

Но уже в предписании директора Императорских театров от 28 февраля 1849 г. за № 251 А. М. Гедеонов отдал распоряжение «по предстоящей в артисте сем надобности, оставить его на дальнейшую службу Театральной Дирекции».[31]

3 мая 1852 г. Иоганн Мартин, «имея необходимую нужду по домашним обстоятельствам быть за границею в Германии для свидания с родственниками»,[32] вновь подал прошение о предоставлении отпуска, на что получил необходимое разрешение. Музыкант был уволен в отпуск с 8 июня 1852 г. на 28 дней, о чем 26 мая ему было выдано соответствующее свидетельство за № 3160.[33] Известно также, что в этот отпуск Иоганн Мартин ездил вместе «с женою Каролиною и детьми — сыном Максимилианом, дочерьми Луизою и Мариею».[34] В рапорте инспектора музыки от 26 июля 1852 г. Л. Маурер писал: «контрабасист при оркестре балета г. Вестфаль, уволенный в отпуск за границу на 28 дней, не может явиться в срок по случаю болезни».[35] Музыкант вернулся из отпуска только 9 сентября 1852 г., о чем свидетельствует рапорт того же Л. Маурера от 13 сентября 1852 г.[36]

В 1856 г. Иоганн Мартин вместе с другими артистами Петербургских Императорских театров был командирован в Москву для участия в мероприятиях, связанных с коронацией императора Александра II: в Российском государственном историческом архиве сохранились подтверждающие это документы. В рапорте директора Императорских театров министру Императорского двора от 29 июня 1856 г. за № 1638 с приложением «Списка артистам Итальянской, Французской и Балетной трупп, Оркестру и служителям, назначенным к отправлению в Москву для участвования на тамошних Театрах во время Священной Коронации» и в «Перечневой ведомости лицам Министерства Императорского двора, командируемым в Москву по случаю Коронации» среди музыкантов оркестра Балетной труппы перечислен контрабасист Вестфаль (здесь упомянут, конечно, Иоганн Мартин — помимо должности контрабасиста, совпадает с приводимым в его служебном деле размер жалованья музыканта на тот момент времени — 572 рубля серебром в год; Фридрих Вестфаль тогда получал другую зарплату — только 400 рублей серебром в год).[37] Следует обратить внимание, что и в цитированном выше рапорте Л. Маурера от 26 июля 1852 г. Иоганн Мартин назван артистом оркестра Балета. Таким образом, Иоганн Вестфаль служил не только в оркестрах Русской оперы и Немецкой труппы, как это значится в публикации переписки М. А. Балакирева и В. В. Стасова и в Полном собрании сочинений М. И. Глинки, а некоторое время также еще и в оркестре Балетной труппы.

---

[31] Там же, л. 26.
[32] Там же, л. 31.
[33] Там же, л. 35.
[34] Там же, л. 35.
[35] Там же, л. 36.
[36] Там же, л. 38.
[37] РГИА, ф. 472, оп. 9 (52/886), № 85 (20). Об отправлении чиновников Придворного ведомства в Москву по случаю Коронации и о выдаче им подъемных денег, л. 71 об. и 199.

В апреле 1861 г. Иоганн Мартин вновь подал прошение о предоставлении отпуска для поездки в Германию по семейным обстоятельствам.[38] Музыкант был уволен в отпуск с 1 июля по 1 сентября 1861 г., о чем ему было выдано свидетельство от 30 апреля 1861 г. за № 1488, отпуск которого сохранился в его служебном деле.[39]

30 апреля 1869 г. Иоганн Мартин снова подал прошение об увольнении в отпуск в Германию по семейным обстоятельствам с 15 июня по 15 августа 1869 г.[40] Из этого отпуска он вернулся в срок, о чем свидетельствует рапорт инспектора музыки Д. Ферреро[41] от 18 августа 1869 г.[42] В прошении от 30 апреля 1869 г. Иоганн Мартин подписался не как контрабасист, а как альтист: по-видимому, еще до официального перевода его на должность альтиста музыкант некоторое время уже играл в оркестре на этом инструменте.

15 ноября 1869 г. скончалась супруга Иоганна Мартина, Каролина: в его деле сохранилось свидетельство о ее смерти от 15 декабря 1869 г.[43]

На основании предложения директора Императорских театров от 16 января 1870 г. за № 421 Иоганн Мартин был официально переведен из контрабасистов в альтисты. Подлинник предписания находится в служебном деле музыканта — альтиста Фридриха Карла Вихмана.[44]

20 апреля 1871 г. Иоганн Мартин опять подал прошение об отпуске в Германию по домашним обстоятельствам с 15 июня по 15 августа 1871 г.,[45] из которого вернулся в срок, о чем свидетельствует рапорт Д. Ферреро от 17 августа 1871 г.[46]

1 июля 1873 г. с музыкантом был заключен контракт на год, сохранившийся в его служебном деле, который затем продлевался еще дважды; последнее утверждение помечено 15 ноября 1875 г.[47]

23 апреля 1875 г. в дирекцию Императорских театров в очередной раз поступило прошение Иоганна Мартина об увольнении в отпуск для поездки в Германию по семейным обстоятельствам с 15 июня по 15 августа 1875 г.[48] Как следует из рапорта за исправляющего должность инспектора музыки от 16 августа 1875 г., музыкант на службу прибыл в срок.[49]

Из рапорта инспектора музыки Д. Ферреро от 1 июля 1876 г. становится известно, что Иоганн Мартин просил о переводе его из оркестра

---

[38] Дело Иоганна, л. 43.

[39] Там же, л. 47.

[40] Там же, л. 49.

[41] *Ферреро Джованни* (Иван Иосифович, 1817—1877) — с 1845 г. — контрабасист оркестра Итальянской оперы, надзиратель нотной конторы, с 1850 г. — библиотекарь нотной конторы, с 1857 г. исполнял обязанности инспектора музыки; дирижировал представлениями итальянских опер.

[42] Дело Иоганна, л. 51.

[43] Там же, л. 53.

[44] РГИА, ф. 497, оп. 1, № 5169. О службе артиста-альтиста Императорских Санкт-Петербургских театров Фридриха Карла Вихмана, л. 104.

[45] Дело Иоганна, л. 55.

[46] Там же, л. 56.

[47] Там же, л. 59.

[48] Там же, л. 57.

[49] Там же, л. 58.

Русской оперы в Немецкий драматический оркестр.[50] Просьба музыканта была исполнена: он был переведен в Немецкий оркестр, и с ним был возобновлен контракт с 1 июля 1876 г. на один год, как следует из текста предложения барона К. К. Кистера от 22 сентября 1876 г. за № 4414.[51]

Иоганн Мартин Вестфаль закончил свою службу в Петербургских Императорских театрах в 1879 г. В предложении барона К. К. Кистера от 18 октября 1879 г. за № 4992 написано следующее: «альтиста Иоганна Вестфаль уволить с 1-го сентября сего года, по старости лет и слабости здоровья, вовсе от службы Дирекции».[52]

Не удалось установить дату кончины музыканта, а также выяснить, оставался ли он после увольнения в России, или же уехал к себе на родину.

В благодарственном письме, присланном М. И. Глинке из Петербургского Филармонического общества,[53] есть подпись одного из Вестфалей. Сравнивая подпись в подлиннике письма, хранящегося ныне в Кабинете рукописей Российского института истории искусств,[54] с подписями двух братьев в их служебных делах, удалось установить, что в письме Глинке расписался Иоганн Мартин. По-видимому, именно он и был членом этой организации.

Фридрих Иоганн Вестфаль (Friedrich Johann Westphal) родился в 1821 г. Эта дата устанавливается при сопоставлении следующих документов. В отпуске письма управляющему Придворной медицинской частью М. А. Маркусу из конторы Императорских театров от 21 апреля 1864 г. за № 1393 указано, что на момент смерти 9 февраля 1864 г. Фридриху было 42 года.[55] Из этого можно было бы заключить, что он родился в 1822 г. В то же время в служебном деле сохранился вид на жительство Фридриха Вестфаля по 1 марта 1852 г. за № 895, где указан его возраст — 30 лет.[56] Дата выдачи вида на жительство в документе не проставлена, но можно с уверенностью сказать, что Фридрих получил его в 1851 г. Во-первых, вид на жительство, как правило, выдавался на год,[57] и эта бумага вряд ли была составлена в 1852 г., поскольку слишком краток был бы срок действия документа — всего 1—2 месяца. Во-вторых, на оборотной стороне вида на жительство имеются пометы квартальных надзирателей, помеченные 21 марта 1851 и 21 сентября 1851 г. Это свидетельствует в пользу того, что он родился все же в 1821 г. По-видимому, на день кончины ему просто еще не исполнилось 43 года. В отпуске отношения в Иностранное отделение Санкт-Петербургской Адресной экспедиции от 18 октября 1850 г. и в виде на

---

[50] Там же, л. 60.

[51] Там же, л. 61.

[52] Там же, л. 62.

[53] См.: *Глинка М. И.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М., 1977. Т. 2 Б. С. 319.

[54] КР РИИИ, ф. 6, оп. 1, № 55.

[55] Дело Фридриха, л. 25.

[56] Там же, л. 9.

[57] О порядке выдачи видов на жительство см.: Свод законов Российской империи. СПб., 1842. Т. 14. Устав о паспортах и беглых.

жительство по 1 марта 1852 г. названо место рождения музыканта — прусский город Бисдорф (очевидно, русифицированное написание топонима Bischdorf, Бишдорф).[58]

В Россию Фридрих приехал, скорее всего, в конце 1840-х годов: в отношении Иностранного отделения Санкт-Петербургской Адресной экспедиции от 21 октября 1850 г. за № 1397 упомянут его заграничный паспорт за № 14, выданный 20 мая 1847 г. от Прусского правительства в Штральзунде (Stralsund, в документе значится русифицированное название Стральзунд).[59] Штральзунд находится на самом севере Германии, на побережье Балтийского моря; скорее всего, и Фридрих прибыл в Россию морским путем. Важно отметить, что в сохранившейся в служебном деле Иоганна Мартина копии метрического свидетельства его дочери Марии (родилась 15 февраля 1848 г.) от 16 февраля 1849 г. уже упоминается Фридрих Вестфаль.[60] Возможно, в Россию своего младшего брата позвал Иоганн Мартин, давно обосновавшийся здесь. В прошении от 18 августа 1851 г. Фридрих называет себя «Вестфалем 2-м».[61]

Осенью 1850 г. Фридрих Вестфаль с успехом прошел прослушивание как исполнитель на гобое с целью получить работу в оркестрах Петербургских Императорских театров. Прослушивал его инспектор музыки Л. Маурер, который 5 октября 1850 г. представил рапорт, где Вестфаль назван «весьма способным и достойным для занятия означенной вакансии».[62] Этот рапорт и стал основанием для зачисления музыканта в штат оркестрантов.

Фридрих поступил на службу 17 октября 1850 г. — данным числом датировано предписание директора Императорских театров.[63] Этому учреждению музыкант посвятил всю свою оставшуюся жизнь.

Упоминавшийся выше вид на жительство по 1 марта 1852 г. содержит «приметы» музыканта, дающие возможность хотя бы приблизительно представить, как выглядел Фридрих Вестфаль около февраля—марта 1851 г.: «лет 30, рост высокий, волосы и брови русые, глаза сероголубые, нос и рот умеренные».[64]

Летом 1851 г. Фридрих Вестфаль собрался жениться на дочери золотых дел мастера, уроженке Гамбурга, Елизавете Анне Беккер (Елизавета Беккер на несколько лет пережила мужа; после его кончины она, по сведениям адресной книги, занималась изготовлением дамских шляпок, продолжая проживать в том же доме, что и при жизни супруга[65]). Для этого он просил контору Императорских театров выдать ему свидетельство о том, что для вступления его в брак со стороны учреждения препятствий не имеется.[66] Из отпуска этого свидетельства от

---

[58] Дело Фридриха, л. 4, 9.
[59] Там же, л. 5.
[60] Дело Иоганна, л. 30.
[61] Дело Фридриха, л. 7.
[62] Там же, л. 2.
[63] Там же, л. 1.
[64] Там же, л. 9.
[65] См.: Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. СПб., 1867—1868. С. 86.
[66] Дело Фридриха, л. 7.

20 августа 1851 г. становится известно, что Иоганн Мартин Вестфаль был братом Фридриха (Иоганн Мартин удостоверил, что Фридрих был на тот момент холост).[67] Свадьба состоялась, очевидно, осенью 1851 или зимой 1851—1852 г.; в любом случае, 23 января 1852 г. Фридрих был уже женат, как о том свидетельствует отпуск отношения в Иностранное отделение Санкт-Петербургской Адресной экспедиции от этого числа за № 7788.[68]

15 августа 1855 г. у Фридриха и Елизаветы Вестфаль родился сын Анатолий (имя ребенка указано в отпуске отношения в канцелярию Министерства Императорского двора от 13 мая 1864 г. за № 2013,[69] а дата его рождения — в отпуске свидетельства Елизавете Вестфаль от 26 мая 1864 г. за № 2223[70]). Насколько можно судить по указанным документам, это был их единственный ребенок. По крайней мере, документы свидетельствуют, что после кончины Фридриха у него оставался только один малолетний сын.

В октябре 1860 г. Фридрих Вестфаль подал прошение о назначении ему пенсиона, надеясь, что он так же, как и его брат Иоганн Мартин, отслужив 10 лет в оркестре Императорских театров, имеет на него право. Однако к моменту зачисления его на службу уже вышли дополнения к прежним правилам, по которым Фридриху надлежало прослужить для получения пенсиона не 10, а 15 лет, т. е. до 1865 г. В пенсионе ему отказали, но вместо этого директор Императорских театров распорядился о прибавке музыканту жалованья.[71]

9 февраля 1864 г. Фридрих Вестфаль скончался от болезни (в деле сохранилось свидетельство о смерти от 17 февраля 1864 г. за № 81[72]), так и не дослужившись до желаемого пенсиона. Характер его заболевания по прошествии столь длительного времени трудно определить. Вот что писала по этому поводу вдова Фридриха Елизавета Вестфаль в своем прошении от 18 февраля 1864 г. о назначении ей и их малолетнему сыну пенсии за труды отца: «Постоянная в течение почти 14 лет игра на гобое причинила ему в мозговых оболочках головы неизлечимую болезнь, от которой он 9 сего февраля и скончался».[73] В отпуске рапорта директора Императорских театров министру Императорского двора от 28 февраля 1864 г. за № 625 есть фрагмент, позволяющий оценить уровень развития медицины того времени (директор опирался здесь на свидетельства врачей): «умер он от многолетней игры на гобое, инструменте, требующем постоянного напряжения дыхательных органов, т.е. продолжительного выдыхания, под влиянием которого легко образуется застой крови в мозге и воспаление в мозговых оболочках».[74]

---

[67] Там же, л. 8.
[68] Там же, л. 11.
[69] Там же, л. 27.
[70] Там же, л. 30.
[71] Там же, л. 12—14.
[72] Там же, л. 20.
[73] Там же, л. 18.
[74] Там же, л. 22 об.

Из текста прошения следует, что Фридрих Вестфаль занимал должность первого гобоиста оркестра Русской оперы.[75] На прошении Елизаветы Вестфаль есть приписка инспектора музыки В. А. Кологривова, датированная февралем 1864 г., где имеется характеристика скончавшегося музыканта: «Гобоист Вестфаль был отличный артист во всех отношениях, и на службе был один из самых ревностных и добросовестных».[76] Похожая надпись В. А. Кологривова находится и на письме управляющего Придворной медицинской частью М. Маркуса А. М. Борху от 19 марта 1864 г.: «Г. Вестфаль был один из лучших артистов, и на службе всегда был один из самых исправных».[77]

Пенсию вдове и сыну Фридриха Вестфаля назначили (сохранилась копия с предписания министра Императорского двора от 15 мая 1864 г. за № 2108[78]), и это свидетельствует о том, что после смерти мужа женщина решила остаться в России. Как известно, иностранцам, покидавшим пределы нашего государства, пенсион не назначался.

Итак, два оркестранта Петербургских Императорских театров, две разные личности — Иоганн Мартин Вестфаль и Фридрих Иоганн Вестфаль — в имеющейся исследовательской литературе как бы слились в одну. Этим и объясняются приведенные выше противоречия. Возможно, путаница произошла отчасти оттого, что у немцев принято иметь несколько имен, а у братьев Вестфалей, как видим, одно из имен — Иоганн — совпадает. Разделив биографии двух музыкантов, попытаемся выяснить, кто же из них был нотным копиистом, и с кем из них имели дело М. И. Глинка и М. А. Балакирев.

В адресной книге М. И. Глинки находится следующая запись: «Вестфаль. На правой стороне, в последнем доме, в Никольском переулке».[79] Никольским переулком, скорее всего, композитор назвал улицу, идущую от Поцелуева моста до церкви святого Николая Чудотворца (ныне — улица Глинки), которая в различных адресных книгах названа то Никольской улицей, то Никольским переулком, то Никольским проспектом (по планам города очевидно, что это была одна и та же улица, и других улиц с одним названием «Никольская» адресные книги не упоминают). Последним домом на правой стороне мог быть только известный дом Бенуа, который находился на том же самом месте, что и теперь: последний дом на другой стороне Никольской улицы не был жилым — в нем находились конторы и учреждения. По сведениям адресной книги по правой стороне у Поцелуева моста располагались Комиссариат и Батальон военных кантонистов.[80]

На прошении вдовы Фридриха Елизаветы Вестфаль от 18 февраля 1864 г. о предоставлении ей и их сыну пенсиона, сохранившемся в служебном деле ее супруга, есть приписка простым карандашом: «у Боль-

---

[75] Там же, л. 18.
[76] Там же, л. 18.
[77] Там же, л. 23.
[78] Там же, л. 28.
[79] *Глинка М. И.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М., 1977. Т. 2 Б. С. 219.
[80] См.: *Нистрем К. М.* Адрес-календарь Санктпетербургских жителей. СПб., 1844. Т. 1. Раздел «Наглядный указатель Санкт-Петербурга». С. 51.

шого театра в Николаевской улице. Дом Бенуа № 15» (фактически, тот же адрес, что и в адресной книге М. И. Глинки).[81] Логичнее всего предположить, что это — адрес Елизаветы, по которому можно было бы найти вдову при необходимости. Это же подтверждает адресная книга 1867—1868 г.: «Вестфаль, Елисав. Андр. Никол. ул. д. 15, кв. 2. Дел. дамск. шляпы».[82]

Иоганн Мартин Вестфаль проживал по другим адресам. В адресной книге на 1844 г. имеются следующие сведения: «Вестфаль, Иоанн, в Оркест. Нем. Театра у Покрова, д. Полторацкого».[83] Дом Полторацкого находился по тогдашнему адресу на ул. Большая Садовая, д. 84, недалеко от Покровской церкви (ныне Садовая улица в районе Английского проспекта — площади Тургенева). В адресной книге 1867—1868 г. указано: «Вестфаль, Иоган. Офицер. ул. д. 11, кв. 7. Артист».[84] Офицерских улиц было несколько; скорее всего, Иоганн Мартин жил на той Офицерской, которая теперь носит название улицы Декабристов, поскольку она расположена ближе всего к зданию Большого театра. Дом № 11 (дом Исаева) находился на углу Офицерской и Фонарной улиц (ныне угол Декабристов и Фонарного переулка). Как видим, применительно к Иоганну Мартину Вестфалю Никольская улица в адресных книгах не упоминается.

На основании приведенных адресных данных можно высказать предположение, что М. И. Глинка имел дело с Фридрихом Иоганном Вестфалем, а не с его старшим братом Иоганном Мартином. Эта гипотеза подтверждается сопоставлением целого ряда других данных.

В переписке В. П. Энгельгардта, связанной с судьбой рукописного наследия М. И. Глинки, стабильно упоминается первый гобоист Петербургских Императорских театров Вестфаль, то есть речь идет именно о Фридрихе, а не об Иоганне Мартине. В. Толчаин в статье «История создания „Вальса-фантазии“» процитировал письмо В. П. Энгельгардта Д. В. Стасову от 15 (27) января 1895 г., где собиратель автографов М. И. Глинки рассказал своему адресату о том, как удалось найти первую оркестровую редакцию пьесы в инструментовке Й. Германа:[85] «Вальс я отыскал через Вестфаля, впоследствии 1-го гобоиста Мариинского театра, а в то время беднейшего музыканта, который для насущного хлеба пилил 2-ю скрипку на вечеринках с танцами. Оригинальный манускрипт вальса пропал, но Вестфалю в старом архиве Павловского оркестра удалось найти инструментальные партии, и по ним он составил партитуру, которая у меня находится и до сих пор».[86]

В письмах Н. Ф. Финдейзену 1890-х годов В. П. Энгельгардт рассказал об этом более подробно, упомянув также и о других заказах копиисту: «Мысль собрать сочинения Глинки явилась у меня после по-

---

[81] Дело Фридриха, л. 18 об.

[82] Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. С. 86.

[83] *Нистрем К. М.* Адрес-календарь Санктпетербургских жителей. СПб., 1844. Т. 3. С. 196.

[84] Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга. С. 86.

[85] *Герман Йозеф* — австрийский дирижер; в 1838—1844 г. — дирижер оркестра в Павловске.

[86] *Толчаин В.* История создания «Вальса-фантазии». С. 44.

жара Большого московского театра, когда там сгорели партитуры „Жизни за Царя" и „Руслана". После сего оставалось только при петербургской нотной театральной конторе, и вообще только по одному экземпляру партитур „Жизни за Царя" и „Руслана", и чтобы хоть сколько-нибудь обеспечить сохранность этих гениальных, и для России бесценных опер, я поручил Вестфалю (впоследствии гобоист Мариинского театра, а тогда бедный музыкант, игравший на балах, на скрипке, по найму) переписать для меня полные оркестровые партитуры обеих опер, и вообще всего, что найдется в театральной нотной конторе из сочинений Глинки <...> В то время (когда Вестфаль переписывал для меня партитуры) в театральной нотной конторе был ужаснейший беспорядок. Прежний начальник конторы (Гунке[87]) отошел, а новый (Ферреро) еще не был назначен. Всем распоряжались писаря братья Пендорф[88] и Петруша <...> С помощью этих господ я начал рыться в шкафах и к неописанной моей радости открыл полные автографные партитуры „Холмского" и „Тарантеллы". Об этих пьесах никто тогда ничего не знал; они были забыты. Я заказал списать с них копии, которые остались в конторе, а оригиналы взял себе без позволения и без зазрения совести. Хотелось мне очень отыскать „Valse mélancolique",[89] написанный Глинкой для Павловского оркестра Германа, но долго все мои поиски были тщетны. Герману наследовал Гунгль, после которого были еще другие капельмейстеры, но никто из них не играл больше этого вальса. Наконец Вестфалю удалось отыскать оркестровые партии вальса, и он по ним написал партитуру <...> Не малого труда стоило мне тоже отыскание Bolero для оркестра на тему романса: „О, дева чудная моя". Не помню, нашел ли я автографную партитуру в театральной конторе, или же партитура была составлена Вестфалем по оркестровым голосам. Об этом легко навести справку в импер<аторской> Публ<ичной> библ<иотеке>. Это Bolero было тоже написано для оркестра Германа».[90]

В воспоминаниях В. П. Энгельгардта содержится противоречие в указании на время, когда Ф. Вестфаль переписывал для него партитуры. Как известно, пожар Московского Большого театра, когда погибли рукописи опер, имел место в 1853 г. С другой стороны, документы, сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве, позволяют определить сроки службы Иосифа Гунке и Джованни Ферреро в должности надзирателей нотной конторы. Как свидетельствуют бумаги из их служебных дел, И. Гунке был назначен на эту долж-

[87] *Гунке Иосиф* (Осип Карлович, 1801—1883) — музыкальный теоретик, композитор и педагог; в 1823 г. переселился в Россию из Чехии, в 1834—1844 гг. — скрипач в оркестре Петербургских Императорских театров, в 1844—1845 гг. — надзиратель нотной конторы; преподавал в Придворной певческой капелле.

[88] *Пендорф Вильгельм* — нотный копиист.

[89] «Меланхолический вальс» (*франц.*).

[90] Глинка в воспоминаниях современников. С. 319—320. Сам Глинка также специально занимался розыском этих партитур. 2 января 1856 г. он писал К. А. Булгакову: «Приводя в возможный порядок мои сочинения, я обрел Bolero и на днях надеюсь обрести Valse-Fantaisie, игранные в Павловске в 1840 году» (*Глинка М. И.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М., 1977. Т. 2 Б. С. 104).

ность 22 мая 1844 г., а уволен 2 декабря 1845 г.,[91] и в тот же день А. М. Гедеонов распорядился возложить обязанности И. Гунке на Д. Ферреро, который исполнял их до самой своей кончины 12 мая 1877 г.[92] Как видим, смена начальника нотной конторы произошла в середине 1840-х годов, то есть значительно ранее пожара в Московском Большом театре. Кроме того, Фридрих Вестфаль получил свой заграничный паспорт в Штральзунде только 20 мая 1847 г., а в Россию он приехал, разумеется, позднее. Возможно, работа В. П. Энгельгардта и Ф. Вестфаля с глинкинскими рукописями происходила в несколько этапов, но, по прошествии длительного времени (приведенная выше цитата заимствована из письма от 2 (14) декабря 1897 г.), эти подробности стерлись из памяти автора письма. Обобщая приведенные выше данные, можно лишь приблизительно датировать события, описанные в анализируемом документе концом 1840-х—началом 1850-х годов.

В письме Н. Ф. Финдейзену из Дрездена от 2 (14) декабря 1897 г. В. П. Энгельгардт указал, что копии «Вальса» и «Болеро», выполненные Ф. Вестфалем, в то время находились у него.[93] Оркестровая редакция «Болеро» до сих пор не обнаружена и считается утраченной. Судьбу же партитуры «Вальса-фантазии» можно проследить лишь гипотетически. Она могла оставаться у В. П. Энгельгардта и далее, а впоследствии быть утерянной вместе со всеми прочими ценнейшими материалами из его личного архива.

В 1891 г. В. П. Энгельгардт прислал из Дрездена в Петербург в Публичную библиотеку партитуру «Вальса-фантазии» в инструментовке Й. Германа.[94] Возможно, это была еще одна копия первой оркестровой редакции сочинения. Но не исключено, что, говоря Н. Ф. Финдейзену в 1897 г. о местонахождении копии «Вальса-фантазии», выполненной Ф. Вестфалем, искренний почитатель М. И. Глинки запамятовал, что уже в 1891 г. он отослал манускрипт в Публичную библиотеку. Тогда этой партитурой может быть рукопись, хранящаяся в фонде М. И. Глинки в Российской национальной библиотеке, на которой есть пометы, сделанные рукою В. П. Энгельгардта.[95] Данный манускрипт там смотрел М. А. Балакирев уже в 1898 г. 3 декабря 1898 г. он писал В. В. Стасову: «Давича я был в Библиотеке и смотрел рукопись партитуры „Valse-Fantaisie“ Глинки. Она оказалась писанной покойным Вестфалем, который писал и партитуры опер Глинки, находящиеся у Вашего брата Д<митрия> В<асильевича>, и притом оркестровка оказалась совсем иной и гораздо худшей: а потому я полагаю, что Глинка сам наинструментовал вновь эту пиесу <...> Что же касается до имею-

---

[91] РГИА, ф. 497, оп. 1, № 6386. О службе надзирателя нотной конторы Иосифа Гунке.

[92] РГИА, ф. 497, оп. 1, № 10342. О службе и<справлявшего> д<олжность> инспектора музыки и надзирателя нотной конторы Ивана Ферреро.

[93] Глинка в воспоминаниях современников. С. 320.

[94] См.: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1891 год. СПб., 1894. С. 116.
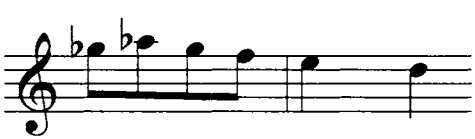
[95] РНБ, ф. 190, № 30. На титульном листе рукописи рукою В. П. Энгельгардта написано по-французски: «Меланхолический вальс, сочинение М. И. Глинки. Оркестрован по указаниям композитора Германом, дирижером оркестра в Павловске».

щейся в Вашей библиотеке рукописи партитуры „Valse-Fantaisie", то она может быть выброшена как хлам без всякого опасения вреда для искусства и истории творчества Глинки, т. к. эта партитура, очевидно, оркестрована не им, и там, кроме вздору, ничего нет»[96] (к счастью, В. В. Стасов не последовал опрометчивому совету М. А. Балакирева). Рукопись, числящаяся в фонде М. И. Глинки под № 30[97] — единственный в Публичной библиотеке неавторский вариант инструментовки пьесы, поэтому нет сомнения, что М. А. Балакирев писал именно об этой партитуре.

Письмо Фридриха Вестфаля М. А. Балакиреву, сохранившееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, является важным свидетельством того, что М. А. Балакирев заказывал копии именно Фридриху, а не Иоганну Мартину. Рукопись «Вальса-фантазии» в инструментовке Й. Германа из фонда М. И. Глинки в Российской национальной библиотеке может служить образцом нотного почерка Ф. Вестфаля, засвидетельствованным М. А. Балакиревым. Указание М. А. Балакирева на Ф. Вестфаля очень ценно, поскольку он прекрасно знал почерк копииста: последний неоднократно переписывал для него ноты.

Из письма М. А. Балакирева В. В. Стасову от 20 июля 1858 г. становится известно, что в то время Фридрих Вестфаль переписывал партитуру «Увертюры на темы трех русских песен» композитора.[98] Манускрипт сохранился до наших дней и в настоящее время находится в фонде Н. А. Римского-Корсакова в Российской национальной библиотеке.[99] Действительно, он писан этим копиистом, только титульный лист, названия инструментов в начале партитуры и акколады[100] (а также ряд помет в самом тексте) принадлежат руке М. А. Балакирева.

Ценные сведения привела А. С. Ляпунова в комментарии к письму М. А. Балакирева В. В. Стасову от 20 июля 1858 г. Она опубликовала фрагмент письма Д. В. Стасова М. А. Балакиреву от 30 июля 1858 г., в котором имеются важные свидетельства о работе Ф. Вестфаля с нотными рукописями, о его подходе к процессу копирования: «Увертюру Вашу Вестфаль принес только на днях и получил за нее должное; при этом, как настоящий немец, делал некоторые замечания, что ему кажется, в одном месте надобно поставить des, а не d, и т. п., именно это в части, которая идет в b: в басу ces, флейты es, а скрипки

[96] М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка. М., 1971. Т. 2. С. 185.

[97] В описаниях первой редакции «Вальса-фантазии» эта рукопись представлена как «копия переписчика» (без указания фамилии копииста) или как «рукопись неустановленного лица», см.: Опись фонда Глинки в РНБ, л. 5; Рукописи М. И. Глинки: Каталог. Л., 1950. С. 26—27; *Ляпунова А. С.* Опись архива М. И. Глинки // Сборник трудов Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Л., 1954. Т. 2. С. 195.

[98] М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка. М., 1970. Т. 1. С. 69.

[99] РНБ, ф. 640 (Н. А. Римский-Корсаков), оп. 1, № 1153.

[100] Фридрих Вестфаль, как правило, не проставлял акколады в своих рукописях.

так вот это d якобы должно заменить des'ом, потому что слишком близко к es; я его избавил от переделки».[101]

Как видим, Фридрих Вестфаль не копировал ноты механически, а вдумывался в содержание нотного текста и представлял себе, как это будет реально звучать. Приведенная выше цитата свидетельствует об активности внутреннего слуха переписчика в процессе копирования, а также о том, что он мог (и даже, по-видимому, считал своей обязанностью) при этом редактировать музыку.

М. И. Глинка также охотно заказывал переписывать свои сочинения Фридриху Вестфалю. К примеру, именно он готовил нотные материалы к несостоявшемуся в феврале 1855 г. из-за кончины императора Николая I концерту Д. М. Леоновой. Накануне предполагавшегося концерта (предположительно 11 февраля 1855 г.) композитор писал Д. В. Стасову: «Боюсь только, чтобы не вышло остановки от Вестфаля, и убедительнейше прошу добыть от него Хоту»[102] (по-видимому, в обычной манере переписчика было задерживать выполнение заказа: ср. содержание этого письма с письмом Ф. Вестфаля М. А. Балакиреву). Неудивительно, что М. И. Глинка обращался именно к нему: Фридрих Вестфаль был очень грамотным музыкантом, прекрасно знал оркестр (правда, несколько хуже разбирался в вокальном интонировании). Рукописи этого копииста отличаются осмысленным подходом к нотному тексту, по-настоящему музыкантским и творческим отношением. По-видимому, композитор доверял его мнению и его опыту.

Рукой Фридриха Иоганна Вестфаля было переписано по три экземпляра обеих опер М. И. Глинки — для В. П. Энгельгардта, Д. В. Стасова и немецкого музыкального теоретика и педагога З. Дена. До настоящего времени сохранились обе «деновские» партитуры[103] и два тома «стасовской» копии оперы «Жизнь за Царя».[104] Действительно, они записаны тем же почерком, что и «Вальс-фантазия» в инструментовке Й. Германа из фонда М. И. Глинки и «Увертюра на темы трех русских песен» М. А. Балакирева из фонда Н. А. Римского-Корсакова в Российской национальной библиотеке.

Сопоставив исторические факты, сведения из переписки и мемуаров, данные почерковедческих экспертиз и архивных документов, можно с уверенностью сказать, что ссылки на Иоганна Мартина Вестфаля в книге «М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка» и в Полном собрании сочинений М. И. Глинки ошибочны. В опубликованных там эпистолярных материалах фигурирует его младший брат Фридрих Иоганн Вестфаль.

---

[101] М. А. Балакирев и В. В. Стасов. Переписка. М., 1970. Т. 1. С. 373.

[102] *Глинка М. И.* Полное собрание сочинений. Литературные произведения и переписка. М., 1977. Т. 2 Б. С. 55—56.

[103] Хранятся в Берлинской государственной библиотеке: Staatsbibliothek zu Berlin. Musikabteilung. Mus. ms. 7710, 7711.

[104] Один из них хранится в Библиотеке Российского института истории искусств (Пт/г-542, № 18549-Н), другой — в Рукописном отделе Петербургской консерватории (№ 1629).

Ошибка в указанных изданиях стала причиной неверной атрибуции письма Ф. Вестфаля М. А. Балакиреву в указателе музыкальных материалов в фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома, в котором оно числится как письмо И. М. Вестфаля.[105] Рассмотрение анализируемого документа в контексте других исторических источников позволило выяснить истинное имя его автора.

Письмо Ф. Вестфаля М. А. Балакиреву является важным звеном в цепи фактов, свидетельствующих о том, что нотным копиистом, переписывавшим сочинения М. И. Глинки и М. А. Балакирева, был именно Фридрих Иоганн Вестфаль. Поэтому оно является ценным источником по истории отечественной музыкальной культуры.

---

[105] См.: Музыка и музыканты. Творческие и биографические материалы в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома XVIII—XX вв. Указатель / Сост. Л. В. Герашко, Л. Д. Зародова, А. Г. Носова, Н. А. Прозорова, М. В. Родюкова; Под ред. Т. Г. Ивановой и Т. З. Сквирской. СПб., 2003. С. 54, 394.

А. А. Кобринский

МАТЕРИАЛЫ ГРИГОРИЯ ШМЕРЕЛЬСОНА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА*

Поэт Григорий Бенедиктович Шмерельсон, чей архив хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома, известен только немногим специалистам — историкам литературы. Однако уже сейчас становится понятно, что его роль в истории литературного процесса Петрограда—Ленинграда 1920-х гг. во многом превышает значение Шмерельсона-поэта, которое также очевидно занижено. Настоящий обзор призван описать и ввести в научный оборот материалы генерального секретаря «Воинствующего ордена имажинистов», хранящиеся как в РО ИРЛИ, так и в других архивных хранилищах.

1

Григорий Бенедиктович Шмерельсон родился 21 ноября (4 декабря) 1901 г. в городе Двинске Витебской губернии, в интеллигентной еврейской семье. Отец, Бенедикт[1] Григорьевич Шмерельсон, 1867 года рождения, до революции сменил много профессий: был рассыльным, конторщиком, агентом страхового общества, работал в банке. В 1900 г. семья переехала в Нижний Новгород. После революции отец Шмерельсона работал в транспортной промкооперации, а в 1933 г. ему была назначена, как бывшему ответственному работнику, персональная пенсия. Мать, Роза Ароновна, занималась воспитанием детей и вела домашнее хозяйство, умерла в 1926 г.[2] Семья была большая. У Григо-

* Работа подготовлена при поддержке фонда Research Support Scheme, грант № 902/1998.

[1] С 1930-х гг. Шмерельсон стал писать свое отчество «Венедиктович» и имя отца в анкетах и автобиографиях стал указывать как «Венедикт».

[2] «Мать — Роза Ароновна — чуткий, добрый человек, с врожденным аристократизмом духа, оказала на меня большое влияние, укрепив сознание радости жизни и предназначенности человека», — писал Шмерельсон 10 августа 1922 г. в автобиографии, адресованной Петру Яковлевичу Заволокину (Российский государственный архив литерату-

© А. А. Кобринский, 2005

рия было три брата: Аркадий, врач; Моисей (1893—1933), ответственный работник Северо-Западного управления водного транспорта в Петрограде—Ленинграде, кандидат экономических наук; Борис, бухгалтер-экономист, и сестра Ольга (1900—?), врач-психиатр. Как писал впоследствии сам Шмерельсон, «с ранних лет родители приучали нас, детей... к трудовым навыкам и развивали в нас желание к учению».[3] Однако реализовать это стремление было не так-то легко: в царской России действовала печально известная процентная норма для евреев. Несмотря на сданные на пятерки экзамены, Шмерельсона не приняли ни в губернскую гимназию, ни в реальное училище. И только счастливый случай — открытие в 1911 г. в Нижнем Новгороде частной прогимназии В. П. Троицкого (впоследствие преобразованной в 1-ю общественную мужскую кооперативную гимназию) — помог мальчику стать гимназистом. В частную гимназию поступить было легче.

В гимназии Шмерельсон скоро обнаружил сильный интерес к театру и литературе. Афиши, которые он сохранил в своем архиве, фиксируют его выступления.[4] В феврале 1916 г., будучи в 4 классе, на литературно-музыкально-вокальном вечере он читает стихи Пушкина и перевод Полонского, через 9 месяцев он участвует в гимназической постановке «Ревизора» (играет роль Почтмейстера), в феврале 1917 г. на гимназическом вечере читает Надсона («Друг мой, брат мой...»), в декабре этого же года на таком же вечере — Северянина («Поэза странностей жизни», «Весна»).

Революция застает Шмерельсона в гимназии, которая преобразуется в единую трудовую школу. Уже здесь проявились его литературно-организаторские способности. Он становится организатором рукописного гимназического журнала («Антик»), но не останавливается на этом: Шмерельсону удается наладить переписку со сверстниками из разных городов, включая Москву, издающими подобные рукописные (машинописные, гектографические и др.) издания в своих гимназиях. В журнале помещаются их произведения, организуются обзоры присылаемых Шмерельсону гимназических журналов. К гимназическому периоду относятся и его собственные первые стихотворные опыты.[5]

В последнем классе (1918/1919) он параллельно с учебой начинает посещать лекции на историко-филологическом факультете Нижегородского университета, решение об открытии которого Ученый совет принял 8 ноября 1918 г. С 9 декабря 1918 г. он стал полноправным студентом славяно-русского отделения этого факультета, называвшегося тогда «факультет общественных наук». По окончании школы[6] он параллельно устраивается на работу в качестве помощника делопроиз-

---

ры и искусства, ф. 1068 (Заволокин П. Я.), оп. 1, № 188, л. 4. Далее: «Автобиография 1922» с указанием листов).

[3] РО ИРЛИ, ф. 699 (Г. Б. Шмерельсон), № 83, л.1.

[4] РО ИРЛИ, ф. 699, № 89.

[5] «Стихи пишу с 1918 года. До этого — с 1913 г. — писал корреспонденции, статьи, заметки и пр. Печататься начал (стихи) с 1919 г.» (Автобиография 1922, л.5).

[6] Свидетельство об окончании 19 советской школы в Нижнем Новгороде № 597 от 8 мая 1919 г. см.: РО ИРЛИ, ф. 699, № 85, л. 6—6 об.

водителя, но работу вскоре пришлось бросить — учеба потребовала слишком много времени.[7] Впрочем, и учебой Шмерельсон занимался не очень прилежно.[8] Гораздо больше сил отнимала студенческая литературная деятельность, в которую он сразу же окунулся с головой. Уже в мае 1919 г. он становится одним из организаторов Литературно-художественного кружка студентов Нижегородского университета, а также членом его президиума и казначеем. Шмерельсон также был одним из редакторов издававшегося типографским способом с 1921 г. студенческого двухнедельника «Мысль».[9] Из сохранившегося в фонде первого номера[10] мы узнаем, в частности, что кроме него в литературно-художественный кружок входили поэты В. Чешихина, Т. Петрова, Л. Синеокова, П. Узник (Даданов), Ив. Ермолаев, Д. Кузнецов, Евг. Моравский, П. Козин. Издавался также студенческий журнал «Метеор», проводились выставки книг, доклады, причем в работе кружка участвовали не только студенты, но и преподаватели. Так, к сезону 1919/1920 гг. относятся доклады проф. В. А. Волошинова «Многогранный индивидуум — создает мощный коллектив» и студента Г. Шмерельсона «Имажинизм».[11] В 1920/1921 гг. Шмерельсоном был прочитан доклад «Рыжий поэт Василий Каменский». Конечно, в двухнедельнике печатались и стихи, в том числе и самого Шмерельсона.

В 1920 г. Шмерельсон становится членом президиума и секретарем Нижегородского отделения Всероссийского союза поэтов.[12] У него

---

[7] Впоследствии Шмерельсон до переезда в Петроград еще не раз будет зачислен на различные должности, дававшие ему хоть какой-то паек и заработок. В его трудовой книжке упомянуты: зав. книжным складом (1920), секретарь редакций газет «Красный Волжский флот» и «Красный Волгарь» (1920—1921), секретарь инспектора труда водного транспорта Нижегородского района Волжской области (1921), секретарь ЛИТО художественного отдела Нижгубнаротнароба (1921) (РО ИРЛИ, ф. 699, № 85, л. 7 об.—8).

[8] Согласно удостоверению, выданному ему в 1921 г. при переезде в Петроград, а также в связи с закрытием историко-филологического факультета в Нижегородском университете, за 2,5 года Шмерельсон прослушал следующие предметы: «Введение в языковедение» и «Старославянский язык» (проф. П. А. Растаргуев), «Немецкий язык» и «Семинарий по ист<ории?> новелл<истики?>» (преп. В. Иогансон), «История литературы 19 в.» (преп. В. Л. Комарович), «Психология» (преп. Лавров). Историю искусств (Ренессанс) читал проф. В. А. Волошинов. Были у него и очень известные лекторы, так, к примеру, греческую литературу читал проф. А. Ф. Лосев. Из всех этих предметов Шмерельсон получил зачеты только по психологии и немецкому языку (последний — за полный курс) (РО ИРЛИ, ф. 699, № 85, л. 2).

[9] В автобиографии 1922 г. Шмерельсон указал также и другие издания, которые он редактировал в Нижнем Новгороде: газета «К новой жизни» (1917), а также «Блок-нот литератора» (1920) (Автобиография 1922, л. 6).

[10] РО ИРЛИ, ф. 699, № 35.

[11] Вскоре Шмерельсон переработал этот доклад, придав ему открыто полемическую направленность против имажинизма и экспрессионизма, и выступил с ним на диспуте, устроенном Нижегородским отделением Всероссийского союза поэтов 28 июня 1920 г. Доклад назывался «Задворки футуризма (имажинизм и экспрессионизм)». Черновой вариант доклада под названием «Имажинизм и экспрессионизм» сохранился в архиве (РО ИРЛИ, ф. 699, № 23).

[12] В архиве Шмерельсона сохранился мандат от 3 сентября 1920 г., выданный ему Правлением Нижегородского отделения ВСП в том, что он в качестве секретаря этого отделения «делегируется в правление Всероссийского Союза Поэтов, в г. Москву для участия в совещании пролетарских поэтов и писателей, для получения инструкций, аван-

сложились нижегородские литературные контакты, в частности, с Борисом Садовским. Ранее, в 1918 г., он переписывался с С. Бобровым, заказывая ему различные книги, прежде всего — «Центрифуги».[13]

К нижегородскому периоду относятся и первые публикации Шмерельсона как поэта. С самого начала он определяет себя в качестве футуриста. В 1918 г. выходит его первый сборник стихотворений «Стихи» (издательство «Ищущий», отпечатано в электротипографии).[14] В 1919 г. литературно-художественный кружок университета издает сборник «Зарницы», в который вошли пять его стихотворений. В конце 1919 г. (на обложке обозначен 1920 г.) выходит сборник стихов студентов НГУ И. Ермолаева, Г. Шмерельсона, В. Иродионовой, а в 1920 — первая полноценно изданная книга Шмерельсона: «Длань души. Стихи» (Изд. Нижегородского отд. Всероссийского союза поэтов.[15] 1920. 12 с.).[16] Однако материалы архива показывают, что издательская деятельность студентов не ограничивалась выпуском стихотворных книг и сборников. Проводились вечера, публичные чтения стихов, выставки.[17] Когда не было возможности печататься, «издавали» рукописные и машинописные сборники.[18]

совых сумм и покупки литературы». Мандат был действителен по 20 сентября (РО ИРЛИ, ф. 699, № 84, л.4).

[13] 14 писем Шмерельсона 1918 г. сохранились в фонде С. Боброва, см.: РГАЛИ, ф. 2554 (С. Бобров), № 74.

[14] РО ИРЛИ, ф. 699, № 16. Книга представляла собой печатную обложку, в которую был вложен машинописный текст.

[15] Членом ВСП Шмерельсон стал еще в июне 1919 г., причем по Московскому отделению (об этом он пишет в анкете при вступлении в организуемое Ленинградское отделение ВСП 10 апреля 1924 г.) (РО ИРЛИ, ф. 491, № 4. За эту информацию я благодарю Алексея Дмитренко).

[16] Впоследствии, издавая следующую книгу «Города хмурь», Шмерельсон обозначил ее как «Книга первая», тем самым словно аннулируя «Длань души».

В списке изданий, в которых он публиковался в нижегородский период, Шмерельсон впоследствии также указал сборник Нижегородского отделения ВСП «Волжская вольница» (1920) (Автобиография 1922, л. 5).

[17] Афиши литературно-музыкальных вечеров, проводившихся в Нижнем Новгороде с участием Шмерельсона и других студентов НГУ, см.: РО ИРЛИ, ф. 699, № 89.

[18] В фонде 699 сохранились некоторые такие «издания»: одним из них является рукописный альманах студентов Нижегородского университета «Смех юности — счастье ее!» (№ 38). В этом альманахе, в частности, были помещены карикатура Шмерельсона «Талантливый профессор Лосев» и шуточный акростих (снизу вверх), посвященный проф. Волошинову (авторы И. Ермолаев и П. Званцев):

Волос прекрасен,
Око сатира
Нам не опасен
И визг его лиры.
Шалун он маститый
Огонь-человек!
Ловкий, не битый
Окончит свой век:
Волошинов век крепок! (РО ИРЛИ, ф. 699, № 38, л. 8 об.).

Сохранилась также шуточное объявление «От свободной мастерской по починке стихов, рефератов, докладов, лекций и прочее, а также музыкальных композиций и голосовых связок при литературно-художественном кружке НГУ» за подписью секретаря Кружка Г. Шмерельсона (РО ИРЛИ, ф. 699, № 87).

В сентябре 1921 г. Шмерельсон переезжает в Петроград, где работает в Северо-Западном управлении водного транспорта на самых разных должностях: техническим секретарем месткома, зав. делопроизводством, агентом счетно-мобилизационного отдела, техническим секретарем расценочно-конфликтной комиссии и др. Однако, разумеется, не служба была главной в Петрограде для молодого поэта. Он сразу же разворачивает организационную деятельность. В июне 1922 г. он обращается в Москву, в секретариат Всероссийского союза поэтов, с вопросом о возможности издания сборника. Из ответного письма управделами ВСП Георгия Дешкина он узнает о том, что Союз сборников не выпускает, но планирует выпускать литературную газету — и материалы можно присылать. В этом же письме Дешкин сообщает Шмерельсону, что «отделение ВСП в Петрограде ликвидировано в прошлом году и Цех поэтов[19] к Союзу отношения не имеет. Президиум ВСП хотел бы снестись с Вами по вопросу об открытии вновь Петроградского отделения. Сообщите Ваши предложения по сему, можете ли взять на себя инициативу в организации отделения».[20] В архиве Шмерельсона сохранились только ответные письма из Москвы,[21] но по их характеру мы можем восстановить весь ход переписки. На предложение Дешкина Шмерельсон ответил согласием: создание литературных организаций было его делом еще с нижегородских времен. В конце июля с ним вступает в переписку уже член Президиума ВСП Н. Захаров-Мэнский, известный как лидер группы неоклассиков и основатель группы «Литературный особняк». Он высылает Шмерельсону все необходимые для организации отделения документы: устав, инструкцию, анкеты. Однако по неизвестным причинам дело затянулось. Несмотря на напоминания из Москвы (сентябрь 1922 г., май 1923 г.), создание отделения не двигалось с места. 29 октября 1923 г. Шмерельсон получает из Москвы информационное письмо за подписью В. Брюсова о готовящемся 20 ноября того же года праздновании пятилетия ВСП — с просьбой об информации о деятельности отделения и присылке изданий. Только весной 1924 г. возникло Организационное бюро по созданию уже Ленинградского отделения Союза поэтов, куда по предложению центра (соответствующее письмо подписал председатель Центрального правления ВСП И. Аксенов) вошел и Шмерельсон. С этого момента он становится секретарем правления Ленинградского отделения ВСП.[22]

---

[19] Имеется в виду Третий Цех поэтов, созданный в Петрограде Н. Гумилевым в 1920 г.; после расстрела Гумилева во главе Цеха встал Г. Адамович.

[20] РО ИРЛИ, ф. 699, № 42, л. 1.

[21] РО ИРЛИ, ф. 699, № 42.

[22] Точная дата, с которой Шмерельсон стал членом Ленинградского отделения ВСП — 12 апреля 1924 г. (см. его анкету: РО ИРЛИ, ф. 491, № 4). Шмерельсон вел большую организационную работу во вновь созданном отделении. В частности, он оповещал членов отделения о заседаниях, в связи с этим представляется интересной следующая его записка К. А. Сюннербергу (Эрбергу):

«Уважаемый Константин Александрович,
Не забудьте завтра к 5 ч. в. быть у Кузмина на заседании Всерос. Союза поэтов.
15/II-24.
Гр. Шмерельсон» (РО ИРЛИ, ф. 474 (К. А. Сюннерберг (Эрберг)), № 294, л. 1).

Однако главной переменой, происшедшей со Шмерельсоном в Петрограде, следует считать его переход от футуризма к имажинизму. Еще два года назад, выступая с докладом на диспуте, он утверждал: «Ничего, в сущности, не дав нового в своей бутафорской декларации, имажинисты лишь вспомнили старое, давно прожеванное английскими вортицистами-имажистами, которые еще в 14—15 г. говорили, что их „задача сосредоточена на образах, составляющих первозданную стихию поэзии <...> Все, что создано природой и культурой, для нас — общий хаос, который мы пронизываем своим вихрем".

Конечно, торжество образа — это цель поэзии, но подход к достижению таковой, предлагаемый имажинистами, есть старая жвачка, пережеванная как английскими имажистами, так и русскими футуристами».[23] Теперь же, в 1922 г., Шмерельсон, осознав себя в качестве имажиниста, издает свою вторую книгу стихов «Города хмурь. Стихи. Книга первая»[24] (Петербург, «Распятый Арлекин»,[25] 1922. 32 с.), в ко-

---

Прием М. Кузмина в Ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов был утвержден правлением в тот же день, что и Г. Шмерельсона. Интересно, что Шмерельсон был и среди подписавших решение — в качестве секретаря ВСП. Материалы по теме «М. Кузмин и Союз поэтов» см. в публикации: *Тимофеев А. Г.* Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского Дома (некоторые дополнения) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 52—53.

[23] РО ИРЛИ, ф. 699, № 23, л. 7.

[24] См. прим. 11 и 16.

[25] Об издательстве «Распятый Арлекин», печатавшем книги петроградских имажинистов, нам, к сожалению, практически ничего не известно. Издательство создавалось для печатания произведений петроградских имажинистов. Его эмблема, украшающая первую страницу обложки книги «Города хмурь», представляет собой Арлекина, распятого на фоне урбанистического пейзажа — домов, фабричных труб и т. д. Под эмблемой стоят инициалы «В. Г.», принадлежащие, очевидно, ее автору. В конце сборника «Города хмурь» приведен список книг, выпущенных издательством и намеченных к публикации:

«В ПРОДАЖЕ:

1) Города Хмурь. 1 кн. стихов Григория Шмерельсон.

2) „Рыдательная боль". Стихи Алексея Золотницкого, Александра Кусикова, Владимира Тренина, Вадима Шершеневича, Григория Шмерельсон.

В ПЕЧАТИ:

3) I книга стихов Алексея Золотницкого.

4) „Волга". Поэма Алексея Золотницкого.

5) „Распятый Арлекин". Стихи Алексея Золотницкого, Семена Полоцкого, Владимира Тренина, Григория Шмерельсон.

ПРИГОТОВЛЕНО К ПЕЧАТИ:

6) „Горб земли". Поэма Григория Шмерельсон.

7) „Девушка". Поэма Григория Шмерельсон.

8) „Ямы". Стихи К. Пэтэк.

9) „Паровоз на дыбы". Поэма контрастов Влад. Тренина.

10) „Монументальная мастерская образов". Книга исследований Влад. Тренина».

Однако, по неизвестным обстоятельствам, кроме первых двух книг, издательство смогло выпустить только поэму А. Золотницкого «Волга» (СПб., 1922), больше ничего выпущено не было. В том же 1922 г. Золотницкий издал свою поэму вторым изданием в Москве.

торую включает свои стихи как нижегородского, так уже и петроградского периода. Анализ посвящений в книге показывает, что поворот к имажинизму произошел у Шмерельсона не спонтанно. Так, 1920-м годом датировано посвящение Вадиму Шершеневичу, причем указание на место написания стихотворения (Москва) позволяет нам определить месяц его создания — сентябрь, когда Шмерельсон был командирован в Москву, в Правление ВСП, как представитель Нижегородского отделения Союза.[26] Можно предположить, что именно во время этой поездки состоялось личное знакомство Шмерельсона с Шершеневичем, который с 1919 г. до начала 1920 г. был председателем ВСП, а после смещения[27] — остался членом Президиума Союза. Личное и поэтическое обаяние Шершеневича оказало воздействие на Шмерельсона, и начавшиеся в то время дружеские отношения между ними продолжались очень долго. Шершеневич, один из руководителей «Верховного ордена имажинистов» в Москве, стал и одним из поэтических учителей Шмерельсона.[28] Другому видному московскому имажинисту — Александру Кусикову — Шмерельсон в 1921 г. посвятил также вошедшее в «Длань души» стихотворение «Скачки безумные делать...».

Что касается первых попыток установления контакта с московскими имажинистами, то их, очевидно, нужно отнести к июню—июлю 1920 г. Об этом свидетельствует письмо А. Б. Мариенгофа к Шмерельсону от 4 июля 1920 г. в ответ на просьбу прислать стихи для сборника:

«Уваж. тов. Шмерельсон.

К сожалению, сейчас ничего прислать для Нижегородского сборника[29] не могу — т. к. с весны работаю над трагедией, а мусор требует места, для него и приличествующего, т. е. мусорного ящика.

Ваши стихи Кусиков еще не передал Верх. Совету».[30]

Из этого письма следует, что знакомство Шмерельсона с А. Б. Кусиковым состоялось еще ранее, чем знакомство с Шершеневичем. Ориентировочно это произошло весной—в начале лета 1920 г., тогда же Шмерельсон через Кусикова предпринял попытку наладить связь с «Верховным орденом».[31] В 1922 г. в издательстве «Распятый Арлекин»

---

[26] РО ИРЛИ, ф. 699, № 84, л. 4.

[27] См. об этом: *Дроздков В.* «Мы не готовили рецепт „как надо писать", но исследовали» (Заметки об одной книге В. Шершеневича) // Новое литературное обозрение. 1999. № 36 (2). С. 173, 180.

[28] В автобиографии 1922 г., адресованной П. Я. Заволокину, на вопрос о своих любимых поэтах, Шмерельсон отвечал: «люблю: Пушкина — Тютчева (sic!), Блока, Маяковского, Шершеневича» (Автобиография 1922, л. 4).

[29] Очевидно, речь идет об уже упомянутом выше сборнике «Волжская вольница». См. прим. 16.

[30] РО ИРЛИ, ф. 699, № 55, л. 1—1 об.

[31] Интересно, что обращение со своими стихами к московским имажинистам и, в частности, к А. Мариенгофу практически накладывается по хронологии на выступление Шмерельсона 28 июня 1920 г. с докладом «Имажинизм и экспрессионизм», где имажинизм объявлялся «вывеской, которую приклеила себе группа поэтов, не нашедших своего пути в поэзии», Шершеневич назывался представителем «обанкротившихся футуристов», «грубым аристократом с сексуальностью», а Мариенгоф — воспитавшимся на стихах Шершеневича «нудной бездарностью» (РО ИРЛИ, ф. 699, № 23, л. 8—9). Однако

выходит сборник «Рыдательная боль», в который вошли стихи А. Золотницкого,[32] А. Кусикова, В. Тренина,[33] В. Шершеневича, Г. Шмерельсона. Общая база для совместной работы была создана.

Осенью 1922 г. Шмерельсон начинает предпринимать действия по организации имажинистской группы в Петрограде. Обстоятельства создания группы, получившей название «Воинствующий орден имажинистов», до конца не ясны. Существует несколько документов, освещающих этот период. Самый главный — текст, опубликованный в петроградской газете «Последние новости» 27 ноября 1922 г. и републикованный Э. М. Шнейдерманом[34] под заголовком «Манифест новаторов», — подписан четырьмя поэтами (Алексей Золотницкий, Семен Полоцкий, Григорий Шмерельсон и Влад Королевич):

«Даты:

1919. Рожденье Имажинизма и первый удар по лжеискусству.

1922. Завоевания Имажинизма простерлись почти по всему русскому искусству, признавшему девственную и действенную образную субстанцию поэзии исходя из принципа дифференциации материала искусства. Почти покой.

Три года передовая линия имажинизма и отдельные боевые отряды его сражались под знаменем „Imago“ с действующей армией враждебного лжеискусства. Петербург лежал в стороне от военных действий. Тыл мы щадили. Недостойно воинам биться с обозниками.<...>

Мо<лч>аливый бунт обоза должен быть подавлен.<...>

Имажинисты, на прицел!»[35]

В той же газете описывались обстоятельства публичного прочтения манифеста 21 ноября 1922 г. (в комментариях к сборнику «Поэты-имажинисты» ошибочно указано — «20 ноября» — с. 466): «Оглашенная на вечере в петроградском Доме искусств декларация встречена была свистом и выкриками, угрожающими превратиться в непривыч-

---

Есенина Шмерельсон в докладе называл «талантливым», хотя и «безрассудно-некультурным», а Кусикова и вовсе выделял особо: «Упоенный Бальмонтом, интимный и лиричный Кусиков...» (Там же, л. 6, 8).

[32] «Золотницкий Алексей Владимирович, родился в гор. Н-Новгороде 29 февраля 1904 г. Писать начал в 1916 г.

Печататься — в 1920 г.

Напечатано: „Поэмник“ М., 1920 г.

„Книга по существу“ — статьи об искусстве Н-Н, и-во „Звездный Разлив“, 1921 г.

„Волга“ — поэма. СПб 1922 г., и-во „Распятый арлекин“.

„Волга“ — поэма (изд. 2-ое). М.-Н-Н. 1922.

Готовлю „Евангелье упрямых лет“ — 2-ая книга стихов. Сотрудничал во многих провинц<иальных> и столичных изданиях и журналах» (Автобиография А. Золотницкого. РО ИРЛИ, Р. I, оп. 10, № 40, л. 1).

[33] Поэт, знакомый Шмерельсону по Нижнему Новгороду. В Нижнем Новгороде Тренин проживал на квартире д-ра Золотницкого, отца поэта Алексея Золотницкого.

[34] Поэты-имажинисты. М.; СПб., 1997. С. 466 («Библиотека поэта»).

[35] Цит. по: Поэты-имажинисты... С. 18—19 — с исправлением неправильно прочтенного публикатором слова «Imago» (в публикации Э. М. Шнейдермана — бессмысленное «Утадо»).

ный скандал. После того, однако, как удалось успокоить разбушевавшуюся часть публики, прочитаны были стихи».[36]

Второй документ — это письмо от 2 января 1923 г. Владимира Ричиотти (Леонида Турутовича), Владимира Егорова и Елены Ливен, адресованное Шмерельсону, но обращенное также к Семену Полоцкому и к Владу Королевичу (Владимиру Королеву), которое, фактически, представляет собой предложение союза в борьбе за имажинизм. Интересно, что в качестве своеобразного пароля, указывающего на общность эстетических взглядов, здесь упоминается имя Вадима Шершеневича:

«Тов. Шмерельсон, Полоцкий и Королевич!

Позвольте протянуть Вам (так! — *А. К.*) имажинистские лапы, чтобы пожать и приветствовать вашу борьбу за образ и философию имажинизма. <...>

Было бы крайне необходимо перезнакомиться и, „перевязав руки", двигаться вместе без судорог сомнений.

Хорошо бы поговорить, сговориться и почувствовать близость литературной братии „гениев от имажинизма", как говорил Шершеневич. <...>

Душа прыгает о<т> жажды имажинистского Слова.

Напоите, „Родные, хорошие!"[37]».[38]

Таким образом, становится ясным, что на первом этапе создания «Воинствующего ордена имажинистов», названного так по образцу московской организации, в него входили четыре поэта: Золотницкий, Полоцкий, Шмерельсон и Королевич. Однако в 1923 г. остаются уже только трое: Золотницкий, с которым Шмерельсон был дружен еще по Нижнему Новгороду, Орден покинул.[39] Затем Орден покинул Влад

---

[36] Там же. С. 466. В архиве Шмерельсона сохранилась афиша этого выступления. Вот его программа:

«Программа
открытого заседания воинствующего ордена имажинистов
21 ноября 1922 г.
в Клубе Дома Искусств

1. Вступительное слово — Алексея Золотницкого.
2. Декларация Ордена — пр<очтет> Семен Полоцкий.
3. Стихотворение Полоцкого прочтут — Золотницкий
Шмерельсон
4. Стихотворение Шмерельсон прочтут — Золотницкий
Шмерельсон
5. Стихи прочтут: Семен Полоцкий
Алексей Золотницкий
Влад Королевич
Григорий Шмерельсон
6. Письма — прочтут Золотницкий, Полоцкий, Королевич, Шмерельсон
7. Лирический марш — Золотницкий, Полоцкий, Королевич, Шмерельсон» (РО ИРЛИ, ф. 699, № 123, л. 2).

[37] Цитата из драмы С. Есенина «Пугачев».

[38] РО ИРЛИ, ф. 699, № 62, л. 1—1 об.

[39] Единственное сохранившееся в архиве Г. Шмерельсона стихотворение А. Золотницкого «Как будто груз я бережно несу...» (№ 146) как раз относится к периоду создания Ордена (4 декабря 1922 г.).

Королевич. Добавился Владимир Ричиотти — единственный из трех авторов процитированного письма ставший участником Ордена. С момента создания Шмерельсон стал «Генеральным секретарем „Воинствующего ордена имажинистов“», этот титул он указывает и на специально изготовленных типографским способом бланках. Именно на таких бланках он рассылает деловые письма в издательства, организации, журналы и газеты.

Еще один важный документ — это автобиография поэта Ивана Афанасьева-Соловьева,[40] написанная в 1923 г., в которой говорится: «Литературную деятельность начал в „Воинствующем ордене имажинистов“ — в 1922 г. и в петроградских перодических изданиях».[41] Таким образом, можно полагать, что в 1922 г. Афанасьев-Соловьев тоже входил в число членов формирующейся группы, но не подписывал совместные заявления и декларации.

Последним в Орден вошел в 1924 г. поэт Вольф Эрлих — по иронии судьбы, он оказался единственным, ставшим профессиональным поэтом после завершения деятельности объединения. Правда, его стихи в конце 1920-х—1930-х годах были уже очень далеки от имажинизма...

Шмерельсон часто составлял различные справки о деятельности Ордена, которые рассылал в периодические издания, в том числе и зарубежные. В книге «Русский Берлин. 1921—1923» (Paris, 1983. С. 328) упоминается справка Шмерельсона осени 1923 г., в которой сказано, что по июнь 1923 г. Орден «провел около 70 вечеров, диспутов и проч.».[42] Еще одна справка Шмерельсона (от 2 апреля 1925 г.) хранилась в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 81. ГАИС II./VI. Ед. хр. 150), ее цитирует в комментариях к «Поэтам-имажинистам» Э. М. Шнейдерман. В этой справке, помимо устоявшейся четверки (Шмерельсон, Полоцкий, Афанасьев-Соловьев, Ричиотти), упоминается еще один член группы — Николай Григоров, примкнувший к ней, судя по всему, в 1923 г. Кроме них Шмерельсон называет еще несколько имен: «имаж-молодняк — Рогинский, Вильчевский, Мартынов и др.»,[43] из которых только Леонид Рогинский

---

[40] Афанасьев-Соловьев Иван Иванович (1899—1937).

[41] РО ИРЛИ, Р. I, оп. 1, № 103, л. 1.

[42] В архиве Шмерельсона (№ 123) хранятся некоторые афиши выступлений «Воинствующего ордена имажинистов». Среди них — помимо приведенной выше программы первого выступления Ордена 21 ноября 1922 г. — вечер имажинистов «Взгляд и Нечто» 4 января 1923 г. в Институте сценических искусств (Литейный, 46), в котором участвовал критик Б. Гусман и В. Королевич, а также в котором впервые в качестве участника упоминается имя близкого Ордену поэта М. Березина; вечер украинского поэта-имажиниста Л. Чернова, также близкого Ордену, но никогда в него не входившего («поэзо-лекция» 23 января 1923 г.); «шестой литературный субботник» в библиотеке им. И. С. Тургенева 27 января 1923 г., где впервые выступает Афанасьев-Соловьев (ему было доверено произнести вступительное слово от Ордена); вечер «Воинствующего ордена имажинистов» 17 мая 1923 г. в Государственном институте музыкального просвещения на Бассейной, 4, а также другие — в том числе и с участием С. Есенина. Наконец, чрезвычайно важным был вечер С. Есенина в Ленинграде 14 апреля 1924 г., в котором также принимали участие члены «Воинствующего ордена имажинистов».

[43] Цит. по: Поэты-имажинисты. С. 459.

публиковался в имажинистских изданиях (сб. «Ровесники-имажинисты». Л., 1925. — Вместе с Афанасьевым-Соловьевым, Полоцким и Ричиотти). Однако, очевидно, Э. М. Шнейдерман был последним среди тех, кто видел эту справку, поскольку она в ОР РГБ утрачена.

Пик деятельности Ордена приходится на 1923—1925 годы. Помимо упомянутого сборника «Ровесники-имажинисты», из печати вышли такие сборники петроградских имажинистов, как «В кибитке вдохновения» (выходные данные были обозначены так: «Из Петрограда к мамаше в 1923 г.») — Афанасьев-Соловьев, Полоцкий, Ричиотти, Шмерельсон. Кроме этого, были изданы отдельные книги стихов членов Ордена — Афанасьева-Соловьева, Ричиотти, Шмерельсона. В анонсах, широко представленных на страницах петроградских имажинистских изданий, упомянуты также книги, которые впоследствии издать так и не удалось (среди них — Н. Григоров. «Скифий скит»; И. Афанасьев-Соловьев. «Поэма без имени» и т. д.). Издавались и совместные сборники московских и петроградских имажинистов, в связи с чем московское издательство «Имажинисты» на петроградских изданиях стало обозначать место издания как Москва—Петроград или просто Петроград (никакого отдельного петербургского издательства «Имажинисты», которое якобы было названо «подобно московскому», как об этом пишет Э. М. Шнейдерман,[44] конечно, не было).

Сам Шмерельсон еще планировал второе издание книги «Города хмурь», которое не состоялось. Зато в 1924 г. в издательстве «Имажинисты» вышла его совместная с В. Шершеневичем книга «ШиШ» (Шершеневич, Шмерельсон) (Петроград, 1924), куда вошло одно стихотворение имажинистского мэтра и два — Шмерельсона. Это совместное издание еще раз демонстрирует особенную близость — как дружескую, так и в области эстетических взглядов — членов петроградского Ордена и Шершеневича.

В 1924 г. «Воинствующий орден имажинистов» запланировал выпуск сразу двух важных изданий. Был подготовлен журнал «Необычайное свидание друзей» (впоследствии переработанный в альманах), организационные работы по которому вел в основном В. Ричиотти с участием не только имажинистов, но и будущих обэриутов Д. Хармса и А. Введенского. Журналу так и не суждено было увидеть свет.[45] Г. Шмерельсон работал над сбором материалов для задуманной им «Антологии имажинизма», о характере которой можно судить по его письму к М. Ройзману от 20 июня 1924 г.:

«Как мы с тобой говорили, план антологии таков:

1. Портреты
2. Автобиографии
3. Стихи
4. Библиография

---

[44] Поэты-имажинисты. С. 459.

[45] Об обстоятельствах, связанных с подготовкой «Необычайного свидания друзей», и о причинах его невыхода см. в нашей публикации: *Кобринский А.* Материалы Вольфа Эрлиха в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 21.

5. Документы (все вышедшие декларации, листовки, манифесты и проч.).

В „Антологию“ вхожи (пишу не по алфавиту, а так):

ПОЭ
1. Ив. Грузинов
2. Сер. Есенин
3. А. Кусиков

ТЫ:
4. Анат. Мариенгоф
5. Матвей Ройзман
6. С. Полоцкий
7. В. Ричиотти
8. Рюрик Ивнев
9. Вад. Шершеневич
10. Григорий Шмерельсон
11. Ник. Эрдман
12. Вольф Эрлих

\+
13. Г. Якулов (портрет, список картин-работ, автобиография, рисунки, т. д.)
14. Бор. Эрдман (то же)».[46]

«Плюс» слева от последних имен означает, что кроме поэтов в «Антологии» должны были быть представлены два художника-имажиниста. По представленному плану видно, что «Антология» (а ее объем планировался примерно 15—17 печатных листов), будь она завершена и издана, представляла бы собой почти исчерпывающий и неоценимый источник по истории русского имажинизма. Были найдены деньги на издание, о фотопортретах существовала договоренность с М. Наппельбаумом («...кое-что сделано, — писал Шмерельсон Ройзману в уже цитировавшемся письме, — с Наппельбаумом окончательно договорился, нашел „дядю с деньгами“, который очень хочет (!) выпустить нашу антологию»).[47] Шмерельсон непрерывно бомбардировал московских поэтов и художников письмами с требованиями представить все необходимые материалы — и эти материалы постепенно стали приходить. Однако то ли помешали ужесточавшиеся тогда цензурные условия, то ли «дядя с деньгами» раздумал помогать имажинистам, но это издание тоже не было осуществлено...

1925 год был последним годом деятельности «Воинствующего ордена имажинистов», а их вышедший в том же году сборник «Ровесники-имажинисты» — последним печатным изданием Ордена. На вопрос, заданный Григорию Шмерельсону Леонидом Черновым в письме от 16 января 1926 г. «Как орден? Не умер ли?»,[48] хотя мы и не имеем ответного письма Шмерельсона, тем не менее можем предполагать, что был дан утвердительный ответ.

Жизнь Г. Шмерельсона после распада Ордена уже не имела отношения к литературе. Он перестал писать стихи и до конца жизни работал в Ленинграде в Облпрофсовете, сначала — библиотекарем-

[46] РГАЛИ, ф. 2809 (М. Ройзман), оп. 1, № 150, л. 1—2.

[47] Там же. См. также: *Савченко Т.* Об одном неосуществившемся замысле «Воинствующего ордена имажинистов» // Русский имажинизм. М., 2003. С. 136—139.

[48] РО ИРЛИ, ф. 699, № 73, л. 1.

инструктором, затем — ответственным секретарем журнала «В помощь передвижнику»: составлял методические разработки в помощь библиотечным работникам. В процессе создания таких разработок он посылал письма авторам, о которых писал, в частности, Ромену Роллану и Эрнсту Толлеру. Ответные письма Роллана и Толлера сохранились в фонде.[49]

Григорий Шмерельсон погиб на фронте в 1943 г.

2

Основная часть материалов Шмерельсона в Рукописном отделе Пушкинского Дома сосредоточена в его фонде (№ 699). Фонд состоит из нескольких частей.

1. Рукописи и печатные издания произведений Г. Б. Шмерельсона. (Ед. хр. 1—30). Здесь собраны основные его произведения, в том числе — машинописный сборник 1918 г. «Стихи» (Н-Новгород) — (ед. хр. 16), переводы из Э. Толлера (ед. хр. 22), статьи и рецензии на литературные и театральные темы (ед. хр. 23, 24, 25, 28), попытки детских стихов (ед. хр. 6, 12, 14), сценарии (ед. хр. 26, 27). Особо следует выделить единицу хранения № 30, где собраны наклеенные на отдельные листы вырезки статей, стихов, других публикаций Шмерельсона из различных газет и журналов, начиная с гимназического времени, а также некоторые машинописные тексты.

2. Сборники, журналы, альманахи Г. Б. Шмерельсона или вышедшие под его редакцией (ед. хр. 31—41). Среди них — не только известные и уже упомянутые печатные издания, но и, например, экземпляр гимназического журнала 1917 г. «Антик» (ед. хр. 31), гимназического журнала «Снежинка» (1916—1917) (ед. хр. 39), юмористический рукописный альманах студентов Нижегородского университета 1919—1920 гг. (ед. хр. 38), гектографический альманах «Сами для себя», изданный в Петербурге в 1922 г. (ед. хр. 37).

3. Письма разных лиц к Г. Б. Шмерельсону (ед. хр. 42—82). Шмерельсон тщательно хранил в своем архиве большой объем переписки, начиная с гимназического времени, когда он переписывался с издателями гимназических журналов в разных городах России. Письма гимназистов дают интереснейший материал по истории рукописных детских и юношеских изданий. Почти все они относятся к периоду 1916—1917 гг., и материала здесь очень много, поскольку зачастую в одной единице хранения содержатся более десятка писем (ед. хр. 43, 49, 50, 54, 56, 58, 59, 60, 66, 69, 74, 75, 76, 77, 79, 80).

Интерес представляет переписка Шмерельсона с Всероссийским союзом поэтов 1922—1923 гг. по вопросу открытия Петроградского отделения ВСП, о чем уже было сказано в настоящей работе. 6 писем из Москвы хранятся в ед. хр. 42.

---

[49] РО ИРЛИ, ф. 699, № 63 и 70.

Из известных поэтов, чьи письма хранятся в архиве Шмерельсона, можно отметить А. Б. Мариенгофа (ед. хр. 55), С. Е. Нельдихена (ед. хр. 57), В. Ричиотти (ед. хр. 62), Н. С. Тихонова (ед. хр. 68), М. М. Шкапской (ед. хр. 78), а также упомянутые уже письма Р. Роллана и Э. Толлера. В связи с Есениным интересны записка И. Приблудного (Я. П. Овчаренко) с просьбой помочь Есенину деньгами (ед. хр. 61) и письмо В. Н. Яхонтова от 7 февраля 1926 г., в котором Яхонтов делится своими впечатлениями от похорон Есенина и просит помощи в подготовке новой работы, посвященной погибшему поэту (ед. хр. 81).

4. Биографические материалы (ед. хр. 83—90). В этом разделе собраны документальные материалы и документы, иллюстрирующие жизненный путь Григория Шмерельсона. Здесь его официальная автобиография, ориентировочно написанная в 1937 г. (ед. хр. 83), личные дела и удостоверения, трудовой список (ед. хр. 84—85), а также материалы, имеющие отношение к литературной деятельности Шмерельсона, из которых наиболее интересным является черновой автограф протокола собрания членов Ленинградского отделения ВСП от 23 апреля 1925 г., на котором, в частности, обсуждалась деятельность «Мастерской по изучению поэтики» А. В. Туфанова. Особую ценность ед. хр. 88, в которой он находится, придает то, что к протоколу приложен черновой автограф Туфанова с текстом его отчета.

5. Изобразительные материалы (ед. хр. 91—98). В этом разделе представлен литографический портрет самого Г. Шмерельсона (ед. хр. 91), а также цинкография с силуэта его поэтического учителя В. Шершеневича (ед. хр. 98). Представлены и другие портреты, в основном, вырезки из периодических изданий.

6. Материалы, относящиеся к разным лицам. Единство нумерации этого раздела несколько нарушена: сюда входят ед. хр. 99—113, а также ед. хр. 146—203.

Шмерельсон собирал рукописи своих современников и знакомых. Так, в ед. хр. 103 находится, очевидно, один из самых ценных материалов архива — единственный существующий на сегодняшний день автограф стихотворения А. Ахматовой «Хорошо здесь: и шелест, и хруст...» (автограф не датирован). Есть и другие интереснейшие материалы: автограф стихотворения 1924 г. Грааль-Арельского (С. С. Петрова) «Еще в полях светло от снега...» (ед. хр. 101); черновой (и от этого трудно читаемый) автограф стихотворения С. Городецкого «Клоп», написанного им в Нижнем Новгороде, на Волге, в июне 1920 г. (ед. хр. 112) и, очевидно, подаренного Шмерельсону при знакомстве; стихотворение А. Мариенгофа 1919 г. «Иду на руках» (ед. хр. 158); стихотворения Иды Наппельбаум (ед. хр. 162); Нины Хабиас (Оболенской) (ед. хр. 164); редкое издание произведений Константина Олимпова (Фофанова) (ед. хр. 165) с дарительной надписью издателя — Владимира Смиренского; стихотворения С. Спасского (ед. хр. 181); Н. Тихонова (ед. хр. 182); А. Кусикова (ед. хр. 156). Толь-

ко недавно было опубликовано находящееся в ед. хр. 192 неизвестное ранее стихотворение В. Шершеневича «Принцип перевода» (январь 1918), не вошедшее в сборник «Лошадь как лошадь».[50]

Разумеется, много материалов друзей-соратников — петроградских имажинистов: И. Афанасьева-Соловьева (ед. хр. 102), А. Золотницкого (ед. хр. 146—147), В. Королевича (ед. хр. 152), С. Полоцкого (ед. хр. 167—169), В. Ричиотти (172—176), а также людей, близких к Ордену: Н. Берендгофа (ед. хр. 105), В. Тренина (ед. хр. 186).

7. Последний раздел (ед. хр. 114—145) — это собранные Шмерельсоном вырезки из газет, журналов и другие биобиблиографические материалы, посвященные Сергею Есенину.

---

[50] См.: Новое литературное обозрение. 1999. № 36 (2). С. 188—189. Публикатор В. Дроздков восстановил исправленное автором название «Обокраденный никто».

Т. А. Кукушкина

Всероссийский союз писателей Ленинградское отделение (1920—1932) Очерк деятельности

Всероссийский профессиональный союз писателей в Петрограде, учрежденный 4 июля 1920 г. на общем собрании петроградских писателей, — третье по времени создания послереволюционное объединение литераторов Петрограда. К моменту его возникновения деятельность двух предыдущих — Союза русских писателей (март 1917—март 1920?)[1] и Союза деятелей художественной литературы (март 1918—май 1919)[2] уже была прекращена. По своей задаче (защита правовых и материальных интересов писателей, свободы печати), принципу объединения писателей различной литературной и политической ориента-

[1] 19 марта 1917 г. на собрании петроградских литераторов был принят устав Союза русских писателей, в основу которого положен устав Всероссийского литературного общества, переработанный А. М. Редько. В декабре 1917 г. избран постоянный Комитет: С. А. Венгеров (председатель), А. М. Калмыкова (товарищ председателя), П. Я. Рысс (секретарь), А. М. Редько (казначей), Д. С. Мережковский, А. Н. Кремлев, Л. Я. Гуревич, В. Л. Бурцев, А. В. Пешехонов. Кандидаты в Комитет — П. Н. Милюков, Д. В. Философов, М. В. Ватсон, Ф. Сологуб, Ф. Д. Батюшков, В. А. Мякотин. Период активной деятельности Союза относится к 1917—началу 1919 гг. К 1920 г. Комитет потерял значительную часть своего состава. Сведениями о его работе мы не располагаем. Последний из известных нам документов — мандат, выданный Советом Союза Л. Я. Гуревич 20 марта 1920 г. (РО ИРЛИ, ф. 709, № 259).

[2] Союз деятелей художественной литературы организован по инициативе Ф. Сологуба, Ан. Н. Чеботаревской и Н. С. Гумилева. В первый Совет Союза вошли Ф. Сологуб (председатель), Н. С. Гумилев, В. А. Трахтенберг, Н. А. Энгельгардт, Ан. и Ал. Чеботаревские, А. К. Кайдаров, С. С. Кондурушкин, М. Горький (избран заочно), Ф. Ф. Зелинский, Г. И. Урюпинский. Подробнее о деятельности Союза см.: *Ширмаков П. П.* К истории литературно-художественных объединений первых лет советской власти: Союз деятелей художественной литературы (1918—1919 годы) // Вопросы советской литературы. М.; Л., 1958. Вып. 7. С. 454—475; Союз деятелей художественной литературы (1918—1919 гг.) / Публ. В. П. Муромского // Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов: Исследования и материалы. СПб., 2002. Кн. 1. С. 125—196.

© Т. А. Кукушкина, 2005

ции и направлению работы Союз был преемником двух первых. Созданные дореволюционной творческой интеллигенцией в условиях минимальных издательских возможностей, голода, особенно страшного среди петроградских литераторов, и усиливающегося идеологического контроля, все они были в той или иной степени, скрыто или явно — оппозиционны официальной власти. История этой самой крупной и представительной литературной организации Петрограда 1920-х гг. по понятным причинам не могла стать предметом изучения советского литературоведения. В настоящей работе представлен обзор деятельности Союза, основанный на материалах архива, хранящегося в Пушкинском Доме (фонд № 291).

Образованный представителями разных литературных направлений, Союз не имел программы или платформы, свойственной творческим группировкам. В его задачу входило собирание всех литературных сил Петрограда в единую крупную организацию, способную авторитетно выступать от имени всей литературы, хранить ее традиции и защищать ее интересы. Основным критерием приема являлась художественная ценность произведений вступающего в Союз.

Среди учредителей Союза — прозаики, поэты, критики, переводчики, журналисты, принадлежавшие к культурному пласту дореволюционной России: М. Горький, А. А. Блок, А. А. Ахматова, А. Л. Волынский, Е. И. Замятин, З. А. Венгерова, К. И. Чуковский, А. В. Ганзен, А. Г. Горнфельд, М. А. Кузмин, П. В. Быков, В. С. Миролюбов, А. Н. Тихонов, А. А. Коринфский. В состав временного Правления вошли историк и теоретик искусства А. Л. Волынский (председатель); журналист, один из организаторов и руководителей петроградского Дома литераторов Н. М. Волковыский (товарищ председателя); прозаик, критик Л. Я. Гуревич; переводчица А. В. Ганзен (казначей); М. Горький (в деятельности Правления активного участия не принимал); писатель Е. И. Замятин; прозаик, критик В. Я. Ирецкий (секретарь); драматург, режиссер Е. П. Карпов; писатель, критик К. И. Чуковский. Избранное 10 октября 1920 г. постоянное Правление составилось из перечисленных членов временного Правления за исключением Е. П. Карпова; дополнительно избраны А. А. Блок, А. Н. Тихонов, В. Я. Шишков. Кандидаты в члены Правления, также принимавшие участие в его работе — П. К. Губер, В. А. Мазуркевич, В. Б. Шкловский. Правление ежегодно переизбиралось на общих собраниях Союза, членами его на протяжении многих лет были А. Л. Волынский, А. В. Ганзен, Е. И. Замятин, М. Э. Козаков, М. Л. Слонимский, Ф. Сологуб, А. Н. Тихонов, Н. С. Тихонов, К. А. Федин, В. Я. Шишков. В списке членов Союза, составленном через полтора месяца после его создания, наряду с уже упомянутыми, значатся имена В. А. Азова, А. В. Амфитеатрова, В. П. Буренина, А. А. Гизетти, Э. Ф. Голлербаха, А. С. Грина, Н. С. Гумилева, В. А. Зоргенфрея, Г. В. Иванова, Ю. Н. Данзас, А. Е. Кауфмана, В. Д. Комаровой, А. А. Коринфского, М. А. Кузмина, Е. П. Летковой-Султановой, Г. Л. Лозинского, Вас. И. Немировича-Данченко, В. А. Рождественского, М. Л. Слонимского, Ю. И. Юркуна — всего 92 человека. В октябре 1920 г. числен-

ность Союза возросла до 138 человек, в конце года — до 192. В 1921—1922 гг. Союз пополнился литературной молодежью — участниками разных групп и объединений: «Цеха поэтов», «Серапионовых братьев», «Звучащей раковины», «Островитян».

Не имея в течение нескольких лет собственного помещения, Союз пользовался гостеприимством близких по духу учреждений. Заседания Правления проходили в издательстве «Всемирная литература» (Моховая, 36), иногда — в Доме литераторов (Бассейная, 11; ныне — ул. Некрасова); общие собрания — в Доме искусств (наб. р. Мойки, 59), а после его ликвидации осенью 1922 г. — в издательстве «Всемирная литература». На протяжении первых трех лет существования деятельность Союза протекала в тесном сотрудничестве с Домом литераторов.[3] Союз писателей и Дом литераторов объединяла общая задача сохранения и защиты литературы, состав членов и, в значительной степени — общее руководство. Члены Правления Союза Н. М. Волковыский, А. В. Ганзен, Е. И. Замятин, В. Я. Ирецкий, Е. П. Карпов входили и в Комитет Дома. Дом литераторов выделил Союзу первую ссуду в 25 тысяч рублей, на базе его секретариата велось делопроизводство Союза, в отстаивании прав русских писателей Союз писателей и Дом литераторов нередко объединяли свои усилия.

Сразу по возникновении Союз был зарегистрирован в Отделе управления Петросовета.[4] В 1920 г. он состоял в ведении Московского Литературного отдела (ЛИТО) Наркомпроса,[5] с сентября 1921 г. — Петроградского ЛИТО, с 7 сентября 1922 г. — Петроградского отделения Главного управления научными учреждениями Академического центра Наркомпроса (Главнаука).[6]

К моменту образования Петроградского Союза в Москве уже действовал Союз писателей, созданный в 1918 г. под председательством М. О. Гершензона. Весной 1920 г. он был реорганизован, председателем избран Ю. Балтрушайтис. При обсуждении вопроса о едином Союзе (с равноправными отделениями в Москве и Петрограде), об-

---

[3] О Доме литераторов см.: *Мартынов И. Ф., Клейн Т. П.* К истории литературных объединений первых лет советской власти (Петроградский Дом литераторов. 1918—1922) // Русская литература. 1971. № 1. С. 125—134; *Иванов Г. В.* Дом литераторов // Иванов Г. В. Мемуары и рассказы. М.; Париж; Нью-Йорк, 1992. С. 59—63; Дом литераторов в Петрограде 1919—1921 годов (Воспоминания А. В. Амфитеатрова) / Публ. А. Г. Виноградова // Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8. С. 141—164; *Кукушкина Т. А.* «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...». Дом литераторов (1918—1922) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 77—95.

[4] Информация о регистрации Союза была сообщена на заседании временного Правления 15 июля 1920 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 16, л. 3).

[5] Литературный отдел Наркомпроса создан в начале 1920 г. для руководства «всеми литературными делами республики». Его целью являлась «защита интересов писателей (содействие литературному объединению, печатанию произведений, организации общежитий, бюро труда, летних колоний, субсидированию литературных организаций и т. д.)» (Петроградская правда. 1920. 11 июля, № 152. С. 3). На деле ЛИТО работал не активно, в первой половине 1922 г. был упразднен.

[6] ПО Союза зарегистрировано в Главнауке 7 сентября 1922 г. Удостоверение о регистрации выдано 9 сентября 1922 г. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 2555, оп.1, № 561, л. 6; далее — ЦГА СПб.).

щем названии, уставе и председателе между двумя Союзами сразу обнаружились расхождения. Петроградские литераторы более года настаивали на сохранении в названии Союза обозначения «профессиональный». К единому названию — «Всероссийский союз писателей» — с равноправными отделениями в Москве и Петрограде московские и петроградские коллеги пришли лишь в июне 1921 г. М. А. Осоргин, член Правления Московского Союза, впоследствии объяснял разногласия с Петроградским Союзом тем, что «не было имени, на котором можно было сговориться, и различна была „целеустремленность": петербургский союз искал покровительства, мы же этого покровительства так боялись, что даже не называли себя союзом „профессиональным"».[7] Петроградский Союз действительно искал покровительства, но — покровительства закона. Слишком жестоким был быт литературного Петрограда. «Перековка» умонастроений «буржуазной» интеллигенции приняла здесь характер репрессий. Председатель Петросовета Г. Е. Зиновьев, непримиримый противник интеллигенции, призывавший рабочих расправляться с нею «по-своему, прямо на улице»,[8] планомерно «подправлял» правительственные постановления декретами Северной коммуны. Признание Союза писателей организацией профессиональной обеспечивало законное право на получение некоторых продовольственных и бытовых льгот.

В течение года оба отделения обсуждали и согласовывали единый устав. Устав Московского Союза, утвержденный общим собранием московских писателей 6 апреля 1920 г.[9] и доложенный 4 июля учредительному собранию петроградских литераторов, вызвал возражения, касающиеся положений о членстве в Союзе (§ 2) и едином Правлении (§ 4). Протокол учредительного собрания в архиве Союза не сохранился и составить представление о нем можно лишь по откликам прессы и упоминаниям в протоколах заседаний Правления. В Москве рассматривали Союз как ассоциацию деятелей художественного слова, членами его могли быть лишь писатели. В Петербурге же традиционно придерживались принципа профессиональной общности пишущих людей и в критические моменты труженики печати — литераторы, ученые, журналисты — всегда осознавали себя как единое целое. Именно в Петербурге были созданы Литературный фонд (Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым) и Касса взаимопомощи при нем,[10] Постоянная комиссия для пособия нуждающимся уче-

---

[7] *Осоргин М.* Воспоминания. Повесть о сестре. Воронеж, 1992. С. 212.

[8] С таким призывом Зиновьев выступил на заседании Петросовета после убийства М. С. Урицкого (30 августа 1918 г.). См. об этом: *Стасова Е. Д.* Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 154.

[9] РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 1. В фонде Петроградского отделения Союза сохранились и документы Московского отделения, присланные для сведения и координации деятельности: машинописные копии протоколов заседаний Московского отделения Правления (МО Правления), копии устава, деклараций, постановлений.

[10] Литературный фонд — благотворительная общественная организация, основанная в 1859 г. группой писателей, объединявшихся вокруг журнала «Современник». Литфонд имел отделения в Москве и Киеве. Наряду с деятельностью по оказанию помощи нуждающимся литераторам и ученым Литфонд устраивал благотворительные концерты,

ным, литераторам и публицистам.[11] Традиции взаимовыручки и взаимопомощи, свойственные дореволюционной творческой интеллигенции, унаследовал и петроградский Дом литераторов, двери которого были открыты и для журналистов, и для писателей, и для ученых, и для артистов. При обсуждении пункта устава о составе Союза писателей эту же позицию заняло и Правление Петроградского Союза. «Петербургские писатели единодушно высказались за необходимость этот состав значительно расширить», — сообщал журнал «Книга и революция» об итогах обсуждения устава.[12] В середине августа 1920 г. Петроградское Правление утвердило разработанную А. Л. Волынским и Л. Я. Гуревич инструкцию к уставу, содержащую более широкую трактовку параграфа о членстве в Союзе и позволяющую объединить в Союзе и писателей, и журналистов, и переводчиков, и отдельных деятелей науки (Приложение 1). «В Петербурге, как известно, всегда было много журналистов, а теперь они даже и преобладают. Невозможно было отмести целую группу, да и время сейчас такое, когда целесообразнее действовать объединенно, а не каждому порознь», — пояснял позицию Петроградского Правления В. Я. Ирецкий.[13] Петроградские писатели единогласно выступили и против пункта московского устава, касающегося Центрального Правления: «Кроме того было указано на ненормальность того положения, при котором Петербургский отдел оказался бы подчиненным Московскому, и собрание высказалось за необходимость создания независимых друг от друга Правлений Московского и Петербурского отделов с тем, чтобы весь Союз возглавлялся особо избранным Правлением, которое должно ведать делами всех его отделов».[14] Устав, предложенный Московским Союзом, предоставлял выбор Центрального Правления общему собранию, то есть — московскому. Неравномерно распределялась и квота московских и петроградских представителей. Центральное Правление должно было состоять из пятнадцати членов и пяти кандидатов, причем шесть членов и два кандидата — от Петрограда, остальные — от Москвы. Президиум, исполнительный орган Центрального Правления, предполагалось составить из пяти лиц: председателя, двух товарищей председателя (один — от Петроградского Союза), секретаря и казначея. «Изменение § 4-го Устава», составленное Правлением Петроградского Союза в начале сентября 1920 г., предусматривало равноправные выборы единого Правления и равномерное число представителей

выставки, вечера, занимался издательской деятельностью. В начале 1920-х гг. деятельность Фонда была временно прекращена и возобновлена в 1926 г. В 1890 г. при Литературном фонде создана Касса взаимопомощи, преобразованная в 1918 г. в Общество взаимопомощи литераторов и ученых.

[11] *Хохлова Н. А.* Обзор архива Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 47—76.

[12] Сведения об учредительном собрании Петроградского Союза приведены в рубрике «Литературная жизнь» раздела «Хроника»: Книга и революция. 1920. № 1. С. 59.

[13] Из письма В. Я. Ирецкого А. М. Эфросу от 14 мая 1921 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 249, л. 3 об.).

[14] Книга и революция. 1920. № 1. С. 59—60.

обоих отделений (Приложение 2). Единый устав, учитывающий мнение петроградских литераторов, был принят общим собранием московских писателей 29 марта 1921 г. Пункт о едином Правлении выглядел следующим образом: «Правление Союза состоит из Московского и Петроградского отделов с 12 членами и 2 кандидатами в каждом отделе Правления и избирает из своей среды в качестве органа исполнительного Объединеный Президиум из 7 лиц: председателя Союза, 2 товарищей председателя, секретаря, товарища секретаря, казначея и товарища казначея, из коих один товарищ председателя, товарищ секретаря и товарищ казначея избирается по Петрограду».[15] В Петрограде новая редакция устава обсуждалась, по-видимому, на общем собрании 19 ноября 1921 г., протокол которого в архиве не сохранился.

Долгое время отделения не могли прийти к общему мнению о председателе единого Президиума Союза. С ноября 1920 г. Петроградское Правление единодушно отстаивало кандидатуру М. Горького. Московское Правление в июне 1921 г. предложило избрать В. Г. Короленко. Через месяц, не получив поддержки петроградских коллег, Московское отделение выдвинуло три кандидатуры: А. Белого, А. Блока, Б. Зайцева. Петроградское Правление от решения воздержалось и вопрос о едином председателе не обсуждался до 1925 г. В ноябре 1925 г., после согласования с Петроградским отделением, председателем Объединеного Президиума избран В. В. Вересаев.

Существовал Союз на членские взносы, единовременные ссуды Дома литераторов,[16] доходы от литературных вечеров и концертов, нерегулярные и небогатые дотации, получаемые с середины 1920-х гг. от Московского отделения Правления (МО Правления). В 1920 г. Правление дважды пыталось получить государственную дотацию. «Две сметы, составленные по всем правилам новейшей финансовой техники, к благоприятным результатам не привели. Очевидно, у русских писателей кредита еще не имеется», — докладывал секретарь Правления В. Я. Ирецкий общему собранию в ноябре 1921 г.[17]

Деятельность Союза развивалась в трех направлениях: материальная и правовая поддержка членов Союза, создание независимой издательской базы и независимого печатного органа, организация литературных вечеров. Задача изменения юридического статуса и экономического положения писателей на законодательном уровне, через специальный декрет Совнаркома определила деятельность Правления Союза в первые постреволюционные годы. С самого начала Правлению пришлось заниматься не столько творческими проблемами, сколько организацией всей писательской жизни: заботой о хлебе насущном, выработкой тарифных ставок, определяющих оплату труда

---

[15] Цит. по машинописной копии устава, подписанной членами Московского Правления И. Новиковым (за председателя) и А. Эфросом (секретарь) и поданной Петроградским Правлением на регистрацию в Главнауку Академического центра Наркомпроса в сентябре 1922 г. (ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 561, л. 4 об.).

[16] Вопрос об очередной ссуде Дома литераторов в размере 200 тысяч рублей обсуждался, в частности, на заседании Правления 26 апреля 1921 г.

[17] Общее собрание состоялось 19 ноября 1921 г. Сохранился лишь доклад В. Я. Ирецкого (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 10, л. 10).

литературного работника и регулирующих отношения с издательствами, освобождением писателей от трудовой повинности, ходатайствами за арестованных, улаживанием творческих и житейских конфликтов. Правление считало необходимым в первую очередь «внести некоторую осмысленность и общественное начало в дело распределения пайков». На первом же заседании 6 июля 1920 г. рассматривался вопрос о розыске двадцати пяти «литературных» пайков, еще весной выделенных петроградским литераторам и до Петрограда не дошедших. Характерно, что крайне нуждающихся петроградских литераторов никто и не уведомил об этой «благотворительной» акции. Розыск правительственного распоряжения, затерявшегося в недрах московских канцелярий, длился несколько месяцев, пайки были получены лишь осенью и распределены между семнадцатью членами Союза писателей и восмью членами Союза пролетарских писателей. В списке членов Союза писателей, получивших паек — А. А. Блок, А. А. Ахматова, Н. С. Гумилев, А. Грин, М. А. Кузмин, Ф. Сологуб, Вл. Пяст, А. М. Ремизов.

На фоне общегосударственной политики уничтожения «буржуазной интеллигенции», к которой как «элемент нетрудящийся», были причислены и деятели русской литературы, все начинания Союза писателей, ориентированные на всемерную защиту литераторов, приобретали характер противоправительственных акций. В августе 1920 г. Петроградское Правление обратилось в Совнарком с ходатайством об улучшении материального положения петроградских писателей и выделении им 700 пайков по аналогии с «учеными» пайками, выдаваемыми деятелям науки через Комиссию по улучшению быта ученых (КУБУ; см. Приложение 3); в декабре выступило с декларацией, требующей легализации «голодающей и загнанной в подполье» русской литературы, ее юридического и экономического обеспечения, свободы печати, независимого издательства и печатного органа (Приложение 4). Многих усилий стоило получение через КУБУ «академических» пайков, предоставленных властью деятелям искусств. Из выделенных Петрограду 350 пайков «литературному бюро», состоявшему из представителей Союза писателей, Союза пролетарских писателей, Дома литераторов, Дома искусств, в марте 1921 г. удалось получить для писателей всего 87 пайков. «Это было проделано с настойчивостью, достойной увековечения; от комиссии, состоявшей из представителей МУЗО, ПТО, и Кино, и Всерабиса, приходилось зубами вырывать признания заслуг того или другого писателя», — сообщал В. Я. Ирецкий секретарю Московского Правления А. М. Эфросу.[18] Реального получения «академических пайков» пришлось ждать более полугода. В ноябре 1921 г. Ирецкий с горечью докладывал общему собранию о составленном списке, «который, как известно, пока никого не накормил». В фонде Союза сохранилось несколько сотен заявлений с просьбой о предоставлении «академического пайка» и характеристикой

[18] Из письма от 14 мая 1921 г. (Там же, № 249, л. 3 об.). МУЗО — Музыкальный отдел Наркомпроса. ПТО — Петроградский театральный отдел Наркомпроса. Всерабис (иногда — Сорабис) — Всероссийский союз работников искусств.

своего материального положения, в том числе — Н. С. Гумилева, В. А. Зоргенфрея, Г. В. Иванова, О. Э. Мандельштама, Вл. Пяста, «серапионовых братьев» И. А. Груздева, В. А. Каверина, М. М. Зощенко, Л. Н. Лунца. В феврале 1922 г. Правлению пришлось обращаться в КУБУ со специальным ходатайством, чтобы обеспечить пайком начинающих литераторов (Л. Н. Лунца, И. А. Груздева, С. Е. Нельдихена).[19] Лишь через два года, в марте 1923 г., председатель Правления А. Л. Волынский смог доложить общему собранию членов Союза об «успехе в пайках от КУБУ».

В первую же финансовую смету Союза, составленную 8 декабря 1920 г., была заложена и выдача пособий и ссуд, но в течение трех лет из-за отсутствия денег материальная помощь оказывалась лишь в экстренных ситуациях. Напомним, что сметы 1920—1921 гг. Наркомпрос не утвердил. Правление вынуждено было передавать заявления членов Союза о материальной помощи родственным организациям и учреждениям: Дому искусств, Дому литераторов, Обществу взаимопомощи литераторов и ученых, Литературному фонду. В особых же случаях финансовое вспомоществование собиралось по подписке среди членов Союза, также плохо обеспеченных. Правление неизменно придерживалось нравственных позиций и стремилось поддержать самых нуждающихся, независимо от их писательского ранга. Лишь в самом конце 1920-х годов государству удалось расслоить писательское сообщество и заменить категории «взаимопомощь», «писательское братство» на категории «спецснабжение», «актив». В актив зачислялись не только члены Правления, но и лица, активно выполняющие социальный заказ и лояльные к официальной власти.

Правление старалось использовать любые возможности для получения продовольственной помощи от зарубежных организаций. В мае 1921 г. было даже принято постановление, обязывающее каждого члена Правления знакомить каждого иностранца с условиями жизни русских литераторов. Тогда же о бедственном положении российской интеллигенции были проинформированы прибывшие в Петроград финские ученые. В феврале 1922 г. Правление обратилось к Американской администрации помощи (American relief administration; ARA)[20] с просьбой о продовольственной поддержке и в мае были получены первые посылки, поступавшие до 1925 г. Представителем ПО Союза в петроградском комитете ARA был избран Е. И. Замятин. Правление взяло на себя и нелегкую обязанность распределения между членами Союза продуктовых подарков от ARA, требующую немалой выдержки и так-

---

[19] Письма от 8 и 22 февраля 1922 г. (ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 555, л. 53, 54).

[20] ARA, иногда — APA (1919—1923) — благотворительная организация США, созданная для помощи населению Европы, пострадавшему в мировую войну. На территории России действовала с 1 октября 1921 г. по 1 июня 1923 г. В течение первого года работы было отправлено 140 пароходов с продовольствием и медикаментами (см.: Петроградская правда. 1922. 22 июля. С. 1). О деятельности организации в России см.: *Макеев Н.* Америка — русскому народу (К годовщине работы APA в России) // Современные записки. 1922. № XI. С. 286—292; *Weissman B.* Herbert Hoover and Famine Relief to Sovjet Russia 1921—1923. Stanford: Hoover Institution Press, 1974. См. также: Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1993. Кн. 4. С. 323 .

та. Сохранившаяся в архиве Союза небольшая переписка с зарубежными организациями свидетельствует и о получении продуктовых посылок от Петроградского землячества в Париже (1923 г.), Харбинского коммерческого собрания (1923 г.), денежного вспомоществования от Фонда помощи нуждающимся российским литераторам и ученым в Нью-Йорке (1926—1927 гг.). Получению продовольственных посылок из Харбина содействовал высланный из России осенью 1922 г. секретарь Правления В. Я. Ирецкий.[21]

Поистине, Союз был единой литературной семьей, в которой заботились и о старых, и о малых, и об осиротевших семьях писателей. В 1923 г. Правление ходатайствовало перед ARA о помощи Н. Д. Михаловской, дочери поэта, переводчика Д. Л. Михаловского, проживавшей в Харькове: «Теперь ей 60 лет и здоровье ее совершенно надорвано долгим тюремным заключением; средств к существованию — никаких».[22] После расстрела Н. С. Гумилева Правление приняло на себя попечение о его литературном наследии и семье. Надзор за положением семьи был поручен М. Л. Лозинскому, за литературным наследием — В. Я. Шишкову. Был забронирован продуктовый паек для его семьи, Дом литераторов и Дом искусств по просьбе Правления Союза оказывали посильную финансовую и продуктовую помощь детям Гумилева. В сентябре 1921 г. Союз пытался получить в Губчека его рукописи, но ходатайство осталось без ответа. Правление проводило и расчеты по издательским делам, и распределение литературных гонораров Гумилева. В январе 1922 г. гонорар от издательства «Всемирная литература» был поделен между А. Н. Гумилевой (150 миллионов рублей) и сыном, Л. Н. Гумилевым (250 миллионов).

В 1923 г. Правление неоднократно обсуждало вопрос о помощи дочери поэта К. М. Фофанова, А. К. Фофановой, за которую ходатайствовал В. В. Смиренский: «Анастасия — (ей сейчас 19 лет) — находится в чрезвычайно бедственном положении: торгует семечками, разумеется, без патента, под постоянным страхом ареста или штрафа, и живет бог знает где, из милости, терпя лишения и голодая. Считаю совершенно недопустимым такое явление. Фофанов умер всего лишь 12 лет назад, и память о нем, не только как о поэте, но как о человеке, еще жива во многих писателях, его знавших. <...> Перед дочерью знаменитого поэта открыты одни двери — в дом терпимости. Я не прошу, но требую, чтобы Союз писателей помог девушке. Ее надо спасти. Слишком ничтожная сумма потребуется на это. От работы она, разумеется, не отказывается. Прошу созвать (если это надо) экстренное собрание членов Союза. В крайнем случае необходимо устроить подписку, надо во что бы то ни стало изъять девушку из той среды, в которую ее загнали нужда и голод. Надо дать ей работу. Дать минимальное пособие на жизнь».[23] Не имея в тот период и «ничтожной суммы», Правление обратилось в КУБУ с просьбой о покупке для Фофановой обуви. Оче-

[21] Сохранилось его письмо Правлению из Берлина от 23 февраля 1923 г., подписанное «В. Ир.» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 103, л. 9).

[22] Там же, № 103, л. 13.

[23] Заявление написано 7 августа 1923 г. (Там же, № 96, л. 4 об.).

видно, от КУБУ был получен отказ и в итоге обувь приобрели на скудные средства Союза писателей.

Тогда и возникла идея создания фонда помощи вдовам, сиротам писателей и престарелым писателям. В обращении Союза к родственным литературным организациям и книгоиздательствам говорилось: «Петроградское Правление Всероссийского союза писателей берет на себя смелость обратиться к гражданскому чувству всех существующих в Петрограде книгоиздательских фирм, периодических изданий и книжных магазинов и покорно просит таковые сделать в указанный фонд пожертвования во имя общественности и уважения к Русской Литературе».[24] Сведений о деятельности фонда в архиве нет. Возможно, вследствие именно этого обращения Союз неоднократно получал денежные переводы от издательства «Время». В это же время Московское отделение Союза располагало несколько иными финансовыми возможностями. Размер пособий и ссуд, выдававшихся довольно часто, составлял в среднем двадцать пять, а иногда и сто миллионов рублей.[25]

Среди разнообразных обязанностей Правления — поиск пропавших в издательствах рукописей, поддержание в должном порядке писательских могил, хлопоты о возвращении писателям реквизированного властью имущества, о сложении с них квартирных и налоговых пошлин, о назначении пенсий, обеспечение жильем, устройство в санатории, больницы и дома призрения, урегулирование взаимоотношений литературных работников с издательствами, освобождение арестованных писателей. Уже 7 июля 1920 г. Правление составляет прошение об освобождении арестованного А. С. Изгоева, в октябре — об освобождении «одного из благороднейших и талантливых представителей публицистики» — В. А. Мякотина, в феврале 1921 г. — Изгоева, в апреле — А. А. Гизетти и Н. А. Рожкова, летом 1921 г. — Н. С. Гумилева, в октябре — Ю. Л. Слезкина, в августе 1922 г. — Е. И. Замятина. Судя по протокольным записям заседаний Правления, основными «ходоками» в Губчека были Н. М. Волковыский и В. Я. Ирецкий. Трудно переоценить смелость Правления, ходатайствовавшего в начале 1921 г. за целую группу писателей, арестованных по обвинению в причастности к Кронштадтскому восстанию (А. В. Амфитеатров, В. Я. Ирецкий, Г. В. Иванов, Вс. Рождественский, А. А. Гизетти, Н. А. Рожков, С. В. Познер, И. Б. Мандельштам, И. В. Амфитеатрова). Переговоры с соответствующими учреждениями были поручены А. А. Блоку, А. Л. Волынскому, Н. М. Волковыскому.

В ноябре 1921 г., подводя итог деятельности Правления за полтора года существования Петроградского отделения Союза, В. Я. Ирецкий докладывал общему собранию: «И несмотря на всякие нарекания, которые раздавались по адресу Правления, оно все же служило тем верным прибежищем, к которому прибегал обездоленный русский писатель, когда уж очень допекали его условия нашей жизни. Покойный Блок, извещая Государственное издательство о том, что он предпочи-

[24] Там же, № 108, л. 1.

[25] См. протоколы заседаний МО Правления Союза от 28 июля, 4 августа, 29 сентября, 17 ноября 1922 г. (Там же, № 712. л. 2 об., 3, 10, 18).

тает выпустить свою книгу в близком ему по духу частном издательстве, а не в Государственном, так как „его стихи никогда не служили политике", считает нужным дать свое письмо на предварительный просмотр Правления и ждет от него моральной поддержки. Когда автор решается нарушить старый договор с издателем, неизвестно где находящимся, он также обращается к Правлению и спрашивает, имеет ли он моральное право это сделать. Когда молодой писатель неисповедимыми путями добывает себе академический паек и узнает, что Правление Союза несколько косо смотрит на этот обход общественных начал, — он также обращается к Правлению с просьбой указать, как ему надо поступить. Или, наконец, когда писателя судят в народном суде по обвинению в уголовном деянии и выносят ему обвинительный вердикт, он тоже обращается в Правление Союза, ища помощи. Во всех этих обращениях к Правлению за моральной поддержкой оно само находило для себя моральную поддержку в сознании, что литературные традиции, несмотря ни на что, все еще существуют».[26]

На протяжении двенадцати лет существования Союз неоднократно пытался организовать собственное издательство и выпуск «независимого литературно-критического и профессионального органа», но ни одно из начинаний не осуществилось. Впервые вопрос об издании собственного печатного органа обсуждался на заседании Правления 28 декабря 1920 г. Как известно, было задумано издание «Литературной газеты», органа всего Всероссийского союза писателей.[27] Составить представление о подготовке газеты можно лишь по скупым протокольным записям. Разработка ее программы была поручена Е. И. Замятину, П. К. Губеру, Н. М. Волковыскому, А. Н. Тихонову. 4 января 1921 г. Правление утвердило представленную Замятиным программу. В редколлегию избраны А. Л. Волынский, Е. И. Замятин, А. Н. Тихонов, К. И. Чуковский. Средства на издание поступили от Дома литераторов. К 18 января получено согласие Госиздата и Правление обращается в Госиздат с запросом об отпуске бумаги. 31 января Госиздат в предоставлении бумаги отказывает и предлагает заменить выпуск постоянной газеты непериодическими сборниками. Правление принимает решение издавать двухнедельный журнал под названием «Литературная газета». В конце марта члены Союза извещаются о подготовке издания, выпуск первого номера планируется на конец апреля, в типографии отпечатывается объявление о подписке на «Литературную газету». 19 апреля Замятин сообщает Правлению о содержании издания. Содержание номера, подбор материала четко демонстрировали преемственность традиций предшествующей русской литературы, незави-

---

[26] Из доклада В. Я. Ирецкого общему собранию 19 ноября 1921 г. (Там же, № 10, л. 11—12). В упоминаемом письме Блока в Госиздат речь идет об издании третьего тома его стихотворений в издательстве «Алконост». Письмо обсуждалось на заседании Правления 8 февраля 1921 г.

[27] О подготовке газеты см.: *Сажин В. Н.* Неудавшийся прорыв немоты (О невышедшем номере «Литературной газеты» 1921 года) // Пятые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 162—167; *Устинов А., Сажин В.* Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года // Литературное обозрение. 1991. № 2. С. 95—112. В последнем издании впервые опубликован текст «Литературной газеты».

симую позицию Союза, его отношение к свободе печати и политике власти в области литературы. В помещенном в номере письме Правления «В редакцию газеты „Последние новости“ в Париже», Правление, отвечая на упреки эмигрантской прессы в забвении традиций свободы, открыто заявляло: «Правление петербургского отдела выступило перед правительством с декларацией о бесправном положении русского литератора и на первый план выдвинуло в этой декларации вопрос о свободе печати. <...> На первом публичном вечере, организуемом нами, вопрос о свободе и независимости печати будет положен в основу выступления официального представителя правления».[28] Настрой оставшихся в России писателей на сохранение свободы печати был общим для всего Союза. На прощальном вечере Московского отделения Союза, устроенном в октябре 1921 г. по поводу отъезда А. Белого за границу, Б. Зайцев напутствовал его: «За границей Вы увидите много русских писателей, которые оказались там по разным обстоятельствам. Кое-что Вы сможете рассказать им о нас. Нас упрекают, что мы теперь — не вольные русские писатели. Передайте им, что это неправда. Русская литература — свободная литература, никогда не кланялась и мы верны ей».[29] Как дань верности свободной литературе мыслилась и подготовленная «Литературная газета». Но надежды на свободную литературу не оправдались. В середине 1921 г. государство преподало первый урок. Уже набранный номер «Литературной газеты», как «не отвечающий требованиям политического момента», был рассыпан.[30] 7 июня А. Н. Тихонов сообщил об этом Правлению, и тогда же было решено обратиться в ЧК за официальным ответом о причине запрещения газеты. Сведениями о каком-либо ответе Губчека мы не располагаем. В ноябре 1921 г., докладывая общему собранию «о печальной судьбе этого дорогого всем нам начинания, окрещенного дельвиговским названием — „Литературная газета“», В. Я. Ирецкий отмечал, «что это начинание поглотило у членов Правления немало труда и нервного напряжения».[31] В мае 1922 г. по предложению Замятина Правление решило передать корректуру рассыпанного номера в Публичную библиотеку, дабы попытка создания независимой газеты вошла в летопись русской литературы. Через семьдесят лет текст «Литературной газеты» был опубликован по корректурному экземпляру, переданному в Публичную библиотеку в 1922 г. М. Л. Лозинским.[32]

---

[28] *Устинов А., Сажин В.* Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года. С. 103.

[29] Цит по: *Ашукин Н.* Заметки о виденном и слышанном. 1914—1933 / Публ. и коммент. Е. А. Муравьевой; Вступ. заметка Н. Богомолова // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 217.

[30] Цит. по: *Устинов А., Сажин В.* Ожог. К истории невышедшей «Литературной газеты» 1921 года. С. 95.

[31] Из доклада общему собранию 19 ноября 1921 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 10, л. 9). На том же собрании Е. И. Замятин выступил с подробной информацией о подготовке газеты. Его сообщение в фонде Союза не сохранилось.

[32] О поступлении экземпляра газеты через М. Л. Лозинского сообщено в коммент. М. Ю. Любимовой к публикации статьи Замятина «Пора», подготовленной для «Литературной газеты» (Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. Л. И. Бучи-

В 1921—1922 гг. Правление предприняло несколько попыток организации издательства и объединения вокруг Союза существующих петроградских издательств. В мае—июне 1921 г. по предложению издателя А. Э. Беленсона рассматривался проект создания самостоятельного издательства Союза. В июле 1921 г., после неоднократных переговоров с Беленсоном относительно статуса и состава правления издательства, его финансовых взаимоотношений с Союзом, был утвержден устав издательского отдела при Союзе. «Задача Отдела, — говорилось в уставе, — заключается в организации издательства и книжной торговли в интересах Союза. <...> Все функции по издательству под фирмою Союза всецело переходят в ведение Отдела за исключением „Литературной газеты", которая издается на прежних основаниях. Издательский отдел немедленно по утверждении настоящих Основных начал Правлением Союза приобретает полную автономию как в области распоряжения материальными средствами, так, равно, и в идейном руководстве издательством. В отношении отчетности Отдел подчиняется уставу Союза».[33] В издательскую коллегию вошли от Союза — А. Л. Волынский, Н. М. Волковыский, П. К. Губер, А. Н. Тихонов; от издательской группы — С. Ф. Ольденбург, А. Э. Беленсон, А. Е. Розинер. Сведений о деятельности издательства в архиве нет.

В 1922 г. ПО Правления Союза и Дом литераторов планировали создание совместного издательства.[34] Предполагался выпуск художественной литературы, книг литературно-критического, историко-литературного и общественно-научного содержания. В первую очередь намечалось издание уже разрешенного Дому литераторов сборника «Смена вех»,[35] сборников «Отражение эпохи» со статьями М. Я. Пергамента, А. Б. Петрищева, Ю. Анненкова, С. А. Золотарева, Вл. Шкловского и книги Е. М. Браудо о духовной жизни Германии 1921—1922 гг. Разрешение Госиздата не было получено. В протоколах заседаний Правления за май—июнь 1922 г. дважды упоминается о возобновляющемся издательстве Товарищества писателей и его желании наладить связь с Союзом. Нам не удалось установить, о каком Товариществе писателей идет речь. Вероятно, вопрос не разрешился на уровне переговоров. Тактика их проведения, намеченная Правлением, была ориентирована на автономные начала издательства.

В очередной раз вопрос об издательстве обсуждался весной 1923 г., была избрана коллегия в составе А. Л. Волынского, Ф. Сологуба, А. Н. Тихонова. Поданное в июне отношение поддержано Петроградским отделением Главлита, но через несколько месяцев отклонено Московским Главлитом. В августе—сентябре 1925 г. переговоры об издательстве велись с заведующим Госиздатом И. И. Ионовым. По-видимому, они протекали вполне благоприятно для Союза, был уже

на, М. Ю. Любимова; Предисл. и коммент. М. Ю. Любимовой. СПб., 1997. Вып. 3. Часть 2. С. 480).

[33] РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 128, л. 1.

[34] Черновик отношения в Госиздат о совместном издательстве, написанный рукой Н. М. Волковыского, сохранился в фонде Дома литераторов (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 31).

[35] Сборник «Смена вех» издан в 1922 г. издательством Дома литераторов.

намечен выпуск критико-библиографического и информационного журнала Союза, составлена его программа и просчитана стоимость номера.[36] На каком-то этапе и это начинание потерпело неудачу.

В марте 1925 г. в издательстве «Сеятель» планировался выпуск альманаха Союза писателей. Неприемлемые условия, предъявленные издательством, не позволили заключить договор. В начале 1926 г. был задуман непериодический бюллетень «Писатель», в редколлегию которого избраны М. Э. Козаков, П. Н. Медведев, К. А. Федин и В. Я. Шишков. Поданное в Гублит ходатайство [37] не было удовлетворено. В дальнейшем, вплоть до 1931 г., вопросы издательской деятельности Союза не обсуждались.

Устройство литературных вечеров, неотъемлемой части деятельности Союза, диктовалось не только творческой заинтересованностью, но и финансовой необходимостью. Нередко это был единственный источник пополнения кассы. Каждый вечер имел конкретную материальную цель. Чаще всего — оказание помощи нуждающимся членам Союза. Иногда вырученные средства предназначались на поддержание могил писателей, в том числе — на охрану памятника и могилы А. С. Пушкина. Первые попытки организации вечеров на протяжении 1920—1922 гг. оказались неудачными. Так, в мае 1921 г. Правление дважды обращалось в Союз работников искусств (Сорабис) с ходатайством об устройстве двух вечеров в пользу Союза: «Улучшение материального и профессионального положения тех работников литературы, которые остались в пределах Советской России, должно быть задачей, одинаково близкой для всякого, кому дорого культурное будущее нашей родины. Союз писателей считает своим долгом всемерно содействовать тому, чтобы русские писатели оставались в России, а не вынуждались нестерпимыми условиями своего быта эмигрировать за ее пределы. Без средств, без возможности выпускать в свет свои издания, без возможности оказывать больному, усталому и нуждающемуся писателю и его семье материальную поддержку, Союз стоит перед неосуществимостью своей задачи».[38] Сорабис, мотивируя отказ «материальными целями вечера», отклонил оба ходатайства.

Изменение общественно-политической ситуации в 1922 г. не могло не сказаться и на деятельности Союза писателей. «Идеологическое наступление» государства на «буржуазную» интеллигенцию, начавшееся в конце 1921 г., через год завершилось высылкой из России духовной элиты, закрытием неугодных учреждений (Дом литераторов, Дом искусств) и журналов («Летопись Дома литераторов», «Литературные записки», «Утренники», «Экономист») и введением жесткого контроля за деятельностью литературных организаций. Осенью 1922 г. Правления обоих отделений потеряли нескольких членов. Н. М. Волковы-

[36] План журнала и расчеты, сделанные рукой К. А. Федина, сохранились в архиве секретаря Союза М. В. Борисоглебского (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 92, оп. 2, № 28; далее — ОР РНБ).

[37] Письмо ЛО Правления в Гублит датировано 2 апреля 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 125, л. 7).

[38] Из письма ПО Правления в Сорабис от 18 мая 1921 г. (Там же, № 329, л. 3 об.).

ский и В. Я. Ирецкий (Петроградское отделение), Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев и М. А. Осоргин (Московское отделение) — были высланы из России. Планировавшаяся высылка еще одного члена Петроградского Правления, Е. И. Замятина, арестованного 17 августа, была отложена, но дело закрыто лишь 8 августа 1924 г. [39]

С осени 1922 г. государство ввело перерегистрацию всех обществ и союзов в Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) с обязательным согласованием устава, списка членов общества и состава руководящих органов. Учитывая важность правительственных постановлений, изменивших деятельность литературных организаций, рискнем утомить читателя их перечислением. 12 июня 1922 г. Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) издает постановление «О порядке разрешения съездов и совещаний», пункт второй которого предписывает НКВД в двухнедельный срок зарегистрировать и взять на контроль все союзы и общества и не открывать новые без санкции НКВД.[40] Через короткое время появляется ряд постановлений и инструкций, разъясняющих порядок и последовательность регистрации: постановление ВЦИК и Совнаркома (СНК) от 3 августа «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и порядке надзора за ними»,[41] «Инструкция по регистрации союзов и объединений» и инструкция о выдаче разрешений на созыв съездов и собраний организаций, союзов и объединений, изданные ВЦИК 10 августа.[42] Согласно этим документам, общества и союзы обязывались в двухнедельный срок со дня опубликования представить в Отдел управления Губисполкома[43] устав, списки членов объединений и их правлений. С соответствующей резолюцией Губисполкома документы препровождались в НКВД. И Отдел управления Губисполкома, и НКВД получали право закрыть любое общество в случае его несоответствия каким-либо установкам власти. Записанное в уставе всех литературных объединений право членов объединений самим решать на общем собрании вопрос о ликвидации, становилось фикцией. Так, в октябре 1922 г. был закрыт Дом

---

[39] Об истории несостоявшейся высылки Замятина см.: *Замятин Е.* Письмо А. К. Воронскому. К истории ареста и несостоявшейся высылки Е. И. Замятина в 1922—1923 гг. / Публ., сопровод. текст и прим. А. Ю. Галушкина // De Visu. 1992. № 0. С. 12—13; *Лахузен Т., Максимова Е., Эндрюс Э.* О синтетизме, математике и прочем...: Роман «Мы» Е. И. Замятина. СПб., 1994. С. 104—109; *Любимова М. Ю.* «Высылка отсрочена до особого распоряжения...»: Документальные штрихи к биографии Евгения Замятина // Всемирное слово. 1996. № 9. С. 71—73; *Галушкин А. Ю.* У «Зеленой стены»: Евгений Замятин в «задержанной» эмиграции // Русская мысль. 1997. 2—8 окт., № 4191. С. 10; 9—15 окт., № 4192. С. 10; 16—22 окт., № 4193. С. 10; *Файман Г.* «И всадили его в темницу...»: Замятин в 1919, в 1922—1924 гг. // Новое о Замятине: Сборник материалов / Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 78—88.

[40] Известия ВЦИК. 1922. 18 июня, № 134. С. 4.

[41] Там же. 12 авг., № 180. С. 4.

[42] Там же.

[43] Отдел управления Губисполкома (Петрогубисполкома) по своим функциям и задачам был преемником Комиссариата внутренних дел Петрограда (1918—1919), преобразованного в Отдел управления Петроградского городского Совета (1919—1920), затем — в Отдел управления Петрогубисполкома.

литераторов, Комитет которого безуспешно пытался добиться разрешения на созыв общего ликвидационного собрания. По распоряжению НКВД от 12 октября (№ 321) общества и союзы обязывались ежемесячно представлять в Губисполком сведения (отчеты) о деятельности, составе обществ и их правлений, ежегодно проходить перерегистрацию в НКВД. Названные постановления не распространялись на организации профсоюзные, объединяемые ВЦСПС. Союз же писателей, созданный на основе профессиональной общности, профсоюзной организацией не признавался. Надо сказать, что не все литературные организации не считались профессиональными. Так, в феврале 1923 г. НКВД, отвечая на заявление Союза драматических и музыкальных писателей (Драмосоюз) о регистрации, сообщал Союзу, что «ввиду чисто профессионального характера деятельности Союза устав такового, согласно декрету ВЦИК и СНК от 3/VIII—22 г., утверждению и регистрации в НКВД не подлежит».[44]

По логике развивавшихся событий власти должны были закрыть и Петроградский Союз писателей. К тому времени он, как и Дом литераторов, уже имел репутацию одного из центров литературной жизни, находящегося «в руках белых».[45] Но в отношении Петроградского Союза, объединявшего цвет дореволюционной литературной интеллигенции и насчитывавшего 215 членов, последовали иные санкции. Партийный аппарат потребовал изменения устава Союза и состава руководства. Обстоятельства согласования в НКВД устава Союза и состава Правления Петроградского отделения — одна из страниц в летописи противостояния петроградских литераторов диктату официальной власти.[46] В архиве Союза сохранились лишь разрозненные свидетельства этой истории, но и они позволяют восстановить общую канву диалога Союза писателей с властью. Мы не располагаем сведениями о пакете документов Петроградского отделения, поданных в Губисполком или НКВД осенью 1922 г., но вокруг одного документа можно поразмышлять. Это выписка из письма НКВД Всероссийскому союзу писателей (Москва) от 28 декабря 1922 г. (исходящий № 11810/2), сделанная секретарем Московского отделения А. Соболем:

---

[44] Из письма Административного отдела НКВД в Петроградский Губисполком от 6 февраля 1923 г. (ЦГА СПб., ф. 1000, оп. 6, № 243, л. 16). По-видимому, Драмосоюз повторно обращался с заявлением о регистрации и утверждении устава. 19 июня НКВД сообщал уже самому Драмосоюзу, что «при вторичном пересмотре дела об утверждении устава первое постановление НКВД, о котором сообщалось через ПГИ — (Петроградский Губисполком — *Т. К.*) — № 934/2 признано правильным» (Там же, л. 105).

[45] Такую характеристику Петроградского союза писателей в начале июля 1922 г. дал заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК РКП(б) Я. А. Яковлев в докладной записке Сталину (Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)—ВКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953 / Сост. А. Артизов, О. Наумов. М., 1999. С. 39).

[46] Этот эпизод уже излагался нами в работе «Е. И. Замятин в Правлении Всероссийского союза писателей (Ленинградское отделение)» (Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 108—125). В настоящем издании используются новые документы.

«НКВД сообщает, что устав Вашего Союза может быть утвержден при следующих условиях:

а) исключения из состава Правления и членов Общества лиц: Н. А. Бердяева, Ю. И. Айхенвальда, М. А. Осоргина, Н. М. Волковыского, Е. И. Замятина, В. Я. Ирецкого и А. М. Редько.

С подлинным верно.
Секретарь А. Соболь».[47]

Впервые в истории русской литературы государство предписывало писателям, кто может быть членом писательского содружества, а кто — нет. На первое предписание Правления обоих отделений, по-видимому, ответили скрытым протестом. Судя по тому, что в письме упомянуты литераторы, в начале осени уже намеченные к высылке и в сентябре—ноябре покинувшие Россию, можно предположить, что в начале сентября в Губисполком и НКВД были отправлены списки с именами высылаемых властью, но не исключенных писательским сообществом членов Правления. В 1922 г. иначе и не могло быть. Руководствуясь незыблемыми для дореволюционного писателя положениями устава и понятиями чести, Петроградское отделение (как, видимо, и Московское) представило список Правления, законно избранного общим собранием 19 ноября 1921 г. (А. А. Ахматова, А. Л. Волынский, Н. М. Волковыский, А. В. Ганзен, П. К. Губер, Л. Я. Гуревич, Е. И. Замятин, В. Я. Ирецкий, В. А. Мазуркевич, Вас. И. Немирович-Данченко, А. М. Редько, В. Ф. Ходасевич, В. Я. Шишков, В. Б. Шкловский, П. Е. Щеголев). К сентябрю 1922 г. Немирович-Данченко, Ходасевич и Шкловский уже были за границей.[48] Высылаемые из России Волковыский и Ирецкий (как и упомянутые члены Московского Правления) готовились к отъезду. Замятин, высылка которого была отложена благодаря хлопотам друзей, усиленно добивался разрешения на выезд. Редько по неясным для нас причинам в работе Правления участия не принимал и ни в одном заседании не участвовал.[49] Упоминание его имени в письме НКВД лишь подтверждает наше предположение о поданном списке законно избранного Правления. Нам неизвестно, какие документы были посланы Петроградским отделением в НКВД в ответ на предписание от 28 декабря, и посылались ли вообще. Но негативная позиция Петроградского Союза и его Правления совершенно оче-

---

[47] РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 39, л. 3.

[48] Прозаик, поэт, публицист *Василий Иванович Немирович-Данченко* (1845—1936) в конце 1921 г. эмигрировал в Берлин, затем — в Прагу. Поэт, прозаик, критик *Владислав Фелицианович Ходасевич* (1886 -1939) эмигрировал 22 июня 1922 г. Прозаик, литературовед *Виктор Борисович Шкловский* (1893—1984) на показательном процессе по делу правых эсеров был обвинен в причастности к заговору. В марте 1922 г. бежал по льду Финского залива за границу. См. об этом в прим. А. Ю. Галушкина к его публикации «В. Б. Шкловский. Письма М. Горькому (1917—1923 гг.)» (De Visu. 1993. № 1. С. 41—42).

[49] В работе «Е. И. Замятин в Правлении Всероссийского союза писателей (Ленинградское отделение)» мы, не имея на тот период сведений об избрании А. М. Редько в ноябре 1921 г. в Правление, высказывали иные предположения относительно появления его имени в письме НКВД, которые, впрочем, лишь подкрепляют закономерность его упоминания. См. в сб. «Евгений Замятин и культура XX века» (С. 113).

видна. Замятин не только продолжал работу в Правлении, но и, бывая в Москве по делу о своем отъезде, наводил справки о возможности скорейшей легализации Союза и утверждения устава в НКВД, о чем дважды, в декабре 1922 г. и феврале 1923 г., сообщал Правлению. Вопрос об исключении Волковыского и Ирецкого Петроградским отделением не поднимался ни в 1922 г., ни в последующие годы. Лишь однажды, на заседании 24 октября 1922 г., было решено «ввиду отъезда из Петрограда Волковыского избрать второго представителя от Союза в пайковую комиссию при Акцентре». По-видимому, не решаясь все же обострять ситуацию, Правление заняло выжидательную позицию и даже попыталось скрыть факт вхождения Замятина в новый состав. В январе 1923 г. Замятин был вновь намечен в состав будущего Правления, но созыв ежегодного общего собрания, правомочного переизбрать Правление, шесть раз откладывался «до утверждения устава» и «уведомления о регистрации» Союза. 21 февраля 1923 г. устав Союза утверждается в НКВД и 23 марта, за несколько дней до общего собрания, Правление подает документы на регистрацию в Отдел управления Губисполкома. Но вместо анкетного списка членов Правления по требуемой форме подает обычный список-перечень прежнего Правления (с Замятиным) с указанием на истечение срока полномочий, и список лиц, намеченных в новое Правление (без Замятина). 3 апреля на документе появляется резолюция представителя Губисполкома: «Ожидать, т<ак> к<ак> нет адреса отделения Союза в Петр<огра>де и списка Правления по установленной форме». 19 апреля датировано новое указание: «Один экз<емпляр> списка и Устава в ГПУ на просмотр и на комиссию».[50] Между 23 марта, датой подачи документов на регистрацию, и 19 апреля, датой последней резолюции Губисполкома, состоялось общее собрание ЛО Союза (29 марта). Понимая важность этого собрания, Правление, не имевшее в тот момент союзных денег, собирало собственные средства (по десять рублей с члена Правления) для рассылки повесток. Реакция членов Союза, несомненно, знавших о возможном отъезде Замятина и требовании НКВД, была вполне определенной. Замятин в очередной раз подавляющим большинством голосов (48 из 54) был избран в состав Правления. Не получив санкции Губисполкома на регистрацию ПО Союза до общего собрания и выборов Замятина, Правление вынуждено было 18 апреля представить в Губисполком новый пакет документов с анкетным списком законно избранного Правления, включавшим и Замятина. Очевидно, по получении этого списка и появилась резолюция заведующего Столом регистрации Административного подотдела Отдела управления Губисполкома от 19 апреля 1923 г. Не удивительно, что через месяц, в мае 1923 г., НКВД во второй раз попытался отстранить Замятина от работы в Союзе. 25 мая Московское Правление сообщало петроградским коллегам:

«Ввиду того, что пока не аннулировано постановление Наркомвнудела относительно Е. И. Замятина, Московский отдел Правления Все-

[50] ЦГА СПб., ф. 1001, оп. 6, № 190, л. 2.

рос<сийского> Союза писателей настоящим извещает Петербургский отдел Правления, что в представляемый список членов Петербургского отдела Правления Е. И. Замятин войти не может. О восстановлении Е. И. Замятина в его правах вопрос в Наркомвнуделе нами возбужден. Анкета должна быть подписана председателем и секретарем Петербургского отдела. Соблаговолите препроводить ее нам.

Секретарь А. Соболь».[51]

И вновь Правлению пришлось защищать одного из своих лидеров. Ответ, составленный председателем Правления Волынским и одобренный всеми членами Правления на экстренном заседании 15 июня 1923 г., настолько характерен для позиции Петроградского отделения Союза, в течение многих лет упорно отстаивавшего свою независимость и защищавшего каждого из своих членов, что нельзя не привести его полностью:

«Представляя анкетные листы членов Правления Петроградского отдела Всероссийского Союза писателей, Правление почитает своим долгом оговорить нижеследующее:

Выборы Правления состоялись 29 марта 1923 года на общем собрании входящих в Союз писателей с соблюдением всех установленных на этот счет правил, причем ни бывшее Правление, ни общее собрание не были положительно осведомлены, что состав избираемых членов нового Правления подлежит тем или иным ограничениям. Составившийся таким образом список членов Правления представляется при сем для сообщения в соответствующие места и учреждения.

Осведомившись лишь ныне о том, что избрание Е. И. Замятина противоречило предположениям руководящих правительственных инстанций, Правление признает необходимость высказать следующие соображения.

Оно никаким образом и ни в каком отношении не солидаризируется ни с одним из своих членов ни в чисто литературном, ни в гражданственно-политическом, ни в научно-философском смысле. В настоящем своем составе Правление, крайне разнообразное и разнохарактерное, представляет собою энциклопедическую мозаику, обеспечивающую беспристрастно-терпимое и всестороннее обследование нужд и жизни современной литературы. Русская литература достаточно натерпелась в своей среде, в собственных своих берегах от всевозможных видов засилья и ныне, в тяжелых условиях материального существования, полна желаний утвердиться на истинно культурном пути согласного сотрудничества всех работников художественного слова и построительно-творческой мысли. Объективно лояльная позиция Правления и гарантируется именно этим драгоценным разнообразием его состава, где труд представляется в своей чистой форме, совершенно изъятой от сторонних воздействий отдельных идеологов литературной секунды. Даже Достоевский и Л. Н. Толстой не могли бы претендовать больше, чем на один голос в совещательном органе, призванном коллективно блюсти интересы писательского существования.

---

[51] РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 39, л. 29.

Не имея формального права кассировать со своей стороны состоявшихся совершенно лояльно выборов и руководствуясь, с другой стороны, вышеизложенными принципиальными соображениями, Правление просит, приняв это во внимание, дать представляемым листам законный ход.

1 июня 1923. А. Волынский».[52]

По-видимому, события, связанные с отъездом Замятина[53] все же поколебали решимость Правления. Отсылку подготовленных анкет Правления задержали «до информации из Москвы». 28 августа был даже составлен запрос в Московское отделение Правления относительно того, «все ли члены Правления могут рассчитывать на официальное признание», и выражена готовность переизбрать Правление. Сведений о дальнейшем прохождении в НКВД отосланных анкет в архиве Союза нет. Было ли Правление все же утверждено в полном составе, или Союз в очередной раз ослушался приказа Москвы, оставив Замятина в Правлении, пока остается неясным. 23 октября, после летнего перерыва, Замятин уже присутствовал на заседании Правления и в дальнейшем активно участвовал в его работе. 15 марта 1924 г., еще до официального прекращения ГПУ «дела» Замятина (8 августа 1924 г.), он вновь был избран в Правление.

В декабре 1922 г. НКВД потребовал от Союза писателей и изменения устава, в частности, пунктов о членстве в Союзе и подотчетности Губисполкому и НКВД. 29 декабря МО Правления, обсуждая отношение НКВД о перерегистрации Союза, постановило «представить изменения в Уставе, соответственно указаниям Наркомвнудела, отстояв пункт о необходимости стажа для вступления в Союз».[54] В новой редакции устава писатели вынуждены были зафиксировать и необходимость ежемесячного представления в Губисполком отчетов о деятельности и ежегодной перерегистрации Союза в НКВД (раздел «Управление делами Союза»). Петроградское отделение изменения в уставе не обсуждало. Этот устав действовал до конца 1929 г.

В конце 1922 г. Правление Союза выступило с инициативой создания в Петрограде Дома писателей по образцу московского (так называемый «Дом Герцена»; Тверской бульвар, 15) и пыталось для этой цели получить помещение и имущество закрытого к тому времени Дома литераторов. В 20-х числах декабря 1922 г. делегация Союза писателей, посетившая Л. Б. Каменева для обсуждения вопроса о действиях цензуры, исходатайствовала и его согласие на передачу Дома литераторов Союзу писателей. Очевидно, вопрос этот был поднят Замяти-

---

[52] Там же, л. 30.

[53] В июне—июле 1923 г. из Москвы приходили противоречивые сведения о возможности отъезда Замятина за границу. «От Тихонова было письмо в понедельник, где он сообщает о разговоре Абр<ама> Эфроса с Каменевым и Лидина с Воронским. Все это как будто говорит (пока), что придется ехать», — сообщал Замятин жене (Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. Вып. 3. Часть 1. С. 240).

[54] Цитируется по копии протокола заседания МО Правления Союза (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 712, л. 24).

ным, входившим в состав делегации.[55] Им же по поручению ПО Правления было составлено заявление Правления в Петроградский отдел Академического центра Наркомпроса с изложением просьбы и ссылкой на согласие Каменева.[56] Несмотря на личное ходатайство Каменева, обратившегося с письмом к заведующему Петроградским Акцентром М. П. Кристи,[57] инициатива Союза не получила поддержки петроградской власти. Повторное обращение Союза в марте 1923 г. в Акцентр и Петрогубисполком также оказалось безрезультатным.[58]

Первая половина 1923 года прошла под знаком регистрации Союза, в ожидании официальной «легализации» Союза властью и перевыборов Правления. С лета 1923 г. характер работы Союза стал постепенно меняться, приобретая более четкую профессиональную направленность. С созданием весной 1923 г. литературной (вечеровой) комиссии (В. А. Азов, Е. И. Замятин, Ф. Сологуб, А. Н. Тихонов, К. А. Федин) возобновилась работа по организации вечеров. Наряду с открытыми литературными вечерами для широкой публики, устраиваемыми чаще всего в помещении Академической капеллы, еженедельно, по средам и субботам, проводились закрытые литературные собрания, где читались и обсуждались новые произведения и куда допускались лишь гости по рекомендации членов Союза. Первое публичное выступление членов Союза состоялось 16 июня, первое литературное собрание с участием А. Л. Волынского, Е. И. Замятина, Ф. Сологуба, В. Я. Шишкова — 18 июня. Вечера прививались трудно, писатели откликались неохотно, посещаемость была невелика, доход незначительный.

Наряду с литературной, при Правлении были созданы конфликтная и хозяйственная комиссии. Конфликтная комиссия (бывший суд чести) рассматривала иски литераторов к издательствам, разногласия друг с другом по вопросу об авторстве и плагиате.

В марте 1924 г. председателем Правления Союза был избран Ф. Сологуб. А. Л. Волынский, возглавлявший Союз в течение трех лет, отказался баллотироваться в Правление, мотивируя свое решение как «причинами принципиального характера, так и переутомлением и чрезмерной перегруженностью работой». Через несколько лет, после кончины Волынского, последовавшей в 1926 г., память первого руководителя Союза была почтена изданием сборника «Памяти Акима Львовича Волынского» (Л., 1928) со статьями К. А. Федина, П. Н. Медведева, Э. Ф. Голлербаха, М. А. Фромана, А. Г. Горнфельда, Е. А. Грековой, Б. М. Эйхенбаума и других. В предисловии к сборнику, написанном от

---

[55] 8 декабря 1922 г. Замятин присутствовал на заседании МО Правления Союза и был включен в состав делегации. См. копию протокола заседания МО Правления Союза (Там же, л. 21 об.).

[56] Письмо ПО Правления Союза от 29 декабря 1922 г. подписано председателем Правления А. Л. Волынским (ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 561, л. 8).

[57] Письмо Каменева к Кристи зачитывалось 19 января 1923 г. на заседании Московского отделения Правления (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 712, л. 25).

[58] На письме ПО Правления Союза в Акцентр, подписанном А. Л. Волынским и В. Я. Шишковым, помета: «Послано отношение в Петрогубисполком. 14.03» (ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, № 561, л. 9).

имени Правления, отмечалось, что Волынский возглавил петроградских писателей «в очень трудное для Союза писателей время, когда, разбросанные в разные стороны революционным землетрясением писатели, вновь стали осознавать себя, чувствовать себя некой единой общественной группой, вновь начали строить свою профессиональную организацию. На это важное общественное дело А. Л. Волынским положено много труда и сил». Сборник этот остался единственным, выпущенным под маркой Союза писателей.

Середина 1920-х гг. — период активной творческой и разноплановой хозяйственной деятельности, укреплявшей позиции Союза. Одно из первых начинаний нового Правления — поиск собственного помещения Союза. Весной 1924 г. было рассмотрено несколько вариантов, предложенных Союзу городской властью: залы в здании на ул. Халтурина (д. 22), занимаемые Пушкинским Домом, и — в доме на набережной реки Мойки, где размещалась последняя квартира Пушкина. В июне 1924 г. удалось арендовать небольшую квартиру на набережной реки Фонтанки (д. 50, кв. 26), принадлежавшую ранее Вольной философской ассоциации. Союз принял на хранение и небольшое делопроизводство Вольфилы. Здесь в течение нескольких лет и размещались канцелярия, возникшие вскоре библиотека, музей, проводились заседания Правления. С 1926 г. заседания Правления и большие литературные вечера нередко устраивались в помещениях, предоставляемых Домом печати (дворец графини Шуваловой на набережной Фонтанки).

С конца 1924 г. творческая работа Союза проводилась по секциям: прозаиков и поэтов (с сентября 1924), переводчиков (с декабря 1924), критиков и историков литературы (с мая 1925), детской литературы (в 1925), биобиблиографов (с мая 1925), писателей-краеведов. Впоследствии секция прозаиков и поэтов была преобразована, созданы секция прозаиков и драматургов, секция поэтов (в 1927 г.). В октябре 1929 г. организована отдельная секция беллетристов. В январе 1930 г. секция переводчиков Союза писателей упразднена и выделена в секцию переводчиков при Федерации объединений советских писателей (ФОСП).

В 1924 г. Правление Союза арендовало «Дом писателей» на набережной реки Карповки. Основанный в 1899 г. Литературным фондом, «Дом писателей» был первым в России писательским общежитием. В ноябре 1918 г. здание заняла некая группа коммунистов, потеснившая постоянных жильцов. В течение нескольких лет «Дом» принадлежал Отделу коммунального хозяйства (Откомхоз). В общежитии Союза писателей, занимавшем здание по ул. Литераторов, д. 19 и флигель по ул. Песочной, д. 10, проживали литераторы Л. И. Аверьянова-Дидерикс, Я. В. Годин, В. А. Мякотина, А. П. Чапыгин, Б. Д. Четвериков, В. И. Эрлих, художники П. Н. Филонов, Б. В. Эндер, ветераны народовольческого движения О. В. Аптекман, В. Н. Засулич, Г. А. Лопатин, Н. С. Тютчев, В. Н. Фигнер. В «Доме писателей» размещалась богатая библиотека, пожертвованная Литфонду писателем В. О. Михневичем и пополнявшаяся Литфондом. В 1924 г. она насчитывала 3300 то-

мов, в том числе — около 1000 ценных изданий. В 1929—1930 гг. Союзу удалось провести в зданиях капитальный ремонт. В 1931 г. «Дом писателей» вновь перешел в ведение возобновленного в 1926 г. Литфонда.

По предложению прозаика, критика, переводчицы А. М. Аничковой Союз с 1925 по 1927 г. арендовал имение ее мужа, историка литературы Е. В. Аничкова, — Ждани в Боровичском уезде Новгородской губернии. 30 мая 1925 г. был заключен арендный договор с Боровичским уездным земельным управлением, в усадьбе устроен дом отдыха для членов Союза, комендантом назначен секретарь Ленинградского отделения (ЛО) Правления Союза М. В. Борисоглебский. Несмотря на удобное расположение на берегу живописной реки и дешевые продукты питания, успехом среди писателей дом отдыха не пользовался. Лишь немногие писатели побывали здесь, в частности, летом 1926 г. здесь жил В. Я. Шишков. В 1926 г. был заключен договор с Союзом драматических и музыкальных писателей о совместном использовании усадьбы, а в 1927 г. из-за тяжелого финансового положения Союза арендный договор был расторгнут.

Библиотека Союза и Литературный музей, созданный в 1925 г., постоянно пополнялись приносимыми в дар книгами, рукописями, письмами, иконографическими материалами. Значительный комплекс материалов Е. В. Аничкова был привезен из его имения Ждани. Интерес представляют письма деятелей литературы (В. Я. Брюсова, А. А. Шахматова, А. Н. Веселовского) к Аничкову, относящиеся к его работе по изданию собраний сочинений классиков литературы, подготовке историко-литературных статей и сборников. Очевидно, через заведующего Музеем В. В. Смиренского был получен обширный архив поэта К. М. Фофанова, состоявший из большого комплекса писем к нему, автографа его стихотворения «Он младенцем милым...», писем Н. Н. Захарова-Мэнского к В. В. Смиренскому, декларации «неоклассиков», материалов общества «Кольцо поэтов имени Фофанова». Иногда, не имея возможности приобрести ценные материалы за счет Союза, члены Правления покупали их вскладчину, на собственные деньги. Так в апреле 1925 г. был приобретен альбом с автографами А. А. Блока, А. М. Ремизова, И. А. Бунина, В. Г. Короленко, В. В. Розанова, принадлежавший художнику И. К. Пархоменко.

С 1924 г. началась и активная «вечеровая» деятельность Союза. Устраивались не только открытые литературные выступления и литературные собрания членов Союза, но и юбилейные вечера, вечера памяти скончавшихся писателей. В 1924 г. был организован большой юбилейный вечер по случаю сорокалетия творческой деятельности Ф. Сологуба, в 1926 г. в Большом драматическом театре состоялся вечер памяти А. А. Блока. Деятельное участие в организации открытых вечеров принимал председатель Правления Ф. Сологуб. «Словом, работает за всех один Сологуб. Выступал в пятницу у поэтов, в субботу у нас. Готов выступать в Детском и где угодно, кажется, чтобы только пополнить казну. Если бы у молодых было столько энергии и желания работать, мы бы горы сдвинули», — писала А. В. Ганзен секретарю

Правления М. В. Борисоглебскому.[59] Вечер в Детском Селе с участием Ф. Сологуба был устроен 12 июля 1925 г. «От вечера в Детском 12/VII чистого получилось 50 р<ублей>, а вечер был сделан наскоро, без особых афиш. Публики было битком; успех исполнителей огромный. Участвовали Кузмич, Баршев, Анненский, Леонид Борисов, Лавренев, Медведев, Рождественский, Чапыгин и кто-то восьмой. Теперь затевают в Павловске, берут *театр*, приглашают *Сейфул<л>ину, Садофьева* и хотят из Москвы пригласить Вересаева...». [60] Выступление В. В. Вересаева с докладом «О художественном оформлении нового быта (Об обрядах старых и новых)» состоялось 18 января 1926 г. в зале Академической капеллы. В диспуте по докладу приняли участие Г. Е. Горбачев, И. И. Ионов, Б. А. Лавренев, П. Н. Медведев, А. Н. Толстой, И. И. Садофьев, К. А. Федин. Весь доход в размере 215 рублей был передан докладчиком в кассу ЛО Союза. «Это было большим экономическим событием в нашей жизни, и мы глубоко благодарны Вам за оказанную нам помощь. Стенографический отчет Вашего доклада помещен в Музей нашего Отдела», — сообщал М. В. Борисоглебский в благодарственном письме Вересаеву. [61] В пользу Союза устраивались и закрытые литературные вечера, на которых по подписным листам собирались пожертвования, в том числе — и от членов Правления. На подписном листе закрытого вечера 26 ноября 1925 г. с выступлением Е. И. Замятина, Ф. Сологуба, Л. Н. Сейфуллиной, В. В. Смиренского, Е. Я. Данько первым вписан Ф. Сологуб, сделавший самый большой взнос в кассу Союза. Стремясь увеличить доход от вечеров, Правление неоднократно приглашало к участию в них московских знаменитостей. В сентябре 1925 г. с такой просьбой обратились к председателю Наркомпроса А. В. Луначарскому: «Ленинградский отдел Правления Всероссийского союза писателей предполагает устроить большой литературный вечер-концерт, весь сбор с которого поступит в пользу нуждающихся членов Союза. Ленинградский отдел объединяет свыше 350 литераторов, огромное большинство которых находится в крайне стесненных материальных условиях. Между тем Союз не располагает решительно никакими средствами, чтоб прийти на помощь своим бедствующим членам. Предполагаемый вечер является попыткой добыть эти необходимые средства, и успех вечера, в случае Вашего согласия принять в нем участие, несомненно, обеспечен».[62] Принципиальное согласие Луначарского было получено, вечер назначен на 26 октября 1925 г., городские власти дали разрешение, Правление арендовало зал Филармонии, но за три дня до назначенного срока из Москвы пришло письмо, подписанное секретарем наркома и извещающее, что «ввиду ухода в отпуск» А. В. Луначарский не сможет принять участие в вечере. На этом история подготовленного вечера, по-видимому, и закон-

[59] Из письма от 22 июня 1925 г. (ОР РНБ, ф. 92, оп.1, № 236, л. 3 об.).

[60] Из письма от 16 июля 1925 г. (Там же, л. 5).

[61] Из письма от 20 февраля 1926 г. (Там же, № 176, л. 2). В архиве ЛО Союза сохранилась машинописная копия доклада В. В. Вересаева, помеченная инвентарным номером Музея ЛО Союза (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 340, л. 17—33).

[62] Там же, № 329, л. 13.

чилась. Во всяком случае, в архиве Союза дополнительных сведений нет.

Благотворительные цели вечеров не освобождали Союз ни от высокой арендной платы за помещение, ни от налогов, ни от иных поборов.[63] Довольно часто организационные расходы и налоги поглощали почти весь доход. Так, валовый доход от благотворительного литературно-музыкального вечера, устроенного 10 мая 1926 г. в Большом зале Филармонии с участием А. А. Ахматовой, Е. И. Замятина, М. М. Зощенко, М. А. Кузмина, Ф. Сологуба, А. Н. Толстого, К. А. Федина, В. А. Каверина, приглашенного из Москвы М. А. Булгакова, артистов А. К. Глазунова, Е. М. Тиме, Н. Н. Ходотова, Н. Н. Рождественского, составил 1300 рублей. С оставшихся после организационных расходов 200 рублей Союз должен был заплатить 117 рублей 68 копеек местного налога и 58 рублей 84 копейки в пользу Красного Креста. Правление обратилось в Финансовый отдел Губисполкома с просьбой об освобождении от выплат, так как это было бы «равносильно почти полному изъятию от Союза и той небольшой суммы, которую удалось выручить».[64] В ответ пришло письмо с отказом и угрозой штрафа в размере 300 рублей и уголовной ответственности в случае неуплаты: «...дальнейшая же задержка устроителями зрелищ и увеселений собранных ими сумм местного налога со зрелищ, а равно и сбора в пользу РОКК влечет за собою возбуждение против ответственных лиц судебного преследования за растрату или присвоение по ст<атье> 113 или 185 Уголовного кодекса».[65]

В 1927 г., к десятилетию Октябрьской революции, Союз организовал литературно-художественную выставку «Работа ленинградских писателей. 1917—1927 гг.», на которой экспонировались рукописи, книги, автобиографии, портреты 131 члена Союза. Среди участников — А. А. Ахматова, Ф. Сологуб, Н. С. Тихонов, А. Н. Толстой, К. А. Федин, В. Я. Шишков. Несмотря на скромные размеры, она была признана самой интересной юбилейной выставкой и получила одобрительные отзывы прессы: «В отличие от выставки в „Доме печати", где показана продукция наших издательств, здесь собрана продукция отдельных писателей, их книги и рукописи. <...> Устроители стремились выявить, по мере возможности, деятельность всех членов Союза без различия „удельного веса". <...> Имеются на выставке книги и автографы ныне покойных членов Союза: А. Л. Волынского, А. А. Блока, С. А. Есенина, Д. Я. Айзмана и др<угих>. Весьма интересен литературно-бытовой материал — статистические данные, групповые фотографии и пр<очее>».[66] Подготовленный выставочным ко-

---

[63] Налоги с вечеров взимались с 1922 г. по постановлению ВЦИК и Совнаркома «О введении налога с публичных зрелищ и увеселений» от 22 июня 1922 г. (Известия ВЦИК. 1922. 25 июня, № 139. С. 4).

[64] Из письма ЛО Правления в Финансовый отдел Губисполкома от 5 мая 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 330, л. 28).

[65] Из письма Налогового подотдела Финансового отдела Губисполкома от 10/13 июля 1926 г. (Там же, л. 55).

[66] Цит. по заметке анонимного автора («Библиофил»), вырезанной из неустановленной газеты (ОР РНБ, ф. 92, оп. 2, № 18, л. 3).

митетом (председатель Э. Ф. Голлербах, секретарь П. Я. Заволокин) каталог по финансовым причинам издать не удалось. Была выпущена лишь тоненькая памятка «Работа ленинградских писателей. 1917—1927: Выставка» (Л., 1927) с указанием участников.

В 1924—1926 гг. ЛО Правления попыталось в очередной раз добиться законодательного признания труда писателя равноправным с другими профессиями и улучшения правового и материального положения писателей. Еще в 1918 г. литераторы были отнесены, «как элемент нетрудящийся», к категории лиц свободной профессии, а литературные союзы не имели официального статуса профессиональных организаций, что лишало их многих прав и льгот. Созданная в конце 1924 г. специальная комиссия Правления в составе В. С. Миролюбова, К. А. Федина, Ю. Н. Тынянова, А. А. Долинина, М. В. Борисоглебского обследовала условия жизни ленинградских писателей. Полученные анкетные данные 89 членов Союза (более трети всего состава) были таковы, что комиссия вынуждена была констатировать в своей отчетной сводке: «Не подлежит сомнению, что если такое положение будет продолжаться, то в очень недалеком будущем значительный процент этих 89-ти лиц и еще очень многих из не приславших ответов на анкеты, но известных Правлению Союза как переживающие тяжелую нужду и дошедшие до полного отчаяния, — выпадут из литературы, а очень многие и из жизни, закончив ее, после десятков лет честного труда, в полной нищете, голоде и тяжелых болезнях. <...> Между тем, в числе лиц, находящихся в описанном выше тяжелом положении, имеются не только престарелые писатели, уже завершившие свой творческий путь, но и молодежь, только вступающая в жизнь и литературу, и люди зрелого, сознательного возраста, проникнутые, и те и другие, желанием работать и отдать свои силы и дарования на служение родному искусству. Все это говорит за то, что такое положение не может и не должно больше продолжаться».[67] События 1925 г. — Постановление ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», утвердившее более либеральную политику «тактичного и бережного отношения» к писателям-попутчикам, публикации в «Правде», призывающие политическое руководство заняться литературой не только «„идейно“, но и „материально“»,[68] бытовые привилегии, полученные научными работниками к двухсотлетию Академии наук, — вселяли надежду и на внимание государства к положению писателей. 30 октября 1925 г. ЛО Правления отправило в ЦК ВКП(б) и Наркомфин ходатайство от имени всего Союза, составленное по итогам обследования (Приложение 5). В мае 1926 г. положение писателей обсуждалось на совещании представителей Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей, Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП), Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов, Союза драматических и музыкальных писателей (Дра-

[67] «Данные обследования правового и материального положения членов Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей. Материалы 1925 г.» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 110, л. 140, 141).

[68] *Осинский Н.* Литературные заметки // Правда. 1925. 28 июля, № 170. С. 5.

мосоюз), Московского общества драматических писателей и композиторов (МОДПИК). В ходе пяти заседаний рассмотрены вопросы об авторском праве, взаимоотношениях с издательствами, о заработке, налогах, квартплате. Принято решение об обращении к правительству с ходатайством от имени всех писателей Ленинграда, организации «показательного судебного процесса против нарушения прав писателей издательствами», созыве осенью 1926 г. конференции ленинградских и московских литературных организаций по вопросу о материально-правовых проблемах.[69] Конференция, как и показательный судебный процесс, не состоялись, но докладная записка от имени ЛО Союза с приложением общих сведений о направлении деятельности Союза, результатов обследования условий жизни ленинградских писателей в 1925 г. и перечнем необходимых мер, была отправлена в октябре 1926 г. в Отдел печати Северо-западного бюро ЦК партии (Приложение 6). Предложения ЛО Союза (создание единой профессиональной организации (Местком писателей), общего для всех Литературного фонда, кооперативного издательства, Федерации писательских организаций) в значительной степени отражали тенденции общегосударственной политики в области литературы, установку партии на будущую консолидацию литературных сил, заложенную в постановлении ЦК РКП(б) 1925 г.

В конце 1926 г. в ленинградском Союзе работников просвещения образован Местком писателей, составившийся из представителей разных литературных объединений. Как уже отмечалось, Всероссийский союз писателей, объединявший писателей на основе профессиональной общности, не имел статуса самостоятельной профсоюзной организации. В конце 1923 г. по решению ВЦСПС писатели были отнесены к Союзу работников просвещения лишь на основе «индивидуальной профессионализации».[70] Массовое вступление писателей во Всероссийский профессиональный союз работников просвещения (в секцию печати и секцию научных работников) и Всероссийский профессиональный союз работников полиграфической промышленности (в секцию печати) относится к 1925 году. В конце 1926 г. была возобновлена и деятельность Литературного фонда.

Вопрос о создании Федерации прорабатывался в Москве уже в первой половине 1926 г. В начале июля А. Н. Тихонов, представитель Ленинградского отделения Правления в Московском отделении, сообщал М. В. Борисоглебскому: «По этому поводу на днях было устроено дипломатическое совещание представителей Союза, ВАППа и Союза крестьянских писателей. Соглашение как будто налаживается. Основы его таковы: 1) общая платформа — резолюция ЦК РКП 6 мая прошлого года, касающаяся литературы;[71] 2) каждая из сторон сохраняет пол-

---

[69] См. в протоколах совещания (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 112).

[70] Желание самих писателей войти в профсоюз Всероссийского союза работников искусств не было учтено. Эту информацию сообщала Л. Я. Гуревич в письме В. Я. Шишкову от 18 декабря 1923 г. (Там же, № 254, л. 5 об.). *ВЦСПС* — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов.

[71] Очевидно, имеется в виду резолюция «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г. Проект ее под названием «О пролетарских писате-

ную самостоятельность. Одним из первых мероприятий — учреждение Литературного фонда. Переговоры продолжаются. С издательством дело затянулось. Главлит две недели держит наше заявление, не рассматривая его».[72] 27 декабря 1926 г. на учредительном собрании представителей Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), Всероссийского общества крестьянских писателей (ВОКП), Всероссийского союза писателей (ВСП) была образована Федерация объединений советских писателей.[73] Согласно уставу, ФОСП учреждалась с целью «планомерного участия советских писательских организаций <...> в развертывании культурной революции и наибольшего содействия <...> всем мероприятиям Советской власти и Коммунистической партии в деле социалистического строительства», борьбы «писательской общественности со всеми проявлениями враждебной рабочему классу идеологии в области советской литературы», «организованного революционного классового воспитания писателей-„попутчиков" и постепенного перевода их на рельсы пролетарской идеологии».[74] Совет Ленинградского отделения ФОСП состоял из представителей организаций, вошедших в объединение: ЛО ВСП, ЛО Всероссийского союза поэтов, ЛО ВОКП, ЛАПП, Литературного объединения Красной армии и Флота (ЛОКАФ). ФОСП получила собственное издательство, а с 1929 г. — собственный печатный орган — «Литературную газету». Все наиболее важные вопросы творческой, организационной и хозяйственной деятельности проходили согласование и утверждение в ФОСП, планомерно проводившей линию на идейно-политическую и творческую консолидацию писательских сил.

Весной следующего года все начинания «снизу» получили официальную поддержку и закрепление в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «О писательских организациях».[75] Сравнение содержания «Докладной записки» ЛО Союза и постановления Политбюро позволяет высказать предположение, что комиссия, готовившая это постановление, располагала и «Запиской» ЛО Союза.

Как ни странно, но с возникновением ФОСП временно укрепились и позиции всего Союза, получившего возможность влияния на писательские организации. За короткое время Союз завоевал едва ли не больший авторитет в писательской среде, нежели РАПП.[76] ЛО Союза имело довольно мощное представительство в Совете ЛО ФОСП. В 1927 г. в его состав входили наиболее активные члены ЛО Правле-

---

лях» обсуждался в Политбюро ЦК РКП(б) 13 февраля и 5 мая 1925 г. См. об этом в сб.: «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925—1938. Документы / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1997. С. 14.

[72] Из письма от 3 июля 1926 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 164, л. 3—3 об.).

[73] О ФОСП см. публикацию А. И. Павловского «Федерация объединений советских писателей и ее Ленинградское отделение (1926—1932 гг.)» в сб. «Из истории литературных объединений Петрограда—Ленинграда 1910—1930-х годов» (С. 362—374).

[74] Там же. С. 364—365.

[75] Постановление принято 5 мая 1927 г. Опубл.: «Счастье литературы». Государство и писатели. С. 42—43.

[76] На усиление роли ВСП в литературном процессе конца 1920-х гг. указывал в марте 1928 г. рапповец С. Родов в докладной записке в Комиссию Оргбюро ВКП(б) по созыву съезда пролетарских писателей («Счастье литературы». Государство и писатели. С. 52).

ния ВСП — М. В. Борисоглебский, Е. И. Замятин, М. Э. Козаков, П. Н. Медведев, К. А. Федин. Е. И. Замятин был избран и в редколлегию предполагавшегося издательства ЛО ФОСП. Е. И. Замятин и К. А. Федин (оба — заместители председателя Правления) фактически возглавляли ЛО Правления Союза во время длительной болезни Ф. Сологуба в 1927 г. В январе 1928 г., после кончины Ф. Сологуба, последовавшей в декабре 1927 г., Е. И. Замятин стал председателем временного Правления, избранного «до приезда отсутствующих членов Правления» (председатель постоянного Правления — В. Я. Шишков). Характеризуя настроения членов Правления в 1926—1927 гг., секретарь Правления М. В. Борисоглебский вспоминал: «Любя Союз, Ф<едор> К<узмич> отдавал ему все свои последние силы, всячески стараясь развить и укрепить его. Он был сторонником строго замкнутой, профессиональной жизни Союза и не сочувствовал выходу на политическую арену. „Молодые люди", как он называл Федина, Козакова, Медведева, <...> стали его политическими противниками. К ним после смерти Ф<едора> К<узмича> присоединились даже такие, как Е. И. Замятин. Они тянули Союз в политику, в тактичное "припадание к стопам власти", в сферу засвидетельствования, и довольно к тому же неискреннего, своей лояльности и сочувствия существующему строю. Ф<едор> К<узмич> осуждал это. Он всячески хотел доказать, что Союз может существовать независимо, без покровительства и надзора власти. И пока был жив Ф<едор> К<узмич>, так и было. Но вскоре же после его смерти все изменилось. <...> Сопротивление Ф<едора> К<узмича> политиканству восстановило против него большую часть Правления настолько, что последний год мне стоило больших усилий уговорить лидеров враждебного крыла Федина и др<угих> пойти на избрание Ф<едора> К<узмича> в Правление».[77]

1 февраля 1928 г. в Академической капелле состоялся вечер памяти Ф. Сологуба, 5 февраля — закрытое литературное собрание в помещении Союза. Вступительное слово о Ф. Сологубе на вечере в Аккапелле произнес Е. И. Замятин, с докладами выступили А. Белый («О творчестве Сологуба») и Л. В. Пумпянский («Сологуб как поэт»). В чтении стихов участвовали артисты театров А. И. Шварц, М. И. Бриан, М. В. Юдина. Правление намеревалось почтить память своего председателя изданием собрания его сочинений и сборника его памяти. Ни то, ни другое не состоялось. От издания сборника стихотворений Ленотгиз отказался, своей же издательской базы у Союза не было.

В переломном 1929 г. началось планомерное наступление власти на литературные организации, в частности, на Ленинградское отделение Союза писателей, в значительной степени состоявшее из писателей-попутчиков и занимавшее, даже в 1929 г., достаточно независимую позицию.[78] В середине 1929 г. развернулась кампания по устранению наи-

[77] *Борисоглебский М. В.* Последнее Федора Кузмича (ОР РНБ, ф. 92, оп. 1, № 140, л. 7).

[78] О подготовке Секретариатом ЦК ВКП(б) новой линии в политике партии по отношению к литературным организациям см. в работе А. Ю. Галушкина «„Дело Пильняка и Замятина". Предварительные итоги расследования» (Новое о Замятине: Сборник материалов / Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 92—104).

более активных и независимых руководителей Союза, в частности, заместителя председателя ЛО Правления Е. И. Замятина.[79] 2 мая в однодневной «Литературной газете», выпущенной Ленотгизом и ЛО ФОСП, были опубликованы эпиграммы члена Правления РАПП А. И. Безыменского на ряд писателей-попутчиков. Эпиграмма на Е. И. Замятина звучала как политический приговор: «Тип — Замятин / Род — Евгений / Класс — буржуй / В селе — кулак / Результат перерождений / Сноска: враг». Президиум ЛО Правления ВСП в постановлении от 5 мая категорически осудил появление всех эпиграмм, дал оценку эпиграммы на Замятина как «клеветнической, безответственной и порочащей его как советского гражданина» и потребовал от ЛО ФОСП выступить с официальным заявлением по поводу инцидента. В течение полутора месяцев ситуация утрясалась между канцеляриями ЛО ВСП и ЛО ФОСП, откладывавшей решение вопроса. Лишь 25 июня, почти через два месяца после появления эпиграммы, в «Литературной газете» было опубликовано постановление Исполбюро ЛО ФОСП, содержащее достаточно осторожную оценку эпиграммы «как недопустимого материала внелитературного характера». В этом же постановлении ЛО ФОСП, основываясь на том, что представители ЛО ФОСП в редакции однодневной газеты (И. И. Садофьев и Л. И. Раковский) эпиграммы не просматривали, поспешило снять с себя ответственность за политическую клевету. Постановление ЛО Правления Союза, отосланное и в «Литературную газету», и в Московское отделение, так и не появилось в печати. Не получив должной и своевременной защиты и поддержки от Союза писателей и ФОСП, Замятин подал заявление о выходе из состава ЛО Правления.

Весной 1929 г. Московское и Петроградское отделения обсуждали качественно новые для Союза писателей документы: проекты новой литературно-общественной платформы (Приложение 7) и декларации Союза. Очевидно, необходимость их выработки была связана не только с общественно-политической ситуацией 1929 г., но и с готовившейся резолюцией партии по пересмотру политики государства по отношению к литературе и писателям-попутчикам. Сообщения о резолюции появлялись в печати с конца 1928 г.[80] Новые документы Союза должны были продемонстрировать его готовность всей своей деятельностью включиться в строительство социализма. Всероссийский союз писателей впервые намеревался выступить с поддержкой политики партии в области «культурной революции и социалистического строительства». Впервые за свою историю Союз заявлял и о необходимости очистить свои ряды от «пассивных или враждебных» элементов. По-видимому, Правления рассчитывали укрепить тем самым позиции Союза и отвести возможный удар. В то же время, ссылаясь на «печать переходного периода», которым отмечена современная литература, авторы документов отводили Союзу писателей особое место среди ли-

[79] Этот эпизод более подробно освещен в нашей работе «Е. И. Замятин в Правлении Всероссийского союза писателей (Ленинградское отделение)» (С. 116—119).

[80] См. об этом: *Галушкин А. Ю.* «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования. С. 94—100.

тературных организаций, обусловленное его историей, составом, «принципиальным отношением к программам социально-политического и художественно-формального характера, которые в качестве отличительного своего признака выставляют другие писательские общества», наконец — сохранением в Союзе «исконного и основного требования, предъявленного Союзом к своим сочленам: высоко квалифицированного литературного труда». Союз оставлял за собой и право на объединение «представителей всех литературных форм», признавая, тем самым, существование разных литературных течений, методов, форм и индивидуальностей, что противоречило рапповским установкам на полную победу метода реализма. Проекты документов, разработанные московским Правлением, в начале июня обсуждались в Ленинграде, но совместное обсуждение было отложено «ввиду каникулярного времени до 1 сентября». В сентябре события пошли иным чередом.

Осенняя кампания 1929 г. по реформированию Всероссийского союза писателей, начавшаяся с исключения из Союза Е. Замятина и Б. Пильняка за публикацию за границей романа Замятина «Мы» и повести Пильняка «Красное дерево», завершилась первой в истории Союза масштабной «чисткой» его состава, реорганизацией Всероссийского союза писателей во Всероссийский союз советских писателей (ВССП) и полной «коллективизацией» всей писательской жизни. События сентября—октября 1929 г. достаточно подробно изложены в работах А. Ю. Галушкина.[81] Коротко перечислим лишь основные моменты. Как известно, кампания началась с публикации статей Б. Волина и Е. Зозули,[82] выступивших с жесткой критикой факта появления произведений советских авторов в зарубежной печати и деятельности Союза писателей, не имеющего единой политической платформы и состоящего из «различно настроенных литераторов — от мистиков до коммунистов». Дальнейшие события развивались по тщательно спланированному сценарию. От Союза писателей потребовали исключения Замятина и Пильняка, преобразования Союза в организацию с соответствующей партийным установкам идеологической программой. Реакция ЛО Правления Союза на начавшуюся кампанию была негативной. Выступления в печати были расценены как «дискредитация Союза в глазах советской общественности». В ходе кампании имя За-

---

[81] *Галушкин А. Ю.* К допечатной истории романа Е. И. Замятина «Мы» (1921—1924) // Themes and Variations = Темы и вариации: Сборник статей и материалов к 50-летию Л. Флейшмана. Stanford, 1994. P. 366—375 (Stanford Slavic Studies; Vol. 8); *Он же.* Из истории литературной «коллективизации» // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1996. Т. 2. № 2. С. 437—478; *Он же.* Дело Пильняка и Замятина. Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: Сборник материалов / Под ред. Л. Геллера. М., 1997. С. 89—146. См. также коммент. Евг. Барабанова в кн.: *Замятин Е.* Сочинения / Сост. Т. В. Громова, М. О. Чудакова; Авт. послесл. М. Чудакова; Коммент. Е. Барабанова. М., 1988. С. 526—641.

[82] *Волин Б.* О «Литературной газете» (В порядке самокритики) // Литературная газета. 1929. 12 авг., № 17. С. 1; *Он же.* Недопустимые явления // Там же. 1929. 26 авг., № 19. С. 1; *Зозуля Е.* О Всероссийском союзе писателей (Письмо в редакцию) // Там же. 1929. 19 авг., № 18. С. 1.

мятина стало для писателей символом прежнего Союза с его организационной автономностью, гуманитарной позицией и пониманием права художника на свободное творчество. Защитить Замятина — означало защитить Союз.[83] Почти месяц Правление пыталось отстаивать свою точку зрения. Был подготовлен проект резолюции, снимавший с Замятина политическое обвинение:

«О существовании романа „Мы“ в переводах Евг. Замятин неоднократно заявлял печатно в своих библиографиях и автобиографиях (см. „Вестник литературы“, „Литературная Россия“ под редакц<ией> В. Г. Лидина, автобиография в Собр<ании> сочинений Замятина, изданном Федерацией, и пр<очее>). Сведения об этих переводах появлялись и в наших советских газетах, не вызывая вопросов советской и литературной общественности. <...> В силу изложенного ЛО Правления ВСП считает:

1. Аналогии между поступком Б. Пильняка и появлением за пределами СССР романа Замятина „Мы“ усмотреть нельзя по следующим основаниям: повесть Б. Пильняка “Красное дерево“ написана в 1928 г. и опубликована в 1929 г.; роман Евг. Замятина „Мы“ написан в 1920 г. при совершенно иной политической и социальной ситуации и появился в переводе на англ<ийский> язык в конце 1925 г., причем повесть Пильняка претендует на изображение современной советской действительности, а роман Замятина принадлежит к числу внебытовых утопических романов».[84]

22 сентября состоялось заседание Правления и общее собрание членов ЛО Союза, на котором с соответствующими указаниями вышестоящих инстанций и с подготовленной резолюцией по «делу Пильняка и Замятина» и по реорганизации всего Союза присутствовали представители МО Правления В. Т. Кириллов, В. П. Кин, Л. М. Леонов, Л. Ю. Шмидт. На заседании Правления (с участием гостей из Москвы) проект отстоять не удалось, и Правление приняло московскую резолюцию, признающую появление в зарубежной прессе романа «Мы» политической ошибкой Замятина. Эта резолюция и была предложена общему собранию. Обсуждение ее проходило далеко не единодушно. Настроение значительной части собравшихся выразил в своем выступлении А. А. Гизетти:

«Инцидент раздут; объяснения Замятина вполне удовлетворительны. То, что он не протестовал в печати, есть лишь житейская неосторожность. <...> Существуют незыблемые, священные и неприкосновенные права личности и художественного творчества, в область кото-

---

[83] В качестве подтверждения приведем высказывание А. А. Фадеева на II Пленуме РАПП 22—25 сентября 1929 г.: «Они его очень берегут. Это одна из тех фигур, на которых держится в значительной степени демократическая интеллигенция, которая сейчас смыкается через Замятина. Они не решаются отказаться от него до сих пор, потому что он для них является выполнением тех выспренних вещей, которые они о себе говорят». Цит. по: *Галушкин А.* Дело Пильняка и Замятина. С. 124—125.

[84] Публикуется по черновику, написанному рукой неустановленного лица (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 78, л. 15—15 об.). Дата появления романа «Мы» на английском языке указана неверно. Роман был издан в Нью-Йорке в 1924 г.

рых никакая государственная или общественная власть вторгаться уже не может и не должна, если она дорожит интересами культурного развития».[85]

«Это выступление, — сообщала «Красная газета», — было поддержано далеко не жидкими аплодисментами».[86] В последовавшей в печати «проработке» указывалось на «антисоветский, мракобесный характер» выступления Гизетти, противника реформирования Союза, к тому же — «участника кронштадтского заговора».[87] При перерегистрации членов Союза осенью 1929 г. это выступление послужило поводом для постановки вопроса о его исключении. Лишь после вынужденного публично высказанного согласия с основными положениями реформы Союза, Гизетти был оставлен в Союзе.[88]

Характеризуя события 22 сентября, обозначившие рубеж в истории Союза, Федин писал Замятину: «Разброд и растерянность Правления достигли страшных размеров. Решения принимались наспех и под таким чудовищным давлением, что под конец все чувствовали себя совершенно раздавленными. Правление „было взято" измором. Общее собрание было прервано для того, чтобы правление вынесло окончательное решение по твоему делу. И решение было вынесено. „Работа" велась непрерывно с трех часов дня, когда началось заседание правления, до двенадцати ночи, когда окончилось общее собрание».[89] Следующее собрание 13 октября в присутствии авторитетной московской делегации коммунистов-рапповцев (Л. Л. Авербах, Ю. Н. Либединский, А. А. Фадеев) утвердило резолюцию предыдущего собрания, осудившую «поступки» Пильняка и Замятина. Дальнейшее пребывание Замятина в Союзе ставилось в зависимость «от безоговорочного осуждения им самим своего антисоветского поступка». В резолюции констатировалась необходимость реорганизации Союза, выработки единой литературно-общественной платформы, «чистки Союза от чуждых социалистическому строительству элементов». Тогда же избрано новое Правление: М. Л. Слонимский (председатель), М. Э. Козаков (заместитель председателя), Н. С. Тихонов (заместитель председателя), Н. В. Баршев (ответственный секретарь), Н. Л. Браун, А. В. Ганзен (казначей), А. Крайский, П. Н. Медведев, Е. М. Лаганский, Л. И. Раковский, В. М. Саянов, О. Д. Форш; кандидаты — С. А. Семенов, И. И. Садофьев, Е. М. Тагер, М. А. Фроман, А. П. Чапыгин, Е. Л. Шварц. Пожалуй, это было последнее собрание ленинградских писателей, отличавшееся «лица не общим выраженьем». В защиту Е. И. Замятина выступили Е. М. Тагер, Г. Э. Сорокин, А. В. Туфанов, Н. Я. Рашковский. В знак протеста против исключения Замятина и

---

[85] Из протокола общего собрания ЛО Союза от 22 сентября 1929 г. (Там же, № 14, л. 31).

[86] Красная газета. Веч. вып. 1929. 23 сент., № 238. С. 2.

[87] Литературная газета. 1929. 30 сент., № 24. С. 1.

[88] Объяснительное заявление Гизетти опубл.: Красная газета. Веч. вып. 1930. 25 янв., № 21. С. 4.

[89] Из письма от 23 сентября 1929 г.: «...Мне сейчас хочется тебе сказать...» : Из переписки Бор. Пильняка и Евг. Замятина с Конст. Фединым / Публ. Н. К. Фединой; [Вступ. ст. и коммент. А. Н. Старкова] // Литературная учеба. 1990. Кн. 2. С. 83.

Пильняка и соглашательской позиции Союза, заявления о выходе из Союза подали А. А. Ахматова,[90] Б. Л. Пастернак, М. А. Булгаков; заявления о выходе из Правления — Н. В. Баршев, К. А. Федин, В. В. Вересаев (МО), А. Г. Малышкин (МО).

Одним из основных этапов реорганизации стала перерегистрация членов Союза, именовавшаяся «чисткой». Ее целью было освобождение от «пассивной оппозиции», «реакционной части Союза».[91] В первую комиссию по перерегистрации, созданную 26 сентября 1929 г., через несколько дней после «переломного» собрания, были избраны В. Е. Евгеньев-Максимов, Е. М. Лаганский, А. Крайский, Инн. Оксенов, В. А. Каверин, вскоре подавший заявление о выходе из ее состава. В ходе всего двух заседаний этой комиссии были разработаны принципы перерегистрации и исключено 25 членов Союза. При аттестации учитывалось: «а) занятие литературой как основной и постоянной профессией в период последних 5 лет, за исключением особых уважительных случаев по усмотрению настоящей к<омис>сии или Правления ВСП; б) достаточная литературная квалификация; в) отсутствие сведений об общественно-литературных антисоветских выступлениях и деятельности <...>». 19 октября состав комиссии был изменен. В протокольной записи заседания Правления причина изменения не указана. Комиссия в новом составе (П. К. Губер, П. Н. Медведев, Инн. Оксенов, В. М. Саянов, В. И. Эрлих) в течение нескольких заседаний пересматривала предыдущие постановления и восстановила в Союзе многих писателей, в частности, старейших его членов — Е. А. Грекову и Е. И. Зарину. В Ленинградском отделении перерегистрация конца 1929—начала 1930 г. не имела такого размаха, как последующая «чистка» 1931 г. Перед началом кампании, 1 июля 1929 г., в Союзе числилось 358 человек. К концу декабря 1929 г. было исключено 74 человека, причем 63 из них — члены секции переводчиков, автоматически переведенные из Союза в особую секцию при ФОСП. Их перерегистрация проходила в два этапа: в квалификационной комиссии секции, созданной 23 октября 1929 г. по решению общего собрания секции, и в комиссии Союза по перерегистрации. В 1930 г. ЛО Союза потеряло еще 11 человек, причем лишь трое — действительно исключены. «За безобразное поведение в стенах Союза» был исключен В. М. Андреев, за отказ подписать протест одной из фабрик Белоруссии против «вредителей, членов Промпартии» — Ю. Л. Берзин и Л. М. Вайсенберг.[92] В середине 1931 г. из ЛО Союза выбыло уже 82 человека, в начале 1932 г. — 56. Эти данные были доложены Правлением на общих собраниях членов Союза 2 января 1931 г. и 24 февраля 1932 г. Итоги пере-

---

[90] Автограф заявления Ахматовой, считавшегося утраченным, хранится в архиве ЛО Союза (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 78, л. 35). Опубл. нами в сб. «Евгений Замятин и культура XX века» (С. 432).

[91] Такую характеристику получили члены ЛО Союза, выступавшие на перевыборном собрании 13 октября 1929 г. См. в статье «Основные задачи ВССП» (Литературная газета. 1929. 23 дек., № 36. С. 1).

[92] В. М. Андреев и Ю. Л. Берзин восстановлены в Союзе в июле, Л. М. Вайсенберг — в августе 1931 г.

регистрации довольно часто пересматривались. Члены Союза, исключенные в 1929 г., могли быть вновь приняты в следующем году, поэтому окончательную цифру установить довольно трудно. К тому же, официально показывались иные цифры. Так, в постановлении Объединенного Президиума Правлений от 18 января 1930 г., одобрившего реорганизацию ЛО Союза, отмечено, что в конце 1929 г. выбыло 65 человек.[93] Поскольку документ публиковался в печати, то вполне понятно и стремление проиллюстрировать перестройку ЛО Союза и его «чистку» «от чуждых социалистическому строительству элементов» высокой цифрой. Из каких составляющих она сложилась, в постановлении, конечно, не раскрывается. Эта же цифра приводится и в официальном «Письме» ЛО Правления в редакцию «Красной газеты», составленном в ответ на критику деятельности ЛО Правления по реорганизации Союза, прозвучавшую в статье члена ЛАПП Н. В. Слепнева.[94] В Московском отделении в октябре 1929 г. исключено 80 членов Союза. Мотивировка исключения была разнообразной и менялась в зависимости от общественно-политической ситуации: неуплата членских взносов, отъезд из города, недостаточная литературная активность, отсутствие литературной квалификации. Основной же причиной, конечно, была идеологическая. В 1929 г. она оформлялась достаточно нейтрально: «в связи с оторванностью от жизни Союза». В 1931—1932 гг. формулировки стали вполне откровенными. В январе 1932 г. комиссия исключила из Союза Д. Хармса как «порвавшего всякую связь с идейно-творческой работой Союза». В том же году был исключен Н. А. Клюев «как абсолютно чуждый по своим идейным и творческим установкам советской литературе писатель». В 1929 г., в условиях только что начавшейся «перестройки» Союза, оба поэта были перерегистрированы в Союзе. Для понятийных координат начала 1930-х гг. характерна и формула «считать проверенными» вместо формулы 1929 г. «оставить в числе членов ВСП» или «утвердить в правах члена ВСП». В 1930—1932 гг. для многих писателей условием перерегистрации в Союзе являлось публичное признание своих идейно-творческих ошибок. В начале 1932 г. Иванову-Разумнику было предложено «дать развернутое положение отношения к идейно-творческим установкам Союза». Довольно часто писатели обязывались включиться в творческий смотр или творческую дискуссию (Б. П. Корнилов, Н. А. Заболоцкий, Б. М. Эйхенбаум, К. К. Вагинов, Г. А. Гуковский). Привычной нормой жизни Союза стали публичные покаяния, метко названные Замятиным «психической эпидемией покаяний».[95] В конце декабря 1931 г. с признанием грубых ошибок идеалистического и формалистического порядка, допущенных в своих работах, выступил литературовед и критик П. Н. Медведев. «Эти теоретические ошибки не могли не перерасти в ошибки политические, сводящиеся в основном

[93] Постановление опубликовано в «Литературной газете» 27 января (№ 4. С. 3) под заголовком «ВССП о работе Ленинградского отделения».

[94] Красная газета. Веч. вып. 1930. 25 янв., № 21. С. 4.

[95] *Замятин Е.* Сочинения = Werke: В 4 т. Мюнхен, 1988. Т. 4 / Под ред. Е. Жиглевич и Б. Филиппова, при участии А. Тюрина; Вступ. ст. Б. Филиппова. С. 421.

к недооценке классовой борьбы в литературе <...> Я знаю также, что все эти отдельные ошибки являются следствием пороков моего общего мировоззрения и обусловленной им методологии (эклектизм). Со всем этим „наследием родовым" я борюсь и буду бороться всеми силами», — писал он в заявлении в Правление Союза.[96]

Осенью 1929 г. в ЛО Всероссийского союза советских писателей в полном составе вошло ЛО Всероссийского союза поэтов, ставшее секцией поэтов (постановление общего собрания Союза поэтов от 18 октября 1929 г.). Делопроизводство Союза поэтов было завершено, по решению ревизионной комиссии от 20 ноября 1929 г. все дела переданы Союзу писателей и хранятся ныне в фонде Всероссийского союза писателей. В следующем номере «Ежегодника» предполагается обзор материалов Союза поэтов (опись № 2 фонда № 291).

Дальнейшая деятельность ЛО Союза проходила под знаком активного перевоспитания писателей-попутчиков, их привлечения к делу культурной революции, проводимой коммунистической партией и ее боевым отрядом — РАПП. В принятой в конце декабря 1929 г. декларации констатировалось, что «историческая роль старого Союза писателей, объединявшего своих членов главным образом на почве материально-профессиональных интересов, изжита», задача нового Союза, отряда «революционной интеллигенции, связавшей свои цели и задачи с целями и задачами пролетариата в едином плане борьбы за социализм» — «содействие претворению писательского мироощущения в твердое социалистическое мировоззрение».[97] Десятилетняя история писательского братства была завершена. «Нет больше Всероссийского союза писателей. Существует, развивается и укрепляет свою деятельность Всероссийский союз советских писателей; он должен стать одним из сильнейших отрядов культурной революции», — утверждалось в декларации.[98] В начале 1930 г. был разработан новый устав Союза, зафиксировавший иные задачи, в частности — «планомерное и организованное включение объединяемых Союзом писательских сил в общую работу по строительству социалистического общества и созданию новой социалистической культуры». От вступающего в Союз требовалось активное участие «в социалистическом строительстве своею литературною и общественно-политическою деятельностью». Благородная задача защиты членов Союза, провозглашенная двумя первыми уставами (1920 и 1923 гг.), отошла на последний план и была записана лишь в конце раздела «Права Союза». Уже в январе 1930 г. Объединенный Президиум обоих отделений одобрил работу ЛО Правления по реорганизации Ленинградского отделения Союза.[99] Это был уже другой Союз писателей. Изменился и его адрес. В 1930 г. комиссия по выселению и уплотнению учреждений Смольнинского рай-

---

[96] РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 322, л. 1. Заявление предназначалось для опубликования и в «Литературной газете», и в журнале «На посту».

[97] Основы декларации Всероссийского союза советских писателей // Литературная газета. 1929. 23 дек., № 36. С. 1.

[98] Там же.

[99] См. прим. 93.

она потребовала освобождения занимаемой Союзом квартиры. После осмотра многих предлагаемых площадей, оказавшихся непригодными, было выбрано помещение на проспекте Володарского (д. 40, кв. 7), куда и переехал Союз в начале сентября 1931 г.

Для выработки у писателей-попутчиков «твердого социалистического мировоззрения» в 1930—1931 гг. организовывались многочисленные кампании: по отображению в литературе героев пятилетки,[100] привлечению в литературу рабочих-ударников, созданию литературных ударных бригад, работавших на заводах и фабриках в разных уголках страны и на долгое время отрывавших писателя от творческой работы. Обилие общественных поручений, подменяющих профессиональный труд, стало характерной приметой времени. Лишь изредка «перегруженный» писатель решался на слабый протест. Весной 1932 г. с подобным заявлением в Правление обратился Н. Вагнер:

«...в настоящее время я несу следующие нагрузки по общественной линии: 1. член штаба ударных писательских бригад и представитель от ВССП; 2. член бюро секц<ии> писат<елей>- краеведов; 3. член комиссии по шеф<ству> Горкома над обсл<уживающим> штатом столовой; 4. участник планово-производственного сектора Горкома; 5. то же по культсектору Горкома; 6. член бригады от ФОСПа по написанию истории Октябрьской жел<езной> дороги. Последняя нагрузка является самой большой, требующей уделения большого количества времени для выполнения данной работы. Она одна могла бы быть достаточной для разгрузки меня от других общественных работ. Тем не менее, Союз предлагает мне взять еще нагрузку по проведению Первомайских празднеств в Смольн<инском> районе. <...> Кроме перечисленных работ я принимаю и буду принимать по мере возможности участие в деле содействия надстройке Дома писателей, а также считаю нужным упомянуть о том, что мною только в феврале закончены писательские поездки в бригадах по торфяной и бумажной промышленности, отнявшие у меня время около 5 месяцев (о каковых и прилагаю отчеты). Также я принимал участие в бригаде ФОСП по проведению Октябрьских празднеств в клубе „Василеостр<овский> Металлист“: написан 41 лозунг по заданиям клуба и завода, с каковыми лозунгами участвовала колонна в октябрьских празднествах.

Кроме того, я загружен в настоящее время творческой работой для ГИХЛа».[101]

Довольно быстро сложился новый тип писателя-общественника с заданной властью моделью поведения. Реорганизованный Союз принимал активное участие во всех официальных кампаниях, демонстрируя свою поддержку политики партии. В конце 1930 г. по предложению П. Н. Медведева Правление выступило с протестом против «дей-

[100] Для этой работы в ЛО Союза выделена большая группа писателей, в том числе М. М. Зощенко, М. Э. Козаков, М. Л. Слонимский, Е. М. Тагер, Н. С. Тихонов, А. Н. Толстой, Ю. Н. Тынянов, О. Д. Форш, С. А. Колбасьев, Вс. А. Рождественский, В. И. Эрлих, Е. Л. Шварц, Б. П. Корнилов, М. М. Шкапская.

[101] Заявление от 12 апреля 1932 г. (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 180, л. 1—1 об.).

ствий раскрытой органами ОГПУ контрреволюционной „промпартии"». Терминология резолюции-протеста вполне соответствовала духу времени (Приложение 8).

Судя по сохранившимся в архиве материалам, в 1930—1932 гг. был устроен лишь один литературный вечер, посвященный десятилетнему юбилею Союза, закрытые же литературные собрания приобрели характер идеологических «чисток». В начале 1931 г. была предпринята единственная попытка создать собственный печатный орган. Для этой цели Правление просило ЛО ФОСП предоставить Союзу один из издающихся в Ленинграде журналов. Секретариат ЛО ФОСП принял решение о передаче Союзу писателей литературно-художественного журнала «Стройка», выпускаемого Ленинградским областным издательством. В редакторской работе журнала с 1930 г. принимали участие и представители ЛО Союза. Это решение не было поддержано в Москве, и во второй половине 1931 г. журнал стал органом ЛО ФОСП.[102]

В январе 1931 г., к десятилетию существования Союза, была устроена вторая большая выставка (первая — в 1927 г.), имевшая уже иную тональность, обусловленную временем. Наряду с творческой деятельностью писатели должны были показать свою общественную позицию, участие в строительстве социалистического общества. В архиве Союза сохранились написанные для выставки индивидуальные отчеты о литературно-общественной деятельности с указанием населенных пунктов, предприятий, колхозов, где побывали писатели для собирания материала и отражения в литературе производственных процессов. «Был вместе с бригадой в Карелии и на Кольском полуострове. Посетил Мурманск, остров Кильдин, разработки апатитов в Хибинских горах, ст<анцию> Медвежья гора на Онежском озере и Петрозаводск. В результате написал ряд очерков о поездке, которые целиком вошли в книгу Северной бригады „Сквозь ветер"», — сообщал Н. К. Чуковский.[103] География поездок с ударными бригадами охватывала всю страну. «В 1930 г. совершил <...> поездку по Тобольскому Северу с целью обследования мест заготовок пушнины и ознакомления с Северно-Уральским Гос<ударственным> охотничьим заповедником, — отчитывался В. В. Бианки. — Маршрут: Ленинград, Тюмень, Тобольск, Березов, Обдорск, полуостров Ямал, самоедское стойбище Хэ на правом берегу Обской губы, юрты Шухтунгуртские (база Госзаповедника), Березов, Тобольск, Тара, Омск, Свердловск, Ленинград».[104] Уже в январе 1931 г. заместитель председателя Правления М. Э. Козаков докладывал общему собранию, что вся работа членов Союза свидетельствует «о готовящемся переходе значительной части попутчиков к овладению не только современными темами и ма-

[102]Ответственным редактором журнала назначен Ю. Либединский, заместителем — Н. Лесючевский. В редколлегию вошли М. Козаков, Н. Никитин, Н. Свирин, М. Слонимский, И. Смирнов.

[103] РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 155, л. 62.

[104] Там же, л. 5.

териалом, но и к овладению методами письма, доступными массовому читателю».[105]

Осенью 1931 г. Союз писателей пополнился качественно новыми для него сочленами. По постановлению IV-го Пленума Правления РАПП, рапповцы привлекались к работе в Союзе писателей для усиления в нем идейно-руководящей роли РАПП.[106] Ленинградская ассоциация пролетарских писателей выделила для этой цели тридцать человек, ставших членами ЛО ВССП (Ю. Н. Либединский, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов, Н. В. Слепнев, М. Ф. Чумандрин). Увеличилась и коммунистическая фракция Союза: 12 коммунистов из общего числа членов — 301. На 1 января 1925 г. в Союзе было всего два члена ВКП(б).

В 1931 г. появился еще один, достаточно мощный рычаг управлениями всеми литературными организациями — экономический. Речь идет о Горкоме писателей. Напомним, что в 1926 г. по инициативе Союза писателей в профессиональном Союзе работников просвещения был создан Местком писателей. В январе 1929 г. ВЦСПС принял решение об «оставлении писателей в Союзе работников полиграфической промышленности (по секции работников печати)».[107] По-видимому, тогда же возник и Местком писателей Союза работников полиграфической промышленности, преобразованный в сентябре 1931 г. в Городской комитет (Горком писателей). Горком состоял из секторов: финансового, организационного, кадрового, информационного, санаторно-курортного, культурно-массового, планово-производственного, авторско-правового и гонорарного, социально-бытового. Последний вместе с лавочной и столовой комиссиями ведал спецснабжением бытовыми благами (пайки, столовые талоны, мануфактура и т.п.) лиц, причисленных к первой категории и активу входящих в Горком организаций. Профсоюзный комитет Всероссийского союза советских писателей как низовая профячейка Горкома писателей появился в начале 1932 г., незадолго до фактической ликвидации Союза. В июле 1931 г. государство выделило квалифицированным писателям и так называемые совнаркомовские пайки.

Последние три года существования (1930—1932) Союз готовился к первой Всероссийской конференции советских писателей, своеобразному смотру и отчету, призванному продемонстрировать единство советских писателей и переход от «попутничества» к активному строительству социалистического общества. В 1931 г. в качестве подготовки к конференции в обоих отделениях состоялись дискуссии с обсуждением задач, стоящих перед ВССП в реконструктивный период и актуаль-

---

[105] Из доклада общему собранию 2 января 1931 г. (Там же, № 15, л. 10).

[106] IV Пленум Правления РАПП состоялся в первых числах сентября 1931 г. По докладу А. Селивановского «О попутничестве и союзничестве» принято решение «считать работу членов РАПП в ВССП на основе линии РАПП, подтверждаемой и развиваемой настоящим постановлением, первоочередной и важнейшей работой» (Литературная газета. 1931. 15 сент., № 50. С. 1).

[107] Постановление ВЦСПС «О членстве писателей» от 18 января 1929 г. («Счастье литературы». Государство и писатели. С. 63—64).

ных тем: «Писатели и социалистическое строительство», «О творческом методе», «Пролетарская литература и попутчики», «О творчестве отдельных писателей». Извещение о конференции, иногда называемой в архивных документах съездом, появилось в «Литературной газете» 20 ноября 1930 г. Открытие планировалось на январь 1931 г., затем перенесено на май. По инициативе ЛО Союза, заявившего о своей неготовности, конференция перенесена на осень 1931 г. Судя по переписке московского и ленинградского Правлений об изменении срока конференции, подготовка ее проходила под контролем партийных органов. В апреле 1931 г. ЛО Правления получило несколько срочных телеграмм из Москвы: «Настаиваем на созыве конференции мае. Переносить на осень крайне неудобно политически. Телеграфируйте согласие»; «Поскольку вопрос был согласован с директивными органами, откладывать конференцию все-таки нельзя. Руководство Союза будет скомпрометировано»; «Глазах партии можно сократить количество докладов. Осенью конференцию созвать не удастся. Фракция придерживается такого же мнения».[108] В середине мая для подготовки к конференции был созван Пленум Правлений Московского, Ленинградского и Сибирского отделений Союза, обсуждавший, в частности, и вопрос об утверждении устава Союза в новой редакции. Был обсужден лишь проект устава, утверждение отложено до осенней конференции. Новый устав предусматривал создание единого Центрального Правления, избираемого высшим органом Союза — съездом. Дополнительно к задачам Союза, записанным в уставе 1929 г., писателям предписывалось «содействие своим творчеством укреплению обороны страны». Созыв конференции осенью 1931 г. был уже не актуален. Партия готовила новую реформу литературы. 17 марта 1932 г. МО Правления сообщало ленинградским коллегам о задержке утверждения устава «в связи с новым проектом реорганизации Союза и отсрочкой созыва общего собрания в Москве». Вскоре появилось известное постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций», ликвидировавшее Ассоциацию пролетарских писателей (РАПП) и провозгласившее необходимость создания единого «Союза советских писателей с коммунистической фракцией в нем». 30 апреля постановление обсуждалось на внеочередном собрании членов ЛО Союза.[109] По-видимому, тогда же принято приветствие ЛО Правления и актива Союза постановлению ЦК партии, заканчивающееся гимном партии и вождю: «Да здравствует ударная бригада мировой социалистической стройки — Коммунистическая партия! Да здравствует ЦК ВКП(б)! Да здравствует вождь партии т. Сталин!».[110]

По постановлению Оргбюро ЦК ВКП (б) от 7 мая 1932 г. был утвержден Оргкомитет всего Союза во главе с Горьким (почетный

[108] РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 205, л. 20—22.

[109] В архиве Союза сведений об этом собрании нет. Информация о нем приводится в «Письме в редакцию» М. Ф. Чумандрина, опубликованном в «Литературной газете» (1932. 17 мая, № 22. С. 1).

[110] Приветствие опубл.: Литературная газета. 1932. 5 мая, № 20. С. 1.

председатель), реальным же председателем Комитета стал редактор «Известий» И. М. Гронский, затем — партийный функционер, директор Института красной профессуры П. Ф. Юдин.[111] Оргкомитет составился из бывших рапповцев (В. Киршон, Ф. Панферов, В. Ставский, А. Фадеев, М. Чумандрин) и писателей-попутчиков (Вс. Иванов, Л. Леонов, М. Слонимский, Н. Тихонов, К. Федин). Партийное постановление, оформленное как постановление литературных организаций РСФСР, появилось в «Литературной газете» 17 мая. 29 мая «Литературная газета» опубликовала и постановление ленинградских писательских организаций «О перестройке ленинградских литературно-художественных организаций», зафиксировавшее необходимость создания Оргкомитета писателей «для руководства существующими в Ленинграде и Ленинградской области литературными организациями и проведения подготовительной работы к съезду» (Приложение 9). В Оргкомитет вошли представители всех литературных организаций города.

Деятельность Всероссийского союза советских писателей фактически была прекращена. Последнее очередное собрание ленинградских писателей, избравшее новое Правление под председательством М. Э. Козакова, состоялось 24 февраля 1932 г. Протоколы заседаний Правления в новом составе не сохранились. Составить представление о характере обсуждавшихся вопросов можно лишь по информации в периодической печати. Так, на одном из последних заседаний Правления, состоявшемся в самом начале мая 1932 г., обсуждалось участие писателей своим творческим трудом в практике социалистического строительства.[112] В последнем списке членов ЛО Союза на 1 мая 1932 г. числилось 245 человек; последняя запись в книге исходящих документов сделана 3 ноября 1932 г. Всероссийский союз советских писателей стоял на пороге создания единого Союза советских писателей.

2

Архив Союза писателей поступил в Пушкинский Дом в начале 1930-х гг. 3 апреля 1930 г. Правление Союза писателей передало сюда материалы Музея Союза, делопроизводственные документы 1920—1925 гг., дела Вольной философской ассоциации (Вольфилы), переписку писательницы А. А. Виницкой, обнаруженную в Доме писателей на Карповке. 27—28 апреля 1930 г. материалы занесены в Книгу поступлений № 2 под № 1267 (с. 49—53). Переписка Виницкой зафиксирована в той же Книге 25 июня 1930 г. под № 1309 и передана в ее личный фонд № 51. Музейная коллекция Союза писателей, поступившая в Пушкинский Дом, состояла из архива К. М. Фофанова; материалов

[111] О деятельности Оргкомитета, подготовке первого съезда писателей и создании Союза советских писателей см.: *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932—1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // Вопросы литературы. 2003. № 4. С. 212—258; № 5. С. 241—297; *Баранов В.* «Надо прекословить!» М. Горький и создание Союза писателей // Там же. № 5. С. 34—56.

[112] Литературная газета. 1932. 5 мая, № 20. С. 1.

Е. В. Аничкова, привезенных из Жданей, за исключением писем В. Я. Брюсова Аничкову, переданных Правлением Союза во временное пользование литературоведу П. Н. Медведеву; разрозненного архива Литературного фонда; рукописей, писем, книг с автографами, портретов; альбома художника И. К. Пархоменко с автографами писателей и поэтов. Архив Фофанова впоследствии был передан в его личный фонд № 282. Книги и иконография хранятся в Библиотеке и Музее Пушкинского Дома. Среди поступивших документов — протоколы заседаний Вольфилы, хранившиеся в канцелярии Союза писателей. Недописанные фразы и слова, сокращения, записи карандашом позволяют говорить о черновом характере протоколов.

Второе поступление, уже от Оргкомитета Союза писателей, относится к 9 июня 1933 г. и записано в Книге поступлений № 2 под № 274 (с. 209—211). Вместе с делопроизводственными документами Союза писателей поступил и значительный комплекс материалов Ф. Сологуба (пьеса «Ванька ключник» с его правкой, «Книга разлук» с правкой автора, корректура сборника неизданных стихотворений «Нити дней», правленная им, фотографии и др.), альбом кружка «Вечера Случевского», письма В. Я. Брюсова Е. В. Аничкову, возвращенные П. Н. Медведевым. Фотографии Сологуба переданы в Музей ИРЛИ, пьеса — в его личный фонд № 289. Местонахождение остальных творческих материалов Сологуба неизвестно. Альбом «Вечера Случевского» хранится в отдельной коллекции альбомов с автографами (Р. I, оп. 42, № 94). Тогда же вместе с материалами Союза писателей поступили материалы ФОСП, составившие один фонд под № 291.

Среди материалов ФОСП, хранящихся в составе фонда Союза писателей, есть не только циркулярные документы, рассылаемые ФОСП всем литературным организациям, документы, присланные в Союз для сведения, переписка с ВССП, но и делопроизводственные документы ФОСП (протоколы, планы, резолюции), материалы других организаций, входивших в ФОСП, и переписка с ними (ЛАПП, ЛОКАФ и др.). В начале мая 1933 г. Оргкомитет Союза писателей передал в Пушкинский Дом архив ФОСП (см. запись № 284 в Книге поступлений № 2, с. 219). По-видимому, это поступление и составило самостоятельный фонд ФОСП под № 492, состоящий из 9 ед. хр. Таким образом, материалы ФОСП хранились в двух фондах: ф. 291, ф. 492. В фондовой карточке архива Союза писателей от 19 марта 1939 г., хранящейся в формуляре фонда (ф. 291), материалы ФОСП указаны как составная часть фонда Союза писателей.

На необходимость перевода материалов ФОСП из фонда Союза писателей в фонд ФОСП (№ 492) указывалось еще в 1930-е гг., о чем свидетельствует запись на фондовой карточке от 14 января 1939 г. К этому же выводу сотрудники РО пришли и после проведения в 1981 и 1993 гг. двух проверок наличия документов. Решением экспертной комиссии РО ИРЛИ от 24 сентября 2001 г. (протокол № 4) делопроизводственные материалы ФОСП и материалы литературных организаций, входивших в ФОСП, отложившиеся в фонде № 291, выделены в существующий самостоятельный фонд ФОСП № 492. В фонде Союза

писателей остались некоторые циркулярные документы ФОСП и переписка ФОСП с Союзом писателей и Союзом поэтов.

Материалы фонда Союза писателей (ф. 291) числились по двум рукописным описям, составленным, очевидно, в 1930-е гг. по заголовкам на папках. Почти все папки помимо документов, указанных в заголовке, включали множество других в россыпи, иногда содержимое папок не соответствовало заголовку на них. Значительная часть документов не была атрибутирована. В делопроизводственной описи № 1 числилась 131 ед. хр., в описи № 2 (собрание произведений и писем) — 53 ед. хр. Современная обработка фонда, завершенная в 2004 г., состояла из атрибуции значительного комплекса документов, составления новых заголовков, переформирования и пересистематизации единиц хранения. В результате сформировано 907 единиц хранения, сгруппированных в двух описях. Опись № 1 — «Материалы и переписка по организации и деятельности Всероссийского профессионального союза писателей в Петрограде (1920—1921); Петроградского / Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей (1921—1929); Ленинградского отделения Всероссийского союза советских писателей (1929—1932)». Опись № 2 — «Материалы и переписка по организации и деятельности Петроградского / Ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов (1923—1929); секции поэтов Ленинградского отделения Всероссийского союза советских писателей (1929—1932)».

Значительное количество единиц хранения (где это возможно) сформировано по тематическому принципу («Материалы по устройству выставки <...> и переписка <...> по этому же вопросу»). Все нюансы расположения материала исследователь найдет в предисловии к описи фонда. Здесь же мы ограничимся перечнем и краткой характеристикой материалов.

Документы, представленные в описи № 1, сгруппированы в тринадцати разделах. В первый раздел «Материалы и переписка по организации Всероссийского профессионального союза писателей в Петрограде и его реорганизации во Всероссийский союз советских писателей» помещены: устав в редакции разных лет, удостоверение о регистрации отделения, постановление литературных организаций Ленинграда о своей перестройке и переписка по этому же вопросу.

Следующий раздел — «Материалы и переписка <...> по основной деятельности» — самый большой в описи. Здесь размещены протоколы общих собраний, Правления, Президиума, Исполбюро, Пленума Правления, постановления и резолюции Правления, планы, материалы отчетного характера, представленные в Губисполком, различные заявления в Правление, справки, удостоверения, договоры, акты и т. п. Единицы хранения с протоколами общих собраний имеют приложения, состоящие из отчетов Правления, секретаря и казначея Правления, хозяйственной и ревизионной комиссии, отчетов секций, списков вновь избранных членов Союза и др. Единицы хранения с отчетами Губисполкому включают исторически сложившиеся комплексы документов: отчеты, анкеты и анкетные списки членов Правления, сведения о литературных вечерах, финансовые документы, иногда — про-

токолы заседаний Правления и др. В этом же разделе есть несколько тематических групп: «Материалы и переписка <...> о материально-правовом положении писателей»; «Материалы и переписка <...> по издательской деятельности Союза»; «Материалы и переписка <...> о смерти, захоронении и охране могил литераторов»; «Материалы и переписка <...> по организации и участию в выставках»; «Материалы и переписка <...> по опротестованию публикаций, дискредитирующих деятельность ПО / ЛО Союза и членов ЛО Союза»; «Материалы и переписка <...> по организации и деятельности литературных ударных бригад»; «Материалы и переписка <...> по организации творческих дискуссий, подготовке к конференции и первому съезду писателей»; «Материалы и переписка <...> по финансовой деятельности»; «Материалы и переписка <...> об аренде и содержании помещений Союза, содержании имущества и служащих Союза». В этом же разделе помещен и большой комплекс переписки по основной деятельности.

Материалы третьего, четвертого, пятого и шестого разделов иллюстрируют деятельность комиссий Правления: литературной (вечеровой), конфликтной, хозяйственной и ревизионной. В пятом разделе размещены протоколы, отчеты, доклады, акты хозяйственной комиссии и выделены тематические группы: «Материалы и переписка <...> по содержанию Дома писателей на Карповке», «Материалы и переписка <...> по устройству дома отдыха писателей в имении Е. В. Аничкова Ждани».

В седьмом разделе («Материалы и переписка <...> по личному составу Союза») помещены заявления о вступлении, выходе и восстановлении в Союзе, анкеты, списки членов Союза, членские билеты, заявления и удостоверения личного характера (о командировках, отпуске, заработке, жилье, учебе). Анкеты, в зависимости от времени заполнения, содержат разные анкетные вопросы, имеют многочисленные пометы членов Правления. Для сохранения полноты сведений о ежегодном составе Союза, работе Правления и характеристики времени заявления о вступлении со сведениями анкетного характера и анкеты сгруппированы в единицы хранения по хронологии, внутри единиц хранения — по алфавиту. Одна единица хранения («Анкеты переводчиков, собранные для перерегистрации») содержит анкеты 1925—1929 гг. Очевидно, специальный отбор анкет переводчиков был связан с особенно жесткой «чисткой» членов секции и их предстоящим переводом в секцию ФОСП. Для удобства использования на эти единицы хранения и на все другие, включающие анкеты, составлены внутренние описи. Иногда в течение одного года анкеты заполнялись несколько раз для разных целей, имеют разные анкетные вопросы (1926 и 1931 гг.) и помещены, соответственно, в разные единицы хранения. Остальные материалы по личному составу объединены в две тематические группы: «Материалы и переписка <...> о перерегистации членов Союза», «Материалы и переписка <...> о персональных пенсиях членов Союза». В первой представлены протоколы комиссии по перерегистрации, списки членов Союза, проходивших перерегистрацию, заявления, справки и отзывы о работе, ходатайства. Во второй — заяв-

ления, автобиографии, справки, отзывы о литературной деятельности, характеристики, ходатайства, переписка, в том числе — о назначении пенсий А. А. Ахматовой, Л. Д. Блок, Р. В. Иванову-Разумнику и Н. А. Клюеву.

Документы восьмого раздела отражают деятельность Правления по профессионализации Союза и объединены в двух тематических группах: «Материалы и переписка Правления Союза писателей и Всероссийского профессионального союза работников просвещения» и «Материалы и переписка Правления Союза писателей и Всероссийского профессионального союза работников полиграфического производства (Горком писателей)». Обе включают заявления, справки, ходатайства и переписку Правления Союза о вступлении членов Союза писателей в профсоюзы этих организаций и материалы, присланные Союзу писателей для сведения. В конце раздела помещены четыре единицы, относящиеся к работе профкома самого Союза (в том числе — протоколы заседаний профкома).

В начале девятого раздела — «Материалы и переписка секций ЛО Союза» — помещены документы, относящиеся к деятельности всех секций (протоколы, положение о секциях и др.), остальные сгруппированы по секциям Союза: прозаиков и поэтов, переводчиков, критиков и историков литературы, детской художественной литературы, поэтов (1925—1929), биобиблиографов, беллетристов. Материалы секции поэтов после октября 1929 г. (бывший Всероссийский союз поэтов) расположены во второй описи.

В одиннадцатом разделе — «Материалы Литературного музея» — представлены протоколы, отчеты, списки экспонатов, материалы передачи музея Пушкинскому Дому. Остальные документы объединены в тематические группы, отражающие состав музейной коллекции: «Произведения, автобиографии и письма разных лиц»; «Архив Е. В. Аничкова, хранившийся в его имении Ждани»; «Переписка Литературного фонда». Во вторую тематическую группу включены разрозненные материалы Аничкова и значительное количество писем к нему. В третью — разрозненные письма в Литфонд и письма казначею Литфонда С. Е. Савичу, в основном касающиеся выдачи денежных пособий и ссуд. Некоторые материалы по основной деятельности Союза и других организаций, переданные Правлением Союза в Музей и числящиеся по музейной описи, помещены в соответствующие тематические группы второго раздела с документами по основной деятельности: «Материалы К. К. Фофанова-Олимпова, представленные на выставку „Работа ленинградских писателей за 1917—1927 гг.“»; доклад В. В. Вересаева «О художественном оформлении нового быта», текст его заключительного слова на литературном диспуте, афиша диспута; афиша вечера «Памяти А. А. Блока», организованного Вольфилой.

В двенадцатом разделе собраны протоколы Московского отделения Правления Союза (копии) и отдельные документы, присланнные для сведения и координации деятельности.

В последнем, тринадцатом разделе, представлены материалы и письма разных организаций, отложившиеся в делопроизводстве Союза.

Материалы Союза писателей также хранятся и в фонде № 172 (№ 1950, 1951) в составе архива Кабинета современной литературы Государственного института истории искусств (ГИИИ). Они поступили в Пушкинский Дом в 1936 г. вместе с архивом Кабинета.

* * *

В публикуемых ниже документах орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными правилами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Инструкция Петроградского отдела Всер<оссийского> проф<ессионального> союза пис<ателей> ко 2-му § Устава

1. Членом Всер<оссийского> проф<ессионального> союза писателей может быть признан всякий, у кого имеются литературные по форме и значению труды, как в области художественного творчества в широком смысле слова, так и в разных областях знания или философского и публицистического мышления. К этой категории относятся, следовательно, и люди науки, поскольку произведения их, с одной стороны, содействуют обогащению литературы идеями и образами, а с другой стороны, вносят в нее образцы особо точного языка и выразительно строгого стиля. Наоборот, люди величайшего значения в науке, не обладающие даром облекать свои мысли и знания в прозрачные и всем доступные формы, как и узкие специалисты, не могут быть отнесены к этой категории.

2. Все эти критерии требуют, однако, еще дополнения: люди, входящие в Союз, должны заниматься упомянутыми разновидностями литературного труда как своим профессиональным делом.

3. В качестве лиц, профессионально служащих литературе, в Союз должны быть включены и переводчики с новых и древних языков, а также работники периодической печати, которая связывает литературу с жизнью, обогащая ее материалами эмпирической современности, и в то же время содействует распространению литературных ценностей в народных массах. К этой категории не относятся, однако, переводчики и деятели повседневной прессы, для которых этот вид труда является случайным средством существования и которые в самой своей работе не обнаруживают определенных литературных способностей.[113]

---

[113] Публикуется по машинописи (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 1, л. 5; утверждена 17 августа 1920 г.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Изменение § 4-го Устава

Правления Московского и Петроградского отделов Всероссийского профессионального союза писателей избирают для руководства делами всего Союза Центральное Правление (Президиум) из восьми лиц в качестве исполнительного органа: председателя, 2 товарищей председателя в лице председателя Московского Правления и председателя Петроградского Правления, двух секретарей — одного московского, другого петроградского, двух членов Президиума — одного от Москвы, другого от Петрограда, и казначея. Председатель Президиума Всероссийского профессионального союза писателей избирается Центральным Правлением. Президиум собирается по мере накопления дел, а также и по требованию Московского или Петроградского отделов Всероссийского профессионального союза писателей.[114]

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

В Совнарком

2 августа 1920 г.

Организовавшийся в Петрограде Отдел Всероссийского профессионального союза писателей, поставивший себе целью улучшение быта профессиональных работников литературы, обращается в Совнарком с ходатайством о скорейшем оказании писателям продовольственной поддержки в виде постоянно выдаваемых пайков в размере существующего ныне ученого пайка.

Прошлую зиму петроградские литераторы провели в бытовых условиях, почти парализовавших возможность работы. Смертность среди литераторов, как неоднократно указывалось высшим властям представителями литературных организаций, достигла небывалого процента. Пагубная для государства убыль литературных сил увеличивается еще и тем, что тяжелые условия жизни вынуждали и вынуждают деятелей литературы покидать свою профессию, в которой они могли бы наиболее полезным для страны образом развернуть свои силы и дарования. Писатели поневоле уходят в несвойственную им работу, совершенно отрывающую их от круга культурных и профессиональных их задач.

Столь же опасная убыль ученых сил была своевременно остановлена предоставлением ученых пайков Комиссии по улучшению быта ученых. Мы уверены, что Правительство поспешит предоставить и проживающим в Петрограде писателям в лице Петроградского отдела Всероссийского профессионального союза писателей 700 пайков, причем распределение этих пайков берет на себя Правление означенного

[114] Публикуется по машинописи (Там же, л. 8; утверждено 4 сентября 1920 г.).

Союза в следующем составе: А. Л. Волынский, Н. М. Волковыский, А. В. Ганзен, Макс<им> Горький, Люб<овь> Я. Гуревич, Е. И. Замятин, В. Я. Ирецкий, Е. П. Карпов и К. И. Чуковский.[115]

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Докладная записка

Ибранное в августе с<его> г<ода> Правление Петербургского отдела Всероссийского союза писателей, всесторонне обсудив вопросы, связанные с нынешним состоянием русской литературы и с общественно-бытовыми условиями жизни писателей, считает необходимым высказать нижеследующее:

Неоднократные категорические заявления авторитетных представителей Советского строя, обещавших от имени Правительства всемерную и действенную поддержку всем без изъятия формам культурного творчества, подают надежду, что писателям в конце концов удастся найти совместно с властью тот общий язык, которого не было до сих пор и нужда в котором одинаково настоятельна для обеих сторон.

Прекращение гражданской войны и единодушное желание всех общественных групп перейти к созидательному труду открывают перед русской литературой наших дней новые возможности и намечают для нее новые задачи. Но использование первых и разрешение вторых встречают на своем пути многочисленные препятствия, которые в значительной доле своей представляют собою случайно возникшее бесцельное зло, стремиться к уничтожению которого есть обязанность каждого культурного человека.

Отрицательные явления, от которых страдает современная русская литература, легко объединить в краткую формулу: это есть юридическая и экономическая необеспеченность.

Литература не обеспечена юридически, ибо писатель, как таковой, не имеет тех прав, которыми пользуются представители всех других общеполезных профессий. Вместе с тем занятие литературой не создает для писателя даже того минимума жизненных благ, без которого невозможно самое существование.

Ненормальности, связанные с указанными обстоятельствами, сравнительно легко могут быть устранены, для чего надлежит принять следующие меры:

Особым декретом высшего законодательного органа надлежит уравнять литературу с остальными профессиями, а именно:

а) Всероссийский профессиональный союз писателей должен пользоваться всеми правами и преимуществами других профсоюзов, причем, однако, должны быть приняты во внимание специфические особенности литературной работы.

---

[115] Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, № 118, л. 3—3 об.).

б) Занятие литературой должно избавлять писателя от необходимости посвящать себя другим несвойственным ему формам труда, как то: службе, чтению лекций, школьному преподаванию и т<ак> д<алее>.

в) Правление Профсоюза писателей должно иметь право входить с ходатайством перед Всероглавштабом или другим компетентным учреждением о принятии на учет того или иного писателя, состоявшего уже в рядах Красной Армии или подлежащего призыву и успевшему уже заявить себя своими литературными трудами.

г) Правлению Союза должна быть предоставлена возможность снабжать своих членов на льготных условиях письменными принадлежностями, а также, по мере возможности, иными предметами первой необходимости.

д) Занятие литературой, даже независимо от количественной продуктивности в данное время, должно давать писателю право на продовольственный паек по аналогии с ученым пайком.

Таковы первоначальные простейшие меры, которые могут быть приняты и должны быть приняты для поддержания русской литературы в настоящую трудную эпоху. Но Правление считает своим непременным долгом прибавить, что сами по себе эти меры все же являются полиативом. Писатель не может творить только для своего письменного стола. Для здорового развития литературы необходима независимая печать, каковой в настоящее время не существует. Шаги, которые можно было бы сделать в названном направлении, надлежит обсудить детально. Правление указывает здесь только первый из них: Всероссийскому союзу писателей должно быть предоставлено формальное право и фактическая возможность учредить свое собственное издательство и выпускать в свет собственный периодический орган под своею ответственностью.

Правление хорошо знает, что и в настоящее время писатели, хотя и мало занимаются литературным трудом, но все же как-то существуют. Как всегда жизнь вносит свои поправки в слишком суровые общие нормы. В порядке любезности, снисхождения, личной ловкости и расторопности, в виде пайков красноармейского, милиционного, морского, ученого, театрального, наконец, просто в виде милостыни и подачки, писатели получают свою порцию жизненных благ, благодаря чему большинство их еще не умерло от голода. Но они ничего не получают по праву, просто как писатели. И Правление Петербургского отдела считает своим долгом возвысить в данном случае свой голос и напомнить о правах литературы.

Можно быть какого угодно мнения о деятелях текущего литературного периода. Правление не хочет полемизировать здесь ни с какими мнениями и не намерено произносить никаких апологий. Но оно позволяет себе сказать, что литература не есть собрание книг, расставленных на библиотечных полках и написанных давно умершими авторами. Литература есть непрерывающаяся, живая традиция, которая слишком драгоценна, чтобы позволительно было не стремиться к ее поддержанию и охранению. Вместе с тем Правление, в полном сознании своей правоты, указывает на тот, не подлежащий сомнению и ос-

париванию исторический факт, что русская литература последнего столетия была и остается крупнейшим из общественных явлений. Сама Революция русская, торжествующая ныне по всему фронту, целиком вылилась из литературы и в значительной мере лишь осуществляет поставленные ею задания.

Конечно, и без легализации, и без пайков, русская литература не погибнет. Голодающая и загнанная в подполье, она все-таки будет жить. Но тогда одно обстоятельство станет ясным и несомненным для любого беспристрастного наблюдателя.

Все торжественные декларации о том, что культурное творчество встречает в России простор, небывалый и невиданный нигде в мире, суть — не более как обычные ораторские метафоры, к которым никто не обязан относиться вполне серьезно.

Правление Петербургского отдела хочет верить, что это не так и что настоящая записка послужит началом к созданию здоровой, нормальной обстановки для развития русской литературы.

Подписи: М. Горький, А. Л. Волынский, А. Тихонов, П. Губер, В. Ирецкий, К. Чуковский, Н. Волковыский и др<угие>.[116]

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

В ЦК партии
Наркомфин

№ 205/206
30/X-25 г.

Двухсотлетие Академии наук и связанные с этим празднества подчеркнули отношение Правительства к деятелям просвещения. Целый ряд законодательных и в административном порядке проведенных мероприятий по улучшению быта ученых, облегчению для них налогового бремени, улучшению квартирных условий и созданию регулярной помощи со стороны государства давно уже обнаружили тенденцию Правительства хранить силу ученых и бережно к ним относиться.

Между тем, русские писатели — творцы и проводники художественной литературы — которые в течение двух столетий приобрели высокое мировое значение, до сих пор находятся в чрезвычайно тяжелых условиях, нуждаясь в несравненно большей части во внимании Го-

[116] Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, № 17, л. 22—22 об.). В конце «Записки» перечислены имена подписавших, подписи отсутствуют. Утверждена Правлением 21 декабря 1920 г. Машинописная копия «Записки» сохранилась и в архиве Дома литераторов (РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 288). В конце рукой неустановленного лица приписано: «Подписи: М. Горький, А. Л. Волынский, А. Тихонов, П. Губер, В. Ирецкий, К. Чуковский, Н. Волковыский. Настоящую просьбу Правления Союза всемерно поддерживаем: Федор Сологуб, Н. Гумилев, Ек. Леткова, А. Гофман, Дм. Крючков, И. Одоевцева, Б. Харитон, Вал. Чудовский, А. Е. Кауфман, Варвара Комарова (Влад. Каренин), М. Ватсон, Clemens, А. М. Редько, И. В. Вольфсон, И. А. Клейнман, К. Аркадакский».

сударства, чем представители русской науки. В то время как ученые, будучи в подавляющем большинстве своем связаны с учебными и учеными заведениями и советскими учреждениями, имеют гарантии, предоставленные Государством трудящимся, русские писатели, будучи предоставлены самим себе, с особенной силой чувствуют на себе формальную, внешне-официальную, чисто случайную, ничем внутренне не оправдываемую отрешенность от класса трудящихся и ничем реальным не вызванное причисление к категории лиц свободных профессий.

Органы фиска облагают литераторов как лиц свободной профессии. Эта точка зрения в корне неправильна. В то время как заработок лиц свободной профессии всецело остается в их распоряжении, труд писателя, литератора всецело претерпевает судьбу заработной платы рабочих и служащих. *Прибавочная ценность* заработка писателей идет в пользу издателя, оставляя писателю лишь известный минимум. Если оставить в стороне заработок нескольких отдельных писателей, за который не может нести ответственности вся писательская масса, надо признать этот минимум чрезвычайно низким, что с полной очевидностью явствует из анкетного материала Союза писателей.

Таким образом, экономически, строго говоря, писателей нельзя относить к категории лиц свободной профессии по основному, чрезвычайно существенному признаку: наличию прибавочной ценности, достающейся предпринимателю. Плод деятельности писателя отдается предпринимателю (издателю), для которого является составной частью производства в ряду других составных частей: типографских расходов, бумаги и проч<ее>. Если к этому прибавить, что писатели, так же, как и рабочие, связаны с *производством* (слабое развитие у нас издательского дела, специальные задания Государственного издательства, лишенного возможности в надлежащем количестве издавать художественную литературу, ничтожное число частных издательств, испытывающих, к тому же, крупные материальные затруднения и оплачивающих труд писателей в последнюю очередь) и книжным *рынком,* сплошь и рядом вызывающим безработицу и крупные перебои в работе, — аналогия между трудом писателя и трудом рабочего вырисуется с особенной ясностью.

К этому надо прибавить специфические условия писательской работы, значительно ухудшающие положение писателей: необходимость длительного предварительного собирания материалов, изучения темы работы в библиотеках, черновых набросков, путешествий, связанных с работой и проч<ее>. Все это вызывает большую трату сил и времени и, в большей своей части, является работой *безвозмедной.*

К этим положениям Союз писателей мог бы дать целый ряд иллюстраций из своей практики, ссылки на которые заняли бы очень много места. Чтобы не быть голословными, Союз писателей может указать, в виде примера, на беллетриста Федина. Он три года писал свой роман «Города и годы», за который, в конечном итоге, получил гонорар в 3000 рублей. Этот гонорар механически прошел через бухгалтерию Госиздата и в таком виде был представлен Финотделу. В результате

Фининспектор определил нормальный *полугодовой* доход Федина в 3000 рублей и соответственно определил его ставку подоходного налога. Между тем, элементарный, с точки зрения советской логики, подход к данному случаю определил бы доход Федина в 500 рублей за полугодие, и доход этот, естественно, вовсе не подлежал бы обложению, не говоря уже о том, что обложение Федина по высокой скале (так! — *Т. К.*), имевшее место, нарушает основной принцип, на котором построено взимание у нас подоходного налога.

Писательница Богданович в начале 1924 года перевела три книги, или — вернее — из ряда переводов, отнявших много времени, устроила в издательстве перевод трех книг. После этого она, быстро прожив полученное, несколько месяцев оставалась без работы и без денег. В это именно время Фининспектор, поступая формально правильно, исчислил доход Богданович в 1000 рублей и потребовал у нее соответственный налог.

Историк литературы Илья Груздев, пишущий книгу о Горьком, отправился в Нижний Новгород, в Казань и Тифлис произвести архивные изыскания, относящиеся к биографии Горького. На расходы по этой поездке он взял у издателя своей ненаписанной книги аванс. Издатель — по всем правилам — сообщил эту цифру в Финотдел. Фининспектор определил этот аванс на расходы как заработок Груздева и, соответственно, Груздева обложил.

Во всех этих случаях нет вины Финорганов. Они поступают по Инструкции. Все дело в общем принципе. Необходимо срочно пересмотреть вопрос об обложении писателей и широко поставить вопрос об авторитетном отнесении писателей к классу трудящихся со всеми вытекающими отсюда последствиями в отношении налоговом, квартирном, обеспечения врачебной помощью, возможностью лечиться в больницах и проч<ее>, и проч<ее>.

Союз писателей не просит никаких привилегий для писателей. Союз писателей добивается лишь того, чтобы в Советском Государстве, где трудящимся обеспечена широкая возможность спокойно работать, где труд особо охраняется и привлекает к себе бдительное внимание органов власти, русским писателям дана была возможность творчески работать и отдавать свои силы государственному строительству в твердой уверенности, что их труд встретит надлежащую оценку органов государственной власти, и что писатели займут, наконец, принадлежащее им по праву место среди трудящихся.

Председатель Правления
Член Президиума
Секретарь [117]

---

[117] Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, № 110, л. 122—123 об.). Подписи отсутствуют. Исходящий номер и дата написаны рукой неустановленного лица. Подчеркивания в документе выделены курсивом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

В Отдел печати Севзапбюро ЦК ВКП(б)

Докладная записка

13 октября 1926 г.
№ 1467

Как видно из прилагаемых при сем «Данных обследования правового и материального положения членов Ленинградского отдела Всероссийского союза пиателей», — положение это требует в настоящий момент усиленного внимания государства и руководящей партийной организации, заботящихся о процветании современной русской литературы.

Приветствуя внесенное в Президиум ВЦИКа законодательное предположение об уравнении писателей в правах с рабочими и служащими, Ленинградский отдел Правления Всероссийского союза писателей считает необходимым скорейшее проведение в жизнь упомянутого закона, и вместе с тем намечает следующий ряд мероприятий, которые должны быть проведены в Ленинграде:

1. Необходимо в ближайшее же время создать Местком писателей и придать ему все права *профессиональной организации*;

2. Приступить к организации общего для всех писателей Литературного фонда, средства которого, — помимо сумм, предусмотренных Уставом Фонда, — должны быть дополнены процентными начислениями на суммы, уплачиваемые всеми издательствами в виде гонорара авторам — членам Фонда;

3. Издательства должны привлечь писателей к непосредственной работе в своем аппарате, что в значительной степени будет способствовать как улучшению самого издательского дела, так и материального положения ряда литературных работников, богатых опытом и знаниями;

4. Для материального укрепления Всероссийского союза писателей необходимо в ближайшее время разрешить последнему создание кооперативного книгоиздательства писателей, членами-пайщиками которого могут быть и члены других литературных организаций (ЛАПП, Союз поэтов, Союз крестьянских писателей и др<угие>);

5. В целях действительного товарищеского объединения всех литературных организаций Советского Союза — необходимо приступить к созданию Федерации советских писателей, сохранив автономию для каждой федерирующейся стороны.

Председатель Правления
Отв<етственный> секретарь [118]

---

[118] Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, л. 133—133 об.). Подписи отсутствуют. На бланке ЛО Всероссийского союза писателей. Подчеркивания в документе выделены курсивом.

Основные положения платформы Всероссийского союза писателей

Вх<одящий> № 162а
3 июня 29 г.
Исп<олнено> № 131, 6 / VI—29

1. Наша эпоха является эпохой небывалых в истории человечества социальных сдвигов: это — эпоха империалистических войн, пролетарских социалистических революций и диктатуры пролетариата. Разложение и внутренний распад капитализма, достигшего наивысших ступеней своего развития с одной стороны; закладка основ будущего социалистического общества в стране победившего пролетариата, в Союзе Советов — с другой стороны. Пролетариат, завоевывая политическую власть, в то же время уничтожает политическую власть буржуазии. Но диктатура пролетариата, ставящего рабочий класс на положение господствующего класса в обществе, представляет собой переходное явление нашей эпохи. С уничтожением власти буржуазии и постепенным превращением последних представителей этого класса в трудящихся, уничтожается государство и вместе с тем деление общества на классы — совершается переход к внеклассовому коммунистическому обществу.

2. Литературное творчество, как и всякое другое художественное творчество, вдохновляется данной эпохой. В классовом обществе литература носит классовый характер, испытывает на себе влияние столкновений враждебных классовых сил (своей эпохи). Внеклассовой литературы в классовом обществе нет и быть не может. Равным образом художественные произведения предыдущих эпох различно воспринимаются и по-своему расцениваются каждой данной эпохой.

Наша эпоха — эпоха величайших социалистических сдвигов — кладет свой неизгладимый отпечаток на литературное творчество, на литературные течения, на отдельного писателя. Осмыслить нашу эпоху, проникнуться духом великой борьбы, пафосом великого строительства, уловить узловые вопросы современности — вот что является главной задачей литературы нашей эпохи. Как наша эпоха является переходной от капитализма к социализму, так и наша литература носит на себе печать переходного периода (что выражается, главным образом, в неустойчивости и неясности литературных форм и разнообразных перегруппировках литературных течений и т<ому> п<одобное>).

Наша литература подготовляет путь тому литературному расцвету, который наступит с окончательной победой социализма, когда трудящиеся массы внеклассового общества, освобожденные от материальных лишений и забот, разовьют с небывалой до сих пор энергией свои творческие силы.

3. Всероссийский союз писателей, объединяя выявленные писательские индивидуальности, ставит задачей организацию своих членов для революции, поощрение их творческой деятельности путем приобще-

ния к великим задачам эпохи и путем вовлечения писателя в круг интересов рабочего класса СССР, строящего социализм под руководством ВКП(б). Признавая наиболее здоровым началом в области литературной формы реализм, ВСП, однако, принимает в свою среду представителей всех литературных форм, исходя из того положения, что литература переходной эпохи не может уложиться в ту или иную господствующую литературную форму.

4. Социалистическое строительство в нашей стране ставит перед рабочим классом многообразные и трудные задачи. ВСП, всецело разделяя политику ВКП(б) в области художественной литературы, нашедшую свое выражение в резолюции 1925 года, и в полном единении со всей Федерацией советских писателей, приложит все усилия к тому, чтобы привлечь массы своих членов к разрешению задач культурной революции и социалистического строительства (индустриализации страны, коллективизации и т<ак> д<алее>). Элементам пассивным или враждебным к великой творческой работе рабочего класса СССР не должно быть места в рядах ВСП.

Вовлечение писателя в «живую жизнь», как источник творчества — вот та задача, которую ставит себе Всероссийский союз писателей. [119]

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

Резолюция

Правление Всероссийского союза советских писателей (Ленинградский отдел) ознакомилось с обвинительным заключением по делу раскрытой органами ОГПУ контрреволюционной „Промышленной партии". Эта организация, возглавляемая буржуазными и реакционными профессорами и инженерами, занимавшими ответственные посты в советском аппарате, вступила на путь гнуснейшего предательства революции и Советского Союза, подготовляя разгром всех политических и экономических завоеваний рабочего класса. Международный капитализм, вобрав в себя выброшенные из нашей страны остатки российской буржуазии и ее политических партий, в течение ряда лет создавал и создал наконец внутри Советского Союза свою агентуру, прочно охватившую своими щупальцами сердце экономической жизни страны — ее промышленность. Успехи, а также и неизбежные трудности, связанные со строительством социализма в нашей стране, окруженной со всех сторон фашистскими и империалистическими государствами, — торопят врагов СССР выступить против нас и внушают им призрачную надежду на растерянность и неподготовленность трудящихся Советского Союза отразить готовящийся удар капитализма. Призрачная, обманная надежда международных заговорщиков, у которых история отняла разум и зрение!

[119] Публикуется по машинописи (Там же, № 34, л. 1—1 об.).

Суровый меч исторического возмездия поджидает и тех, кто в осажденной крепости революции стремится предательски, воровски открыть ворота врагу, и тех, кто намерен ворваться в эти ворота.

Мы, писатели Советского Союза, вместе со всей страной переживающие ее радости и печали, вместе со всеми трудящимися и советской интеллигенцией, вместе с пролетариатом и коммунистической партией строящие великое здание социалистического общества, гневно протестуем против бесконечных покушений на страну пролетарской диктатуры.

Довольно провокаций, предательств, измен! Пусть будет последним этот список гнуснейших злодеяний, по справедливости вызывающий у всех трудящихся настороженную тень недоверия ко всем интеллектуальным работникам Советского Союза!

Вы, уготовившие себе позорную скамью подсудимых в Верховном суде Республики, знайте, что никогда советская интеллигенция не могла быть и не была с вами в одних рядах. Советская интеллигенция каждым днем своей честной и упорной работы показывает свое подлинное лицо, никак не похожее на лживые маски наглых реставраторов.

Мы призываем всех революционных писателей мира вместе с нами обратить свое негодование против международных организаторов новой кровавой бойни во имя капитала.

Правление Всероссийского союза советских писателей вместе со всей страной выходит на трибуну общественного обвинения.

Правление Всероссийского союза советских писателей предлагает Федерации объединений советских писателей обратиться с призывом ко всем другим литературным организациям присоединить свой голос протеста к настоящему обращению ВССП.

Правление Всероссийского союза советских писателей
(Ленинградский отдел)
Ленинград
12 ноября 1930 г.[120]

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

О перестройке ленинградских литературно-художественных организаций

Трудящиеся Советского Союза, руководимые коммунистической партией, одержали решающие победы в строительстве социализма.

---

[120] Публикуется по машинописной копии, отпуску (Там же, № 36, л. 1—1 об.). Резолюция обсуждалась на заседании ЛО Правления 11 ноября 1930 г. Фрагмент опубликован в «Литературной газете» (1930. 20 нояб., № 54. С. 1) в подборке резолюций ЛО ФОСП, Всероскомдрама под общим заголовком «Уничтожить вредителей и провокаторов интервенции».

В нашей стране совершается могучая культурная революция, захватившая десятки миллионов рабочих и крестьян.

Выросли новые кадры писателей из рабочих и колхозников, давшие уже ряд выдающихся произведений художественной литературы.

Передовые писатели из среды интеллигенции стали на путь активной поддержки политики советской власти и все более включаются в героическую практику строительства социализма.

Построение бесклассового социалистического общества требует еще большей мобилизации писателей, их творческой энергии.

Дальнейший мощный рост художественной литературы в СССР предполагает коренную перестройку литературно-художественных организаций.

Решение ЦК знаменует крупнейший этап в развитии советской художественной литературы и создает необходимые условия для ее дальнейшего творческого расцвета.

Российская Ассоциация пролетарских писателей и, в частности, ленинградская (ЛАПП), созданные в первые годы НЭПа для укрепления пролетарских позиций художественной литературы, на данном этапе обнаружили в своей работе опасность отрыва от политических задач современности и самоизоляции от лучшей части писателей из интеллигенции, повернувших в сторону пролетариата.

Литературные организации Ленинграда, решительно осуждая всяческие попытки противодействия скорейшему осуществлению решений ЦК, считают делом своей чести ответить на историческое постановление партии повышением идейного и художественного качества своего творчества, еще большим сплочением вместе со всеми трудящимися СССР вокруг ВКП(б) и ее Ленинского ЦК.

Литературные организации Ленинграда постановляют:

1) Развернуть работу по участию в подготовке Всероссийского съезда советских писателей.
2) Для руководства существующими в Ленинграде и Ленинградской области литературными организациями и проведения подготовительной работы к съезду — создать организационный комитет в составе т<оварищей>:

1. Баузе (предс<едатель>)
2. Мартынов (секр<етарь>)
3. Федин
4. Тихонов
5. Слонимский
6. Козаков
7. Браун
8. Никитин Н.
9. Лавренев
10. академ<ик> Марр
11. Белицкий
12. Чумандрин
13. Свирин
14. Прокофьев
15. Лаврухин
16. Черненко
17. Никитин Ив.
18. Рафаил
19. Дмитриев
20. Скоринко

По поручению ВССП: Тихонов, Козаков, Слонимский, Форш, Каверин, Никитин, Груздев, Зощенко, Полонская, Браун.
По поручению ЛАПП: Чумандрин, Скоринко, Уксусов, Прокофьев, Саянов.
По поручению ЛОКАФ: Свирин, Дмитриев, Соболев, Ганибесов, Калнынь.
По поручению Объединения пролетарско-колхозных писателей: Смирнов, Черноков, Журба, Никитин Ив., Бутенко. [121]

---

[121] Публикуется по машинописной копии (Там же, № 7, л. 1—2). Подписи отсутствуют.

ПУБЛИКАЦИИ

ТРИ ПИСЬМА ГРАФИНИ Е. Е. ЛАМБЕРТ К И. С. ТУРГЕНЕВУ

Публикация В. А. Лукиной

Истории знакомства И. С. Тургенева с Е. Е. Ламберт суждено было стать одной из наиболее лиричных и светлых страниц в жизни писателя. Несмотря на то, что значительная часть продолжавшейся более десяти лет довольно оживленной переписки Тургенева с гр. Ламберт сохранилась, биографические сведения о самой Елизавете Егоровне довольно скупы. Отчасти это обусловлено тем, что на 115 известных писем и записок писателя к гр. Ламберт, охватывающих период с 9 (21) мая 1856 г. по 29 апреля (11 мая) 1867 г.,[1] приходится всего лишь 53 ответных письма. Из них 50 писем, хранящиеся в Парижской Национальной библиотеке и впервые опубликованные проф. А. Гранжаром в 1960 г.,[2] относятся только к периоду 1859—1862 гг. Оставшиеся до сих пор неопубликованными три письма гр. Ламберт к Тургеневу, находящиеся в РО ИРЛИ (№ 5835),[3] не только привносят в портрет графини Ламберт новые черты, но и позволяют восполнить некоторые пробелы в опубликованной переписке, существенно расширяя ее временные границы. В этих замечательных, невзыскательных, но согретых сердечным теплом письмах со всей полнотой раскрывается душевный облик незаурядной женщины, известной своей религиозностью, строгостью нравственных принципов и тяготившейся своим положением в светских петербургских кругах.

Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (1821—1883) родилась в семье видного государственного деятеля, занимавшего с 1823 по 1844 гг. пост министра финансов, графа Егора Францевича Канкрина и жены его Екатерины Захаровны (урожд. Муравьевой),

---

[1] Эти письма были переданы в 1883 г. графиней Ламберт Александру Дмитриевичу Свербееву (1835—1917), действительному статскому советнику, занимавшему в то время пост Самарского губернатора, который позже подарил их императорскому Московскому Румянцевскому музею (ныне значительная часть его коллекций хранится в Российской государственной библиотеке). Впервые письма Тургенева к гр. Ламберт были опубликованы Г. П. Георгиевским: частично в 1914 г. в журнале «Голос минувшего» (см.: И. С. Тургенев в переписке с графиней Е. Е. Ламберт // Голос минувшего. 1914. № 10. С. 186—231), а затем полностью отдельным изданием: Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт / Предисл. и прим. Г. П. Георгиевского. М., 1915.

[2] См.: *Granjard H.* Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs». Paris, 1960 (далее в ссылках: *Granjard*, с указанием страниц).

[3] Незначительные отрывки из этих писем приводятся в комментариях к первому и второму академическим изданиям Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева.

© В. А. Лукина, 2005

сестры декабриста, члена Южного общества Артамона Захаровича Муравьева. Она вышла замуж за гр. Иосифа Карловича Ламберта, воспитанника Ришельевского Лицея в Одессе, быстро сделавшего себе завидную карьеру при дворе наследника престола, а впоследствии императора Александра II. Как замечает Г. П. Георгиевский, блестящее воспитание, личные качества и высокое положение в петербургском обществе графини Ламберт сделали ее дом предметом искательства для столичной молодежи.[4]

Знакомство и сближение с гр. Ламберт произошло в сложное для Тургенева время, в «мгновенье перелома», когда все его мысли были заняты горькими размышлениями о поисках «пристани», об устройстве своей дальнейшей судьбы. Именно на этот тяжелый период 1856—1863 гг., когда в душе писателя происходили колебания, где установить ему для себя главное местопребывание, как обустроить свою личную жизнь, приходится расцвет его отношений с Е. Е. Ламберт. Отсутствие необходимости «показываться с лицевой стороны», чуткое понимание графини, ее живое и деятельное участие в судьбе писателя, страстное желание и надежда удержать его в России оказали Тургеневу огромную психологическую поддержку и во многом помогли удержаться «на волнах жизни».

Потребность в постоянном общении сказалась в частых и особенно «длинных», по определению Тургенева, письмах этой поры. Излюбленным временем гр. Ламберт для длинных, обдуманных писем были ночные часы, когда на нее слетает «ангел тишины», вокруг наступает «мертвое молчанье, тишина страстей людских, а своя собственная жизнь горит в душе и проявляется такими мыслями и словами, что днем их ни за что не найдешь».[5] Сама графиня называла такие письма «душевными» и очень трепетно подходила к их написанию, считая необходимым браться за перо только «под влиянием серьозного и даже религиозного направления духа».[6] Именно в такой тональности выдержано первое из публикуемых писем, датированное 24 мая (5 июня) 1856 г. и написанное гр. Ламберт из Ревеля, куда она прибыла в тот же день утром, в ответ на письмо Тургенева от 9 (21) мая, открывшего всю дальнейшую переписку.

Точное время знакомства Тургенева с семейством Ламберт не установлено и относится исследователями приблизительно к первой половине 1856 г., к тому периоду, когда Тургенев находился в Петербурге и был занят хлопотами о разрешении на выезд за границу, в получении которого не исключена непосредственная помощь Е. Е. Ламберт. Г. П. Георгиевский сделал предположение, что «самое знакомство с графиней состоялось лишь в конце его (Тургенева. — *В. Л.*) пребывания в Петербурге, незадолго до отъезда в Спасское»,[7] состоявшегося 3 (15) мая. Косвенно предположение Георгиевского подтверждается свидетельством самой гр. Ламберт, вскользь упомянувшей в первом письме к Тургеневу о том, что они виделись за все время непродолжительного знакомства «не более пяти раз».

Письмо гр. Ламберт начинается с благодарности за «милое письмо» Тургенева от 9 (21) мая и теплых воспоминаний о недавних личных встречах в Петербурге, об особо памятном и, по-видимому, на тот момент единственном посещении Тургеневым дома Ламберт на ул. Фурштатской, во время которого они с графиней «беседовали, как старые друзья, потерявшиеся из вида», в ее «задушевных комнатах» «в верхнем этаже». Уже из первого письма гр. Ламберт видно, что Тургенев посвящал ее практически во все подробности своей жизни. О доверительном характере завязавшихся отношений говорит и упоминание «о том прекрасном Соловье, который пел на берегах Невы», и знание особенно ярких и восхищавших Тургенева образов, созданных на сцене Полиной Виардо.

---

[4] Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. С. VII.
[5] *Granjard.* P. 128.
[6] Ibid. P. 71.
[7] Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. С. X.

Под пером гр. Ламберт оживают отголоски недавних бесед и споров. Так, большая часть письма посвящена рассуждениям о литературе, о Пушкине, в котором она видит, прежде всего, «человека» , т. е. того, кто «пробуждает лишь одни страсти». Замечая, что основу произведений поэта составляют «жизнь, любовь, *тревоги*, воспоминания», графиня настаивает на негативном воздействии, оказываемом на читателя этим пушкинским «огнем», и противопоставляет «материализму» Пушкина, а за ним и Тургенева, преимущественно духовную литературу, отдавая предпочтение «песням», сложенным «простыми умами, но вдохновенным сердцем или самим Богом». Несмотря на страх перед пушкинским «огнем», строки из «Евгения Онегина» проходят рефреном через все письмо. Рисуя воображаемые картины из жизни Тургенева в Спасском, гр. Ламберт представляет его Евгением Онегиным, который «отправился в свое поместье» и «пленяет соседок». Здесь же дан замечательный портрет писателя, «небрежно» входящего в гостиную и наводящего «лорнет на картины, украшающие комнаты». Не забыты были «красноречивое русское слово» и знаменитая «французская речь» Тургенева с «неподражаемым парижским акцентом».

Много внимания уделено описанию первого дня пребывания самой графини в Ревеле, городе, где она, по собственному признанию, «провела самое приятное время» своей жизни. В письме упоминаются многие общие знакомые гр. Ламберт и Тургенева, члены их семей, многочисленны и другие подробности, имеющие биографическую ценность. Любопытно, например, признание гр. Ламберт в том, что она «мало училась грамоте, и то урывками в зимнее время, до 16 лет, когда кончила воспитание».

«Родным» языком Е. Е. Ламберт был французский, на котором она любила говорить «с дней первого детства» и который ей был «знаком и мил».[8] В письмах к Тургеневу она неоднократно сетовала на плохое знание русского языка, считая это недостатком своего образования: «Надо Вам сказать, что я грамматике плохо училась, а о синтаксисе помину не было. В нашем доме — Горбунов два года учил нас по-русски — литературой не занимались и под диктовкой писали мы с сестрой (avec des coupures) две поэмы Пуш<кина> „Бахчисарайский фонтан“ и „Цыгане“, о других поэтах вряд ли мы слышали».[9] Тем не менее, большинство писем к Тургеневу Е. Е. Ламберт стремилась писать по-русски, обосновывая это тем, что человек «чувствует потребность говорить и писать на собственном языке, как бы плохо он его не знал».[10] В одном из поздних писем к Тургеневу она даже признавалась, что со временем «привыкла изъяснять лучшие чувства души на родном языке».[11] Однако, по наблюдению А. Гранжара, когда Елизавета Егоровна писала на скорую руку, не имея возможности обдумать написанное, или сильно уставала, она всегда прибегала к более привычному и удобному французскому языку, называя его за это вслед за Тургеневым «фигляром без костей». Не случайно практически все небольшие записки делового характера написаны ею по-французски. Сам Тургенев отмечал в русских письмах графини некоторую искусственность и «усилие в отыскивании выражений»,[12] как будто она все время мысленно переводила с французского.

Второе из хранящихся в РО ИРЛИ писем гр. Ламберт к Тургеневу относится к более позднему периоду. В нем нет уже того поэтического, порой элегичного, порой несколько шутливого настроя, как в первом. Написанное после ряда трагических событий, обрушившихся на гр. Ламберт — смерти старшего брата Валериана Егоровича Канкрина и последовавшей за ней вскоре смерти единственного сына Якова Иосифовича Ламбер-

---

[8] *Granjard*. P. 80.
[9] Ibid. P. 90.
[10] Ibid. P. 64.
[11] Ibid. P. 80.
[12] *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 106. Далее цитируем по этому изданию.

та, — оно проникнуто горечью и болью утраты. На бумаге сохранились следы слез. Наметившееся в этом письме «разноречие», еще более усугубившееся после окончательного решения Тургенева связать свою жизнь с семьей П. Виардо и обосноваться за границей, с большей силой проявилось в третьем, последнем по времени написания из известных нам писем гр. Ламберт к писателю. По-видимому, все более возрастающее непонимание и неодобрение, высказывавшееся графиней Ламберт по поводу характера литературного творчества Тургенева после «Дворянского гнезда», отчасти послужили причиной последующего охлаждения и постепенного прекращения отношений, произошедшего, возможно, по инициативе самой Елизаветы Егоровны. Не случайно в последних известных нам письмах гр. Ламберт к Тургеневу настойчиво повторяется мысль о «разъединении», о возникшей между ними «стене», о том, что она стала ощущать себя «почти чужою» в жизни писателя, «каким-то отдаленным воспоминанием, теряющим свою цену с каждым днем».[13]

Несмотря на то, что после 1867 г. гр. Ламберт «исчезает» из биографии писателя,[14] самые дружеские чувства к этой женщине, любовь и уважение к ее «доброй душе», «нежному и тонкому уму» Тургенев сохранил до конца своей жизни. Красноречивым свидетельством того неизгладимого впечатления, которое Елизавета Егоровна оставила в душе Тургенева, являются навеянные ею страницы многих произведений писателя.

Письма публикуются с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, однако характерные неправильности и особенности авторского написания (напр., употребление тире внутри фраз) максимально сохранены. Слова, подчеркнутые гр. Ламберт, воспроизводятся курсивом, в квадратных скобках восстанавливаются зачеркнутые слова.

1

24 мая (5 июня) 1856 г. Ревель

Ревель. 24 мая 1856 года.

Иван Сергеевич, что Вы за добрая душа! Люблю я Ваши речи, Ваш светлый ум, люблю особенно Ваше милое письмо,[1] это второе — Вы (не всем принадлежащее, как первое) — но проявившееся, хоть на короткое время, для меня одной. — Я на Вас пеняла в Петербурге. — Мне казалось, Вы забыли своего обещания и тот вечер в моих задушевных комнатах, когда мы с Вами беседовали, как старые друзья, потерявшиеся из вида. — После долгой разлуки они передают друг другу много мыслей сердечных, новоприобретенных понятий, случаи из жизни своей. Задушевными комнаты в верхнем этаже называются потому, что я в них живу с собою и с друзьями, а внизу принимаю лишь только гостей. Если там и бывают друзья, то они, на время, уподобляются чужим. Зато подчас и наверх заберутся ко мне люди не совсем мне по сердцу — cela rétablit l'équilibre.[a] Вас же мне было особенно

[13] *Granjard.* P. 176.

[14] Последнее по времени упоминание о Е. Е. Ламберт содержится в тургеневском письме к П. Виардо и относится к марту 1871 г., когда писатель, по-видимому, встречался с графиней во время своего непродолжительного пребывания в Москве (см.: *Тургенев.* Письма. Т. 11. С. 50).

[a] это восстанавливает равновесие (*франц.*).

приятно видеть хоть раз у себя. Вы из тех людей, которых надо полюбить сейчас или никогда; — Вас нельзя изучать. Вы Протей,[2] ускользающий от наблюдения; — а иногда ребенок с такою чудной простотой, что только сердцем можно догадаться (ум высокомерен и не любит уроков), — сколько кроется тонкой иронии в добродушном сознании о неведении Вашем в житейских делах или обязанностях света. [Вы меня] Простите меня; — я Вам читала проповедь, а Вы мне доказали на деле, как хорошо Вы знакомы не только с холодными привычками учтивости, но даже с сердечным доброжелательством столь выше всех приличий. — Благодарю Вас за сожаление, изъявленное о слишком поздней встрече со мной.[3] — Этого слова довольно, чтоб дать мне о себе хорошее понятие.

Зачем вы посетили нас?[4]

Впрочем, все к лучшему. — Я Вас видела не более пяти раз, но знаю Вас почти совершенно. Перейдя весеннюю пору, в которой женщина должна сжимать в себе просящиеся на волю мысли и чувства, она приобретает, наконец, поздно и дорого, право отступать иногда от обычаев, принятых в общежитии. На скате лет ей можно оказывать некоторое преимущество — достоинству ценить прекрасное, высокое. — Все это позволено, не без того чтоб добрые люди не назвали б такую женщину оригинальною или восторженною.[5] — Пусть будет так — от чужих языков и дружеских пересудов кто ушел невредим когда-либо? — Вы уехали. Петербург несколько опустел.[6] Тогда мы стали часто о Вас говорить и старик Дениско,[7] которого Вы видели у меня, с одушевлением рассказывал о Вас всем и каждому. — Мы думали — что делает Иван Сергеевич? — Забыл нас — отправился в свое поместье — живет Евгением Онегиным — пленяет соседок. — Чей грустный взгляд следит за ним, когда он небрежно входит в гостиную и наводит лорнет на картины, украшающие комнаты. Чье ухо, напряженное внимание ловит красноречивое русское слово или оценяет французскую речь, произнесенную этим неподражаемым парижским акцентом, предмет зависти моей. Чье сердце бьется, когда издалече слышен топот его коня, у опушки встречается житель Спасского села, один или при собаках.

Она глядит — и сердце в ней
Забилось чаще и живей.[8]

Вот работают на полях его крестьяне. *Его*! Какое магическое слово и как люди эти счастливы! — думает бедная Татьяна, не замеченная Вами. Влюбленная женщина первая, вероятно, ввела крепостное состояние в политический состав народов, а мужчины алчные, выдумав податное, [соединили] окончательно соединили оба вместе. [Когд<а>] Как бы то ни было — вот еще другое предположение, нами сделанное. У него и солнце, и леса, и пруд, *вероятно*. — *Наверное,* барский дом, заросший сад, роща, где он под вечер вспоминает прошедшее, курит сигары и пьет чай, без чего не обойдется русский человек. Кто же догадается, что у Вас льет дождь и Вы сидите перед письменным столом! — Или же третья картина представляется нашим глазам. Иван Сергеевич

взял ружье, свистнул собак, погрузился в думу и отправился в отъезжее поле — так ли? — Новый Nemrod[9] стреляет уток (или что б то ни было) и вздыхает о том прекрасном Соловье, который пел на берегах Невы.[10] Что за дивные глаза у Вашей птички! но почему же она подымает их к небу так некстати, когда она спускается с голубых полей эфира на маленький столик, вероятно, французского restaurant,[б] под тень зеленого плюща или дикого винограда. — Не спускайся на землю, птичка небесная! — живи в облаках, качайся на ветвях в садах душистых, пой Дездемоною, [Норм<ой>] Розиною, твори роль Fides[в] в „Пророке“,[11] только не отправляйся завтракать с поэтом. — Ты его разочаруешь[12] — себя погубишь и от [дру<гих ?>] него же счастие отымешь, потому что все счастие в молодости состоит *единственно* в поэтическом взгляде на вещи. На старости оно зарывается в воспоминаниях о былом — и на этой могиле изливаются тяжелые и вместе сладкие жалобы или сравнения настоящего с прошедшим. Старикам весело грустить — справедливы поэтому слова Nodier — „Cela semble si bon de se plaindre que j'ai cru, quelquefois, que c'était là tout le bonheur“.[г, 13]

Сегодня утром приехала я в Ревель. Мне было как-то грустно вернуться после многих лет в тот город, где я провела самое приятное время моей жизни. В нанятом мною доме было пусто и холодно — ни солнца на горизонте, ни людей на большой дороге, ни друзей у подъезда. Чуть взошла, мне подали Ваше письмо и другое от сестры.[14] Мне стало веселей. — Теперь вечер, поздно — небо совсем опустилось на землю — видно море из окна. — Я пишу и гляжу вдаль. Открывать нельзя ни дверей, ни окошек, потому что дождь льет ливнем — погода бушует — ветер гнет деревья и бегает по волнам Балтийского залива, так что, кажется, заметны на них следы его быстрых ног, а дом трясется на основании — того и гляди — сейчас снесет его за тридевять земель, в тридесятое государство. — Вещи мои еще не привезли с парохода. — Я приехала в карете по ненависти к воде. Ламп нет, свечи горят тускло — сыро, скучно — не глядела б ни на белый, ни на какой свет.

Вы говорите весьма милые и справедливые вещи о различии наших мнений и о симпатии чувств — согласна, я думаю и говорю не так, как Вы — но чувствовать умею. Этого довольно для добрых людей, чтобы сблизиться в скором времени. Софье Яковлевне[15] передам Ваш поклон — муж странствует далече[16] — благодарю за причину расположения Вашего к Mme Vériguine.[д, 17]

Я бы приняла Ваш совет заняться Пушкиным[18] хоть бы для того, чтоб иметь с Вами что-нибудь общее — но Бог знает, что мне ничего не следует читать, кроме Акафиста. В душе моей часто бывает темно. Мне нужен свет — его найду я в песнях, сложенных простыми умами, но вдохновенным сердцем или самим Богом. Пушкин — человек, он

[б] ресторана (*франц.*).

[в] Фидес (*франц.*).

[г] «Жаловаться так приятно, что иногда кажется, будто в этом-то и состоит счастье» (*франц.*).

[д] г-же Веригиной (*франц.*).

пробуждает лишь одни страсти — не потому ль его любят женщины и поэты? — В нем есть жизнь, любовь, *тревоги*, воспоминания. Я боюсь огня. За то и Ваши страницы не попадутся мне более на глаза. Еще скажу Вам, почему я не могу читать — не смейтесь надо мной. — Невольно я присваиваю себе слог любимого писателя. Если я желаю высказать свою мысль, то передаю эту мысль словами, похожими, как карикатура, на те слова, которые поразили мой ум в книге, читаемой мной. Этот недостаток ума, je veux dire le défaut d'esprit et non le manque, ne peut s'appeler [1 нрзб.] la faculté d'assimilation, mais une facilité de pastiche sans mérite réel, qui a l'inconvénient d'une imitation vague souvent désagréable — ce n'est pas faire mon éloge sans doute — c'est une infériorité de conception intellectuelle que je constate avec humilité. — Vous me direz que pour ce que j'écris, je puis faire ce que bon me semble, puisque je ne vais ni à l'impression ni à la postérité.[e] Извините, не пришлось сказать по-русски: трудно и долго было б мне переводить. Есть люди, которые пишут, худо ли хорошо ли, своими собственными словами — (как предлагал кто-то сказать Отче наш[19]). — Я не из них — чужой ум мне всегда нравится более моего — оно было бы справедливо — не следует мне увлекаться формою, потому что я до нее достигнуть не могу. Взамен пространен моральный мир, можно думать много и хорошо, хоть и этот богатый рудник, говорят, истощен со времен Соломона, мудрого царя, не признававшего ничего нового под солнцем.[20] Но облекать эти почерпанные в общей сокровищнице сердца человеческого мысли не так легко и дано каждому в известной степени; — я, вероятно, не получила того дара, ni peu ni prou comme on dit en vieux français.* — Во мне только развита способность понимать, что я заимствуюсь (так! — *В. Л.*) у других, хоть не умею делать иначе.

Граф<ини> Толстой я не знаю вовсе — если у нее ручки не красивы, это, верно, потому что ее еще никто не любил.[21] Женщина, которую любят, перерождается — в ней все хорошо даже для чужого глаза. Какая-то красота дышит в существе, любимом кем бы то ни было.

Скажите мне, зачем Вы не верите счастью???

Я Вашего дядю[22] люблю с того вечера, когда Вы рассказали мне, как он на Вас жалостливо смотрел в один из тех 10 дней, проведенных Вами за наказание (так! — *В. Л.*) на одном месте.

Мне кажется, я на все отвечала — нет, я знаю, что не упомянула о лестном отзыве Вашем. Что у меня есть слабые и усталые глаза, в том убедилась я с некоторых пор — что они были хороши, я прежде слыхала, что Вы их находите милыми и добрыми, вот в чем я уверяюсь немедленно, потому что это мне особенно приятно.[23]

---

[e] я хочу сказать недостаток ума, но не его отсутствие, не может называться способностью усваивать, это способность копировать, не имеющая никаких достоинств, она тем неудобна, что бессознательное подражание часто неприятно — это меня, конечно, не украшает — это изъян умственного склада, который я признаю с сожалением. — Вы скажете о том, что я пишу — это не имеет значения, потому что это не перейдет ни в печать, ни в потомство (*франц.*).

* ни капельки, как говорят на старофранцузском языке (*франц.*).

Кончаю длинное письмо. Я не умею писать по-русски — со времен Пушкина мы не подвинулись вперед — говорю это к стыду моему. Впрочем, я мало училась грамоте, и то урывками в зимнее время, до 16 лет, когда кончила воспитание: — оно, вероятно, заметно, но прошу Вас не замечать. Вы не судья моему *кривописанию*, потому что слова, сказанные от сердца, не подходят под критику литератора, но принадлежат оценке человеческого чувства.

Прощайте, Иван Сергеевич — постарайтесь быть счастливым. Как-то счастье идет в руки тем, которые ищут его спроста.

Вас искренно уважающая
Гр. Ламберт.

Laissez-moi vous écrire dorénavant dans une langue qui m'est plus familière.[3]

[1] Имеется в виду письмо Тургенева к гр. Ламберт от 9 (21) мая 1856 г., открывшее серию «длинных» писем, носивших задушевно-откровенный, исповедальный характер (См.: *Тургенев*. Письма. Т. 3. С. 92—93).

[2] *Протей* — в греческой мифологии морское божество, наделенное способностью принимать облик различных существ и многознанием.

[3] В упомянутом выше письме от 9 (21) мая Тургенев признавался: «Мне очень жалко, что я так поздно с Вами познакомился <...>» (*Тургенев*. Письма. Т. 3. С. 92).

[4] Стих из письма Татьяны к Онегину.

[5] В одном из более поздних писем к Тургеневу графиня высказалась более откровенно, назвав среди таких «добрых» людей, не умеющих «ценить других за сердечные порывы», своего деверя графа *Карла Карловича Ламберта* (1815—1865): «Ему все кажется, что такие-то поступки неприличны; что дама порядочного общества не должна любить горячо; — что все это экзальтация гордого ума, который непременно хочет выходить из обыкновенной колеи — пустая восторженность, которую надобно поражать смехом или холодностью — какое горькое чувство шевелится в душе моей, когда я вспоминаю прошедшее и даже думаю о настоящем» (*Granjard*. P. 109).

[6] Тургенев покинул Петербург 3 (15) мая 1856 г. и направился в Москву, откуда 6 (18) мая выехал в Спасское.

[7] Лицо неустановленное.

[8] Неточная цитата из «Евгения Онегина». У Пушкина: «Она глядит — и сердце в ней / Забилось чаще и сильней» (Глава 7, XV, ст. 13—14).

[9] *Нимрод* — в ветхозаветной традиции богатырь и охотник, необыкновенную удачу которому приносили одежды, сшитые Богом для прикрытия наготы Адама и Евы; его царство размещалось в Месопотамии. В книге Бытия приводится поговорка: «сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом» (10, 9—10). Имя Нимрода, ставшее в западноевропейских литературах и языках синонимом ловкого охотника, было известно также Тургеневу. См.: *Алексеев М. П.* Заглавие «Записки охотника» // Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. Л., 1969. Вып. 5. С. 212—214.

[10] Речь идет о *Полине Виардо* (1821—1910), с которой Тургенев познакомился в ноябре 1843 г. в Петербурге, куда она приехала в качестве примадонны Итальянской оперы, открывшей тогда свой первый сезон в столице. Выступления П. Виардо в Петербурге пользовались огромным успехом; особый восторг публики вызывало исполнение певицей по-русски романса Алябьева «Соловей» в концертных номерах, обычно дававшихся после оперы. В рецензиях того времени ее часто называли «наш соловушка». Тургенев имел возможность неоднократно слушать П. Виардо и в следующие два сезона Итальянской оперы 1844—1846 гг. (с октября по февраль).

---

[3] Позвольте мне впредь писать вам на языке, который мне более привычен (*франц.*).

[11] Гр. Ламберт перечисляет наиболее крупные оперные партии Полины Виардо, которыми она покорила петербургскую публику: партии Розины и Дездемоны («Севильский цирюльник», «Отелло» Дж. Россини), Нормы (в одноименной опере В. Беллини) и роль Фидес (в опере «Пророк»), созданную Дж. Мейербером специально для нее. В статье «Несколько слов об опере Мейербера „Пророк“» (1850), написанной вскоре после премьеры оперы в Париже, Тургенев, характеризуя исполнение актеров, «первое место» отводит «Виардо, которая в этой роли окончательно стала на одном ряду с своей незабвенной сестрой» (*Тургенев*. Сочинения. Т. 4. С. 459).

[12] В ответном письме от 10 (22) июня Тургенев заметил: «...анекдот, рассказанный мною Вам о барыне, с которой я обедал и которая, нехотя, меня разочаровала, нисколько не относится к той женщине, о которой Вы пишете...» (*Тургенев*. Письма. Т. 3. С. 106).

[13] *Нодье Шарль* (1780—1844) — французский писатель-романтик, автор романа «Жан Сбогар» (1818), которым увлекалась пушкинская Татьяна. Источник цитаты не установлен.

[14] *Канкрина Зинаида Егоровна* (1821—1891) — старшая сестра гр. Ламберт. «Это кроткое, доброе и счастливое создание, — писала о ней гр. Ламберт, — обожает мужа, детей, живет только ими на свете» (*Granjard*. P. 114). В 1844 г. З. Е. Канкрина вышла замуж за гр. Александра Андреевича Кейзерлинга (1815—1891), выдающегося геолога и общественного деятеля. К 1856 г. гр. Кейзерлинг, на время покинув государственную службу, удалился с семейством в свое имение Райкюль в Эстляндии, где занялся хозяйством и долгое время исполнял обязанность предводителя эстляндского дворянства и президента Эстляндского общества сельского хозяйства.

[15] Речь идет о *Софье Яковлевне Веригиной* (урожд. гр. Булгари; 1819—1898), супруге ген.-л. А. И. Веригина (1807—1891) и приятельнице гр. Ламберт, с которой Тургенев через Елизавету Егоровну познакомился в 1856 г. С. Я. Веригина долгое время была попечительницей Николаевского детского приюта, рассчитанного на 120 детей и включавшего сиротское отделение на 30 девочек. На протяжении 1857—1866 гг. гр. Ламберт исполняла обязанности ее помощницы. Впоследствии С. Я. Веригина вместе с гр. Ламберт входила в состав почетных членов Санкт-Петербургского Совета детских приютов.

[16] Муж гр. Ламберт, *Иосиф Карлович Ламберт* (1809—1879), в 1856 г. был в чине полковника лейб-гвардии гусарского полка.

[17] В первом письме к гр. Ламберт Тургенев признавался: «В г-же Веригиной мне нравится то, что она Вас любит» (*Тургенев*. Письма. Т. 3. С. 93).

[18] В том же письме Тургенев настоятельно рекомендовал Е. Е. Ламберт заняться чтением Пушкина: «Вы мне говорили, что Вы теперь уже почти ничего не читаете. Возьмитесь за Пушкина в течение лета — и я тоже буду его читать, и мы можем говорить о нем» (*Тургенев*. Письма. Т. 3. С. 93). Вопрос о Пушкине, дискуссии о котором, судя по переписке, уделялось немало времени, наиболее ярко обрисовывает характер и позицию гр. Ламберт в отношении литературного творчества. Впервые на это обратил внимание В. А. Громов (см.: *Громов В.* Под сенью Пушкина. Литературные очерки (об И. С. Тургеневе и А. С. Пушкине). Орел, 2001. С. 75—77). Отзвуки этой полемики с гр. Ламберт отразились в творчестве Тургенева, например, в его повести «Фауст».

[19] Возможно, имеется в виду Л. Н. Толстой, которому принадлежит прозаическое переложение Молитвы Господней. О попытке писателя переложить «Отче наш» графиня могла узнать от Тургенева, тесно общавшегося в это время с Толстым.

[20] *Соломон* — третий царь Израильско-Иудейского царства (ок. 965—928 гг. до н. э.), славившийся, согласно ветхозаветной традиции, необычайной мудростью. Ему приписывается авторство ряда библейских книг: Книги Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, девтероканонической книги «Премудрость Соломона», апокрифических «Завета Соломона» и «Псалмов Соломона». Оставленные Соломоном книги говорят о том, что он был человеком, испытавшим все удовольствия жизни, до конца испившим чашу земных радостей и постигшим суетность всего земного.

[21] Графиня *Мария Николаевна Толстая* (1830—1912), сестра Л. Н. Толстого, супруга В. П. Толстого (1813—1865), с которой Тургенев познакомился осенью 1854 г. в Покровском (имении Толстых, расположенном недалеко от Спасского-Лутовинова) и в которую, по собственному признанию, «едва ли не влюбился» (*Тургенев*. Письма. Т. 2. С. 311). Весной и летом 1856 г. он особенно часто виделся с М. Н. Толстой; о своем намерении встретиться с ней Тургенев сообщил и в письме к гр. Ламберт: «...я здесь почти никого не

буду видеть, исключая одной графини Толстой, сестры литератора, очень милой женщины — но с некрасивыми руками, — а для меня это — если не все, то почти все» (*Тургенев.* Письма. Т. 3. С. 92—93).

[22] Речь идет о *Николае Николаевиче Тургеневе* (1795—1881), с которым Тургенев в годы детства и юности был очень дружен. С 1853 г. Н. Н. Тургенев управлял имениями, перешедшими по наследству к писателю. В своем первом письме к гр. Ламберт Тургенев писал: «Здесь живет мой дядя, добрый и простой человек, который управляет моим имением» (*Тургенев.* Письма. Т. 3. С. 93).

[23] Графиня откликается на следующие слова из письма Тургенева: «Кстати, какие у Вас добрые и милые глаза!» (*Тургенев.* Письма. Т. 3. С. 93).

2

21 февраля (5 марта) 1862 г. Петербург

S. Pétersbourg. 21 Février. 1862.

Нет, милый Иван Сергеевич, моя душа не требует ничего особенного — моя скорбь не есть минутное горе, временное терзанье, отчаяние, за которым следует развлеченье.[1] — Я не забуду никогда — но моя жизнь не без утешенья на земле, потому что мое сокровище на небесах. Ту будет сердце Ваше, сказал нам Небесный Утешитель и Помощник.[2] — Зачем мне уединение, отчуждение от старого, удаление от друзей и братий — мне все нужны. Я всем нужна: — мне теперь все свои, нет чужих людей. — Вы тоже для меня дороги и близки как прежде, но я заметила [в Вас] какое-то разъединение меж нами, точно мое горе стало между нами стеной, точно Вы со мной уже обращаться не умеете. — Вы перестали писать[3] — я на Вас не сердилась и даже не сомневалась в теплом участии Вашем ко мне, но я поняла, что на Вас — человека, преисполненного жизнью земной, — смерть, гроб, ладан, черные покровы наводят [на Вашу душу] такое тяжелое впечатление, что Вы чувствуете одну потребность невольно удалиться от печального зрелища после нескольких слов сожаления и участия.[4] Таких людей я понимаю — я сама — в годы молодости и сравнительного счастья — чувствовала над своей душой этот самый невыразимый гнет ужаса и тоски перед картинами разрушенья, перед тем, что напоминало о скоротечности наших дней, наших чувств; — точно перед развенчанным королем — с какой-то неловкостью и высоким почитанием к высокому горю, удалялась я тоже от скорбящих. Слезы пугают людей — я не плачу или плачу одна. — Я не сожалею о том, что он рано ушел в лучший мир, куда его молитвы мои и многих людей провожают ежедневно — он ушел *моим*, молодым, еще добрым — не отвык он от матери — не привязался он еще крепкими узами ни к чему — ни к кому другому — ушел он еще ребенком душой и почти телом — взят он был от тревог, от бурей, от напастей — чем бы он кончил — Бог один знал, что было для него и для меня лучше — так Бог и сделал.

На этот раз не могу [я] больше писать — вообще — хотя моя жизнь потекла своим прежним порядком, не могу я еще привыкнуть к пись-

мам. — Я говорю обо всем — не могу я ни о чем писать — меня одно только и занимает, а я не хотела бы надоесть никому своими чувствами и одним и тем же разговором.

Пишите Вы — не забывайте меня.

Ваш искренний друг Е. Л.

Муж Вам сердечно кланяется.

Благодарите Полиньку[5] за письмо — когда-нибудь соберусь ей отвечать.

[1] Е. Е. Ламберт отвечает на письмо Тургенева от 14 (26) февраля 1862 г., в котором писатель высказал опасение, что после постигших семью графини несчастий — смерти сына, скончавшегося 3 (15) ноября 1861 г. в возрасте 17 лет, предшествовавшей ей 29 октября (10 ноября) в Париже смерти брата В. Е. Канкрина, а также неприятностей, сразивших деверя К. К. Ламберта, и тяжелой болезни младшего брата О. Е. Канкрина — она решит отказаться от переписки с ним, чувствуя «потребность уединиться, отвернуться от всего», что ее прежде занимало: «Скажите мне одно слово — и я пойму, что мне следует делать. Если Вам теперь действительно нужно уединение, я не стану Вас тревожить <...>» (*Тургенев.* Письма. Т. 5. С. 21).

[2] Имеются в виду следующие слова из Нагорной проповеди Иисуса: « ... ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (ср.: **йдѣже бо єсть сокровище ваше, тѹ̀ бѹдєт й сердцє ваше**) (Мф. 6: 21).

[3] Графиня сетует на почти трехмесячный перерыв в переписке, наступивший вскоре после похорон В. Е. Канкрина, состоявшихся 23 ноября (5 декабря) на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге. Предшествующее письмо было написано Тургеневым 10 (22) декабря 1861 г. и, по-видимому, осталось без ответа.

[4] В ответном письме от 2 (14) марта Тургенев писал: «...прочтя Ваше письмо, я и порадовался и опечалился и — грешный человек! — подумал: увы! для чего я не такой, каким меня воображает графиня — для чего я не человек, „преисполненный земной жизнью“ и преданный ей! Это сожаление и грешно и странно — но я не могу от него избавиться — и если я еще не успел приникнуть мыслью к неземному, то земное *все* давно ушло от меня — и я нахожусь в какой-то пустоте, туманной и тяжелой — и уже нисколько не расположен отворачиваться от картин разрушения, черных покровов, горя и т. п. В этом отношении я могу вполне Вам сочувствовать, и Вы напрасно воображаете, что Ваша печаль стала *стеной* между нами» (*Тургенев.* Письма. Т. 5. С. 27—28).

[5] Речь идет о дочери Тургенева — *Полине Тургеневой*, в замужестве Брюэр (1842—1919), с которой гр. Ламберт познакомилась в Париже в середине августа 1860 г. и которой очень симпатизировала. Завязавшиеся между ними дружеские отношения поддерживались после отъезда гр. Ламберт из Парижа регулярной перепиской (по-видимому, полностью утраченной). Живое участие гр. Ламберт в судьбе Полиньки нашло отражение и в ее переписке с Тургеневым.

3

6 (18 февраля) 1863 г. Петербург

С.-Петербург. 6 февраля 1863.

Добрый мой Иван Сергеевич — одно только могу я Вам сказать, что я Вас очень люблю и притом искренно Вам благодарна за Ваше письмо:[1] — не прибрать мне к этим милым строкам подобающего прилагательного. Вы не поняли моего письма к Полиньке — не могла я

сказать, *ни подумать*, что желаю отказаться от переписки с Вами. Это значило бы лишить себя немалого утешения — и сколько я не состарéлась, сколько не чувствую себя равнодушной к многим радостям жизни — все-таки есть во мне какой-то тлеющий огонек — что-то теплое для тех друзей, которых я разлюбить и забыть не в состоянии. Да зачем же забыть. — В стенах монастырских и под черной рясой бьются сердца неотжившие, и наша высокая Материнская Церковь не воспрещает оставить за собой то чувство, очищенное и святое, которое <по>мимо надежды и веры, — *конец имущих на Земле* — последует за нами в Отечество души. Я Вас буду любить (и не считаю добрым отвыкнуть от любви), я Вам буду писать. Вам показалось, что я хочу оторваться от прошедшего, сузить и окоротить себя во всем. — Не то я хотела выразить, той мысли, что не могу более писать, *даже к Вам*. Я себе не запрещаю сердечную беседу и не вижу вреда для души в таком препровождении времени, но я боялась Вам надоесть — (иначе оно и не может быть!) — не имея более тех живых впечатлений, тех дум, тех умственных интересов, которыми, бывало, так охотно делилась с Вами. Все это прошло безвозвратно, и я поняла, что отношения мои к Вам, если не переменились в сущности, то измениться должны были в видимых проявлениях, т. е. любить я все-таки могла Вас попрежнему, а писать было уже незачем, потому что рассказывать [мне] Вам было нечего. Один раз я о Вас вспомнила и невольно улыбнулась при мысли, что можно и мне выяснить Вам кое-что от русского характера в странных обстоятельствах — j'ai un petit asile de Filles Repenties[2] — pour recueillir celles qui veulent rentrer dans la voie du bon[а] — извините опять по-французски. Когда я принимаю новую кающуюся, то сама с ней говорю, объясняю ей новые обязанности и представляю гнусность прежней жизни. Приходит 16-летняя девушка, промышляющая с 15-летнего возраста непотребством — le mot est technique[б] — чему я не выучилась на старости лет. «Тебя что привело в приют?» — «Да вот, матушка, мы с *девицами* сидели накануне Рождества — в баню-то хозяйка отпустила, а когда стали проситься и к Заутрене великой, отказала. С той поры задумала убежать от нее». Пустится француженка, англичанка на грех, это потому что Бога забыла, а русская из дома терпимости отпрашивается к Заутрене! — что это? смирение или верх бесстыдства! — Другая из них по истечению срока в Приюте отдает себя на поруки 15-летнему сыну! — я отказала такому поручателю.

Я больна, страдаю горлом — доктора запрещают говорить, что будет со мной. Впрочем, мое земное счастье такого свойства, что целиком можно было бы его перенести на то серенькое, а все-таки светлое небо. Солнце проглядывает сквозь тучи, на которые я теперь смотрю с чувством умиления и любви.

[а] есть у меня приют для раскаявшихся девиц — чтобы принимать тех, кто хочет вернуться на праведный путь (*франц.*).

[б] зд.: так сказать (*франц.*).

Прощайте; я Вам передаю поклон мужа. Поцелуйте Полиньку и не забывайте

Вашего искреннего друга
Е. Ламберт.

Remettez cet album à votre fille.[в]

[1] Имеется в виду письмо Тургенева от 17 (29) января 1863 г., в котором упоминается не дошедшее до нас письмо Е. Е. Ламберт к его дочери Полине. По-видимому, в этом письме графиня писала о своих душевных страданиях, связанных с утратой сына, и о вызванном ими стремлении к большему уединению, следствием которого явилось наступление некоторого отчуждения в отношениях между ней и многими прежними друзьями, в том числе и Тургеневым. Это письмо гр. Ламберт писатель неверно истолковал как проявление «отчуждения ото всего прошедшего» и желание полностью прекратить общение с ним: «Я не смею даже пытаться нарушить Ваше решение — никто не имеет права трогать заветные струны чужой души, даже самой близкой: — но Вы мне позволите подавать иногда о себе весть <...>» (*Тургенев.* Письма. Т. 5. С. 143). Смерть сына явилась тяжелым ударом для гр. Ламберт, еще более укрепив в ней религиозное направление духа. Как вспоминала Н. В. Стасова, «в отчаянии от потери единственного, 18-летнего сына, и много настрадавшись от личных несчастий, она искала какой-нибудь деятельности, которая была бы полезна для других и способна была бы поглощать всю ее жизнь» (см.: *Стасов В.* Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 82).

[2] Речь идет о приюте Св. Магдалины при Калинкинской больнице, первом приюте для падших женщин, открытом графиней Ламберт в 1862 г. в Петербурге на собственные деньги. В дальнейшем подобные приюты открылись еще в некоторых городах. В них содержалось небольшое количество женщин (20—25), находивших здесь на несколько месяцев приют. Их обучали грамоте, закону Божию, швейному делу или огородничеству. В своих «Записках» Н. В. Стасова приводит любопытные сведения об устройстве и порядках, принятых в доме для «магдалин», в котором ей самой довелось проработать два года в начале 1860-х гг. «Туда поступали для того, чтобы избавиться от страшного „желтого билета", полицейско-медицинского. Несчастные девушки желали сбросить с себя весь ужас своей горькой жизни и начать опять заработок честным трудом. Конечно, туда приходили добровольно, конечно, очень многие приходили с трудом, хотя желание было у них и сильное, но сбросить жизнь безобразную очень, очень трудно: там была роскошь грязная и праздность жестокая, там они ходили в шелку, бархате, здесь в ситцевых платьях и толстом белье; там — вино, здесь — вода; там — ничегонеделанье и постоянное гулянье, катанье и так далее, здесь — работа с 7 часов утра и регулярная жизнь. Все это бы ничего, надо было, конечно, приучать их к трудовой жизни, от которой они совершенно отвыкли, но нельзя было только что поступавшим читать все только моральные книги, над которыми они подсмеивались, зевали и, можно сказать, засыпали. А главное, нельзя было так сразу лишать их совершенно свободы. Их запирали в дом и выпускали лишь в сад домовый, и в комнатах даже следили за каждым их шагом: это было многим невмоготу. Очень редкие могли выдерживать такое испытание, многие уходили». Несмотря на столь суровые условия, многих девушек, как отмечает Стасова, «удалось поставить на ноги и дать совершенную свободу» (Там же. С. 82—83).

[в] Передайте этот альбом вашей дочери (*франц.*).

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК С. И. СНЕССОРЕВОЙ «НА ПАМЯТЬ ДРУГУ»

Публикация Е. М. Аксененко

Автобиографический очерк «На память другу» Софии Ивановны Снессоревой (1815 или 1816—1904) написан в 1877 г. и является переработкой более ранней ее автобиографии, сохранившейся в фонде Е. Н. Ахматовой (Рукописный отдел Пушкинского Дома)[1] и опубликованной в очередном томе «Полного собрания творений Святителя Игнатия Брянчанинова».[2] Публикация первой редакции автобиографии и публикуемый в настоящем издании ее поздний вариант не только восстанавливают забытое после революции, но практически открывают имя до сих пор неизвестной самобытной духовной писательницы второй половины XIX в. Несколько лет назад В. В. Афанасьев, републикуя на страницах журнала «Москва» одно из наиболее популярных произведений С. И. Снессоревой — повесть «Дарьюшка-странница», отмечал в предисловии, что сведений о жизни автора «найти пока не удалось».[3] Благодаря обнаруженным в Рукописном отделе биографическим документам С. И. Снессоревой, стали известны основные события жизни и незаметный литературный подвиг этой скромной и неутомимой труженицы, проработавшей на литературной ниве почти полвека.

В документах Литературного фонда за 1877 г. (ф. 155, не обработан) и фонда Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам за 1895 г. (ф. 540, оп. 2, № 352) сохранились прошения С. И. Снессоревой о денежных пособиях. Публикуемый очерк писательницы «На память другу» вместе с перечнем ее литературных произведений и переводов прилагался к письму-прошению от 4 ноября 1877 г. в Литературный фонд. К этому времени Софии Ивановне уже исполнилось 62 года, и она без малого тридцать лет — с конца 1840-х годов — переводила для журналов «Библиотека для чтения», «Собрание иностранных романов», «Отечественные записки», «Дело и отдых» и других. Составленный ею список переводов насчитывал более семисот произведений!

---

[1] РО ИРЛИ, ф. 12, № 158. 18 л. (1871 г.).

[2] *Снессорева С. И.* <Автобиографическая записка> / Подгот. текста, публ. и коммент. Е. М. Аксененко и Е. А. Павликовой // Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений. М.: Паломник, 2003. Т. 5. С. 539—554.

[3] *Снессорева С. И.* Дарьюшка. (Очерк жизни русской странницы) / Вступит. статья В. Афанасьева // Москва. 1994. № 7. С. 203.

© Е. М. Аксененко, 2005

Оригинальная же литературная деятельность Софии Ивановны началась с середины 1860-х годов. К моменту обращения в Литературный фонд она составила несколько жизнеописаний: «Русская странница Дарьюшка» (СПб., 1864); «Игумения Феофания (Готовцова), основательница Санкт-Петербургского Воскресенского монастыря» (СПб., 1868); «Святой Иоанн Дамаскин» (СПб., 1876), а также брошюру «Кончина преосвященного епископа Игнатия (Брянчанинова)» (СПб.,1867).

Просьба Софии Ивановны о пособии была удовлетворена: с июля 1878 г. она получала от Литературного фонда небольшую пенсию — по 120 рублей в год, которая с 1 января 1881 г. была увеличена до 300 рублей. С открытием в 1895 г. Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам, приоритетным направлением деятельности которой являлась помощь журналистам и работникам печати, С. И. Снессорева, как ветеран периодической печати, обращается с прошением о единовременном пособии, в связи с болезнью. В своем просительном письме в Постоянную комиссию писательница кратко повторяет основное содержание автобиографического очерка «На память другу», дополнив перечень своих сочинений написанными за эти годы новыми произведениями. Пенсия, получаемая от Литературного фонда, освободила ее от необходимости зарабатывать на «хлеб насущный» переводами, и София Ивановна полностью посвящает себя духовной литературе. За это время она подготовила обстоятельное историческое описание Санкт-Петербургского Воскресенского женского Новодевичьего монастыря (СПб., 1887. Ч. 1—3); жизнеописание — «Монахиня Ангелина (в миру Александра Филипповна фон Розе), основательница Свято-Троицкого Общежительного женского монастыря» (СПб., 1888). Вершиной ее самобытного творчества стала замечательная книга «Земная жизнь Пресвятой Богородицы, с описанием святых чудотворных ее икон...» (СПб., 1891). Второе издание книги Снессорева завершила в 1897 г., на 82 году своей жизни. Книги С. И. Снессоревой неоднократно переиздавались и были предложены для приобретения в библиотеки учебных заведений, последняя же рекомендовалась священникам в качестве пособия для подготовки проповедей.

В документах Постоянной комиссии сохранились расписки С. И. Снессоревой в получении назначенной ей ежемесячной пенсии в 35 рублей. Из этих же расписок следует, что последние годы она жила в Пятогорском Богородицком общежительном женском монастыре под Петербургом, где умерла 5 ноября 1904 г. и там же была погребена. Последнее письмо С. И. Снессоревой, написанное в Постоянную комиссию за две недели до смерти — 23 октября 1904 г. — удивляет душевной ясностью и предчувствием близости перехода в жизнь вечную: «Постигшая меня болезнь и 90-й год жизни моей обязывает меня позаботиться на случай моей кончины. Зная скудость средств монастыря, где я живу 9-й год, прошу причитающуюся мне пенсию из императорской Академии наук,[4] сколько окажется по день кончины моей, выдать на мои расходы настоятельнице Пятогорского Богородицкого монастыря или кому она доверит получить. Вдова титулярного советника София Снессорева». Постоянной комиссией было выслано на погребение писательницы 5 рублей 85 копеек.

Вернемся к публикуемому тексту автобиографического очерка. С. И. Снессорева называет его «На память другу». Трудно сказать, действительно ли она адресовала свой рассказ реальному лицу или это лишь дань выбранной ею художественной форме, которая помогла сгладить требуемый официальный характер изложения биографии и обстоятельств, побудивших писательницу обратиться за помощью. С. И. Снессорева отнеслась к написанию очерка со свойственной ей добросовестностью. На 15 листах она

[4] Постоянная комиссия для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам (1895—1921) — одна из крупнейших государственных благотворительных организаций, имела статус академического учреждения. Возглавлял ее президент Академии наук великий князь Константин Константинович.

описывает свою личную и литературную судьбу и рассказывает о людях, с которыми сводили ее драматические жизненные обстоятельства. Среди них немало крупных деятелей и известных имен: император Александр II, военный деятель А. А. Вельяминов, знаменитый врач Н. И. Пирогов, общественный деятель и мыслитель Н. В. Станкевич, редакторы О. И. Сенковский, Е. Н. Ахматова, а также многие другие литераторы и журналисты. Обо всех она пишет с любовью, теплом и благодарностью за любую оказанную ей помощь. Повествование ее достоверно и практически не содержит искажений фактов или неточностей. Но, сосредотачиваясь преимущественно на описании внешних событий своей жизни, автор оставляет за рамками повествования очерка «На память другу» ее внутреннюю сторону. Так, имя епископа Игнатия (Брянчанинова), духовной дочерью которого была София Ивановна, упоминается лишь вскользь: в связи с написанной ею со слов очевидцев небольшой брошюркой о последних днях жизни Святителя. Между тем их связывало не только многолетнее духовное, но и литературное общение. В частности, София Ивановна была деятельной помощницей Святителя при подготовке к изданию его собрания сочинений.[5]

В гораздо большей степени внутренняя жизнь С. И. Снессоревой нашла отражение в ранней редакции очерка, упомянутой выше. Безымянный документ этот, для удобства названный в публикации Автобиографической запиской, представляет собой черновой автограф, написанный от третьего лица рукой Снессоревой. Последовательность изложения основных событий жизни Софии Ивановны в ранней и поздней редакциях совпадают, но в первом случае автор смотрит на них взглядом изнутри, освящая каждое событие своей нелегкой жизни светом глубокой веры. Только такой взгляд может дать объяснение кардинальным переменам, произошедшим в литературной судьбе С. И. Снессоревой, и рождению ее как духовной писательницы на рубеже 50-летнего возраста. Восполняя отсутствующую в поздней редакции автобиографии — публикуемом очерке «На память другу» — эту внутреннюю сторону событий, мы приводим в примечаниях параллельные места из его ранней редакции.

Автор выражает глубокую благодарность Е. А. Павликовой за помощь в выявлении в периодических изданиях переводов С. И. Снессоревой.

На память другу

Я родилась в 1816[1] году, в Воронеже; у родителей моих, Руновских,[2] было очень небольшое состояние и очень большое семейство: шесть сыновей и шесть дочерей.[3] Всех нас учила читать мать наша, в награду за грамотность — отец благословлял каждого из нас Евангелием. После этого мы переходили на руки старшей сестры, которая с шестнадцатилетнего возраста посвятила себя на дело умственного развития детей. Кроме того, у нас в доме постоянно жил один из лучших студентов семинарии до выпуска своего; сам учась и воспитываясь, он и нас учил, как его учили, храбро передавая нам слышанные лекции от профессоров, не разбирая ни лет, ни пола: мальчики и девочки учились и богословию, и по латыни, и математике.* Как теперь помню: всякое

[5] О литературных связях Святителя Игнатия и С. И. Снессоревой см.: Письма Святителя Игнатия Брянчанинова к С. И. Снессоревой / Предисловие, подгот. текста, публ. и коммент. Е. М. Аксененко // Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений. М.: Паломник, 2003. Т. 5. С. 487—538.

* Только раз в жизни пригодилась мне противная латынь: в 1846 году удалось мне приготовить беднейшего мальчика в 4 класс гимназии — помнишь ли О. Плотн.? Он и теперь находится где-то на Волге учителем в гимназии и чуть ли не латинского языка.

утро поднимались мы не позже шести часов; до семи часов вместе с учителем пили чай, а ровно в семь сидели кругом стола в классной; пред нами юноша, лет 18, ораторствовал, передавая нам тот урок, который в это же утро должен повторить пред своим профессором. Зимою все это происходило при свечах, потому что он уходил в семинарию в 8 часов, и, возвращаясь после утренних классов в 12 часов, находил нас опять за столом, чтобы до обеда (в 2 часа) выслушать его свежие впечатления после нового урока. Все это происходило при невообразимой тишине и внимательности никогда менее полудюжины детей,* от 10 до 16-летнего возраста; потому что наши уроки постоянно происходили в присутствии отца или матери, часто приходивших на помощь юному профессору, когда ему самому случалось сбиваться.

Когда старших братьев отец отвез в Петербург для помещения в учебные заведения, меня отдали в пансион г-жи Депнер,[4] где я училась с 1829 до 1834 года, с некоторыми перерывами. В те времена Воронеж славился превосходными педагогами, как в гимназии, так и в семинарии: достаточно назвать имена П<авла> К<ондратьевича> Федорова[5] и Александра Алексеевича Попова,[6] лучших преподавателей и содержателей Благородного мужского пансиона. Анненков,[7] написавший подробную биографию Станкевича,[8] верно изобразил то время и те стремления. Между наставниками и учениками была крепкая связь: у них были одни и те же идеалы — любовь к Богу, любовь к ближнему, любовь к науке.

Если когда-нибудь придет тебе охота узнать, как проживала я свою учебную молодость, прочти биографию Станкевича. У меня был один товарищ и друг на учебном поприще: Ник<олай> Влад<имирович> Станкевич.[9] Одни и те же были у нас наставники; под одним и тем же руководством мы развивались, и оба были любимыми детьми нашего любимого наставника Попова, не жалевшего ни времени, ни трудов, чтобы доставлять нам разнообразные познания, которых жаждали наши молодые умы. Он находил даже много сходства между нами, как в физическом, так и в нравственном отношениях и мы всегда были первыми учениками в его старших классах!**

Со смертью отца[11] наступили тяжелые годы для матери — вдовы с небольшими средствами и девятью детьми на руках (трое умерли)! Сыновья (5) требовали поддержки до окончания курса и поступления на

---

* У родителей моих всегда воспитывалась какая-нибудь сиротка как дочь; они не делали различия между нами. В числе наших сирот была мать знаменитого художника Ге (*Ге Николай Николаевич* (1831—1894) — русский живописец. — *Е. А.*) — Елена Яков<левна> Садовская, вышедшая за Ге.

** Помнишь ли, как я совсем больная, была отправлена Пироговым в Гельсингфорс (Хельсинки. — *Е. А.*) в 1846 году, и как однажды, совсем неожиданно вышла к нам незнакомая дама, тотчас бросилась обнимать меня и заливаясь слезами, крепко душила меня в своих объятиях? Это была сестра Станкевича Над<ежда> Вл<адимировна> Вульферт, которую я никогда не видала прежде (всегда в деревне жила), но много слышала о ней от Николая Вл<адимировича>, как о самом ближайшем друге. От нее я узнала, что он всегда сохранял мой рисунок карандашом, подаренный мною ему <1 нрзб.> в 1831 году, и что до самой смерти он вспоминал с тихою улыбкою «о своей первой, о своей чистой любви к милому товарищу учебных лет». Мир праху милых людей! Светлая память о них сохраняется в сердцах переживших их друзей!.. и сколько отрады в этих воспоминаниях.[10]

службу; мы, дочери, помогали матери, насколько сил и уменья хватало для трудовой жизни. Едва минуло мне 18 лет, когда я уехала в курскую деревню в качестве воспитательницы единственной дочери Киреевских.[12] Это было в 1834 году.

В 1836 году я вышла замуж[13] за человека богатого только умственными капиталами и прекрасною наружностью — и уехала с ним в Петербург.[14] Тут пришлось нам переживать старую-престарую историю всех, внимающих только голосу сердца и не покоряющихся расчетам рассудка. Ведь я всегда была плохим математиком, и семинарская алгебра не вывезла! Известная вещь: чем больше любишь, тем больше страдаешь, смотря на лишения и заботы любимого человека. К счастью, муж скоро заслужил доброе расположение Н. А. Полевого[15] и В. Романовича[16]: они предложили ему литературную работу. К этому времени он поступил уже на службу в М<инистерство> в<нутренних> дел.[17] Пока он сидел в департаменте, я не поднимала головы с переводов, а вечером он поправлял и переписывал мною переведенное. Первый опыт наших переводов появился в Энцик<лопедическом> Словаре Плюшара[18] под буквою «Г».[19] Кроме того те же благородные друзья доставляли переводы и от Масальского,[20] издававшего отдельные романы. В то же время мой земляк Кашкин,[21] замечательный самоучка из ворон<ежских> мещан, хорошо принятый в доме моих родителей и всегда восхищавшийся моими ученическими успехами в музыке, заказал мне перевод фортепианной школы Калкбреннера[22] за 150 р. с.

В 1838 году жестокая простуда уложила меня; доктора произнесли надо мною смертный приговор: с разлитием Невы должна развиться чахотка, если не увезут меня немедленно из Петербурга; молодость и хорошее сложение могут одолеть болезнь. Муж мой поспешил принять первое предложенное ему место,[23] и увез меня из Петербурга в Астрахань.

С 1838 до 1842 года прожили мы на знойной окраине России — годы мучительно-жгучих ощущений во всем, что дорого сердцу. В эти четыре года я похоронила сына, двух дочерей и наконец мужа.[24] У меня сделалось воспаление в мозгу. После многих дней мрака первые слова сына донеслись до моего рассудка. Ему было три года;[25] на коленях пред ним стояла его крестная мать, незабвенная, благороднейшая женщина, Соф<ия> Фед<оровна> Тимирязева,[26] и стараясь утешить его, предлагала ему игрушки и лакомства, а он с громким плачем, цепляясь за меня, повторял: «Не хочу, ничего не хочу! маму одну мне надо!» Эти слова были гальваническим током, воскресившим во мне чувство матери: я хотела только умереть, а крошка-сын требует только мать!.. Жизнь рассудка и сердца вдруг забилась живою струею!

С тех пор потекли долгие годы непрерывных трудов и самозабвения. Никаких средств к жизни у меня не оставалось: чтоб удовлетворить потребностям больного мужа и потихоньку от него, все вещи, даже мои платья, были проданы. Кроме того после него оставалось три тысячи долгу.*

---

* Уплачиваемый мною более, чем в течение двадцати лет: так трудно уплачивать из заработков!

Первые годы вдовства я учила детей то в Саратовских степях, то в Курских черноземах. В конце 1845 года я поехала в Петербург: сыну моему минуло семь лет, а у меня стала развиваться жестокая болезнь глаз. Не торгуясь с своими силами и вся отдаваясь своим обязанностям, я работала часто не под силу.[27] Следствия воспаления в мозгу возобновлялись; мучительные головные боли одолевали меня; началась парализация уха и глаза; мало-помалу болезнь усиливалась и распространялась на всю правую часть,[28] и к этому присоединилось мучительное страдание от светобоязни. Все это привело меня к сознанию необходимости расстаться с сыном и спешить помещением его в учебное заведение. Не буду говорить, сколько забот и слез мне это стоило: он разделял со мною все печали и лишения, и услаждал мое тяжкое бремя жизни своею любовью и талантливостью. Да благословит его Бог!.. Один только человек сжалился над моим беспомощным положением в 1845 году: Государь, тогда Наследник Цесаревич, поместил моего сына в гимназию воспитанником своего старшего сына Николая Александровича.[29]

Целый год прошел в невыносимых страданиях в глазах, соединенных с светобоязнью: я не могла уже работать. Гениальному Пирогову[30] и его доброжелательному участию я обязана за облегчение моих страданий; по крайней мере, я избавилась от светобоязни. Не теряя времени, я стала давать уроки.[31]

Трудна жизнь учительницы в Петербурге: плата небольшая, пространства огромные. Зимою трудно преодолевать холод и непогоду, чтобы всюду поспевать вовремя; летом и того хуже: ученицы разъезжаются по дачам; извощики непомерно дороги. Приходилось вставать в пять, чтобы пешком поспевать к 9 часам утра в Лесной или на Аптекарский.[32]

В 1849 году я получила работу в «Биб<лиотеке> для чтен<ия>».[33] Легка и приятна была работа при таком редакторе, как О. И. Сенковский.[34] Он сам выбирал статьи; своею рукою на полях оригинала писал по-русски все иностранные имена, всякое техническое выражение; сам делал сокращения в оригинале и внушал своим переводчицам, что каждую фразу выше понимания следует выписывать на полях, оставляя для нее пустое место в переводе. В день выхода книги он сам посылал с своим рассыльным деньги сотрудникам своим. Хороший он был человек, вежливый и добросовестный редактор, умевший ценить труд каждого труженика и делиться с неимущими от избытков своего труда. В «Б<иблиотеке> для чт<ения>» я работала при Сенковском, Дружинине,[35] Старчевском,[36] Зарине[37] и Боборыкине.[38]

Ад<елаида> Ал<ександровна> Сенковская[39] писала свои сочинения по-французски, и почти все поручала мне передавать на русский язык. С согласия Ос<ипа> И<ванови>ча и за год до его смерти Ад<елаида> Алек<сандро>вна просила меня взять на себя огромную работу: она избрала меня исполнительницею давно задуманного ею труда: она пыталась нарисовать истинный портрет своего мужа. Она всегда писала на четвертушках почтовой бумаги, «приготовляя, как она говорила, канву по-французски, а меня заставляла выводить узо-

ры по-русски». Все рассуждения, подробности фотографической наблюдательности были приготовлены Сенковскою; многие разговоры и события вставлялись мною по ее рассказам. Уладив какую-нибудь главу, я прочитывала ей, переделывала по ее указанию и опять переписывала. И конца не предвиделось этой работе, потому что Ад<елаида> Ал<ександровна>, видимо, наслаждалась ею, а Ос<ип> Ив<анович> был радехонек, видя ее довольною и покойною; оба благодарили меня, обещая, что труды мои не будут потеряны. Мне известно из рассказов Ад<елаиды> Ал<ександровны>, что все описываемые ею лица — портреты живых людей, но я никого из них не знаю, кроме барона Мышицкого (Ос<ипа> Ив<ановича>) и жены его Ад<елаиды> Алек<сандровны>. Я назвала его Мышицким, потому что одна из его бабушек была княжна Мышицкая и игуменьей в каком-то католическом монастыре, а бароном в честь Брамбеуса. Вообще, имена почти всех действующих лиц были мною придуманы, потому что Ад<елаида> Ал<ександровна> мне поручила окрестить их. Это не роман, а какая-то фотография. Я спросила у Ад<елаиды> Ал<ександровны>, как же назвать его? — «Соперницы», — отвечала она. — «Мои». — «У меня соперниц никогда не было, — отвечала она с гордостью, — все они проходящие метеоры, ревновали друг друга, жаловались мне друг на друга и называли друг друга соперницами. Все это забавляло меня, но никогда не возбуждало во мне ревности. Ревновать значило бы не уважать себя и не любить мужа, а я всегда гордилась моим мужем и берегла его славу и здоровье, как мои лучшие сокровища. Я знаю, меня бранят и считают эгоисткой, не умеющей понимать его достоинства. Но это не верно: я живу только его любовью. Никому из них и в голову не приходит, что для любимой и любящей жены приятно оставаться в тени, чтобы наслаждаться ярким светом, озаряющим ее мужа. На вас надеюсь, что вы, никого из них не зная, поможете мне написать „Соперницы“. Ведь это будет вполне хорошим делом: этим, надеюсь, многое выяснится в характере Ос<ипа> Ив<ановича>ча, да и, может быть, вовремя приостановит женщин, так охотно летящих на чужой огонек и столь лакомых до знаменитостей. Не отказывайтесь, прошу вас, возьмите на себя этот труд!»

А трудов было много: иной раз приходилось по три раза переделывать и переписывать, пока Ад<елаида> Ал<ександровна> удовлетворялась.

Сенковский умер; жена его жила желанием издать избранные его сочинения,* написать его краткую биографию и напечатать «Соперницы», надеясь этою книгою расплатиться за мои двухлетние труды (1858—1859). За 15 месяцев, пережитых ею после мужа, она успела напечатать его сочинения в десяти томах, и написать его биографию; смерть постигла ее, когда на первых порах она приготовляла к печати «Соперниц». Она оставила духовное завещание, в котором между прочим назначала и мне 300 или 400 экз<емпляров> (по десяти томов в ка-

* Вот почему она терпела все лишения и недостатки последний год своей жизни и ничего не оставила после себя, кроме книг.

ждом) сочинений Сенковского и просила своих родных передать мне благодарность за отраду последних дней ее жизни. Всех книг напечатанного ею издания было, если не ошибаюсь, 40 000.*

Между наследниками вышли какие-то недоразумения; пока Плюшар был жив, он хлопотал и за меня и за себя — ему тоже отказано было 400 экз<емпляров> — но с его смертью, никто не вспомнил меня; у меня нет даже ни одного экз<емпляра> на память друзей. Бог знает, кому достались все книги. Я и не хлопотала о получении назначенных мне книг — я так боюсь судебных тяжб! — но мне хотелось получить обратно мои двухлетние труды: «Соперницы». К кому я ни обращалась с этою просьбою: к Брюлову (Ал<ександр> Пав<лович>),[40] к Плюшару — все обещали, но удовлетворения я никакого не получила: рукопись моя пропала бесследно. К счастью, у меня сохранилась самая первая черновая тетрадь. С моею смертью, вероятно, и она пропадет без вести. Всякому до себя. А это жаль: что бы ни говорили враги, а все же Сенковский много и талантливо потрудился для русской литературы, и очень многое было им сделано на общую пользу. Уж и та велика его заслуга, что он приучил русское общество во всех слоях читать русские книги: в глуши провинции многие полуграмотные выучивались было читать, чтобы самим наслаждаться и других услаждать его сочинениями, возбуждавшими от апатической дремоты своим животрепещущим смехом. Не говорю уже о том, что в то тяжелое время для русской литературы, когда все безмолвствовало от ужасов давления, один он имел мужество говорить и хотя под смехом, а все же высказывать истину. О его ученых трудах, в особенности по восточным языкам, думаю, найдется когда-нибудь благородный деятель на том же поприще, который выскажет о них свое беспристрастное слово, и укажет, как много и успешно пользовались трудами Сенковского преемники его.

Если жизнь его кончилась в тихом домашнем уголку, а не где-нибудь подальше, так этому он обязан Дубельту,[41] первому его поклоннику, читавшему все его сочинения, и всегдашнему его заступнику пред гр. Бенкендорфом[42]... Повторяю, жаль, если пропадут «Соперницы», тем более, что многое объясняется правды в этих очертаниях его характера и общежительных отношений.

С 1856 года до настоящего времени[43] я имею постоянную работу в Собрании иностран<ных> романов.[44] Основанием этого журнала Е. Н. Ахматова[45] решила на деле, тогда еще теоретический, вопрос о женском труде. Она сама трудится без устали и другим женщинам предоставляет возможность жить трудом.[46]

Первый год я переводила для нее с французского; но в 1857 году у Ахм<атовой> не было для меня работы с франц<узского>, а ей был необходим немецкий роман Герстекера[47] «В Америку», в шести частях, переведенный на все языки — она предложила его мне.

В пансионе я усердно училась и по-немецки, но со времени замужества немецкой книги в руках не держала и все перезабыла. Без перево-

---

* На каждой книге она сама прикладывала свою печать.

дов у меня не было средств к жизни, а нужда — великий учитель! Я пригласила молоденькую немку, только что окончившую курс в Анненской школе,[48] с тем условием, что она будет учить меня по методе, придуманной мною для себя. В восемь месяцев я одолела этот трудный роман с разнообразными наречиями немецкого языка.[49] С тех пор много переводила и Рупиуса,[50] и Гаклендера,[51] Андерсена,[52] Гримма[53] и Темме,[54] знаменитого судебного следователя, рассказы которого я все собиралась издать отдельною книгою; но ни средств, ни времени у меня никогда не хватало.

В 1859 году повторилась та же история: моей редакции понадобилась сотрудница с английского языка: для меня не было уже переводов ни с немецкого, ни с французского. Тогда мне минуло уже 43 года; вся правая часть тела парализована и память ослабевала; но борьба за существование возбуждала энергию. Сенковская была моею первою руководительницею в объяснении английского языка.* Профессор Шау,[55] в какие-нибудь 30 уроков, объяснил мне дух и трудности английского языка и самым добросовестным и талантливым способом. С той поры я постоянно перевожу с английского.

На мою долю редко достаются большие романы, которые тем легче переводить, что дорогою свыкаешься со слогом и манерою автора. Мне присылаются мелкие статьи до того разнообразные по содержанию, что чуть не каждая статья предлагает новые затруднения. Из больших романов мне часто присылаются отрывочные главы, когда работа спешная.

Самые мои любимые работы относятся к детскому журналу: «Дело и отдых».[56] Вот лучшие книги, переведенные мною для детей с английского:[57] «Чорная Пантера»,[58] «Рюбен Дэвиджер»,[59] «Записки пажа Чорного Принца»,[60] «Плавание по лесам»,[61] «Коралловый риф»,[62] «Мальчики в плену»,[63] «Школьные воспоминания»,[64] «Горилла или страна таинственности и чудес»[65] и еще множество хороших повестей и рассказов.[66] Некоторые из этих книг были переведены гораздо позже меня г-жою Марко Вовчок.[67]

Несколько лет тому назад я получала довольно много случайных заказов от Зарина и потом Боборыкина: огромный роман Ан. Троллопа «Орлийская ферма»,[68] «Дело темной ночи»[69] и другие. Из «От<ечественных> записок» при Зарине часто присылались мне отдельные главы из разных романов, которые не успевались к сроку их переводчиком. Для «От<ечественных> записок» сделан был мною перевод «Английская литература» Тэна.[70] В журнале Кони[71] — кажется, «Пантеон»[72] — я тоже переводила, но по случаю какой-то катастрофы с ним, не получила ни денег, ни напечатанных переводов; так и пропали труды даром. В «Сыне отечества»[73] помещались иногда мои переводы; в детском журнале Кашпиревой,[74] в «Ниве»[75] и в «Модном магазине»[76] тоже находятся мои переводы.

В ту пору, когда совершался переворот в Италии для освобождения и объединения государства, моя сестра М. И. Тарентани[77] описывала

---

* У меня не было времени выучиться читать по-английски; но книги английские я читаю по-русски почти без труда.

мне подробности совершавшихся в ее глазах событий. По просьбе Дружинина я составляла из этих писем статьи для его журнала «Век».[78] По его словам, все находили, что то были самые животрепещущие описания воскресавшей Италии.

Наконец, я сама попыталась издать «Народные сказки» братьев Гриммов.[79] Вскоре потребовалось второе издание с картинками и политипажами. Эти «Сказки», переведенные мною с немецкого, удостоились помещения на выставке 1870 года,[80] как образец хорошего издания; но не много доставили мне выгоды, так как пришлось продать все издание — 5000 экземпляров по три рубля за каждый — за 500 р<ублей> с<еребром>. Для существования оказывалась крайняя надобность в деньгах, а несостоятельность честного труда пред силою капитала — такая старая история!

По просьбе нашего верного друга О. А. Н.[81] я написала «Дарьюшку, очерк жизни русской странницы», для которой тоже потребовалось второе издание с картинками.[82]

По разным иностранным и славянским источникам я написала «Жизнь Иоанна Дамаскина» и тоже сама издала с картинками.[83]

Два года трудилась я над составлением биографии игумении Феофании Готовцовой, основательницы Санкт-Петербургского Воскресенского монастыря. Вышла книга в 30 листов с портретами и картинами.[84] Все три издания многими считаются полезным чтением для народа и детей.[85]

По желанию родственников покойного епископа Игнатия Брянчанинова я написала, со слов очевидцев, несколько страниц о последних днях его жизни.[86] Небольшое издание разошлось между родными и знакомыми.

Я собрала, насколько это было возможно, коллекцию своих трудов; из них составилось более пятидесяти томов, большая часть которых заключает в себе от 400 до 800 страниц; но есть некоторые гораздо меньше.

Если уже надо выводить мораль из краткого перечня этой труженической жизни, то справедливость требует вывести заключение, что труд переводчицы, даже при благоприятных обстоятельствах, как, например, при дружелюбных отношениях редакторов, прокормит, но не обогатит и даже не обеспечит. Всякий другой труд: модистки, портнихи, прачки — предоставляет более возможности оставить про запас на черный день. Avis aux lectrices[87] спешащих из провинции наводнять Петербург в надежде, что можно благоденствовать на счет переводов: разочарование неизбежно поражает бедных тружениц, за исключением немногих счастливых избранниц. Еще маленькое замечание богатым барыням, которые от скуки и тщеславия переводят на досуге, имея понятное предпочтение в редакциях, чем отнимают кусок хлеба от голодных, не имеющих протекции.

За двадцатилетнюю службу покойного мужа, участвовавшего в экспедициях славного генерала Вельяминова,[88] в качестве чиновника его штаба на Кавказе, и вводившего, по приказанию губернатора Тимирязева, полицейские и административные порядки, до того времени

не известные в Астраханской губернии, я получаю пенсию: 28 р. 59 к. в год. За то, что муж умер при исполнении служебной обязанности, я принята под покровительство Комитета заслуженных гражданских чиновников с назначением пенсии: 89 р. 28 к. в год. На мои просьбы о вспомоществовании в Мин<истерстве> внут<ренних> дел я не получала ответа, а в Комиссии прошений мне было внушено, что по чину мужа (тит<улярный> сов<етник>) и без протекции мне назначат не более десяти рублей: я и не просила.

Родной брат мой, Апол<лон> Ив<анович> Руновский,[89] состоял членом Общества Литературного фонда до своей смерти в Ташкенте, и участвовал некогда в публичных чтениях в пользу Общества. Из его сочинений особенное внимание обратила на себя повесть: «Человек с честными намерениями».[90] Кроме того он писал много о Кавказе вообще и о пленном Шамиле в особенности.[91]

К Литературному фонду я никогда не обращалась:[92] и страшно, и стыдно, и непривычно... Но болезни, усиливающиеся с годами, бремя шестидесяти двух лет, непрерывные труды до изнеможения — берут свое.

Обратят ли внимание господа литераторы, старейшие и счастливейшие бойцы на благородном поприще мысли, — захотят ли они обратить внимание на последнюю, почти никому неизвестную труженицу, честными и многолетними трудами тащившую свою жизнь по тому же бурному морю? С 1834 года начались мои педагогические труды; в 1836 году явились мои первые литературные опыты. Чуть не полвека борьбы и труда дает ли право на вспомоществование от Литературного фонда для существенного облегчения в положении парализованной, почти оглохшей и давно уже работающей с помощью одного глаза труженицы?

Сдается мне, как будто немного и времени придется помогать мне.

---

[1] Точная дата рождения С. И. Снессоревой не установлена. В документах более позднего времени сама София Ивановна называет 1815 год.

[2] Отец — Иван Николаевич Руновский. Из обер-офицерских детей, получил личное дворянство, служа на Кавказе. Внесен в 3-ю часть Дворянской родословной книги Воронежской губернии. В 1826 г. произведен в коллежские асессоры. Мать — Елизавета Ивановна (по-видимому, сирота) была «крестной дочерью генерал-майора и кавалера Ивана Казмича Краснова». См.: Российский государственный исторический архив, ф. 1343, оп. 28, № 3377 (Дело о дворянстве рода Руновских), л. 6, 9, 11 (далее: РГИА).

Ср.: «В свое время Иван Николаевич и Елисавета Ивановна Руновские были полезными и честными деятелями на общественном и семейном муравейнике, где указан был им путь. Не только Воронежская, но и соседние губернии признавали в Иване Николаевиче юриста неподкупной честности и высокого развития и даже незнакомые издалека приезжали, чтобы получить его совет. И если он находил, что дело неправое и не советовал его начинать, то лучше всего было последовать его совету, потому как бы ни был могуч и богат ищущий и как бы ни был беден и беспомощен его соперник, в виде заброшенных сирот или безгласной вдовы, а Иван Ник<олаевич> считал уже своим долгом разыскать их документы и обнаружить истину, не щадя своих трудовых средств и не считая, что обижает детей своих, всегда отдавал чужим сиротам. Звезда ли то была счастливая или Бог помогал бесстрашному воину на поле юридической брани, только Иван Николаевич никогда не держался пословицы „один в поле не воин“ и всегда выигрывал правые дела, за которые только и брался, сильный их истиною. Ну а Елисавету Ивановну знали хорошо все бедные семейства, которые всегда находили легкий доступ к ней и по-

сильную помощь, не разбирая, прав или виноват страждущий». См.: *Снессорева С. И.* <Автобиографическая записка> // Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений. М.: Паломник, 2003. Т. 5. С. 539—540 (Далее: Автобиографическая записка).

[3] Ниже С. И. Снессорева упоминает, что трое из детей умерли. На сентябрь 1827 г. в семье было 9 детей. Сыновья: Николай (14 лет), Михаил (9), Александр (8), Константин (7), Аполлон (4). Дочери: Александра (19), Елизавета (17), София (11), Мария (6) (РГИА, ф. 1343, оп. 28, № 3377, л. 9).

[4] *Деппер Цецилия* — содержала женский пансион в г. Воронеже. См.: Памятные книжки Воронежской губернии на 1856—1861годы. О пансионе София Ивановна писала в автобиографии 1871 года: «Замечательно, что этот пансион существует, начиная от 1829 года до настоящего 1871 года, не имея в основании денежных капиталов, не пользуясь правительственными субсидиями; поддерживается же единственно умственным капиталом этой достойной уважения женщины, одаренной редкой добросовестностью и всеми семейными добродетелями, педагогическими способностями, знанием души и сердца человеческого. Почти полвека отдала она на пользу русских детей, оставляя в сердцах их неподкупную благодарность. Не следовало ли обращать внимание и оценять по достоинству труды подобных деятельниц на русской земле?» (Автобиографическая записка. С. 540).

[5] *Федоров Павел Кондратьевич* — основатель мужского Благородного Пансиона в г. Воронеже, готовившего молодых людей к поступлению в университеты. Одновременно преподавал математику в воронежской гимназии. О методах воспитания и преподавания П. К. Федорова П. В. Анненков, в частности, писал: «Говорить ли о четырехлетнем пребывании молодого Станкевича под надзором весьма умного директора, каким был П. К. Федоров, скончавшийся еще недавно цензором в Москве? Директор обладал искусством управлять детьми без насильственных средств, облегчающих управление в ущерб характеру и нравственности как подчиненных, так и начальников. Всего более поражала воспитанников его стойкость и сильно развитой point-d'honneur, не допускавший придирок и легкомысленных замечаний, откуда бы они ни выходили. Затем обращение его с детьми имело в себе что-то торжественное и эффектное, действовавшее благотворно на молодые умы. Он казался глубоко огорченным, расстроенным и даже больным, когда приходилось разбирать школьнические проделки и изрекать осуждение; он умел также затрагивать самолюбие мальчиков, стыдить их без уничижения, употребляя иронию, к которой дети, может быть, еще чувствительнее, чем взрослые. Все это произвело сильное впечатление на Станкевича, который у директора своего учился даже и математике весьма порядочно» (*Анненков П. В.* Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857. С. 18—19).

[6] *Попов Александр Алексеевич* — известный воронежский педагог, занявший место первого преподавателя и содержателя Благородного мужского пансиона Павла Кондратьевича Федорова.

Ср.: «...все они были не просто учителями-наемщиками, а настоящими пастырями своего стада, которое они любили, и зато как их любили! Они развивали вверенных им детей для того, чтобы из каждого сделать человека, и если где видели добрую землю, тогда не щадили уже своих трудов. Они учили их распознавать добро и зло, бодро вступать в борьбу, всегда готовую встретить в житейском море и не бояться толчков судьбы. Да, это были благодетели, не отнимавшие у детей силы и энергии пустыми словами сомнения и безверия, не производившие скороспелок недозревших: они давали им в руки орудия духовной силы, чтобы побеждать земные немощи. И как дружно, как единодушно они содействовали и друг другу, чтобы дать знание и сохранить доброе чувство в ребенке. Светлая память сохраняется о них в переживших их воспитанниках!» (Автобиографическая записка. С. 540—541).

[7] *Анненков Павел Васильевич* (1813 или 1812—1887) — критик, историк литературы, прозаик, мемуарист. Хорошо знал многих выдающихся современников: Н. В. Гоголя, В. Г. Белинского, И. В. Киреевского, А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Друг и литературный советчик И. С. Тургенева. Активно участвовал в организации Литературного фонда.

[8] *Анненков П. В.* Николай Владимирович Станкевич. Биографический очерк // Русский вестник. 1857. Т. 7, № 1. С. 441—490, 695—748; Т. 8, № 2. С. 357—398. Отд. изд.: *Ан-*

ненков П. В. Николай Владимирович Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857 (на обл. 1858). С. 1—237 (первая пагинация).

[9] *Станкевич Николай Владимирович* (1813—1840) — мыслитель, литератор. Родился в селе Удеревка Острогожского уезда Воронежской губернии. Двенадцати лет, в 1825 г., Станкевича перевезли в Воронеж и поместили в Благородный пансион, основанный П. К. Федоровым, где он провел четыре года. В 1830 г. переехал в Москву и поступил на словесное отделение Московского университета. Основал в 1832 г. литературно-философский кружок, участниками которого в разные годы были В. Белинский, К. Аксаков, М. Бакунин, М. Катков и др.

[10] Этот эпизод биографии Станкевича упомянут в очерке П. В. Анненкова: «До самого отъезда своего за границу, в 1837 году, он (Н. В. Станкевич. — *Е. А.*) сберегал в бумагах своих цветок, нарисованный нетвердою женскою рукой, с подписью: „К...". Живописец была девочка, с которою Станкевич танцевал на так называемых актах пансиона и которую встречал в женском учебном заведении Воронежа, посещая сестру свою, которая там воспитывалась. Детская привязанность эта была, однако же, такого свойства, что глубоко врезалась в душу обоих и с трудом поддавалась уничтожающему действию времени. Еще в 1834 году, накануне Светлого Праздника, Станкевич вспоминал об этой привязанности, как о самом чистом и дорогом подарке своей первой молодости. И теперь в глуши степной деревни, может быть, есть женское существо, с умилением обращающее мысль к той поре первых волнений чувства...» (*Анненков П. В.* Николай Владимирович Станкевич. С. 20—21).

[11] Ср.: «Со смертью отца в 1832 году, наступили тяжелые годы для матери, оставшейся с девятью пережившими отца детьми» (Автобиографическая записка. С. 541).

[12] Установить, о каких Киреевских идет речь, не удалось.

[13] 17 апреля 1836 г. во Введенской церкви г. Воронежа состоялось венчание Софии Ивановны и Аполлона Васильевича Снессорева (Снесарева) — коллежского секретаря, который в то время служил письмоводителем воронежского комитета о земских повинностях (РГИА, ф. 1343, оп. 29, № 4595 (Дело о дворянском происхождении рода Снесаревых), л. 46 об., 51).

[14] По данным «Формулярного списка о службе», А. В. Снессорев через полмесяца после бракосочетания, 4 мая 1836 г., был уволен от должности по прошению (Там же, л. 46 об.).

[15] *Полевой Николай Алексеевич* (1796—1846) — писатель, журналист, критик. Основал в 1825 г. журнал литературы, критики, наук и художеств «Московский телеграф», который был запрещен в 1834 г. Затем был негласным редактором «Живописного обозрения», сотрудничал с « Московским наблюдателем», «Библиотекой для чтения», «Северной пчелой», «Сыном отечества».

[16] *Любич-Романович Василий (Валериан) Игнатьевич* (1805—1888) — поэт, переводчик, мемуарист. Из древнего дворянского литовского рода. В 1821—1826 гг. учился в Гимназии высших наук в Нежине одновременно с Н. В. Гоголем, А. С. Данилевским, Н. В. Кукольником. По окончании гимназии переехал в Петербург, где вступил в государственную службу. С 1834 по 1869 г. служил в разных департаментах Министерства иностранных дел. По совету А. С. Пушкина занялся переводами. Был первым литератором, начавшим систематическое ознакомление русского читателя с литовской историей и культурой. Свои произведения и переводы публиковал в «Литературной газете», «Сыне отечества», «Журнале иностранной словесности и изящных художеств» и др.

[17] По данным «Формулярного списка о службе», А. В. Снессорев с 8 июня по 22 ноября 1837 г. был определен секретарем во вновь учрежденный С.-Петербургский гражданский надворный суд, откуда уволен по прошению, а с 1 января по 16 февраля 1838 г. — чиновником первого Департамента государственных имуществ (РГИА, ф. 1343, оп. 29, № 4595 (Дело о дворянском происхождении рода Снесаревых), л. 46 об.).

[18] *Плюшар Адольф Александрович* (1806—1865) — известный издатель немецкого происхождения. Изучал типографское искусство в Париже. Заведовал типографией, перешедшей ему от отца и существовавшей с 1813 г. Одним из замечательных его предприятий был «Энциклопедический Лексикон» (СПб., 1835—1841. Т. 1—17), долгое время являвшийся образцом в изданиях подобного рода. Должны были выйти 40 томов, но в 1841 г. по разным причинам он был вынужден прекратить издание, начатое в 1835 г. Все-

го напечатано 17 томов (буквы А — Д). С 1838 г. издавал иллюстрированные сочинения, первым из которых был «Дон Кихот» в переводе К. П. Масальского.

[19] Тома на букву «Г» (т. 13—15) вышли в 1838 г.

[20] *Масальский Константин Петрович* (1802—1861) — прозаик, драматург, поэт, критик, переводчик. С 1821 по 1842 г. находился на государственной службе в Министерстве внутренних дел, Государственном Совете, Канцелярии его императорского величества. Знал много древних и новых языков. Переводил из Анакреона, Моска, Мелеагра, Гомера, Ф. Шиллера, Э. Вильегаса, Лопе де Веги и др. Был первым переводчиком «Дон Кихота» М. Сервантеса. В 1842—1844 гг. и в 1847—1852 гг. — редактор журнала «Сын отечества». Со второй половины 1830-х гг. занялся исторической беллетристикой, при этом тщательно прорабатывал исторические источники, в том числе иностранные и архивные; публиковал их в составе художественных произведений или отдельно.

[21] *Кашкин Дмитрий Евгеньевич* (1771—1843) — стихотворец, переводчик. Считал себя музыкантом и играл свои музыкальные сочинения на изобретенном им самим инструменте (гигантской гитаре с 36 струнами — «димитаре»). К его личности и творчеству в обществе относились иронично. В раннем варианте автобиографии София Ивановна писала: «Кашкин, старый знакомый и содержатель собранной его трудами Библиотеки для чтения книг, <...> тоже был замечательной личностью Воронежа, подобно Кольцову и Никитину, он самоучкой добился такого знания в музыке и науке, какими не всякий ученый обладает» (Автобиографическая записка. С. 541).

[22] *Калькбреннер Фридрих Вильгельм* (1788—1849) — немецкий пианист, композитор, музыкальный писатель. Большинство его музыкальных произведений относится к жанру легкой музыки. Возможно, София Ивановна перевела написанную им фортепианную школу, включающую также 10 превосходных этюдов: «Méthode pour apprendre le pianoforte á l'aide du guide-mains» (1830). Также написал учебник гармонии: «Traité d'harmonie du pianiste» (1849).

[23] А. В. Снессорев 16 февраля 1838 г. был вызван на службу в Астраханскую губернию и допущен к исправлению должности чиновника особых поручений при Военном губернаторе, а 12 марта утвержден в должности Министром внутренних дел (РГИА, ф. 1343, оп. 29, № 4595, л. 46 об.). Должность астраханского военного губернатора и управляющего гражданской частью с 1834 г. исполнял, а в 1835 г. был утвержден в этой должности, *Тимирязев Иван Семенович* (1790—1867). В 1846 г. он был несправедливо уволен в отставку, а в 1853 г. восстановлен на службе. Имел ряд орденов, в том числе, за участие в Отечественной войне 1812 г. и в походе на Варшаву в августе 1831 г. См.: Астраханские губернаторы: Историко-краеведческие очерки. Астрахань, 1997. С. 57—68.

[24] Сведения о причинах смерти мужа Софии Ивановны не обнаружены.

[25] Сын-первенец А. В. и С. И. Снессоревых — Николай — родился 23 июля 1838 г. в Астрахани (РГИА, ф. 1343, оп. 29, № 4595, л. 50 — «Свидетельство о рождении и крещении сына Николая»).

[26] *Тимирязева Софья Федоровна* (1799—1875) — жена И. С. Тимирязева. Вместе с управляющим астраханской таможнею надворным советником А. Ю. Поливановым была восприемницею во время крещения Николая, которое состоялось 7 августа 1838 г. в астраханской церкви Входа в Иерусалим (Там же, л. 50—50 об.).

Ср.: «Потекли однообразные непрерывные годы трудовой жизни и забвения всего, чтоб исполнить свой долг... Несмотря на жгучие страдания, Астрахань памятна ей и по светлым личностям, посланным Провидением, чтобы сберечь ее от отчаяния. Сердце сохранило все те дорогие имена — их было немало, — но два семейства сроднились с ее душою и всегда участвовали в ее жизни: семейство Тимир<язевых> и семейство Ахмат<овой>. С 1838 года до настоящего 1871 сохранялись между ними дружеские отношения, не поддающиеся ни гнету времени, ни переменам обстоятельств, как капитал, не теряющий своей ценности» (Автобиографическая записка. С. 542).

[27] Ср.: «До 1848 года С. И. жила педагогическими трудами... и наконец много трудилась над огранением каменных мостовых в Петерб<ургских> улицах» (Автобиографическая записка. С. 542).

[28] Скорее всего, ошибочно. Ср.: «Трудясь много и всегда с любовью к делу, она не торговалась со своими силами и вся отдавалась своим обязанностям. Эта несоразмерность часто отражалась на здоровье и навсегда повредила зрение: последние двадцать лет она работала одним правым глазом; левый же глаз после долгих упорных страданий

и tic douloureux (болезненный тик — *франц.*) оказался парализованным, так же, как и вся левая сторона тела. И несмотря на то, она продолжала без устали свою трудовую жизнь одною правою стороною тела. Не есть ли это явное, осязательное доказательство, что есть Провидение Высшей Невидимой, но ощущаемой Силы, Которую мы называем Бог? (Автобиографическая записка. С. 542).

[29] *Николай Александрович* (1843—1865) — наследник цесаревич, великий князь, старший сын императора Александра II. Николай Снессорев был принят во 2-ю С.-Петербургскую гимназию на пансионное обучение. См.: Историческая записка 75-летия Санкт-Петербургской 2-ой гимназии / Сост. преподаватели А. В. Курганович и А. О. Круглый. Ч. 1—3. СПб., 1894. Ч. 2. (1831—1880). С. 424.

Ср.: «Убедившись, что кроме отказа она не может добиться от власть имущих, она очутилась в Царскосельском саду пред Государем Наследником, ныне благополучно царствующим Александром II, в ноябре 1845 г. Увидев робких мать и сына, державших друг друга за руку, Он сам подошел к ним и когда на вопрос его „Что вам угодно?" — измученная болезненная женщина, после тщетных усилий заговорить, отвечала только слезами, катившимися по ее бледному болезненному лицу — сильные ощущения мешали ее голосу, мальчик, смотря прямо на Свою Надежду и, сознавая болезненное онемение матери, сказал своим детски-простодушным языком: „Государь, утешь мою маму! Прими меня в Гимназию воспитанником Сына твоего!" У Него слезы как блестящая от солнца роса навернулись на глазах: „Успокойтесь! Я все сделаю для Вашего сына. Но кто вы? Как вас зовут?" Совсем потеряв способность говорить и продолжая проливать тихие слезы, она вынула из кармана приготовленную записку: „Государь! если ты не поможешь мне, то мне остается умереть", было в ней. На другой день по приказанию Государя, она пришла в контору Его и тут показали ей ее же записку, наверху которой ровным жемчужным почерком было написано: „Сына вдовы Николая принять воспитанником моего сына Николая. Александр!" Да будет благословенно имя Его, Утешителя вдов и сирот! День и ночь молитва за Него...» (Автобиографическая записка. С. 543).

[30] *Пирогов Николай Иванович* (1810—1881) — врач, педагог, общественный деятель, публицист, мемуарист. С 1841 г. — профессор Медико-хирургической академии в Петербурге, с 1846 г. — директор основанного им Института практической анатомии. В 1847 г. провел первую в России операцию под эфирным наркозом, повторенную затем неоднократно в военно-полевых условиях на Кавказе, а также во время обороны Севастополя в 1854—1855 гг. Положил начало развитию педагогической публицистики.

[31] Ср.: «При первом облегчении глаз — почти два года она не могла работать от боли — опять спешила искать труда и до 1860 года давала уроки» (Автобиографическая записка. С. 543).

[32] Ср.: «А даль-то какая; с Петербургской стороны или потом с Глухого переулка за Вознесенским проспектом — в Лесной, или на Аптекарский, или на Петров остров. Тогда же везде были мостовые, а от Черной речки до Лесного была земля глинистая; чуть дождь, ноги разъезжаются, сил нет вытащить: поневоле остановиться надо да вздохнуть к Богу — откуда опять силы возьмутся. И место какое пустое было: ни жилья, ни людей, а только длинный, бесконечный ряд огородов. А как часто гроза, ветер, дождь были ее спутниками! Придет промокшая насквозь, потоки льются с нее — и ничего: ни злой человек, ни опасное приключение не коснулись одинокой, по-видимому, беспомощной странницы, вставшей в 5 часов, чтобы поспеть на урок до солнечного зноя! Кажется, путь предлежал не на розах, а сколько было утешения! Сознание, проникавшее до глубины души, что Господь хранит и зовет к себе всех тружеников и обремененных, явное ощущение близости Его милосердия! А дорога длинная: скоро (быстрым шагом. — *Е. А.*) идти два часа туда, да два с половиною оттуда (больше усталость и жарко)... Всех друзей успеешь вспомнить, живых и ожидающих в вечности, и помолиться за всех — удобное время, никто не помешает. И такое было ей счастье: ни одной не было ученицы, на которую надо бы рассердиться или взыскание сделать, — все дети добрые, любящие. Бывало, в глаза смотрят, как бы угодить: хорошенько учиться да что-нибудь доброе сделать. Добрая земля предлагалась. Эта благодарная любовь и готовность пользоваться уроками много услаждали труд. Вот и о них думалось дорогою, не одни тернии предлагавшей, а розы такие душистые» (Автобиографическая записка. С. 543—544).

[33] Первая публикация Снессоревой в этом журнале: Концерт для бедных. Рассказ Юлия Сандо // Библиотека для чтения. 1849. Т. 96, № 8. С. 205—219. *Сандо Жюль*

(Sandeau Léonard Sylvain Jules) (1811—1883) — французский беллетрист. В следующем, 1850 г., в журнале было помещено уже 44 ее перевода.

«Библиотека для чтения» — ежемесячный журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод (с 1859 г. — журнал словесности, наук и политики). Первый в России из так называемых «толстых» журналов. Издавался в Санкт-Петербурге с 1834 по 1865 гг. (в 1865 г. вышло только восемь номеров с периодичностью 2 номера в месяц). Издатели — А. Ф. Смирдин, М. Д. Ольхин, В. П. Печаткин. Редакторы: 1834—1836 гг. — О. И. Сенковский и Н. И. Греч; 1837—1855 гг. — О. И. Сенковский; 1856—1860 гг. — А. В. Дружинин; 1860—1863 гг. — А. Ф. Писемский; 1863—1865 гг. — П. Д. Боборыкин.

[34] *Сенковский Осип Иванович* (1800—1858) — ориенталист, лингвист, критик, журналист, писатель (псевдоним — Барон Брамбеус), редактор журнала «Библиотека для чтения» с 1834 по 1856 гг. (до своей болезни в 1848 г. был практически полным хозяином журнала, большинство статей писал сам, а немногочисленные статьи своих сотрудников мог изменять до неузнаваемости). Знал греческий, латинский, арабский, еврейский, турецкий, монгольский, китайский, немецкий, английский, итальянский, новогреческий, литовский, польский языки, изучил и другие, например, исландский, баскский. В 1818 г. сделал первый свой ученый труд — перевод арабских сказок. С 1822 г. — профессор С.-Петербургского университета, в 1828—1833 гг. — цензор. Именно Сенковский составил план для «Энциклопедического Лексикона» Плюшара. Редактировал 12—16 тома этого словаря (1838—1839 гг.).

[35] *Дружинин Александр Васильевич* (1824—1864) — прозаик, критик, переводчик. Обучался в Пажеском корпусе. В 1843 г. выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк, в 1846 г. вышел в отставку. Дебютировал в журнале «Современник» повестью «Полинька Сакс». Печатал обзоры зарубежной литературы (историко-литературные и критические очерки), хорошо знал современную ему английскую и частично американскую литературу. В конце 1850-х—начале1860-х гг. перевел произведения У. Шекспира — «Король Лир», «Кориолан», «Король Ричард III», «Жизнь и смерть короля Джона». В ноябре 1856 г. выступил с предложением создать Литфонд. Был редактором «Библиотеки для чтения» с 1856 по 1860 гг.

[36] *Старчевский А(да)льберт Викентьевич* (1818—1891) — журналист, помощник редактора (фактически редактор) «Библиотеки для чтения» с 1848 по 1856 гг. См.: *Старчевский. А. В.* Воспоминания старого литератора // Исторический вестник. 1891. № 8. С. 307—342; № 9. С. 559—592.

[37] *Зарин Ефим Федорович* (1829—1892) — литературный критик, переводчик, поэт. Переводил, в частности, Дж. Байрона. В 1861—1863 гг. вместе с Д. Ф. Щегловым заведовал отделами наук, критики и публицистики «Библиотеки для чтения». По воспоминаниям современников, от него «зависела» публикация переводов в журнале. См.: *Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 518. В 1864—1866 гг. участвовал в редактировании журнала «Отечественные записки».

[38] *Боборыкин Петр Дмитриевич* (1836—1921) — плодовитый прозаик, драматург, литературный и театральный критик. Благодаря необычайной общительности был знаком почти со всеми известными русскими литераторами, композиторами «Могучей кучки», ведущими артистами императорских театров. В начале 1863 г. приобрел право на издание «Библиотеки для чтения» и был редактором его до 1865 г. Неопытность в редакторских делах привела к финансовым затруднениям. Вынужден был приостановить издание в мае 1865 г. и после выхода последнего номера в августе уехал за границу. В течение 20-ти лет выплачивал долги. За границей был корреспондентом многих русских периодических изданий («Москва», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Голос», «Отечественные записки»).

[39] *Сенковская Аделаида Александровна* (*урожд. баронесса Раль*) (1806—1859) — жена О. И. Сенковского, писательница. Несколько ее повестей опубликовано в «Библиотеке для чтения». Написала очерк: «О. И. Сенковский. Биографические записки его жены» (СПб., 1858); ею же изданы сочинения мужа: *Сенковский О. И.* Собрание сочинений / Вступит. статья П. Савельева. СПб., 1858—1859. Т. 1—9.

[40] *Брюллов Александр Павлович* (1798—1877) — архитектор, старший брат художника Карла Брюллова.

[41] *Дубельт Леонтий Васильевич* (1792—1862) — генерал-лейтенант, управляющий III Отделением.

[42] *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844) — участник Отечественной войны 1812 г., турецкой войны 1828 г. В 1826 г. назначен шефом жандармов и главным начальником III Отделения канцелярии Николая I. Пользовался полным доверием царя. Играл большую роль в судьбе многих лиц и общественных движений Николаевской эпохи. С 1837 г. из-за нездоровья Бенкендорфа дела III Отделения оказались в руках Л. В. Дубельта.

[43] 1877 г.

[44] «Собрание иностранных романов, повестей и рассказов в переводе на русский язык» — журнал, бессменным редактором которого с 1856 по 1885 гг. (в 1885 г. вышло только два номера) была *Е. Н. Ахматова* (см. след. прим.). С 1884 по 1885 гг. журнал назывался «Собрание переводных романов, повестей и рассказов». Выходил ежемесячно. В 1856 г. издателем был Королев, затем — И. И. Глазунов, с 1870-х гг. — сама Ахматова. В год выходило 10—12 больших романов и до 50 повестей. (В дальнейшем: «Собрание иностранных романов...»).

[45] *Ахматова Елизавета Николаевна* (1820—1904) — прозаик, переводчица, издательница. В 1842 г. послала свой перевод с французского языка в редакцию «Библиотеки для чтения» с письмом к О. И. Сенковскому. В 1848 г. переехала в Петербург. Печатала свои произведения под псевдонимом Лейла. В своем журнале «Собрание иностранных романов...» за 29 лет его существования перевела более 300 романов (среди них романы Ж. Санд, В. Гюго, У. Коллинза, Дж. Элиот, У. Теккерея, Ж. Верна и др.). Издавала также детский журнал «Дело и отдых» (1864—1866 гг.), «Сборник переводов для легкого чтения» (1867—1868 гг.) (выходил по 4 книги в год). Выпустила многочисленные сборники переводных произведений для детей и взрослых. «Субботы» у Ахматовой посещали О. И. Сенковский, А. В. Дружинин, А. В. Никитенко, Н. И. Пирогов, А. А. Краевский, В. В. Стасов и другие литераторы.

[46] Ср.: «Вопрос о „женском труде" был решен ею в 1856 году. Все, одиннадцатый год трудящиеся по ее журналу, — женщины, поддерживающие семьи свои честным трудом и благословляющие имя основательницы журнала, тихо, без печатных криков проводящей в жизнь свою душевную мысль: жить и другим давать жить. Беспристрастный историк много найдет сказать об этой благородной личности, высоко поднимающейся над толпою. Трудно исчислить все ее труды: она перевела более 250 сочинений с французского и английского языков, успевая перечитывать все журналы и лучшие книги на этих языках, чтобы выбрать лучшее для своего журнала и познакомиться с неизвестными, но талантливыми писателями.

В отношении цен<зурных> и почтов<ых> переворотов она передовой и бесстрашный боец. Чувство чести в ней глубоко развито, на ее слово можно положиться, память необычайная, твердость и обдуманность характера каких трудно встретить и в мужчине. Система и порядок царствуют во всех ее делах: <стоит> только взглянуть на ее конторские книги, чтобы понять, какой мастер дела заведывает ее журналом» (Автобиографическая записка. С. 547).

[47] *Герштекер (в современном написании) Фридрих* (*Gerstäcker Friedrich*) (1816—1872) — немецкий писатель.

[48] Школа при церкви Св. Анны была открыта в 1736 г. в период правления императрицы Анны Иоанновны. Находилась в Петербурге по адресу: Кирочная, 8. См.: *Антонов В. В., Кобак А. В.* Святыни Санкт-Петербурга. СПб., 1996. Т. 3. С. 242.

[49] *Герстекер Фридрих.* В Америку! // Собрание иностранных романов... 1857. Т. 4, кн. 7—8, отд. I. С. 1—340; Т. 5, кн. 9—10, отд. I. С. 341—676; Т. 6, кн. 11—12, отд. I. С. 677—870.

[50] *Руппиус Отто* (*Ruppius Otto*) (1819—1864) — немецкий писатель. В «Собрании иностранных романов...» опубликованы три его произведения в переводе Софии Ивановны: Мэри Крейцер: Картина из немецко-американской жизни (1862. Т. 3, кн. 5, отд. II. С. 1—87); На чужой стороне: Из жизни американских немцев (1865. Т. 1, кн. 1, отд. II. С. 1—65); Билль Гаммер: Эпизод из гражданской войны в Миссури (1866. Т. 1, кн. 1, отд. II. С. 1—40).

[51] *Гаклендер.* По следам романа // Собрание иностранных романов... 1870. Т. 6, кн. 12, отд. II. С. 1—91. *Гаклендер Фридрих Вильгельм* (*Hackländer Friedrich Wilhelm*) (1816—1877) — немецкий писатель.

[52] *Андерсен Ханс Кристиан.* Книга с картинами без картинок // Собрание иностранных романов... 1861. Т. 5, кн. 10, отд. II. С. 97—135. *Андерсен Ханс Кристиан* (*Andersen Hans Christian*) (1805—1875) — датский сказочник, романист, поэт, драматург.

[53] *Братья Гримм.* Беда // Собрание иностранных романов... 1862. Т. 3, кн. 5, отд. II. С. 95—96; Вестники смерти // Там же. С. 110—112. *Гримм Якоб* (*Grimm Jacob*) (1785—1863), *Гримм Вильгельм* (*Grimm Wilhelm*) (1786—1859) — основатели германистики, немецкие фольклористы.

[54] *Темме Йодокус Донатус* (*Temme Jodocus Donatus*) (1798—1881) — немецкий писатель. В «Собрании иностранных романов...» опубликованы 9 его произведений в переводе Софии Ивановны: Суд Божий (1859. Т. 1, кн. 2, отд. II. С. 124—171); Он молится (1859. Т. 2, кн. 3, отд. II. С. 63—105); Тайна на кладбище (1860. Т. 1, кн. 1, отд. II. С. 1—64); Глас народа — глас Божий (1860. Т. 1, кн. 2, отд. II . С. 139—193); Поехал жениться (1860. Т. 6, кн. 11, отд. II. С. 26—74); Родственники (1861. Т. 1, кн. 2, отд. II. С. 152—189); Самое тяжкое преступление (1861. Т. 6, кн. 12, отд. II. С. 165—224); Судья (из записок судебного следователя) (1865. Т. 6, кн. 12, отд. II. С. 146—205); Мельница на черном болоте (1867. Т. 1, кн. 2, отд. II. С. 79—146).

[55] *Шау Томас* (1813—1862) — профессор английской словесности в императорском Александровском Лицее Санкт-Петербурга, преподаватель английского языка в Санкт-Петербургском университете. Учился в Кембриджском университете. В 1842 г. приехал в Петербург. Автор труда «Outlines of English Litterature, for the Use of Imperial Alexander Lyceum» (SPb., 1847). Этот исторический и критический очерк английской словесности служил учебником повсеместно в России, Англии и Северо-Американских Соединенных Штатах. Шау приглашали для домашних уроков английского языка в лучшие дома Петербурга. Например, он учил у герцога Лейхтенбергского, П. А. Плетнева, а в феврале 1853 г. Шау был приглашен для преподавания английского языка великим князьям Николаю Александровичу и Александру Александровичу, впоследствии императору Александру III. Шау переводил на английский язык Марлинского, Лажечникова, Пушкина. П. А. Плетнев отзывался о Шау как о «человеке с необыкновенными способностями для переводов в прозе и стихах».

[56] «Дело и отдых: чтение для мальчиков и девочек всех сословий» — журнал выходил ежемесячно. Просуществовал с 1864 по 1866 гг. Редактор и издатель — Е. Н. Ахматова.

[57] Перечисляемые Софией Ивановной ниже ее переводы в основном были опубликованы в журнале «Дело и отдых». За редкими исключениями, ни автор, ни переводчик произведения не указывались.

[58] Чорная Пантера: Приключения одного мальчика между краснокожими индейцами // Дело и отдых. 1864. Т. 5, № 9—10, отд. I. С. 1—208; Т. 6, № 11—12, отд. I. С. 209—388.

[59] Рюбен Дэвиджер // Дело и отдых. 1864. Т. 1, № 2, отд. I. С. 1- 56; Т. 2, № 3—4, отд. I. С. 57—146; Т. 3, № 5, отд. I. С. 147—330.

[60] Записки пажа Чорного Принца // Дело и отдых. 1864. Т. 1, № 1—2, отд. I. С. 1—190; Т. 2, № 3—4, отд. I. С. 191—411.

[61] Плавание по лесам. Рассказ Майна Рида // Дело и отдых. 1866. Т. 4, № 7—8, отд. I. С. 1—108; Т. 5, № 9—10, отд. I. С. 109—268; Т. 6, № 11—12, отд. I. С. 269—417. *Рид Томас Майн* (*Reid Thomas Mayne*) (1818—1883) — англо-американский писатель, автор приключенческих романов.

[62] Коралловый риф: Рассказ об Океании и островах Южного Океана. Перси Джона // Дело и отдых. 1866. Т. 4, № 8, отд. I. С. 1—44; Т. 5, № 9—10, отд. I. С. 46—178; Т. 6, № 11—12, отд. I. С. 179—306. *Сент-Джон Перси Болингброк* (*Saint-John*) (1821—1889) — английский писатель и путешественник.

[63] Мальчики в плену // Дело и отдых. 1865. Т. 4, № 7—8, отд. I. С. 1—140; Т. 5, № 9—10, отд. I. С. 141—301; Т. 6, № 11—12, отд. I. С. 302—389.

[64] Воспоминания о школьной жизни // Дело и отдых. 1864. Т. 3, № 6, отд. I. С. 1—86; Т. 4, № 7, отд. I. С. 91—167.

[65] *Миллер Томас.* Горилла или страна таинственностей и чудес // Собрание иностранных романов.... 1872. Т. 3, кн. 5—6, отд. I. С. 1—204. *Миллер Томас* (*Miller Thomas*) (1807—1874) — английский писатель.

[66] Многие из вышеперечисленных романов и повестей были изданы отдельными книжками или вошли в состав сборников повестей и рассказов. Некоторые рассказы, первоначально опубликованные в журнале «Дело и отдых», печатались затем в двух сборниках: Золотая жатва. 102 рассказа для детей с 12 картинками. В 2-х частях. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1867; Шестьдесят шесть повестей для детей. СПб.: Тип. И. И. Глазунова, 1867.

[67] *Марко Вовчок* (наст. имя и фам. — Мария Александровна Вилинская, в первом браке — Маркович, во втором — Лобач-Жученко) (1833—1907) — прозаик, переводчица. Писала на русском, украинском и французском языках. Переводила с немецкого, английского, польского и французского языков. В конце 1850-х—начале 1860-х гг. появились ее первые публикации. С 1860 по 1867 гг. жила в Париже, в 1864 г. началось сотрудничество с французским издателем П. Ж. Этцелем, продолжавшееся до 1885 г. Он сделал ее своей представительницей в Санкт-Петербурге. В конце 1860-х гг. вела отдел иностранной литературы в «Отечественных записках». В 1871—1872 гг. — редактор иллюстрированного периодического издания «Переводы лучших иностранных писателей» (вышло 17 номеров). Совместно с Д. Писаревым перевела «Жизнь животных» А. Брема и «Происхождение человека» Ч. Дарвина. В 1878 г. уехала из Санкт-Петербурга, прервав литературную деятельность до 1887 г. из-за обвинения в плагиате.

[68] *Троллоп Антоний.* Орлийская ферма // Библиотека для чтения. 1863. № 1. С. 163—274; № 2. С. 141—248; № 3. С. 243—366; № 4. С. 1—64 (Приложение); № 5. С. 65—119 (Приложение); № 6. С. 1—48 (Приложение); № 7. С. 49—96 (Приложение); № 8. С. 97—144 (Приложение); № 9. С. 145—192 (Приложение); № 10. С. 193—253 (Приложение). *Троллоп Энтони* (*Trollope Antone*) (1815—1882) — английский писатель, крупный романист 2-й пол. XIX в., признанный мастер семейных хроник и политического романа. Интерес к его творчеству возродился в наши дни. См.: *Троллоп Э.* Барчестерские башни. М., 1990.

[69] *Мистрисс Гаскель.* Дело темной ночи // Библиотека для чтения. 1863. № 11. С. 1—48 (Приложение); № 12. С. 49—169 (Приложение). *Гаскелл Элизабет* (*Gaskell Elizabeth*) (1810—1865) — известная английская писательница. Переиздавалась в наше время. См.: *Гаскелл Э.* Мэри Бартон: Манчестерская повесть. М., 1963; *Гаскелл Э.* Крэнфорд. М., 1973.

[70] Тэн. История английской литературы. (Histoire de la litterature anglaise, par H. Taine. Paris, 1864): Из Westminster Review // Отечественные записки. 1864. Т. 154, № 5. С. 561—609. — Без имени автора. С. И. Снессорева перевела обстоятельную публикацию из «Вестминстерского обозрения» о книге Тэна, которая в первом издании (1863—1864) и втором (1866) вышла в четырех, а в третьем (1873—1874) в пяти томах. *Тэн Ипполит Адольф* (1828—1893) — французский литературовед и философ-позитивист, критик. Работа Тэна до сих пор представляет исторический интерес. См.: *Тэн И. А.* История английской литературы. Введение / Перевод с франц. И. К. Стафф // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 72—94. В комментариях современной переводчицы указано, что перевод введения к «Истории английской литературы» (без указания переводчика) был опубликован в 1896 г.

[71] *Кони Федор Алексеевич* (1809—1879) — журналист, драматург, историк театра. Написал 15 оригинальных пьес и 19 переводов и переделок. Начинал как театральный рецензент в «Северной пчеле», работал и в других периодических изданиях. Особая заслуга принадлежит Кони как редактору лучших русских театральных журналов — «Пантеон русского и всех европейских театров» (1840—1841), «Репертуар и Пантеон. Театральное обозрение» (1847), «Пантеон и репертуар русской сцены» (1848, 1850—1851), «Пантеон» (1852—1856).

[72] Журнал «Пантеон» в разные годы имел различные названия (см. предыд. прим.). В 1852—1856 гг. это был ежемесячный литературно-художественный журнал «Пантеон». Вероятно, в эти годы С. И. Снессорева публиковала в нем свои переводы, названия которых не указала в списке работ, поэтому выявить их не удалось, за исключением одного: *Октав Фелье.* Фея. Повесть-комедия // Пантеон. 1854. Т. 17, кн. 9. С. 65—88, опублико-

ванного за подписью «*С. С-ва*», который поэтому можно считать «снессоревским». *Фельe Октав* (*Feuillet Octave*) (1821—1890) — французский писатель.

[73] «Сын отечества: политический, ученый и литературный журнал» — выходил еженедельно с апреля 1856 по 1861 гг. Издатель-редактор А. В. Старчевский. С 1862 г. — «Сын отечества: ежедневная политическая, литературная и ученая газета».

[74] «Семейные вечера: журнал в двух отделах: для старшего и младшего возраста» — выходил ежемесячно с 1864 г. Редактором журнала с 1870 по 1891 гг. была *Каширева София Сергеевна* — жена *Каширева Василия Владимировича* (1835—1875), известного издателя, публициста и переводчика.

[75] «Нива» — иллюстрированный журнал для семейного чтения. Издавался А. Ф. Марксом с 1870 г. К журналу выходили ежемесячные литературные приложения.

[76] «Модный магазин» — журнал, который содержал разделы: мода, литература, новости, хозяйство и работы. Выходил с 1862 г. два раза в месяц, в 1883 г. слился с журналом «Модный свет» (и стал еженедельным).

[77] Мария — младшая сестра Софии Ивановны.

[78] «Век» — еженедельный общественно-политический и литературный журнал был основан П. И. Вейнбергом (его официальным редактором), А. В. Дружининым, В. В. Безобразовым и К. Д. Кавелиным в 1861 г. (вышло 50 номеров в 1861 г. и четыре номера в 1862 г.; еще 17 номеров опубликовал редактор Г. З. Елисеев).

[79] Народные сказки, собранные братьями Гриммами. СПб., 1862—1864. Т. 1—2. Каждый том состоял из четырех книжек. Книжка первая вышла в 1862 г., книжки со второй по четвертую — в 1863 г., остальные — в 1864 г.

[80] Речь идет о первом, переработанном томе (Народные сказки, собранные братьями Гриммами. СПб., 1870. Т. 1). «Картинки и политипажи» — это три портрета и 87 картинок работы гравера В. Клейдера и художника В. Шпакова. Всероссийская мануфактурная выставка проходила в Санкт-Петербурге с 15 мая по 15 июля 1870 г. На площади 4000 квадратных саженей было выставлено большое количество экспонатов от 2350 участников. В Разделе 7-ом «Предметы по части ученой и художественной в применении к промышленности» в классе «Типография и литография» издатель Иван Ильич Глазунов представил образцы своей продукции. На титульном листе второго тома «Народных сказок», вышедшего в 1871 г., имеется знак участника Всероссийской мануфактурной выставки 1870 г. Книга с незначительными изменениями (в орфографии и характере шрифта) была переиздана в 1885 г. в Петербурге и в 1889 г. в Москве. В последнем издании были исключены две сказки, вероятно, по цензурным соображениям.

[81] Личность не установлена.

[82] Дарьюшка, очерк жизни русской странницы. СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1864; То же. СПб., 1875. — Без имени автора.

[83] Святой Иоанн Дамаскин. СПб.: тип. и хромолитогр. А. Траншеля, 1876. — Без имени автора.

[84] Игумения Феофания (Готовцова). СПб.: тип. И. И. Глазунова, 1868. — Без имени автора.

[85] Под названием «Дарьюшка-странница», очерк был опубликован в журнале *Виктора Ипатьевича Аскоченского* «Домашняя беседа для народного чтения» (1864. Вып. 2—11) также без имени автора. В предисловии к публикации редактор писал: «Одна из целей перепечатыванья этой брошюры есть то, чтобы как можно более распространить это высокопоучительное и в высшей степени занимательное сказание между православным народом» (Там же. Вып. 2. С. 39).

[86] Кончина преосвященного епископа Игнатия (Брянчанинова). СПб.: тип. Морского министерства, 1867. — Без имени автора.

Ср.: «Кроме того, ее любимейшим занятием было дело, порученное ей Преосвященным Игнатием Брянчаниновым, скончавшимся в Николо-Бабаевском монастыре Костромской Губернии. Он поручил ей надзор за печатанием и корректурой и редакцией его творений, составивших пять томов и около 150 листов, т. е. 2400 страниц большого формата» (Автобиографическая записка. С. 549).

[87] Avis aux lectrices (франц.) — к сведению читательниц. Здесь — игра слов. Avis aux lecteurs (буквально — «к сведению читателей») означает «предисловие», «обращение к читателю».

[88] *Вельяминов Алексей Александрович* (1785—1838) — известный военный деятель на Кавказе в 1825—1838 гг. Участник Отечественной войны 1812 г. В 1825 г. возглавлял экспедицию против чеченцев в Грузии (добровольцем в ней был А. С. Грибоедов), в 1826 г. назначен начальником штаба в Тифлис к Алексею Петровичу Ермолову. В 1828—1829 гг. участвовал в Турецкой войне, в 1831 г. назначен командующим войсками на Кавказской линии, начальником Кавказской области. Пользовался огромным авторитетом не только в среде своих подчиненных, но и у горцев — благодаря своему уму, образованию, твердости характера, справедливости и храбрости.

[89] *Руновский Аполлон Иванович* (1822—1874) — воспитанник 2-ого кадетского корпуса, с 18-летнего возраста служил на Кавказе, где принимал участие в крупных экспедициях Кавказской войны в звании капитана. После нескольких ранений и выхода из фронтовой службы был смотрителем Кавказского госпиталя. В 1859 г. по высочайшему императорскому повелению был назначен приставом при Шамиле (1799—1871), 3-ем имаме Дагестана и Чечни (1834—1859), взятом в плен 26 августа 1859 г. солдатами и офицерами под командованием князя Барятинского, вплоть до отправления пленного в 1861 г. в Калугу. Затем перевелся в гвардию и в том же звании состоял при наместнике Кавказском великом князе Михаиле Николаевиче (1832—1909) для службы по особым поручениям. В чине полковника уволился из армии. Умер в Ташкенте после болезни. См.: *Сестры покойного А. И. Руновского.* Апология А. И. Руновского // Русский архив. 1886. Кн. 12. С. 528—530. Статья эта написана С. И. Снессоревой и ее старшей сестрой Егоровой Елизаветой Ивановной (1810—1895), вдовой статского советника Егорова, оберпровиантмейстера Сибирского корпуса. См: Государственный архив Воронежской области, ф. 29, оп. 138, д. 82. Вероятно, после смерти мужа Елизаветы Ивановны сестры жили вместе в Царском Селе. См: *Снессорева С. И.* Автобиографическая записка. С. 543.

[90] *Слесарев А. И.* Человек с честными намерениями // Военный сборник. 1858. Т. 1, № 2. С. 501—544; Т. 2, № 3. С. 139—189; 1859. Т. 8, № 8. С. 447—470; Т. 9, № 9. С. 211—474; Т. 9, № 10. С. 431—474. Авт.: А. И. Руновский. В повести А. Руновский разоблачает хозяйственные беспорядки, обнаруженные им во время исполнения должности смотрителя Кавказского госпиталя.

[91] В 1859—1862 гг. А. Руновский опубликовал несколько статей о Шамиле в «Военном сборнике». Некоторые из них были изданы отдельно. См.: *Руновский А.* Записки о Шамиле пристава при военнопленном. СПб., 1861; *Руновский А. И.* Кодекс Шамиля. СПб.,1862; *Руновский А. И.* Взгляд на сословные права и на взаимные отношения сословий в Дагестане // Военный сборник. 1862. Т. 26, № 8. С. 373—404; *Руновский А.* Муридизм и газават по объяснению Шамиля. Тифлис: тип. Глав. управл. наместника Кавказского, 1863. См. также переиздания: *Руновский А. И.* Записки о Шамиле. М.: Внешторгиздат, 1989; Мюридизм и газават в Дагестане по объяснению Шамиля. Махачкала: Юпитер, 1996 (на обложке автор не указан).

[92] Литературный фонд (точное название: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым) (1859—1918) — литературно-бытовая организация, основанная в Петербурге по инициативе А. В. Дружинина. Деятельность фонда осуществлял выборный комитет, работавший безвозмездно. Главными источниками средства были пожертвования и доходы от организуемых комитетом спектаклей и концертов, а также изданий Литературного фонда.

ПИСЬМА И. П. НОВОСИЛЬЦОВА К А. А. ФЕТУ
(1883—1890)

Часть 1
(1883—1884)

Публикация Е. В. Виноградовой

Иван Петрович Новосильцов (1827—1890), близкий друг А. А. Фета и его сосед по имению Новоселки Орловской губ., принадлежал к роду, корни которого восходят к XVIII веку.[1] Иван Новосильцов, орловский мещанин, поступил на военную службу к императрице Елизавете Петровне и приобрел дворянство с обер-офицерским чином. Его сын, Петр Иванович, родившийся в 1744 г., начал карьеру канцеляристом, а в 1780 г. был уже губернским прокурором в Орловском наместничестве, затем Петербургским вице-губернатором, генерал-провиантмейстером при Екатерине II, при Павле пожалован в тайные советники и назначен в Сенат, а через два года сослан «в свои отдаленные от столицы деревни». При Александре I он вновь принят на службу в Сенат и пожалован в действительные тайные советники. Он был женат на Екатерине Торсуковой, сестре обергофмейстера А. А. Торсукова. Из шести сыновей Петра Ивановича Новосильцова двое, Николай и Петр, сделали блестящую карьеру: Николай Петрович служил в министерстве юстиции, позже он — губернский прокурор, затем советник при Марии Федоровне, товарищ министра внутренних дел, сенатор; Петр Петрович — адъютант московского вице-губернатора, действительный статский советник, камергер и московский вице-губернатор. Петр Петрович был соседом Шеншиных по имению: Новоселки Шеншиных находились в нескольких верстах от родового поместья Новосильцовых. Именно там, в Новоселках, и увидел впервые А. А. Фет отца своего будущего друга — Петра Петровича Новосильцова. Его сын, Ванечка Новосильцов, рано остался без матери: Настасья Павловна Новосильцова (урожд. Мансурова) умерла в 1830 г. Двоих детей, сына Ивана и старшую дочь Екатерину (в будущем — княгиня Вяземская; 1825—1858), воспитывала родственница, жившая в доме Новосильцовых, и домашние гувернеры и учите-

[1] В некоторых современных публикациях фамилия Новосильцов часто пишется как Новосильцев, а это неверно: все Новосильцевы происходят от Юрия Новосильца — сына Юрия Шалого, выходца из Швеции, поселившегося в России в XIV в. (см.: Российская родословная книга / Изд. П. Долгорукова. СПб., 1857. С. 168—169).

© Е. В. Виноградова, 2005

ля. Иван Петрович в своих письмах к Фету с благодарностью вспоминал своего воспитателя, немца Фелькеля, после смерти которого помогал его матери.

«Я знаю личности, которые, как Акакий Акакиевич в „Шинели", любили находить свое имя напечатанным в адрес-календаре, любят себя или своих видеть напечатанными в книге! Я не из тех», — гордо писал Новосильцов Фету в ноябре 1889 г. Действительно, сведения о нем в архивах крайне малы, и что-либо узнать о его карьере оказалось возможным — парадокс — как раз в адрес-календаре, а о его личности — в его письмах к Фету и — совсем немного — в книге Фета «Мои воспоминания» (М., 1890). Имя И. П. Новосильцова появляется в адрес-календаре в 1851 г., когда он начал служить в Министерстве иностранных дел третьим секретарем в канцелярии. В 1855 г. он титулярный советник, младший секретарь при посланнике в Гааге, в 1856 г. — в Вене, в 1857 г. — уже в придворном штате, в звании камер-юнкера. В последующие годы он статский, затем тайный советник, чиновник особых поручений при вице-канцлере А. М. Горчакове и наконец шталмейстер императорского двора.[2] Новосильцов сделал блестящую карьеру при дворе, был владельцем имений в Орловской губернии (самые крупные и самые любимые им — Воин и Шеино), ему принадлежал дом на Миллионной ул. в Петербурге, доставшийся в наследство от дяди Николая Петровича. Именно в этот дом приезжал с отцом Фет в детстве по совету Петра Петровича Новосильцова, чтобы от Николая Петровича получить записку к Жуковскому с просьбой помочь поступить мальчику в Дерптский университет. Племянник Николая Петровича — Иван Петрович Новосильцов, у которого не было жены и детей, стал Фету преданным другом и всю жизнь благодаря своим связям при дворе помогал ему. И помощь была немалая: в 1873 г. через Новосильцова Фет подал прошение царю с просьбой о возвращении ему родового имени Шеншина и наследовании дворянства. Публицистические статьи Фета «Наши корни», «О нашем сельском самоуправлении», «На распутии» получили распространение и возможность быть напечатанными благодаря помощи Новосильцова, а рукописный экземпляр «Наших корней» был читан самим Александром III. Новосильцов был одним из первых читателей сборника стихотворений Фета «Вечерние огни», его переводов Горация и Ювенала. И снова благодаря связям Новосильцова и его переговорам с министром просвещения И. Д. Деляновым удавалось избежать длительной волокиты с цензурой для скорейшего выхода этих книг в свет (Горация Фет посвятил памяти императора Александра II, и именно согласование текста посвящения задерживало выход этой книги). «Я не я буду, если не помогу тебе, — писал Новосильцов Фету, узнав о затруднениях цензуры при разборе Ювенала, — странно, ежедневно печатают всякую мерзость в газетах, а про переводы Ювенала появляется какая-то скромность — не сообразишь системы!» (см. письмо 24).

К сожалению, писем Фета к Новосильцову не сохранилось. Письма же Новосильцова к Фету находятся в разных архивохранилищах: в Российской национальной библиотеке — 57 писем, написанных в разное время с 1865 по 1889 г.; в Российской государственной библиотеке — 15 писем Новосильцова к Фету за 1882 год. В Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) 102 письма Новосильцова к Фету поступили в 1921 г. в составе архива Фета, купленного у его наследников. Ценность этого комплекса писем, написанных с 1883 по 1890 г., заключается в том, что они дают особенно важный материал для нашего представления о тех событиях, которые происходили в 1880-е годы в жизни А. А. Фета.

---

[2] Шталмейстер (от нем. Stallmeister — начальник конюшни) — придворный чин, принадлежащий к третьему классу Табели о рангах, после обер-шталмейстера, возглавлявшего Придворную конюшенную часть. Обычно шталмейстеры были знатоками лошадей, к их ведению также относились придворные экипажи; во время парадных выездов они должны были помогать императору и императрице садиться в карету.

Публикуемые письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету охватывают особенный период жизни обоих — последние годы жизни, годы признания и относительного благополучия. Однако в их переписке, судя по письмам Новосильцова, не преобладает «житейский элемент» пожилых людей, им свойственна многотематичность: свободный переход от перечисления светских дел (упоминаемых как бы между прочим) к преобразованиям в имении, и далее — к преобразованиям в России. Здесь Новосильцов и Фет единомышленники, их волнует будущее России при новом императоре Александре III, состав Государственного Совета, земельные и судебные реформы. Публицистические статьи Фета, подписанные псевдонимом «Деревенский житель», Новосильцов не только читал одним из первых, но и обсуждал их с автором, а присланные экземпляры распространял «среди достойных людей», т. е. в придворных кругах, стараясь тем самым склонить сильных мира сего к исправлению политического и экономического положения страны после реформы 1861 года. И Фет, и Новосильцов, имея богатый жизненный опыт, очень хотели, чтобы их мысли об устройстве России, о реформах Александра II, которые следовало «поправить», дошли до нового императора.

В публикацию вошли письма, хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ (№ 20288 (1—4)). Текст писем приводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, сохранено подчеркивание в тексте Новосильцова. Трудночитаемые слова даются в угловых скобках. Автор выражает сердечную благодарность Н. П. Генераловой, В. А. Лукиной и И. В. Федоровой за помощь в подготовке публикации.

1

17 февраля (1 марта) 1883 г. Петербург

Февраля 17-е 1883.
Дворцовая набережная № 26.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сейчас только с императорским поездом вернулся с границы прусской, куда провожал великую княгиню Марию Александровну и герцога Эдинбургского.[1] Проводив их, я дернул на Тракенский конский завод в Пруссии,[2] осмотрел и хотел поучиться — надеюсь, съездил с пользою.

Пишу к тебе несколько слов привета, как прибывшему, очень желаю тебя видеть, постараюсь поскорее побывать у тебя, я же сам обыкновенно люблю быть дома часу до второго, в час завтракаю скромно. Будь здоров — и до скорейшего, надеюсь, свидания.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Угол Надеждинской и Артиллерийского переулка
дом графа Коновницына.
Г-же Галаховой.
Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Почтовые штемпели отсутствуют (вырезаны).

[1] Сестра Александра III, великая княгиня *Мария Александровна* (1853—1920), в замужестве герцогиня Эдинбургская, с 1874 г. жила в Англии, но не прерывала связей с Росси-

ей и часто приезжала на родину вместе с мужем и детьми; в феврале 1883 г. она и ее муж *Альфред Эрнест Альберт*, герцог Эдинбургский, находились в России. В обязанности шталмейстера входило сопровождать высоких гостей, встречать у российской границы и затем провожать до границы при отъезде.

[2] Имеется в виду конский завод Гросс-Тракенен, основанный в 1732 г., где была выведена знаменитая тракененская порода лошадей. Ныне пос. Ясная Поляна Нестеровского р-на Калининградской обл.

2

15 (27) апреля 1883 г. Петербург

С.-Петербург. Дворцовая набережная № 26.
Апреля 15. 1883.

Любезный друг, очень рад был иметь от тебя весточку из Воробьевки — и, благодаря Бога, вести хорошие, — что жив, здоров и занят любезным тебе делом, — само собою разумеется, что я, как всегда и во всем, рад послужить тебе по мере способностей. Понимаю и сочувствую, что тебе не хотелось бы делать посвящения отцу покойному,[1] не уведомив о том сына благополучно здравствующего — скажу более — не испросив на посвящение его согласия; я не знаю правил цензурных, но полагаю, что «разрешение» нужно; теперь я бы так сделал: написал бы письмо на вышейшее (так! — *Е. В.*) имя, приложив к нему проект текста посвящения, уж во всяком случае не «тени» усопшего — «памяти» его. Слово тень и самое понятие поддается зломудрствованию — что это за «тень»? Извини меня за откровенное, без обиняков высказанное мнение: дело в том, что я, не откладывая в долгий ящик, сейчас же по получении твоего письма — пустился на поиски, хотелось узнать, как и что, через кого придется действовать. Всего лучше через министра народного просвещения,[2] который доложит государю письмо твое и проект посвящения и тебе же ответит официально. Я же, многогрешный и смиренный раб Божий, получу все это от тебя, поеду к Делянову и попрошу — и будет дело сделано, Бог даст. Я хотел было сделать скорее и на днях, т. е. 3-го был у одного друга, которому прочел твое посвящение, — он сочувствует направлению и основанию — иначе не был бы мне другом. Но при чтении, а потом и при соображениях, через кого действовать, выражение «тени» мы окритиковали. Вот я тебе и отписываю тотчас же, сегодня в Страстную пятницу, несмотря на утомление от церковной службы — не хотел откладывать, поминая пословицу

Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen immer träge Leute![a]

а я не ленивый и не лукавый.

Вчера я получил назначение состоять на время коронации при эрцгерцогине Австрийской,[3] прибывающей на время коронации.[4] Это первый пример, что эрцгерцогиня Австрийская будет в России.

Преданный тебе И. Новосильцов.

Мое почтение и поклон Марии Петровне.[5]

---

[a] Завтра, завтра, не сегодня, — так лентяи говорят! (*нем.*).

На конверте: Московско-Курской железной дороги.
Станция Коренная Пустынь.
В с. Воробьевка.
Его высокоблагородию
<Афанасию Афанасьевичу> Шеншину.
Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 16 апреля 1883, 2) Москва, 17 апреля 1883.

[1] Речь идет о книге: К. Гораций Флакк / В переводе и с объяснениями А. А. Фета (М., 1883). Эта книга — завершение многолетнего труда Фета, издание полного Горация в его переводе. Вышедшие в 1856 г. четыре книги од Горация в переводе Фета автор посвятил Александру II; новое издание Горация Фет хотел посвятить памяти покойного императора Александра II, и окончательный текст посвящения выглядел так: «Священной памяти императора Александра II свой труд благоговейно посвящает переводчик». Экземпляр книги с посвящением Фет хотел преподнести Александру III.

[2] *Делянов Иван Давыдович*, граф (1818—1897) — министр народного просвещения с 1882 г., член Государственного Совета, почетный член императорской Академии наук.

[3] Эрцгерцогиня Австрийская, *Мария-Терезия* — жена эрцгерцога Карла-Людвига, брата австрийского императора Франца-Иосифа.

[4] Коронация Александра III состоялась в Москве 15 мая 1883 г.

[5] *Шеншина Мария Петровна* (урожд. Боткина) (1828—1894) — жена А. А. Фета.

3

25 апреля (7 мая) 1883 г. Петербург

Дворцовая набережная 26.
С.-Петербург, апреля 25. 1883.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, 3-го дня я получил письмо твое с включенными в него двумя листами посвящения и испрашивания разрешения высочайшего на посвящение; не откладывая в долгий ящик — потому что это не в обычае у меня, а потом еще и вследствие беспримерной суеты, которая предвидится в самом ближайшем будущем — отъезд мой на австрийскую границу, шмыгание, переодевание из одной формы в другую, приготовление и всякие заботы — все это вместе побудило меня тотчас же найти Делянова, переговорить с ним, вручить ему бумаги и поручить ему ходатайство перед государем, — при свидании с ним и в присутствии Победоносцева[1] я прочел посвящение памяти покойного государя, мотивированное и объясняемое как прошедшим, так и надеждой на толковое будущее, дело — как говорится — в шляпе, адрес твой я приписал: Щигровского уезда, Курской губернии, в сельце Воробьевке. О вышеприписанном честь имею сим уведомить.

Когда я буду на Воине[2] — известно Богу, а мне же об этом помышлять следует лишь в виде pium desiderium.[a]

Поклон мой Марии Петровне. А не мешало бы узнать тебе и сообщить мне, не будет ли у тебя в заводе рыжих субъектов, красивых и

[a] благого пожелания, заветной мечты (*лат.*).

резвых, для кареты, но это так только, для будущего — тоже desiderium piissimum.[a]

У нас погода отвратительная, из деревни вести не особенно радостные, авось

Бог милостив , му́ка мукóй будет.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

А что Петя?[3] Как здоровье его и каково настроение?
И. Н.

На конверте: Московско-Курской железной дороги.
Станция Коренная Пустынь (бывшая Будановка).
В сельцо Воробьевку.
Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 26 апр. 1883, 2) <Москва>, 27 апр. 1883.

[1] *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — обер-прокурор Синода в 1880—1905 гг., имел исключительное влияние на Александра III.

[2] Село Воин Мценского уезда Орловской губ. — родовое поместье И. П. Новосильцова.

[3] *Борисов Петр Иванович* (1858—1888) — племянник А. А. Фета, сын его сестры Надежды Афанасьевны (1832—1870) и Ивана Петровича (1823—1871) Борисовых. После смерти Ивана Петровича Фет и его жена Мария Петровна стали для Пети «вторыми родителями», и Новосильцов, земляк и старинный друг Борисовых, также принимал участие в судьбе их сына. П. И. Борисов учился в Йенском университете, после его окончания в 1880 г. и возвращения из-за границы поступил в Казанский кавалерийский полк, т. к. впоследствии хотел стать офицером, выдержав экзамен в Петербурге. Это был талантливый юноша. Л. Н. Толстой так писал о нем в письме Фету 31 августа 1879 г.: «Поклонитесь от меня Пете Борисову и посоветуйте ему от меня почитать по-гречески и сличить с переводами. Я сейчас ходил гулять и думал о Пете. Не знаю, чему ему надо еще учиться, но знаю, что с его знаниями я могу предложить ему дела четыре такие, на которые нужно посвятить жизнь, и успех, хотя неполный, заслужит навеки благодарность всякого русского, пока будут русские» (*Фет А.* Мои воспоминания. М., 1890. Т. 2. С. 368).

4

3 (15) мая 1883 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Мая 3-го 1883.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сейчас вернулся из Сергиевской Пустыни, где присутствовал на похоронах князя Горчакова.[1] Успел видеться с Деляновым, который сообщил мне, что государю бы-

[a] пожелание самое благочестивое (*лат.*).

ло доложено, получено согласие его величества, сделавшего собственноручно одну поправку, вычеркнув слово «мученик». Вернувшись домой, нашел письмо твое от третьего дня с похвалой за мою поспешность; скажу одно в объяснение — если бы я откладывал со дня нынешнего на завтрашний, у меня бы иногда набиралось бы дела до конфузии, в которой бы я и засел с ущербом другим и с сознанием, что я дурной и глупый человек — и этого мне не хочется допустить. Вот главная пружина моей деятельности, превратившейся уже во что-то вроде второй природы. Итак, теперь изволь поджидать: Делянов мне сказал, что ответ высочайший на просьбу о посвящении получил официальный — по адресу, мною на твоем письме надписанному, — Курской губернии, Щигровского уезда, в сельцо Воробьевку.

Лечу встречать королеву греческую,[2] послезавтра еду на австрийскую границу через Варшаву — и надеюсь оттуда уже проследовать прямо в Москву.

Почтение и сердечный поклон Марии Петровне.

Жаль Тургенева,[3] мысли мои о характере его тебе известны, некрепкий он был человек, не христианин попросту, а размазня с большим талантом, который я ценил и всегда ценить буду. Жаль, что некрепкий, а то, Бог милостив, и не спятил бы!

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Моск.-Курской жел. дороги.
Станция Коренная Пустынь,
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину,
в Воробьевку.

Почтовые штемпели: 1) СПб., 4 мая 1883, 2) Москва, Южн. ж. д., 5 мая 1883.

[1] *Горчаков Александр Михайлович* (1798—1883), князь — лицеист первого выпуска, русский дипломат, министр иностранных дел с 1856 по 1882 г., канцлер с 1867 г. Умер 27 февраля 1883 г. в Баден-Бадене, похоронен на кладбище Троице-Сергиевской пустыни рядом с княгиней Мариной Александровной Горчаковой. Троице-Сергиевская пустынь — монастырь, расположенный на южном берегу Финского залива, близ Петергофа, основан в 1733 г., пользовался покровительством царской семьи и был местом духовных устремлений петербургского света. Сергиевское кладбище, место упокоения многих знатных людей Петербурга, было основано в 1789 г.

[2] Королева греческая — дочь великого князя Константина Николаевича, Ольга Константиновна (1851—1926), жена короля греческого Георга I (1845—1913).

[3] И. С. Тургенев в это время был тяжело болен (диагноз — рак костного мозга), страдал от невыносимых болей, временами впадая в помешательство, и в русском обществе распространились слухи о том, что он сошел с ума. Так, в письме от 27 апреля (9 мая) 1883 г. С. В. Энгельгардт писала Фету из Москвы: «Здесь получили грустное известие о Тургеневе. Он страдает ужасно от подагры, которая поднялась в грудь, и сошел с ума. Говорят, что его отвезли в дом умалишенных» (Письма С. В. Энгельгардт А. А. Фету / Публикация Н. П. Генераловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 115). Эти слухи, вызванные недоброжелательством к Полине Виардо, были неверны: Тургенев получал уход и консультации лучших парижских докторов. Жестокие слова о И. С. Тургеневе были вызваны тем, что И. П. Новосильцов (как

и А. А. Фет) во многом не принимал общественно-политическую позицию Тургенева, прежде всего его либеральные убеждения.

5

24 сентября (6 октября) 1883 г. с. Воин

24 сентября вечером.

Здравствуй, любезный друг Афанасий Афанасьевич, цель настоящего письма — не столько дать о себе весть, как узнать, что ты, где и как тебе? Я столько мыкался по России, что прибыл в начале сентября (7) сюда и вздохнул свободно и, осенив себя крестным знаменем, воскликнул: слава тебе, Господи, что вернулся восвояси. С тех пор как мы с тобой виделись, я был вызван по делам в Екатеринослав — т. е. в Екатеринославскую губернию — свекровь моей племянницы Нечаевой[1] скончалась. Я опекун, и пришлось мне много и много возиться, вернувшись сюда, я выехал 28 июня в Москву, Нижний, Казань, Пермь, Екатеринбург, Усолье около Соликамска, Лурьевские каменноугольные копи и проч. и проч. Везде был: на железных заводах, на рудниках, на солеварнях. Кончил тем, что, вернувшись на Волгу, остановился в Симбирске у Зины Нечаевой (дочери моей сестры Вяземской). Оттуда я через Нижний вернулся домой — рад-радешенек, что многое видел и многому научился. Везде я заметил то же утомление во всех и недоумение: куда же наконец девалась власть законная, положительная, остался какой-то призрак с вспышками произвола. Другое дело, например, у Строгановых — это примерная идеальная организация, упорядоченная покойным графом Сергием Григорьевичем![2] Но тут является совершенное отсутствие коренного правительства — везде и во всем «управление графа», во всех его имениях все управляющие, техники, горные офицеры и проч. — все из бывших крепостных, гордящихся, что они все из графских крепостных, получивших образование, путешествовавших по Европе, лучшие все на местах, неудавшиеся без вести пропадают, и не слыхать про них. Огромный капитал для пенсий увечным, пострадавшим во время работ на заводах! И тут единственным нигилистом является первое попавшееся правительственное лицо — заводчие.

Земства в этих местах — безобразная мысль![3] Вся тяжесть на заводчиках, а распоряжение на каких-то земских выборных хлыщах.

Часто приходилось мне о тебе думать, читая в газетах всю кутерьму, затеянную по случаю смерти И. С. Тургенева! И как умна статья в «Московских ведомостях»![4] От первой до последней линейки подписал бы ее, и талант и характер и вся деятельность Тургенева так отлично оценены, трезво, правдиво. Как-то в один из своих приездов в Россию Тургенев мне рассказывал, что ему больно было сознать себя врагом молодежи, — а это он испытал, отдавая телеграмму одной телеграфистке в Петербурге, — увидев его подпись, она спросила с каким-то гадливым выражением: «Писатель?» — «Да», — отвечал Тур-

генев, и он видел это чувство гадливости на чертах телеграфистки! и больно ему стало! Это было вскоре после «Отцы и Дети» и «Дыма»; вот он и постарался загладить свою вину перед молодым поколением и написал «Новь» и стал участвовать в различных комитетах и чтениях в пользу эмиграции и мерзопакостных русских шалопаев, таскающихся в Париже и Женеве.[5] Слабость нервов! — скажут друзья Тургенева; искреннее влечение сердца и ума к бойцам свободы — скажут всякие Стасюлевичи и Григоровичи.[6] Отсутствие правил, скажу я, — je puis changer d'opinions certes vrai, de principes — jamais![a] — так говорил мне, бывало, старый граф Сергий Григорьевич Строганов.

Ну скажи мне, пожалуйста, что с Петей, где он? Что и как ведет себя и как держит? Дай-то Бог, чтобы хорошо. О том, что он забыл меня, я не в претензии, в нем я любил и люблю сына покойного его отца, которого я всем сердцем любил и почитал. Это была натура без мелочных расчетов, не было в нем тщеславия (vaniti) ни на грош. Часто о нем вспоминаю и молю за него Бога.

Не стану тебе толковать об урожае — знаю, что ты теперь этим не занимаешься, сдав все Йоосту[7] в аренду, я же и волновался при бездожии и радуюсь оправившимся зеленям, лезут и кое-где зелено, а кое-где как щетка стоит вышедшая наружу молодая рожь, не сбросившая еще краску. Лошадки мои идут себе понемногу — и радуют, вся двухлетняя по 3-му году молодежь несравненно лучше того, что прежде было; тяжело теперь кормить эту компанию, кормов нет и все на зимнем положении.

Что у тебя поделывается в Грайворонке;[8] все приступу нет охотнику — забирает барышник жеребят! Жаль для меня, — а тебе хорошо! Мне давно хочется завести рыжих пару, к купле у барышников и приступить нельзя — да и нет мне подходящих, — хорошо бы, если бы Александр Иванович мне приберег пару жеребцов, хоть молодых хотя бы и верховых — я бы их докормил вершков до 4 и приездил бы в русскую упряжь. Подумай, сообщи Александру Ивановичу[9] и напиши.

Кончаю длинное и глупое мое письмо, начал с тем, чтобы узнать от тебя о тебе, а вышло, что написал всякого вздору целый ворох. Я надеюсь и желал бы подолее пожить на Воине, где у меня идет стройка и всякая всячина. На днях был по деревням и в Малоархангельском уезде, желал бы я, чтобы газетчики взглянули, как меня встречали и провожали мужики! Позадумались бы, если бы послушали наши разговоры. «Так нельзя, чтобы шло! распустили, ослабло все, нет, так нельзя» — вот откуда слышен голос, просящий подтяжки! А взглянешь наверх и слышишь: нигилятину! Поклон и почтение Марии Петровне.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину в гостиницу «Европа», нужное.
Почтовый штемпель: 1) С.-Петербург, 26 сентября 1883.

---

[a] Я могу изменить свои убеждения, это правда, но принципы — никогда! (*франц.*).

[1] *Нечаева (урожд. княжна Вяземская) Зинаида Николаевна* (1845—1894) — племянница И. П. Новосильцова, дочь его старшей сестры Екатерины Петровны, в замуж. княгини Вяземской (1825—1858), жена и затем вдова подполковника Андрея Нечаева; после смерти И. П. Новосильцова — единственная его наследница. В документах по духовному завещанию Новосильцова — «подполковница Нечаева» (Российский государственный исторический архив, ф.799, оп.5, № 231).

[2] *Строганов Сергей Григорьевич* (1794—1882), граф — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного Совета. В 1835—1847 гг. попечитель Московского учебного округа; главный воспитатель великих князей Николая, Александра, Владимира и Алексея Александровичей.

Строгановым с XVI в. принадлежали огромные именные вотчины в Сибири и на Урале, а также заводы и солеварни. Женившись на Наталье Павловне Строгановой, граф Сергей Григорьевич наследовал майорат в Пермской губ., в котором было до 45375 крестьян мужского пола. «К этому майорату он присоединил еще владения, доставшиеся ему от отца и одного из братьев. <...> Он много заботился о крестьянах, об улучшении их хозяйства, о развитии среди них разных промыслов, о распространении грамотности. В марте 1881 г. он внес в Пермское отделение госуд<арственного> банка около 150 тыс. рублей, назначив проценты с этой суммы на пособие рабочим заводов и промыслов в Пермском имении» (Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. «Смеловский—Суворина». С. 523).

[3] Земства — выборные органы местного самоуправления, которые были введены Земской реформой 1864 г. Они имели в общем благородную цель: ведение народным образованием, здравоохранением; занимались строительством дорог, школ, больниц, содействовали развитию крестьянского хозяйства. Распорядительные органы земств избирались из уездных землевладельцев, владельцев городской недвижимости и представителей сельских обществ. В отношении к земствам И. В. Новосильцова и А. А. Фета возмущала исключительно нерадивость земских управителей, их бездеятельность и безответственность, о чем неоднократно упоминалось в статьях Фета (Из Мценского уезда // Московские ведомости. 1870. № 267; Письмо к издателям Московских Ведомостей // Там же. 1872. № 74).

[4] И. С. Тургенев умер 22 августа (3 сентября) 1883 г. Статья в «Московских ведомостях», о которой упоминает Новосильцов, была напечатана 6 (19) сентября 1883 г. в № 247 на с. 3 в рубрике «Петербургские письма», за подписью W. Автор пытается защитить Тургенева-художника от «нападок прихвостней либерализма» после его смерти, доказывая, что все противоречия в его творчестве связаны с противоречиями жизни в России: «Его талант роковым образом подпал под влияние нашей жизни, от которой в последние годы он так настойчиво сторонился и которая теперь лицемерно шумит вокруг его свежей могилы...».

[5] «Отцы и дети» (1861), «Дым» (1867), «Новь» (1877) — романы И. С. Тургенева. Роман «Новь», посвященный революционному народничеству, имел отчасти целью рассеять у читателя недоброжелательные, порой враждебные чувства прогрессивной молодежи, порожденные романами «Отцы и дети» и «Дым». Однако отзывы в печати об этом романе были суровы: автора обвиняли в незнании русской действительности, а центральные образы романа воспринимались как создания, лишенные типичности, новизны и естественности. Отношение Новосильцова и Фета к роману «Новь» совпадало с мнением многих читателей и критиков и определялось их общественно-политическими воззрениями: неприятием революционно-демократической идеологии и эстетики, отрицательным отношением к «нигилистам».

[6] *Стасюлевич Михаил Матвеевич* (1826—1911) — историк, журналист, публицист, редактор и издатель «Вестника Европы», в котором с 1868 г. были опубликованы почти все произведения Тургенева. К Тургеневу М. М. Стасюлевич относился с глубоким уважением, поддерживал с ним деловые и дружеские отношения. Стасюлевич был автором статей о творчестве Тургенева, в частности, в статье «Историческая справка. По поводу тургеневской „Нови“» (Вестник Европы. 1877. № 3. С. 465—467) выступал в защиту романа от разноголосой и резкой критики.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — русский писатель, сотрудник журнала «Современник» в 1848—1860 гг. Одной из главных тем его произведений были взаимоотношения помещиков и крепостных, и важнейшей его заслугой является утвержде-

ние в литературе крестьянина в качестве ее центральной фигуры и положительного героя из народной среды.

[7] *Йоост* — правильно: *Йост Александр Иванович* (в мемуарах Фета — Ост) — обрусевший швейцарец, с 1871 г. управляющий имениями Фета.

[8] Грайворонка — имение Шеншиных в Землянском уезде Воронежской губернии, которое вместе с конным заводом перешло от отца А. А. Фета к его брату, Петру Шеншину, а после его смерти стало владением самого Фета.

[9] Имеется в виду А. И. Йост.

6

15 (27) декабря 1883 г. Петербург

15 декабря 1883.

Любезный друг, спешу сообщить тебе ответ министра народного просвещения и сообщаю ко исполнению.[1] Постараюсь забежать в продолжение дня в надежде повидаться с Марией Петровной.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину. В гостинице «Европа», нужное.

[1] В этой записке речь идет, по-видимому, снова о возможности преподнести в подарок императору «Горация» Фета, что уже обсуждалось в письме от 25 апреля.

7

11 (23) января 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая наб. № 26.
Января 11-е 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, решительно пишу только несколько строк и посылаю тебе при сем полученную мною вчера вечером записку министра народного просвещения,[1] сообщи мне поскорее то, на что у меня требуют ответа. Я написал Делянову, что немедленно, по получении от тебя сведений, — сообщу ему.

Жму руку, преданный тебе
И. Новосильцов.

[1] Записка И. Д. Делянова к И. П. Новосильцову сохранилась в РО ИРЛИ: «Покорнейше прошу Вас, многоуважаемый Иван Петрович, сообщить мне, где служил А. А. Шеншин и какого он чина. На днях я поднесу его величеству перевод Горация и на всякий случай означенные сведения мне нужны. Искренно преданный И. Делянов. 10 января 1884» (РО ИРЛИ, № 20332).

8

16 (28) января 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая наб. № 26.
Января 16. 1884.

Любезный друг, вчера получил твое письмо с извлечением из формуляра, сегодня при письме послал переписанную мною набело, красивым почерком, записку к Делянову, получил ответ, который посылаю тебе для прочтения, совершенно понимаю, для тебя все равно, получить это или нет, но я полагаю, что никогда не следует брезгать такого рода вещами, и обращаюсь к тебе келейно или конфиденциально так, т.е. чтобы знал это ты да я, напиши мне, может быть, что тебе и приятно будет получить в воспоминание понесенного труда, я тогда постараюсь опять так конфиденциально и «как от меня одного идущее мнение» сообщить Делянову, что «мол, приятно то-то или другое». Напиши как знаешь, так я и буду хлопотать.

Я забыл тебе сообщить, что я Петю разыскал, выручил, вытащил,[1] свел обедать к моей племяннице Нечаевой, познакомил с ее детьми, они его свозили в театр, потом он у них был, обедал, и пока все благополучно. Поклон шлю Марии Петровне, а тебе жму руку.

Преданный тебе искренно
И. Новосильцов.

[1] Петр Иванович Борисов был психически нездоров, но самоуверен и горд, и это беспокоило и Фета, и Новосильцова. Здесь, может быть, Новосильцов упоминает о каком-то скандале, связанном с Петей, или об уплате его долга.

9

9 (21) февраля 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Февраля 9. 1884.

Любезный друг, спасибо за сообщенное тобой твое мнение о том, что бы нам в деревне (да и везде) нужно[1] — не входя ни в какие сравнения и аналогии — вся задача легко определяется. Задача одного вопроса — чего хотим? Вот на этот-то вопрос нужно сделать прямой ответ: мне пар подымать надо — рабочих с плугами посылать (на поле), а рабочие или удрали или перепились. Кирпич делать надо, а кирпичник, заключивший условие, или удрал или приходит к тебе и руками размахивает и жалуется, что его надули обещавшие к нему явиться рабочие и не явившиеся! Не в газетах писать с отвлеченными задачами из политической экономии или там социологии. Как Maxim Ducamp[2] пишет, что во время Коммуны[3] обреченные на произвол черни различные начальники банков, департаментов и проч. послали

от себя в Версаль уполномоченного для совещания с Тьером,[4] что и как им быть? Посланный возвратился и сообщил им следующее: «J'ai vu le president énergiquement de la république, il ne sait pas ce qu'il veut, mais il le veut».[a] Этим ответом можно объяснить многое в нашей неурядице. Не дадут себе отчета серьезного, чего хотят положительно, применения ли каких-либо отвлеченных понятий и проектов на деле или дела здорового, простого, без угождения какой-либо отвлеченной теории и туманно сознаваемого идеала, который на практике является поганой безурядицей, — прочел я и вполне до последнего слова с тобой согласен. Дал бы Бог услыхать от предержащей власти хотя толковое слово о самосохранении, — впрочем, даст Бог, справимся. Поклон Марии Петровне, тебе желаю всего лучшего, Делянову напоминал вчера — он не забыл, и будет все, как тому быть следует.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

[1] Без сомнения, Новосильцов имеет в виду статью Фета «О нашем сельском самоуправлении», опубликованную 1 февраля 1884 г. в № 3 газеты «Русь», в которой горячо обсуждаются вопросы сельского быта и противоречия общественного управления, которые видел Фет, исходя из своей собственной хозяйственной практики. Это «громадное дело освобождения» широко обсуждалось в то время многими представителями дворянства (подробнее см.: *Аксененко Е. М., Виноградова Е. В.* Новые тексты А. А. Фета // А. А. Фет и русская литература (XVI Фетовские чтения). Курск, 2002. С. 12—26).

[2] *Du Camp Maxim* (*Дюкан Максим*) (1822—1894) — французский поэт и публицист. Его «История Коммуны», упоминаемая Новосильцовым, печаталась в 1879 г. в журнале «Revue des deux mondes».

[3] Парижская Коммуна — революционное правительство рабочего класса, созданное пролетарской революцией 18 марта 1871 г. Речь идет о событиях, происходивших в Париже в марте 1871 г., когда«правительство национальной обороны», образованное после провозглашения Франции республикой, бежало в Версаль под натиском стихийного восстания пролетариата, сумевшего преодолеть сопротивление войск и занять важнейшие правительственные здания.

[4] *Луи-Адольф Тьер* (1797—1877) входил в состав правительства национальной обороны.

10

14 (26) марта 1884 г. Петербург

Дворцовая набережная № 26.
С.-Петербург. Марта 14. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, все эти дни я собирался уехать в Вену, копошился, суетился и не поехал вследствие расчета денежного, жаль, что не смог исполнить своего желания повидать добрых и старых моих друзей — впрочем, еще-то Бог даст — может быть вдруг и дерну. «Заметки присяжного заседателя» 1884[1] — разыскивал

[a] «Я видел энергичного президента Республики, он не знает, чего хочет, но — хочет» (*франц.*).

у 5 книгопродавцев — нет, не нашел. Следовательно, ничего не могу сказать — разве попросить тебя выслать экземпляра два на всякий случай, если статья стоит распространения — а это обстоятельство я только уразумею по прочтении.

Делянову напоминал, но он теперь как-то осовел, по крайней мере моему пылу противопоставляет рассудительные и, что меня всегда мучит, медленные действия. Оно, может быть, и хорошо вообще, да и понятно у людей, обремененных множеством занятий — «поспешность», говорят (и по мнению моему, совсем неосновательно), нужна только блох ловить. Блоху возьмешь вернее спокойною ловкостию, — поспешностью разве спугнешь только, а потом поди ищи ее.

Здесь была на днях баталия, под председательством государя — совет, где Гурко[2] отстаивал власть (свою) против защитников порядка, установившегося на недоверии к представителям власти в генерал-губернаторствах. Гурко говорил толково, не витиевато, но ставил вопросы просто и требовал ответов прямых и простых; он, между прочим, сказал, что не согласится возвращаться в край, ему вверенный, «куклой». Государь, сказывали мне верные люди, вел совет мастерски, смирно и беспристрастно, но не идущее к делу останавливал, и сказывавших мне удивил простотой, ясностью и трезвостью постановки вопросов и ответов трезвых и решительных. Примерь семь раз и потом отрежь — а будешь примерять сто раз, проходишь зиму без кафтана! Вот тебе и добрая весть — это сказал наш добрый и честный царь. Ах, получше бы ему слуг прямых, слуг делу, а не болтовне.

Твой И. Новосильцов.

[1] «Заметки присяжного заседателя» — сочинение Ф. Н. Берга. Писатель, переводчик, публицист *Федор Николаевич Берг* (1839—1909) сотрудничал с Фетом в «Русском вестнике», выступал в печати «за сословный характер землевладения как гарантию существования дворянства». «Заметки» вышли анонимно в Москве в марте 1884 г. малым тиражом, и Новосильцов, прочитав брошюру, искал ее экземпляры в Петербурге, чтобы давать прочесть «единомыслящим людям». Подробнее об этой истории и определении анонимного автора «Заметок» см.: *Аксененко Е. М., Виноградова Е. В.* Новые тексты А. А. Фета. С. 22—25.

[2] *Гурко Иосиф Владимирович* (1828—1901) — генерал-адъютант, член Государственного Совета, Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа в 1883—1894 гг.

11

26 марта (7 апреля) 1884 г. Киев

Киев. Марта 26. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Вот откуда пришлось мне дать тебе весть о себе грешном. Я писал тебе, что собирался удрать в Вену недельки на три, вдруг государь рассудил за благо послать меня на встречу королевы греческой Ольги Константиновны в Одессу; в Киеве я должен был встречать царский

поезд и с ним проследовать в Одессу, откуда уже прямиком на Белосток в С.-Петербург. Теперь я в пути, проехал через Мценск, выписал управляющего, доехал с ним до Орла, переговорил кое о чем и накануне Благовещения прибыл сюда, в первый раз в моей жизни! Экая здесь благодать, вчера целый день с утра я осматривал и Лавру, и Св. Софию, и Андрея, и Св. Михаила, обедал у ген<ерал>-губернатора,[1] сегодня часа в три надеюсь выехать в Одессу. Виноват за глупые подробности, просто к слову пришлось, и разболтался. Прочел я «Заметки присяжного»,[2] — согласен во всем, поручил книгопродавцу достать мне пять экземпляров, но не тут-то было, ничего не могли достать, твой экземпляр я послал на чтение двум единомыслящим людям, более пока не мог сделать, посылал и в типографию «Общественная польза», где твой экземпляр отпечатан, и там получил отказ. Отчего это? Неужели трудно распространить в чтение книжечку полезную и на которую, весьма вероятно, подымутся громы нигилятины. Я здесь успел ее порекомендовать, но в продаже, само собою разумеется, ее нет. Меня смущает один любопытный, спросивший меня «уж не Мещерский ли написал эти заметки?».[3] Признаюсь, что эта личность своим содействием даже в хорошем деле скорее принесет вред, чем пользу, про него говорил Ф. И. Тютчев c'est un plat pied enthousiaste![a] И нахал он напыщенный, жаль было бы, если бы его перу мы были бы обязаны благодарностию! О судебных порядках идет давно речь и надо надеяться, что произойдет поворот в хорошем направлении. Читал ли ты в январской книге «Русского вестника» «Наши реформы» Семенова[4] — все, что там говорится о «Комиссиях», замечательно, трезво и толково.

Кончу просьбой отвечать, благо будешь отвечать на ответ, в Петербург по известному тебе моему адресу. Здесь были аресты и захвачено — совершенно случайно, но очень ловко — много личностей и типографий, слава Богу, пора наконец перестать дремать не на лаврах, а на репьях! Не знаю, но кажется мне, что «репейный» пишется без буквы ѣ.

Мой поклон Марье Петровне, и тебе мое сердечное рукопожатие.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Фету.
Московско-Курской ж. д. станция Коренная Пустынь,
в сельцо Воробьевка.
Почтовые штемпели: 1) С. Петербург, 25 мая 1884, 2) Южн. ж. д., 26 мая 1884.

[1] Имеется в виду *Дрентельн Александр Романович* (1820—1888) — Киевский, Подольский, Волынский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа в 1881—1888 гг., член Государственного Совета.

[a] неуклюжий энтузиаст (*франц.*).

[2] «Заметки присяжного заседателя» Ф. Н. Берга (см. прим. 1 к письму 10).

[3] *Мещерский Владимир Петрович* (1839—1914), князь — публицист, прозаик, издатель и редактор газеты «Гражданин», известный крайне консервативными взглядами. В 60-х—70-х гг. писал о «благодетельном значении» реформ, пытался соединить идеи земства и твердой власти (Очерки нынешней общественной жизни России. СПб., 1868—1870), затем призвал «реформам <...> поставить точку, ибо нужна пауза, <...> чтобы дать жизни сложиться» (Вперед или назад // Гражданин. 1872. № 12. С. 42). По мере размежевания политических сил «охранительство» Мещерского становилось более откровенным (требование «опеки» над обществом в сб. «Речи консерватора» (СПб., 1876), который вызвал острую полемику в печати). В отзывах современников предстает личностью малопривлекательной, способной на лицемерие в отстаивании своих позиций. Язвительные характеристики дал ему В. Г. Короленко в своем дневнике: «ультрадворянин и охранитель-крепостник», «посмешище всей печати и всей читающей России» (*Короленко В. Г.* Дневник. Полтава, 1928. Т. 4. С. 177, 311).

[4] *Семенов Николай Петрович* (1829—1904) — брат известного географа и путешественника П. П. Семенова-Тян-Шанского, сенатор, активный участник комиссий по проведению крестьянской реформы 1861 г., автор 3-томного труда «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II: Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу» (СПб., 1889—1893). Статья «Наши реформы» вызвала одобрение А. А. Фета, который также затрагивал вопрос о мировых посредниках в своей статье «Наши корни», опубликованной в № 2 «Русского вестника» за 1882 год. Н. П. Семенов был давним знакомым Фета, с которым познакомился в 1858 г., и состоял с ним в переписке. 10 его писем к поэту за 1884—1888 гг. хранятся в РО ИРЛИ (№ 20289).

12

24 апреля—2 мая (6—18 мая) 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Апреля 24-го 1884.[1]

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Давно к тебе не писал; в Одессе я прожил долее, чем предполагал, и вернулся с королевой Эллинов сюда лишь 9 апреля — письмо твое в ответ на мое из Киева получил. «Заметки присяжного» я расплодил в большом количестве, и могу тебе сказать откровенно и без хвастовства, что ты этой книжечкой принес пользу родине, в чем, Бог даст, скоро убедишься. Я получил сперва от Н. Берга[2] 4 экземпляра — пошли тотчас в ход; потом достал через одного ходока книжного 20 экземпляров, которые не все поместили, потому что помещаю с толком и только таким, которых нужно подбить на доброе дело. У меня единомышленник есть, который тоже с своей стороны старается. По мнению моему, нечего спешить, если дело хочется поправить, и то, что наделано в эти последние годы, разом не вырвешь, а лишь бы убедившись (что необходимо прежде всего знать) в том, чего именно желать следует — дать себе ясно в этом отчет и исподволь — без ломания и ковыркания, поставить на подобающее место и дать надлежащий камертон!

Часто мне приходится толковать с людьми, занимающими, как говорится, «некоторое» положение в высших служебных сферах, — и, право, дивишься, как такой или другой человек туда попал; взгляни на состав Государственного Совета? Даже совестно станет за них: Перец,

Фриш, Каханов, Метлин, два брата Мансурова (оба мои родственники), Верigин, Губе, Танеев, Казнаков, выдумавший Сибирский университет, Платонов, Глазенап, Грот, Корнилов, Старицкий, Любощинский и проч. и проч.[3] — где эти люди видели жизнь живую, где они век свой вращались? Читать и писать умеют и слыли за работящих чиновников-канцеляристов, вот и все, все это могли быть и были бы люди полезные в своей сфере, при исполнении своих обязанностей, — но на верхних ступенях, но советниками верховной власти они быть не могут и не должны — и всякий из этих Перцов и всякой всячины тащит за собой таких же Перцов и Глазенапов и Корниловых; сильная энергическая личность, знающая не дела, а дело, генерал-губернатор какой-нибудь, не уживется с этими, прости Господи, хамами из либеральных правоведов!

Но довольно я дозволил себе отвести душу на русский манер; и кажется мне, что Государь чувствует все то, о чем я пишу тебе, но еще стесняется и zögert[a] перед таким составом советчиков, и слава Богу, — потише, но лишь бы по-верному, ясно сознанному пути идти, и малопомалу все это исчезнет. На днях много было говорено о том, будто государю следовало, найдя Государственный Совет до нельзя подтасованным, приступить к образованию совета из «лучших людей», как говорилось в старину, — я не разделил этого мнения: легко сказать, такое учреждение, как Государственный Совет, поставить вверх дном! Пусть вымирают, выходят понемногу со сцены деятельности, но пусть заменяются людьми! Главное — людей-то нет. Возьмут, например, министром военным Ванновского — и выходит, что он кукла, за которой сидит дирижер Обручев,[4] с красненьким направленьицем! Куда не посмотришь, сидит, пожалуй, и хороший человек — да руководит им какой-нибудь прощелыга. То же, например, Дрентельн в Киеве — человек хороший, честный, умный, а за ним сидит правитель канцелярией — Меркулов![5] Хам — умный и злостный! И так погляди — то там, то сям все то же, а положительно, ясно высказанного образа действий — нет. Как этому помочь? Мне кажется, что не поможешь перестройкой и ломанием — нужно твердить одно и то же...

Мая 2.

Неужели я сегодня не допишу дурацкого письма своего, подвергавшегося беспрестанным перерывам, — хочу кончить и совестно мне, что надоедаю тебе длинным пустословием. Сегодня виделся утром с сильными (дай-то Бог) мира сего. Как тебе понравилось замечание нового генерал-губернатора Туркестанского Розенбаха[6] в ответ на сообщаемые князем Мещерским в «Гражданине» сведения о намерении сократить личный состав. Розенбах, которого я знаю за хорошего человека, отправился к министру внутренних дел и пожаловался, оказывается, что ныне «Гражданин» за консервативные статьи состоит под особым покровительством! Я сказал, что есть орудия, которых употребление марает руки употребляющим. Возразили: что ж, лучше, что ли, чтобы

[a] медлит, колеблется (*нем.*).

он — «Гражданин» — был органом беспорядка? — Нет, не лучше, — ответил я, — но органов с такими редакторами, как Мещерский, доброму делу не нужно, и что услужливый дурак опаснее врага! «Впрочем, — было мне отвечено, — за такие выходки ему горб начешут!»

Более нечего мне тебе писать, надеюсь, что Бог приведет нам свидеться на Воине, теперь мне не до деревни, да и не тянет туда, здесь снег im schönen Monat Mai![a,7] Вот тебе и монат май со снегом; у меня отсеялись, но вести не особенно радующие.

Жму тебе руку и прошу передать Марии Петровне мое искреннее почтение.

До свидания, преданный тебе
И. Новосильцов.

По деревням рассадил еще 7000 лиственниц и сосен без счета! Осенью, если доживу, опять буду сажать.

[1] Сверху приписка: 2 мая.

[2] Правильно: от Ф. Н. Берга.

[3] *Перетц Егор Абрамович* (1833—1899) — государственный секретарь в 1878—1883 гг.; с 1 января 1883 г. член Государственного Совета по Департаменту законов;

Фриш Эдуард Васильевич (1833—1907) — товарищ министра юстиции в 1876—1883 гг.; с 1 января 1883 г. член Государственного Совета и временно исполняющий обязанности товарища министра юстиции;

Каханов Михаил Семенович (1833—1900) — член Государственного Совета, председатель Особой комиссии для составления проектов местного управления в 1881—1885 гг.;

Метлин Николай Федорович (1804—1884) — адмирал, член Государственного Совета;

Мансуровы — родственники Новосильцова со стороны его матери, Настасьи Павловны Мансуровой: *Мансуров Борис Павлович* (1828—1910) — действительный тайный советник, член Государственного Совета с 1872 г., сенатор, статс-секретарь; *Мансуров Николай Павлович* (1830—1911) — член Государственного Совета с 1 января 1883 г., статс-секретарь, управляющий делами Комитета министров в 1880—1883 гг.;

Веригин Александр Иванович — генерал-адъютант, генерал от инфантерии;

Губе Ромуальд Михайлович — действительный тайный советник, статс-секретарь;

Танеев Сергей Александрович (1821—1889) — член Государственного Совета с 1879 г., статс-секретарь;

Казнаков Николай Геннадьевич (1824—1885) — генерал-адъютант, член Государственного Совета, генерал-губернатор Западной Сибири и командующий войсками военного округа в 1875—1877 гг.; воспитатель Александра III;

Платонов Степан Федорович (1844— ?) — тайный советник, сенатор, член высшего дисциплинарного присутствия правительствующего Сената;

Фон Глазенап Богдан Александрович (1811—1892) — адмирал, член Адмиралтейского совета и Александровского совета о раненых;

Грот Константин Карлович (1815—1897) — член Государственного Совета с 1870 г., статс-секретарь;

Корнилов Федор Петрович (1809—1895) — член Государственного Совета, статс-секретарь;

Старицкий Егор Павлович (1825—1899) — с 1879 г. член Государственного Совета по Департаменту гражданских и духовных дел, с 1 января 1883 — председатель Департамента законов Государственного Совета;

Любощинский Марк Николаевич (1816—1889) — член Государственного Совета, судебный деятель.

---

[a] в прекрасном месяце мае (*нем.*).

Все вышеперечисленные государственные деятели входили в Государственный Совет, сформированный новым императором в 1883 г. А. А. Половцов, государственный секретарь, так писал о нем 8 марта 1883 г.: «Консерваторы и либералы — вот на чем покоится теперешняя система управления, если какая-нибудь система существует; такая неурядица страшна в будущем» (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 60).

[4] *Ванновский Петр Семенович* (1822—1904) — генерал от инфантерии (1883), военный министр в 1882—1897 гг., министр народного просвещения в 1901—1902 гг. *Обручев Николай Николаевич* (1830—1904) — один из ближайших сотрудников бывшего военного министра графа Д. А. Милютина; генерал от инфантерии, начальник Главного штаба в 1881—1898 гг., председатель Военно-учебного комитета (с 1867 г.) и комитета по мобилизации войск.

П. С. Ванновский пользовался покровительством императора. С. Ю. Витте вспоминал: «Император Александр III очень любил Ванновского; <...> он был начальником штаба у императора, когда Александр III был еще наследником цесаревичем <...> Ванновский представлял собою личность. Он был человек не большого образования, не большой культуры, но твердо преданный государю; человек порядка <...>. Сделавшись военным министром, он назначил начальником Главного штаба Обручева, <...> ум военного министерства, конечно, составлял Обручев, а Ванновский представлял собою собственно характер военного министерства; они, так сказать, друг друга восполняли. <...> Обручев получил это место, потому что Ванновский откровенно сказал государю, что <...> с точки зрения теоретических военных соображений и собственно военной науки, он считает, что единственный человек, на которого он мог бы опереться и который мог восполнить его недостатки — это Обручев» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. С. 248). «...Назначение Обручева начальником Ген. штаба к Ванновскому уже ясно показывало, что Ванновский будет на дело смотреть глазами Обручева, так как, несомненно, Обручев был гораздо более образован и подкован для всяких трений, нежели его начальник Ванновский» (Там же. С. 26).

[5] Дрентельн — см. п. 11, прим. 1. *Меркулов Петр Афанасьевич* (1843—?) — управляющий канцелярией Киевского генерал-губернатора.

[6] *Розенбах Николай Оттонович* (1836—1901) — генерал-адъютант, член Государственного и Военного Советов, в 1881—1884 гг. начальник штаба Петербургского военного округа, в 1884—1889 гг. Туркестанский генерал-губернатор.

[7] Правильнее — «Im wunderschönen Monat Mai...» — строка из стихотворения Генриха Гейне из «Книги песен» (цикл «Лирическое интермеццо»).

13

5 (17) мая 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набер. № 26.
Мая 5. 1884.

Любезный друг, вчера получил письмо твое из Воробьевки! А третьего дня я послал тебе длинное, урывками написанное письмо в Москву на Плющиху; это — доказательство, что сердце сердцу весть подает, а пока я писал к тебе, потом, за большим перерывом, опять продолжал и наконец, дописав — извинился за вероятную несвязность написанного и пустил поскорее на почту, а тем временем и ты, друг мой, обо мне вспомнил и дал о себе весть; так-то, повторяю — сердце сердцу весть подает. Тотчас же, т. е. вчера же купил 3 экземпляра «Писем из деревни» Голохвастова в ответ Энгельгардту.[1] Дай Бог, чтобы как-нибудь бы защищались добрые люди против галиматьи социалистической. Прочту и напишу тебе о том, как мне понравилась эта ста-

тья. Если понравилась тебе, то полагаю, что я не прочту безучастно. С Деляновым у меня были некие пререкания, окончившиеся пока мирно, т. е. миром, но я нещадно ему написал мою отповедь — это касательно выхлопатываемой мною пенсии или единовременной помощи оставшейся после моего бедного Юрия Карловича Фелькеля[2] старушке, называемой Каролиной Верт, авось, доведу это дело до конца. О твоем деле, спасибо, что ты мне напомнил, завтра же начну бомбардировку с сатирическим «прихохатыванием» насчет формализма Делянова, который не терпит именно упреков в том, чем страдает. А все-таки он добрый человек! Об этом я тебе скажу, что после будет, — в следующем письме. Так как я теперь состою при е<е> в<еличестве> королеве Эллинов, то ранее свадьбы вел<икого> князя Сергия Александровича[3] вряд ли можно мне будет освободиться. На Воине у меня — как и в других местах — идет постройка, починка и всякий ремонт, — денег мало, но все же нечего пока мне лично жаловаться, подвигается, живет хозяйство, <тлеет> вроде «Курилки»,[4] но все-таки ползет — скорее к улучшению, чем к ухудшению.

Всякий раз, как ты мне сообщаешь твои мысли или рекомендации, что прочесть, я пускаюсь в пропаганду и стараюсь сообщить сильным мира сего, что не все спят и что драть кожу со спящего не всегда удобно — пожалуй, проснется и закричит, что больно. Так-то стало и дворянство, т. е. землевладение или помещики стали, как ты говоришь, блеять; авось и заговорят толком, игры в парламенте приелись и фразы в земских собраниях вроде «мой уважаемый оппонент» уже не забавляют — везде стали сознавать, что нужно дело, а не заявления с передачей в Комиссию! Какова речь Бисмарка?[5] Сын его[6] мне ее подарил 3-го дня, в немецком тексте она несравненно лучше, острее и толковее. По крайней мере, «знает, чего хочет» и не стыдится откровенно о том говорить.

Поклон мой Марии Петровне, будь здоров и не поминай меня лихом.

Преданный тебе сердечно
И. Новосильцов.

[1] *Голохвастов Павел Дмитриевич* (1839—1892) — историк, публицист, филолог; теоретик славянофильской идеи земского собора. В 1880-е годы им были написаны исследование «Земское дело в смутное время» (Русь. 1883. № 18) и брошюра «Письма из деревни о письмах из деревни г. Энгельгардта» (М., 1884), которые широко обсуждались в печати.

Энгельгардт Александр Николаевич (1828—1893) — профессор С.-Петербургского Лесного института, химик. После окончания профессуры в Земледельческом институте вынужден был удалиться в свое имение Батищево, но, получив письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина с предложением написать о современном положении помещичьих и крестьянских хозяйств, каждый год присылал в «Отечественные записки» статьи о ведении хозяйства в имении — «Из истории моего хозяйства Батищево. 1872—1886», «15 лет на хозяйстве Батищево», а также упоминаемые Новосильцовым «Письма из деревни». А. Н. Энгельгардт был сторонником общинного землевладения и предсказывал победу крестьянского землевладения, если крестьяне будут обрабатывать землю сообща, сообща вести хозяйство целыми деревням, арендовать барские усадьбы и т. д. Голохвастов же был убежден в том, что общинное землевладение доживает последние годы, и приводил как положительный пример ирландское землевладение, с фермерами и безземельными батраками. Самые противоречивые отзывы о статьях обоих публицистов печатались в веду-

щих российских изданиях. В частности, в «Русской мысли» в мае 1884 г. некто писал о «Письмах...» Голохвастова: «Полемические выходки автора и потуги его напряженного остроумия производят крайне неприятное впечатление. Но нельзя не признать основательности некоторых замечаний г. Голохвастова по второстепенным и третьестепенным вопросам, подымаемым и решаемым г. Энгельгардтом, нельзя не признать и некоторого противоречия в характеристиках русского крестьянина, которые дает нам г. Энгельгардт...» (Русская мысль. 1884. № 4—5. С. 60—61).

Новосильцов, иронически называя рассуждения Энгельгардта «социалистической галиматьей», в вопросе о землевладении полностью принимает позицию Фета, которая выразилась в его статьях, написанных в 80-е годы («Наши корни», «О нашем сельском самоуправлении»): общинное владение землей отрицает частную собственность и личную инициативу, а главная роль в осуществлении земельных реформ должна принадлежать собственнику-землевладельцу.

[2] *Фелькель* — воспитатель Новосильцова с детских лет. В своих воспоминаниях Фет пишет о нем: «Невзирая на малые лета ребенка, я уже застал при нем молодого рыжеватого наставника немца Фелькеля...» (*Фет А.* Ранние годы моей жизни. М., 1893. С. 78).

[3] Свадьба великого князя *Сергея Александровича* (1857—1905), сына Александра II, и Елизаветы Федоровны, принцессы Гессен-Дармштадтской (1864—1918), состоялась 3 (15) июня 1884 г.

[4] Курилка — персонаж из детской народной песенки, исполняемой при игре в «Курилку». Играющие садятся в круг и передают друг другу горящую лучинку с припевом: «Жив, жив Курилка, ножки тоненьки, душа коротенькая». Тот, в чьих руках лучина погаснет, выходит из круга. Шутливое выражение «жив Курилка» употребляется при упоминании о непрерывной деятельности в трудных условиях.

[5] *Бисмарк Отто Эдуард Леопольд* (1815—1898), князь — германский канцлер в 1871—1890 гг. Его речь, произнесенная 9 мая (27 апреля по ст. ст.) 1884 г. на заседании Германского рейхстага, касалась борьбы правительства против анархистов и обстоятельств, затрудняющих успешное ведение этой борьбы. После убийства императора Александра II император Вильгельм предложил совместное действие великих держав Европы против терроризма. Россия взяла на себя обязательство созвания коференции по этому вопросу в Брюсселе, но это предложение не нашло поддержки Англии, а также Франции и Австрии. «Таким образом, Россия и Германия остались одни в борьбе с международными анархистами. Тому и другому государству ничего иного не оставалось, как вести эту борьбу своими специальными средствами. Князь Бисмарк и г. фон Путткаммер (министр внутренних дел Германии. — *Е. В.*) ограничились в своих речах изложением тех мер, которые были приняты против анархистов в Германии, но сказанное ими во многих отношениях поучительно и для нас», — говорилось в передовице «Московских ведомостей» в № 122 за 1884 г. (Цит. по: Речи князя Бисмарка и г. фон Путткаммера по поводу закона о социалистах // Русский вестник. 1884. Т. 171, № 5. С.430—438).

[6] *Бисмарк Генрих Фердинанд Герберт* (1849—1904), граф — старший сын канцлера, дипломат, с 1888 г. министр иностранных дел Германии. В 1884 г. был советником германского посольства в России, и его хорошо знал петербургский свет. О встречах с ним в Петербурге упоминает, в частности, государственный секретарь А. А. Половцов в своем дневнике (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 1).

14

23 мая (4 июня) 1884 г. Петербург

Дворцовая набережная № 26.
С.-Петербург, мая 23. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Не знал и не гадал, что мне придется тебе писать о Пете Борисове вести не совсем утешительные:[1] третьего дня вдруг получаю письмо от не-

знакомого мне князя Девлет Кильдеева, который пишет, что узнал случайно, «что я принимаю живое участие в молодом человеке Петре Ивановиче Борисове», который занимает номер в гостинице рядом с ним, и проч., посылаю тебе записку в подлиннике, тотчас по получении отправляюсь туда и не застаю дома ни князя Девлет Кильдеева, ни Пети Борисова, прождав довольно долгое время, я мог убедиться из скрываемых намеков прислуги, что тут что-то очень неладно, уехал, написав письмо Пете и обещав в нем быть на другой день, третьего дня (пишу тебе 24 мая). Утром получаю записку в пакете без надписи, спрашиваю посланного, кому, отвечает: Г-н Борисов велел отдать самому Новосильцову, открываю и читаю следующее. «Пришли сейчас сию же минуту Голденково в карете (c'est mon second petit valet de chambre),[а] потом по-французски «apportez autant d'argent que Vous pensez, il faut impressionner ces misérables gens qui me prennent pour un mendiant»,[б] потом неразборчиво два-три слова. Я сейчас послал своего Голденкова с инструкцией и обещался приехать тотчас же, как мне будет возможно, во всяком случае обещался прийти до 4 часов, в два часа я уже был там, мне сказали, что Петя Борисов ушел с моим человеком, — я домой — через 1/2 часа являются оба, я нашел Петю потолстевшим и в очень возбужденном состоянии, денег ни гроша, 200 рублей счеты в гостинице, он показал мне письмо Йооста, который от прошлого года отложил ему, кажется, 5000 рублей и купил процентных бумаг, я тотчас же упросил его телеграфировать Йоосту (что он и сделал), что «простите меня, что не отвечал на письмо и не уведомил о получении в январе месяце 500 рублей, пришлите немедленно 1000 рублей на имя Ивана Петровича Новосильцова, мой адрес, подписано Петр Борисов». Ни за что он не хотел более возвращаться в гостиницу, я послал уплатить все счеты и привезти сюда его вещи, он пожелал остаться у меня, вещей очень мало, две разорванные рубашки, одна пара носков грязных на нем, рубашка, в которой он пришел, была куплена моим человеком, когда они из гостиницы шли сюда. Тут начинается для меня ряд самых мучительных часов, которые можно пережить, страшные крики, ругань (площадная) потом переход к излияниям восторженной привязанности. Вчера утром был уже у меня мой добрый приятель доктор Вагнер,[2] который домашний и врач, и друг семейства Строгановых, решено было, что доктор сегодня утром привезет с собою знакомого специалиста, но не так вышло, как мы рассчитывали: по отъезде доктора начались крики, вопения, опять ругань, люди мои и домашние соседи встревожились, я же не могу и описать, что перечувствовал, вечером он захотел поехать к доктору, запрягли карету, и он с Голденковым отправился на острова, где живет доктор. Оказалось, что он ни за что не захотел его видеть, когда приехал на место. «Нет, — говорит, — лучше поедем кататься». Я был у коменданта тем временем, расспросить, как и что предпринять, комендант — твой товарищ по уланскому полку Адельсон,[3] в чине генерал-майора. При-

[а] это мой второй комнатный слуга (*франц.*).

[б] «Внесите столько денег, сколько сочтете нужным, чтобы произвести впечатление на людей, которые принимают меня за нищего» (*франц.*).

езжаю домой — Петя Борисов было вернулся и ушел гулять, беспокойство и проч., в 12 часов ночи вернулся, опять нервный припадок, крики и проч., посылаю за доктором частным дежурного, сам бегу в аптеку, узнаю адрес и бегу к 2-м докторам, дождь проливной, возвращаюсь домой и ожидаю скорого приезда доктора, припадок, вышибает окно, кричит, что умрет «хоть назло» и проч. Приезжает доктор, до утра провозились с ним, успокаивая, упрашивая и проч. По совету доктора отправляю справиться с запиской от него, есть ли помещение для платящих в больнице, где главный доктор Чечот,[4] приезжают и говорят, что к десятому часу утра будет готово. Отпускаю проторчавшего частного доктора, посылаю на острова за Вагнером и с согласия Пети его увозят и помещают в больнице Св. Николая Чудотворца,[5] уплачивает доктор Вагнер 100 рублей за два месяца, т. е. до 24 июля. Теперь пишу все это тебе. Вчера я послал тебе телеграмму, но не знаю, можно ли тебе сейчас и приехать с твоим здоровьем, что ты решишь это. 24 мая <три часа>, получил твою телеграмму, которая служит как бы благословением всего мною сделанного Пете. Он находится под присмотром Чечота, главного доктора Николаевской больницы, кое-какие вещи, т. е. просто Бог знает какая дрянь, и письмо Йоста сберу (так! — *Е. В.*) и пошлю или привезу к тебе. Утомлен я до последней границы и с 3-го дня не спал. Поклон Марии Петровне, тебе руку жму.

Завтра должен переехать на несколько дней в Петергоф, адрес не меняю, нужно принять меры по доставлению платы за содержание, что можно будет — сделаю.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину
в Москве, на Плющихе собственный дом.
Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 25 мая 1884, 2) Москва, 26 мая 1884.

[1] После смерти Ивана Петровича Борисова в 1871 г. И. П. Новосильцов, наравне с Афанасием Афанасьевичем, официальным опекуном с 1871 г., и Марией Петровной, заботился о Пете Борисове, как о родном сыне. («Когда в последнее наше свидание я стал жаловаться Н<овосильцо>ву на странные выходки Петруши, заставляющие опасаться душевного расстройства, — Иван Петрович воскликнул: „какой вздор! Пришли его ко мне, я его разбраню и подтяну хорошенько, и все пойдет прекрасно“» (*Фет А.* Мои воспоминания. М., 1890. Т. 2. С. 397). После трагического случая с Петей, пересказанного в этом письме, он был помещен в больницу св. Николая Чудотворца (Николаевскую) в Петербурге, окруженный вниманием и заботой И. П. Новосильцова. Однако Фет хотел перевезти больного ближе к себе, в Москву, в частную лечебницу на Плющихе. После приезда Фета в Петербург М. П. Боткин, попечитель больницы св. Николая Чудотворца, уговорил Фета не беспокоить больного, предложив посетить его в больнице и удостовериться, что больной находится в хороших условиях. «Убедившись в превосходном уходе за моим больным, я отказался от мысли перевозить его в Москву» (Там же. С. 398). Фет вернулся в Москву, а Новосильцов продолжал навещать Петю и своевременно вносить плату за лечение до самой его смерти в 1888 г.

[2] *Вагнер Артур Андреевич* — лекарь, коллежский советник, служил при Министерстве внутренних дел.

[3] *Адельсон Николай Осипович* (?—1901) — генерал-майор свиты, комендант Зимнего дворца.

[4] *Чечотт* (*Чечот*) *Отто* (*Оттон*) *Антонович* (1842—1918) — городской психиатр Петербурга, главный врач больницы Николая Чудотворца для душевнобольных, с 1908 г. профессор Психоневрологического института. Написал книгу «К развитию призрения душевнобольных С.-Петербургским городским общественным управлением. 1884—1912» (СПб., 1914), а также ряд статей об организации городской и общегосударственной психиатрической помощи, начиная с 60-х гг. XVIII в.

[5] Больница Св. Николая Чудотворца — вторая в Петербурге больница для лечения душевнобольных (находилась на р. Мойке, 124), на 300 мест (первая — Больница всех скорбящих — на 350 мест). Имела 30 отдельных помещений за плату от 40 до 50 руб. в месяц.

15

3 (15) июня 1884 г. Петербург

С.-Петербург, июня 3-е 1884.
Дворцовая набережная № 26.

Любезный друг, мало времени свободного мне для переписки, и все-таки, по мере возможности, стараюсь успевать. Вряд ли удастся мне быть 12 июня на Воине, молю Бога, чтобы 12 июля быть на месте, после праздника и проч. я должен буду проводить короля и королеву до границы[1] — но не на Одессу, а куда-нибудь на запад через Варшаву или на Айдкунен,[2] вернуться сюда, привести немного в порядок свои делишки и поехать в деревню через Москву, где мне тоже придется остаться денек-другой; по всему этому не думаю, чтобы к 12 июня текущего <года> мне быть на Воине. Разве только буду подъезжать около этого числа.

На днях я получил от Йооста письмо на имя Пети, прочитал его и вернул ему назад, описав в моем письме подробности случившегося несчастия; его денег, посланных Йоостом 1000 рублей, я получил, вычел 300 рублей с чем-то, издержанных мною, остальную сумму хочу передать доктору Вагнеру, моему приятелю, который и позаботится своевременным взносом в больницу следующих за содержание больного 50-рублевого месячного взноса. Всего желательнее, говоря пока общим взглядом, чтобы Александр Иванович Йоост продолжал держать имение Пети в аренде, но я полагаю, нужно будет что-нибудь придумать вроде опеки и желательно было бы найти человека чужого, но хорошего. Впрочем, обо всех этого рода подробностях переговорим с Божьей помощью при нашем свидании. Сегодня свадьба в первом часу, к пяти парадный обед, а к 8 1/2 куртаг,[3] т. е. нечто вроде бала, после чего я опять верхом буду по улицам у правого колеса золоченой кареты парадировать. Завтра постараюсь повидаться с доктором Чечотом, о котором собирал справки, которые с сего дня в его пользу, но мне советовали заявить участие мое перед Чечотом, что будет от этого

лучше. Постараюсь исполнить это завтра. Поклон глубокий Марии Петровне.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

[1] Короля и королеву греческих — Георга I и его жену Ольгу Константиновну, приезжавших в Россию на свадебные торжества (свадьба великого князя Сергея Александровича, которая состоялась 3 (15) июня 1884 г.).

[2] Айдкунен (Эйдткунен) — ныне пос. Чернышевское Нестеровского р-на Калининградской обл.

[3] Куртаг (от нем. Kurtag — день собрания избранных) — прием или приемный день в царском доме.

16

6—7 (12—13) июня 1884 г. Петергоф

Петергоф, июня 6. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, вчера я виделся с доктором Чечоттом (Чечотт) — так называемым психиатром, у которого Петя находится на пользовании, он дает хорошие надежды на выздоровление, но я не скрыл от него никаких обстоятельств семейных, которыми объясняется болезнь.[1] О Чечотте я справлялся у Обермюллера,[2] лейбмедика и старого моего знакомого, который мне посоветовал скорее избежать частные лечебницы, которые только тем успокоительнее действуют, что там плата гораздо более и выше, я Чечотту уплатил еще 100 рублей на случай, если Пете будет лучше и ему захочется чего-нибудь свыше положенного во время лечения (пишут тоже лѣчения). Остальные деньги 600 рублей я отдал доктору Вагнеру, которому на случай спеха непредвиденного Чечотт может обратиться. Пронесся слух в Николаевской больнице, что С. П. Боткин[3] принимает участие в Пете, и его ждали в больнице.

Это хорошо, уход будет лучше!

Июня 7.

Меня вчера прервали, постараюсь дописать сегодня. Кончил замечанием о слухе, что Боткин принимает участие в Пете, это я подтвердил Чечотту. По разговорам с доктором я узнал, что больной переходит часто из одного состояния задумчивости в другое, «беспокойное», видеть мне его не советовали, я, признаюсь, не видел в этом посещении прямой пользы — я этим советом буду рад воспользоваться, потому что на меня до сего дня воспоминания прожитых двух суток производят тяжелое впечатление. Чечотту я дал твой адрес на случай каких-либо мер — по объявлению больного, хотя временно неправоспособного; мне кажется, что следует в этом отношении руководствоваться обычаями, у специально знающих это дело принятыми. Только пока очень желательно, чтобы Йоост продолжал ведать делами, а там что Бог даст.

Жму тебе приятельски руку, видел Делянова и в шутку сказал ему, что от него (<не поминая> козла) нет мне ни шерсти, ни молока. «Экий Вы, право, Иван Петрович, как бульдог какой!» «Бульдог я и есть», — сказал я. Он меня заверил, что на днях и ученый Комитет высказкажется, и он, наконец, найдет случай упомянуть о признательности государя. Ils sont presque tous ainsi.[a]

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Москва, Плющиха, собственный дом.
Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 8 июня 1884, 2) Москва, 10 июня 1884.

[1] Новосильцов имеет в виду, что душевная болезнь Пети — наследственная: его мать, сестра Фета Надежда Афанасьевна, умерла в 1870 г. в больнице для душевнобольных в Петербурге.

[2] *Обермюллер* (*правильно — Обермиллер*) *Александр Леонтьевич* (1828—1892) — лейб-хирург императорского двора, член военно-медицинского ученого комитета и медицинского совета министерства внутренних дел, тайный советник. Был близким другом Н. И. Пирогова, одним из его помощников во время обороны Севастополя в 1854—1855 гг.

[3] *Боткин Сергей Петрович* (1832—1889) — врач-терапевт, основоположник физиологического направления в клинической медицине, брат жены А. А. Фета Марии Петровны.

17

21 июня (3 августа) 1884 г. с. Воин

Четверг. 21 июня 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, письмо твое от 18-го текущего месяца я получил и благодарю за вести, спешу отвечать: дня через три я имею намерение съездить в Тамбов к Павлу Строганову,[1] откуда с Божьей помощию вернуться намереваюсь в самых наипервейших числах июля, во время моего отсутствия будет краситься крыша в обитаемом мною доме, и я надеюсь избежать зловония топленого масла с медянкой. На Воин я приехал с понедельника на вторник с курьерским поездом, который на секунду для меня остановился в Отраде.[2] После всех моих странствований в Айдкунен и проч. вздохнул в родном гнезде и хотел отдыхать: оказалось, что, встав поутру в 9 часов, я присел в продолжение дня во время обеда и потом в шарабане вечером, когда вернулся на лошадях с прогулки по различным лесовым моим посевам или древесным школам, — вот тебе и ответ — но это не

[a] Почти все они таковы (*франц.*).

утомление, а как немцы говорят: Eine Wonne! Voluptas inspectionis omnium rerum et locorum, — Küchen Latein![a]

Вчера провел день так же, но утром был прием и перебывали у меня всяких пожелавших со мною повидаться более 4-х человек, — этого рода свидания будут еще продолжаться дня два или три. На письмо твое, писанное по пунктам, буду отвечать сейчас, не теряя времени: я говорил с главным доктором Чечотом, вручил ему сверх уплаченного 100 рублей за два месяца — 100 рублей, которые будут в распоряжении Пети и на удовлетворение его требований, с разрешения доктора, т. е. лакомства или что он пожелает иметь; остальные 600 рублей я передал доктору Вагнеру (Артур Андреевич Вагнер, Полицейский мост, дом гр. Строганова). Чечотт с ним войдет в сношение. Об освидетельствовании больного Чечотт сделает в свое время распоряжение и на этот счет есть некоторая очередь, которая обязательно соблюдается. Когда это будет сделано и признан будет больной неправоспособным — опека может быть назначена — и, само собой разумеется, я не прочь в ней участвовать с тобою. Так будет лучше для нас обоих и будет нам служить нравственным обоюдным подспорьем! Что до этого Каспера,[3] ты можешь на меня рассчитывать. Какой бы крест Господь Бог мне ни пошлет, не стану отвиливать, а возложу на плечи с верою и смирением!

Я получил от Ал. Ив. Йооста письмо очень и очень сердечное в ответ на мое, в котором я его о всем уведомлял и сообщил ему о получении мною прилагаемых им Петиных 1000 рублей. Он мне в письме своем упоминает, что держит Ольховатку[4] в аренде и что, само собою разумеется, не считает себя вправе отказаться от аренды при таких обстоятельствах, т.е. вправе — говоря нравственно. Мне кажется, следовательно, что пока новые обстоятельства не выяснятся — нам было бы желательно не расходиться с Йоостом, а, напротив, сойтись с ним на основаниях порядочных людей с порядочным и добрым человеком — и людей, сердечно заинтересованных, с человеком, сердечно же заинтересованным в судьбе и положении бедного больного. Je me résume: mieux vaux garder Йоост et faire valoir à ses yeux la responsabilité morale qu'il assume, de cette façon Йоост[6]...[5]

На конверте: Московско-Курской железной дороги
Станция Коренная Пустынь, с. Воробьевка.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) Почтовый вагон № 15, 23 июня 1884, 2) вырезан.

[1] *Строганов Павел Сергеевич* (1829—1893), граф — действительный статский советник, гофмейстер императорского двора (состоял в ведомстве министерства иностранных

[a] Какое блаженство! (*нем.*) Хотелось бы обозреть всё и вся (*лат.*) — кухонная латынь! (*нем.*).

[6] Итак: лучше оставить Йоста и придать цену в его глазах той моральной ответственности, которая на него возложена, таким образом Йост... (*франц.*).

дел, как и И. П. Новосильцов), почетный мировой судья Тамбовского и Сумского мирового округа, почетный попечитель и директор Александровской сумской гимназии.

[2] Отрада — станция по Московско-Курской железной дороге, которая находилась в нескольких верстах от села Воин, имения Новосильцова.

[3] *Каспер* — возможно, один из управляющих Фета.

[4] Ольховатка — одно из имений Борисовых, которое по наследству перешло к Пете Борисову. Во время пребывания Пети в лечебнице А. А. Фет был назначен его опекуном; тогда же была оформлена опека над имениями. Из письма Новосильцова следует, что Йост, управляющий Фета, согласился на определенное время взять эго имение в аренду.

[5] Конец письма отсутствует.

18

8 (20) июля 1884 г. с. Воин

Воскресенье, 8 июля 1884.

Милый друг Афанасий Афанасьевич,

Письмо твое как раз дошло до меня в день моего возвращения из Тамбова; что ты сделал, то сделал благо — вот вывод, к которому я пришел по прочтениии твоего письма; но я не думал, что Йоост оставит дело, и полагал, что будет продолжать на условиях, выгодных для бедного Пети, ты был прав — предсказал наперед, как будет, — и ты не ошибся. Полагаю, впрочем, что есть основания предвидеть для Ольховатки под твоим глазом и непосредственным распоряжением лучшие судьбы.

До сего дня платеж в Николаевскую больницу = 50 рублей в месяц; я дал эти платы единовременно 100 рублей, на всякий случай, если бы больной чего пожелал и можно бы ему разрешить это — с дозволения доктора; более же трат не предвидится, так я, по крайней мере, толковал с старшим доктором Николаевской больницы — доктором Оттон Антоновичем Чечотт (адрес его С.-Петербург, у Сухарного моста, больница Святого Николая Чудотворца). Мой приятель же Вагнер Артур Андреевич живет на Невском, у Полицейского моста, дом графа Строганова.

Жарко, и я тебе пишу немного раскисши, как <выражаются> петербургские уроженцы. Я же москвич, и мне это дозволительно употреблять с оговоркой. О чае я еще не распорядился. Попиваю пока покупной в Орле — так себе.

Теперь поджидаю сюда мою сестру с зятем французом,[1] которого очень люблю и уважаю. Все собираюсь отдохнуть, а в деревне я положительно, как маятник, шмыгаю и вечером, когда слезу с лошади — язык висит, как у лягавой собаки. Напиши, когда съездишь в Грайворонку.

Преданный тебе сердечно
И. Новосильцов.

На конверте: Московско-Курской ж. д.
Станция Коренная Пустынь.

В сельцо Воробьевка.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Почтовый штемпель: Почтовый вагон № 15, 10 июля 1884.

[1] Речь идет о младшей сестре И. П. Новосильцова Софье Петровне, в замужестве де Шангран, дочери Петра Петровича Новосильцова и его второй жены Меропы Александровны Тимашевой-Беринг.

19

20 июля (1 августа) 1884 г. с. Воин

Июля 20-го 1884.
Ильин день.

Любезный друг, я получил твое любезное письмо, писанное по возвращении твоем из Москвы, сожгли сарай! Экая мерзость, читал, так и екнуло сердце. Поджигатели действуют как бы заодно с бывшими (Dieu le veuille)[a] законодателями, уничтожая частную собственность и частные хозяйства! Не с такими ли преступлениями можно и должно сравнивать теории вроде теорий, проповедываемых или каким-нибудь Энгельгардтом или «профессором» (желал бы знать, чего?) Янсоном?[1] Молю Бога и надеюсь, что будет положен конец таким мерам. Вдруг — нельзя, но чувствуется в воздухе отрезвление, поверь, я сам по себе и по тому, что вокруг меня делается, сужу, — но велика, неизмеримо велика наваренная в продолжение 20 с лишком лет каша, и хлебать ее не солоно и тяжело для тех, которые этой каши не варили, а всеми средствами мешали варить!

Вот ты и купил еще молотилку! В добрый час — это деньги не брошенные, вернешь скоро.

Я копышусь (так! — *Е. В.*) в уборке, но меня более занимает... лестница, которую я получил из Питера, дубовую — в передней ставлю и целый день торчу там — только и отрываюсь, чтобы посмотреть, как сажают махонькие сосенки и вязы в лесу — теперь со вчерашнего дня прекратил садку — рабочая пора тому помеха. Сестру свою и зятя все еще жду — они в Киевской губернии гостят у Черткова.[2] Что-то уж очень долго загостились.

К тебе, если Бог милостив, приеду в конце августа, чтобы мне знать только, что застану тебя дома, посему жду от тебя уведомления, когда поедешь на Грайворонку.

Поклон Марии Петровне.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

[a] Дай-то Бог (*франц.*).

Доктор Вагнер был в отсутствии, ездил в Псковскую губернию. Делянову отсюда еще раз напишу! Просто странно!

На конверте: Станция Коренная Пустынь, в с. Воробьевку.
Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Фету.
Почтовый штемпель: Почтовый вагон № 15, 22 июля 84.

[1] *Энгельгардт Александр Николаевич* — см. п. 13, прим. 1. *Янсон Юлий Эдуардович* (1836—1893) — заслуженный ординарный профессор, известный статистик, преподавал статистику и политэкономию в различных учебных заведениях Петербурга. Автор статей: «О влиянии реформы 1861 г. на сельское хозяйство и хлебную торговлю в юго-западных губерниях» (1868), «Опыт статистического исследования о крестьянских платежах» (1877), «Очерк распределения земельной собственности в России» (1890) и др. В своих работах профессор пришел к следующим выводам: полученные освобожденными крестьянами наделы не обеспечивают их жизни, различные платежи и повинности, связанные с владением наделом, превышают доход и не только поглощают земельную ренту, но и тяжким бременем ложатся на личный труд крестьянина. Главные средства улучшения быта крестьян — предоставление дешевого кредита для приобретения в собственность тех земель, которые приходится арендовать; допущение всеобщей переоброчки, чтобы привести поземельные платежи в соответствие со средствами крестьян; уменьшение выкупных платежей ввиду их непомерной высоты; перенесение тяжести всей податной системы на плечи более состоятельных классов населения. Эти выводы произвели сильное впечатление на общество и нашли как сторонников, так и резких противников. Особенно горячий прием они встретили среди умеренно-либеральных земских кругов и некоторых литературных деятелей, которые позже составили в русской журналистике т. н. народническую школу.

[2] *Чертков Михаил Иванович* (1829—1905) — Киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа в 1879—1881 гг., член Государственного Совета с 1881 г.

20

31 июля (12 августа) 1884 г. с. Воин

31 июля.
Московско-Курская ж. д.
Станция Отрада. Село Воин.

Милый друг, сего дня получил письмо твое от 30-го текущего месяца, т. е. от вчерашнего числа, жаль мне, разумеется, что у тебя подожгли солому. Жаль сердечно, что был и в Грайворонке пожар... но подписываешь ты «старый твой А. Шеншин» — а говоришь и действуешь, как самый молодой, прыткий, вспыльчивый и горячий человек. Ну, можно ли прийти из-за единичного случая, из-за мерзавца-поджигателя — бросать все, через пень колоду? Спешить — людей насмешить! Доищись, кто поджог? Или как там, но не падай духом, мало ли я в этом смысле видал видов? Пожар в Шеине, пожар в Богородском, пожар в Слободке, пожар большой в Самарке[1] и пожар большой на Воине! Это в нескольких словах резюме при моем хозяйствовании — но перед вступлением моим были еще другие пожары, в 2-х случаях я

наверное знаю, кто и как, в других не доискался и остался с подозрением и при тех мерах предосторожности против известной личности, которую мне указывали обстоятельства и улики!

Вспылить, продать все и удрать в Москву, Петербург и не знаю еще куда — малодушие и горячка, и если смею советовать, то не продавай, не бросай, а заведи пожарные трубы — хорошие. Купи у Листа, содержи в порядке и страхуй! Кое-когда прорвется, но окончательно все-таки победишь ты, а не мерзавец какой, до которого в Воробьевке можно добраться! Извини меня за мои советы и за выговор мой тебе, но ты меня знаешь довольно, чтобы не усомниться в том чувстве, которое мною руководит, я бы на твоем месте и из Степановки не ушел бы![2] Да такой уж ты у меня прыткий да горячий. И люди есть, которым можно поручить ведение хозяйства, дабы не волноваться и не выходить в раздражение! Под твоим руководством человека можно найти, и даже он счастлив будет себя почитать у тебя служить.

Все это говорю тебе сгоряча и не поминая Ольховатки и той грустной утраты, которая тоже вдали отсвечивает в случае продажи родового Грайворонки и благоприобретенной Воробьевки. Сестра с мужем здесь, в конце недели едут или собираются в Симбирск к Зине Нечаевой, осенью вернутся, Бог даст. Я к тебе собираюсь, и Бог даст — соберусь. Поклон Марии Петровне, тебе жму руку и желаю тебе наилучшего, а именно — спокойного трезвого взгляда на заботы и посылаемые Богом <препятствия>.

Преданный тебе И. Новосильцов.

Сестра просит передать сердечный поклон.

На конверте: Станция Коренная Пустынь, с. Воробьевка.
Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: Почтовый вагон № 15, 1 авг. 1884.

[1] Шеино, Богородское, Слободка, Самарка — имения И. П. Новосильцова в Курской и Орловской губерниях. Сведений о пожарах в имениях Фета и Новосильцова не сохранилось.

[2] После покупки Воробьевки в 1877 г. Фет продал имение Степановка, которое купил в 1860 г. Именно в этом имении он стал помещиком, «хозяйственником», в нем приобрел практический опыт для написания своих статей «Заметки о вольнонаемном труде» (1862), «Из деревни» (1863—1871). Продажа Степановки состоялась не по материальным соображениям; это решение возникло неожиданно, после размолвки с племянницей Ольгой Шеншиной, воспитывавшейся в Степановке. «Ему психологически оказалось необходимо избавиться от Степановки — места его хозяйственных экспериментов, чтобы на новом месте отдохнуть от утомившей деятельности» (*Кошелев В. А.* «Лирическое хозяйство» в эпоху реформ // Фет А. А. Жизнь Степановки, или Лирическое хояйство. М., 2001. С. 47).

21

28 августа (8 сентября) 1884 г. с. Воин

Московско-Курская ж. д.
Станция Отрада,
Село Воин.
Августа 28. 1884.
Вторник.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, только по губам помазавший своим милым присутствием, и не поел, и не попил и не погулял! По получении твоего письмеца я справился у кучера, отвозившего тебя до Отрады, он получил исправно, но извинялся передо мною, что переспрашивал о телеграфном «квитке» который ты ему дал вместо рублевой бумажки, что пожалуй Аф<анасий> Аф<анасьевич> может подумать, что я как будто на чай просил — помилуй Бог — я только не знал, что мне с квитком делать, доставить ли Вашей милости или там что другое. Я успокоил его и сказал, что взыскал бы, если бы узнал, что мой кучер просит на чай с моих гостей, и взыскал бы строго, но что он хорошо поступил, не поняв значения квитка, переспросить у тебя о его значении.

Ехал ты опять с Сакеном:[1] не завидую — он глуп, как — не скажу сравнения из приличия. Я был у Галаховых[2] поблагодарить его за посещение и у них вдруг видел его сестру г-жу Мёних, какая милая, вот бы такую соседку иметь вблизи — не соскучился бы в деревне. У меня пошла садка лесная, и я целыми днями, как ты говорил, «кувыркаюсь в лесу».

Итак, кончаю деловым замечанием. Йоост писал Пете в декабре 1883, что у Пети налицо 5000 рублей, которые Йоост обратил в свидетельства восточного займа, коих нумер записывает и просит сохранить. Одновременно высылает ему 500 рублей и просит уведомить о получении. Петя по телеграфу и вследствие моей просьбы послал Йоосту следующую депешу, извинение, что не уведомил о получении им 500 рублей, письма и вести о <полученных> наличных 5000 рублях, просит немедленно выслать 1000 рублей на мое имя. Эти деньги уже получил я, вычел уплаченные мною издержки в гостинице, затем уплаченные 100 рублей за 2 месяца вперед в больнице, 100 рублей Чечотту, старшему доктору в руки на исполнение какого-либо желания больного, остальное передал доктору Вагнеру.

Жму тебе руку, прошу передать поклон Марии Петровне и не поминать лихом

преданного тебе сердечно
И. Новосильцова.

Какие это вороные лошади у тебя продаются, сказывал Власенко,[3] упряжные что ли и чьего завода?

На конверте: Станция Коренная Пустынь, село Воробьевка.
Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Фету.
Почтовые штемпели: Почтовый вагон № 15, 30 авг. 1884.

[1] Возможно, *Остен-Сакен Петр Николаевич* (1834—1894), сын Остен-Сакена Николая Петровича (1803—1871), барона, соседа Фета по имению Клейменово, владелец имения Лепешкино.

[2] *Галаховы* — племянница Фета Ольга Васильевна (1858—1947) и ее муж Н. П. Галахов, будущий Орловский вице-губернатор.

[3] *Власенко* — управляющий имением Воин.

22

17 (29) ноября 1884 г. Петербург

Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Ноября 17. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Сегодня, возвратившись из Царского Села, куда я ездил по случаю пробегаемого мною придворного поприща, я нашел твое письмо или письмецо от 15-го текущего ноября. Само собою разумеется, что я твоего письма на Воине не получил, и оно, вероятно, затерялось, а то я привык не медлить с ответом, тебе эта привычка знакома. Знаю, что ты получил премию,[1] но знаю и то, что я уже слышал (и совершенно случайно от людей совершенно разных занятий и положения), что твой Гораций — из ряду вон выходящий труд, делающий честь России! Вот как. Я радовался, и приходилось только поддакивать. Нету Ювенала;[2] на днях поеду к Делянову и скажу ему открытыми непрозрачными выражениями, что он дрисня! Pardon de l'expression toute nue![а]

О лошадях — полагаю, что вряд ли Власенко может их в нынешнем тяжелом году взять, денег у меня нет — и доходу не только ни единого гроша, но по соображениям, я должен еще в сентябре, т. е. в течение года, выслать 4000 руб. на ведение хозяйства и проч. недостающих! А жить и питаться предоставлено мне как смогу! Много тому примеров подобных знаю! А, вероятно, твои вороные пришлись бы мне <дюже>, если не продадут за бесценок на месте и не захочешь повести в Москву — еще может быть потолкуем mais cela ne Vous engage à rien du tout.[б]

Петю не видал, завтра собираюсь писать Чечотту и просить свидания с ним. Напишу, что узнаю. Деньги еще есть. Платежи в порядке. Мой поклон Марии Петровне и сердечное рукопожатие.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

В Орле на почте я был сам (зачем в Орле?), ничего не нашлось на мое имя для передачи сестре, которая из Парижа теперь просит меня тебе об этом сообщить.

На конверте: Москва, Плющиха, № 481.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину,
в собственном доме.

[а] Извините за откровенность выражения (*франц.*).

[б] но Вас это ни к чему не обязывает (*франц.*).

Почтовый штемпель: 19 ноября 1884, Москва.

[1] За полный перевод Горация (К. Гораций Флакк. Оды. М., 1856. Кн. 1—4; К. Гораций Флакк / В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1883) Академия наук присудила поэту в 1884 г. полную Пушкинскую премию.

[2] «Сатиры» Ювенала в переводе Фета вышли в 1885 г. Выход этой книги задерживал цензурный комитет, на что, вероятно, Новосильцов и собирался пожаловаться министру народного просвещения И. Д. Делянову.

23

23 ноября (5 декабря) 1884 г. Петербург

С.-Петербург. Дворцовая набережная № 26.
Ноября 23. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, сейчас получил письмо твое от вчерашнего числа, отвечаю немедленно, хотя и собираюсь послать письмо послезавтра, для того чтобы дать доктору Вагнеру, моему приятелю, прочесть то, что в письме Чечотта касается платежей за Петю Борисова. Постараюсь принять меры, чтобы не заслуживать впредь каких-либо подобных «замечаний». У Делянова не был, но надеюсь побывать на днях. Сегодня поздравляю тебя с днем рождения[1] и искренно желаю тебе всего хорошего, а главное — здоровья и спокойствия на многие лета. Поклон нижайший Марии Петровне и Галаховым, если сие последние меня помнят. Тютчева[2] куплю и пошлю от твоего имени сестре с объяснением.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

О Ювенале начинают поговаривать! Ай да молодец ты!

На конверте: Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Москва, на Плющихе, в собственном доме.
Почтовые штемпели: 1) вырезан, 2) 26 ноября 1884, Москва.

[1] День рождения А. А. Фета — 23 ноября (5 декабря) 1820 г.

[2] Очевидно, речь идет о книге, изданной в 1883 г. «Русским архивом» (*Тютчев Ф. И.* Стихотворения / С предисловием П. И. Бартенева. М., 1883), и Новосильцов намекает на стихотворение Фета «Вот наш патент на благородство...», которое было откликом на этот сборник.

24

30 ноября (12 декабря) 1884 г. Петербург

С.-Петербург. Дворцовая набережная 26.
Ноября 30-го 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич, спешу тебя уведомить, что я сейчас послал своего человека, чтобы получить 100 рублей борисов-

ских денег, которые — когда получу, отдам на хранение моему конторщику, некоему Александру Антоновичу Глиноецкому (Караванная, дом княжны Любомирской), я ему прямо уже поручу аккуратные взносы, которые не совсем аккуратно доктор Вагнер, мой приятель, исполнил, по заявлению Чечотта. Сему последнему сообщу твой адрес при нашем, Бог даст, скором свидании. Днем еще и прежних было довольно, я на днях тебе сообщу счет уплат; я просил на днях Сергия Петровича Боткина замолвить слово Чечотту о Пете Борисове, так же как летом я просил Обермиллера; не мешает, чтобы Чечотт был убежден в том участии, которое принимают в судьбе бедного Петруши сильные мира сего врачи![1]

Делянову и другим сообщал о затруднениях цензуры при разборе Ювенала! Странно, ежедневно печатают всякую мерзость в газетах, а про переводы Ювенала появляется какая-то скромность — не сообразишь системы! Жду брошюру деревенского жителя[2] и при ее распространении буду скромно опускать веки, когда меня заподозривать станут в участии ее рождения на свет, — надеюсь, что, прочтя ее, найду ее (и не хочу сомневаться) во многом согласною с моими правилами и убеждениями. Кахановской комиссии[3] приходится солоно, и дельцы-писаки, здешний оторванный от действительности люд, которые привыкли строчить проекты преобразований и проч. — оказались на мели, когда им прямо заявлено было, что им не поручено как нигилистам — сперва все уничтожить, а потом построить, а приказано коечто исправить и согласовать, восстановив живую власть в деревне!

Жму тебе руку, сестре пишу, что выслал ей Тютчева по твоему поручению.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

Не можешь ли ты достать экземпляров 10 «Наших корней»?[4] Хорошо бы. И. Н.

На конверте: Москва, Плющиха, собственный дом.
Его высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 30 ноября 1884, 2) Москва, 1 дек. 1884.

[1] В архиве Фета счета уплаты за содержание Пети Борисова в лечебнице не сохранились. Но, учитывая добросовестность и аккуратность Новосильцова во всех делах, касавшихся Пети, можно предположить, что произошло какое-то недоразумение с опозданием в оплате счетов не по вине Новосильцова и Фета.

[2] Скорее всего, речь идет о статье Фета «На распутии», написанной в конце 1884 г. «Деревенский житель» — псевдоним А. А. Фета.

[3] Кахановская комиссия — Особая комиссия для составления проектов местного управления в 1881—1885 гг., председателем которой был *Каханов Михаил Семенович* (1833—1900), член Государственного Совета.

В декабре 1888 г. Каханов держал речь на заседании соединенных Департаментов об итогах работы этой комиссии, указывая недостатки местного управления и пытаясь доказать, что никакие реформы — судебная, крестьянская, земская, университетская — невозможны без начертания общего плана переустройства провинциальных учрежде-

ний. Выяснилось, что Государственный Совет до сих пор так и не имеет необходимого материала для решения таких вопросов, как изменение порядков крестьянского самоуправления, о власти земского начальника и его правах и т. д. (Подробнее об этом см.: Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. М., 1966. Т. 2).

[4] «Наши корни» — статья Фета, опубликованная в «Русском вестнике» в феврале 1882 г. Ее появлению в печати во многом способствовал Новосильцов, передав один экземпляр рукописи статьи на прочтение Александру III. В статье были затронуты темы, которые волновали и Фета, и Новосильцова: социально-экономическая жизнь России 80-х годов после «половинчатых» преобразований, ее материальные и нравственные корни. Подробный анализ социально-экономических воззрений Фета в его публицистике дается в статьях: *Черемисинов Г. А.* А. А. Фет-публицист о хозяйственном строе России // Проблемы изучения жизни и творчества А. А. Фета. Курск, 1993. С. 278—299; *Он же.* Социально-экономический портрет пореформенной России в статье А. А. Фета «Наши корни» // А. А. Фет: Проблемы изучения жизни и творчества. Курск, 1998. С. 88—96; *Щербаков В. И.* «К сожалению, много правды»: Александр III и его окружение о статье А. Фета «Наши корни» // А. А. Фет и русская литература. Курск; Орел, 2000. С. 127—132.

25

7 (19) декабря 1884 г. Петербург

Дворцовая набережная № 26.
С.-Петербург, декабря 7. 1884.

Любезный друг Афанасий Афанасьевич,

Сегодня получил с почты посылку — «Наши корни» и «Вечерние огни»[1] с твоею надписью, за которую искренно благодарю. Я к тебе собирался писать до получения посылки о высылке книг по почте, хотел тебе сообщить, что денег Пети Борисова у меня налицо — присланные тобою 600 рублей и 400 рублей из тех (1000), которые я получил через Йооста. В этом отношении дело обстоит благополучно, я тебе на днях доставлю подробную выписку взносов, мною сделанных в больницу и проч. Ныне все это, т.е. сохранение денег, своевременные взносы за больничные издержки, если бы таковые понадобились, сдано мною моему конторщику, некоему Александру Антоновичу Глиноецкому (Караванная, дом княжны Любомирской), человеку мне издавна близко известному и заведующему делами моими по опеке над Нечаевыми! Пришлю тебе — для сведения, как и что было мною истрачено, теперь об этом баста. Перейду к Делянову, от которого я только что вернулся, говорил ему о затруднениях по напечатанию Ювенала, попросил его шепнуть Феоктистову[2] об этом и проч., будет сделано. Катков[3] пришел во время моего у Делянова сидения, многое толковали, судили, рядили, умница — страстный, и я ему во многом не только сочувствую, но многому радуюсь и преклоняюсь с увлечением! Но хочется мне все-таки сказать, как говаривал Собакевич, один хороший человек... прокурор — да и тот свинья![4] Это, пожалуй, не то, но как поговоришь с журналистом, так и чувствуешь в себе собакевичевское настроение! Не люблю я нападки на остзейцев вроде Манасеинской сенаторской ревизии,[5] так и чувствуются холопские какие-то замашки, не барином действует, а точно ходоком каким-то от «Нового времени» с какой-нибудь фабричной крестьянской сходки. Кахановской комиссии досталось на орехи, всю работу прошлогоднюю разбили вдре-

безги люди, практически смотрящие на жизнь. Дай Бог, чтобы дело пошло на лад.

От Делянова ты, вероятно, получишь скоро весть! Дай-то Бог, чтобы вышло прилично.

Жму тебе руку, жду старого с нетерпением, поклонись Марии Петровне и не забывай

сердечно преданного тебе
И. Новосильцова.

На конверте: Москва, Плющиха, в собственном доме.
Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.

Почтовые штемпели: 1) вырезан; 2) Москва, 19 дек. 1884.

[1] «Вечерние огни» — сборник новых стихотворений А. А. Фета (вышел в феврале 1883 г.).

[2] *Феоктистов Евгений Михайлович* (1828—1898) — журналист, историк, публицист, редактор «Журнала Министерства народного просвещения» в 1871—1883 гг., начальник Главного управления по делам печати в 1883—1896 гг.

[3] *Катков Михаил Никифорович* (1818—1887) — публицист, издатель, критик, редактор газеты «Московские ведомости», редактор-издатель журнала «Русский вестник». По своим убеждениям непримиримый консерватор, сторонник «твердой власти» и жестких мер по отношению к «нигилистам» и революционерам.

[4] Неточная цитата из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «Один там только и есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья» (т. 1, гл. 5).

[5] *Манасеин Николай Авксентьевич* (1834—1895) — директор департамента Министерства юстиции с 1877 г. и министр юстиции с 1887 по 1894 г. Приобрел печальную известность своими ревизиями судебных учреждений Прибалтийских губерний. В конечном итоге сделанные преобразования (уменьшение функций вотчинной полиции, ликвидация особого судебного строя в этих губерниях, назначение особого комиссара по крестьянским делам для надзора за волостным общественным управлением крестьян и др.) ставили своей целью укрепление правительственной власти в Прибалтийских губерниях и ослабляли влияние немецкого дворянства. По воспоминаниям графа С. Ю. Витте, Манасеин «в значительной степени проводил так называемые националистические взгляды, которые заключались не в том, чтобы защищать достоинство, интересы и самобытность русских, а в том, чтобы несправедливо давить и не считаться с интересами инородцев. Эта нота понравилась в Петербурге как графу Толстому, так и Александру III, характеру которого она в известной степени была не чужда» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Л., 1924. Т. 3. С. 249).

26

17 (29) декабря 1884 г. Петербург

С.-Петербург, Дворцовая наб. 26.
Декабря 17. 1884.

Милый друг Афанасий Афанасьевич,

Вчера получил я твое письмо о предложении Дмитрия Николаевича Шеншина[1] — и его рыжих лошадях! Благодарю за то, что ты вспомнил обо мне, но у меня теперь не до покупок и особенно у моего соседа. Корри, хотя и Шеншин, но не заслуживает этого исконного доверия приятельского, с которым я с детства относился к Шеншиным твоего ближнего семейства. Сам я лошадей шорных покупать теперь

не могу, рыжие меня соблазнили бы в русскую упряжь — нечто из ряда вон выходящее, вершков 5 или около. Но и то был бы соблазн, а не покупка. Как тебе известно, доходу у меня ни единого гроша, а расходу на имение 4000, — вот и вертись; живу здесь все-таки не даром, хотя и скромнейше, как может жить холостяк. Жму тебе руку и поручаю тебе повергнуть меня к стопам Марии Петровны.

Преданный тебе
И. Новосильцов.

На конверте: Москва, Плющиха, в собственном доме.
Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
Почтовые штемпели: 1) вырезан, 2) Москва, 19 дек. 1884.

[1] *Шеншин Дмитрий Николаевич* (Корри) — сын Николая Никитича Шеншина, соседа и дальнего родственника Фета, владельца усадьбы Волково, которая находилась в 12 верстах от Новоселок (см.: *Фет А. А.* Мои воспоминания. М., 1890. Т. 1. С. 232).

27

27 декабря 1884 г. (8 января 1885 г.) Петербург

С.-Петербург, Дворцовая набережная № 26.
Декабря 27. 1884.

Милый друг, сегодня только два слова о распутии,[1] мною полученном, после поговорю толком, сперва стараюсь усвоить себе все сказанное — есть некоторые места, которые читаются, как бы выразиться? — с вниманием напряженным, с мыслью напряженною — иначе выразить не могу, но ты поймешь, положим, я — справлюсь, но не отвечаю за других, ту цель, которую мы преследуем, легче достигнуть изложением более простым. Не кричи и не брани меня за то, что откровенно говорю. Напиши мне, как понять на 36 странице строку одиннадцатую, считая снизу, — по 2,850 копеек? в Орловской губернии и проч. — что это за 2,850 копеек? Не понимаю. Потом, полагаю, опечатка: на странице 42, вторая строка снизу, одручающим лекарством — полагаю, одуряющим? Напрасно говоришь ты, что французы говорят grattez le russe, vous trouverez le tartare![а] Пословица идет от 1806 года: grattez le russe, vous trouverez l'ours.[б] Жму руку крепко, почитаю, уважаю и люблю.

И. Новосильцов.

Вчера уже заигрывал насчет «Распутья» — найдут ли подход сперва вел<икий> князь Алексей Александрович[2] — потом уже выше, и все напишу в свое время.

[а] поскребите любого русского — вы обнаружите татарина! (*франц.*).
[б] поскребите любого русского — найдете медведя (*франц.*).

На конверте: Москва, Плющиха, в собственном доме.
Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
В правом верхнем углу помета: нужное.
Почтовые штемпели: 1) С.-Петербург, 28 дек. 1884, 2) Москва, 29 дек. 1884.

[1] Речь идет о брошюре Фета «На распутии. Нашим гласным от негласного деревенского жителя», напечатанной в Москве в 1884 г., в которой Фет рассматривал широкий круг современных политических и экономических вопросов, прежде всего общинного землевладения. Новосильцов читал ее одним из первых и помогал Фету в ее распространении.

[2] *Алексей Александрович* (1850—1908) — великий князь, брат Александра III, генерал-адмирал (1883), глава Морского ведомства. Как и его брат великий князь Владимир Александрович, был близок к императору, именно поэтому с его помощью Новосильцов хотел обратить внимание Александра III на вышеназванную статью Фета.

28

28 декабря 1884 г. (9 января 1885 г.) Петербург

28 декабря 1884.
Дворц<овая> наб. № 26.

Любезный друг, вчера наскоро навалял тебе письмо с вопросами, сегодня посылаю записку, только что мною полученную от министра народного просвещения, очень рад и только, хотя немного, и тебя порадует, что перевод Горация и посвящение ценятся, и Делянов передавал на днях, что имел случай говорить с е<го> в<еличеством> и что сообщил ему, что после Горация будет Ювенал. К этому я прибавил, что знаю, что Деляновым еще ничего не сделано — не упомянул ни слова о том, что до сего дня не было сказано «спасибо»[1] посвятителю такого труда, который красит нас; сказал это Делянову, присовокупил, что, промолчав из чувства деликатности, тем самым чувством руковожусь, передавая ему о том — и вот заахал, замахал руками добрый Делянов, да ведь это мне самый приятный долг <мой> и проч. и вот наконец-то свой приятный долг исполнил. Тебе жму руку дружески, поклон Марии Петровне. Могу тебе сообщить, что цены на хлеб подымутся вскоре — «пора», любопытное время переживаем.

Преданный тебе
А. Новосильцов.

На конверте: Его высокоблагородию Афанасию Афанасьевичу Шеншину.
В Москве, на Плющихе, в собственном доме.
Почтовые штемпели: 1) СПб., 28 дек. 1884, 2) Москва, 29 дек. 1884.

[1] О каком «спасибо» идет речь, не совсем ясно. Очевидно, в не дошедшем до нас письме Фета к Новосильцову поэт намекал, что хотел бы получить благодарность от Александра III за посвящение к Горацию.

«В РОССИИ, КАК ВСТРЕТИМСЯ, БУДЕМ ВСПОМИНАТЬ»

I

ПЕРЕПИСКА А. М. РЕМИЗОВА С С. Я. ОСИПОВЫМ (1913—1923)

II

ПИСЬМО В. Я. ШИШКОВА К А. М. РЕМИЗОВУ (1921)

Публикация Е. Р. Обатниной

В архивах Петербурга отложилось весьма скромное количество писем А. М. Ремизова, относящихся к первым годам его эмиграции. Выехав из Петрограда 5 августа 1921 г., писатель провел несколько недель в Ревеле, а 21 сентября 1921 г. присоединился к русской диаспоре в Берлине и прожил в этом городе до начала ноября 1924 г. Пожалуй, наиболее целостный эпистолярный корпус этого времени сохранился благодаря Сергею Яковлевичу Осипову (1888, 24 сент. — 1948) — одному из немногих петроградских знакомых, с которыми Ремизов поддерживал связи после отъезда. В конце 1900-х—начале 1910-х гг. после окончания Высших коммерческих курсов С. Я. Осипов работал бухгалтером на книжном складе М. М. Стасюлевича, по долгу службы общаясь с известными деятелями литературы. В октябре 1912 г. критик Р. В. Иванов-Разумник предложил ему занять место заведующего конторой издательства «Сирин», только что образованного семьей мецената М. И. Терещенко по инициативе А. М. Ремизова и А. А. Блока.[1] В тетради Ремизова «Сирин», организованной как собрание дневниковых записей и «попутных» материалов, документально фиксирующих пять исторических недель октября—ноября 1912 г., в течение которых шли переговоры о создании издательства, среди разного рода заметок подклеен и подлинник письма С. Я. Осипова к Иванову-Разумнику от 20 октября 1912 г. с отказом от предложенной работы.[2] Однако чуть позже приглашение все-таки принимается, и с этого времени бухгалтер Осипов становится одним из героев мифа о «Сирине», моделируемого Ремизовым в его дневниковой хронике. На немаловажную роль Осипова в образовании «Сирина» указывает третье из публикуе-

[1] Подробнее см.: «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова / Предисл., публ. и прим. А. В. Лаврова // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. Pietroburgo; Salerno, 2003. С. 227—248 (Europa Orientalis; Vol. 4).

[2] Там же. С. 242. См.: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 3.

© Е. Р. Обатнина, 2005

мых ниже посланий Ремизова, текст которого ограничен поздравлением с новым, 1913-м, годом. Это письмо примечательно прежде всего своими невербальными элементами — рисунком и глаголическими надписями. Выбор тайного языка и символическое изображение свидетельствуют о причастности С. Я. Осипова к некому новому делу, эпохальное претворение в жизнь которого тогда еще только намечалось.

Начиная с 1913 г. и в течение десяти последующих лет, петербургский адрес Осипова при редакции нового издательства на Пушкинской, 10 ассоциировался у Ремизова с «периодом Терещенок» и «Сирином». Любитель шутливых прозвищ, он сразу окрестил коллегу, отвечавшего за денежные вознаграждения в издательстве, «головщиком».[3] Совсем скоро отношения писателя и заведующего конторой приобрели теплую задушевность. Возможно, изначальная симпатия писателя к скромному бухгалтеру возникла благодаря некоторому сходству с его собственной биографией: в 1905 г. Ремизов, тогда молодой литератор, заступил в должность заведующего хозяйственной частью журнала «Вопросы жизни», вокруг которого собрались ведущие силы общественной и религиозной мысли, литературы, философии и культуры. Небольшая квартирка Ремизова располагалась при редакции в доме № 10 по Саперному переулку. В 1924 г. Осипов напомнит Ремизову, проживавшему уже в Париже, о времени и обстоятельствах, которые связали их на долгие годы: «Оказывается, дорогой Алексей Михайлович, уже 10 лет, как я с Вами познакомился! Вспомнил об этом на днях, когда 31 (18) августа мы справляли здесь свою мельхиоровую свадьбу. Еще Вы прислали нам тогда поздравительное письмо — десять лет тому назад! Был тогда „Сирин“ <...>, ходили Вы к нам, угощали мы Вас чаем (покрепче!), крестили Мишу — сына нашего сторожа Николая, был у Вас телефон „209—69“, выписывал Вам „головщик“ и „бухгалтер строгий“ гонорар и авторские экземпляры — хорошее было время!»[4] Упомянутая в письме поздравительная открытка Ремизова, датированная 18 (31) июля 1914 г., бережно хранилась в домашнем архиве Осипова.

Из публикуемой ниже переписки видно, что до отъезда Ремизова заграницу его отношения с Осиповым ограничивались доброжелательными контактами, связанными с деятельностью издательства и книжного склада Стасюлевича. Однако совсем скоро этот человек сыграет немаловажную роль не только в связях писателя с Россией, которую Ремизов покинул, как тогда думалось, только на время — поправить пошатнувшееся здоровье, но и в судьбе его архива. В 1919 г. Осипов получил работу в Наркомпросе и преподавал на Счетоводных курсах. В августе 1921 года он был откомандирован в ревельское Торгпредство, где прослужил счетоводом до 1 августа 1923 г.[5] Совпадение во времени перемещений Ремизова и Осипова в Ревель не оставляет сомнений в том, что Сергей Яковлевич являлся надежной опорой Алексея Михайловича и Серафимы Павловны Ремизовых в это трудное время и, возможно, одним из организаторов их поэтапной эмиграции. После того, как Ремизов получил разрешение германских властей на въезд в Берлин, эпистолярное общение двух петроградских знакомых начало особенно интенсивно развиваться и приобрело новые формы. Служебное положение Осипова позволяло ему и его жене, Анне Васильевне, постоянно наезжая в Петроград, выступать в роли «связных» Ремизовых в общении с их друзьями и знакомыми. Осипов самозабвенно и преданно занимался личными делами писателя, прилагая все усилия, чтобы добыть

---

[3] Головщик — управляющий клиросом в монастырских церквах с подчинением регенту, или уставщику (См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1994. Т. 1. С. 908).

[4] Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой.

[5] Служебная и личная биография С. Я. Осипова, а также фактическая сторона жизни его ближайших родственников воссоздаются по анкетам, предоставленным архивом Министерства торговли РФ, где хранится личное дело Осипова за 1921—1928 гг.

нужные книги, а также рукописи и альбомы, которые в спешке отъезда были оставлены в Петрограде.

Весь берлинский период жизни Ремизова Осипов являлся для него ближайшим источником необходимой информации из России и едва ли не единственным человеком, кто знал из первых уст все нюансы его эмигрантского житья-бытья. Испытывая глубочайшую привязанность к писателю, Осипов чувствовал в себе потребность принимать самое деятельное участие и в его творческой судьбе. Он был одним из тех немногих русских читателей, кто первым знакомился с ремизовскими книгами, изданными в Ревеле и Берлине. Возможно именно это обстоятельство побудило его пойти на довольно неожиданный шаг — самостоятельно выступить в качестве литературного критика.[6] Среди его писем к Ремизову сохранилась вырезка из ревельской газеты «Жизнь» с рецензией, подписанной инициалами «С. О.», на книгу «В поле блакитном» (Берлин, 1922). «Верный своему таланту бытописателя, — писал Осипов, — Ремизов дает в своей новой книге, в блестящей литературной форме, богатый этнографический материал. <...> Если еще сказать, что Ремизов дает также богатейший лингвистический материал, что сохраняет нам перлы русского языка, то получится полная характеристика бытописательской стороны книги».[7] Следующая рецензия на книгу «Трава-мурава. Сказ и величание» (Берлин, 1922) нашла свое место на страницах берлинской «Новой русской книги».[8] Безусловно, критический элемент в этих заметках отсутствовал напрочь: весь пафос Осипова устремлялся на прославление писательского дарования Ремизова. Вместе с тем отзывы обнаруживают хороший литературный слог и очевидное влияние ремизовского стиля. Из писем Ремизова понятно, что его корреспондент значился в списке тех избранных персон, которым новые книги писателя пересылались в обязательном порядке через берлинское книготорговое общество «Логос». Так благодаря коллекции Осипова, в библиотеке Пушкинского Дома оказался почти весь комплект изданий Ремизова берлинского и начала парижского периодов. Естественно, что эти экземпляры не имеют авторских инскриптов, но на их принадлежность Осипову указывает личный штамп владельца: «Из книг С. Я. Осипова». Помимо книг, впоследствии переданных Осиповым в Пушкинский Дом уже с владельческим штампом, в библиотеке ИРЛИ хранятся также экземпляр повести «Корявка» (Берлин: изд-во А. Е. Гутнова, 1922; шифр: 19336а/1292) и «Кукха. Розановы письма» (Берлин: изд-во З. И. Гржебина, 1923; шифр: 1941и/59).

1 августа 1923 г. Осипова перевели в Берлин, где он начал работать в Представительстве Севзапвнешторга. Здесь он по-настоящему сблизился с Ремизовым, познакомился с некоторыми людьми из берлинского окружения писателя: литератором Л. Львовым и его женой Ниной Григорьевной, В. Ходасевичем, художниками А. Арнштамом и Н. Зарецким, издателем С. Каплуном и другими. Вовлеченный в обстоятельства личной и творческой жизни Ремизова, Осипов вскоре приступил к исполнению обязанностей, ко-

---

[6] 22 июля 1913 г. Осипов писал С. А. Венгерову в ответ на присланную анкету: «Благодарю Вас за внимание, выразившееся в присылке циркулярного предложения дать о себе био-биографические сведения для 2-го издания „Критико-библиографического словаря". Свою еще непродолжительную деятельность в области коммерческой литературы считаю очень скромной для того, чтобы сообщить сведения по всем поставленным Вами вопросам. Достаточно будет, если найдете нужным поместить в „Словаре" следующее: Осипов, Сергей Яковлевич, преподаватель коммерческих наук, род<ился> в С<анкт->П<етер>б<урге> 24 сент<ября> 1888 г. Статьи и заметки в области коммерческих знаний (преимущественно по счетоводству) в журналах „Коммерческий деятель" (с 1910 г.) и „Коммерческая школа и жизнь" (с 1913 г.)» (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 2698).

[7] *С. О.* [Рец.] «В поле блакитном» // Жизнь. 1922. 18 мая, № 24.

[8] Новая русская книга. 1922. № 8. С. 15—16.

торые обычно возлагаются на секретаря, — начал собирать, систематизировать и анализировать все, что было связано с творческой жизнью писателя. Так в его собрании появились отрывочные черновые записи, озаглавленные «А. М. Ремизов. Материалы к биографии» (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 8). Среди различных рукописных и печатных документов здесь попадаются выписки биографического характера с цитатами или пересказом очерков самого Ремизова, главным образом из книги «Россия в письменах», а также из автобиографической прозы 1900-х гг. В карандашных записях на маленьких листках из блокнота, сделанных, очевидно, сразу же после долгих бесед, запечатлен колорит живой ремизовской речи: «...за чаём (так! — *Е. О.*) А. М. рассказывал о своей жизни в тюрьме с уголовными — подделывателями денег, карманниками, громилами. Срезали подметки. При перегоне овация у Публ<ичного> Дома, старуха подала семитку (2 к<опейки>) — долго хранил — при этом сказала: прими милостыню, нищенка несчастная, от Семеновны. Бараночник бородатый выдал с шустрым мальчонкой связку баранок.[9] Некрологи по политическим, оставлявшим тюрьму: Щеголев.[10] Затем А. М. рассказал про единственный письменный отклик читат<телей> на свои произв<едения>».[11]

В осиповской коллекции встречаются записи, фиксирующие литературные связи Ремизова со своими коллегами: «И. Соколов-Микитов посвятил А. М. Ремизову рассказ „Засупоня" (из книги „Кузовок") / напечатан в Берл<инском> журнале „Молодая Россия" № 1 (<1>922 г.)»; «Вяч. Шишков посвятил А. М. Ремизову расск<аз> „Соловьиная ночь" („Подножие башни" очерки и рассказы Вяч. Шишкова. Пгрд. 1920. Гос. изд.)».[12] Внимательно отслеживались Осиповым и упоминания о Ремизове в эмигрантской прессе, с особой тщательностью собирались публикации его рисунков. Иногда автор заметок, буквально воспринимавший художественные тексты, делал предположения, которые помечал вопросительными знаками для того, чтобы впоследствии адресовать свои сомнения непосредственно писателю. В череде разрозненных листочков угадывается попытка выстроить хронологическую канву его творческой биографии — с уточнением времени создания отдельных произведений, фиксацией публичных выступлений, упоминаниями об участии в общественной жизни русской интеллигенции в Берлине («А. М. один из учредителей, член совета и первый тов<арищ> председателя „Дома искусств" в Берлине»[13]). Здесь же нашла отражение и информация о том, что в конце 1923 г. Ремизовы имели возможность вернуться на родину (хотя, как известно, в конце концов был выбран другой маршрут): «Вид на жительство Ремизову, выданн<ый> Полн<омочным> Предст<авителем> РСФСР в Герм<ании> от 29 окт<ября> 23 г<ода> № 817 с пометкой о действит<ельности> до 29/X 24 года. Докум<ент>, на основ<ании> котор<ого> выдан вид: Постан<овление> ВЦИК от 2—8— 23 г<ода> № 16. Разреш<ения> на въезд в Россию, выданны<е> Конс<ульским> Отдел<ом> Полном<очного> Пр<едставительст>ва от 1/X 23 г<ода> № Р/III, действит<елен> по 2/XII 1923 года».[14]

Часть материалов, переданных Осиповым в ИРЛИ, хранится в музее, в том числе портрет писателя, выполненный художником В. Н. Масютиным в технике гравюры на

---

[9] Эти обстоятельства описаны в рассказе Ремизова «Кандальники» (1903), под названием «Скандальники» впоследствии вошел в цикл «В плену» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 3. Оказион. С. 93).

[10] См.: *Ремизов А. М.* «Некролог» П. Е. Щеголеву / Вступ. заметка, публ. и прим. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 178—193.

[11] РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 38, л. 8.

[12] Там же, л. 7—8.

[13] Там же, л. 17.

[14] Там же, л. 13.

[15] См.: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 36.

дереве (1923), с автографом Ремизова, сделанным 26—27 сентября 1923 г.: «Сергею Яковлевичу Осипову в ночь на Воздвижение»;[15] фотография с портрета Ремизова работы А. М. Арнштама, датированная 14 июля 1923 г., а также три фотографических портрета писателя берлинского периода. Один из них относится к октябрю 1922 г. и подписан: «Анне Васильевне, Сергею Яковлевичу Осиповым с благодарностью за память верную». Другой, с памятной записью на обороте: «Анне Васильевне и Сергею Яковлевичу Осиповым в память берлинских вечеров близ Tiergarten'a. Алексей Ремизов», датирован 21 октября 1923 г. Особого внимания заслуживает третья из подаренных Осипову в Берлине фотографий, примечательная тем, что раскрывает важнейшую тему, которая к этому времени также начала объединять писателя и торгового представителя. На обороте карточки с ремизовским портретом написано: «Сергею Яковлевичу Осипову ключарю Обезвелволпала и кавал<еру> обез<ьяньего> зн<ака> Алексей Ремизов. Berlin. 4.11.23».[16]

В публикуемой ниже переписке упоминание об Обезьяньей Великой и Вольной Палате — игровом обществе, учрежденном для избранных друзей,[17] встречается только в последнем письме, написанном Ремизовым сразу по приезде в Париж 9 ноября 1923 г. Хотя уже одно из первых писем Ремизова к своему корреспонденту (от 1 января 1913 г.) являлось продуктом обезьяньей канцелярии, делопроизводство которой велось на «сакральном» языке — глаголице, тем не менее, документальное подтверждение причастности Осипова к тайному ордену относится именно к берлинскому периоду, о чем свидетельствуют пожалованные ему и его жене Анне Васильевне обезьяньи грамоты, оформленные незадолго до переезда Ремизова в Париж — 23 октября 1923 г.: «Дана сия обезьянья турецкая грамота Сергею Яковлевичу Осипову / в знак возведения Его в кавалеры обезьяньего знака I ст<епени> / с мышиными пятками обезвелволпала / и в знак возведения в старейшины — / в ключаря обезьяньего / обезьяньей великой и вольной палаты / Affenrat / 10 <19>23 / Berlin / Царь обезьяньей (так! — *Е. О.*) / Асыка собственнохвостно / MCMXXIII X 23 <печать> <глаголическая надпись: Обезьянья печать> / Скрепил и деньги бумагой и клеем получил б<ывший> канцелярист обевелволпала / cancellarius / Алексей Ремизов»; «Дана обезьянья грамота / Анне Васильевне Осиповой / в знак возведения ее в кавалеры / обезьяньего знака первой степени / с перышком самой маленькой и самой / мудрой птички абумса / обез<ьяньей> вел<икой> вол<ьной> палаты / <печать, глаголическая надпись: обезьянья печать. MCMCXXIII> / Affenrat / Berlin / 23.10.<19>23 / Царь Асыка обезьяньей (так! — *Е. О.*) / собственнохвостно. Скрепил и деньги книгами получил / б<ывший> канцелярист обезвелволпала cancellarius / Алексей Ремизов».[18]

Эти шуточные документы, действительно, открывали новый этап в отношениях Ремизова и Осипова. После отъезда Ремизовых из Петрограда среди оставшихся в городе кавалеров Обезвелволпала были и те, кто пытался продолжать традиции Обезьяньего общества, о чем писатель узнал впоследствии от молодых литераторов, поддерживавших с ним эпистолярный диалог. Так появилось звание «ключаря», кратковременно соотносимое с именем К. Федина. Осенью 1923 г. этого почетного звания (вместе с добровольными обязанностями по делопроизводству и собиранию архива Обезьяньей Великой и Вольной Палаты) был удостоен С. Я. Осипов. Вся последующая переписка между ним и Ремизовым, продлившаяся до 1928 г., практически полностью посвящена заботам

---

[16] Там же. С. 38.

[17] Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001.

[18] РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 13, л. 19—20. Репродукцию грамот см. в разделе «Альбом» книги «Царь Асыка и его подданные».

нового ключаря.[19] Хотя Осипову и не суждено было стать постоянным персонажем ремизовских книг, на страницах которых то и дело обнаруживаются реальные имена кавалеров и князей Палаты, тем не менее символично, что его имя все же встречается в романе «Взвихренная Русь» — художественной хронике революционных лет. В иррациональном контексте сновидения Осипов становится обладателем хвоста: «Перешел на ту строну. Там С. Я. Осипов живет. С. Я. Осипов в матросском, а поверх золотая венгерка с красными шнурами, а сзади торчит препорядочный хвост, должно быть от барсука отрезан».[20]

Очевидно, что в берлинской компании Обезвелволпал переживал своеобразный ренессанс. Благодаря стараниям Осипова, с тщательностью профессионального архивиста собиравшего разнообразные бумаги Обезьяньего общества, сохранился артефакт, ознаменовавший в истории ремизовской игры и личной биографии писателя окончание берлинской эмиграции. Этот поистине авангардный документ соединил литературную игру с бытовыми реалиями Русского Берлина. На листе упаковочной бумаги с типографской надписью: «Jnhalt 50 Gramm» и фабричной наклейкой «Поповыя Папиросы» рукой Ремизова приписано над наклейкой и справа от нее: «ключарь обез<ьяньей> вел<икой> вол<ьной> п<алаты> С. Я. Осипов / кавал<ер> обез<ьяньей> вел<икой> во<льной> п<алаты> Н. В. Зарецкий / —"— А. В. Осипова / —"— Н. Г. Львова / —"— Л. И. Львов / начал<ьник> слонов / Арсений Грачов (так! — *Е. О.*) / иностранная вельм<ожа> Соломон Каплун / кавал<ер> обе<зьяньего> зн<ака> В. Ходасевич». Под наклейкой: «обез<янья> вел<икая> вол<ьная> пал<ата> / — последнее берлинское сборище / кавал<еров>, вельмож и проч<их>. / 3.11.<19>23 / День повышения трамвайной платы / Алексей Ремизов».[21]

После расставания с Ремизовым в Берлине Осипов еще по крайней мере пять лет жил в Германии. Последним, известным нам, местом его пребывания был Гамбург, где он служил главным бухгалтером в немецко-русском обществе «Дерутра». Как сложилась жизнь С. Я. Осипова после его возвращения в Россию, в город, носивший уже новое имя — Ленинград, известно немногое. Достоверно знаем, что он избежал сталинских лагерей и, пережив блокаду, умер вскоре после войны в своей квартире на Васильевском острове. В 1940 г. Осипов продал Рукописному отделу Пушкинского Дома за 385 рублей документы, оставшиеся после его бурной деятельности обезьяньего «клюшника и геральдика». Среди этих материалов были письма от Ремизова, берлинская «Хабарная тетрадь», берлинская тетрадь со списками членов Обезьяньей Палаты, составленная Ремизовым, а также черновые наброски к истории Обезвелволпала. Книги и иконографический материал, переданные Осиповым, поступили в фонды Библиотеки и музея ИРЛИ.

Во втором разделе нашей публикации воспроизводится письмо В. Я. Шишкова. Сосед по последнему прибежищу Ремизова в Петрограде «Отелю Петросовета № 1», Шишков носил звание князя Обезьяньей палаты и являлся поверенным в многочисленных делах и хлопотах. Послание представляет собой колоритный и всеобъемлющий комментарий для целого ряда писем Ремизова к Осипову. Этот бесценный источник информации о жизни в России отложился в одном из ремизовских альбомов. Как известно, писатель собирал эпистолярные документы в альбомные коллекции, систематизируя их по годам

---

[19] Из этой части переписки сохранились только письма С. Я. Осипова (Amherst Center for Russian Culture). Отдельные выдержки из них, а также описание деятельности Осипова в эти годы см. в кн.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. С. 233—241.

[20] *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5. Взвихренная Русь. С. 85. Описание истории об отрезанном обезьяньем хвосте, тесно связанной с мифологией Обезвелволпала, см. в кн.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. С. 60—77.

[21] РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 13, л. 33.

либо по персоналиям. Очень часто письма обрастали вырезками из газет и журналов, связанными между собой самым разным, порою совершенно ассоциативным содержанием. В художественной системе ремизовского творчества альбомы наделялись особым назначением — сохранить первоначальную актуальность пережитого события, образа или явления, запечатленного сознанием. Эти в подлинном смысле слова культурные, бытовые и литературные памятники своей эпохи рассматривались Ремизовым как вещественное выражение памяти — области такого духовного праксиса, который открывал творческому сознанию не только прошлое, но и будущее, позволял смешивать реальные объекты с фантазией и вымыслом, наделять их признаками мифа.

Примером такого рода мифологизации является использование Ремизовым в творческих целях письма Шишкова, который среди прочих новостей петроградской жизни конца 1921 г. сообщал: «С Немировичем случилась оказия. Он только что продал доху за 9½ милл<ионов>, ночью пришли жулики якобы с обыском (поддельный мандат) и в присутствии одураченного председ<ателя> Домового Комитета отобрали деньги. Когда на Гороховой рассмотрели мандат, печать оказалась какой-то пекарни при 47 дивизионе <...> Слон (Ю. Н. Верховский. — *Е. О.*) живет здесь. В мороз пришел к нам в шести шкурках, сверху дождевик: его оказывается еще в прошлом году обчистили». В ремизовском альбоме рядом с письмом Шишкова, на соседней странице приклеена вырезка с двумя *анонимными* заметками из берлинского журнала «Бюллетени Дома искусств»: «Все, кто жил в последние четыре года в Петербурге, знали знаменитую доху Вас. Ив. Немировича-Данченко: круглый год таскал он ее на своих еще крепких плечах и только летом — в самые жаркие дни — он с ней расставался. По дохе всякий и узнавал его. И вот случился такой грех: продал он ее за 9½ миллионов, а ночью пришли жулики под видом обыска и в присутствии председателя домового комитета отобрали деньги. Уж без дохи пошел В. И. на Гороховую с жалобой, а когда там рассмотрели обыскной ордер, печать оказалась пекарни при 47 дивизионе. Ни дохи, ни денег. — Поэт Ю. Н. Верховский переселился в Петербург. Ходит в 12 шкурках, а поверх дождевик: еще в 19 году шубу его украли. Профессорствует в университете».[22] Казалось бы, можно говорить о «раскрытии» очередной ремизовской мистификации,[23] однако представляется более верным расценить композицию в альбоме Ремизова как демонстрацию приема мифосложения. Если мистификация — это *авторское* произведение, в основе которого лежит вымысел, выдаваемый за реальность (ее автор, хотя и скрывается, но всегда находится неподалеку), то миф в принципе лишен авторства, и потому воспринимается не как продукт индивидуальной творческой фантазии, а как свойство самой реальности. В данном случае перед нами наглядный образец того, как бытовое эпистолярное послание становилось литературным фактом, а его содержание — мифологическим повествованием.

* * *

Публикуемые ниже 36 писем А. М. Ремизова к С. Я. Осипову хранятся в РО ИРЛИ (ф. 256, оп. 3, № 8). В письмах в основном сохранены особенности авторского расположения текста и авторская пунктуация. Курсивом выделены подчеркнутые в тексте слова. Другие случаи использования курсива оговариваются в комментарии. 17 писем Осипова к Ремизову (I раздел), а также письмо В. Я. Шишкова к Ремизову (II раздел) публикуют-

[22] Бюллетени Дома искусств. 1922. № 1—2. 17 февраля. С. 14.

[23] См.: *Лундберг Е.* Записки писателя. 1920—1924. Л., 1930. Т. 2. С. 300—303; Русский Берлин: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983. С. 21—22; *Флейшман Л.* В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского // Stanford Slavic Studies. Stanford, 1999. Vol. 20. Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography. P. 145—176.

ся по подлинникам писем, собранных Ремизовым в тематических альбомах, которые хранятся в фонде А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло Центра русской культуры Амхерст-колледжа (США). Во вступительной статье и примечаниях к письмам отсутствие необходимых пунктуационных знаков, замещенное Ремизовым в его рукописных текстах абзацами, отмечено косой чертой.

Публикатор выражает сердечную благодарность за содействие в осуществлении работы Директору Центра русской культуры в Амхерсте профессору Стенли Рабиновичу и коллеге по Рукописному отделу Пушкинского Дома Маргарите Михайловне Павловой.

I

1. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

1(14) января 1913 г. Петербург

С новым годом
Сергей Яковлевич
Поздравляю
Алексей Ремизов
СПб. 1913. 1. I. (14).[1]

[1] Основной текст написан глаголицей, справа, напротив каждой строчки, мелко дан «перевод» кириллицей. Внизу рисунок «Сирин», на котором, изображено крылатое антропоморфное существо. В верхнем правом углу наискосок — глаголические буквы и их кириллический аналог — А. Р. Применение глаголицы как шифрованного письма связано с объединением вокруг образованного в октябре 1913 г. издательства «Сирин» ряда известных в литературном мире лиц, в том числе и приглашенного на службу заведующим редакцией С. Я. Осипова. См. также прим. 1 к вступительной статье наст. публикации.

2. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

14(27) апреля 1913 г. Петербург

1913 г. 14/27 апр<еля>.

Христос Воскресе!

Алексей Ремизов.

3. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

25 декабря 1913 г. (6 января 1914 г.)—1 (14) января 1914 г. Петербург

25. XII. 1913 г.
1. I .1914

С высокоторжественным праздником Рождества Христова поздравляю Вас, многоуважаемый Сергей Яковлевич, и желаю Вам благоприятных дел и доброго здоровья.

А. Ремизов.

4. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

6 (19) апреля 1914 г. Петербург

6 апр<еля> 1914 г.

Христос воскресе!

Многоуважаемый Сергей Яковлевич!

Праздники проводить вам весело желаю.

А. Ремизов.

5. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

18(31) июля 1914 г. Петроград

18 июля 1914 г.

Многоуважаемых Анну Васильевну[1] и Сергея Яковлевича поздравляю с бракосочетанием и желаю счастливой личной жизни на множество лет.

Вернувшийся из немецкого плена[2]

Алексей Ремизов.

[1] *Осипова Анна Васильевна* (1890—?) — жена С. Я. Осипова.

[2] Первые дни войны Ремизовы волею судьбы провели в дороге, спешно возвращаясь в Россию из длительного заграничного путешествия. Посещение Европы безмятежно началось в мае 1914 г. с Италии, а в июле Ремизовы остановились в Берлине. Узнав о начале войны, они попытались покинуть пределы Германии, но граница была уже закрыта (удалось добраться только до Алленштайна). Чтобы вернуться в Петербург, супругам пришлось проделать тяжелый путь через Швецию и Финляндию. Только 31 июля, через 12 дней скитаний, сопряженных с риском оказаться интернированными, они вернулись домой. В дороге пропал багаж, в котором находились рисунки писателя, сделанные в Риме. В его заметках, фиксировавших адреса и маршруты поездок, подробно (по дням и даже часам) расписан весь трудный путь домой. Так, из Берлина до Алленштайна Ремизовы добирались 15 часов и были вынуждены в течение 11 часов пути простоять в спальном вагоне. После чего они ожидали «под открытым небом» пересадки в «телячий вагон», идущий в Штетинг (Щецин), а затем посадку на пароход до Рюгена и т. д. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 6, л. 2). Ср. с письмом Я. Шрейбера, который стал свидетелем того трудного положения, в котором Ремизовы оказались в Берлине. В письме, нашедшем писателя почти полтора года спустя, Шрейбер, сам пройдя через унизительные испытания от немецких властей, обрисовал реальную опасность, которую, по счастью, избежали Ремизовы: «Промаялись мы в Берлине после В<ашего> отъезда 3 месяца, не выпускали меня немцы до тех пор, пока их врачи не признали меня совершенно негодным для военной службы. За три месяца в Германии пережили мы немало и при каждой новой неприятности или гадости немецкой с радостью вспоминали: „Какое счастье, что мы Ремизовых успели выправить (выпроводить. — *Е. О.*)!“ Все, что мы с Вами пережили на вокзале, были цветочки, ягодки потом пришли. Меня, как давно жившего в Берлине, в тюрьму не у прятали, а что было бы с Вами, если бы Вы не успели выбраться — не ручаюсь, почти все новоприбывшие мужчины были рассажены по тюрьмам! Два раза в день мы всем семейством должны были являться в участок, из нашего околотка не имели права отлучаться и т. д. и т. д., словом жили под постоянной угрозой. А помните, как наши дамы на меня рассердились, когда я Вам сказал, что пахнет войной и советовал немедленно собираться

в дорогу?! О Ваших приключениях слышал только мельком, в газетах не читал; в каком страхе мы были за Вас, когда ушли с вокзала и потом, когда узнали, как с русскими путешественниками обращаются» (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 235). Короткое описание своего возвращения в Россию Ремизов оставил в письме к И. Рязановскому: «...12 дней ехали, едва ноги принесли. Нас арестовали за час до границы и начались наши мытарства. Все вещи наши погибли. Нас не били (а на о. Рюгене я встретил таких), но под ружейной угрозой держали не мало» (Российская национальная библиотека (РНБ), ф. 634, № 32, л. 31; письмо от 8 августа 1914 г.).

6. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

25 декабря 1914 г. (6 января 1915 г.). Петроград

25. XII. 1914 г.

С Рождеством и новым годом поздравляю Вас, многоуважаемый Сергей Яковлевич, и желаю Вам успехов и приятных дней.

А. Ремизов.

7. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

22 марта (3 апреля) 1915 г. Петроград

22. III.1915.

Христос Воскресе!

Поздравляю вас, многоуважаемый Сергей Яковлевич!

Писал мне Антон Петрович,[1] да ничего я не могу сделать, Вы это знаете.

Желаю Вам и дому Вашему благополучия в этот трудный год.

Алексей Ремизов.

[1] Неустановленное лицо.

8. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

7 (20) июня 1916 г. Петроград

7. VI.1916 г.

Многоуважаемый Сергей Яковлевич!

10-го бросаем квартиру нашу Песочную,[1] вещи свозим в комнату на Теряеву,[2] 12, кв. 26 и едем из Петербурга на волю Божью.

Новой кв<артиры> не нашли, что будет дальше, ничего не знаю. И когда попадем в Петербург, тоже не знаю. Адрес мой, куда и пишите, если понадобится:

Петроград,
Русский Торгово-Промышленный б<анк> .
Морская, 15.
Инспектору Федору Ивановичу Щеколдину[3] для А. Ремизова.
Всего Вам хорошего желаю

А. Ремизов.

[1] Лето 1916 г. для Ремизовых было осложнено трудностями с поиском новой квартиры, чем, вероятно, объяснялись их достаточно частые перемещения. 31 июля Ремизовы переехали на временную квартиру, по адресу: Песочная, 24 А, кв. 11 (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 6, л. 4).

[2] Улица на Петроградской стороне (в наст. время — ул. Вс. Вишневского).

[3] *Щеколдин Федор Иванович* (1870—1919) — революционер, литератор; знакомый Ремизова по усть-сысольской ссылке с 1901 г. Летом 1916 г. Щеколдин помогал Ремизовым в поисках новой квартиры. Его письмо к Ремизову, приложенное к письму Е. Г. Лундберга от 29 июня 1916 г., см.: Е. Г. Лундберг: I. Автобиография (1913). II. Письма к А. М. Ремизову (1910—1918) / Публ. Е. Р. Обатниной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2000 год. СПб., 2004. С. 314—367.

9. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

9 (22) июня 1916 г. Петроград

1916 г. 9. VI.

Многоуважаемый Сергей Яковлевич!

Если будет какой результат с контр-агентством, известите меня по след<ующему> адресу:
г. Борзна (Черниговск<ой> губ<ернии>).
Е<е> в<ысокородию> Елене Осиповне Богатко,[1]
для А. М. Ремизова.
Заказн<ым> письмом закрытым.
По получении вашего уведомления, я извещу вас о дальнейших делах, в случае удачи, конечно.
Этот адрес я никому не даю. Для всех оставляю петербургский.
Русский Торгово-Промышленный б<анк>.
Морская, 15.
Инспектору Федору Ивановичу Щеколдину,
для А. Ремизова.
Всего Вам хорошего.

А. Ремизов.

[1] *Богатко Елена Иосифовна* (1868—1918) — подруга Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, основательница первой публичной библиотеки в г. Борзна. Умерла от тифа (Сообщено Б. Б. Бунич-Ремизовым).

10. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

30 октября (12 ноября) 1916 г. Петроград

30. X. 1916.
в к<орпус?> 2.
<палата?> 27.

Дорогой Сергей Яковлевич!

Хочу вас попросить. Мне надо иметь 2 э<к>зем<пляра> компл<ектов> по 8 т<омов> собр<ания> моих сочин<ений>.[1]

и 3 экземпляра отдельных книг. { Док—к□ / порощье / подоросие[2]

8
8
3+3+3
25 книг

Я нахожусь в госпитале.[3]

Не могут ли из склада Стасюлевича[4] прислать на мою квартиру *В<асильевский> О<стров>. 14 л<иния>, 31. кв. 48* эти книги, отпустив их мне в кредит со скидкою. Деньги мною будут уплачены по выходе моем на волю. Если можно, пожалуйста, поговорите со складом и попросите прислать. Книги мне нужны для здешней библиотеки и для страждущих.

А. Ремизов.

[1] Восемь томов, выпущенных издательством «Шиповник» (1910—1911), были перепечатаны издательством «Сирин», выкупившим в 1912 г. право на издание сочинений Ремизова. Книги, изданные под новой обложкой с указанием времени издания (1910—1912), портретом писателя работы М. В. Сабашниковой в первом томе, включали также сводный указатель первых публикаций, подготовленный автором (Т. 8).

[2] Имеются в виду сборники произведений Ремизова, которые вышли в издательстве «Сирин»: «Подорожие» (1913), «Докука и балагурье» (1914) и «Весеннее порошье» (1914).

[3] С конца октября Ремизов в течение шести недель находился на обследовании в военном госпитале в связи с призывом на военную службу ратником ополчения второго разряда. Билет, временно освобождавший Ремизова от военной службы, был выдан 28 декабря 1916 г. См. помесячную роспись адресов и поездок Ремизова за 1913—1916 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 2, № 6, л. 4, 9, 16). Описание своего пребывания в госпитале Ремизов оставил в главе «Между сыпным и тифозным» романа «Взвихренная Русь» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 5. Взвихренная Русь. С. 21—26), а также зафиксировал в альбоме рисунков «Книга мертвая», о котором упоминает в своих мемуарах Е. Книпович. См.: *Книпович Е.* Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. М., 1987. С. 26.

[4] В 1913—1915 гг. Осипов совмещал делопроизводство в издательстве «Сирин» с должностью бухгалтера в книжном складе М. М. Стасюлевича (Васильевский остров, 5-я линия, 28), обслуживавшем в том числе и данное издательство.

11. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

5 октября 1921 г. Берлин

5. X. 1921.
Берлин.

Дорогой Сергей Яковлевич!

Все никак не можем устроиться прочно.[1] Кочуем по пансионам. От Мих<аила> Ив<анович>а[2] ответа нет. Пообживемся, напишу ему отсюда.

Сергей Яковлевич, прошу о книгах. Без своих книг пропадаю. Можно было бы переиздать, а книг нет.

Если к вам придут, пошлите по след<ующему> адр<есу>:
Herrn J. Sokolow.[3]
Schilerstr<aße> 85[III] bei Dinse (так! — *Е. О.*).
Charlottenburg-*Berlin*.
Он получит и мне передаст.
Серафима Павловна кланяется.

А. Р.

[1] Берлинская газета «Руль» 5 сентября 1921 г. сообщала: «По ходатайству правления Союза русских журналистов и литераторов в Германии, германское министерство иностранных дел разрешило въезд в Германию, находящемуся в Ревеле, недавно бежавшему из России писателю А. М. Ремизову» (1921. № 252. С. 5). В Берлин Ремизовы прибыли 21 сентября (См.: *Резникова Н.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 61).

[2] *Терещенко Михаил Иванович* (1886—1956) — сахарозаводчик, землевладелец, финансист, в 1911—1912 гг. чиновник особых поручений при дирекции Императорских театров в Петербурге. Вместе с сестрами П. И. Терещенко и Е. И. Терещенко в 1912—1915 гг. был владельцем книгоиздательства «Сирин». Во Временном правительстве занимал пост министра финансов (март—май 1917) и министра иностранных дел (май—октябрь). Арестован 26 октября в Зимнем дворце. Бежал из-под ареста в Норвегию, затем во Францию. В 1920-е—1930-е гг. занимался финансовой деятельностью во Франции и на Мадагаскаре. Умер в Монако. Подробнее о нем см.: «Сирин» — дневниковая тетрадь А. Ремизова. С. 229—231; Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993. С. 313—314; Политические деятели России. Конец XIX—первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 605—606; *Барышников М. Н.* Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб., [1998]. С. 352; *Толстой Д. И.* Автобиография / Публ. С. В. Шумихина // Диаспора. Новые материалы. Париж; СПб., 2003. Вып. 5. С. 34.

[3] *Соколов-Микитов Иван Сергеевич* (наст. фам. Соколов; 1892—1975) — прозаик, литературный критик, мемуарист; участник Первой мировой войны; в мае 1920 г. из Крыма эмигрировал в Константинополь, затем в Англию. Зиму 1921—1922 гг. Соколов-Микитов провел в Берлине, был членом берлинского Союза русских писателей и журналистов. В хронике журнала «Новая русская книга» сообщалось: «Ив. Серг. *Соколов-Микитов*, беллетрист, живет в окрестностях Берлина (Dahlem bei Berlin, Werderst. 24 bei von Viebahn). В 1918 году в издании „Сегодня“ выпустил маленькую книжку „Засупоня“. В 1919 году „Исток-Город“. В 1919 году в издании Наркомпроса в Киеве печатались его две книжки: одна детская, другая „Дневник учителя“, но не успели выйти в свет. В 1921—22 году напечатал ряд рассказов и очерков в журналах „Жар-Птица“, „Современные Записки“, альманах<е> „Грани“, „Голосе России“, „Руле“ и др. В ближайшее время в издательстве „Грани“ выходит книжка сказок „Кузовок“. В „Русском Творчестве“ две книги:

„Заря-Зареница“ и „Нил Мироточивый“. Составляет книжку рассказов. Пишет повесть о деревне „Прорва“ и рассказы из времен царевича Алексея „Кабачок Мартышка“» (Новая русская книга. 1922. № 2. С. 41). В июне 1922 г. вернулся в Россию. Его личное знакомство с Ремизовым состоялось в 1910-е гг.; в 1917 г. Соколов-Микитов жил у Ремизова на Таврической ул., а в 1918 г. Ремизов с женой гостили у него в дер. Кислово. Письма Ремизова к нему см. в кн.: *Соколов-Микитов И.* Собр. соч. Л., 1987. Т. 4. С. 261—282. О встречах Соколова-Микитова с Ремизовым см. также: *Смирнов М.* Иван Соколов-Микитов: Очерк жизни и творчества. Л., 1974. С. 37—39. О берлинском периоде Соколова-Микитова и о его возвращении в Россию см. очерк о нем и публикацию его писем к А. С. Ященко: Русский Берлин: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-Хьюз. Париж, 1983. С. 204—216.

12. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

13 октября 1921 г. Ревель[1]

Глубокоуважаемый Алексей Михайлович, открытку Вашу получил и спешу сообщить Вам, что письмо, с доверенностью на получение книг, пропало. Это меня несколько беспокоит. Теперь я написал, чтобы был выслан имеющийся у меня комплект В<аших> книг, а Вас прошу выслать мне сюда новую доверенность лучше на имя Анны Вас<ильевны> О<сиповой> и указать снова адрес. Страшно досадую на эту неудачу.

С. Осипов.

Сердечный привет Сераф<име> Павл<овне>.

[1] Письмо имеет помету Ремизова о получении: «18. X. <19>21». Датируется по помете Ремизова на следующем ответном письме. См. прим. 1 к п. 13.

13. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

После 18 октября 1921 г. Берлин[1]

Дорогой Сергей Яковлевич,

адрес наш: Charlottenburg 1
Kirchst<raße> 2[II]
bei Delion
Herrn A. Remizow.

Берлин не надо писать, хотя это собственно в Берлине.

Как-то у вас там в Таллинне,[2] как-то у нас в России! Холодно — осень, а тут все август.

Жаль, что с книгами такое вышло. А тут ничего достать нельзя.

Прилагаю доверенность Анне Васильевне.[3]

Адрес Вячеслава Яковлевича Шишкова, Троицкая, 4 кв. 7.[4] Ход с улицы.

Если он больше там не живет, можно справиться в Государ<ственном> книгоиздательстве (против Казанс<кого> соб<ора> д<ом>

б<ывший> Зингера)[5] у секретаря Мих<аила> Алексе<е>в<ича> Дьяконова.[6] Газет я так и не вижу.

Серафима Павловна кланяется вам.

Алексей Ремизов.

[1] Справа имеются пометы рукой Ремизова: «на 13. X. 1921», «пол<учено> 18. X. 1921», поясняющие, что данное письмо написано в ответ на письмо Осипова от 13 октября, которое было получено 18 октября.

[2] С начала августа 1921 г. Осипов находился в Ревеле (Таллинне); сюда же 16 августа прибыли Ремизовы и провели некоторое время в ожидании германской визы.

[3] Доверенность не сохранилась.

[4] *Шишков Вячеслав Яковлевич* (1873—1945) — прозаик; сосед по последнему пристанищу Ремизова в Петрограде «Отелю Петросовета № 1» на Троицкой ул., кв. 1. Шишков входил в круг литераторов, с которыми Ремизов особенно тесно общался в 1920—1921 гг. Ср. о нем в книге «Ахру»: «...Шишков, князь сибирский и бежецкий обезьяний — пьесу за пьесой со своим непременным комедийным пастушонком, а также память сибирскую — шаманскую повесть» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2002. Т. 7. Ахру. С. 22). Вяч. Шишков посвятил Ремизову рассказ «Соловьиная ночь», впервые опубликованный в кн.: «Подножие башни» (Пг., 1920). В архиве Ремизова сохранились письма Шишкова к нему за 1913—1917 гг. (РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 234).

[5] Подразумевается здание, построенное в 1902—1904 гг. американской компанией швейных машин «Зингер и К°», расположенное по адресу Невский, 28. С 1919 г. этот дом стал средоточием книгоиздательской деятельности; наряду с другими здесь располагалось издательство, первоначально именовавшееся «Петрогосиздат» (Госиздат).

[6] *Дьяконов Михаил Алексеевич* (1885—1938) — экономист, литератор, переводчик, в Петрограде служил управляющим делами коллегии отделения Госиздата; в 1921—1926 гг. —коммерческий директор торгпредства в Христиании (Осло). Письма Ремизова к Дьяконову за 1920—1926 гг. см.: РНБ, ф. 1124, № 8.

14. С. Я. Осипов—А. М. Ремизову

Конец октября 1921 г. Ревель

Получил сегодня В<аше> письмо, дорогой Алексей Михайлович.

Я уже послал Вам несколько дней тому назад часть В<аших> книг, а именно тт. 2, 3, 4, и 6 — надеюсь, что Вы их уже получили.[1] Извините, что они заштампованы. Следующие тома надеюсь выслать через неделю. У Вас август, а здесь март — все бело от снега, яркое солнце и тепло. Чудесно!

Кланяюсь Серафиме Павловне.

С. Ос<ипов>.

Здесь уже продаются «Шумы города» и «Огненная Россия».[2]

[1] Речь идет о томах собрания сочинений Ремизова, изданных «Сирином» в 1912 г.

[2] Книги Ремизова, рукописи которых были приобретены организатором ревельского издательства «Библиофил» А. Г. Оргом, увидели свет в 1921 г. Неудовлетворенный изданиями, Ремизов писал В. Н. Тукалевскому 16 февраля 1922 г.: «Очень огорчили меня эти книги мои ревельские: так издать плохо» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 577, оп. 1, № 48, л. 14); эта же тема вновь возникает в письме от 4 марта: «...о Библиофиле скажу так: изгадили они мои книги и я больше ничего не дам. Платят они хорошо, но ничего не умеют» (Там же, л. 20). Ср. также с рецензией С. Сумского

(С. Г. Каплуна), которая завершалась словами: «Обе книжки — большой подарок русскому читателю. Тем более досадно, что издательство „Библиофил“, выпустившее эти книжки, сделало все, чтобы этот подарок испортить. Внешность книг плоха. Цена тоже высока» (Новая русская книга. 1922. № 1. С. 18—19).

15. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

3 ноября 1921 г. Берлин

3 н<оя>б<ря>1921.
Charlottenburg 1
Kirchst<raße> 2^{II}
bei Delion.

Дорогой Сергей Яковлевич!

Вчера Ив<ан> Серг<еевич>[1] получил книги: II, III, IV, VI.
Очень вам благодарен.
Скучаю без газет.

Алексей Ремизов.

[1] И. С. Соколов-Микитов.

16. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

20 ноября 1921 г. Берлин

20. XI.1921.
Alexej Remizow.
Kirchst<raße> 2^{II}
bei Delion
Berlin — Charlottenburg 1.[1]

Дорогой Сергей Яковлевич!

Вчера получил еще книг: из соб<рания> соч<инений> *нет* только *I тома*.[2] Я Вам должен, Сергей Яковлевич, и это буду помнить.

Если бы еще достать сиринские издания *Докуку и балагурье*, *Весеннее порошье* и *Подорожие*.[3]

Пишите на мой адрес. Лучше всего и быстрее идут открытки.

Из России я не получаю писем — ни одного. И никак не могу пока наладить, а без книг, выходящих в России, скучно.

Спасибо Вам, Сергей Яковлевич.

Серафима Павловна кланяется.

Алексей Ремизов.

А от Мих<аила> Ив<ановича>[4] все нет известий.

[1] В правом верхнем углу помета рукой Ремизова: «Получ<ил> 19. XI. 1921».

[2] Очевидно, первый том собрания сочинений Ремизова («Рассказы») , вышедший в издательстве «Сирин» (СПб., 1910—1912).

[3] См.: п. 10, прим. 2. «Подорожие» Ремизов заполучил стараниями К. Федина, который 24 февраля 1922 г. писал ему: «Через Я. П. Гребенщикова достал один потасканный экземпляр „Подорожия". Посылаю его для Вас Мих<аилу> Алекс<андровичу> Дьяконову» (Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой).

[4] М. И. Терещенко.

17. С. Я. Осипов —А. М. Ремизову

8 декабря 1921 г. Ревель[1]

Многоуважаемый Алексей Михайлович,

наконец смог послать Вам и первый том, но, к сожалению, он оказался без портрета.[2] Приложены два номера газет, которые особенно интересны объявлениями, базарными сценками и статьей Городецкого.[3] Уже те номера, которые в Москве продаются по 2 тысячи советских рублей! Ив<ан> Серг<еевич> (?) на Троицкой ул<ице>[4] сказал жене, что очень скучает, не имея до сих пор от Вас известий. Если нельзя от Вас написать ему непосредственно, то можете прислать мне, а я перешлю. Он говорит, что у него, кроме одного комплекта В<аших> книг, с надписями, других нет, а с этими ему не хочется расставаться. Нашел и дал всего лишь пять отдельных томов, которые я и оставил себе в пополнение моего комплекта. Всего Вам лучшего. Привет Серафиме Павловне.

С. Ос<ипов>.

[1] Датируется по почтовому штемпелю. На письме имеется помета Ремизова о получении: «13. XII».

[2] Очевидно, Ремизову был отправлен первый том из собрания сочинений, выпущенного «Шиповником». См. п. 10, прим. 1.

[3] Речь, в частности, идет об одном из номеров «Известий» (1921. 27 ноября, № 267), где были опубликованы два произведения С. Городецкого — стихотворение «Москва», начинавшееся строками: «Как все благополучно! Как приятно! / Москва живет, торгует и кричит. / Повсюду вывесок нарядных пятна / И восхитительных витрин лучи. / Что хочешь, купишь. Выгодной продажи / По воздуху разносится угар. / Конфет, сардин, икры бакинской даже, — / Всего достанешь. Жизнь — опять товар» (С. 2) и статья «Соло», посвященная Всероссийскому союзу поэтов (С. 3); последняя страница целиком была отведена под объявления (С. 4).

[4] Подразумевается В. Я. Шишков.

18. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

11 декабря 1921 г. Берлин

11. XII. 1921.

Дорогой Сергей Яковлевич,

Очень Вам — очень благодарен.

Получил I т<ом> и две газеты.

Сергей Яковлевич, не оставьте памятью, присылайте, если случай будет, газеты.

Не один я за них Вам спасибо скажет, из них о России узнаешь.

Теперь просьба к Анне Васильевне о других книгах изд<ательства> Сирина

1) Докука и балагурье

2) Подорожие

3) Весеннее порошье.

Серафима Павловна кланяется.

Алексей Ремизов.

19. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

14 декабря 1921 г. Берлин

14. XII. 1921.[1]

Дорогой Сергей Яковлевич!

Ваши книги будут неприкосновенны: что надобится мне, переписываю.

Как только получу свои экз<емпляры>, Вам все эти книги — 8 т<омов> *верну*.

Сейчас мне надо: Докука и балагурье, Весеннее порошье, Подорожие.

Хочу попросить Анну Васильевну передать на словах Вяч<еславу> Яковлевичу Шишкову,

1) что я ему писал неоднократно,

2) пусть он ей скажет, получил ли он за нашу библиотеку деньги и сколько

3) и сколько у него вообще наших денег.

---

4) у него есть разрозненные мои книги, без начала и конца или одна середка — *рухлядь* очень мне нужная для переиздания, если бы он дал А<нне> В<асильевне>, а она бы Вам послала.

Ведь приходится все переписывать!

Очень Вам благодарен, Сергей Яковлевич, за все

<А. Ремизов>.[2]

Серафима Павловна кланяется Вам.

He bei Dinse,

a bei Delion.

[1] В правом верхнем углу помета рукой Ремизова: «на письмо, получ<енное> 13 XII».

[2] Здесь и далее угловыми скобками обозначены различные вариации ремизовской подписи-монограммы, образ которой оформился в первые годы эмиграции. О семанти-

ческом смысле этой подписи см.: *Безродный М.* Об одной подписи Алексея Ремизова // Русская литература. 1990. № 1. С. 224—228.

20. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

Около 15 декабря 1921 г. Ревель[1]

Многоуважаемую Серафиму Павловну и дорогого Алексея Михайловича сердечно поздравляю с Новым Годом и праздником Рождества и шлю наилучшие пожелания. Относительно Докуки и др. я написал.[2]

Ваш С. Осипов.

[1] Датируется по помете рукой Ремизова о получении: «22. XII».
[2] Подразумевается А. В. Осипова, которой была переадресована просьба Ремизова о книгах.

21. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

Около 20 декабря 1921 г. Ревель[1]

Дорогой Алексей Михайлович,

Вашу открытку получил и о всех В<аших> вопросах к Вяч<еславу> Як<овлевичу> написал. Как получу что-нибудь, немедленно вышлю Вам. Полученным Вами комплектом распоряжайтесь, пожалуйста, как только Вам будет нужно, считая его всецело своим. Да ведь половину томов Вяч<еслав> Як<овлевич> мне заменил. Когда впоследствии собрание будет переиздано, Вы возвратите мне в новом издании — будет очень приятно. Сегодня послал неск<олько> (5) газет; буду делать это по возможности.

Всего Вам хорошего желаю. Привет Серафиме Павловне.

[1] Датируется по помете рукой Ремизова о получении: «27. XII».

22. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

27 декабря 1921 г. Берлин

27. XII. 1921.

Дорогой Сергей Яковлевич,

Сегодня получил пять № газеты.
Очень Вам благодарен.

Алексей Ремизов.

Серафима Павловна кланяется.

23. С. Я. Осипов —А. М. Ремизову

6 января 1922 г. Ревель

6 января 1922 г. (Крещенье).[1]

Дорогой Алексей Михайлович, завтра посылаю Вам в заказной бандероли «Весеннее порошье» и несколько газет.

Анна Васильевна пишет, что Вяч<еслав> Як<овлевич> послал Вам книг, каких и каким путем — не знаю. Никаких писем он от Вас до сего времени не получал, кроме самого первого. Вашу библиотеку Вяч<еслав> Як<овлевич> продал за два милл<иона> 700 тыс<яч> руб<лей>. Теперь всех Ваших денег у него наберется около миллиона руб<лей>. А<нна> В<асильевна> пишет, что ей обещали (Вяч<еслав> Як<овлевич>?) и другие Ваши книги, и если я их получу, то немедленно вышлю Вам.

Получил Вашу открытку с извещением о получении Вами газет; очень рад, что они дошли, т<ак> к<ак> я посылал их простой бандеролью. Значит и в будущем можно будет так посылать.

Не будет ли возможности, дорогой Алексей Михайлович, прислать мне «Каменные пруды»[2] — здесь их нет. Буду очень Вам благодарен.

До свидания, низко кланяюсь Серафиме Павловне.

Ваш С. Осипов.

[1] Подразумевается дата в соответствии со старым стилем календаря.

[2] Первоначальное название книги «Россия в письменах», один из рассказов которой назывался «Каменные пруды». О выходе этой и других книг сообщалось в советской прессе: «В Берлине возобновило свою деятельность возникшее во время революции в Москве издательство „Геликон“. Оно печатает <...> А. Ремизова — „Каменные пруды“ („Россия в письменах“). <...> Руководит издательством А. Г. Вишняк» (Печать и революция. 1922. Январь—март. Кн. 1. С. 324).

24. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

После 10 января 1922 г. Берлин[1]

Дорогой Сергей Яковлевич!

27 XII умерла Елизавета Михайловна Терещенко, прочитал в парижск<ой> газ<ете> «Послед<ние> Новости».[2]

М<ихаил> Ив<анович>,[3] как мне рассказывают, служит в банке. Обещают достать мне точный его адрес (наше письмо в Стокгольм, видно, пропало).

Был тут Алекс<андр> Ильич Зилоти,[4] помните его, и он очень хорошо знает о них, да не успел я с ним повидаться. Сообщу, как узнаю.

Сегодня получил, наконец, письмо от Вяч<еслава> Як<овлевича>[5] и отвечаю ему сегодня же: пишу, как и вам писал, что все книги, какие

от вас будут, все сохраню бережно и верну неприкосновенно. (Ведь я прошу его дать мне книги и такие, с к<отор>ыми трудно расстаться — с надписями).

Кланяюсь Анне Васильевне, прошу ее взять у В<ячеслава> Я<ковлевича> «Среди мурья», изд<тельство> «Северные дни», М. 1917 и «Николины притчи», скл<ад> изд<ательства> «Парус», Пгр. 1917 и еще «Сборник Дома Литераторов петербург<ских> поэтов и беллетристов» — который вышел к новому (1922) году.

Там и мой рассказ.[6]

«Каменные пруды»[7] еще не вышли. Как выйдут, обязательно пришлю вам и другие книги, какие будут — ой, медленно же здесь все делается и дешево!

В России гонорар теперь от 2 до $2^1/_2$ милл<ионов> руб<лей> за лист (а это ровняется, если $^1/_2$ милл<иона> =1000 м<арок> — 4.000 м<арок>, 5.000), а здесь 1.500 м<арок> это уже такая цена высокая, какую не всякий даст — а то 1000 м<арок> — на этом скажи спасибо.

Очень Вам благодарен,

Сергей Яковлевич.

В России, как встретимся, будем вспоминать.

И низко я вам поклонюсь тогда за Вашу память.

Книг моих, о к<отор>ых пишет В<ячеслав> Я<ковлевич>, какие кому-то даны были без передачи, ни одной не получил, как и денег за продан<ную> библиотеку.

Серафима Павловна кланяется Вам.

Алексей Ремизов.

[1] Датируется в соответствии с пометой Ремизова в левом верхнем углу письма: «на пис<ьмо> от 6. I. 1922 получ<ено> 10. I».

[2] Е. М. Терещенко — мать Михаила Ивановича, Пелагеи Ивановны и Елизаветы Ивановны Терещенко. Сообщение было опубликовано 4 января 1922 г. на первой странице «Последних новостей» (№ 528): «Сегодня 4-го января в 9-й день смерти Елизаветы Михайловны Терещенко в Русской церкви после обедни будет отслужена панихида (12 ч.)».

[3] М. И. Терещенко.

[4] *Зилоти Александр Ильич* (1863—1945) — дирижер, педагог, музыкальный деятель.

[5] В. Я. Шишков.

[6] Имеется в виду сборник «Пушкин. Достоевский» (Пб.: издание Дома Литераторов, 1921), в котором был напечатан очерк Ремизова «Огненная Россия», посвященный Ф. М. Достоевскому .

[7] Рассказ «Каменные пруды. Подспудное» был напечатан впервые в составе книги «Россия в письменах» (Берлин: Геликон, 1922. Т. 1. С. 14—22). Экземпляр (со штампом «Из книг С. Я. Осипова») находится в библиотеке ИРЛИ (шифр: 1936к/1960).

25. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

12 января 1922 г. Берлин

12. I. 1922.

Дорогой Сергей Яковлевич!

Спасибо, вчера получил «Весеннее порошье» и 5 газет.

Прошу Анну Васильевну, когда будет ей охота, в нов<ый> гос<ударственный> театр (Владимирск<ий> пр<оспект> 12) (назыв<ается> Театральная мастерская), билет ей может устроить Вяч<еслав> Яков<левич> (мы вместе служили в Театр<альном> отд<еле> — член коллегии).[1] Там будут ставить мою пьесу: трагедию о Иуде принце искариотск<ом>.[2] Хотелось бы мне отзывы слышать. Вообще мне отзывы хотелось бы знать —

Ставили однажды в Москве, но мне не удалось быть.[3]

Спасибо, Сергей Яковл<евич>.

<А. Ремизов>.

[1] Служба Ремизова и Шишкова в Петроградском отделении Театрального отдела Наркомпроса и Театральной коллегии Петербургского Театрального отдела (ПТО) пришлась на период 1918—1921 гг. В ТЕО Ремизов работал в историко-театральной репертуарной секции, в ведении которой был отбор и рецензирование драматических произведений для постановки на сцене государственных театров.

[2] Ср. с сообщением, помещенным на страницах «Бюллетеней» берлинского Дома искусств: «В Петербурге открывается новый Государственный театр „Государственная мастерская“ — III дом Просвещения 1-го городского района им. Карла Маркса, Владимирский, 12. В репертуаре театра «Незнакомка» А. Блока, «Трагедия о Иуде», «Бесовское действо» А. Ремизова и пр. (Бюллетени Дома искусств. Берлин, 1922. 17 февраля, № 1—2. С. 13). Речь идет о Театральной мастерской, организованной в 1917 г. в Ростове-на-Дону художником М. С. Сарьяном, которая впоследствии была переведена Наркомпросом в Петроград. Разместившаяся в здании бывшего Владимирского клуба, ранее занимаемом Свободным театром, мастерская открылась 8 января 1922 г. и работала под руководством режиссера П. К. Вейсбрема. Первой постановкой Театральной мастерской была «Гондла» Н. Гумилева. Подробнее о Театральной мастерской см.: *Гегузин И.* Николай Гумилев смотрит «Гондлу» // Искусство Ленинграда. 1991. № 8. С. 76—78; *Золотницкий Д.* Театр Гумилева: сжатый срок // Театральный Ленинград. 1988. Июль, № 28. С. 59—63. 21 января 1922 г. «Красная газета» сообщала о репетициях пьесы Ремизова «Трагедия о Иуде...» и о намеченной на конец января премьере спектакля (№ 15. С. 3). Представления новой постановки шли 1, 2, 5, 8, 9, 11, 12, 18 февраля. Обстоятельную рецензию на этот спектакль написал М. Кузмин, который отмечал: «Постановка „Трагедии о Иуде“ в Театральной Мастерской блестящим образом опровергала довольно распространенное мнение, будто театр А. Ремизова недостаточно театрален. <...> Доказательством сценичности пьесы А. Ремизова для меня служит и то обстоятельство, что только перенесенная на сцену, она позволила воочию увидеть всю стройность своего построения и закономерность своей пестроты. Постановка же театральной Мастерской „Иуды“ — наиболее зрелая, наиболее волнующая, долженствующая доходить до любой аудитории. Это, конечно, прекрасное народное зрелище, а никак не эстетическая затея или лабораторный опыт». Среди актеров Кузмин особенно отметил Р. М. Холодова в роли Иуды, Е. Л. Шварца в роли Пилата и Костомолоцкого в роли Обезьяньего царя. Менее удачными рецензенту показались женские образы в исполнении Г. Н. Халаджиевой и З. Д. Болдыревой (см.: *Кузмин М.* Иуда (Театральная мастерская) // Жизнь искусства. 1922. 14 февр., № 7 (930). С. 1). Перепечатка рецензии Кузмина в берлинской газете «Голос России» (1922. 16 апр., № 943. С. 8) появилась по инициативе Ремизова, который 6 сентября написал сотруднику газеты С. П. Постникову: «Я посылаю вам о Иуде — если найдете возможным напечатать, печатайте — Кузмина, конечно» (ГАРФ, ф. 6065, оп. 1, № 71, л. 28).

[3] Постановка пьесы «Трагедия о Иуде, принце Искариотском» (1908) первоначально готовилась в петербургском театре В. Ф. Коммисаржевской в 1909 г., но не была осуществлена из-за смерти актрисы. Позднее состоялось три ее студийных постановки — в театре им. В. Ф. Коммисаржевской (Москва, 1916), в студии «Художественный цех» (Харьков, 1917) и в «Театральной мастерской» (Петроград, 1920). Инициаторами московской постановки были актер А. П. Зонов и режиссер Ф. Ф. Коммисаржевский. Премьера спек-

такля под названием «Проклятый принц» состоялась в феврале. См.: *Ходасевич В.* «Проклятый принц» Ремизова // Утро России. 1916. 10 февр., № 41. С. 5), а также: *Дворникова Л. Я.* Алексей Ремизов и Аркадий Зонов. К истории художественной жизни начала XX века //Алексей Ремизов. Исследования и материалы. С. 354—355. См. также письма Зонова к Ремизову 1914—1919 гг.: РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 83; а также РО ИРЛИ, ф. 256, оп. 3, № 73, л. 5.

26. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

19 января 1922 г. Берлин

19. I. 1922.

Дорогой Сергей Яковлевич,

17. I. получил газеты — 5.

Очень Вам благодарен.

Всякий бытовой намек — слово, имя — приоткрывает русскую жизнь.

Настоящая Россия только ведь там в России.

Спасибо, Сергей Яковлевич.

Алексей Ремизов.

Серафима Павловна кланяется.

27. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

27 февраля 1922 г. Берлин

27 февраля 1922.[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Анна Васильевна была у Вяч<еслава> Як<овлевича>, он сказал, что все книги, о которых Вы мне написали (Среди Мурья, Николины притчи, Сборник Дома Литераторов), он хочет послать сам. Так ей ничего и не дал — такой ревнивый. Может быть, Вы уже получили?

С газетами все по-старому и даже теперь трудно уж надеяться. Низко кланяюсь Серафиме Павловне. Всего Вам хорошего.

С. Осипов.

[1] На письме имеется помета Ремизова о получении данного письма: «3. III».

28. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

Около 13 марта 1922 г. Берлин[1]

Дорогой Сергей Яковлевич, получил два номера «Нового пути».[2] Спасибо, очень они мне кстати: я собираю все, что написано <о> Блоке после его смерти.[3]

И если еще что попадет вам старое — ревельское, пришлите.[4] Посмотрите «Известия» московские № 40, 19. I,[5] там уж написано, что я по весне буду в Петербурге. Боюсь, этого нельзя еще осуществить по моему нездоровью.[6]

С<ерафима> П<авловна> кланяется Вам.

Алексей Ремизов.
12. I.
1922.[7]

[1] Датируется по почтовому штемпелю. Письмо, отправленное из Шарлоттенбурга 13 марта, пришло в Ревель 17 марта.

[2] Ежедневная газета «Новый путь» издавалась в Риге в 1921—начале 1922 г. (ред.-изд. И. Э. Дрейфельд); после смерти Блока в газете периодически появлялись рецензии на последние издания произведений поэта. См.: Блок в критике современников. (Аннотированная библиографическая хроника. 1902—1921) // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1993. Кн. 5. С. 797, 807, 809, 816 (Литературное наследство; Т. 92.).

[3] Блок скончался 7 августа 1921 г. Сам Ремизов неоднократно публиковал в эмигрантской печати свои очерки, посвященные поэту: «Из огненной России (Памяти Блока)» с указанием даты: «Берлин, 7 ноября 1921 г.» (Последние новости. 1921. 2 дек., № 500); этот же очерк появлялся также под другими названиями: «Из огненной России. Памяти Блока — ему и о нем» (Голос России. 1922. 8 янв., № 860); «Из огненной России. Памяти Блока» (Звено. 1922. № 1), а также в составе книги «Ахру. Повесть петербургская» (Берлин; Пб.; М.: изд-во З. И. Гржебина, 1922) — под названием «К звездам», и книги «Взвихренная Русь» — под названием «К звездам. Памяти Блока» (Париж, 1927). В самом начале 1922 г. в Берлине на вечере издательства «Скифы» предполагалось устное выступление Ремизова с чтением поминального слова Блоку, о чем сообщала берлинская газета «Новый мир» (1922. 3 янв., № 2) в заметке под названием «„Скифы“ о Блоке». См. также заметку, появившуюся на страницах петроградского журнала «Летопись Дома Литераторов» (1921. № 4) в рубрике «Вести о писателях», где цитируется письмо Ремизова «к друзьям»: «А. М. Ремизов в письме своем рассказывает: Весть о смерти Блока пришла в карантин 15 августа, и в этот вечер для очень немногих (всего оказалось из интеллигентных русских трое, знавших о Блоке, другие же и имени не слыхали) С. П. (жена А. М.) читала стихи Ал. Ал. В конце письма А. М. пишет: И еще скажу вам: у кого есть силы и голова крепка, пусть не покидает России. Так и скажите». Очерк Ремизова «К звездам», включенный автором в книгу «Ахру. Повесть петербургская» (1922), имел большой резонанс; автор одной из рецензий писал: «Всего несколько страничек написал Ремизов о Блоке, но каких страничек. Ни одного неверного тона, ни одной фальшивой ноты. Перед нами развертывается трагедия последних месяцев жизни Блока, развертывается просто, без лишних слов, без выкриков... Может быть, поэтому и впечатление так сильно и так неизгладимо» (*М. Я. Р.* [Рец.] // Голос России. 1922. 18 июня, № 993. С. 6).

[4] Очевидно, Ремизов подразумевает ревельскую газету «Свободное слово», в которой, в частности, была опубликована его заметка «Еще о Блоке. (Беседа)» (1921. № 118).

[5] Ошибочная датировка. Речь идет о заметке, напечатанной в рубрике «Литературная хроника (От нашего петроградского корреспондента)»: «В письмах, полученных из Берлина в Петрограде от Алексея Ремизова, последний сообщает, что весною собирается вернуться в Петроград» (Известия. 1922. 19 февр., № 40. С. 3).

[6] Ср. с письмом Ремизова к секретарю народного комиссара иностранных дел Г. В. Чичерина — А. Г. Котельникову от 7 июня 1921 г.: «...Просьба к Вам, научите, *какое* надо подать прошение Чичерину о заграница — отпустить нас за границу (не могу, от головы погибаю, а голова от суеты — хожу, как в чалме и это всю зиму). И можете ли *Вы передать* Чичерину это прошение. Напишите на Наркоминдел Серафиме Павловне, а то очень долго идут письма. Я просил бы отпустить нас с правом вернуться» (РГАЛИ, ф. 2503, оп. 1, № 452, л. 5—6), а также с письмом Ремизова к В. Н. Тукалевскому от 16 февраля 1922 г., в котором он объясняет свой отъезд: «Нет, все-таки я никогда бы не уехал из

России, если бы не беда: последнюю зиму от малокровия и утомления головой маялся — света не видел. Или погибать, или временно уехать — —. Понемногу оправляюсь, а как укреплюсь, назад в Россию» (ГАРФ, ф. 577, № 697, л. 14).

[7] Наличие почтовых штемпелей, а также содержание письма с упоминанием 19 января противоречит авторской датировке, которая отчетливо читается. Возможно, открытка была датирована раньше, чем написано письмо.

29. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

14 апреля 1922 г. Берлин

Великий Четверг — Пятница. 14. IV. 1922.

Charlottenburg.

Дорогой Сергей Яковлевич, с праздником вас, спасибо за «Н<о-вый> п<уть>».[1]

Если что впредь встретится о Блоке, пришлите: у меня уж 3 тетради собралось для музея.[2]

Понемногу буду посылать вам выходящие мои книги через знаком<ых> издателей (частн<ым> лицам очень это трудно).

Серафима Павловна кланяется.

Анне Васильевне поклоны от нас.

Алексей Ремизов.

[1] См. п. 28, прим. 2.

[2] В письме к М. А. Дьяконову от 24 февраля 1922 г. Ремизов сообщал о своих хлопотах по пересылке в Петроград нового издания поэмы «Двенадцать» на немецком языке (Berlin: Newa, 1920) «...для музея блоковского» (РНБ, ф. 1124, № 8, л. 2). Возможно, что помимо собственно текстов, Ремизов готовил для будущего музея и свои рисунки, в том числе и альбом с рисунками к поэме «Двенадцать», который десять лет спустя издал журнал «Числа». Об этом Ремизов писал В. Н. Унковскому 30 июня 1931 г., обращаясь с просьбой поместить в прессе следующее сообщение: «7-го августа исполняется 10 лет со смерти Блока. Ал. Ал. Блок умер 7 августа 1921 года. К этому дню журнал „Числа" (Париж) выпускает в единственном экземпляре книгу Ремизова „Памяти Блока". Эти рисунки сделаны Ремизовым в Петербурге в мае—июле 1921 г.; в эти месяцы Блок умирал. Картинки были для Ремизова последним прощальным словом умирающему Блоку. Блок знал о этих картинках. В „Взвихренной Руси" Ремизов рассказывает об этом, вспоминая Блока. Название книги: Alexei Remizov. La Russie sous la rafale. I: A la mémoire L'Alexandre Blok. 47 dessins en blanc et noire et en couleur pour illustrer la poéme „Les douze". Textes russe, français et allemand. Les éditions TCHISLA. Paris 1931. Exemplaire unique» (Columbia University. The Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture. New York. Архив В. Н. Унковского). Идентичная информация есть и в письме к художнику Н. В. Зарецкому. 14 апреля 1931 г. Ремизов сообщал: «...7 августа исполняется 10 лет со смерти Блока. Журнал „Числа" выпускает в единственном экземпляре мою книгу „Памяти Блока" — *47 рисунков* к „12". Эти картинки я рисовал, думая о Блоке май—июнь—июль, когда Блок умирал. Об этом я рассказываю в „Взвихренной Руси". Эти картинки — мое прощальное слово к нему» (*Морковин В.* Приспешники царя Асыки // Československá rusistika. 1969. Т. 14. S. 187).

30. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

23 апреля 1922 г. Ревель

Ревель, 23 апреля <19>22.

Дорогой Алексей Михайлович, сердечное Вам спасибо за поздравление и книги («Повесть о Стратилатове» и «В поле блакитном»).[1] Читаем с Анной Васильевной и наслаждаемся. Все ли Вы теперь имеете свои прежние издания и получили ли то, что должен был прислать Шишков? Если от него медленно или неаккуратно доходит, то можно послать через меня. Тогда нужно принести на Пушкинскую д. 10, кв. 25.[2] Всего лучшего.

Привет Серафиме Павловне.

А. и. С. Осиповы.

[1] Подразумеваются «Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове. Неуемный бубен» (Берлин: Русское творчество, 1922) и «В поле блакитном» (Берлин: Огоньки, 1922).

[2] Петроградский адрес Осиповых.

31. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

1 мая 1922 г. Берлин

1. V. 1922.

Дорогой Сергей Яковлевич!

Я написал Алянскому (Кн<игоиздательств>о Алконост),[1] он занесет вам на Пушкинскую след<ующие> книги мои:

Русские женщины. Из<дательство> Скифы. Пб. 1918.

Укрепа. Изд<ательство> Лукоморье. Пб. 1915.

Бесовское действо } Изд<ательство> ТЕО. Пб. 1919 г.
Иуда[2] }

Хочу все достать мои книги «Николины притчи». Изд<ательство> не обозначено (склад «Парус»). Пб. 1919.[3] Не знаю, кого просить.

От Сераф<имы> Павлов<ны> поклоны.

Анне Васильевне поклон.

Алексей Ремизов.

[1] *Алянский Самуил Миронович* (1891—1974) — владелец издательства «Алконост»; заведующий издательским бюро ТЕО Наркомпроса; сотрудник ИЗО Наркомпроса; в 1922 г. выезжал ненадолго в Берлин. См. о нем: *Белов С. В.* Мастер книги. Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979. Аннотированный каталог материалов Ремизова в личном архиве Алянского (в том числе и описание инскриптов на книгах, присланных Ремизовым из Берлина), см. также: Из фондов музея-заповедника А. А. Блока: Каталог. М., 1996. Вып. 1. С. 45—67; 82—84 (Шахматовский вестник; № 6).

[2] Имеются в виду драматические произведения Ремизова «Бесовское действо» и «Трагедия о Иуде принце Искариотском» (Пб.; М: Нар. Коммиссариат по просвещению

Театр. Отдел, 1919), изданные в серии «Репертуар. Русский театр» (№ 11 и № 26). В дальнейшем, по-видимому, получив петроградское издание «Бесовского действа», Ремизов смог организовать перевод этого произведения на французский язык в «La Revue de Genève» (1922. № 29). В хронике «Новой русской книги» сообщалось, что в этом журнале «было помещено „Бесовское действо" Алексея Ремизова, в переводе г-жи Бюше и в сопровождении биографической заметки об авторе» (1923. № 1. С. 40).

[3] Речь идет об издании 1917 г. См. также п. 24.

32. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

19 мая 1922 г. Ревель[1]

Дорогой Алексей Михайлович! Вашу открытку о книгах, которые будут занесены ко мне на квартиру для Вас, я своевременно получил и сразу же предупредил об этом домашних. Как только их получу, немедленно же вышлю Вам. Сегодня послал Вам четыре номера газеты «Жизнь»[2] с воспоминаниями о Блоке и моей заметкой о Вашей книге «В поле блакитном».[3] Если недовольные, то напишите откровенно.

Сердечный привет Вам и Серафиме Павловне от Анны Вас<ильевны> и Вашего С. Осипова.

[1] Датируется по почтовому штемпелю.

[2] Подразумевается газета «Жизнь», выходившая в Ревеле с апреля 1922 г. (отв. ред. И. П. Азукюль; ред.-изд. А. Э. Шульц).

[3] Рецензия Осипова (за подписью «С. О.») была опубликована в № 214 от 18 мая в разделе «Библиография».

33. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

11 июня 1922 г. Берлин[1]

11. V.[2] 1922.
Kichst<raße> 2[II]
bei Delion
Charlottenburg — Berlin.

Дорогой Сергей Яковлевич,

Простите, что долго не отвечал вам.
Очень много работы и к сроку.
Ваш отзыв о «П<оле> блак<итном>» получил, спасибо.
Очень добросовестно написана, а ведь знаете, пишут, не читая.
Анне Васильевне кланяюсь.
От Серафимы Павловны поклоны.
Напишите, какие книги вам посланы. Я прошу издателей и боюсь, не исполняют.

Алексей Ремизов.

[1] Датируется по почтовому штемпелю, зафиксировавшему, что данное письмо отправлено из Шарлоттенбурга 12 июня 1922 г.

[2] В оригинале ошибочная датировка: не дописана римская цифра «I».

34. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

После 30 июня 1922 г. Ревель[1]

Дорогой Алексей Михайлович! Получил «Петушка» и «Траву-мураву» — сердечное Вам спасибо.[2] «В поле блакитном» вероятно будет иметь продолжение?[3] Низко кланяюсь Серафиме Павловне.

С. Осипов.

[1] Датируется по содержанию.

[2] Книга «Петушок» была выпущена в 1922 г. берлинским издательством «Мысль», а «Трава-мурава. Сказ и величание» — издательством Сергея Эфрона. В собрании Рукописного отдела Пушкинского Дома среди книг из библиотеки писателя имеются экземпляры с дарственными надписями С. П. Ремизовой-Довгелло: на «Петушке» от 12 июля 1922 г., на «Траве-мураве» от 30 июня 1922 г. См.: Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. СПб., 1992. С. 23. В библиотеке Пушкинского Дома имеется экземпляр книги «Петушок», по-видимому, присланный прямо из издательства. На авантитуле проставлен личный штамп владельца — «Из книг С. Я. Осипова» (1936а/1296).

[3] «В поле блакитном» — первая книга о детстве С. П. Ремизовой-Довгелло, выведенной под именем Оля. В дальнейшем судьба и характер героини были развернуты в книге «Оля» (Париж, 1927), которая была издана с рисунком С. П. Ремизовой, скрывшейся под псевдонимом В. Н. Скоропадский. Текст этих книг (как первая и вторая части) составил роман «В розовом блеске», написанный в память о жене (Нью-Йорк, 1952).

35. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

20 июля 1922 г. Ревель

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил Вашу открытку, а также «Чаакхчыгыз-Таасу»[1] — спасибо большое. Раньше мною были получены «Трава-мурава» и «Повесть о Стратилатове». Читал объявления о других Ваших книгах и очень радуюсь такому вниманию издателей к Вам здесь, за рубежом. До сих пор никаких книг для пересылки Вам ко мне на квартиру не приносили.

Сердечный привет Серафиме Павловне и Вам от Анны Вас<ильевны> и преданного Вам С. Осипова.

20 июля 1922 г.

[1] «Чаакхчыгыз-Таасу. Сибирский сказ» (Берлин: Скифы, 1922). В собрании РО ИРЛИ имеется авторский экземпляр книги с дарственной надписью жене, датированный 12 июля 1922 г. См.: Волшебный мир Алексея Ремизова. С. 22. В библиотеке Пушкинского Дома хранится осиповский экземпляр с его владельческим штампом «Из книг С. Я. Осипова» (шифр: 1936б /1999).

36. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

5 октября 1922 г. Ревель[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Вчера получил от «Эпохи» Вашу новую книгу «Мара»[2] — очень Вам благодарен. Здесь мне удалось найти «Россию в письменах»[3] и «Сказки об<езьяньего> царя Асыки»?[4] И у меня теперь, кажется, есть все Ваши новые книги, что меня очень радует.

Как Ваше здоровье? У меня теперь новый адрес (мы переехали): Reval, Toom Vaestekooli tän., № 21, kr. 1.

Сердечный привет Сераф<име> Павл<овне> и Вам от А. и С. Осиповых.

[1] Датируется по почтовому штемпелю.
[2] «Мара. Книга рассказов» (Берлин: Эпоха, 1922).
[3] См. п. 24, прим. 7.
[4] «Сказки обезьяньего царя Асыки» (Берлин: Русское творчество, [1922]).

37. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

24 октября 1922 г. Берлин

Дорогой Сергей Яковлевич,

Жизнь наша стала тягчайшая.[1]

День и ночь сижу занимаюсь (на это не жалуюсь).

Только реализовать трудно.

Издательства прекращаются.

Сергей Яковлевич, напишите мне, как придется, закрыт<ое> письмо и наклейте разных эстонских марок (это мне нужно для архива моих писем).[2]

Кланяюсь Анне Васильевне.

Серафима Павловна кланяется.

Алексей Ремизов.

[1] 13 октября 1922 г. Ремизовы были вынуждены оставить квартиру в Шарлоттенбурге. Скитания по съемным комнатам продолжались больше полугода: только 1 апреля 1923 г. им удалось найти подходящую квартиру. См.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 1. С. 181; № 3. С. 112, 115. О трудностях жизни Ремизовых в Берлине см. также в воспоминаниях Н. В. Резниковой «Огненная память» (Berkeley, 1980. С. 68—69).

[2] Речь идет об особенной организации собственного архива, главным принципом которого стало объединение различного материала в альбомы. Об одном из таких альбомов Ремизов писал В. Н. Тукалевскому 13 марта 1933 г.: «Есть у меня альбом *Взв<ихренная> Русь в деньгах и марках*: проходит вся жизнь { канун войны / революция / воен<ный> коммунизм / нэп» (ГАРФ, ф. 577, оп. 1, № 48, л. 48). В настоящее время в отечественных архивах этот принцип, за редким исключением, нарушен по соображениям сохранности материала. Единственным, сохранившим авторскою волю в неприкосно-

венности, является архив Центра русской культуры (Амхерст-колледж, США), в котором сконцентрирован значительный корпус личных документов Ремизова.

38. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

30 октября 1922 г. Ревель

Ревель, 30 октября <19>22 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил Вашу открытку, спасибо. Так горько и тяжело было узнать про Вашу жизнь трудную. Но, кажется, у нас — в Петрограде — теперь тоже очень плохо. Вот 4-го ноября я поеду на две недели в Петроград и хочу сам посмотреть, как теперь там живется. Если от Вас будет какое поручение, то пишите прямо на Пушкинскую (д. 10, кв. 25) — может быть, успею получить и тогда с удовольствием все сделаю.

Когда вернусь в Ревель, то напишу Вам.

Привет сердечный Серафиме Павловне. Будьте здоровы, всего Вам хорошего.

С. Осипов.

Анна Васильевна Вам кланяется.
Она остается в Ревеле.

39. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

1 ноября 1922 г. Ревель[1]

Дорогой Алексей Михайлович!

Получил от Вас на днях «Ахру» — сердечное спасибо.[2]

Так задушевно написано у Вас об Александре Александровиче, что смягчается и грусть воспоминаний о его смерти.[3]

А помните, как Вы в Ревеле беспокоились, что его хоронили в прокатном гробу?

Как-то Вы поживаете и здоровы — давно от Вас ничего не слышно. Должно быть, теперь стало трудно жить и в Шарлоттенбурге из-за обесценения денег. Всего Вам лучшего.

Сердечный привет Серафиме Павловне.

С. Осипов.

[1] Датируется по почтовому штемпелю. На письме имеется помета Ремизова о получении данного письма: «4. IX».

[2] Речь идет о книге «Ахру. Повесть петербургская» (Берлин; Пб.; М.: изд-во З. И. Гржебина, 1922). Данный экземпляр, сохранившийся в библиотеке Пушкинского Дома, имеет дарственную надпись на шмуцтитуле, которая сделана почти год спустя, когда Осипов переселился по делам службы в Берлин: «Кавалеру обезьяньего знака 1 степе-

ни и мышиной веткой Обезвелволпала Сергею Яковлевичу Осипову А. Ремизов. 21. 10. <19>23. Berlin» (Волшебный мир Алексея Ремизова. С. 23).

[3] Ср. с оценкой А. Бахраха: «Бесспорно, самое значительное в разрастающейся блоковской литературе — это многостраничные „Воспоминания“ Андрея Белого и маленькое „К звездам“ Ремизова» (Дни. 1922. 19 нояб., № 19. С. 12).

40. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

5 ноября 1922 г. Берлин

5. 11. <19>22.

Дорогой Сергей Яковлевич,

Хочу попросить вас, пройдитесь в Госизд<ат> (Невский, 25), в редакцию «Книга и революция»[1] и передайте редактору тов<арищу> Федину,[2] что получены мною от тов<арища> Ионова[3] 1) «Слово о полку Игореве»,[4] 2) образцы древней письменности,[5] но с «Бесовск<им> действ<ом>» вышло недоразумение. Надпись рукой сделана: «Бесовск<ое> действо», а пьеса «Действо о Егории Храбром» из 8 тома собр<ания> соч<инений>,[6] а мне нужно *«Бесовск<ое> действо», изд<ательство> ТЕО. 1919 г.* Маленькая такая книжечка.[7]

Хочу попросить вас. Нельзя ли достать «Пруд» I-ое издание «Сириуса» 1908 г. с обложкой Добужинского.[8]

Все книги, какие мне дают, бережно храню.

Зайдите и к соседу Вяч<еславу> Яковл<евичу> Шишкову. Не пишет он мне давно, здоров ли?

И еще хочу попросить вас, повидайтесь с Елисаветой Ивановной Васильевой.[9] *Английская набереж<ная> 74, кв. 7* (прилагаю письмо).

Альбомы Палеографические
1) снимки
2) *<П.> А. Лаврова*[10]
{ глаголица / кириллица[11] } { Фонтанка 22 / Археологический институт[12] } { если это не очень уж дорого, купите, я вам постараюсь возможно скоро уплатить.

3) *Каринский.* Слово о полку Игореве (литографиров<анное> изд<ание>).[13]

Алексей Ремизов.

[1] «Книга и революция» — ежемесячный критико-библиографический журнал, издававшийся в 1920—1923 гг., сначала в Петрограде, затем в Москве (отв. ред. П. М. Керженцев). В Петрограде редакция журнала располагалась на Литейном пр., 33, кв. 13, а не на Невском, 28, где находился Госиздат (См.: п. 13, прим. 5).

[2] *Федин Константин Александрович* (1892—1977) — писатель, участник литературного общества «Серапионовы братья»; в 1922 г. состоял членом редакции журнала «Книга и революция». В начале 1920-х гг. Федин был корреспондентом Ремизова, выполнял разнообразные просьбы писателя и поддерживал дружеские контакты с многочисленными членами Обезьяньей Палаты, до 1924 г. исполняя обязанности «ключаря» Обезвел-

волпала. Подробнее см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 212—213. См. также воспоминания Федина «Горький среди нас» (*Федин К.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1973. Т. 10. С. 105—113).

[3] *Ионов Илья Ионович* (наст. фам. Бернштейн; 1887—1942) — поэт, издательский работник; в начале 1920-х гг. заведующий петроградским отделением Госиздата.

[4] Аналогичные просьбы Ремизов адресовал в течение 1922 г. к М. А. Дьяконову и В. Н. Тукалевскому. Ср. с письмом к последнему от 16 февраля: «...тут есть одна затея — издать „Слово о полку Игореве" в немец<ком> изд<ательстве> под мои глазом. Знаю, трудно, и (дешево дают), и отказаться боюсь. План такой: введение, потом текст, потом перевод мой и библиография. Я могу что сделать: отыскать все, что о „Слове", выбрать текст и попытаться перевести...» (ГАРФ, ф. 577, оп. 1, № 48, л. 14 об.).

[5] Возможно, подразумевается издание: Памятники скорописи 1600—1699 гг. / Изд. Санкт-Петербургского Археол. Института; Под ред. В. В. Майкова. СПб., [Б. г.].

[6] Речь идет о пьесе «Действо о Георгии Храбром» (1910), которая вошла в собрание сочинений писателя (СПб.: Сирин, [1912]. Т. 8).

[7] Имеется в виду книга, изданная Театральным отделом Наркомпроса (См.: п. 31, прим. 2), титульный лист которой выполнен автором; часть тиража раскрашена цветными красками также собственноручно Ремизовым.

[8] Подразумевается первое книжное издание (вторая редакция) романа «Пруд», вышедшее в петербургском издательстве «Сириус».

[9] Знакомая С. П. Ремизовой-Довгелло.

[10] Очевидно, речь идет о двух альбомах, изданных Санкт-Петербургским Археологическим институтом: «Палеографические снимки с русских рукописей XII—XVII веков» (1906 г.; под ред. акад. А. И. Соболевского) и «Палеографические снимки с юго-славянских рукописей болгарского и сербского письма» (Вып. 1: XI—XIV в.; 1905 г.; под редакцией П. А. Лаврова).

[11] См.: Образцы глаголицы: 25 автотипических снимков с рукописных и печатных памятников и транскрипция текстов кириллическими буквами / Под. ред. Н. Каринского. СПб.: Имп. Археол. ин-т, 1908.

[12] В Берлине палеографические издания понадобились С. П. Ремизовой-Довгелло, которая прошла в императорском Археологическом институте в 1910—1912 гг. полный курс обучения, избрав своей специальностью русскую палеографию. Подробнее см.: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 76—77. 2 января 1922 г. С. П. Ремизова-Довгелло писала М. М. Шкапской о своих планах: «Я приглашена ассистентом к профессору Lane — по славянской палеографии, — представьте себе здесь в университете на славянском отд<елении> читается славянская палеография, так мне обрадовались, это и у нас мало кто знает, с Нового года буду вести семинарий 2 раза в неделю» (цит. по: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая. Судьба ремизовского „музея игрушек") // Русская литература. 1997. № 1. С. 201).

[13] *Каринский Николай Михайлович* (1873—1935) — специалист по истории русского языка, диалектологии, славяно-русской палеографии; профессор Археологического института. Ср. с письмом Ремизова к М. М. Шкапской: «...не помню, оставил ли я кому или у Вяч<еслава> Я<ковлевича> (Шишкова. — *Е. О.*) литограф<ированное> изд<ание> Слова о полку Игореве Н. И. (так! — *Е. О.*) Каринского. Тут задумали издать Слово, и текст Каринского — (это изд<ание> Археологи<ческого> института Пб. 1915 или 1914) — так мне эта книжка нужна и сказать невозможно» (цит. по: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом. С. 202). Литографированное издание в библиографии «Слова...» отсутствует. В 1915 г. вышло издание «Слово о полку Игоря: текст памятника с прим., прозаич. и поэт. пер. И. Глазунова. Изд. 13-е / Под. ред. А. Н. Чудинова, испр. и доп. В. Костылевым» (Пг., 1915). Н. М. Каринский, действительно, писал о «Слове...», однако его статья «Мусин-Пушкинская рукопись Слова о полку Игореве, как памятник псковской письменности XV—XVI вв.» вошла в его книгу «Очерки из истории псковской письменности и языка», изданную в Петрограде в 1917 г.

41. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

17 ноября 1922 г. Берлин

17.11.1922.

Дорогой Сергей Яковлевич,

Спасибо за три №№ газет. Получил. В скором времени выйдут несколько моих книг — все вам пришлю.

Алексей Ремизов.

Серафима Павловна кланяется.

42. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

1 декабря 1922 г. Ревель

Ревель, 1 декабря, 1922 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Письмо Ваше по Lüft-post[1] получил в Петрограде только через 7 дней по отправке его Вам<и> из Шарлоттенбурга. К сожалению, я очень был занят в Петрограде, но по мере сил старался исполнить все Ваши поручения. Прилагаю письмо для Серафимы Павловны от Елиз<аветы> Ив<ановны> Васильевой, в отдельной бандероли посылаю 11 фотографий, полученных от нее же (на одной из карточек загнут край — в таком виде я получил ее).

Заходил к Федину, редактору «Книга и Революция», и говорил ему насчет «Бесовского действа» и «Пруда». Обещал поискать и прислать Вам непосредственно. Спрашивал я и сам эти издания у многих книгопродавцев, но нигде не встретились. Некоторые другие Ваши книги встречались, но этих нет. Нашел Ваши «Часы» в обложке Добужинского,[2] — купил 2 для себя.

У Вяч<еслава> Як<овлевича> Шишкова был несколько раз, передал ему Ваш поклон и попрек, что не пишет. Встречал меня он очень радушно и подарил мне свою последнюю книжечку «Провокатор», издание «Былое».[3] Павел Елисеевич выпускает теперь библиотеку небольших книжек рассказов, в 2—3 печатных листа, литературно отражающих революцию и ее быт.[4] «Провокатор» написан замечательно сочно и ярко. У Шишкова сейчас гостит приехавшая с Урала жена какого-то писателя (Гребенщикова?).[5] Сказали, да я забыл.

Вяч<еслав> Яковл<евич> рассказал мне о затруднениях, которые встретились с переправкой Вам рукописей следующих томов «Россия в письменах».[6] Я предложил ему захватить с собой, но Дом Литераторов сейчас закрыт, и он ничего не смог достать.[7] Дал мне одну папку «Россия в письменах», но выразил сомнение, что это уже напечатано. И действительно, когда я сверил эту папку и ее оглавление с имею-

щимся у меня первым томом, то оказалось, что в ней нет всех тех рукописей, которые уже напечатаны в первом томе «Россия в письменах». Остались лишь рукописи: «Как это началось»,[8] кое-что еще, да примечания. Кроме того, в этой же папке находится много польских писем и документов. Имеющих разметку для печати. Мы с Вяч<еславом> Яковл<евичем> не могли решить, посылать ли эти рукописи Вам — так папка и осталась пока у меня, на Пушкинской. Сообщите, как быть? В Археологическом Институте был, но очень неудачно — склад был закрыт, а другой раз попасть не удалось, так как я уже должен был уехать.

Петроград сильно изменился с тех пор, как я его оставил (это было незадолго до Вашего отъезда). Тогда, помню, на всем Невском было лишь два магазина, только что открывшихся; в одном продавали подтяжки, сделанные из аннинских и станиславских лент,[9] а в другом лампочки и коптилки, сделанные из аптекарских банок из-под мази. И эти два магазина вызывали удивление и были предметом внимания. А теперь! Открыты все магазины Невского, весь Пассаж и Гостиный Двор. Окна и витрины красиво уставлены товарами. В магазине Елисеева выставлены такие фрукты, каких здесь, в Ревеле, я и не видел, несмотря на то, что здесь фрукты получают из Италии. А меха и бриллианты в магазинах такие великолепные, каких не встретишь, пожалуй, и в Берлине. Оживление на улицах очень большое, но говорят, что в Москве еще больше и улицы прямо кипят. Масса малышей и инвалидов-солдат, торгующих папиросами и яблоками. Много нищих. Очень много театров. Трамваи ходят по всем линиям, и в будни, и в праздники, до 12 час<ов> ночи. В общем, жизнь очень интересная и содержательная, а главное — все родное, свое, близкое. Если не удастся зимой перебраться в Берлин, то думаем весной вернуться в Петроград. Но писателям живется пока еще трудно — журналов почти нет, а те, что выходят, принимают материал с большим разбором... Издательств тоже еще нет. Вот пока и все, дорогой Алексей Михайлович. До свиданья, всего Вам хорошего. Привет сердечный Серафиме Павловне. Анна Васильевна тоже кланяется.

Ваш. С. Осипов.

[1] Среди писем Ремизова к Осипову, хранящихся в Пушкинского Доме, имеется лицевая часть конверта этого письма, на котором сохранился надписанный рукой Ремизова петроградский адрес Осипова и помета «Lüftpost»; почтовые штемпеля и адрес отправителя вырезаны.

[2] Роман «Часы» (СПб.: EOS, 1908).

[3] Речь идет о сборнике: *Шишков В. Я.* Провокатор: Рассказы. Пг., 1922 (Библиотека журнала «Былое»).

[4] *Щеголев Павел Елисеевич* (1877—1931) — историк литературы и революционного движения, редактор журнала «Былое» (1917—1926). В 1918 г. на основе журнала было создано издательское товарищество «Былое».

[5] Вероятно, имеется в виду *Георгий Дмитриевич Гребенщиков* (1883 или 1882—1964) — писатель, который в сентябре 1920 г. эмигрировал сначала в Турцию, а в 1921 г. перебрался во Францию.

[6] После прекращения деятельности издательства «Геликон», выпустившего первый том «России в письменах», остались неопубликованными второй и третий тома, руко-

пись которых сохранилась в парижском архиве Ремизова (Собрание Резниковых). См. описание рукописи в статье А. д'Амелиа «Книга без конца: „Россия в письменах“» (Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 124—140). В архиве Иванова-Разумника (РО ИРЛИ, ф. 79, оп. 4, № 140) сохранились гранки несостоявшегося номера журнала «Заветы» с материалом, также предполагавшимся для книги «Россия в письменах» — вступительной статьей Ремизова и публикацией писем из архива А. А. Рачинской под названием «Россия в письмах. Разорение, общественно случившееся. Письмо отечественное 1752—1814 гг.» (1914).

[7] Перед отъездом в Берлин Ремизов передал часть своего архива (письма 1915—1921 гг., неопубликованные рукописи и подготовительные материалы к ним) в музей Дома Литераторов (Бассейная ул., 11), который первоначально (с 1 декабря 1918 г.) существовал как организация взаимопомощи литераторов. В его Комитет, наряду с А. А. Ахматовой, А. А. Блоком, А. Е. Кауфманом, Ф. К. Сологубом и др., входил и Ремизов. С 1920 г. здесь развернулась большая культурно-просветительная работа: проводились вечера, лекции, издавались журналы «Летопись Дома Литераторов» (1921—1922) и «Литературные записки» (1922), тематические сборники. В ноябре 1922 г. в связи с прекращением государственных дотаций Дом Литераторов закончил свою деятельность. Подробнее см.: Дом Литераторов в Петрограде 1919—1921 годов (Воспоминания А. В. Амфитеатрова) / Публ. А. Г. Виноградова // Встречи с прошлым. М., 1996. Вып. 8. С. 141—164. 26 ноября 1922 г. Шишков сообщал писателю о судьбе его архива: «Материалы к „Россия в письменах“ хранятся в Д<оме> Л<итераторов> в 5-ти папках. Первую папку, очевидно, с материалами использованными, я передал Осипову С. Я., остальные же с материалами: а) XVII века б) XVIII в) XVIII—XIX и г) XIX века сейчас добыть нельзя, но при первой же возможности это будет сделано и передано тоже Осипову С. Я.» (цит. по: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом. С. 189). Впоследствии архив Ремизова, оставленный на хранение в Доме Литераторов, был передан в Пушкинский Дом (ф. 98), позднее вошел в состав личного фонда Ремизова в РО ИРЛИ (ф. 256).

[8] Текст не был опубликован.

[9] Речь идет о лентах к орденам Св. Анны и Св. Станислава.

43. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

8 декабря 1922 г. Берлин

8. XII. <19>22.

Дорогой Сергей Яковлевич,

Фотографии (11) и письмо Ел<изаветы> Ив<ановны>[1] и ваше от 1 XII получил 5 XII.

Серафима Павловна кланяется и благодарит вас.

При случае археол<огическую> папку с примеч<аниями> и указателем переправьте мне.[2] Там есть кое-что, что может войти во 2-ой том. (Солдатские письма).[3]

Жизнь у нас — нам знакомая.[4]

И второй раз переживать тяжело.

Хочется мне систематически все книги свои устроить, боюсь у нас, в России, этого осуществить трудно.

Книги я понемногу достал, никак не могу только «Бесовск<ого> дейст<ва>», изд<ательство> *ТЕО*, которого у меня было штук 25 дома.

Русских газет (наших) я уж с год не вижу. Здешние же некоторые мне высылали. Надо мне как-нибудь ревельскую получать. Есть какая-то у вас, редактируе<мая> Ярославом Воиновым (у него книга издана в «Библиофиле»).[5] Сергей Яковлевич, если можно, *позвоните* в

редакцию и от моего имени попросите присылать. Писем получаем мало, а придет газета, вроде как письмо получишь.

У нас большая беда: вот уж месяц, как нас выгнали с квартиры, ищем не можем найти. (Все гонятся за валютчиками).[6] Пишите по тому же адресу. Почта тут образцовая. Анне Васильевне кланяемся.

А. Ремизов.

[1] Е. И. Васильева.

[2] См.: п. 42, прим. 7.

[3] Тексты остались неопубликованными.

[4] Речь идет о вынужденных переездах с квартиры на квартиру — постоянном лейтмотиве петербургской жизни Ремизовых.

[5] *Воинов* (*Войнов*) *Ярослав Владимирович* — прозаик, поэт, драматург, литературный и театральный критик, журналист, печатался под псевдонимами М. Алексеев, Бард, Владимиров, Орский, Яровой и др.; в начале 1920-х гг. заведовал литературным отделом ревельской газеты «Последние известия»; из Эстонии эмигрировал в Парагвай. В ревельском издательстве «Библиофил» в 1922 г. отдельным изданием вышла его сказка «Горюнова радость» с рисунками Вл. Белкина. Автор рецензии на книги Ремизова «Шумы города» (Последние известия. 1921. 5 нояб., № 268. С. 3) и «Три серпа» (Возрождение. 1929. 15 авг., № 1535).

[6] По предписанию берлинской префектуры, принявшей меры по выселению эмигрантов, Ремизовы были вынуждены не только оставить квартиру, но и выехать из Берлина в двухнедельный срок. Сложившуюся ситуацию Ремизов описал в книге «Мышкина дудочка» (1953): «Опытные люди, в руках которых обращалась в те годы нелегальная благородная валюта, догадывались по полицейскому извещению: „Абт. 1. А, фремденамт“, и уверяли <...> меня, что высылают нас не иначе, как за „спекуляцию“» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак. С. 139).

44. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

19 декабря 1922 г. Ревель

Ревель, 19 декабря, 1922 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Я написал в Петроград, чтобы мне выписали папку с Вашими рукописями «Россия в письменах», и как только получу — сразу же Вам вышлю. Насчет здешней русской газеты (она называется «Последние известия»),[1] я заходил в редакцию и говорил с редактором, Ростиславом Степановичем Ляхницким.[2] Он очень любезно выразил готовность выслать Вам газету, и я ему оставил Ваш адрес. Просил он еще передать Вам привет от *русской* газеты (он сделал на этом слове ударение) и спросить Вас, не пришлете ли Вы чего-нибудь для напечатания. Просил только предварительно сообщить Ваши условия гонорара. Он высказал предположение, что Ваши условия будут для них приемлемы, т<ак> к<ак> сейчас курс германской марки здесь очень низок, а гонорар они Вам могли бы перевести в германских марках. У них, между прочим, сейчас сотрудничает Татьяна Варшер[3] (из «Руля») и будто бы довольна условиями. Работает еще Петр Пильский.[4]

Послал я Вам русский отрывной календарь на 1923 год, с обозначением церковных праздников и святыми. Думаю, что в Берлине нет русских календарей, а без календаря как-то скучно жить. В отдельном конверте послал и папку к нему — с Чернышевским. До свидания, дорогой Алексей Михайлович, всего Вам хорошего. Серафиме Павловне привет сердечный от нас обоих.

Напишите о Вашем новом адресе.

Ваш С. Осипов.

[1] Ежедневная газета «Последние известия» выходила под редакцией М. Г. Ратке, Р. С. Ляхницкого, А. Чернявского с августа 1920 по 1925 г.

[2] *Ляхницкий Ростислав Степанович (Стефанович)* (1878—1935) — юрист, журналист, главный прокурор Северо-Западной армии Юденича; последний прокурор ревельского окружного суда; фактический редактор газеты «Последние известия» (Ревель). В третьем номере «Новой русской книги» за 1922 г. в разделе «Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918—1922 г.» сообщалось: «Ростислав Степ. *Ляхницкий* в ноябре 1919 года основал в Ревеле противобольшевистскую ежедневную газету „Ревельское Слово". В 1920 г. основал и редактировал там же газету „Вечерняя Почта". С августа 1920 г. состоит редактором-издателем газеты „Последние Известия". Живет в Ревеле (Вышегородский бульвар, 17 А. Кв. 14)» (С. 39). См. о нем также: *Меймре А.* Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918—1940. На материале периодической печати. Таллинн, 2001. С. 21—22.

[3] *Варшер Татьяна Сергеевна* (1880—1960) — археолог, историк античности, журналист, мемуаристка. См. о ней: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—1997. М., 1999. Т. 1. С. 497.

[4] *Пильский Петр Моисеевич* (1879—1941) — литературный и театральный критик, одновременно с ревельскими «Последними известиями» активно сотрудничал в рижской газете «Сегодня»; автор сборника литературно-критических статей о писателях начала XX века «Затуманившийся мир» (Рига, 1929), а также многочисленных рецензий, в том числе и на цикл Ремизова «Московские любимые легенды», печатавшийся в газете «Последние новости» и журнале «Современные записки». См.: Сегодня. 1929. № 12. См. о нем: *Абызов Ю.* Опыт столичной и провинциальной биографии // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Таллинн, [1996]. Т. 1. С. 189—201.

45. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

22 декабря 1922 г. Берлин[1]

22, 12, <19>22.
Wintersanfang![a]

Дорогой Сергей Яковлевич!

Очень благодарен за календарь.

Горькая у нас сегодня елка — и елки нет. Складываю свои игрушки[2] и книги. Ч<то>б<ы> куда-то после праздников выбираться, а еще ничего нет.[3]

Анне Васильевне кланяемся.

От Серафимы Павловны поклоны.

Алексей Ремизов.

[a] Начало зимы! (*нем.*).

[1] В верхнем правом углу имеется помета Ремизова: «На пис<ьмо> 19, 12, <19>22. Пол<учено> 22, 12, <19>22».

[2] Знаменитая коллекция игрушек и природных диковинок, сопровождавшая каждую квартиру Ремизова от Петербурга до Парижа. См.: *Кожевников П.* Коллекция А. М. Ремизова. (Творимый апокриф) // Утро России. 1910. 7 сент., № 243. С. 2; *А.* В волшебном царстве. А. М. Ремизов и его коллекция // Огонек. 1911. № 44. С. 10—11. — Авт.: А. Измайлов. Об обстановке петербургской квартиры на Васильевском острове см.: *Книпович Е.* Об Александре Блоке. Воспоминания. Дневники. Комментарии. С. 24—25; описание последней квартиры на Троицкой см.: *Милашевский В. А.* Вчера, позавчера... М., 1989. С. 156—157. См. также: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек»). С. 185—215. Описание берлинской квартиры Ремизовых запечатлено в книге Р. Гуля «Жизнь на фукса»: «Кирхштрассе завесил комнату чертями, бумажными прыгунчиками, игрушками Алексей Ремизов, пугая немецкую хозяйку, сидел в прадедамовом платке с висюльками» (М.; Л., 1927. С. 203).

[3] Ср. с письмом Г. Б. Струве к братьям от 31 декабря 1922 г.: «...у него (Ремизова. — *Е. О.*) вся комната увешана занимательнейшими существами: чертиками, обезьяньими царями, лешими и п<одобного> род<а>. Все они имеют свои имена и функции, а сам Алексей Мих<айлович> относится к ним как к живым существам и примечательно о них рассказывает. <..> К сожалению, хозяйка гонит их с квартиры. Они открыли, что она главная ведьма, и все ждут, что она вылетит в трубу, но пока что этого не случается и им, бедным, плохо» (цит. по: *Колеров М. А.* Русские писатели и «Русская мысль» (1921—1923). Новые материалы // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 19. С. 248).

46. С. Я. Осипов — А. М. Ремизову

Конец декабря 1922 г. Ревель[1]

Дорогого Алексея Михайловича и Серафиму Павловну поздравляем с Новым Годом и праздником Рождества и шлем наилучшие пожелания.

А. и С. Осиповы.

[1] Датируется по содержанию.

47. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

21 января 1923 г. Берлин

21. 1. <19>23.

Дорогой Сергей Яковлевич!

Вчера получил рукописи. Очень вам благодарен. Да, нету солдатских писем.[1] Ну, все равно, я приведу в порядок рукописи.

Ревел<ьскую> газету получаю и могу теперь судить, что у вас там делается.

В скором времени вы получите 2 книги.

«Русалию» и «Крест<овые> сестры».[2]

Это тоже через Logos.[3]

До сих пор мучаемся в поисках квартиры (2 комнат).

Анне Васильевне кланяюсь.

От Серафимы Павловны поклоны.

<А. Ремизов>.

[1] См. п. 42, прим. 6.

[2] Речь идет о двух книгах Ремизова, изданных в берлинском издательстве З. И. Гржебина в 1922 г. с иллюстрациями Н. В. Зарецкого — сборнике драматических произведений «Русалия» и переиздании с небольшими изменениями романа «Крестовые сестры» (1910). В библиотеке Пушкинского Дома имеется экземпляр «Русалии» с штампом «Из книг С. Я. Осипова» (шифр: 1936и/1327), и «Крестовые сестры» также с владельческим штампом (шифр: 1936к/1948).

[3] «Logos» («Логос») — книготорговое акционерное общество (Берлин, 1922—1928). См. о нем: *Залевский В., Голлербах Е.* Распространение русской печати в мире. 1918—1939 гг.: Справочник. СПб., 1998. С. 91—93 и др. по указателю.

48. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

25 марта 1923 г. Берлин[1]

25. 3. <19>23.

Дорогой Сергей Яковлевич!

Взялись[2] передать вам и сказку[3] и книгу.[4]

От Вяч<еслава> Яковл<евича> Шишкова передадут вам на петербургскую квартиру из архивных рукописей.

Деньги получил. Сказку пришлось купить, а книгу (мне полагались несколько экз<емпляров>).

Серафима Павловна кланяется.

Анне Васильевне поклоны.

А. Ремизов.

[1] На лицевой стороне открытки : «С 1 апр<еля> наш адрес: A. Remisow dei Diepow / Berlin № W23 / Lessingstr<aße> 16».

[2] Очевидно, речь идет о представителях книготоргового акционерного общества «Логос».

[3] Подразумеваются «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (Берлин: изд-во З. И. Гржебина, 1923). Экземпляр с владельческим штампом «Из книг С. Я. Осипова» находится в библиотеке Пушкинского Дома (шифр: 1941к/93).

[4] Речь идет о книге «Пляс Иродиады» (Берлин: Трирема, 1922). С рисунками и шрифтом Н. Исцеленного. В библиотеке Пушинского Дома находится личный экземпляр Осипова с инскриптом Ремизова «Сергею Яковлевичу Осипову на елку», датированным 22 марта 1923 г. (шифр: 1941к/90).

49. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

5 апреля 1923 г. Берлин[1]

Дорогой Сергей Яковлевич! Пасх<альную> открытку получил 4. 4 по новому адресу.

Очень вам благодарен.

Кое-какие вещи книжные передадут на вашу Пушкинскую. При случае перешлите нам. На той неделе скажу в Логос<е>, ч<то>б<ы> послали вам *Сказки*.[2]

Вы ничего не должны мне.

«Пляс Иродиады» это авторск<ий> экз<емпляр>.[3]
5. 4. <19>23.
Berlin.
Анне Васильевне поклон и поздравление.
Серафима Павловна обоим вам кланяется.

Алексей Ремизов.

[1] На лицевой стороне открытого письма: «Покорнейшая просьба / передайте мой новый адрес в ред<акцию> „Последние известия". Toompea puiestee 17-A k. 14».
[2] См. п. 48, прим. 3.
[3] См. п. 48, прим. 4.

50. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

31 мая 1923 г. Берлин

31. 5. <19>23.

Дорогой Сергей Яковлевич.

Я просил и получил известие, что вам передадут на Пуш<кинскую> несколько палеографических альбомов (образцы старинного письма),[1] несколько книг и карточки. Буду вам очень благодарен, если перешлете. Тут нельзя достать. Анне Васильевне кланяемся. От Серафимы Павловны поклон.

<А. Ремизов>.

[1] См. п. 40, прим. 10.

51. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

25 июля 1923 г. Берлин

A. Remisow
bei Diepow
Berlin N W 23
Lessingstr<aße> 16.
Тел<ефон>: Moabit 82—37.[1]

25. 7. <19>23.

Дорогой Сергей Яковлевич,

Как приедете, позвоните мне <по> телеф<ону> (телеф<он> в моей комнате).

Moabit (это Amt, округ) сначала нужно сказать, а потом № zwo (так! — *Е. О.*) und achtzig — Sieben und dreißig[a]. (не <1 нрзб.>)

[a] восемьдесят два — тридцать семь (*нем.*).

Вячес<лав> Яковлевич[2] писал мне, что отнес к вам 4 книги и 5 папок с рукопис<ями>.

Рукописи пусть полежат пока.

А книги очень бы хотелось получить хоть не сразу и именно 3 следующие:

1) «*Пруд*». Изд<ательство> Сириус, 1908, обложка М. Добужинского (это большая книга).

2) «*Снежок*» (это в 2 листика, тоненькая).[3]

3) «*Странница*» (небольшая книга).[4]

(«Рассказы», Изд<ательство> Прогресс. 1910 — тоже пускай полежат у вас, я достал друг<ой> экз<емпляр>).

Ионов собирается в Берлин в августе.[5] Но с ним беда: сколько он мне раз присылал и все *не то*.

Увижусь, переговорю с ним. Но с этими книгами боюсь путаницы.

Однажды мне послали «Пруд» и — пропал.

Анне Васильевне оба мы кланяемся.

От Серафимы Павловны поклон.

<А. Ремизов>.

Жду вас, Сергей Яковлевич, и все вам на словах объясню подробно.

Как поедете в Берлин, не забудьте взять с собой сахару (очень трудно достать тут, только по карточкам), масла и кофе (настоящего, смолотого).[6]

[1] Справа помета рукой Ремизова: «На пис<ьмо от> 20. 7 . Пол<учено> 24. 7».

[2] В. Я. Шишков.

[3] Сказка Ремизова «Снежок» (Пг.: Артель художников «Сегодня», [1918]) в художественном оформлении Е. Туровой.

[4] Повесть Ремизова «Странница» (Пг.: Революционная мысль, 1918). В письме к Ремизову от 19 ноября 1922 г. К. Федин сообщал, что достал для писателя издание «Странницы» через Я. Н. Блоха. Книги были переправлены Н. Никитиным (Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой).

[5] О встрече с Ионовым в Берлине Ремизов упоминает в книге «Петербургский буерак» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2003. Т. 10. Петербургский буерак. С. 232).

[6] Приписано мелким почерком.

52. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

30 августа 1923 г. Берлин

30. 8. <19>23.

Дорогой Сергей Яковлевич,

Спасибо за письмо в Brunshaupten.[1]

Приходите к нам в субботу 1 сент<ября>, часов в 8—$8^1/_2$ в<ечера>.

Дверь еще не заперта, а то посвистите, я выйду.

Серафима Павловна кланяется.

<А. Ремизов>.

[1] Курорт на побережье Балтийского моря на севере Германии.

53. А. М. Ремизов — С. Я. Осипову

9 ноября 1923 г. Париж

9. 11. <19>23.

Дорогой Сергей Яковлевич!

Потихонечку, не без приключений добрались до Парижа.[1]
Временно адрес наш:
Monsier A. Rémizov.
chez M-me Malfitano
22 rue de la Faisanderie
Paris XVI.
Начали искать квартиру.[2]
А холодище на дворе, сидел бы у камина, не вышел.
Достаньте негатив[3] через Ник<олая> Вас<ильевича>[4] (кланяюсь) у С. Г. Каплуна.[5] И мне взятка: 3 карточки.
Оба мы кланяемся Анне Васильевне.
Оба благодарим вас за вашу помощь и внимание.

Алексей Ремизов.

Впишите: Николай Константинович Рёрих кав<алер> обез<ьяньего> зн<ака> I ст<епени> со львиной лапой и посол Индии.[6]

[1] Ремизовы прибыли в Париж 5 ноября 1923 г.

[2] См. список первых адресов в Париже, составленный Ремизовым, в статье А. д' Амелиа «Книга без конца: „Россия в письменах“» (Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 135).

[3] О какой фотографии идет речь, установить не удалось. Перечень фотографий Ремизова берлинского периода, в том числе и тех, что были подарены Осипову и его жене, см.: Волшебный мир Алексея Ремизова. Каталог выставки. С. 38.

[4] *Зарецкий Николай Васильевич* (1876—1959) — художник, книжный иллюстратор; в 1907—1908 гг. сотрудничал в журналах «Весы» и «Золотое руно»; эмигрировал в 1920 г., с 1922 г. в Берлине; в 1923—1924 гг. сотрудник литературного приложения газеты «Накануне», издательств З. И. Гржебина и «Эпоха»; оформил книги Ремизова «Русалия» (1922), «Крестовые сестры» (1922), «Пятая язва» (1922), «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым» (1923); в 1925—1931 гг. председатель Союза русских живописцев, ваятелей и зодчих (Берлин). Подробнее о нем и его отношениях с Ремизовым см.: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. С. 243—275.

[5] *Каплун Соломон Гитманович* (Сумский; 1891—1940) — журналист, сотрудник «Киевской мысли»; в Берлине владелец издательства «Эпоха» (1922—1925). Автор рецензии на книги Ремизова «Шумы города» и «Огненная Россия» (Новая русская книга. Берлин, 1922. № 1. С. 18—19).

[6] *Рерих Николай Константинович* (1874—1947) — живописец, театральный художник, философ; с Ремизовым познакомились 11 октября 1905 г. через Г. Чулкова (см.: *Ре-*

мизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7. С. 49); в 1908 г. подготовил эскизы декораций к «Трагедии о Иуде принце Искариотском» в театре В. Ф. Коммисаржевской; опубл. в журналах «Золотое Руно» (1909. № 11—12), «Аполлон» (1910. № 7), а также в серии открыток с цитатами из пьесы, изданных Общиной св. Евгении; с 1918 г. в США и Индии. О взаимоотношениях художника с Ремизовым см.: *Рерих Н. К.* Письмо к А. М. Ремизову / Вступ. заметка, публ. и коммент. С. С. Гречишкина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. 196—199. Очевидно, что Рерих удостоился обезьяньего титула за организацию визы для переезда Ремизовых из Берлина в Париж. См. письмо Ремизова к Л. Шестову от 25 октября 1923 г., в котором отправитель сообщает, что виза для него от Рериха получена 12 октября (Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1993. № 3. С. 120).

II

В. Я. Шишков — А. М. Ремизову

29 декабря 1921 г. Петроград

29/ XII —1921 г.[1]
Петербург.
Троицкая, 4, № 7.

Милый и дорогой Алексей Михайлович.

Крепко обнимаю и целую Вас.

Ваше первоё письмо от 28 / VIII из Эстонии я получил при совершенно исключительных условиях, лишь в ноябре месяце. Сведения о том, что Вы вместо Смоленск<ой> губ<ернии> уехали за границу, а также некоторые Ваши просьбы, я узнавал из Ваших писем к общим нашим знакомым.[2] Поручения Ваши я старался выполнять елико возможно. Женщина, которой Вы оставили свои вещи для продажи, вручила мне следующие суммы: за пальто — 225 т<ысяч>, за подушки — 55 т<ысяч>, за мелочь — 35 т<ысяч>. Всего 315 т<ысяч>. Удержала 10 % 31,500 и сдала наличными 283,500. За самовар денег не уплатила, на днях схожу, боюсь, что она недобросовестна. Ее записка со стоимостью проданных ею вещей у меня хранится.[3]

Кроме сего из ПТО[4] по службе получено 5045 руб., имелось наличными 174 000. Общий итог — 462 545 руб<лей>.

Ваши заметки о Каляеве сданы П. Е. Щеголеву для музея революции в сентябре.[5] Денег не получено. Видел Щеголева на днях — денег нет. В книжную лавку при Доме Иск<усств> зайду на днях.

Якову Ноевичу[6] передавал Вашу просьбу всего 7 раз. Сначала он ссылался на безденежье и ждал денежного человека из Москвы, потом стал говорить, что в октябре их представитель едет за границу и ему будет поручено выплатить Вам эквивалент по курсу момента приобретения книг, что-то около 1000 франков. В Ноябре (так!— *Е. О.*) он говорил, что представитель окончательно уезжает 23 ноября, что встретит Вас в Берлине. В Декабре (так!— *Е. О.*), когда я пришел справить-

ся, исполнено ли обещание, Я<ков> Н<оевич> сказал, что представитель (некий Соколовский[7]) уехал своевременно и что, вероятно, деньги Вам уже вручены.[8]

Что касаемо имеющихся у меня на руках Ваших денег, я их отправлю при первой же возможности. Указанными Вами путями, по некоторым соображениям, воспользоваться не мог. Гржебина прозевал (об его отъезде узнал post factum).[9] Я думаю, что скоро будут приниматься переводы по почте.

Отчасти я себя считаю виновным в неаккуратности отправки и желаю это компенсировать. Какое-то Берлинское издательство, выпускающее «Собачий сборник» с моим рассказом, должно мне 1000 марок.[10] На получение их я пришлю Вам доверенность с просьбой обратить их в свою собственность.

Все Ваши сочинения (около 13 книг) в сентябре еще у меня взяла Марья Михайловна[11] для отправки Вам. По ее словам, книги отправлены своевременно. Совершенно незнакомая мне особа[12] заходила после того за Вашими сочинениями дважды: первый раз я собрал, что мог из дареных Вами книг, второй раз, на днях, «Докуку и балагурье».

Были оба старика Соловьевы.[13] Ахают, что недосчитались «Аполлона».[14]

А меня, грешным делом, в связи с Вашим отъездом допрашивали. Допрос был строгий, но вполне корректный. Был там трижды, простудился и целый месяц пролежал в постели. Но это, слава Богу, все осталось позади, теперь я бодр и, если б не тяжелые условия нашей квартирной жизни, стал бы работать.

Жизнь страны нашей помаленьку налаживается, открываются фабрики, товарищества, кооперативы, возникают новые издательства, пробуждаются от спячки — старые. Гонорары в Москве — 2—2$^1/_2$ милл<иона> за лист. Здесь меньше: Недавно «Красная Новь» (хороший толстый московский журнал) взял у меня драму «Вихрь» (переделка из «Так будет»).[15] В этом журнале работает двое из «Серапионовых братьев»,[16] причем рассказ Н. Н. Никитина — «Мокей» — одновременно появился и в «Кр<асной> Нови», и во 2 № Дома Искусств.[17] Как сие произошло — мне неизвестно.

«Собачий сборник» до сих пор еще не вышел.

К Новому году при «Летописи Дома Литераторов» выходит сборник петерб<ургских> поэтов и беллетристов. Участвует — 30 имен, в том числе и — Вы.[18]

В Москве разворачивает свою деятельность, под водительством Вересаева, издательство писателей.[19]

Немирович-Данченко[20] и Пильняк на днях уезжают за границу.[21] С Немировичем случилась оказия. Он только продал доху за 9$^1/_2$ милл<иона>, ночью пришли жулики якобы с обыском (поддельный мандат) и, в присутствии одураченного председ<ателя> Домового Комитета, отобрали деньги. Когда на Гороховой рассмотрели мандат, печать оказалась какой-то пекарни при 47 дивизионе.[22]

В прошлый понедельник хоронили А. Е. Кауфмана,[23] умер скоропостижно. Нас до сих пор не отапливают, перебрались в комнату, что

на Троицкую,[24] поставили чугунку и поддерживаем температуру от 6 до 12°. А за водой ходим к Филиппову,[25] где открыт ресторан. Повара злятся, грозят перебить голени.

В круглой комнате — картошка и дрова. Живем втроем: приехал отец Кл<авдии> М<ихайловны>[26] и вот уже два месяца хворает. Лечат два доктора, лекарства таскаю из двух аптек. 1 января пустят отопление. Слон живет здесь.[27] В мороз пришел к нам в шести шкурках, сверху дождевик: его, оказывается, еще в прошлом году обчистили.[28] Обезьяненочек А. Фролов[29] накопил $1^1/_2$ миллиона денег и пускается в издательство, хочет издавать какой-то итальянский роман «Любовь дьявола»[30] с иллюстр<ациями> Милашевского.[31] Бывают же на свете чудаки. Милый Алексей Михайлович! Если будет в чем нужда, обратитесь к Георгию Дм<итриевичу> Гребенщикову,[32] он Вам поможет, если пожелаете, устроит на лето в имении, коим он управляет. В письме к нему (он ненадолго уезжал в Париж) я просил его всячески помогать Вам.

Любящий вас Вяч. Шишков.

Серафиме Павловне от меня и Кл<авдии> М<ихайловны> низкий-низкий поклон и сердечное пожелание всего хорошего.

О получении этого письма обязательно сообщите мне. Буду писать часто. Петерб<ургские> Ваши товарищи, из них же первый я, ждем Вашего возвращения: поправьте свое и С<ерафимы> П<авловны> здоровье и возвращайтесь в Россию, которая так близка Вам.

Получил ли Соколов мое письмо?[33]

[1] Судя по помете Ремизова, это письмо было получено им только 10 февраля следующего, 1922 г.

[2] Дату и цель своего отъезда Ремизовы держали в тайне даже от близкого круга друзей и знакомых. Ср. с первым письмом С. Алянского, направленным по берлинскому адресу писателя 3 февраля 1922 г.: «В день смерти Блока, не добившись Вас к телефону, я догадался о Вашем *отъезде*. Прошло всего $^1/_2$ года с того времени, а чувство такое, что десятки лет прошло» (Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой). Один из немногих посвященных был, в частности, Я. П. Гребенщиков.

[3] Почти год спустя, 26 ноября 1922 г., Шишков сообщал Ремизову о судьбе его имущества с последней квартиры на Троицкой: «Что касается Ваших шкафов, стульев, столов, — они все были еще летом закреплены за Байковым, большим чином в Высш<ем> Сов<ете> Н<ародного> Х<озяйства>, как брошенное имущество. Он переехал на другую квартиру и все увез» (цит. по: *Грачева А. М.* Алексей Ремизов и Пушкинский Дом. С. 189).

[4] Петроградское отделение Театрального отдела Наркомпроса. См.: п. 25, прим. 2. Ср. с письмом Ремизова к Н. Г. Виноградову от 6 февраля 1920 г.: «С ноября служу в ПТО <...> на прежнем положении: член репертуарной только не секции, а коллегии, а упразднят коллегию, уж и не знаю, в комиссию, должно быть, попаду» (Из писем А. М. Ремизова — Н. Г. Виноградову / Публ. и коммент. А. М. Грачевой // Алексей Михайлович Ремизов. 1877—1957—1993. Былое и думы. Однодневное благотворительное литературное приложение. СПб., 1993. С. 10).

[5] *Каляев Иван Платонович* (1877—1905) — революционер-террорист, друг Ремизова и П. Е. Щеголева по вологодской ссылке. Упоминание о воспоминаниях содержится в письме Ремизова к Щеголеву (в то время ведущему сотруднику Музея революции) от 25 августа 1921 г.: «В музей революции / голове, нарядчику и уставщику муз<ея> рев<олюции> / Павлу Елисеевичу Щеголеву / старейш<ему> кн<язю> обез<ьяньему> и кава-<леру> обез<ьяньего> зн<ака> с хвост<ом> и удобез / пер<вой> степ<ени>. / В му-

з<ей> рев<олюции> прошу принять о И. П. Каляеве, икону Воскресения и моск<?>. декабрь <1>905. <...> Воспоминания мои о И. П. Каляеве / и о цветах пасхальных / и о стихах / память вологодскую / напишу, как только очеловечусь» (РО ИРЛИ, ф. 627, № 1479—1610, л. 225). Воспоминания о Каляеве см. также: *Ремизов А. М.* Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Иверень. С. 441—442.

[6] *Блох Яков Ноевич* (1892—1968) — переводчик, секретарь правления кооперативного издательства «Петрополис», основанного летом 1920 г.

[7] В биографическом разделе первого номера журнала «Новая русская книга» за 1922 г. сообщалось: «*А. Соколовский*, журналист и беллетрист, живет в Нью-Йорке (1378 Boston Road, Bronx, New-York), сотрудничал в Н.-Йоркском „Русск. Голосе", в журнале „Вестник Америки", в Чикаг. газ. „Голос труженика" и „Свободная Россия". В настоящее время работает в Нью-Йорк. „Новом Русском Слове", где печатает повесть из жизни русских в Америке „В чужой стране". Организовал в Нью-Йорке кружок пролетарских писателей и поэтов» (С. 44).

[8] Пытаясь разрешить сложившуюся ситуацию с передачей денег, 16 февраля 1922 г. в письме к сотруднику берлинской газеты С. П. Постникову Ремизов спрашивал: «Не придумаете ли чего, нельзя ли как-нибудь сосчитаться здесь в Берлине? Я получил письмо от Вяч. Як. Шишкова от 28 I, он пишет мне ответ Блоха Як. Н. о уплате мне за наши книги петербургские: „Александр Казимирович Соколовский сделал распоряжение (в декабре) своему отцу Казимиру Михайловичу Соколовскому о немедленном переводе вам 1000 франков! Адрес К. М. Соколовского: Paris, rue Verdi, 6"» (ГАРФ, ф. 6065, оп. 1, № 71, л. 29). Ремизов также привлек к разрешению этой проблемы и другого своего петроградского знакомого, сотрудника Госиздата — М. А. Дьяконова, в письме которому 18 января 1922 г. он, описывая свои жизненные трудности, жаловался: «И другая беда: перед отъездом продал я свои книги и самые любимые Блоху в Петрополис, думал, получу деньги на первое время за границей к<ак> н<и>б<удь> перебыть, а до сих пор денег не получил. Все так — ужасно глупо вышло и безумно. <...> Напишите Конст<антину> Алекс<андровичу> <Федину> и о Блохе — невозможное дело так тянуть! Тут все живем урывом. Денежные дела поручил я Вяч. Як. Шишкову и получил от него жалобное письмо — ходит, надоедает и без результата» (РНБ, ф. 1124, № 8, л. 1—1 об.). В письме от 2 мая 1922 г. Шишков, учитывая затяжной характер дела, первоначально возложенного на него, рекомендовал Ремизову: «Через Берлинский Дом Искусств в категорической форме пошлите Сокол<овскому> запрос, желает ли он уплатить Вам деньги.<...> Блох мало в этом виноват, тут свиньей оказался Соколовский — свинячий купоросный мерин Обезвелволпал». К этому же письму приложена копия расписки с печатью Союза писателей: «Получил от книжного пункта „Петрополис" эквивалент в советских деньгах одной тысячи франков для передачи А. М. Ремизову. 5 VIII 1921 г. А. Соколовский. Правильность означенной копии удостоверяется. За председателя Правления Петр<оградского> Отд<еления> Всероссийского Союза Писателей Вяч. Шишков. 2 мая 1922. Петроград. № 281» (Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой).

[9] *Гржебин Зиновий Исаевич* (1868 или 1877—1929) — художник, издатель, совладелец издательства «Шиповник» (Пг.; 1906—1918), в 1920 — владелец «Издательства З. И. Гржебина» (Пг.; М.; Берлин; 1919—1923), главой редакционной коллегии которого был М. Горький; эмигрировал в конце 1921 г. Подробнее о нем см.: *Хлебников Л. М.* Из истории Горьковских издательств: «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина» // Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. 674—698; *Гржебина Е. З.* Гржебин — издатель / Републ. и коммент. Г. Ковалевой // Опыты. 1994. № 1. С. 177—206.

[10] Подразумевается издательство «Слово», выпустившее книгу «Собачья Доля. Петербургский сборник рассказов А. Ремизова, Е. Замятина, Соколова-Микитова, В. Ирецкого, В. Шишкова», собравший рассказы о собаках, в том числе рассказ В. Шишкова «Азор» и два рассказа Ремизова — «Собачья доля» и «Находка».

[11] *Шкапская Мария Михайловна* (1891—1952) — поэт, публицист; хранительница коллекции игрушек Ремизова после его отъезда из России; в 1922 г. приехала в Берлин; автор стихов «Нечто в виде обезьяньей присяги» (Голос России. 1922. № 971. С. 7).

[12] Очевидно, Анна Васильевна Осипова.

[13] Неустановленные лица.

[14] По-видимому, речь идет о номерах модернистского литературно-художественного журнала «Аполлон» (1909—1917), выходившего под редакцией С. Маковского.

[15] «Красная новь» — журнал художественной литературы, критики и публицистики. Орган Союза писателей СССР, выходил в Москве в 1921—1942 гг. В пятой книге журнала была напечатана драма Шишкова «Вихрь» (См.: Красная новь. 1922. Январь—февраль. № 1 (5). С. 3—30). Пьеса вышла также в петроградском отделении Госиздата отдельной книгой (Пб., 1922).

[16] Литературный кружок «Серапионовы братья», объединивший в 1921—1929 гг. петроградских писателей — И. А. Груздева, М. М. Зощенко, Вс. В. Иванова, В. А. Каверина, Л. Н. Лунца, Н. Н. Никитина, Е. Г. Полонскую, М. Л. Слонимского, Н. С. Тихонова, К. А. Федина, Н. К. Чуковского и В. С. Познера. Подробнее см.: *Фрезинский Б.* Судьбы Серапионов. СПб., 2003; а также: <*Обатнина Е. Р.*> А. М. Ремизов и серапионовы братья» (к истории взаимоотношений) // «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации. СПб., 1998. С. 173—184.

[17] Рассказ Никитина «Мокей» был напечатан в третьем номере «Красной нови» за 1921 г. (С. 13—21), позже он был републикован берлинской газетой «Голос России» вместе с анонимной статьей Ремизова «Серапионовы братья» за подписью «Друг Серапионов» (Голос России. 1922. 21 мая, № 971. С. 7). Во втором номере журнала «Дом искусств» был помещен вариант этого же рассказа.

[18] См.: Петербургский сборник. Поэты и беллетристы. Пб.: Летопись Дома Литераторов, 1922. Издание анонсировалось в журнале «Летопись Дома Литераторов» (1922. № 1/2. С. 9) и вышло в свет в первой половине января 1922 г. В нем были напечатаны стихи Г. Адамовича, А. Ахматовой, Н. Грушко, В. Зоргенфрея, Г. Иванова, М. Кузмина, С. Нельдихена, И. Одоевцевой, Н. Оцупа, Н. Павлович, Е. Полонской, В. Пяста, А. Радловой, В. Рождественского, Ф. Сологуба, Н. Тихонова, В. Ходасевича; проза Е. Замятина, М. Зощенко, Вс. Иванова, В. Ирецкого, В. Муйжеля, В. Немировича-Данченко, Н. Никитина, М. Слонимского, К. Федина, О. Форш, М. Шагинян, В. Шишкова. Творчество А. Ремизова представлено легендой «Кресту Твоему (отреченная повесть)», ранее опубликованной в седьмом томе собрания сочинений писателя под названием «Страсти Пресвятыя Богородицы» (СПб.: Сирин, [1912]).

[19] «Книгоиздательство писателей в Москве» (1912—1923), организованное по инициативе В. В. Вересаева и возглавляемое им до 1918 г., объединяло литераторов, группировавшихся вокруг кружка «Среда».

[20] *Немирович-Данченко Василий Иванович* (1848—1936) — писатель. Из Берлина Немирович-Данченко переехал в Прагу.

[21] *Пильняк Борис Андреевич* (наст. фам. Вогау; 1894—1938) — прозаик. В повременной печати сообщалось, что Пильняк отправился в заграничное путешествие с поэтом Кусиковым (см.: Летопись Дома Литераторов. 1922. 1 февраля. № 3 (7). С. 8). В Берлин они прибыли 11 февраля 1922 г. Подробнее см.: Учитель или подмастерье? Семь писем Бориса Пильняка Алексею Ремизову / Подгот. текста, вступ. статья и прим. Д. Кассек // Новое литературное обозрение. 2003. № 61. С. 247—272), а также: *Lowe D.* Unpublished letters from Pilniak and Ivanov-Razumnik to Remizov // Russian literature triquarterly. 1974. № 8. P. 491—493.

[22] Ср. с анонимной заметкой, помещенной Ремизовым в берлинском журнале «Бюллетени Дома искусств» (1922. 17 февраля. № 1—2. С. 14; раздел «Писатели»).

[23] *Кауфман Абрам Евгеньевич* (1855—1921) — публицист, редактор журнала «Вестник литературы» (1919—1920), скончался 22 декабря.

[24] Речь идет о квартире в «Отеле Петросовета» на Троицкой, 4. См.: п. 13, прим. 4.

[25] В 1921 г. на Троицкой располагалась известная кофейная Филиппова.

[26] *Шишкова Клавдия Михайловна* (1904—?) — жена В. Я. Шишкова.

[27] Прозвище поэта, историка литературы и переводчика *Юрия Никандровича Верховского* (1878—1956). Другой вариант — Слон Слонович. Ср. с дарственной надписью Ремизова на своей книге «Заветные сказы» (Пб., 1920), подаренной А. Блоку: «...Воспоминание о старине допотопной, когда на острове водился слон (Ю. Верховский), пел на Слоновой (Суворовском) Кузмин...» (Волшебный мир Алексея Ремизова. С. 21).

[28] Ср. с анонимной заметкой, помещенной Ремизовым в берлинском журнале «Бюллетени Дома искусств» (1922. 17 февраля. № 1—2. С. 14; раздел «Писатели»).

[29] *Фролов Анатолий Александрович* (1906—1972) — в начале 1920-х член объединения «Кольцо поэтов»; с 1923 г. в Париже; археолог, профессор Сорбонны. О его дружбе с Ремизовым в 1919—1921 гг. см.: *Смиренский В.* Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисл., публ. и коммент. Е. Р. Обатниной // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1996. Вып. 7. С. 168—170; а также: *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. С. 202—206.

[30] Издание не состоялось.

[31] *Милашевский Владимир Алексеевич* (1893—1976) — художник-график. Автор мемуаров «Вчера, позавчера... Воспоминания художника» (М., 1989), в которых описаны встречи с Ремизовым, Шишковым и многими другими писателями и художниками послереволюционного Петрограда (С. 155—162).

[32] См.: п. 42, прим. 5.

[33] Подразумевается И. С. Соколов-Микитов.

Л. В. ШАПОРИНА

О Н. Н. Сапунове

Публикация А. Г. Носовой

Неожиданная смерть Н. Н. Сапунова, настигшая молодого талантливого художника, полного ярчайших творческих замыслов, оставившего неповторимый след в русской художественной культуре начала XX в., глубоко потрясла его современников. Критик П. Д. Эттингер в статье «Памяти Сапунова» писал: «Какой ужас и какая острая, леденящая ирония судьбы, что Сапунов, этот весельчак, полный жизни и темперамента, воспевавший в своих произведениях лишь радость бытия, его звонкие мажорные симфонии, безвременно погиб в холодных водах Финляндии».[1]

Николай Николаевич Сапунов (1880—1912) родился в небогатой купеческой семье, рано начал самостоятельную жизнь. В 1901 г. окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) с серебряной медалью, где занимался в мастерской И. И. Левитана; затем в 1904—1911 гг. учился в Академии художеств в Петербурге. Н. Н. Сапунов — автор пейзажей, великолепных картин, изображающих цветы, изысканных натюрмортов, портретов. Он участвовал в выставках художественных объединений «Мир искусства» и «Голубая роза». В 1904—1908 гг. его графика появляется в журналах «Весы» и «Золотое руно».

Еще в последний год своего пребывания в Московском училище Н. Н. Сапунов по рекомендации И. И. Левитана стал работать в театре. Сначала это была только исполнительская работа, которая могла дать заработок. Он оформил несколько спектаклей в молодом Художественном театре в сезон 1901—1902 гг. по эскизам В. А. Симова и в Большом театре по эскизам К. А. Коровина. Очень важной, повлиявшей на его дальнейшую творческую жизнь была встреча с В. Э. Мейерхольдом. В Москве в 1905 г. в театре-студии на Поварской он писал декорации к 4 и 5 актам спектакля «Смерть Тентажиля» М. Метерлинка в постановке В. Э. Мейерхольда; в 1911 г. в театре К. Н. Незлобина — декорации к комедии-балету «Мещанин во дворянстве» по Мольеру, в постановке Ф. Ф. Коммисаржевского (мы даем дореволюционное написание фамилии), и в 1912 г. — к сказке «Принцесса Турандот» К. Гоцци. В Петербурге в 1905 г. работал над декорациями в Театре трагедии к спектаклю «Три расцвета» К. Д. Бальмонта, в 1906 г. оформлял пьесу Г. Ибсена «Гедда Габлер» в постановке Мейерхольда в театре В. Ф. Комми-

[1] *Эттингер П. Д.* Памяти Сапунова // Русская художественная летопись (приложение к журн. «Аполлон»). 1912. № 12. С. 161.

© А. Г. Носова, 2005

саржевской, а также «Балаганчик» А. А. Блока, где Сапуновым были выполнены и эскизы костюмов. В сезон 1910—1911 гг. в «Доме интермедий» была представлена двухчасовая программа в постановке Мейерхольда, состоящая из цикла малых пьес. Сапунов был одним из организаторов этого театра, он же оформил все постановки первого цикла: «Пролог» (текст и музыка М. А. Кузмина), «Шарф Коломбины» (пантомима А. Шницлера, муз. Дононьи), «Голландка Лиза» (пастораль М. А. Кузмина, оформление совместно с А. А. Араповым), «Блэк энд уайт, или Негритянская трагедия» (гротеск К. Э. Гибшмана и П. П. Потемкина). Затем он участвовал в организации и оформлении литературно-артистического кафе «Бродячая собака».[2]

Друзьям хотелось увековечить память о художнике. А. М. Кожебаткин в письме М. А. Кузмину от 11 июля 1912 г. сообщает: «Я же окончательно решил издать книгу воспоминаний и статей о Николае Николаевиче и очень прошу тебя в первую очередь приняться за эту работу. Книгу хотелось бы издать к полугодовщине смерти, следовательно, с этим надо спешить. Пожалуйста, поговори от моего имени с Блоком и Потемкиным. Я думаю, что и они возьмутся написать что-нибудь».[3] Но осуществился этот замысел только через четыре года. Вышел сборник: «Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики» (М., 1916). В нем выступили В. Я. Брюсов, М. А. Кузмин, П. П. Потемкин, С. Г. Кара-Мурза (С. Крымский), Ф. Ф. Коммисаржевский, Я. А. Тугендхольд и А. М. Эфрос. Рисунки сделали А. А. Арапов, Н. П. Крымов, П. В. Кузнецов, Н. Д. Милиоти, Н. П. Феофилактов. Фронтиспис исполнил К. А. Сомов, обложку — С. Ю. Судейкин.

На страницах журнала «Аполлон» тоже вспоминали художника. В № 4 за 1914 г. вышли статьи М. А. Волошина «Памяти Сапунова» и Ф. Ф. Коммисаржевского «Сапунов — декоратор», в № 8—9 за 1915 г. — статья Н. Н. Пунина «Три художника», в № 1 за 1916 г. — статья В. Н. Соловьева «Памяти Н. Н. Сапунова». Они затем вошли в сборник «Н. Н. Сапунов» (Пг., 1916). В конечном итоге эти живые свидетельства близко знавших его современников легли, уже в советское время, в основу всех исследовательских работ о жизни и творчестве художника.[4] Кроме воспоминаний, написанных непосредственно о Сапунове, он фигурирует во многих других мемуарах и книгах, касающихся театра В. Ф. Коммисаржевской, «Дома интермедий», Театра в Териоках, литературно-артистического кафе «Бродячая собака» и др. Это воспоминания А. А. Мгеброва,[5] В. П. Веригиной,[6] С. Ю. Судейкина,[7] М. М. Могилянского,[8] О. Н. Высотской,[9]

---

[2] Биографические сведения даны по: *Алпатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. М., 1965; *Коган Д. З.* Николай Николаевич Сапунов. 1880—1912. М., 1998.

[3] См.: Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898—1921) / Вступ. статья Н. В. Котрелева и З. Г. Минц; Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 3. С. 400 (Литературное наследство; Т. 92).

[4] Кроме вышеуказанных двух книг Н. Н. Сапунову был посвящен ряд журнальных статей.

[5] См.: *Мгебров А. А.* Жизнь в театре. М.; Л., 1932. Т. 2.

[6] См.: *Веригина В. П.* Воспоминания. Л., 1974.

[7] См.: «Бродячая собака». (Воспоминания С. Ю. Судейкина) / Публ. Н. М. Конычевой // Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 185—194; см. также: *Парнис А., Тименчик Р.* Программы «Бродячей собаки» // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1983. М., 1985. С. 160—257.

[8] См.: *Могилянский М. М.* Кабаре «Бродячая собака» / Публ. А. Сергеева // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб.,1993. Вып. 12. С. 168—188. См. также: Воспоминания о серебряном веке / Сост., автор предисл. и коммент. В. Крейд. М., 1993.

[9] См.: *Высотская О.* Мои воспоминания / Публ. и прим. Ю. Галаниной, Н. Панфиловой и О. Фельдман // Театр. 1994. № 4. С. 77—101.

В. А. Пяста,[10] Б. М. Прилежаевой-Барской,[11] книга Н. Волкова о В. Э. Мейерхольде,[12] а также дневники М. А. Кузмина,[13] переписка А. А. Блока[14] и др.

Если попытаться обобщить характеристики, данные Н. Н. Сапунову в названных выше воспоминаниях, то вырисовывается образ художника, окутанного некой тайной, о котором еще при жизни складывались легенды: очень противоречивого, «милого и чрезвычайно тонкого, обладающего абсолютным вкусом и природной утонченностью, остро ненавидящим мещанство и чрезвычайно остроумно высмеивавшим его проявления», в котором «мятежность и даже некоторый демонизм как-то странно сочетались с милой детскостью».[15] «Фат, романтик, любитель антикварных ваз, грубиян, с какой-то беспокойной нежностью влюбленный в трактиры, шумный, неожиданный и беспутный»,[16] «неистового нрава»,[17] в то же время прозванный «графом», «за изящную душу, острый и меткий, очень часто злой ум, за природную воспитанность», «за безупречную внешность и джентльменство», хотя «некоторые особенности сапуновского характера — легкая эксцентричность костюма, манера носить его, вдруг вполне приличный, но слишком пышный галстук, ни с того ни с сего кофейного цвета котелок на затылке, расчесанные усы и кок на скуластом монгольском лице, слегка, очень слегка, незаметно для других, подрумяненные губы или щеки, озорство, „словечки“ — все это придавало лубочный характер его „графству“».[18] То он запоем, день и ночь работал в мастерской, а то «таскался до утра по мерзейшим кабакам».[19] «Он был очень умен, с хитрецой и со значительной дозой эгоизма, довольно откровенного. Ум его был зоркий и острый. Сентиментализма и благожелательной приветливости в нем вовсе не было; и потому все прозвища и эпитеты, которыми он обильно наделял товарищей и приятелей, были метки, но не совсем невинны, определения его были всегда образны, но злы, характеристики — правдивы, но беспощадны, и всегда били по самому больному месту», «очень трудно было вызвать в нем нежность, он был скрытен, не любил откровенностей».[20] Но, несмотря на всю противоречивость его характера, знакомые и друзья к нему относились тепло и с пониманием.

Все упомянутые воспоминания были написаны спустя некоторое время после смерти художника. Воспоминания, к которым мы обратимся, написаны непосредственно после гибели Н. Н. Сапунова: на десятом листе рукописи большого формата, в левом верхнем углу дата — 18/VII (а утонул он в ночь с 14 на 15 июня). Воспоминания принадлежат Любови Васильевне Шапориной (урожд. Яковлевой) (1879—1967), графику и живописцу, организатору и режиссеру первого Государственного театра марионеток в Петрограде, театральной художнице, переводчице, автору дневников, жене композитора

---

[10] См.: *Пяст Вл.* Встречи. М., 1997.

[11] См.: *Прилежаева-Барская Б. М.* «Бродячая собака» / Публ. Р. Д. Тименчика // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1998. Вып. 23. С. 381—417.

[12] См.: *Волков Н.* Мейерхольд. М.; Л., 1929. Т. 1—2.

[13] См.: *Кузмин М.* Дневник 1905—1907 г. / Предисл., подготовка текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000.

[14] См.: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1980—1993. Кн. 1—5 (Литературное наследство; Т. 92).

[15] *Веригина В. П.* Воспоминания. Л., 1974. С. 181—182.

[16] *Пунин Н.* Три художника // Аполлон. 1915. № 8—9. С. 6.

[17] *Высотская О.* Мои воспоминания / Публ. и прим. Ю. Галаниной, Н. Панфиловой и О. Фельдман // Театр. 1994. № 4. С. 87.

[18] *Коммисаржевский Ф.* Сапунов — декоратор // Аполлон. 1914. № 4. С. 9.

[19] Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; Публ. и коммент. А. П. Юловой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 2. С. 106 (Литературное наследство; Т. 92).

Ю. А. Шапорина.[21] Она была связана дружескими и творческими отношениями со многими известными представителями художественного, литературного, музыкального и театрального мира предреволюционной эпохи. По возвращении из Парижа в 1908 г., где два года училась в художественной академии «La Palette», она в 1910—1912 гг. занималась в школе при «Обществе поощрения художеств». В этот период она оказалась в гуще художественной жизни столицы. Шапорина выставляла свои работы на выставках «Мира искусства» и «Нового общества художников», посещала спектакли только что открывшегося театра «Дом интермедий», затем участвовала в вечерах литературно-артистического кафе «Бродячая собака» и т. д. К этому времени и относится ее знакомство с художником.

Воспоминания Л. В. Шапориной отличаются высокой эмоциональностью. Это и неудивительно: она была свидетельницей того трагического события. Это был шок: на ее глазах погиб дорогой ей человек, да и сама она, как и другие, подверглась такой же опасности.[22]

Напомним об этой трагедии вкратце. Н. Н. Сапунов, М. А. Кузмин, Е. А. Назарбек, Л. В. Шапорина и Е. А. Бебутова приехали на артистическую дачу в Териоки, где Б. К. Прониным был снят театр-казино, в котором под руководством В. Э. Мейерхольда устраивались спектакли «Товарищества актеров, художников, писателей и музыкантов». Поездка была связана с предполагаемым устройством в Териоках карнавала. Поздним вечером всей компанией поехали кататься на лодке, отплыли далеко от берега. Когда стали меняться местами, лодка перевернулась, все оказались в воде, и Сапунов утонул. Остальных удалось спасти.[23]

Сапунова искали целую ночь с водолазами и специально обученными собаками, но все было тщетно. А. А. Мгебров вспоминал: «Только на другой день мы, бесконечно усталые и подавленные, вернулись на берег. Здесь, среди жадно ожидавших нас, мне также навсегда запомнились некоторые лица: особенно фигура и лицо художницы Л. В. Яковлевой, после того, как мы объявили, что тела не нашли. Она не произнесла в ответ ни звука. Вся вытянувшись стрелой, она осталась стоять у моря, с безумным взглядом, устремленным куда-то далеко, далеко в пространство. Я помню, как на лице ее в то время горели лучи солнца, но горели так, словно вдруг что-то остановилось, будто самый солнечный свет прекратил на мгновение свое движение в этом лице, — так был он холоден и отражался в нем как бы мертвым серебром. Рассказывали, что когда все держались за перевернутую лодку, рука Сапунова скользнула по руке Яковлевой перед тем, как он

---

[20] *Карамурза С.* Воспоминания о Н. Н. Сапунове // Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916. С. 22, 29.

[21] См. ее биографию: *Носова А. Г.* Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 96—132.

[22] См.: Там же. С.105.

[23] Об этом событии в разных вариациях упоминается во многих мемуарах. Ср., например: *Пяст Вл.* Встречи. С. 162. Здесь указывается не пять, а шесть человек в лодке и, что «Сапунова положили в перевернутую, в конце концов, лодку уже трупом». На самом же деле, его тело через несколько дней прибило у Кронштадта, где потом и проходили отпевание и похороны (см.: *Высотская О.* Мои воспоминания. С. 92). В. П. Веригина писала, что на похоронах были только она, О. Н. Высотская и А. И. Егоров и, что «в Кронштадтской церкви мы встретили брата покойного, больше никого не было. Однако в одной из петербургских газет появилась заметка, в которой сказано, что на похороны Сапунова в Кронштадт приехало много народу, и вообще было торжественно. На самом деле было просто, скромно и страшно» (*Веригина В. П.* Воспоминания. С. 179—182). Брат художника, о котором идет речь, Константин (Клавдий) Николаевич Сапунов (?—1915), художник МХАТа, автор нескольких интересных декораций, в том числе для «Вишневого сада». См. некрологи о нем от 30 ноября 1915 г. в газ. «Биржевые ведомости» и «Вечерние вести».

утонул, чего никто не заметил, кроме нее, но спасти, по ее словам, она его не могла, по его же вине».[24]

Комментатор издания, Э. А. Старк, отмечает, что «не все до сих пор ясно в этом печальном факте» и приводит слова В. Пяста, что «Н. Н. Сапунов весной 1912 г. переживал такой глубокий душевный кризис, — так лихорадочно бросался от беспробудной работы к беспробудным кутежам, — так искал в лице А. А. Блока исповедника-утешителя, — так не раз собирался покончить с собой, — что, можно думать, принял смерть в мелких волнах Финского залива с вожделением, как избавительницу от чрезмерных для живого существа мучений раздвоенности».[25] Следует отметить, что сведения о том, что Сапунов собирался покончить с собой, есть только в воспоминаниях В. Пяста.

Весной 1912 г. Н. Н. Сапунов собирался писать портрет А. А. Блока, об этом пишет в своей книге М. З. Долинский: «Одиннадцатого апреля Блок записал в дневник: „Вечером я пошел в тоске пить, но в ресторане сидел милый Сапунов. Так и проговорил с ним — было скучно и ему и мне. Он скоро придет обедать, хочет меня рисовать". <...> С того времени они виделись часто, особенно в последние две недели жизни художника».[26] А за несколько дней до гибели Н. Н. Сапунов встретился с А. А. Блоком, который потом писал в письме А. М. Ремизову от 9 июня 1912 г.: «Сегодня я назвал в Териоки всякого народу (Блок бывал там, т. к. Любовь Дмитриевна играла в Териокском театре. — *А. Н.*), надеясь (для себя) на Вас и на Пяста. А теперь боюсь вдвойне, и одному-то ехать страшно, да еще кругом много людей и никакого центра, вокруг которого они бы располагались...

К тому же все у меня тихо, хорошо до третьего дня, я уже дописал (вчерне) первое действие, и вдруг „закатился", ночью встретился с Сапуновым, и таскались мы с ним до утра по мерзейшим кабакам, до сих пор не могу прийти в себя, и опять не пишется».[27] В комментариях к письмам А. А. Блока к А. М. Ремизову А. П. Юлова приводит также выдержки из дневника поэта, которые свидетельствуют о его тесном общении с Н. Н. Сапуновым в июньские дни 1912 г.: «Ср. также: „Утром 6-го работал хорошо <...>. Потом закатился, встреча с Л. Андреевым, Сапуновым и ужасно проведенные сутки <...>". Ср. запись в дневнике от 11 июня 1912 г.: „Я все не могу вновь приняться за свою работу <...>, так как ужасы жизни преследуют меня пятый день — с той злополучной среды (6 июня). Оправлюсь — одна надежда. Пока же боюсь проклятой жизни, отворачиваю от нее глаза"».[28] Восьмого июня они также встречались, о чем Блок писал в дневнике. Приведем фрагмент из исследования М. З. Долинского: «"Вечером я пошел навестить Сапунова, с ним посидели на поплавке, потом пришли и пили у меня чай". Через день (10. 6): „...поехал в Териоки. Ехали вместе с Пястом, Сапуновым, Садовским..." Б. А. Садовский вспоминал: „Еще перед отъездом, на Финляндском вокзале, повстречался с нами и поехал вместе... Н. Н. Сапунов — молодой человек (он был ровесником Блока. — *М. Д.*) в кофейном котелке и широком голубом галстуке. Заговорили о счастье. „Счастливых людей не видно, — заметил я, — где они?" Блок кивнул на Сапунова: „Да вот счастливый человек"».[29] Н. Н. Сапунов также приглашал А. А. Блока в Териоки и в тот злополучный день, но Блок отказался: «Мама, не беспокойся обо мне, когда прочтешь в газетах известие, что Сапунов утонул в море около Териок, — писал Блок А. А. Кублицкой-Пиоттух вечером 15 июня. — Меня там не было, я не поехал, хотя за 6

---

[24] *Мгебров А. А.* Жизнь в театре. С. 207.

[25] Там же. С. 208. См.: *Пяст В.* Встречи. М., 1929. С. 243.

[26] *Долинский М. З.* Искусство и Александр Блок. М., 1985. С. 254.

[27] Переписка с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. статья З. Г. Минц; Публ. и коммент. А. П. Юловой // Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн. 2. С. 106 (Литературное наследство; Т. 92).

[28] Там же.

[29] *Долинский М. З.* Искусство и Александр Блок. С. 254.

часов до этого он звал меня туда по телефону устраивать карнавал. Мы с ним часто виделись в последние дни, он был очень чистый и простой. На днях должен был писать мой портрет».[30]

Итак, чем был вызван кризис, о котором писал В. Пяст, и что происходило в душе художника, пока так и остается тайной. Тайной остается и то, кто же была та, которую М. А. Кузмин в своих воспоминаниях назвал «невестой»: «Николай Николаевич редко ходил в Петрограде (так! — *А. Н.*) по знакомым домам и я совсем не знаю, был ли у него какой-нибудь определенный роман или романы. Встречи, да! — но определенного, длительного или хотя бы кратковременного романа нет. Это последнее обстоятельство давало ему большую свободу, независимость, но и большое одиночество, и какую-то строгость. Много говорили про начало каких-то сердечных увлечений в последние недели его жизни, произносили даже слово „невеста", но это все говорилось после смерти, крайне не проверено и относится, по-моему, скорее, к области легенд — во всяком случае, его ближайшим друзьям ничего не было известно, а если что действительно и было, все порвалось неожиданно и трагично Териокской катастрофой».[31]

В 1909 г. Сапуновым был написан большой «Портрет Л. Гусевой». Люба Гусева — сестра его друга, художника Н. П. Крымова, к которой он питал трепетные чувства, но отношения у них не сложились.[32] Известно также, что Сапунов был увлечен артисткой-мулаткой, которая выступала на петербургской эстраде около 1911—1912 гг. Об этом свидетельствовали его друзья, а ее портрет он писал четырежды.[33] В воспоминаниях было отмечено, что он был также увлечен Беллой Назарбек (Е. А. Назарбек, Е. А. Назарбекова), Принцессой, как ее называли друзья вслед за Сапуновым. Она тогда училась на Высших женских курсах. А. А. Мгебров писал, что Сапунов приехал за ней на квартиру его родителей с М. А. Кузминым и художницами Е. А. Бебутовой и Л. В. Яковлевой: «Николай Николаевич решил обсудить план устройства маскарада и хотел, чтобы художницы ему помогли. Назарбек сначала отказывалась от поездки в Териоки, так как уже простилась со всеми перед отъездом в Сибирь к матери — политической ссыльной, однако Сапунов так упрашивал Принцессу, что она, в конце концов, согласилась».[34]

Несмотря на скрытность характера, эти увлечения Н. Н. Сапунова не были тайной, но кто же была та особа, о которой писал М. А. Кузмин, существовала ли она в действительности? Не могут ли дать ответ на этот вопрос публикуемые воспоминания? С предельной осторожностью мы рискнем предположить, что, возможно, Л. В. Шапорина и была предметом «сердечных увлечений в последние недели жизни» Н. Н. Сапунова, о которых писал М. А. Кузмин. Во всяком случае ей этот человек был очень дорог.

Нам хотелось бы также надеяться, что приведенные в воспоминаниях факты, возможно, помогут уточнить какие-либо детали и в биографиях упоминаемых там лиц.

Напомним, что воспоминания Л. В. Шапориной (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 14) написаны сразу после трагедии, в рукописи перед последним абзацем стоит дата: 18/VII . Написаны они на одном дыхании, часто с пропущенными знаками препинания, судя по

---

[30] Там же.

[31] Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. М., 1916. С. 50—51.

[32] См.: *Коган Д.* Николай Николаевич Сапунов. С. 110.

[33] См.: *Алпатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. С. 110.

[34] *Мгебров А. А.* Жизнь в театре. Т. 2. С. 206; см. также: *Веригина В. П.* Воспоминания. С.179; *Высотская О.* Мои воспоминания. С. 92. См. также письмо Е. А. Назарбековой к В. В. Алперс от 9 авг. 1912 г. из Енисейской губ., озеро Широ: «Милая моя Вера, я тебя не забыла и ты не сердись на меня за мое молчание. Знаешь, иногда просто тяжело было вспоминать Териоки и я никому не послала даже пустяшной открытки. Не знаю сама, почему? Как-то не хотелось о себе напоминать и вспоминать их. А ты? Бывала ли у них часто? Что нового в театре и на даче?» (Российская национальная библиотека, ф. 1201 (арх. В. М., В. В., С. В., В. В. Алперсов), № 155, л. 9—10).

почерку, очень торопливо и несколько сумбурно. По-видимому, она написала их сразу набело и больше к ним не возвращалась. Исправлений в тексте очень мало и, как нам кажется, если бы она переписывала его с черновика и обдумывала, то многое бы поправила. На л.1 — вверху перед текстом позднейшая приписка «Л. Я. Шапорина. О Н. Н. Сапунове», относящаяся, возможно, к 1933 г.[35] Сокращенные слова раскрыты нами в ломаных скобках, орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами.

О Н. Н. Сапунове

Останусь я существовать или нет — все равно, — мне хочется записать все, что я помню о Николае Николаевиче, чтобы ничего не погибло из моих воспоминаний, потому что ни одно слово его не бывало для меня неценно, потому что такого человека другого нет и не может быть, как не повторяется один и тот же талант, и как не повторится его очаровательный и блестящий талант. Я пишу и не верю, боюсь даже произнести слово смерть, кошмар от которого я не уйду. Буду думать, что он жив, что я вернулась в мастерскую в одиннадцатом часу, совсем светло, белые ночи, я все же зажигаю лампу, зная, что он у себя; через несколько минут слышу быстрые шаги, звонок — и вижу его, — как было всю весну.[1] Мы будем говорить о всем — и будем смотреть друг на друга, не отводя глаз; его глаза будут темнеть порой, а я буду счастлива.

Много я видела людей, но человека с такой богатой интенсивной жизнью я не увижу, потому что нет. Он весь был скрытая, бьющая через край энергия в живописи, в темнеющих глазах, в его культе чувственности, — которая была его религией в красках и в жизни.

Начну с начала. Познакомилась я с ним два года тому назад, в Павловске, где он с Потемкиным[2] сидели с Палладой.[3] Вид у него был ужасно нездоровый, худ был страшно, кожа на лбу как-то как будто прилипала к черепу. Я слышала о нем только от С<ергея > С<ергеевича>,[4] что Сапунов рамол (расслабленный, немощный. — *А. Н.*) — всегда молчаливый. Он, правда, говорил не много тогда, но всегда остроумно, — помню, дали нам машинку кофе с стеклянным верхом, кофе било ключом и как-то невероятно смешно, в такт музыке.[5] Вечер был дивный, мы как-то резвились, играли в горелки, Потемкин с Белкиным[6] кувыркались. Потом поехали. В вагоне кроме нас никого не было. При входе кондуктора Н<иколай> Н<иколаевич> великолепно симулировал скандал и просил вывести Пот<емкина>, но ему все же не поверили. Потом мы шли по улицам П<етер>бурга, все вместе, долго, ночь была бела, дошли, наконец, до Галерной ул<ицы>. Потемк<ин> хотел идти с нами, но мы с Н<иколаем> Н<иколаевичем> убежали от них и, взяв ялик, уехали на остров. И в первый день и в последний день вода и лодка — зачем. Нева, как всегда в эти ночи, была лучезарна, Н<иколай> Н<иколаевич> говорил, что П<етер>бург ему нравится больше Москвы, что он тоньше ее, — потом приехали — и в

[35] См.: *Носова А. Г.* Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе. С. 105.

ту весну я его больше не видала. Летом он заболел тифом, мне об этом писал Белкин, он лежал в Александр<овской ?> <нрзб.> и вел себя очень плохо — ел тайком шоколад, после чего ему стало хуже гораздо и, наконец, сбежал из больницы.[7] Встретила я его зимой в Интермедии[8] и не узнала сначала, так он поправился, пополнел, поздоровел.

Прошлой весной Белкин мне сообщил, что Н<иколай> Н<иколаевич> меняет мастерскую и может мне передать свою. Я очень обрадовалась — жить одной, иметь мастерскую — я столько об этом мечтала. На другой же день я отправилась с С<ергеем> С<ергеевичем> на 18 линию,[9] просидев у Н<иколая> Н<иколаевича> часа четыре, мы оправились вместе к Бернарду[10] и, кажется, и там просидели столько же. Рассказывал он необыкновенно хорошо, быть может, и прибавляя от себя, а, быть может, факты обыденной жизни отражались более яркими в его мозгу, отшлифовывались и в рассказах являлись уже блестящими анекдотами. Тогда как раз он рассказывал, как был на свадьбе в деревне. Жених выставил целый ушат водки. Мужики подходили, брали ковш и пили, пока могли. Один тут же свалился под стол и умер. Когда все было выпито, обступили жениха и стали нещадно бить, дескать, мало вина выставил. Жених схватил топор, поднял обеими руками над головой и, пока его били, все твердил: «Дай бог крепости, сейчас зарублю». В передаче моей, конечно, все не то, но я-то помню, все интонации и мимику Н<иколая> Н<иколаевича>. Затем замечательные рассказы о кн. Шервашидзе[11] в Сухуме и его мифических похождениях. Прелестный также рассказ о том, как он, Н<иколай > Н<иколаевич>, жил в доме какого-то своего знакомого там же, в Сухуме.[12] Сидит раз в саду, видит, идет какой-то субъект в черкеске, полном вооружении и спрашивает, дома ли хозяин. Того не было. Субъект очень пожалел, т<а>к к<а>к пришел проститься, ввиду того, что через несколько дней его должны были казнить. Рассказывал Н<иколай> Н<иколаевич>, как он, разочаровавшись в Судейкине,[13] заявил ему: «Знаешь, С<ергей> Ю<рьевич>, нам лучше не видеться, Ты мне разонравился». С<ергей> Ю<рьевич> крайне обиделся и обвинил Н<иколая> Н<иколаевича> в неделикатности. Н<иколай> Н<иколаевич> его не одобрял, не одобрял еще больше его брата, какого-то совсем темного субъекта, бывшего офицера Сумского полка, потом жандарма.[14] К сожалению, у меня очень плоха память, и очень многое я забываю.

Другой раз я пришла к Н<иколаю> Н<иколаевичу> с Мусатовой[15] и застала там Кузмина,[16] кот<орого> Н<иколай> Н<иколаевич> тогда начал писать. Кузмин был очень красив в каком-то бутафорском, средневековом, кажется, костюме синем с желтым и пестрой чалме на голове.[17] Моя теперяшняя мастерская была тогда совсем другая. Окна были завешены большими шерстяными платками, яркими, с огромными цветами, такими же платками и блестящими шелковыми были завалены оттоманки, и сначала я даже не заметила Кузмина в его пестром костюме среди этих пестрых платков. Вокруг стен шла узенькая полочка, уставленная фарфором, стеклом и всякими курьезами, вроде вербных игрушек, уток, солдат. Все было покрыто слоем пыли, а хо-

дить можно было лишь в самом центре мастерской.[18] Обои оранжевые с желтыми цветами были выбраны еще Собашниковой[19] (так! — *А. Н.*), т<ак> к<ак> напоминали ей Гогена!,[20] для живописности. В тот же день я еще раз встретила Н<иколая> Н<иколаевича> и К<узмина> у Лейнера,[21] куда мы тоже пришли, обедали вместе, — и я оценила, насколько воспитанней и корректней он был Кузмина. Вообще, пока я его не знала, я слышала столько о его нахальстве, наглости с женщинами[22] и развратности — и при знакомстве убедилась в редкой корректности. Вообще, насколько всегда по-настоящему развратный или попросту не боящийся и не признающий законов морали человек, не благонамеренный, как говорил Н<иколай> Н<иколаевич>, — всегда в общем, нравственней, выше морально трусливо-добродетельных буржуа. Напр<имер>, А<лексей> Н<иколаевич> Толстой[23] — благонамеренный семейный человек, с трудом терпим Белкин<ым>, без порнографии слова не вымолвит, а от Н<иколая> Н<иколаевича> я не слыхала ни одного как бы то ни было двусмысленного слова. Нет, я, кажется, не могу писать — и, право, не смогу жить без него. Не хочется — пусто, скучно, невероятно и невыразимо скучно — скучно потому, что с ним все „резвое" ушло из жизни, остались люди серые, нудные, ненужные и бездарные; что же мне одной делать. Боже мой, Боже мой, как бесконечно тяжело. В ту весну (1911 г. — *А. Н.*) я еще несколько раз видала его, помню, как в последний раз, уходя от меня, он все уговаривал меня идти с ними к Бернарду — я не пошла, мне всегда казалось, что я надоем, и сказала, что уезжаю скоро. Он как-то очень искренно пожалел, и как я теперь жалею, что не осталась прошлое лето здесь. Всю жизнь я делала всегда не то, что нужно, все против своего желания, pour le roi de Prusse[a] — зачем я протрубила прошлое лето в Станице,[24] долбя с Васей[25] по 5—6 часов в день, когда теперь же мне говорят, что все это было ни к чему. Не работала, выбивалась из сил, кому это нужно. Ну что же — так и всю жизнь я пропустила — и собственное счастье не спасла.

Этой осенью (1911 г. — *А. Н.*) я сначала видела Н<иколая> Н<иколаевича> довольно часто. Он часто заходил ко мне, и помню, раз пришел в очень нервном состоянии. Были Саша Смирнов[26] и С<ергей> С<ергеевич> (С. С. Позняков. — *А. Н.*). Он стал рассказывать о разных сверхъестественных случаях в своей жизни. И я верю, что все это могло с ним быть — так он был нервен и чувствителен. Он рассказывал, как однажды шел он с Феофилактовым[27] к Судейкиным, и, не доходя до них, вдруг он видит невероятно высокого роста женщину в черном, с перевязанной головой и кровью под этой повязкой. Женщина двигается на него, и он чувствует, что она его раздавит своей величиной. Он закричал — она присела и, перебежав улицу, исчезла. Феофилактов ничего не видал, стал его стыдить и привел к Судейкиным. Через некоторое время приходит сестра Судейкина[28] с кем-то, ни жива, ни мертва — там же, в Ушковом переулке, она видела ту же женщину в черном. Он жил как-то в какой-то гостинице или комнатах в Москве;

---

[a] попусту, даром (букв.: в пользу прусского короля) (*франц.*).

раз утром он одевался, пиджак его лежал на диване. Он пошел было за ним и так на одной ноге и замер — на диване сидел его двойник, придерживая большим пальцем лежавшую на столе бумагу. Он почувствовал, как волоса его от ужаса зашевелились, он закричал и свалился. Перепуганная прислуга должна была выломать дверь, чтобы попасть к нему. Потом были с ним какие-то приключения в доме Мамонтова,[29] кажется.

Он был страшно суеверен, верил в гадания и, по-видимому, много бывал у разных гадателей.[30] Пришел он однажды к одному такому и увидел несколько гипсовых слепков с рук. Одна его поразила — узкая и очень длинная, странная какая-то рука. Оказалось, это был слепок с руки вел<икого> кн<язя> Серг<ея> Ал<ександровича>.[31] Гадатель этот, фамилию я забыла, жил в Москве и задолго предсказал С<ергею> А<лександровичу> его смерть.[32] Тому это настолько не понравилось, что гадателю посоветовали покинуть сначала Москву, а потом и Россию. Вернулся он уже после смерти С<ергея> А<лександровича>, но потом опять исчез. Гадал он, по словам Н<иколая> Н<иколаевича>, очень хорошо и, кажется, и он также предсказал ему, что он утонет на 37-м году жизни — зачем обманул. Он предлагал составить гороскоп, просил за него 300 р. «У меня не было тогда таких денег, были бы, так заказал бы непременно».

Я уже сказала, что сначала я видала Н<иколая> Н<иколаевича> довольно часто. Потом вдруг он перестал у меня бывать. Просто ли так или потому, что Толстые[33] что-то на меня наговорили, сказав, что я распространяю слухи, что он страшно врет и рассказывает нелепости. Зимой (1912 г. — *А. Н.*) я его видала редко, он много жил в Москве, но, возвращаясь, он приходил ко мне и рассказывал впечатления. После Рождества и Нов<ого> года, кот<орые> он там провел, Н<иколай> Н<иколаевич> приехал под свежим впечатлением похождений Кузмина в Москве. Он был настолько разочарован в нем, что говорил: «Я, может быть, когда-нибудь и помирюсь с К<узминым>, но полюбить его я больше не могу — он так опустился, стал как горничная». Кузмин ездил тогда в Москву со своим офицером Миллером,[34] и их главным времяпровождением было шантажирование и вымогательство денег у всех направо и налево. Причем оба вели себя совсем непристойно. Ездил в Москву Н<иколай> Н<иколаевич> писать Турандот,[35] да так и не написал, а просто хорошо проводил время. Эскизы же написаны были, кажется, все. Ездил он потом опять на масляной (с 29 января по 5 февраля. — *А. Н.*) или в начале поста (с 6 февраля. — *А. Н.*) и, вернувшись, привез первую часть Муратова об Италии,[36] кот<орая> так и осталась у меня. Он давал ее какому-то актеру в Москве, — для руководства при постановке Гоцци — все эти места отчеркнуты у него ногтем. Меня трогала всегда его внимательность, память о всяких мелочах. Пасху (25 марта. — *А. Н.*), кажется, он тоже там провел и опять-таки Турандот не написал, отложив на июль. Весной я стала его чаще видеть и, главное, стала его меньше бояться. Т<о> е<сть>, я не то что боялась, но невероятная какая-то застенчивость на меня нападала при нем. В особенности у него в мастерской.

Днем у него бывал усталый, рассеянный вид часто. Он начал весной Nature morte,[37] поразительный по мастерству, скомпанованности и красоте. Он больше всех предыдущих и должен был быть, я думаю, и лучше всего прежнего. Я его под конец не видала, т<ак> к<ак> решила лучше к Н<иколаю> Н<иколаевичу> не ходить, тем более, что сам он стал бывать очень часто. Он не любил встречать кого бы то ни было, и в самом деле, с ним бывало интересно именно вдвоем. Он был откровеннее и разговорчивее. Раз он рассказывал о предсказанной ему смерти в 37 лет и говорил, что это очень хорошо, т<ак> к<ак> после 40 лет человек не движется вперед, жизнь его останавливается. Я удивилась и говорила, как он, художник, мечтает о короткой жизни, неужели для него искусство не составляет главной цели жизни. Н<иколай> Н<иколаевич> ответил мне, что для него искусство не все, а лишь половина — жизнь же другая и более важная часть жизни.

18/VII

Прежде очень многое из его привычек мне было не совсем понятно. Теперь же, когда я страдаю так остро, мучительно, всем своим существом — прежде я тоже страдала, но тогда я как-то сама была еще наполовину то, что сейчас и сравнивать прежнее с настоящим нельзя. Так вот теперь я его стала понимать очень хорошо, в мелочах жизни. Его всегда завешенные окна, нелюбовь к деревне с мягкими, слишком покойными линиями горизонта, его разврат, близость с Сизовым,[38] все его парадоксальное отношение к внешнему миру. И кажется мне, что он, вероятно, очень страдал и страдал всегда. В один из последних вечеров, когда он был здесь, при В<ениамине> П<авловиче> (Белкине. — *А. Н.*) я ему говорила, что считаю его самым счастливым человеком из известных мне людей, с его талантом и абсолютной свободой духа. Мы стояли в передней долго, ему не хотелось уходить, — он говорил, что я очень ошибаюсь — что он совсем не счастлив. Потом он еще долго стоял на площадке. Ужасно я любила, когда он так нехотя и медлительно уходил и долго все смотрел и смотрел. Мы как-то медленно и осторожно подходили друг к другу. Но еще в ту ночь в Териоках, входя в лодку — мы с ним остались последними на берегу — я поняла совсем ясно, что никто его от меня теперь не возьмет. О смерти я не думала.

[1] Весной 1912 г. мастерские Н. Н. Сапунова и Л. В. Шапориной находились в одном доме, по адресу: Васильевский остров, 18 линия, д. 7. Об этом упоминает и М. А. Кузмин: «Жил Николай Николаевич все это время на далекой линии Васильевского острова, в одном и том же доме, переменив только мастерскую» (Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. С. 50).

[2] *Потемкин Петр Петрович* (1886—1926) — поэт, прозаик, переводчик. Сотрудник «Сатирикона» и «Нового Сатирикона», автор поэтических сборников «Смешная любовь» (1908) и «Герань» (1912). После революции эмигрировал. Умер в Париже. В 1910—1912 гг. один из руководителей «Дома интермедий», литературного кафе «Бродячая собака» и др., для которых написал ряд скетчей и пьес. Саша Черный писал о нем: «Беспечный представитель богемы и изящный сноб, возлюбивший пестрый театральный мирок парикмахерских кукол, горбунов, арлекинов, бесшабашных негров, умел так мастерски и весело вызывать из небытия весь этот забавный антураж европейских кабаре» (*Черный Саша*. О Петре Потемкине // Поэзия: Альманах. М., 1984. Вып. 40. С. 200). Совместной работой П. П. Потемкина с Сапуновым в 1910—1911 гг. была пьеса «Блэк энд Уайт, или

Негритянская трагедия» для «Дома интермедий»: авторами были К. Э. Гибшман и П. П. Потемкин, а Сапунов написал эскизы костюмов и декорации. См. о нем в дневниках Л. В. Шапориной: РНБ, ф. 1086 (арх. Л. В. Шапориной), № 2, л. 61 об.; *Кузмин М.* Дневник 1905—1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000.

[3] *Богданова-Бельская Паллада* (*Палладия*) *Олимповна* (в замуж. также Пэдди-Кабецкая, Дерюжинская, Гросс) (1885—1968) — поэтесса. Хозяйка литературного салона, одна из завсегдатаев литературно-артистического кафе «Бродячая собака». См.: *Тименчик Р. Д.* Богданова-Бельская Паллада (Палладия) Олимповна // Русские писатели.1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т.1. С. 299. См. также комментарий о ней в ст.: *Прилежаева-Барская Б. М.* «Бродячая собака» / Публ. Р. Д. Тименчика // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб.,1998. Вып. 23. С. 405—408. Шапорина не раз упоминает о ней в своих дневниках, в том числе в связи со смертью Виталия Николаевича Гросса (1900—1935; дата смерти по записи в дневнике от 21. 11. 1935), художественного критика, очеркиста (см. о нем: РО ИРЛИ, ф. 291 (Всероссийский союз писателей (Петроградское / Ленинградское отделение), оп.1, № 456, л. 33—33 об.), бывшего в то время мужем Паллады. Воспоминаниям о ней и ее окружении посвящены несколько страниц дневника Л. В. Шапориной (РНБ, ф. 1086 (арх. Л. В. Шапориной), № 5, л. 27—31). Познакомилась Шапорина с Палладой в 1909 или 1910 г. у Смирновых. Александр Александрович Смирнов (см. прим. 26) с ней очень дружил. Шапорина вместе с Богдановой-Бельской бывала в «Бродячей собаке» и вспоминает костюмированный вечер зимой 1912 г. (Здесь, возможно, Шапорина ошиблась в дате. Судя по сохранившимся программам «Бродячей собаки», костюмированный вечер прошел 22 февраля 1913 г. См.: *Парнис А., Тименчик Р.* Программы «Бродячей собаки». С. 208). Об указанной поездке Шапорина вспоминает в дневнике, где говорится, что с Потемкиным, Белкиным, Позняковым ездили к Палладе в Павловск и застали ее с Сапуновым на вокзале. Л. В. Шапорина здесь, по-видимому, тоже ошиблась в дате: она пишет о 1912 г., на самом деле это был 1910 г., как следует из настоящих воспоминаний. О Палладе в своем письме к Л. В. Шапориной (лето 1910 г.) упоминает и С. С. Позняков (см. прим. 4): «Получил от Шурочки (А. А. Смирнова.– *А. Н.*) письмо. Он благоденствует, хотя был болен. Паллады еще нет, и это его радует. Не поймешь их» (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 68, л. 19). После возвращения Л. В. Шапориной из Парижа и переезда в Детское Село (лето 1929 г.) она застает там и Палладу. В это время она уже была замужем за Гроссом, и у них был маленький сын Ритик (Э. В. Гросс). С большой симпатией и сожалением о «так рано сгоревшей жизни» говорится в дневнике Л. В. Шапориной о В. Н. Гроссе. См. также об этом периоде жизни Паллады в ее письмах к З. И. Быковой: РНБ, ф. № 118 (арх. П. В. и З. И. Быковых), № 1066.

[4] *Позняков Сергей Сергеевич* (1889 — до 1942? 1945?) — литератор-дилетант. Ему посвящены роман М. А. Кузмина «Нежный Иосиф» (1909 г.) и ряд стихотворений. См. о нем: *Кузмин М.* Дневник 1905—1907. Позняков посвятил в ноябре 1908 г. М. Кузмину свою новеллу «Диалоги». См.: Весы: Ежемесячник искусств и литературы. 1909. № 2. С. 35—38. См. также о нем: *Волошин М.* История моей души. М., 2000. С. 195—196. В архиве Л. В. Шапориной в Пушкинском Доме хранятся 13 писем С. С. Познякова к ней за 1909—1912 гг., написанные им из Петербурга и из Луги, Киева, Луцка, где он отдыхал — в Петербург, Вильну, в поместье ее матери Ларино и в поместье сестры Станицу (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 68). В описываемый период С. С. Позняков был студентом Петербургского университета. В 1909 г. он участвовал в антизабастовочном движении, как писал об этом в письме 1909 г. (датировано Шапориной): «Будучи, помимо всяких политических мнений, ярым противником забастовки и тем более, насильственного образа действий левого студенчества, я примкнул к возникшему антизабастовочному комитету…» (л. 7 об.). В 1909 г. Позняков состоял в «Союзе русского народа». По этому поводу, по-видимому, они с Шапориной вступили в полемику, так как в письмах он объясняет ей, почему и как он вступил в «Союз», затем советуется с ней по поводу выхода из него. (Это письмо без даты, но по содержанию тоже 1909 г., в нем Позняков пишет, что ему 20 лет) (л. 11). Из писем видно, что он прислушивался к мнению Л. В. Шапориной, и она имела на него влияние в различных вопросах. Ср., например, письмо, позднее датированное Шапориной 1909 г., с припиской: «С. С. было 18 лет» (Неточность. — *А. Н.*): «Дурной воздух в этом Луцке. Так неприятно действуют на меня после трех месяцев Вашего общества здешние люди, особенно женщины. Я удивляюсь, как раньше здешняя

провинциальная распущенность могла мне нравиться. Я объясняю это только тем, что, например, в прошлом году я был под влиянием этой скверной сомовщины, этой „веселой легкости бездумного веселья" и „уст, целованных столькими" (цитаты из стихотворений М. А. Кузмина «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» и «Ах, уста, целованные столькими» — *А. Н.*). Бог с ними, правда. Я не могу их осуждать. Я не могу сказать им про сучки в глазах. Собственные бревна слишком давят на веки, чтоб я их не замечал. Но я говорю себе. Вот я не пойду по этому пути. Вот я сознаю, что я свободен от животности. Вот я не как мужчина, не как сексуалист того или иного направления, а как человек люблю другого человека, не справляясь о его поле, не нуждаясь в его половых проявлениях. Я не знаю, хорошо ли, нет, подобное чувство, но оно, право, вероятно лучше и бальмонтовского упиванья, и сомовской холодной порнографии <...>. Вы простите меня милая, что я столь бессвязно излагаю Вам Ваши же мысли. Да, это Ваши мысли, но уже и мои. Вы меня им научили. И я с ними расставаться уже не желаю» (л. 5 об. — 6 об.).

Теперь попытаемся уточнить дату смерти С. С. Познякова. В издании «Дневника» М. Кузмина в именном указателе (С. 591) дается — 1945? г., в «Истории моей души» (С. 406) — 1945. В статье А. Парниса и Р. Тименчика «Программы „Бродячей собаки"» (в приведенных здесь неопубликованных воспоминаниях П. О. Гросс) читаем о С. С. Познякове в следующем контексте: «О художнице Ефимии Бебутовой (ум. 1942 г.): „И была в „Собаке" Бебутова — художница, все называли ее Фима, талантливая портретистка. Она была замужем за Сергеем Позняковым, талантливым и умным человеком. Он умер трагически на ее руках <...>. Фима умерла в дни блокады в Ленинграде, в маленькой комнатке, на 5 этаже, она писала маслом портреты, очень много трудилась и добывала свой хлеб поистине потом и кровью". (Собрание Э. В. Гросса)» (С. 255). (По-видимому, С. С. Позняков женился после 1912 г., т. к. из писем к Шапориной не явствует, что он женат). Ср. приписку С. С. Познякова к письму Н. К. Цыбульского к Е. Б. Вахтангову от 5 ноября 1913 г.: «P. S. Присутствующий здесь <член> художественного комитета руку прилагает. Сергей Позняков, муж княжны Бебутовой» (Там же. С. 216). Если П. Гросс не ошиблась в своих воспоминаниях, а к «этому источнику надо относиться с осторожностью — в нем очевидны анахронизмы», как отмечает Р. Д. Тименчик (см.: *Прилежаева-Барская Б. М.* «Бродячая собака». С. 407), то можно указать год его кончины более точно: до 1942 или 1942.

[5] Описываемый эпизод происходит на знаменитых музыкальных концертах в Павловском вокзале. В 1910 г. на пост главного дирижера был приглашен А. П. Асланов (1874—1960), бессменно возглавлявший оркестр до 1916 г. включительно. С его приходом открылась «новая и яркая страница в „павловской музыке". <...> Сезон, не в пример прежним годам, начинался теперь в мае и оканчивался не позднее 8 сентября. Днями симфонических концертов остались вторники и пятницы; но „легкая" музыка в настоящем смысле слова оказалась изгнанной из программ концертов и в прочие дни недели, заполненных в основном произведениями некрупной формы (увертюрами, оркестровыми и вокальными отрывками из опер, отдельными пьесами и т. д.)» (*Розанов А. С.* Музыкальный Павловск. Л., 1978. С. 118). В 1912 г. оркестром не в симфонические дни управлял обычно М. Бертье. См.: Павловский музыкальный вокзал. Исторический очерк (к 75-му музыкальному сезону). 1838—1912 / Сост. Н. Ф. Финдейзен. СПб., 1912. Упомянутая в воспоминаниях Л. В. Шапориной машинка кофе — кофейник с гейзером.

[6] *Белкин Вениамин Павлович* (1884—1951) — график, художник книги, живописец. С 1906 г. участвовал в выставках «Союза молодежи», «Мира искусства». С ним Л. В. Шапорина познакомилась в 1907 г. в Париже, когда они вместе учились в академии «La Palette»: она — в 1906—1908 гг. (см.: *Носова А. Г.* Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе. С.130); он — с марта 1907 до конца мая 1909 г. (к 1910 г. возвратился в Россию) (см. Рукописный отдел Государственного Русского музея (ГРМ), ф.118 (арх. В. П. Белкина), № 17, л. 1). До самой смерти В. П. Белкина Шапорина сохранила с ним дружеские отношения. См.: РНБ, ф. 1086, № 7, л. 46 об.; № 19, л. 5 об.—6; № 21, л. 33—34. См. также письмо В. П. Белкина к Л. В. Шапориной 1910 г. — РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 21. Белкина с Сапуновым связывала совместная работа по оформлению артистического кафе «Бродячая собака», где они с художниками С. Ю. Судейкиным, Н. И. Кульбиным, Б. А. Мещерским расписывали стены подвала.

[7] См. справку из больницы, где указывается, что Н. Н. Сапунов с 9 июня по 4 августа 1910 г. находился на излечении в Александровской мужской больнице, по адресу: В. О.,

15 линия, д. 4. (Российский государственный исторический архив, ф. 789, оп.13, № 128, л. 54 об.).

[8] Театр «Дом интермедий» открылся осенью 1910 г. на Галерной улице. Художественными руководителями были В. Э. Мейерхольд, Н. Н. Сапунов и М. А. Кузмин. Директором сначала был М. М. Бонч-Томашевский, затем это предприятие преобразовалось в «Товарищество актеров, художников, писателей и музыкантов» и в члены совета вошел еще Е. А. Зноско-Боровский. См.: *Петровская И., Сомина В.* Театральный Петербург. Начало XVIII века—октябрь 1917 года. Обозрение-путеводитель / Под общей ред. И. Ф. Петровской. СПб., 1994. С. 337—338; *Тихвинская Л.* Кабаре и театры миниатюр в России. 1908—1917. М., 1995. С. 86—134. «Идея была такая, — вспоминает О. Высотская, — создать театр маленьких комедий, интермедий, пантомим и сольных номеров. Театр сообщался с рестораном, в зрительном зале стояли столики, можно было получить вино, чай, бутерброды, пирожные, легкие блюда. Можно было сидеть, ничего не заказывая. В фойе был зимний сад, пальмы, вьющиеся растения по стенам. Играл оркестр <...>. В репертуаре „Дома интермедий" были только художественные произведения, созданные большими артистами (писателями, режиссерами, художниками). Сольные номера создавались на хорошей музыке или были полны сатиры и юмора <...>. Это был театр молодого вдохновения» (*Высотская О.* Мои воспоминания. С. 81, 82). Первую программу театр показал 12 октября 1910 г., вторая программа показана впервые 3 декабря 1910 г. Последний спектакль прошел 30 января 1911 г. (*Высотская О.* Мои воспоминания. С. 95, 96).

[9] Мастерская Н. Н. Сапунова находилась на Васильевском острове: 18 линия, д. 7.

[10] Бернард — «Бернгард» — ресторан на Николаевской наб., д. 9. Владелец — Василеостровское товарищество официантов.

[11] *Шервашидзе (Чачба) Александр Константинович* (1867/1868—1968) — живописец, театральный художник и критик, первый профессиональный художник Абхазии. Был вольнослушателем МУЖВЗ. С 1894 по 1899 г. учился в Париже в академии Ф. Кормона. Вернулся в Москву, затем снова уехал в Париж, где пробыл до 1906 г. Там и увлекся театром. В Петербурге поселился в 1906 г., после возвращения из Парижа. В 1907 г. по рекомендации А. Я. Головина стал главным художником Императорских театров. Участвовал в качестве художника-постановщика и исполнителя в оформлении более 40 спектаклей. В 1912 г. получил бронзовую медаль за эскизы к юбилейному спектаклю в честь 100-летия войны 1812 г. После революции жил и умер во Франции. См.: *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Художники эмиграции (1917—1941). Биографический словарь. СПб., 1994. С. 519—522.

[12] Поездка в Сухуми не обошлась без происшествий: по дороге туда, на станции Ростов-на-Дону, 21 мая при выходе из вагона 2-го класса поезда № 2 у Н. Н. Сапунова был похищен бумажник с 45 рублями и шестимесячным паспортом. Ему пришлось писать в канцелярию Академии художеств с просьбой выдать новое свидетельство на проживание. Но прежде чем выдать новое свидетельство, канцелярия запросила Ростовское отделение жандармского управления железных дорог: было ли Сапуновым своевременно заявлено о краже. Положительный ответ был получен, и ему было выдано 17 декабря 1907 г. свидетельство Сухумского городского полицейского управления. На основании этих документов устанавливается срок его пребывания в Сухуми, почти 7 месяцев. Адрес его проживания в бумагах указан: «Сухум Кале Кутаисской губ., дача „Орион", Лаптевой, для Н. Н. Сапунова» (РГИА, ф. 789 (арх. Академии художеств), оп. 13, № 128, л. 30, 34, 35). См. также его адрес в письме к М. А. Кузмину от 18 авг. 1907 г., где была указана дача Шаншиевых «Орион» (РНБ, ф. 400 (арх. М. А. Кузмина), оп. 1, № 138). Об этой поездке Я. Тугендхольд писал: «Поездка в Сухум открывает ему глаза на солнце: он начинает любить горячую желтизну травы, глубокие синие тени <...>» (Н. Н. Сапунов. Пг., 1916. С. 22).

[13] *Судейкин Сергей Юрьевич (Георгиевич)* (1882—1946) — живописец, график, художник театра. После революции эмигрировал во Францию, затем переехал в США, умер в Нью-Йорке. Друг Сапунова, с которым они работали над декорациями спектакля «Смерть Тентажиля» М. Метерлинка в постановке В. Э. Мейерхольда в Театре-студии на Поварской в 1905 г. Судейкиным были выполнены I, II и III акты, Сапуновым IV и V акты. Но К. С. Станиславский на генеральной репетиции понял, что неопытная артистическая молодежь не сможет осуществить замыслы Мейерхольда, и было решено отка-

заться от показа спектакля. Осенью 1905 г. Театр-студия был закрыт, и декорации Сапунова и Судейкина так и остались невостребованными. См.: *Алпатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. С. 19. Вместе они работали и над оформлением «Бродячей собаки». См. также характеристику их отношений в книге А. А. Мгеброва: «Другом Сапунова считался Судейкин, но дружба их была очень странная: из тридцати дней в месяц они ссорились и не разговаривали друг с другом приблизительно двадцать девять, и так постоянно.

Имена Судейкина и Сапунова тесно переплетались между собой, как самых изысканных театральных художников тех дней; обоих как будто связывало что-то общее, но в то же время они были глубоко различны.<...> И все же, как ни блестящ был Судейкин, он во многом уступал Сапунову, с которым у него вообще постоянно бывали какие-то счеты; он даже подчас ставил Сапунову на правах дружбы странные ультиматумы во имя глубоко развитого в нем тщеславия и чувства конкуренции, о чем Сапунов, обычно всегда сдержанный, иногда не без иронии отзывался в кругу своих друзей. Я должен сказать, что Сапунов вообще чрезвычайно осторожно и недоверчиво относился к Судейкину, особенно тогда, когда последний бывал с ним подчеркнуто ласков и предупредителен.

Сапунов был одним из немногих, по отношению к которому Судейкин не осмеливался проявлять свойственного ему „пшютовства". Судейкин часто чувствовал себя перед Сапуновым мальчишкой, хотя в Сапунове-то и жила постоянная настоящая, прелестная ребячливость, несмотря на всю скрытность, столь наивно напускаемую им на себя» (*Мгебров А. А.* Жизнь в театре. М.; Л., 1932. Т.2. С. 181—182; 184—185). См. о С. Ю. Судейкине также: *Коган Д.* Сергей Юрьевич Судейкин. 1884—1946. М., 1974; *Кузмин М.* Дневник 1905—1907 г.

[14] Брат Судейкина — *Судейкин Леонид Георгиевич*. См. послужной список их отца, Георгия Порфирьевича Судейкина, подполковника корпуса жандармов, в начале 1881 г. назначенного заведующим агентурой Петербургского охранного отделения и убитого в декабре 1883 г. народовольцами С. П. Дегаевым, Н. П. Стародворским и В. П. Канашевичем: «Женат первым браком на дочери полковника Корпуса жандармов Гусева, девице Вере Петровне; имеет детей: сыновей Леонида, родившегося 31 дек. 1876 г. и Сергея, родившегося 7 марта 1882 г. и дочь Софию, родившуюся 23 апреля 1879 г.». Леонид был определен в 1-й Московский кадетский корпус. В дальнейшем штаб-ротмистр в Москве (РГИА, ф. 789, оп. 13, № 157, л.14—14 об.). См. также прошение С. Ю. Судейкина в канцелярию Академии художеств: «Имею честь просить выдать мне бумаги для отбывания воинской повинности в Сумском гусарском полку, находящемся в Москве» (Там же, л. 37). По-видимому, там служил его брат, о чем и пишет Шапорина.

[15] *Борисова-Мусатова Елена Эльпидифоровна* — сестра художника Виктора Эльпидифоровича Борисова-Мусатова (1870—1905). Шапорина вспоминает о ней: «Вот милое существо! Я с ней познакомилась в Париже в 907 г. — она изучала прикладное искусство, вышивала у М-me. Мы ее звали Солнышко. Круглолицая, румяная, более жизнерадостная, чем ее изображал брат, В<иктор> <Эльпидифорович>. Вернувшись в Россию, она не могла найти применения своим знаниям, она пробовала работать по фарфору — глаза заболели, и она поступила на гл<авный> почтамт. В 10 году мы наняли вместе квартирку в 3 комн<аты> на Вас<ильевском> о<строве> и прожили там, пока я не переселилась в мастерскую на 18 л<инии>. Затем Е<лена> Э<льпидифоровна> уехала в Москву, работала в библиотеке, вышла замуж. По роду своей жизни и ближайшему окружению она очень далека от искусства» (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 1, № 25, л. 127 об.). О ее дальнейшей судьбе: «Ее жизнь сейчас, вернее, быт ее жизни — яркая иллюстрация советского трагического гротеска...» (РНБ, ф.1086, № 4, л. 32—33).

[16] *Кузмин Михаил Алексеевич* (1872—1936) — поэт, прозаик, критик, переводчик, композитор. В 1906 г. Кузмин писал музыку, а Сапунов декорации к пьесе А. А. Блока «Балаганчик» в постановке В. Э. Мейерхольда в Драматическом театре В. Ф. Коммиссаржевской. Другой их совместной работой были спектакли в сезон 1910—1911 гг. в Доме интермедий «Исправленный чудак» и «Голландка Лиза», для которых Сапунов писал декорации, и костюмы к последней из названных пьес (в соавторстве с А. А. Араповым). См.: *Алпатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. С. 24, 31. М. А. Кузмин вспоминал: «Особенно нас сблизила совместная работа по „Дому интермедии" (так! — *А. Н.*), постановка в Малом театре моей оперетки „Возвращение Одиссея" и мой порт-

рет, который так и остался незаконченным. Конечно, эти внешние обстоятельства не сами по себе были причиной сближения, но заставляли видеться почти ежедневно» (Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. С. 49—50).

[17] Этот портрет М. А. Кузмина (1911 г.) хранится в Минске, в Художественном музее Республики Беларусь. Интересно отметить, что искусствоведы расходятся во мнении о его законченности. Сам Кузмин о портрете писал как о незаконченном (см. прим. 16). В каталоге посмертной выставки числятся 2 незаконченных портрета и один эскиз к нему. См.: Сапунов Николай Николаевич. Выставка произведений. М., 1914. С. 4. В статье «На посмертной выставке Сапунова» Я. Тугендхольд писал: «И это стремление к grand art, к высокой декоративности, каким проникнуты его natures mortes, сказалось и на его портретах: г-жи Крыловой, А. И. Коммисаржевской и особенно М. Кузмина, но к сожалению, они остались незаконченными» (Н. Н. Сапунов. Пг., 1916. С. 23). В книге М. В. Алпатова и Е. А. Гунста читаем: «Незаконченными остались и два портрета другого поэта — М. А. Кузмина, с которым Сапунову неоднократно приходилось вместе работать для театра. <...>

Художник изобразил своего друга в итальянском костюме эпохи возрождения — в пестром одеянии с широкими рукавами, перехваченном поясом, и с тюрбаном на голове. В руках у поэта книга; большие глаза его мечтательны; все говорит о том, что он собирается читать вслух стихи. Кузмину было тогда тридцать семь лет, но на портрете он моложе. <...> Сапунов мало заботился о долговечности своих картин. Излюбленным его материалом была темпера; иногда он употреблял акварель, маслом же почти не писал. В тех случаях, когда под рукой не было нужного материала или когда ему казалось, что желанный эффект еще не достигнут, он дописывал, подправлял вещь чем придется. <...> Что касается портрета Кузмина, то Сапунов прекратил работу над этим холстом, когда на нем появились пятна, и стал переписывать портрет заново, но довести работу до конца ему помешала смерть» (*Алпатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. М., 1965. С. 38). Д. З. Коган не согласна с тем, что «за портретом закрепилась репутация незаконченного. По-видимому, — пишет она, — для подобного заблуждения давали основания некоторые особенности живописной системы: контур, кисть руки, держащей книгу, размыты, смазаны. Пристальное знакомство с живописью убеждает в том, что художник делал это сознательно. В разной степени прописывая части холста, детали, он добивался впечатления становления живописного образа, как бы фиксируя сам процесс его создания, вводя в образную структуру. Размытость кисти руки и некоторых частей композиции вызывала ощущение воздушности фигуры» (*Коган Д.* Николай Николаевич Сапунов. 1880—1912. М., 1998. С. 116).

[18] Ср., например, описание мастерской Н. Н. Сапунова М. А. Кузминым: «Я редко видел такой беспорядок, как в мастерской Н<иколая> Н<иколаевича>, и в Москве, где он жил вместе с Араповым в доме Перцова, обстановка была приблизительно такая же. Несмотря на то, что Сапунов покупал разные старинные вещи и даже мебель, они не меняли впечатления запущенности и неуютности <...>» (Н. Сапунов. Стихи, воспоминания, характеристики. С. 51). Ср. также у А. А. Мгеброва: «На набережной Васильевского острова, там, где всегда было много всяких кораблей, кажется, у 20-й линии, стоял маленький отель-особняк, не то голландского, не то норвежского стиля, там и жил постоянно Сапунов, занимая квадратную, не очень большую, но светлую комнату, из окон которой виднелись мачты и трубы кораблей. Почти никакой мебели в комнате у Сапунова не было; но по стенам и по красному, крашеному полу были развешаны и разбросаны полотнища его произведений» (*Мгебров А. А.* Жизнь в театре. М.; Л., 1932. Т. 2. С. 180). Здесь Мгебров называет другой дом — на набережной. Возможно, он ошибся, так как все адреса прописки Н. Н. Сапунова указаны в личном деле в Академии художеств и таковой там отсутствует. См., например: 1 февраля 1907 г. — Кронверкская ул., д. 6, кв. 8; 1907 г. — Суворовский участок, д. 60-б (?) (название ул. прочесть не удалось. — *А. Н.*); 17 января 1908 г. — меблированный дом «Александр», Екатерининский канал, д. 34; 28 октября 1908 г. — В. О., 5 линия д., 10; 18 декабря 1910 г. — В. О., 18 линия, д. 7 (РГИА, ф. 789, оп. 13, № 128, л. 22 об., 24 об., 35 об., 39 об., 58 об.).

[19] *Сабашникова Маргарита Васильевна* (1882—1973) — художница, поэтесса, первая жена М. А. Волошина. Мастерская до Сапунова принадлежала Сабашниковой. 30 июня (13 июля) 1909 г. она возвратилась из Германии в Петербург и наняла мастерскую на Васильевском острове (18 линия, дом 7). 10 августа 1910 г. Сабашникова отъезжает за гра-

ницу (см.: Летопись жизни и творчества Маргариты Васильевны Сабашниковой / Сост. В. П. Купченко // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 2000. № 3. С. 373, 374). Мастерская переходит к Сапунову 18 декабря 1910 г., после его возвращения из очередной поездки в Москву. Летом 1911 г. мастерская переходит уже к Л. В. Шапориной. См. в письме С. С. Познякова от 11 июня 1911 г. (датировано по конверту): «Побежал на 18 линию, но, к сожалению, слишком поздно. Сапунов уже переехал, в тот же день содрали старые обои и теперь клеят новые. Ужасно досадно, хотя, по моему мнению так красивее. Успокоил Рамазана (?) насчет денег. Впрочем, он нисколько и не беспокоился. А вот насчет пресса он говорит, что нужно его смазать маслом. Я не знаю, можно ли это делать? Напишите по этому поводу Вашу резолюцию. Сапунов бедный еле ходит, с ногами у него действительно что-то нехорошее. Казеину же велел класть не больше 2-х столовых ложек на стакан воды, хорошенько размешать и потом прибавить одну столовую ложку нашатырного спирта <...>. Я совсем забыл передать вам, что Н<иколай> Н<иколаевич> просил очень-очень низко кланяться. Только из особого к Вам уважения он не продал пресса, столько времени мозолившего ему глаза. Вы это должны очень ценить» (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 68, л. 18—19).

[20] *Гоген Поль Эжен Анри* (1848—1903) — французский живописец.

[21] *Лейнер* — ресторан товарищества «О. Лейнер», где в 1890-е — 1900-е гг. любили собираться представители свободных профессий, артисты, художники, литераторы (Невский пр., д.18).

[22] Ср., например, как об одном эпизоде, который вполне мог скомпрометировать даму, вспоминал А. А. Мгебров: «Жена одного известного артиста как-то рассказала мне о том, что проделал с ней Сапунов. Он был влюблен в эту даму (она же была самой обыкновенной женщиной, с большой оглядкой на то, что могут о ней сказать в обществе). И вот однажды Сапунов молил ее пустить его к ней в дом в несколько поздний час; та, разумеется, несмотря на большую симпатию к нему, очень мило, но твердо отказала. Тогда Сапунов остался стоять на коленях на холодной каменной лестнице перед дверями ее квартиры, и так простоял всю ночь, утром она с ужасом увидела художника на коленях у своей двери, с исступленно-блуждающим взором, продрогнувшего и прозябшего. Подобные происшествия, а их было немало, вполне в духе Сапунова. Все это, разумеется, очень ярко свидетельствовало о его ребячливости, которая и делала его для всех таким привлекательным, вызывая к нему, несмотря на всякие его странности, теплое и человеческое отношение» (*Мгебров А. А.* Жизнь в театре. Т. 2. С. 185).

[23] *Толстой Алексей Николаевич* (1883—1945) — писатель. С Толстым Л. В. Шапорина познакомилась у Е. С. Кругликовой (1865—1941), художника-гравера, в 1908 г., когда училась в академии «La Palette». См.: *Носова А. Г.* Л. В. Шапорина и ее фонд в Рукописном отделе. С. 103, 129. В дальнейшем, после 1915 г., А. Н. Толстой и его жена в ту пору, Наталья Васильевна Толстая (урожд. Крандиевская) (1887—1963) — поэтесса, дружили с Шапориными. Толстого и Ю. А. Шапорина, впоследствии известного композитора, мужа Любови Васильевны, связывали тесные творческие узы. В своих дневниках Шапорина много писала о Толстых.

[24] Л. В. Шапорина каждое лето отдыхала в имении матери Ларино, откуда выезжала и в Станицу, имение своей сестры Елены Федоровны Дейша.

[25] *Вася* — Дейша Василий Александрович, племянник, сын сестры Шапориной Е. Ф. Дейша.

[26] *Смирнов Александр Александрович* (1883—1962) — поэт, впоследствии литературовед-медиевист и переводчик. С ним Л. В. Шапорина также познакомилась в Париже в 1907 или 1908 г. По ее словам, тогда все ждали, что он будет вторым А. Н. Веселовским (РНБ, ф. 1086, № 13, л. 48 об.). А. А. Смирнов в 1907 г. окончил романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, в 1908 г. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В эти годы он был на стажировке в Париже. Там же в Париже, в академии «La Palette», Л. В. Шапорина познакомилась и с Ольгой Георгиевной Чеховской (1888—1969), художницей, на которой в 1923 г., после смерти первой жены (в браке с 1911 г.), Елизаветы Петровны Магденко (1883—1922), женился А. А. Смирнов. (Даты рождения и смерти Е. П. Магденко и даты вступления в брак даны на основании документов из личного дела А. А. Смирнова — (Петербургский филиал Архива Российской Академии наук, ф. 150, оп. 2, № 760, л. 5, 18,

25 об.). А в то время, в 1908 г., когда Шапорина покидала Париж, О. Г. Чеховская собиралась замуж за К. Е. Костенко (1879—1956), художника-графика, искусствоведа (РНБ, ф. 1086, № 28, л. 61—62). О Смирнове (Шурочке) неоднократно упоминает в письмах к Л. В. Шапориной С. С. Позняков (см. прим. 4) (РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 68, л. 2, 5 об., 11 об., 25 об.). В архиве Шапориной имеются также 3 письма А. А. Смирнова к ней (Там же, № 76). Очень интересно письмо от 22 ноября 1913 г., в котором он представляет текст юбилейного адреса, составленного им для 40-летнего юбилея Б. Пронина на латыни и перевод его на русский язык: «Милая Любовь Васильевна, мне не удалось найти точных текстов старых дипломов (времени не было), но я сам сочинил текст, который предложил бы Вам, если Вы одобрите, написать. В переводе будет так:

Во имя Господа Иисуса Христа, в год по воплощ<ении> Его 1914, в день воскресенья, ноября 24, мы все, твои друзья, почитатели и сотрапезники, мастера в различных искусствах: живоп<иси>, скульп<туре>, музыке, театрал<ьном> иск<усстве>, танцев, философии, филологии, а также питья и любви, воспламененные любовью к искусствам и наукам, так постановили:

Тебе, славный Господин и доблестный маэстро Б<орис> Пр<онин>, за твои бесчисленные труды, особенно за те, кот<орые> касаются устройства Дома Брод<ячей> Соб<аки>, милого нам всем, тебе, Господин, увенчанному лавром восьми пятилетий, ради твоего труда и почета, мы подносим степень доктора эстетики.

Да будет тебе вечная юность, пусть старость и седина никогда тебя не коснется, да будет тебе долгая и счастл<ивая> жизнь, да будет твоя любезная Собака всегда здорова и весела.

Живи, расти, процветай.

Буквы придумайте сами. Особенно руководиться старым шрифтом не стоит, — лишь бы было красиво. Хорошо, если бы печать висела отдельно (нарисован лист с висячей печатью. — *А. Н.*). Вот латинский текст:

In nomine Domini nostri Jesu Xri, anno incarnationis ejusdem millesimo DCCCCXIII (так! — *А. Н.*), sub die dominica novembris XXIIII, nos, amici, admiratores et sodolicii tui, artium variarum, picturae, sculpturae, musicae, mimicae, ballandi, philosophiae, philologiae necnon bibendi, necnon artis amatoriae magistri et professores, artium scientiarumque amore inflammati, sec decrevimus:

Tibi, Domine illustris, magisterque egregie, Boris Proninie, pro laboribus tuis innumerabilibus, praecipue quae ad constituendam Domum Canis Errantis, nobis omnibus carissimae, pertinent, tibi, Domine, VIII lustrorum lauro coronato, laboris et honoris causa, grudum doctoris aestheticae conferimus.

Sit tibi iuventus aeterna, nec te senectus nec canities unquam tangat, sit tibi vita longa et felix, sit tuus Canis amabilis semper validus et jucundus. Vivas, crescas, floreas.

Я предложил бы такие буквы: <...> (12 строчек текста пишет средневековым шрифтом. — *А. Н.*) и т. д. Понимаете? i и j пишутся одинаково <...> (далее поясняет написание букв. — *А. Н.*). Это — почерк XIII в<ека>. Ну, вот, а если хотите, то сделайте по своей фантазии, красивые.

С приветом Ваш Шурочка» (латинский текст адреса дается в соответствии с оригиналом. — *А. Н.*).

Юбилей праздновался в «Бродячей собаке» 24 ноября 1913 г., «где почетный диплом юбиляру был вручен художницей Яковлевой», т. е. Л. В. Шапориной. См.: *Парнис А. Е., Тименчик Р. Д.* Программы «Бродячей собаки». С. 216. Авторы статьи отмечают также, что «в документах Пронина как дата его рождения фигурирует 1875 г., но, по-видимому, он в данном случае пошел на мистификацию» (Там же. С. 216). В дальнейшем А. А. Смирнов и Л. В. Шапорина были связаны переводческой работой (РНБ, ф. 1086, № 13, л. 2; РО ИРЛИ, ф. 698, оп. 2, № 76, л. 6).

[27] *Феофилактов Николай Петрович* (1878—1941) — живописец, график, постоянный сотрудник «Весов», оформитель ряда изданий произведений М. А. Кузмина; ему посвящен стихотворный цикл М. Кузмина «Александрийские песни». Участвовал в выставках художественных объединений «Голубая роза» и «Мир искусства». См. о нем: *Кузмин М.* Дневник 1905—1907 г.

[28] Сестра Судейкина — *София Георгиевна* (см. прим. 14). Здесь не совсем ясно, где это происходило, и в каком году, так как участники событий часто бывали то в Москве, то

в Петербурге. По справочникам «Весь Петербург» и «Вся Москва» Ушков переулок не значится. Не числится он и в справочниках: *Елохина Т. И.* Улицы Ленинграда. Л., 1989; *Климачева А. К., Суринова М. Н.* Улицы Москвы. М., 1984. Скорее всего, речь идет о Петербурге (к тому же нам доподлинно неизвестно, бывала ли София Георгиевна в Москве одновременно с братом). В дневнике за декабрь 1906 г. М. А. Кузмин записывает: «Я сгоряча не заметил приписок в письме от Глебовой и от сестры Судейкина с зятем, где они меня приветствуют и зовут к себе» (*Кузмин М.* Дневник 1905—1907. С. 292). Исследовательница жизни и творчества О. А. Глебовой-Судейкиной (1885—1945), актрисы, художницы, танцовщицы, жены художника с 1907 по 1915 гг., Элиан Мок-Бикер в своей книге пишет, что в 1921—1923 гг. Ольга вместе с Анной Ахматовой жила в большой квартире на Фонтанке, д.18: «Немного обветшалая, эта квартира еще хранила следы роскоши предыдущей эпохи. Особую атмосферу в ней создавали ампирная мебель и картины Сергея Судейкина. <...> Здесь еще в 1910-х гг. была семейная квартира Судейкиных» (*Мок-Бикер Элиан.* «Коломбина десятых годов...». Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993. С. 59, 189). См. также адрес в письме С. Ю. Судейкина к М. А. Кузмину от 11 августа 1909 г.: Вас. остр., 3-я линия, д. 20, кв. 13 (РНБ, ф. 124 (Собр. П. Л. Вакселя), № 4201, л. 1) и в письме С. Г. Судейкина к Е. А. <Зноско-Боровскому> от 4 марта 1910 г.: «До первого числа мой адрес (и Глебовой-Судейкиной. — *А. Н.*) Разъезжая 16/18, к. 58, после Вас. остр., 3-я линия д. 20, кв.13» (РНБ, ф. 124 (Собр. П. Л. Вакселя), № 4199, л. 1, 3). В феврале—марте и в августе 1911 г. Судейкин был прописан на Невском пр., д. 15, кв. 30 (РГИА, ф. 789, оп.13, № 157, л. 26 об., 41об.). Недалеко от 3-ей линии есть Тучков пер.: может быть, Шапорина сделала описку? Но в тексте — четко два раза — Ушков пер. В Москве же были три Ушаковских переулка и Юшков переулок.

[29] *Мамонтов Савва Иванович* (1841—1918) — предприниматель, меценат, мануфактур-советник. «Как познакомился Сапунов с Мамонтовым и вошел в его дом-мастерскую на Бутырках „Керамический завод С. И. Мамонтова“? — пишет в своей книге Д. Коган. — Об этом едва ли есть смысл гадать. Мамонтов всю жизнь тянулся к талантливой художественной молодежи и теперь, в достаточно пожилом возрасте, не утратил живого интереса к ней. Прибыв из Петербурга в Москву, Сапунов обосновался в доме при заводе Саввы Ивановича <...>. Здесь, в доме Мамонтова, укреплялись отношения Сапунова с его сверстниками и единомышленниками: С. Ю. Судейкиным, П. В. Кузнецовым, с другими художниками, на которых обратил внимание выдающийся деятель искусства и меценат» (*Коган Д.* Николай Николаевич Сапунов. С. 32). Речь идет о 1905 г. См.: РГИА, ф. 789, оп. 13, л. 5, 19, 20 об.—23.

[30] Почти все авторы вышеуказанных воспоминаний также отмечают суеверность Н. Н. Сапунова, обращение его ко всякого рода гадалкам и то, что ими ему была предсказана смерть от воды.

[31] *Сергей Александрович,* вел. кн. (1857—1905) — пятый сын императора Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, член Государственного Совета, командир лейб-гвардии Преображенского полка (1887—1891), московский генерал-губернатор (1891—1905), командующий войсками Московкого военного округа (1896—1905). Убит эсером И. П. Каляевым в Кремле. См.: *Авчинников А. Г.* Великий князь Сергей Александрович. Екатеринослав, 1915. О том, что Сергей Александрович сам отказался от должности генерал-губернатора, писали в информационном листке от 10 марта 1905 г.: «Кому же неизвестно, что злодейски убиенный 4-го февраля Великий Князь сам отказался от поста Московского генерал-губернатора именно потому, что не желал продолжать свою политическую деятельность. Великий Князь пожелал сохранить за собою только военное звание, которое само по себе уже устраняет от всякого вмешательства в политические дела» (За что его убили? Незабвенной памяти Великого Князя Сергея Александровича. М., 1905).

[32] Кто был этот гадатель, пока нам установить не удалось. Вероятно, это легенда: Сергей Александрович был с детства очень религиозен, и вряд ли он обращался к гадателям. Но, возможно, таковой факт и имел место в его жизни. В одном из информационных листков, выпущенном после смерти Сергея Александровича (от 22 февраля), В. Москевичем сообщалось: «В № 39-м газеты „Русский листок“ рассказан факт, относящийся к последним дням дорогой для России жизни Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича: „На днях одним из Киевских священников, протоиереем

Ф. было получено письмо из канцелярии Великого Князя Сергея Александровича, в котором от лица Великого Князя передается просьба прислать, по возможности, скорее освященный крестик св. Варвары Великомученицы. Как известно, по русским народным верованиям св. Варвара является заступницей человека от „напрасная погибели", т. е. от случайной смерти. Крестик, по словам Киевской газеты был освящен и выслан по адресу, но дошел ли он по назначению — неизвестно, так как он был послан за два-три дня до смерти Великого Князя"<...>. Вот лучшее и лишнее доказательство той ошибки, в которую впадают люди, скептически относящиеся ко всему тому, что не поддается прямому истолкованию их разума<...>. За несколько дней до ужасной кончины этого неслыханного, безвинного мученика — Великого Князя, — Его постигло тяжелое, давящее, омрачающее душу предчувствие чего-то неведомого, неиспытанного доселе, но непременно ужасного... (Не вспомнилось ли ему предсказание, если все-таки оно было? — *А. Н.*). И вот этот Великий Царственный Муж, всегда верующий, всегда взирающий к Господу, переживая тяжелое, смутное предчувствие чего-то недоброго, — быть может, даже приближение кончины дней своих, — не старается бороться с роком, т. е. не принимает мер предосторожности, находящегося в средствах человека, и, помышляя лишь о Боге и несокрушимой воле Его, остается верным и безропотным по отношению к святым назначениям Его, а лишь обращается к пастырю церкви с просьбою освятить и выслать Ему крестик святой Варвары Великомученицы, которая по народным верованиям является заступницей человека от „напрасная погибели", т. е. случайной смерти <...>» (Роковое предчувствие Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича перед кончиной. М., 1905). В другом посмертном издании писали: «Бывшей у места катастрофы публике полиция передала просьбу Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны подобрать останки Его Высочества, а также бывшие при нем вещи, особенно Великая Княгиня просила отыскать крест. Публика нашла три кольца, между прочим, из них одно серебряное с синей эмалью, с надписью: „Св. Великомученица Варвара", затем часть цепочки, все вещи доставлены во дворец» (Страшное злодеяние. Убийство в стенах Кремля Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича. М., 1905. С. 11).

[33] *Толстой Алексей Николаевич* и жена его в ту пору — *Софья Исааковна Толстая* (урожд. Дымшиц) (1889—1963), художница. С ней Шапорина также познакомилась в 1908 г. в Париже. Она занималась в мастерской Е. С. Кругликовой.

[34] *Миллер Сергей Владимирович* — спутник поэта во время его поездки в Москву. «О глубоком кризисе и тяжелом безденежье Кузмина во время пребывания в Москве с Миллером свидетельствует письмо поэта к Е. А. Зноско-Боровскому от 26 декабря 1911г.», — отмечает в своей публикации А. Г. Тимофеев. См.: *Кузмин М.* Стихотворения. Пьеса. Переписка / Публ. А. Г. Тимофеева // Еежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 57.

[35] Речь идет об эскизах для театральной сказки К. Гоцци «Принцесса Турандот». Н. Н. Сапунов для этой постановки не делал отдельных декораций для каждого действия, написал только задний занавес, а место действия определялось переносными ширмами. Костюмы были необыкновенно красочными и по несколько вариантов, чтобы потом выбрать наиболее выразительный. Но, к сожалению, Сапунов своей работы так и не увидел. Премьера спектакля состоялась в театре К. Н. Незлобина в Москве осенью 1912 г., уже через три месяца после его гибели. Декорации по его эскизам выполнил его друг и ближайший товарищ по работе А. А. Арапов. См.: *Алпатов М. В., Гунст Е. А.* Николай Николаевич Сапунов. С. 42—43.

[36] *Муратов Павел Павлович* (1881—1950) — писатель. Речь идет об изд.: *Муратов П. П.* Образы Италии. М., 1911. Т. 1. Венеция. Путь к Флоренции. — Флоренция. Города Тосканы; 1911. Т. 2. Рим. — Неаполь и Сицилия. 1912. Полн. изд.: Т. 1—3. Берлин, 1924. Т. 1—3.

[37] По-видимому, речь идет о незаконченном натюрморте. О нем писал Я. Тугендхольд: «Есть еще одна, самая крупная по размеру и оставшаяся незаконченной nature morte Сапунова, — в ней сказалась уже та эволюция, которая произошла в его последних работах <...>: тут нагромождение самых разнообразных вещей — и чайный ящичек, и игрушка-щелкунчик, и прежние вазы и цветы: тут какой-то бытовой хаос вещей, сме-

нивший собой царственную строгость прежних natures mortes» (Н. Н. Сапунов. Пг., 1916. С. 23).

[38] По-видимому, речь идет о *Сизове Петре Викторовиче* (1871—?), художнике. Приведем кратко биографические сведения о нем, которые нашли только в фонде Академии художеств. Родился в г. Козлове в купеческой семье. Отец — Виктор Степанович Сизов, мать — Елизавета Дмитриевна. После окончания в 1888 г. коммерческого отделения Саратовского реального училища в 1893 г. поступает в МУЖВЗ, оканчивает его и учится в Академии художеств с 1903 по 1909 г. В 1904—1906 гг. получал стипендию им. Венецианова (РГИА, ф. 789, оп. 12, № И-25, л. 1—49). В МУЖВЗ и Академии художеств Сизов и Сапунов учились вместе, в Академии художеств — в одной пейзажной мастерской у одного и того же руководителя: проф. А. А. Киселева. В дальнейшем П. В. Сизов, по-видимому, преподавал рисование в средних учебных заведениях и работал театральным декоратором. См. его прошение о выдаче свидетельства на право преподавания рисования в средних учебных заведениях от 27 ноября 1909 г. и полученное им 15 декабря 1909 г. (РГИА, ф. 789, оп. 12, № И-25, л. 48—49). См. также его письмо к М. В. Добужинскому от 12 декабря 1912 г.: «Милостивый государь Мстислав Валерьянович! Позвольте предложить Вам услуги по написанию декораций. Я много лет работал у Н. Н. Сапунова, а последние $5^{1}/_{2}$ мес<яцев> у кн. А. К. Шервашидзе, где имел честь с Вами немного познакомиться» (РО ГРМ, ф. 115, № 286, л. 1).

ПИСЬМА В. В. БУША К ВАС. В. ГИППИУСУ

Публикация М. Д. Эльзона

В столетней истории Пушкинского Дома Владимир Владимирович Буш (1888—1934) — одна из самых трагических фигур. Уроженец Петербурга, внук крупного домовладельца, В. В. Буш принадлежал к роду обрусевших немцев и первоначальное образование получил в Аннешуле.[1] В 1910 г. он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, где под руководством И. А. Шляпкина занимался изучением древнерусской литературы и «между делом» посещал легендарный Пушкинский семинарий С. А. Венгерова. Это и содействовало его знакомству с поэтом и филологом Василием Васильевичем Гиппиусом (1890—1942) — младшим братом Владимира (Вольдемара) Гиппиуса (он же Вл. Бестужев, Вл. Нелединский; 1876—1941) и троюродным братом жены Д. С. Мережковского.[2] Пять лет проработав словесником в Митавском реальном училище и в Юрьевской гимназии, В. В. Буш в 1915 г. сдал магистерский экзамен в Петроградском университете и летом 1916 г. был зачислен в приват-доценты альма-матер, параллельно преподавая в средних учебных заведениях (в том числе в 12-й мужской гимназии, где снова встретился с адресатом) и на Городских курсах увечных воинов для подготовки народных учителей.[3] В 1917 г. по приглашению С. А. Венгерова В. В. Буш стал сотрудником Книжной палаты и вписал свое имя в историю русской библиографии.[4] Правда, в том же году он оказался в «Крестах»: Октябрьский переворот сотрудники Палаты приветствовали... всеобщей забастовкой, но единственным арестованным саботажником стал (по доносу Ивана Васильевича Егорова[5]) «немецкий шпи-

---

[1] Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф. 117, № 1, л. 1 («Табель успеваемости Woldemar Busch»). Далее: РНБ.

[2] О Вас. В. Гиппиусе см. статьи А. В. Белинкова (Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. Стб. 187) и Р. Д. Тименчика (Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 564—565). См. также сборник статей В. В. Гиппиуса «От Пушкина до Блока» (М.; Л., 1966), давно уже настоятельно требующий исправленного и дополненного переиздания.

[3] Сведения заимствованы из официальной справки Федеральной службы безопасности по запросу Союза писателей Санкт-Петербурга (см.: Распятые. СПб., 2000. Вып. 5. С. 48).

[4] Энциклопедическую справку о нем см. в кн.: *Михеева Г. В.* История русской библиографии: 1917—1921. СПб., 1992. С. 356—357.

[5] Подробнее о нем см.: *Михеева Г. В.* Полтора месяца из жизни Палаты // Solanus: New ser. 1992. Vol. 6. P. 70—89.

© М. Д. Эльзон, 2005

он», с марта 1917 г. член партии Народной свободы (кадет) В. В. Буш. После трехнедельной отсидки (в декабре 1917 г.) он был освобожден по прошению директора Книжной палаты С. А. Венгерова и ученого секретаря А. Г. Фомина.

В 1918 г. В. В. Буш был избран штатным приват-доцентом II Государственного университета (ранее — Психоневрологический институт).[6] В сентябре 1919 г. В. В. Буш снова оказался в камере — на этот раз, как бывший кадет (вышел из партии в 1918 г.). Мольба о помощи В. Н. Буш к А. Г. Фомину — ходатайствовать за мужа перед М. Горьким[7] — возымела действие: в декабре 1919 г. он был освобожден.[8] Осенью следующего года И. В. Егоров проявил необычайное рвение, добиваясь предоставления В. В. Бушу работы в Саратовском университете.[9] В. В. Буш предпочел поехать не к немцам Поволжья, а в «хлебный город Ташкент» (напоминаю повесть А. С. Неверова). В 1920—1931 гг. он последовательно был профессором Ташкентского (1920—1922), затем, после пребывания в Петрограде, — Саратовского (1925—1931) университетов. В это десятилетие он сознательно переключился с древнерусской на народническую литературу, писал о Н. Е. Каронине-Петропавловском, А. И. Эртеле, главным образом — о Глебе Успенском. По высказыванию хорошо знавшего его Ю. Г. Оксмана, «Б. впервые исследовал неизвестные архивные материалы. Итоговой работой явилась кн. Б. „Очерки литературного народничества 70—80-х гг." (1931). Б. изучал также деятельность писателей-самоучек из нар. среды».[10] Особый интерес к Глебу Успенскому потребовал от В. В. Буша возвращения в родной город, а возможность получения должности ученого секретаря Института новой литературы (бывшее наименование ИРЛИ) — вероятно, вступления в ВКП(б). И В. В. Буш совершил непоправимое: в мае 1930 г., еще в Саратове, он стал кандидатом в члены партии, через два года — полноправным членом. 11 октября 1933 г. ученый секретарь ИНЛИ был исключен решением комиссии по «чистке» из рядов ВКП(б) «как активный член кадетской партии в 1917—1918 гг., участвовавший в организации саботажа против Советской власти».[11] 21 декабря постановлением Пленума областной комиссии по чистке решение районной (Василеостровской) комиссии было подтверждено.[12] При повторном рассмотрении (по жалобе В. В. Буша) постановлением Облкомиссии от 25 марта 1934 г. решение было отменено и В. В. Буша восстановили в правах и обязанностях члена Коммунистической партии. Правда, заседание проходило без его участия (повестку вручили жене, поскольку адресат почти три месяца находился в состоянии паралича).[13] «Бедняга Буш! — писал жене из саратовской ссылки Разумник Васильевич Иванов, более известный под палиндромом Иванов-Разумник. — Стоило ли так лакействовать, чтобы кончить ударом!» (апоплексическим. — *М. Э.*).[14] Бескомпромиссность суждения очевидна, но все же более точна запись на конверте с документами: «Клевета и мерзости во время чистки и послужило (так! — *М. Э.*) смертью 14/V 1934 г.».[15]

---

[6] Распятые. С. 48.

[7] РО ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 83, л. 3—4.

[8] Распятые. С. 49.

[9] РНБ, ф. 117, № 267 (письмо сотруднику Наркомпроса А. П. Пинкевичу от 19 сентября 1920 г.).

[10] *Оксман Ю. Г.* Буш Владимир Владимирович // Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. Стб. 792.

[11] РНБ, ф. 117, № 6, л. 16.

[12] Там же.

[13] Там же, л. 15 (почтовая открытка со штемпелем: «18. 3. 34»).

[14] «Дорогая моя и любимая Варя...» / Публ. В. Г. Белоуса // Минувшее. СПб., 1998. Т. 23. С. 428.

[15] Распятые. С. 50 (чтение в сборнике «Распятые» данной заметки неточно; ср. оригинал — записи вдовы, В. Н. Буш, и дочери, Т. В. Буш, 1935 г.: РНБ, ф. 117, № 6, л. 17).

Судьба переписки В. В. Буша с В. В. Гиппиусом сложилась столь же драматически. В фонде В. В. Гиппиуса (РО ИРЛИ, ф. 47, оп. 3, № 10) находятся 29 писем В. В. Буша к нему, охватывающие ровно 17 лет жизни обоих — с 17 января 1915 г. до 30 января 1932 г. включительно. Они полностью воспроизведены в настоящей публикации. Трудно сказать, отыщутся ли ответные письма В. В. Гиппиуса к В. В. Бушу за то же время. Во всяком случае на сегодняшний день в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки ни в каталоге, ни в описи личного фонда В. В. Буша (ф. 117) они не отражены.

1

17(30) января 1915 г. Петроград

17 янв<аря> <19>14 г.[1]
Петроград.

Многоуважаемый и дорогой
Василий Васильевич!

Большое спасибо за память обо мне: оттиск Вашей статьи я получил. Статью же читал еще раньше в «Русской мысли».[2]

Как Вы поживаете? О Вашем отъезде узнал еще летом от педагогов 12-ой гимназии. Меня война застала на даче по Приморской жел<езной> дор<оге> в тот момент, когда — после летнего отдыха — я снова собирался погрузиться в книги для сдачи в сентябре последних экзаменов. Но впечатление от объявления войны было настолько сильное, потрясающее, что засесть за книгу я не мог... В душе клокотало и бурлило... и если бы, да, если бы не многое такое этакое... знаете, вроде «научного позитивизма» в Вашем презрительном смысле — я окончательно забросил бы книгу и одел бы серую шинель. Но... — Бог ли судил иначе, судьба ль, «научный ли позитивизм» — кто его знает, — но я пересилил себя: переехал в город, снова засел за книги и довел мои экзамены до благополучного конца — не в сентябре, как предполагал раньше, а в декабре. Последний экзамен, как первый, сдавал с Жирмунским.[3] Очень завидовал ему, когда узнал, что он отправляется на театр военных действий.

Из близких родственников у меня на войне брат. Был ранен. Поправился. Снова послан на австрийский фронт. Кроме того — трое дядюшек.[4]

Теперь мое тяжелое настроение улеглось. Война входит в жизнь как составная ее часть, как бытовое явление. Я говорю про войну, как мы наблюдаем ее здесь, в Петрограде...

Жму Вашу руку.

Влад. Буш.

P. S. Черкните в свободную минутку: Петроград, Большая Подъяческая, д. 9, кв. 14. Вл<адимиру> Вл<адимировичу> Б<уш>у.

[1] Ошибочная годовая цифра зачеркнута карандашом; написано «15».

[2] См.: *Гиппиус В. В.* Узкий путь: Кн<язь> В. Ф. Одоевский и романтизм. Пг., 1915; то же // Русская мысль. 1914. № 12. С. 1—26 (2-я пагинация).

[3] *Жирмунский Виктор Максимович* (1891—1971) — филолог, академик. Окончил Петербургский университет в 1912 г., два года спустя после В. В. Буша. С 1915 г. также был приват-доцентом, чему предшествовала сдача магистерских экзаменов. В архиве В. В. Буша имеется записка его учителя, И. А. Шляпкина, с темой клаузурного сочинения «Взгляды В. Ф. Миллера на русскую народную эпику», датированная 15 декабря 1914 г. (РНБ, ф. 117, № 2).

[4] Сведения о брате и дядьях в архиве В. В. Буша отсутствуют.

2

18(31) марта 1915 г. Петроград

18 марта <19>15 г.
Петроград.

Дорогой Василий Васильевич!

Конечно, я бесконечно виноват перед Вами за мое молчание. Сейчас вынул из ящика Ваше последнее письмо. Дата — 18/II. Сегодня 17/III. Конечно, я — свинья, что и говорить. (Пишу, потому что действительно сей поэтический образ промелькнул в моей голове.) Но как случилось, что 18/II превратилось в 17/III — правда, не знаю. Время летит так быстро! Работы так бесконечно много! А в сутках всего-навсего 24 часа!

Я уже писал Вам о моих работах за полугодие. Просматривал «Лекции» Шляпкина; это — во-первых.[1]

Во-вторых, работал; теперь заканчиваю работу над «Житием Петра Велик<ого>» в переводе Стеф<ана> Писарева.[2] Это — перевод с итальянского. Кое-что, кажется, удалось установить. Самое главное — несколько биографических данных для Ст<ефана> Писарева. Затем доказать, что перевод Писарева — <не> только перевод, но и переделка итальянского оригинала.

В-третьих, рукописная редакция отличается и от итальянск<ого> ориг<инала>, и от печатного русск<ого> издания. В-четвертых. Язык печатного издания (1772 г.) носит следы прогресса сравнительно с языком рукописей (1743 г.).

По этому поводу собираюсь начирикать статейку. Задержка — за некоторыми деталями, которые требуют еще справок. Впрочем, в статье будут, конечно, недочеты крупные — виноват итальянский язык (для меня малопонятный) и отрывочность работы (26 уроков!!). Во всяком случае в основе статьи будет лежать рукописный материал (16 рукоп<исей> Публ<ичной> библ<иотеки>, 6 рук<описей> Ак<адемии> Н<аук> и 2 рук<описи> из частн<ого? ых?> собр<ания? аний?>.[3]

Летом рассчитываю серьезно приступить к диссертации, сиречь к Трифону Коробейникову.[4]

По поводу Вашего <письма> хочу заметить, что Вы меня, кажется, не поняли: я никогда не думал и не утверждал, что эрудиция и широкий полет талантливой мысли несовместимы для историка новой литературы. Наоборот, конечно, я уверен, что только то и другое и могут произвести нечто ценное. Я только писал Вам, что фактически эти два элемента редко встречаются в гармоничном соединении у историков новой и новейшей литературы.

Если займетесь XVIII веком — найдете, думаю, полное удовлетворение... Им мало занимались; серьезные подготовительные работы появляются лишь за последнее время (Семенников).[5]

В Реформатском училище скучно и нудно.[6] Подумываю, как бы уйти и оттуда. О настроениях в этом направлении — как-нибудь после. Как приготовишка радуюсь, что эта нудь прекращается 15 апреля (Трифону Коробейникову — раздолье).

О военных событиях не решаюсь писать Вам, как человеку, ближе стоящему к делу... Третьего дня провожал снова брата на позиции (был вторично ранен, в руку).

Пишите!

Всего-всего хорошего. Пишите побольше о военных Ваших впечатлениях (сколько можно!).

Влад. Буш.

Больш<ая> Подъяческая, 9, кв. 14.

Вера Николаевна[7] шлет Вам сердечный привет.

[1] Подразумевается редактирование студенческих записей для издания. См.: *Шляпкин И. А.* Лекции по истории русской литературы. Изд. 3-е, напечат. под наблюдением В. В. Буша. Пг., 1915. Ч. 1, вып. 1—2. Хронологические рамки — от возникновения письменности до XVI в. включительно.

[2] Автором «Жития» был итальянский аббат Антонио Катифоро (1685—1763). По распоряжению Елизаветы Петровны Стефан (Степан) Иванович Писарев (1708—после 1775) перевел эту книгу, существенно дополнив ее историческими документами. С 1743 по 1772 г. рукопись оставалась неизданной (изд. 2-е — 1788).

[3] См.: *Буш В. В.* «Житие Петра Великого» Стефана Писарева. Пг., 1915 (первоначально: Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 10, отд. II. С. 262—291).

[4] В. В. Буш имеет в виду литературный памятник XVI в. — описание путешествия купца (или подъячего) Трифона Коробейникова в составе посольств Московского правительства в Царьград, на Афон и в Иерусалим. Замысел диссертации не осуществился. См. статью: *Буш В. В.* К вопросу о «Хождении Трифона Коробейникова» // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1928. Т. 101, № 3. С. 154—156.

[5] *Семенников Владимир Петрович* (1885—1936) — историк русской литературы и книги, библиограф. Его книги и основные журнальные публикации исчерпывающе представлены в кн.: История русской литературы XVIII в. Библиогр. указ. / Сост. В. П. Степанов и Ю. В. Стенник; Под ред., с доп. и предисл. П. Н. Беркова. Л., 1968 (по указ. имен).

[6] Точнее — Училище при реформатских церквах.

[7] Жена В. В. Буша.

3

3 (16) мая 1915 г. Петроград

3 мая 1915.
Петроград.

Дорогой Василий Васильевич!

Третье мая... На небе тучки, скрывающие на минуту яркое майское солнце... Но в общем — лето; тепло, даже жарко. И старый Петербург в новой одежде Петрограда встречает этот май совершенно так же, как раньше. Я пишу про «улицу»... Сегодня — открытие Павловского вокзала,[1] заканчивают «сезоны» зимние театры, открывают двери летние, на Островах — все та же вереница блестящих экипажей и моторов.[2] И петроградцы, совсем как петербуржцы, укладывают скарб и готовятся изображать отдыхающих дачников и «дачных мужей».[3] К последним принадлежу и я. В ближайшие дни переезжаю на лоно природы. Впрочем, отдыхать особенно не собираюсь. Буду работать. Подошел, кажется, вплотную к моей... диссертации. (Почему-то (зачеркнуто далее: это слово. — *М. Э.*) всегда спотыкаюсь на этом слове.)

За это полугодие написал статью о Стефане Писареве — переводчике Елисаветинск<их> времен. Впрочем, это Вам уже известно. Новое обстоятельство: статью сию я пристроил в «Журнале Министерства народного просвещения». Само собой разумеется — полежит еще.[4]

Работая над Писаревым, нашел кое-какие вирши XVIII в.; послал А. А. Шахматову для «Сборника» Ак<адемии> н<аук>.[5] Ответа пока не имею. Може — напечатать, а може (так! — *М. Э.*) — и нет.[6] Плакать не буду ни в том, ни в другом случае. В настоящее время имею пачку рукописей XVIII в., найденную неким В. Е. Зинголем в Вологодской губ<ернии>. Большой ценности они не представляют, но кое-что написать можно...[7] Приобрел книгу 1746 г. — Житие св. Николая Чудотворца. В книгу вклеено страниц 30 рукописных молитв Св. Николая; писано уставом XVIII в.[8] Кроме того, купил на толкучке указ Екатеринск<их> времен (пергамент) с собственноручной подписью Екатерины, и одну польскую рукопись нач<ала> XIX в. — рецепт, как сделаться миллионером.[9]

Читая Ваше письмо, я поражался, как Вы находите время для чтения «Вестн<ика> Европы» и для возражений Сакулину.[10] За стихотворения Вашего тезки — спасибо.[11]

Недавно по одному делу зашел в Архив Конфер<енции> Ак<адемии> н<аук>. Разговорился с Б. Л. Модзалевским и получил от него оттиски двух моих заметок в «Пушкине и соврем<енниках>», кроме того — 26 рубл<ей>.[12] О заметках я уже забыл, но деньги получить — было приятно. Оттиски одной заметки я Вам пришлю. Ту самую, о которой — помните? — Лернер довольно благожелательно отозвался, что она написана «без цели, метода и следствий».[13] Лернера я не обожаю, но с отзывом, пожалуй, согласен. И все-таки заметку пришлю Вам; извиняюсь.

Ну, кажется, заболтался. Письмо вышло «без цели, метода и следствий». Но для письма это, пожалуй, и хорошо — на приятельскую беседу похоже оно.

Кстати, Ваше последнее письмо было вскрыто военной цензурой.

Дружески жму руку.

Ваш Вл. Буш.

P. S. По моему письму Вы можете подумать, что я не знаю ничего о существовании войны. Смею Вас уверить, что это мнение будет ошибочно.

P. S. 2. Вера Николаевна кланяется Вам. Работает во 2-м городск<ом> попечительстве.[14]

Летний адрес: Сестрорецкая жел<езная> дор<ога>, Озерковская лин<ия>, Ст<анция> Коломяги, Третья лин<ия?> 2-ой полов<ины>, д<ом> Вас<илия> Фарутина.

[1] Павильон в Павловске (под Петербургом); место проведения концертов симфонической и легкой музыки. В 1856 г. здесь в роли дирижера выступал «король вальсов» Иоганн Штраус (1825—1899).

[2] Острова (Елагин, Каменный, Крестовский) — место отдыха горожан.

[3] Фразеологизм, характеризующий чиновника любого класса табели о рангах (чина), ежедневно в летние месяцы после службы едущего с покупками на дачу к семье; для него отдых превращается из удовольствия в повинность. Источник — юмористический рассказ *Ивана Леонтьевича Щеглова-Леонтьева* (наст. фам. Щеглов; 1856—1911) «Дачный муж», давший название сборнику (1888).

[4] См. п. 2, прим. 3.

[5] *Шахматов Алексей Александрович* (1864—1920) — филолог, академик; с 1906 г. возглавил Отделение русского языка и словесности Академии наук.

[6] Публикация не состоялась (см. списки опубликованных работ В. В. Буша: РНБ, ф. 117, № 26); местонахождение рукописи неизвестно.

[7] См.: Вологодская меновая грамота конца XVII века / Сообщил В. Буш // Русский филологический вестник. 1915. № 3. С. 141—142. В конце текста — место написания и дата: Петроград, 1915 г., август. В преамбуле указано, что грамота 1696 г. принадлежит преподавателю Кронштадтской гимназии В. Е. Зинголю и найдена им в Вологодской губ. летом 1914 г. Меновая (меновная) грамота — юридический документ об обмене земельными наделами; связано с заменой старых межевых знаков на новые.

[8] «Житие» архиепископа Мирликийского Николая (IV в.), прозванного Чудотворцем — один из самых популярных и загадочных памятников житийной литературы. Текст восходит к «Четьям Минеям» Дмитрия Ростовского, где некоторые биографические данные связаны с Николаем, епископом Пинарским (VI в.). Местонахождение экземпляра неизвестно.

[9] В архиве В. В. Буша эти документы отсутствуют.

[10] *Сакулин Павел Никитич* (1868—1930) — филолог, академик. Речь идет о цикле статей П. Н. Сакулина «Историко-литературные беседы» (см.: I. Идеализм Н. В. Станкевича // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 246—264; II.Романтизм и «неоромантизм» // Там же. 1915. № 3. С. 148—162; III.Органическое мировосприятие //Там же. 1915. № 6. С. 95—112).

[11] Возможно, «шутка»: В. В. Гиппиус действительно писал стихи, чего не мог не знать корреспондент.

[12] *Модзалевский Борис Львович* (1874—1928) — пушкинист, один из основателей Пушкинского Дома. В сборниках «Пушкин и его современники», редактировавшихся Б. Л. Модзалевским, были напечатаны работы В. В. Буша «Несколько слов об оде „Вольность“ в последних изданиях Пушкина» (1913. Вып. 10. С. 14—18) и «Несколько сопос-

тавлений из истории печатного текста стихотворений Пушкина периода „Зеленой лампы“» (1913. Вып. 17/18. С. 13—20).

[13] *Лернер Николай Осипович* (1877—1934) — пушкинист; снискал известность язвительными критическими откликами в периодике (главным образом в газетах). Цитируемый отзыв не выявлен.

[14] Подразумевается 2-е Городское попечительство о народной трезвости.

4

26 февраля (11 марта) 1917 г. Петроград

Дорогой Василий Васильевич!

Прежде всего позвольте Вас поздравить с дочуркой. Вполне понимаю обилие новых переживаний, связанных с этим событием. Желаю, чтобы оно послужило (зачеркнуто: Вам. — *М. Э.*) углублению и расширению Вашей духовной жизни. Вспомните Пушкина: «все — благо...».[1] И изучение колыбельных песен у колыбели своего желанного первенца — прелестная гармония, к которой не только нужно стремиться, но которую, конечно, можно достичь. Общим местом, пошлостью стали уже звучать сетования на семейную жизнь, детей — как на помеху к каким-то особенно высоким целям. Слить все в один звучный аккорд... Разве это утопия? Очень рад я также за то, что пригодилось Вам мое знакомство с Гудзием[2] и что Вы так удачно пришли к нему. Про периодические собрания молодых ученых он мне писал.[3] Это, видимо, действительно поветрие. Кружковщина развивается сильно. Большие ученые общества, конечно, имеют свой основательный raison d'être,[a] но совершенно очевидно — не удовлетворяют всех потребностей... Я Вам, кажется, рассказывал, что состою в кружке, изучающем журналистику перв<ой> пол<овины> XIX века.[4] Выработали подробную программу исследования каждого журнала и теперь приступаем к делу. Разбору подвергнутся крупные журналы, и думаю, что если удастся осуществить программу, то наш кружок сделает существенный <вклад> в ист<орию> журналистики. Кроме того, у кружка завязываются живые литературные связи. Через В. Е. Евгеньева (Максимова)[5] — исслед<ователя> Некрасова — получили приглашение сотрудничать в «Голосе минувшего».

Получил приглашение участвовать в разборе Архива Мин<истерства> нар<одного> просв<ещения>. Здесь — весьма ценные материалы по ист<ории> цензуры.[6]

Кроме нашего кружка существует другой — А. Л. Бем, Эйхенбаум, Краснов и др. Этот кружок ставит себе целью разработку теоретических вопросов литературы...[7] Словом, работаем.

Готовится сборник в честь И. А. Шляпкина.[8]

Последние дни весьма ослабляют наше литературное рвение... Сердце бьется сильнее и жутко становится за «улицу». Толпа, красные

---

[a] смысл (*франц.*).

флаги, речи «хлебные» и политические, конечно, гор<о>довые, жандармы, казаки, солдаты, и — вчера — стрельба![9]

Сегодня у меня назначено собрание кружка. Но вряд ли состоится — сообщение между отдельн<ыми> частями города прервано.

Жму Вашу руку.

Ваш Вл. Буш.

26 февр<аля> 1917.

P. S. Вера Николаевна шлет Вам сердечный привет и поздравляет с дочкой.

[1] Из предсмертного стихотворения Ленского: «Все благо: бдения и сна / Приходит час определенный» (*Пушкин А. С.* Евгений Онегин, глава 6, строфа XXI).

[2] *Гудзий Николай Каллиникович* (1887—1965) — филолог, академик; известен и как исследователь древнерусской литературы (ученик В. Н. Перетца), и как толстовед.

[3] В архиве В. В. Буша писем Н. К. Гудзия нет.

[4] Имеется в виду «домашний» кружок участников Пушкинского семинария С. А. Венгерова (1-е заседание — 17 января 1916 г.), в мае 1917 г. ставший Комиссией по описанию русских журналов 1-ой четверти XIX в.; подробнее о нем — с исчерпывающим списком участников (по цензурным причинам не назван только Ю. Г. Оксман) — см.: *Машкова М. В.* История русской библиографии начала XX века. М., 1969. С. 425, 427.

[5] *Евгеньев-Максимов Владислав Евгеньевич* (псевд. В. Евгеньев; 1883—1955) — историк русской литературы и журналистики, брат Д. Е. Максимова; известен главным образом как крупнейший (в 1930-х—1950-х гг.) исследователь и издатель сочинений Н. А. Некрасова, автор трехтомной монографии, посвященной его жизни и деятельности (1947—1952); основная заслуга В. Е. Евгеньева-Максимова — его Некрасовский семинарий при Ленинградском государственном университете.

[6] См. фонды 776 и 777 в Российском государственном историческом архиве (РГИА; ранее — Центральный). См. также: Описание дел Архива Министерства народного просвещения / Под ред. и с предисл. С. Ф. Платонова и А. С. Николаева. Пг., 1917—1921. Т. 1—2; Литературный музеум / Под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Пб., 1921. Т. 1. На этом периодическая публикация цензурных материалов остановилась.

[7] Сведениями об этом объединении учеников С. А. Венгерова — историков русской литературы *Альфреда Людвиговича Бема* (1886—1945), *Бориса Михайловича Эйхенбаума* (1886—1959) и *Вениамина Александровича Краснова* — мы не располагаем. Очевидно, В. В. Буш идентифицировал его с Обществом изучения поэтического языка (ОПОЯЗ), участником которого был Б. М. Эйхенбаум, но куда не входили ни А. Л. Бем, ни В. А. Краснов.

[8] *Илья Александрович Шляпкин* (1858—1918) не дожил до своего 60-летия: скончался 29 апреля 1918 г. Издание мемориального сборника не состоялось.

[9] Письмо написано в переломный день Февральской революции, когда, выполняя распоряжение Николая II, командующий Петроградским военным округом генерал С. С. Хабалов отдал приказ стрелять по демонстрантам (знаменитый расстрел на углу Садовой и Невского пр., возле Публичной библиотеки).

5

1 января 1923 г. Петроград

1/I <19>23 г. В<асильевский> О<стров>, 11 линия, д<ом> 60.

Дорогой Василий Васильевич!

Позвольте задним числом поздравить Вас с Новым Годом и пожелать Вам успеха на новом поприще в Перми.[1] И позвольте выразить

сожаление, что Вы перед Вашим отъездом из Питера не исполнили Вашего обещания и не заглянули ко мне. Было бы о чем побеседовать...

В этом письме хочется поставить Вам несколько вопросов относительно Перми. Как Вы там устроились? Ваши первые впечатления от города и университета? Каков личный состав университета, как идет научная работа? Каково материальное положение профессуры? Книжные и архивные богатства?

Интересуюсь я, Василий Васильевич, этими вопросами не из простого любопытства, а по другим, для меня серьезным, причинам. Стало ясно, что вряд ли я смогу окончательно обосноваться в Петрограде.[2] По многим соображениям: внешним — перепроизводство словесников в Питере, и внутренним — некоторые мои душевные переживания тянут меня снова к исключительно университетской работе. Но хочется уезжать из Питера обдуманно, не спеша. Взяв от него все, что он, обнищалый, может дать. Запастись свежими знаниями и материалами. И вот я оглядываюсь и навожу справки, «собираю материал». И если Вам в Перми может пригодиться еще один словесник — напишите мне ответы на поставленные вопросы. Быть может, я и тронулся бы туда... И мы снова, как в былое время в блаженной памяти XII гимназии работали бы вместе. А то холодно здесь — холодно от людского мороза. Вся ученая братия весьма гордится тем, что она и ученая, и питерская. И никто не понимает, как низко все пали с былого пьедестала...

Пока спешно и усердно, сколько могу, работаю. Моя небольшая, увы! неудавшаяся работа о Трифоне Коробейникове (разыск<ания> в обл<асти> списков) закончена и принята Отдел<ением> р<усского> яз<ыка> и сл<овесности> к печати в Сборнике Отделения.[3] Выходит моя брошюра «История книги».[4]

Работаю над новой темой, о которой пока говорить не стоит.[5] Из книжных новинок отмечаю для Вас «Извест<ия> Отд<еления> р<усского> яз<ыка> и сл<овесности>», т<ом> XXV 1920 г., весь посвященный статьям о всем нам дорогом А. А. Шахматове.[6] Готовится Сборник в честь С. Ф. Платонова.[7] Сборник в честь А. И. Малеина, наверно, видели?[8] Журнал «Литературная мысль» тоже?[9] Только что прислан IV т<ом> «Записок» Саратовского университета, кое-что там и по нашей части. Но любопытны эти «Записки» как деловой показатель возможности научной работы в провинциальном университете![10]

Так вот, дорогой Василий Васильевич, не откажите написать мне. А может быть, наша переписка и вообще могла бы возобновиться помимо этих «деловых» вопросов.

Да, о моем curriculum vitae[a] не надо мне Вам писать? Знаете? Скажу только, что будучи «спецом» по древ<ней> литер<атуре>, я читал курсы и вел занятия по новой литер<атуре> (XVIII и перв<ая> пол<овина> XIX в.). Кроме того могу вести занятия и читать курсы по тем знаниям, которые ныне объединяются термином «книговедение» (истор<ия> книги, библиология), а также по методике препод<авания> русск<ого> яз<ыка> и слов<есности>. Жму Вашу руку и жду ответа.

---

[a] жизненном пути (*лат.*).

Все это письмо прошу считать с моей стороны «предварительной разведкой».

Ваш Вл. Буш.

P. S. Поклон проф<ессору> Дьяконову, который передавал мне приглашение от Пермского ун<иверсите>та летом этого года.[11]

[1] С осени 1922 г. до осени 1930 г. В. В. Гиппиус заведовал кафедрой новой русской литературы в Пермском университете.

[2] В декабре 1922 г. В. В. Буш вернулся в Петроград из Ташкента, где с ноября 1919 г. работал в Туркестанском университете.

[3] См. п. 2, прим. 4.

[4] *Буш В. В.* История книги. Пг., 1923.

[5] Вероятнее всего, речь идет о разработке архива Глеба Успенского, который В. В. Буш обнаружил (правда, после В. Е. Чешихина-Ветринского) у дочери писателя Марии Глебовны Кричинской — в будущем сотрудницы Рукописного отдела Пушкинского Дома.

[6] См.: Известия Отделения русского языка и словесности. 1920. Пг., 1922. Т. 25. Среди авторов мемориального сборника имя В. В. Буша отсутствует. Кроме статей опубликованы также автобиография и список трудов А. А. Шахматова.

[7] Выдающийся русский историк, академик *Сергей Федорович Платонов* (1860—1933) с 1918 г. был председателем Археографической комиссии. Издание было связано с 40-летием его научной деятельности. См.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пб., 1922. Книга вышла между 1 и 15 февраля 1923 г. (см.: Книжная летопись. 1923. № 3. Февраль; № 1270).

[8] *Малеин Александр Иустинович* (1869—1938) — филолог-классик, историк книги, библиограф, чл.-корр. Академии наук. Имеется в виду: Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пб., 1922.

[9] Подразумевается: Литературная мысль: Альманах. Пг., 1922. [Кн.1]. Издательством «Мысль» было выпущено три сборника, включавших, наряду с беллетристикой, историко-литературные статьи и публикации. В первом сборнике, кроме стихов А. А. Ахматовой, Н. С. Гумилева, Г. В. Иванова, В. Ф. Ходасевича и др., были опубликованы пьеса Е. И. Замятина «Огни св. Доминика», статьи А. С. Долинина, Б. В. Томашевского, комплекс материалов о И. С. Тургеневе и др.

[10] Смысл неясен. Четвертый том «Ученых записок» Саратовского государственного университета вышел в 1913 г. Восьмой и девятый тома (1917—1918) вышли под названием «Известия». Издание возобновилось в августе 1923 г. с т. 1 (10). Вып. 3 (Словесно-исторического отделения педагогического факультета) содержит статьи А. П. Скафтымова «К вопросу о соотношении теоретического и исторического знания в истории литературы» (с. 54—68), Б. М. Соколова «Эпические сказания о женитьбе кн. Владимира» (с. 69—122), Г. А. Ильинского «Что такое славянская филология» (с. 123—136). Маловероятно, чтобы В. В. Буш подразумевал том, вышедший в 1913 г.

[11] *Дьяконов Александр Петрович* (1873—1943) — византинист, до 1918 г. — профессор Петербургской Духовной Академии. К 100-летию со дня его рождения был издан сборник: Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972 (посвящен также памяти современного историка-краеведа Д. П. Маковского).

6

Первая половина февраля 1923 г. Петроград

Дорогой Василий Васильевич!

Получил Ваше милое письмо. Большое спасибо. Кафедра истории русск<ого> языка меня не привлекает, хотя в Туркест<анском> уни-

верситете мне и приходилось в порядке совместительства читать общий курс истории русск<ого> яз<ыка>. Но, конечно, мне приходилось делать над собой насилие — недостаточно я к этому делу подготовлен. Тем не менее мы могли бы серьезный и окончательно-деловой разговор на эту тему отложить до начала будущего учебного года. Ведь вряд ли Вы имеете в виду настоящего лингвиста?

В настоящее время мое житье-бытье в Питере сложилось так, что волей-неволей у меня много «свободного» времени. Чтобы сего «прискорбного» явления не было, я вдарился в науку. Ковыряюсь кой над чем. Прежде всего постарался в течение этого полугодия разделаться с работой, давно стоявшей над моей душой, задуманной мною шире, чем она в процессе разработки стала обрисовываться... Работа, к которой я, попросту сказать, охладел, а посему постарался, закруглив ее, поставить точку при первом удобном слове. Я говорю о «Хождении Трифона Коробейникова» с подзаголовком, определяющим узкоскромную цель: «Разыскания в обл<асти> списков».[1] Я сдал эту небольшую и неудачную работу в Отдел<ение> русск<ого> яз<ыка> и сл<овесности> Ак<адемии> н<аук> и был несказанно обрадован, когда Отделение постановило не печатать ее в своем Сборнике. На душе стало легче.

Только что получил из типографии мою небольшую брошюрку «История книги» (48 стр.) — конспект моих лекций на разных библиотечных курсах.[2]

Разделавшись с прежними грехами, я сел ковыряться над новыми темами. Работаю сразу в двух областях: «Древнерусская литературная традиция в XVIII в.». Хочу в ряде этюдов наметить, как др<евне>русск<ая> письменность продолжала жить в эпоху новой литературы, бок-о-бок с последней, спускаясь лишь из боярских хором и царских чертогов в скромную обстановку мещанского, купеческого, а затем и крестьянского быта. Ближайшим образом подбираю материал для двух небольших этюдов на эту тему: 1) обзор перепечаток и 2) классовое расслоение читателей XVIII в. (на основ<ании> данных журналистики, записей в книгах и нек<оторых> др<угих> ист<очников>).[3]

Это — одно. Другая тема — литературная деятельность Глеба Успенского. Набрел на архив, бывший, правда, уже в руках нек<оторых> исследователей (особ<енно> Чешихина-Ветринского), но сохраняющий, тем не менее, много любопытного и неисследованного материала.[4] Что из этих моих занятий может получиться — не знаю. Пока нахожусь в стадии первой читки и разборки материала. Кой-какие темы и задания начинают бродить в голове, но пока не буду говорить об этом; до другого раза...

От ученого мира в Петрограде — не в восторге. Слишком велика рознь между «отцами» и «детьми». Слишком душит «отцов» бессильная обывательская злоба на современные условия жизни, она отравляет их больше, чем эти «зловредные» условия и (зачеркнуто: превращают. — *М. Э.*) наполняют академическую атмосферу удушливыми газами. Впрочем, *учебная* жизнь в Петрогр<адском> ун<иверсите>те

налаживается. Ученая же в ун<иверсите>те вымирает. Научно-исследов<ательский> инст<итут> им. Веселовского[5] занимается почти исключительно производством магистерских экзаменов в массовом масштабе. Научных докладов было прочитано два-три. Научных работ ун<иверсите>т не печатает. Оживленнее идет работа в нек<оторых> ученых о<бщест>вах. Бывают заседания Пушкинского о<бщест>ва, Библиолог<ического> о<бщест>ва, О<бщест>ва др<евней> письм<енности>. В Ин<ституте ист<ории> иск<усств> заседают «формалисты».[6]

Довольно много выпустила работ Ак<адемия> н<аук>, хотя почти все из старонабранного запаса. Вышел XXV т<ом> «Извест<ий> Отдел<ения> русск<ого> яз<ыка>», посвященный памяти А. А. Шахматова. Вышла посмертная работа И. А. Шляпкина о театре Петровск<ой> эпохи (тексты), Отроковского (ученика Перетца) о Арсении Земке (так!), ю<жно>-р<усском> деятеле XVII в., А. И. Яцимирского «Описание рукописей (нек<оторых> загран<ичных> древлехранилищ)», 2-ой вып<уск> III тома «Белоруссов» Е. Ф. Карского и нек<оторые> др<угие>.[7]

Вышел IV т<ом> «Пушкиниста» под ред<акцией> Н. В. Яковлева со вступ<ительной> ст<атьей> А. Г. Фомина о С. А. Венгерове (весь т<ом> посвящен ему).[8] Но... книги для нас становятся недоступны. Средняя цена на книгу стр<аниц> в 200 изд<ания> 23 года устанавливается в 50 миллионов («Пушкинист» стоит 75!).

Из Книжной палаты я, разругавшись, ушел.[9] Безвольный Н. К. Никольский не способен ею руководить...[10] Между прочим: знаете В. С. Спиридонова?[11] Исследователя и издателя Аполлона Григорьева?[12] Он избран на кафедру в Самару. Уехал. Там работает над архивом Аксаковых.[13]

Присматриваясь к ученой жизни провинции и Питера, приходишь к выводу, что не так плохо в провинции, не так хорошо в Питере. Гордая кичливость петроградского ученого цеха ни на чем не основана в настоящее время... И хочется надеяться, что после громадных сокращений и массовых закрытий провинц<иальные> ун<иверсите>ты (оставшиеся) будут укрепляться и развиваться. Данные для этого есть.

Пока всего доброго. Пишите!

Жму Вашу руку.

Вл. Буш.

P. S. Напишите состав ф<акульте>та.

Поклон от Веры Николаевны.

[1] См. п. 2, прим. 4.

[2] Имеются в виду прежде всего Высшие курсы библиотековедения при Публичной библиотеке. «История книги» В. В. Буша (Пг., 1923) зафиксирована в № 3 «Книжной летописи» за 1923 г. под № 1029 среди поступивших в Книжную палату между 1 и 15 февраля.

[3] См. п. 13, прим. 2 и след.

[4] См. п. 5, прим. 5.

[5] Организован как подразделение университета; в дальнейшем переименовывался (Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока, Институт речевой культуры, Институт языкознания).

[6] Т. е. представители Общества изучения поэтического языка (ОПОЯЗ). Литература об ОПОЯЗе, без преувеличения, огромна. См. исчерпывающе точную статью С. П. Маркиша (Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 448—452). См. также: *Бухштаб Б. Я.* Фет и другие. СПб., 2000.

[7] См. п. 5, прим. 6; Старинные действа и комедии Петровского времени, извлеченные из рукописей и приготовленные к печати И. А. Шляпкиным. Пг., 1921 (Сборник ОРЯС; Т. 97, № 1); *Отроковский В. М.* Тарасий Земка южнорусский литературный деятель XVII в. СПб., 1921 (Сб. ОРЯС; т. 96, № 2); *Яцимирский А. И.* Описание южно-славянских и русских рукописей заграничных библиотек. Пг., 1921. Т. 1 (Сборник ОРЯС; Т. 98); *Карский Е. Ф.* Белоруссы. Пг., 1921. Т. 3, вып. 2.

[8] См.: *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как профессор и руководитель Пушкинского семинария // Пушкинист IV: Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова. Пг., 1922. С. X—XXXII. В рукописи статья библиографа-книговеда *Александра Григорьевича Фомина* (1887—1939) называлась «С. А. Венгеров как пушкиновед, профессор и руководитель Пушкинского семинария» и содержала характеристику Собрания сочинений. Готовя сборник к печати, *Николай Васильевич Яковлев* (1891—1981) снял первый раздел и исправил название. Публикацию см.: Неизвестная статья А. Г. Фомина о С. А. Венгерове-пушкинисте / Публ. М. Д. Эльзона // Историко-библиографические исследования: Сб. науч. тр. СПб., 1995. Вып. 5. С. 90—103 (здесь же справка о Н. В. Яковлеве в связи с посмертной публикацией его воспоминаний о забастовке сотрудников Книжной палаты в октябре 1917 г.; послесловие Г. В. Михеевой; ее же публикацию архивных документов см.: *Михеева Г. В.* Полтора месяца из жизни Палаты // Solanus. New ser. 1992. Vol. 6. P. 70—89.

[9] Исчерпывающие сведения о службе В. В. Буша в Российской Книжной палате см. в кн.: *Михеева Г. В.* История русской библиографии: 1917—1921. СПб., 1992. С. 356—357 (биографическая справка).

[10] *Никольский Николай Константинович* (1863—1936) — историк древнерусской литературы, археограф; академик; после смерти С. А. Венгерова возглавил переименованную в том же году Книжную палату — Научно-исследовательский институт книговедения, откуда и ушел В. В. Буш. В РНБ находится экземпляр «Истории книги» с дарственной: «Глубокоуважаемому Николаю Константиновичу Никольскому. Вл. Буш» (шифр: 37.60.2.409).

[11] *Спиридонов Василий Спиридонович* (1878—1952) — историк русской литературы. Окончил Психоневрологический институт (по словесно-историческому факультету, где параллельно с университетом читал лекции и вел Пушкинский семинарий С. А. Венгеров). Основные работы посвящены В. Г. Белинскому (т. 12—13 Полного собрания сочинений, не завершенного С. А. Венгеровым; 1926, 1948); и в особенности — Л. Н. Толстому (в фонде В. В. Гиппиуса — тезисы докторской диссертации «Художественно-педагогическое творчество Л. Н. Толстого», 1936). В. В. Буш был знаком с В. С. Спиридоновым еще по кружку историков журналистики и по Российской Книжной палате.

[12] Работы В. С. Спиридонова, несомненно, были известны В. В. Гиппиусу, по крайней мере, первый том (со вступительной статьей и примечаниями) Полного собрания сочинений и писем Ап. Григорьева (Пг., 1918). На виду была также статья «А. Григорьев» (Современник. 1914. № 10. С. 245—264). В уже упомянутом сборнике в честь А. И. Малеина (см. п. 5, прим. 8) В. С. Спиридонов опубликовал рецензию А. А. Григорьева на «Стихотворения» И. И. Козлова (СПб., 1855; см.: Sertum bibliogicum... С. 234—241). См. также статьи В. С. Спиридонова: 1) А. Н. Островский в оценке А. А. Григорьева // Ежегодник Петроградских государственных театров / Под ред. А. С. Полякова. Пг., 1920. С. 157—174; 2) *Беляев М. Д., Спиридонов В. С.* Ап. Григорьев: Биография и путеводитель по выставке в залах Пушкинского Дома. Пг., 1922.

[13] Родовой архив Аксаковых впоследствии распределился между ИРЛИ (ф. 3; С. Т., И. С. и К. С. Аксаковы), Российским государственным архивом литературы и искусства (ф. 10) и Российской государственной библиотекой (ф. 3) (РГАЛИ, РГБ). Письма В. С. Спиридонова к В. В. Бушу см.: РНБ, ф. 117, № 216 (22 письма, с 15 января 1923 г. до 1930 г.; Самара, Витебск, Ленинград).

7

31 мая 1923 г. Петроград

31/V <19>23.

Дорогой Василий Васильевич!

Извините, что так долго молчал — был по горло занят работой. Подготовкой к печати двух книг. Ну, и Вы понимаете, конечно, что такая работа — охота пуще неволи. Теперь она — эта неволя — кончилась. Книги, вернее, рукописи — сданы в Гос<ударственное> изд<ательст>во, подписаны контракты.

Первая книга Вас будет меньше интересовать — это учебник для фабр<ично>-заводск<их> школ. Хрестоматия по русскому языку, которая должна связать преподавание русск<ого> яз<ыка> с профес<ионально>-технич<еским> уклоном школы. Материал подобран по следующ<им> рубрикам: жизнь и быт фабричн<ого> рабочего; рабочий-подросток в худ<ожественной> литер<атуре> в период учения; крестьянство; самородки и самоучки; техника и промышленность; из ист<ории> рабочего, революционн<ого> и юношеск<ого> движения; иллюстрации.

Не знаю, не встретит ли книга препятствий в последних инстанциях (пойдет, кажется, в Моск<овский> ГУС!), но контракт подписан и получен аванс![1]

Вторая работа — «Глеб Успенский. Из литер<атурных> материалов арх<ива> Успенских», ок<оло> 13 лл.[2] Тоже пущена в дело. В ней я даю ряд неизвестных вариантов — целиком или отрывков — к беллетристическим произведениям. Соответствующий комментарий — в примечаниях и вводную статью под загл<авием> «Глеб Успенский за работой». Это будет, пожалуй, первая работа, которая приступает к изучению текста Успенского. Впрочем, она рассчитана не на узкого специалиста, а имеет в виду и любителя литературы, а посему во многом я ограничивал себя в пользу большей доступности издания. Хочу приложить к книге 3—4 снимка с автографов Гл. Успенского.[3]

В настоящее время предполагаю, после некоторой передышки, продолжать занятия над Ус<пенск>им и над темой по XVIII в., о которой я Вам, кажется, писал.[4]

Вот этими работами я жил весь год... Почти нигде не бывал, если не считать двух-трех раз случайных посещений театра да дружеских вечеринок у моих добрых приятелей.

Кстати, при издании Успенского пришлось натолкнуться на курьез. Успенский национализирован. Казалось бы, национализация может касаться только уже изданного, но было дано «разъяснение», по которому национализация распространяется и на все, что находится из литер<атурных> матер<иалов> в частных руках![5] Поэтому мне не удалось пристроить книгу на более для меня выгодных условиях в частном издательстве Высоцкого («Сеятель»).[6]

Из книжного мира отмечу книжную выставку (книг 22 г.) в Институте книговедения. Выставка далеко не полная, однако наглядно показывала, что книжное дело у нас несомненно налаживается. Количество книг доходило до 6.000 названий. Вышел сборник, посвящ<енный> памяти Островского, ред<акция> Е. П. Карпова, Д. К. Петрова и А. С. Полякова, хорошо изданный и любопытный по содержанию;[7] вышла книжка В. В. Сиповского «Поэзия народа» (о пролетарской и крест<ьянской> поэзии). Не читал ее (академические «контрреволюционные» круги ее ругают на все корки).[8] Вышла книга Б. Л. Модзалевского «Дневник Пушкина» — подробный комментарий.[9] Замышляем сборник памяти И. А. Шляпкина.[10]

Кажется, и в этом году наблюдается съезд провинциальной молодой профессуры в Питер — приехали Ю. Г. Оксман и Р. Волков... Кажется, собираются здесь оставаться.[11]

Ну, пока всего доброго. Пишите. Конечно, когда приедете летом в Питер (Вы ведь собираетесь?) — увидимся.

Дружески жму Вашу руку.

Вл. Буш.

[1] Опасения не подтвердились: Главный ученый совет при Наркомпросе (ГУС) допустил к печати книгу, судьба которой была удачной. См.: У станка: Хрестоматия: Книга для чтения в старших классах школ 1-ой ступени / Сост. В. В. Буш. Л., 1924. Сб.1; то же. Изд. 2-е. М.; Л., 1924; то же. Изд. 3-е. 1925; то же. Изд. 4-е. 1925; то же. Изд 4-е(!).

[2] См. п. 5, прим. 5.

[3] Издание книги не состоялось (см. след. письма).

[4] Об этом — в предыдущем письме.

[5] Декретом ЦИК о Государственном издательстве (Госиздат) от 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) произведения писателей-классиков (с перечнем фамилий) были объявлены всенародной собственностью, что распространилось и на рукописные собрания и книжные коллекции. В этом же году особым распоряжением были введены охранные грамоты, узаконившие права владельцев (в данном случае — сына писателя, Бориса Глебовича Успенского, и его дочери, Марии Глебовны Кричинской).

[6] Просветительское книгоиздательство Е. В. Высоцкого в Петрограде—Ленинграде (1922—1926).

[7] См.: Памяти А. Н. Островского: Сб. статей об Островском и неизданные труды его. Пг., 1923. На обложке: Петроградское общество им. А. Н. Островского. На титульном листе — перечень редакторов: заслуженный режиссер Е. П. Карпов, профессор Петроградского университета Д. К. Петров, ученый хранитель Пушкинского Дома при Академии наук М. Д. Беляев, заведующий Центральной библиотекой Петроградских академических театров А. С. Поляков. Сборник открывался «Материалами, заготовленными для критической статьи об Островском» И. А. Гончарова, содержал статьи пушкиниста Петра Осиповича Морозова (1854—1920), испаниста Дмитрия Константиновича Петрова (1872—1925), драматурга Евтихия Павловича Карпова (1857—1926) и др.

[8] *Сиповский Василий Васильевич* (1872—1930) — филолог, историк русской литературы, чл.-корр. Академии наук (1921). Выпущенная издательством «Сеятель» (см. п. 7, прим. 6), его книга «Поэзия народа: Пролетарская и крестьянская лирика наших дней» (Пг., 1923) получила естественные положительные отклики в журналах для массового читателя («Книгоноша» и др.), но «удостоилась» разносной статьи в «ЛЕФе»: *А.* Квалифицированное рукоблудство // ЛЕФ. 1923. № 3. С. 174—175. Под инициалом «А» могли укрыться Б. И. Арватов или Н. Н. Асеев, возможно, А. Е. Крученых. Отклики в научной («академической») печати не выявлены.

[9] Дневник Пушкина. 1833—1835 / Под ред. и с объяснит. прим. Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева. М.; Пг., 1923.

[10] Замысел не осуществился.

[11] *Оксман Юлиан Григорьевич* (1894/1895—1970) — историк русской литературы и общественной мысли; с 1923 г. — профессор Петроградского университета. *Волков Роман Михайлович* (1885—1959) — фольклорист; приехал из Одессы, куда вскоре вернулся; после войны — профессор Львовского, затем Черновицкого университетов; см. о нем статью Ю. Г. Оксмана в «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1962. Т. 1. Стб. 1019—1020).

8

Начало июля 1924 г. Ленинград

Дорогой Василий Васильевич!

Получил Вашу открытку, был очень рад. Хотел бы многое Вам написать, но откладываю до след<ующего> раза: завтра по делам еду в Москву. По приезде оттуда — напишу все, что меня сейчас волнует. Одновременно с письмом посылаю Вам брошюрку «Жена писателя».[1] Издание целиком взято на комиссию изд<ательст>вом «Прибой».[2]

Ваша книга о Гоголе вышла, поступила в продажу, и я жду ее от Вас; надеюсь, что удовлетворите мое нескромное ожидание.[3]

Жму Вашу руку. Скоро напишу еще и подробнее.

Ваш Вл. Буш.

[1] См.: *Буш В. В.* Жена писателя: А. В. Бараева-Успенская. Пг.: Мысль, 1924.

[2] Т. е. книга продавалась в государственных магазинах.

[3] *Гиппиус Вас. В.* Гоголь. Пг.: Мысль, 1924. О выходе (между 16 и 30 июня) см.: Книжная летопись. 1924. № 12. С. 998, № 6138; в том же номере зарегистрирована книга В. В. Буша (С. 992, № 6092).

9

Сентябрь 1924 г. Ленинград

Дорогой Василий Васильевич!

Большое спасибо Вам за ценный презент — Вашего Гоголя. Перелистывал его я и раньше; ныне сяду читать. Как и когда это Вы успели написать такую книгу? В Перми или весь материал был здесь уже заготовлен? И Вы его дописывали здесь?[1]

Не сетуйте, что не писал Вам. Правда, было некогда. Но, кроме того, хотел Вам сообщить в окончательном виде один факт из моей биографии, но: факт этот пока еще im Werden[a]. Дело в том, что весной сего года, именно в апреле, я избран на кафедру русской литер<атуры> в Саратовский университет.[2] Мое утверждение, однако, встретило в Москве какие-то неожиданные препятствия. И я, значит, повис в воздухе. Ездил сам в Москву на разведки, но было уже поздно; был июль месяц и все ГУС'ы,[3] заторможивши (так! — *М. Э.*) все дела, стремились разъехаться на каникулы. Придется ждать окончательного решения осенью...

[a] в стадии становления (*нем.*).

И вот по сему случаю хотел я Вас спросить, Василий Васильевич, как у Вас обстоит дело с утверждением? Были ли случаи неутверждения и почему?

Быть может, вообще напишете мне об академической атмосфере в связи с новыми программами и веяниями на педфаке?

Хочется снова в университетскую бурливую стихию окунуться — и боязно. Саратовский университет внушает мне почему-то полное доверие. Состав профессуры педфака мне известен почти наполовину. Отзывы об университете благоприятные. Ведь единственный университет на всем Поволжье! К тому же в Саратове у меня мать, братья и сестры.[4]

Я должен сменить там Б. М. Соколова, получившего назначение в Москву завед<ующим> Музеем народоведения.[5] Вторым профессором там состоит А. П. Скафтымов. Молодой.[6] Из учеников Замотина.[7] Только что выпустивший большую книжку «Поэтика и генезис былин»[8]; см. также его ст<атью> в кн<иге> «Творческий путь Достоевского», ред<акция> Бродского.[9] Ну вот, Василий Васильевич, тот факт, который еще не факт, но уже причиняет мне много огорчений. Тут сомнения и колебания, тут неопределенность положения, тут разноречивые «дружеские» советы — о да! Очень знаменитых «друзей»!

И устал же я от всего, дорогой Василий Васильевич, и хочется и не хочется обо всех этих настроениях писать. Не столько писать — просто по-человечески посоветоваться иногда хочется, просто во всей житейской сутолоке с глубоким надрывом в душе просто остановиться и на чье-нибудь плечо опереться, чтоб отдохнуть, — ведь надо же дальше будет идти, — и нет никого; шумно, галдежно кругом и совершенно пусто, абсолютно пустынно. Подчас жутко и страшно...

Извините, Василий Васильевич, лирику. Ваши короткие строчки как будто говорят о деловой удовлетворенности работой?

Вышла моя хрестоматия «У станка», о которой, кажется, в свое время я Вам говорил.[10] В пояснение к ней должна быть напечатана небольшая статья в «Родн<ой> яз<ык> в школе» (знаете моск<овский> журнал?), вып. VI. Кое-кто меня, быть может, и ругнет за это, кое-кто ехидно усмехнется.[11] Но не в этом дело. Дело в том, что в наше время не отвертишься от грандиозных и больших проблем даже в маленьком деле. Несть спасения от них.

В настоящее время работаю над продолжением того этюда о процессе творчества Гл<еба> Успенского, который Вы слышали в Пушк<инском> Доме. Работа должна составить небольшую книжку л.л. на 5—6.[12] Приму меры к тому, чтобы она <не> была утеряна, как это имело случай со сборн<иком> литер<атурных> матер<иалов> об Усп<енском> в Госиздате.[13] Пока ограничиваюсь этим скромным пожеланием к моему новому детищу.

Ну, пока всего доброго. Жму Вашу руку. Вера Ник<олаевна> шлет Вам привет и мы оба надеемся с Вами как-нибудь повидаться, а также познакомиться с Вашими ребятишками и Вашей супругой.[14] Ребятишек удерживайте от русской и зап<адно>-европ<ейской> словесн<ости>.

Буш.

[1] В. В. Гиппиус начал заниматься Н. В. Гоголем в Киеве, где с 1916 г. служил в Управлении Красного Креста Юго-Западного фронта и принимал активное участие в работе Историко-литературного общества при университете. Затем (1919 г.) он заведовал средней школой в с. Ильинцы Киевской губ., с 1920 г. по лето 1922 г. преподавал в Липецке. Осенью 1922 г. возглавил кафедру в Пермском университете (см. п. 5, прим. 1). Что имеется в виду под обозначением «здесь» — неясно.

[2] В. В. Буш был избран на должность профессора 16 апреля 1924 г., о чем в тот же день ему сообщил А. П. Скафтымов (см.: РНБ, ф. 117, № 210, л. 4).

[3] См. п. 7, прим. 1.

[4] Сведения о них в архиве В. В. Буша отсутствуют.

[5] *Соколов Борис Матвеевич* (1889—1930) — фольклорист, этнограф; в 1925—1930 (июль) гг. — директор Музея народов СССР. Мемориальный «Список работ Б. М. Соколова», составленный В. А. Сушицким, был опубликован в «Сборнике Нижневолжского краевого музея» (Саратов, 1932). О работе в Саратове и Москве Б. М. Соколов писал В. В. Бушу 19 февраля 1924 г. (РНБ, ф. 117, № 213).

[6] *Скафтымов Александр Павлович* (1890—1968) — историк русской литературы, фольклорист. В 1913 г. окончил Варшавский университет. С 1921 г. — профессор Саратовского университета. Очевидно, о возрасте Б. М. Соколова В. В. Буш представления не имел.

[7] *Замотин Иван Иванович* (1873—1942) — историк русской литературы; академик АН БССР (1928). Был приват-доцентом Петербургского, с 1922 г. — Минского университетов.

[8] *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин: Очерки. М; Саратов: Изд. В. З. Яксанова, 1924. См. переизд.: Саратов, 1994 (со вступительной статьей В. К. Архангельской, с. 5—32).

[9] *Скафтымов А. П.* Тематическая композиция романа «Идиот» // Творческий путь Достоевского: Сб. статей. Л.: Сеятель, 1924. С. 131—186. *Бродский Николай Леонтьевич* (1881—1951) — историк русской литературы, словесник-методист.

[10] См. п. 7, прим. 1. В «Книжной летописи» зафиксирована среди поступивших в Книжную палату между 16 и 31 августа 1924 г. (Книжная летопись. 1924. № 16. С. 1341—1342; № 8494).

[11] См.: *Буш В.* Преподавание литературы в школах фабрично-заводского ученичества // Родной язык в школе. 1924. Кн. 6. С. 137—142. На с. 137 — примечание: «Печатается в порядке дискуссионном. Ред.».

[12] См. след. письма.

[13] О подготовке сборника материалов из архива Г. И. Успенского В. В. Буш сообщал ранее.

[14] *Дора Ивановна Гиппиус* оказала посильное содействие при подготовке сборника статей В. В. Гиппиуса «От Пушкина до Блока» (М.; Л., 1966; см. благодарность в конце вступительной статьи Г. М. Фридлендера. С. 6).

10

5 января 1925 г. Саратов

5/I <19>25. Саратов.
Приютская 31/47, уг<ол> Ленинской (б. Московской).

Дорогой Василий Васильевич.

Извините, что в перерыве нашей наладившейся было переписки повинен я. Хочу пояснить, что тому были причины; резонные или не резонные — судите сами. Все это полугодие был в состоянии некоторого напряженного ожидания, как разрешится вопрос об утверждении меня ГУС'ом по Сарат<овскому> университету. Об этом я Вам, кажется, в свое время писал.[1] Ныне благополучное разрешение сего вопроса уже в прошлом. Пишу Вам из Саратова, куда перебрался «всерьез и надол-

го» в серед<ине> декабря. К занятиям в университете еще не приступал. Здесь пока каникулы. Лишь познакомился с некоторыми из моих коллег по лингвистич<ескому> отдел<ению> педфака. Университет и личный состав производят приятно-солидное впечатление. На лингв<истическом> отделении здесь обретаются Любомиров (р<усская> ист<ория> — магистр),[2] Каплинский (классик-латинист, читающий зап<адно>-евр<опейскую> лит<ературу> — магистр),[3] языкозн<ание>, слав<янские> лит<ературы> и яз<ыки> — Г. А. Ильинский (доктор),[4] по педагогике Н. Ф. Познанский (его работу по другой, правда, специальности, наверное, знаете — «Заговоры»).[5] По русск<ой> лит<ературе>, кроме меня (я буду обслуживать, гл<авным> обр<азом>, препод<авание> нар<одной> слов<есности> и древн<ей> лит<ературы>) — проф<ессор> А. П. Скафтымов. Выпустил здесь, в Саратове, книгу «Поэтика и генезис былин» (большая, б<олее> 200 стр.). Читает, гл<авным> обр<азом>, новую литературу.

Кроме приятного универс<итетского> о<бщест>ва, будет, кажется, возможность печататься... Универс<итет> уже выпустил три тома своих «Записок».[6] Есть здесь и частный издатель.[7] Веду переговоры с ним о напечатании небольшой книжицей трех этюдов об Успенском. Один из них Вы давно слышали в Пушк<инском> Доме. Другой — «Гл<еб> Усп<енский> как редакт<ор> своих соч<инений>, третий — «Власть капитала в произвед<ениях> Ус<пенско>го».[8]

Не знаю, удастся ли пристроить. Надежду питаю. На новом месте роятся в голове нек<оторые> нов<ые> мысли и планы о придании своим научн<ым> занятиям «краеведческого уклона». Кажется, что здесь есть кое-какая «литературная подпочва», которой стоит заняться. Впрочем, поживем — увидим. Питера не жалко. Особенно хорошим этот период помянуть нечем, хотя во многих отношениях он был для меня переломным. Но если я многому научился в фабр<ично>-зав<одской> школе среди новой обстановки в нов<ой> школе, то меньше всего дал мне Пит<ерский> университет, где я состоял, правда, только в Научн<о>-иссл<едовательском> инст<итуте>.[9]

Ну, поживем — увидим.

Пишу это письмо с полной уверенностью, что наша переписка, хотя бы и нечастая, возобновится. Кстати, мне сообщают, что после моего отъезда в школу заходил мой добрый приятель и был огорчен, что я уже уехал. Это не Вы были?

Привет от меня и Веры Ник<олаевны>.[10]

Дружески жму Вашу руку.

Вл. Буш.

[1] См. предыдущее письмо.

[2] *Любомиров Павел Григорьевич* (1885—1935) — историк, специалист по истории России XVII—XVIII вв.

[3] *Каплинский Василий Яковлевич* (1892—1939) — филолог-классик; историк всемирной литературы.

[4] *Ильинский Григорий Андреевич* (1876—1937) — славист, чл.-корр. Академии наук (1921).

[5] *Познанский Николай Федорович* (1888—1942) — историк педагогики; этнограф. См.: *Познанский Н. Ф.* Заговоры: Опыт исследования происхождения и развития заго-

ворных формул. Пг., 1917 (Записки Ист.-филол. ф-та Петрогр. ун-та; Ч. 136). Репринт: М., 1995 (статья и примечания Ф. С. Капицы).

[6] Ср. п. 5, прим. 10. Имеются в виду т. 1(10)—3(12), датированные 1923—1925 гг. (в том же году, позднее, вышел т. 4(13)).

[7] Т. е. В. З. Яксанов; о нем в след. письмах.

[8] См. предыдущее и след. письма.

[9] См. п. 6, прим. 5.

[10] Вероятно, не дописано: Вашей супруге.

11

22 марта 1925 г. Саратов

22/III <19>25.
Саратов.
Приютская 31/47,
уг<ол> Ленинской.

Дорогой Василий Васильевич!

Ваше письмо получил уже давненько, но не было времени сесть за мое «очередное» послание. Да и писать, пожалуй, нечего, кроме желания держать с Вами «связь». Не знаю, почему, но такое желание есть. Как-то странно бывает: есть у меня друзья-приятели в Питере, с которыми мы так часто и близко сходились, а разъехались — как-то забывали друг друга, из переписки ничего не выходило.[1] А с Вами — наоборот. Недолго работали вместе, да и то в блаженной памяти 12 гимназии, а вот есть потребность из конца в конец земли русской перекликнуться...

На днях выслал Вам мою книжицу об Успенском.[2] Надеюсь, получили. Издана она не «автором», как сказано на обложке, а Яксановым, о котором Вам, кажется, уже писал.[3] Это один <из> современных цензурных анекдотов. На Яксанова, как частного издателя, здесь точат зубы: его книжный магазин — конкуренция магазинам Губоно и Гос<ударственного> изд<ательст>ва. Добились формального закрытия его издательства, но — по совету цензуры — он выходит из положения, печатая свои издания под штампом «от автора». В настоящее время он поехал «восстанавливаться» в Москву. Что касается до Вашего вопроса о возможности устроить Ваш сборник ист<орико>-лит<ературных> статей через него, то думаю, что будет хорошо, если Вы через меня пришлете на его имя (Васил<ий> Захар<ович> Яксанов) формальное предложение с указанием приблизит<ельного> размера и характера статей. Большой сборник он не возьмет, небольшой — не безнадежен. Я ему передам Ваше письмо и, сколько могу, поддержу. Очень не обнадеживаю. Истор<ико>-лит<ературные> работы и он берет не особенно охотно, к тому же в настоящее время он собирается издать небольшой литер<атурно>-публицист<ический> очерк местного любителя литературы Словохотова «О знач<ении> р<усской> лит<ературы> XIX в. в наше время»[4] и сборник истор<ико>-литер<атурных> статей о Чернышевском. Чернышевский

ведь «наш», саратовский. Здесь есть в музее им<ени> Черн<ышевского> и нек<оторые> неопублик<ованные> материалы о нем.[5] К участию в сборнике привлечены кое-кто из москвичей. Я лично в этом сборнике не участвую. Пишет статью А. П. Скафтымов и наш историк С. Н. Чернов...[6]

Если надумаете испробовать сар<атовское> изд<ательское> дело — присылайте скорее. Через недельку Яксанов вернется из Москвы и там будет виднее. Если ему удастся «восстановиться» и если он удачно сбудет свои издания в Москве и Ленинграде — он их повез туда в изобилии — то, очевидно, он будет в самом радужном настроении; если нет — то... на нет и суда нет.

В Сарат<овских> «Учен<ых> записк<ах>» надеюсь пристроить небольшой статейкой мою вступ<ительную> лекцию «Др<евняя> русск<ая> литер<атура> на почве XVIII в. (К вопросу о социальн<ом> рассл<оении> читателя)».[7]

Времени для своей научной работы и у меня остается немного. Лекции требуют большой подготовки. Всюду, к тому же, чувствуешь свои собственные прорехи. Подчас стыдно становится за свою неподготовленность (это особенно когда наедине сам с собой остаешься).

Как расположится лето — еще не знаю. Когда поедете в Москву или Питер — напишите, где Вы остановитесь. А, может быть, черкнете и о Ваших планах и дерзаниях. Ведь в них есть своя прелесть независимо от их исхода. А втайне хранить я обещаю.

Из Гос<ударственного> изд<ательства> имею сведения, что собрание литер<атурных> матер<иалов> об Успенском, приготовленное мною к печати и затем потерянное в Московск<ом> Гос<ударственном> изд<ательстве>, ныне найдено. Занят выяснением вопроса, что предполагает с ним дальше делать Гос<ударственное> изд<ательство>: печатать ли, или положить под сукно, или снова потерять. Пока точного ответа не имею, а 23 мая с<его> г<ода> истекает срок заключенного мною с ними контракта.

Жизнь моя здесь в своих рабочих контурах обрисовывается. Не знаю, как сложится дальше. Хочется пустить корни. Пора. Довольно я и настранствовался. И к теме, где и «кому на Руси жить хорошо», имею кроме некоторой литер<атурной> начитанности, и свою небольшую, но для меня вполне вразумительную коллекцию «этнографических» наблюдений и материалов.

Поклон супруге. Вера Ник<олаевна> просит передать привет. Дружески жму Вашу руку. Как-нибудь черкните опять.

Ваш Вл. Буш.

[1] Ср. письма к В. В. Бушу С. Д. Балухатого (51; 1921—1932), В. С. Спиридонова (22; 1923—1930), А. Г. Фомина (22; 1923—1930) и др. (РНБ, ф. 117, № 87, 216, 228).

[2] *Буш В.* Глеб Успенский: (В мастерской художника слова). Саратов, 1925.

[3] См. предыдущее письмо.

[4] См.: *Словохотов Л. А.* О классиках русской литературы. Изд. автора. Саратов, 1927. Другие сведения о Леониде Александровиче Словохотове не выявлены.

[5] См.: *Чернышевская-Быстрова Н. М.* Каталог рукописей Н. Г. Чернышевского, хранящихся в архиве Дома-музея его имени в Саратове (1835—1853) // Чернышевский Н. Г. Дневник. М., 1932. Ч. 2. С. 369—376.

[6] *Чернов Сергей Николаевич* (1887—1942?) — историк-архивист. См. о нем: Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сб. Саратов, 1998. Вып. 12. С. 5—10; *Азадовский М., Оксман Ю.* Переписка: 1944—1954 / Изд. подгот. Конст. Азадовский. М., 1998 (по указ. имен). Согласно общепринятой дате, С. Н. Чернов умер в оккупированном г. Пушкине Ленинградской обл. 5 января 1942 г. от голодного истощения (был лишен продовольственных карточек из-за отказа сотрудничать с немцами); факт смерти «установлен медицинской экспертизой» (!!). См.: Освободительное движение. С. 10. Та же дата: Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15. Стб. 849; Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1978. Т. 29. С. 89. См. также: *Чернов С. Н.* У истоков русского освободительного движения: Избр. статьи по истории декабризма. Саратов, 1960. С. V—XI (от редакции), 408—415 (список печатных и неопубликованных работ). В подготовке сборника участвовала М. А. Чернова, очевидно, предъявившая свидетельство о смерти (С. VIII—IX).

[7] См. п. 13, прим. 2.

12

8 апреля 1925 г. Саратов

Дорогой Василий Васильевич!

Получил сегодня Ваше письмо. Ваше заявление Яксанову передам, но не особенно рассчитывайте на успех: приехал он из Москвы довольно мрачным — не удалось ему там наладить свои дела.

Спешу же Вам ответить по другому вопросу — о статье для сборника Чернышевского. Говорил о ней редакции сборника, вернее Скафтымову. Он говорит, что охотно примут, но дело это спешное (если и оно состоится), поэтому высылайте Вашу статью спешной почтой на мое имя; я передам.

Спешу, поэтому обрываю письмо до другого раза.

Ваш Вл. Буш.

8/IV <19>25.

13

6 мая 1925 г. Саратов

6/V <19>25.

Дорогой Василий Васильевич.

Вашу статью о Чернышевском, а также письмо с обращением к Яксанову получил. Статью передал Скафтымову. Редакция сборника ее приняла, и она будет, значит, печататься. Сборник уже сдан в типографию, но самое печатание пойдет, наверное, не слишком быстро. Ваш адрес я передал Скафтымову, б<ыть> м<ожет>, он Вам уже сообщил все это?

Что касается до Вашего сборника истор<ико>-лит<ературных> статей, то я говорил о нем с Яксановым. Сейчас, однако, он дал уклончивый ответ, хотя и не *отрицательный*. Запаситесь терпением и предоставьте дело мне, может быть, удастся Ваш сборник и устроить — если не теперь, то осенью. У него сейчас печатается ряд книг. Я лично хотел бы у него напечатать сборник литературных материалов по Успенскому; думаю, что тоже уломаю, хотя тут есть большие «но» с вопросом о национализации Успенского.[1]

К середине июня выйдут, наверно, наши «Ученые записки» — очередной том. Там печатается моя вступительная лекция. Сдал в типографию последнюю корректуру...[2] Впрочем, об этом я Вам, кажется, уже писал.[3]

Занятия в университете на исходе. Вы спрашивали, какие курсы я вел. Читал в этом полугодии народную словесность (при 4 час<ах>) и вел занятия по методике преподав<ания> родн<ого> яз<ыка> и лит<ературы>. Так что буду Вам очень благодарен, если пришлете Ваш «Синтаксис» — он мне, конечно, весьма пригодится.[4]

Работой со студентами доволен. Уровень познаний невысок, но желание заниматься большое. Студентов вполне достаточно. На IV к<урсе> словесников 50 человек, на втором около 40 (я говорю о студентах искл<ючительно> лингв<истического> отд<еления>). Летом хотел бы съездить со студентами в уезд для собир<ания> народно-поэтич<еского> матер<иала> в связи с курсом; должен участвовать в переподготовке преподавателей, возложенной на пед<агогический> ф<акульте>т, хотел бы отдохнуть и поработать для себя, побывав для этой цели и в Питере. Как видите, программа обширная, что из этого выйдет — увидим. Вы не забудьте черкнуть мне, когда и где Вы будете в Питере; может быть, и свидимся. Ваш адрес сообщите и на случай необходимости выслать Вам корректуру Вашей статьи.

У нас весна в разгаре. Становится жарко. Изнываю за неимением летних костюмов. Жду с «напряженным вниманием» высылки денег из Гос<ударственного> изд<ательства> за 3-е изд<ание> моей хрестоматии.[5] Самая для меня не интересная книга из всего написанного мной — и самая «дорогая», т. е. самая выгодная.

Имел несколько писем от моих друзей-приятелей в Питере.[6] Там кое-что вышло нового: II-й т<ом> «Достоевского» ред<акции> Искоза-Долинина, Жирмунского «Введ<ение> в метрику», Назаренко «Лит<ература> XIX—XX в.».[7] С. Д. Балухатый сдал в печать «Драматургию Чехова»[8] и кое-что и др<угое>.

Всего доброго. Дружески жму Вашу руку.

Вл. Буш.

[1] См. п. 7, прим. 5.

[2] См.: *Буш В. В.* Древнерусская литературная традиция в XVIII в. (К вопросу о социальном расслоении читателя): Вступ. лекция // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. 1925. Т. 4, вып. 3. С. 1—11.

[3] Об этом см. в п. 11.

[4] Имеется в виду переиздание книги: *Гиппиус В. В.* Синтаксис современного русского языка. М., 1922; то же. Пг., 1923; то же. Изд. 4-е. М., 1924; то же. Изд. 5-е. Л., 1924; то же. Изд. 6-е. Л., 1926.

[5] См. п. 7, прим. 1.

[6] См. п. 11, прим. 1.

[7] См.: 1) *Достоевский Ф. М.* Письма. М.; Л., 1930. Т. 2: 1867—1871. Издание вышло в 4-х т. (1928—1959). Искоз — родовая фамилия историка русской литературы *Аркадия Семеновича Долинина* (1885—1968); 2) *Жирмунский В.* Введение в метрику: Теория стиха. Л.: Academia, 1925 (Вопросы поэтики; Вып.6); 3) *Назаренко Я. А.* История русской литературы XIX в. Л.; М., 1925. Книга *Якова Антоновича Назаренко* (1893 — ?) постоянно переиздавалась (изд. 9-е вышло в 1931 г.).

[8] Имеется в виду: *Балухатый С. Д.* Проблемы драматургического анализа: Чехов. Л.: Academia, 1927 (Вопросы поэтики; Вып. 9). Ср.: *он же.* Драматургия Чехова. Харьков, 1935.

14

Вторая половина сентября 1925 г. Саратов

Дорогой Василий Васильевич.

Очень сожалею, что в Питере не удалось еще раз провести с Вами уютный вечерок. Но мне вообще пришлось сократить мое время препровождение в северной столице.

Хотел бы узнать, как Ваша работа о Салтыкове и удалось ли получить согласие Сабашникова[1] или кого-либо другого на ее издание?

Быть может, напишете мне также, как Вы хлопотали об издании? Были ли у Вас какие-либо личные знакомства или чье-нибудь определенное содействие? Или Вы прямо «в общем порядке» повели переговоры без всякой поддержки посторонней? Интересует меня это потому, что и мне придется, хотя, наверное, и не так скоро, в упор подойти к этому вопросу.

Имею Вам сообщить дальше следующее. Возможно, что нам с Скафтымовым удастся выпустить в Саратове сборник истор<ико>-лит<ературных> статей. Берется за это дело не Яксанов, а какой-то другой издатель — инкогнито. Кроме Скафтымова и меня послано приглашение принять участие в сборнике В. С. Спиридонову, С. Д. Балухатому, А. Г. Фомину и, кажется, Евлахову[2] (Скафтымов — его ученик). Вот и к Вам просьба: если у Вас есть небольшая работа на $1^1/_2$—2 листа и если есть охота поместить ее в Саратовском издании — не откажите прислать, но не позднее *1-го декабря*. Головы на отсечение дать нельзя, что сборник непременно выйдет; в значительной мере это и будет зависеть от наличия уже приготовленного конкретного материала к 1 декабря. Надеюсь получить от Вас статью, и во всяком случае в ближайшее же время тот или иной ответ.

Университетская «учоба» началась и отнимает уже достаточно времени. Началась в этом году рядом мелких, пока что, неприятностей для меня. Причудливые переплетения провинциальной тины под гладкой поверхностью заплесневелого пруда не сразу видишь? И некоторые «прелести» провинциального современного университета начинаешь понимать и «ценить» исподволь, по мере более близкого знакомства.

Видели книгу Сакулина «Социологический метод в литературоведении»?[3] Обещал мне прислать; жду с нетерпением.[4]

Жму Вашу руку.

Вл. Буш.

[1] *Сабашников Михаил Васильевич* (1871—1943) — московский издатель. Издательство М. В. Сабашникова функционировало до 1930 г.

[2] *Евлахов Александр Михайлович* (1880—1966) — литературовед, психиатр.

[3] См.: *Сакулин П. Н.* Наука о литературе, ее итоги и перспективы: Вып. 14. Социологический метод в литературоведении. М., 1925. Поступила в Книжную палату между 16 и 30 июня 1925 г. (см.: Книжная летопись. 1925. № 12. С. 1189. № 8850). В том же году вышел также вып. 15 «Синтетическое построение истории литературы» (М.); вып. 10 «Теория литературных стилей» вышел через два года (М., 1927). Издание остальных не состоялось; возможно, автор не реализовал задуманный масштабный проект.

[4] Восемь писем П. Н. Сакулина к В. В. Бушу см.: РНБ, ф. 117, № 205 (письма за 1921—1929 гг.; о книге в них не сообщается).

15

19 октября 1925 г.[1] *Саратов*

Дорогой Василий Васильевич! Получил Вашу открытку. Мною было послано Вам письмо. Надеюсь, получили теперь? Предлагаю Вам прислать для предполагавшего<ся> в Саратове истор<ико>-литер<атурного> сборника какую-ниб<удь> статью. Ответьте, можем ли рассчитывать на Вас или нет? Можно листа на 2—3.

Весьма огорчен судьбой Вашего Салтыкова.[2] Рисую себе аналогичную картину и для моей работы.

Сборник Чернышевского, кажется, отпечатан, но почему-то задержан в типографии.[3] Об оттисках скажу Скафтымову, но, кажется, таковых не предполагается. Жду ответа на письмо.

Привет. Вл. Буш.

[1] Датируется по штемпелю на лицевой стороне открытки.

[2] Сборник статей В. В. Гиппиуса о М. Е. Салтыкове-Щедрине, обсуждавшийся в предыдущих письмах, не состоялся. Очевидно, в нем должны были быть напечатаны: 1) Литературное окружение М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: Родной язык в школе. 1927. № 2. С. 66—78); 2) Люди и куклы в сатире Салтыкова (см.: Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском государственном университете. 1927. Вып. 2. С. 27—57); 3) вероятно, опубликованное в том же году в переводе на немецкий язык исследование «Итоги и перспективы изучения Салтыкова» (см. след. письма).

[3] См. п. 17, прим. 1, 2.

16

28 декабря 1925 г. Саратов

Дорогой Василий Васильевич.

Не сердитесь, что не писал Вам. Был завален работой, был и болен; около недели провалялся в постели. Вашу статью получил, с интере-

сом прочитал и передал ее Скафтымову. Сборник наш несколько затормозился вследствие разных причин. Ждем, между прочим, еще обещанную статью о Достоевском от Искоза-Долинина. Но в общем есть уверенность, что сборник издадим. Пока налицо статьи: Скафтымова о Достоевском, Ваша статья, С. Д. Балухатого «О поэтике чеховского водевиля», Любомирова «Радищев и Глушков», я даю некоторые материалы об Успенском. В крайнем случае в таком составе и выпустим.[1]

Приятно узнать, что Пермский ун<иверсите>т тоже выпускает сборник. Истор<ико>-литературный? Или смешанный? Или это — начало «Ученых записок»?[2]

На Ваш вопрос о хронологическом списке произведений Усп<енско>го могу сказать, что такового в природе не существует. Хронологически-библиогр<афический> перечень его произведений Вы можете составить на основании следующего:

1) В 1902—1903 гг. вышло «Полн<ое> собр<ание> сочин<ений>» У<спенско>го в Киеве в издании Б. К. Фукса (об этом изд<ании> см. мою книжицу).[3] В конце XII-го тома (в оглавлении) дана хронология главнейших произведений, вошедших в собр<ание> сочин<ений>. По ней устанавливается и список некоторых произведений, не вошедших в собр<ание> сочин<ений>. Должен сказать, что это издание довольно трудно получить. Напечатанное в Киеве, оно, видимо, получило не особенно широкое распространение. Я и в Питере-то с трудом его разыскал (в Публ<ичной> библ<иотеке> — в других не было). Интересно, найдете ли его в Перми? В Саратове его нет.

2) В 1913 г. в Москве вышла книга: «Русские ведомости» (1863—1913). Сборник статей. Здесь перечень сотрудников и их статей в газете «Русские ведомости» за 50 лет. Усп<енский> участвовал в этой газете и довольно усиленно; перечень всего, им написанного здесь, в библиогр<афическом> списке дан.[4]

Ту и другую библиографию можно мелочами дополнить из биографии У<спенско>го, написанной Чешихиным-Ветринским («Р<усская> мысль>», 1911 г., № 6 и 7).[5] Вот и все. Самое главное из написанного У<спенски>м это охватывает, но, конечно, далеко не исчерпывает. В моих черновиках я эту библиографию кой-чем сумел дополнить, но, думаю, и мои карточки далеки от исчерпывающей библиографии.[6]

Если не секрет — напишите, для какой цели Вам понадобилась сия хронология?[7]

Усиленно работаю над У<спенски>м. Приходится кое-что переделывать в плане работы, сильно сокращать, зная наперед «возможности» печатания. Однако спешу, сильно спешу, может быть, даже и людей насмешу, — а все потому, что как будто некоторая реальная возможность печатать работу представляется. Хорошо бы ее выпустить (не в очень смешном виде) к концу 26-го года, ведь в марте 27-го — двадцать пять лет со дня смерти У<спенско>го и мой «товар» может иметь некоторый спрос. Подбадривают и благожелательные отзывы Ник. К. Пиксанова в «Новом мире» и Маториной в «Печати и революции» № 7.[8]

Написал за это время еще статью о моей летней этнограф<ической> поездке для наших «Ученых записок». Будет печататься в очередном номере.[9]

Сборник Чернышевского что-то застопорился, но, конечно, выйдет в свет. Если Вас интересуют детали — напишите Скафтымову.

Завелся тут у нас еще один частный издатель; ну, на него, конечно, вся университетская армия и двинулась сплоченным густым строем. Но, кажется, он — не из робких и с планами и возможностями широкими...

Сейчас чрезвычайно доволен праздникам. Не вижу никого из профессоров; это хорошо, это успокоительно действует на нервы. Вообще хорошо иногда удалиться от «мира».

Веду переписку и кой с кем из питерских приятелей.[10] Но, кажется, настроение у них не из веселых. Вас<илий> Сп<иридонович> Спиридонов печатает 12-й т<ом> собрания сочин<ений> Белинского. Уже набирается. Это продолжение венгеровского изд<ания>.[11]

А. Г. Фомин выпустил брошюру о «С. А. Венгерове как организ<аторе> Р. К. П.» (Росс<ийская> Книжн<ая> палата).[12] С. Д. Балухатый проталкивает свою работу о Чехове в Academi'и и собирается выпустить большую библиогр<афию> по теории и методол<огии> литературы.[13] Исслед<овательский> ленингр<адский> инст<итут> грозит выпустить сразу 2 тома лингвист<ических> работ, хотя внутри Института идут всякие распри.[14] Не знаю, есть ли в Пермск<ом > Ун<иверсите>те иностр<анные> журналы «Zeitschrift für slav<ische> Philologie», «Les études Slaves», «Slavia»; там много интересного даже для историка новой русск<ой> литературы. И питерские литературщики туда посылают свои работы.

Ну, пора кончать. Пишите, да поподробнее, дорогой Василий Васильевич. Не очень уж поддавайтесь мрачным настроениям.

Дружески жму Вашу руку.

Вл. Буш.

28/XII <19>25.
Саратов.

[1] Судя по перечню рукописей, издание задуманного сборника не состоялось. Идентифицирована только статья историка *Павла Григорьевича Любомирова* (1885—1935) «Благонамеренное „Путешествие из Петербурга в Москву“ (Радищев и Глушков)» (Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. 1927. Т. 6, вып. 3. С. 317—330), посвященная книге *Ивана Фомича Глушкова* (1774?—1848) «Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами<...>» (СПб., 1801; Изд. 2-е, испр. и умнож. 1802).

[2] См.: Сборник Общества исторических, филологических и социальных наук при Пермском университете. Пермь, 1918. Вып. 1; то же / Под ред. А. П. Дьяконова. 1927. Вып. 2; то же. 1929. Вып. 3. «Ученые записки Пермского университета» издаются с 1929 г.

[3] *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений: В 12 т. / Изд. Б. К. Фукса. Киев, 1903—1904. Ему предшествовали прижизненные «Сочинения» в 8 т. (СПб., 1883—1886; издание Ф. Ф. Павленкова) и в 3 т. (СПб., 1889—1891; с предисловием Н. К. Михайловского; то же. Изд. 3. СПб., 1896—1898). О киевском издании В. В. Буш писал в 1925 г. (см. п. 11, прим. 2).

[4] См.: *Розенберг В. А.* Глеб Успенский в годы «безвременья» // «Русские ведомости». 1863—1913: Сб. статей. М., 1913. С. 216—266; То же: *Розенберг В.* Журналисты безвременья. М., 1917. С. 199—292.

[5] Точнее: *Чешихин-Ветринский В. Е.* Молодость Глеба Успенского: Биогр. заметки // Русская мысль. 1911. № 6, отд. II. С. 46—76; № 7, отд. II. С. 1—26. — Подпись: Ч. Ветринский.

[6] Эти материалы (картотека, списки литературы) в фонде В. В. Буша отсутствуют.

[7] Специально о Г. И. Успенском В. В. Гиппиус не писал. Очевидно, он интересовался им как писателем из литературного окружения Салтыкова (см. п. 15, прим. 2).

[8] Указанные отзывы (на «Жену писателя» и «Этюды») см.: *Пиксанов Н.* [Рец. на кн.: В. В. Буш. Глеб Успенский (В мастерской художника слова). Этюды. Саратов, 1925); он же. Жена писателя. Александра Васильевна Бараева-Успенская. Л., 1925] // Печать и революция. 1925. № 7. С. 265—266; *Маторина Р.* [Рец.: то же] // Новый мир. 1925. № 6. С. 159—160.

[9] См.: *Буш В. В.* О современном состоянии устно-поэтического творчества в деревнях Вольского уезда по материалам экспедиции 1925 г. // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 169—184; также: *Буш В. В.* Этнографическая экспедиция 1925 г. // Этнография. 1926. № 1/2. С. 299—300.

[10] О своих корреспондентах В. В. Буш писал раньше (см. п. 11, прим. 1).

[11] См.: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений. СПб.; Пг., 1900—1917. Т. 1—11; М.; Л., 1926. Т. 12. Подробнее см.: *Спиридонов В. С.* История первого Полного собрания сочинений Белинского // Книжные новости. 1936. № 3. С. 4—6. Добавочный, 13 том, вышел в 1948 г.; его также подготовил — до войны — В. С. Спиридонов.

[12] Неудачная шутка (РКП — Российская Коммунистическая партия). См.: *Фомин А. Г.* С. А. Венгеров как организатор и первый директор Российской Книжной палаты (ныне Институт книговедения): (К пятилетию со дня смерти) / Ин-т книговедения. Л., 1925.

[13] См. книги С. Д. Балухатого: 1) Проблемы драматургического анализа: Чехов. Л., 1927; 2) Теория литературы: Аннот. библиогр. Вып. 1. Общие вопросы. Л., 1929. Следующие выпуски не были изданы.

[14] См.: Язык и литература: Сб. статей. Л., 1926. Т. 1, вып. 1—2; То же. 1927. Т. 2, вып. 1—2. См. также п. 6, прим. 5.

17

2 марта 1926 г. Саратов

2/III <19>26.
Саратов.

Дорогой Василий Васильевич!

Долгонько нет от Вас весточек. Сажусь за послание Вам, потому что могу сообщить некоторые небезынтересные для Вас новости.

Вышел сборник «Н. Г. Чернышевский».[1] По-моему, весьма приличный; несколько он академичен, но это — неплохо. Внешне отпечатан даже и хорошо. Скафтымов говорил, что Вам его пошлют и даже он собирался Вам писать. Если до сих пор его не получили — черкните, сделаю нажим.[2]

Второй сборник статей передан издателю и, кажется, сейчас в Гублите.[3] Но в общем дело двигается, хотя и туго. Многие нас подвели и не прислали своих статей, а одна относительно крупная питерская персона прислала такой хлам (для Саратова-де годится), что подыскиваем только «приличные» основания для возврата его ученых трудов.[4]

Работу об Успенском заканчиваю. 2/3 ее послезавтра потащу к издателю. Многое следовало бы еще доделать, «выносить», но трудно это в Саратове — надо пользоваться возможностью выпустить книгу. А то «выносишь», а потом ее будешь вылеживать; тоже проку мало. Пушкинский Дом меня порадовал, согласился зачислить ее в серию «своих» «Трудов». Это будет, конечно, хорошая «марка».[5] Хочется думать, что издатель сдержит свое слово и не подведет меня. Впрочем, возможно, что и заартачится (был он последнюю неделю в Москве и неизвестно, с какими настроениями вернулся).

В университете все идет «своим чередом». Профессора ведут занятия (не «лекции читают» — упаси Боже!), студенты мечутся, «грызут гранит науки» и пекут зачеты. Кроме преподавания, профессора еще очень заняты выколачиванием денег из более выгодных учреждений, чем Госуниверситет, так что на сие последнее учреждение у них не так много и времени уходит.

Что будете делать летом? Как Пермский сборник?

На наши «Ученые записки» обратил внимание ГУС и остался чрезмерно академическим тоном записок весьма недоволен.

Предложено ред<акционной> коллегии «выявить» свою «платформу» и к очень ценным статьям без «платформы» делать примечания, почему-де такая-то статья хотя и без «платформы», а все-таки печатается. Принято к сведению и исполнению.

Читали или видели новую книгу Сакулина «Синтет<ическое> постр<оение> ист<ории> лит<ературы>»,[6] Фатова о Неверове (250 стр.!),[7] III-ий вып<уск> «Атенея» с материалами (литер<атурными>) декабристов?[8]

В Академии наук за вакантную кафедру Нест<ора> Ал<ександровича> Котляревского происходит бой-драка великая, нечто вроде битвы русских с кабардинцами.[9]

Ну, всего доброго. Дружески жму Вашу руку. Черкните как-нибудь. Совсем не забывайте.

Вл. Буш.

[1] Речь идет о кн.: Николай Гаврилович Чернышевский: Сборник: Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания / Изд. Нижне-Волж. обл. науч. о-ва краеведния. Саратов, 1926.

[2] В сборнике опубликована статья В. В. Гиппиуса «Чернышевский — стиховед» (с. 73—91).

[3] О нем см. в предыдущем письме.

[4] Иносказание неясно.

[5] См.: *Буш В. В.* Литературная деятельность Гл. Успенского: (Очерки) / Труды Пушкинского Дома при РАН. Балаково, 1927. В собрании публикатора находится экземпляр с дарственной надписью автора А. Г. Фомину.

[6] См. п.14, прим. 3.

[7] См.: *Фатов Н. Н.* А. С. Неверов: Очерк жизни и творчества. Л., 1926. Автором книги о прозаике А. Неверове (псевд. Александра Сергеевича Скобелева; 1886—1923) был историк русской литературы и критик, профессор Московского университета *Николай Николаевич Фатов* (1887—1961).

[8] «Атеней» — историко-литературный временник, выходивший в одноименном издательстве (Л., 1924—1926) и возглавлявшийся Б. Л. Модзалевским, Ю. Г. Оксманом, П. Н. Сакулиным. Третий (последний) выпуск вышел с грифом «Труды Пушкинского Дома». См.: Памяти декабристов. 1825—1925 / Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л., 1926.

[9] Метафора — от основного заглавия чрезвычайно популярной на протяжении трех четвертей века повести лубочного писателя *Николая Ильича Зряхова* (1782/1786—кон. 1840-х) «Битва русских с кабардинцами или Прекрасная мусульманка, умирающая на гробе своего супруга» (М., 1840; переизд. до 1917 г. включительно; об авторе и книге см. статью А. И. Рейтблата: Русские писатели. 1800—1917: Биогр. словарь. М., 1992. Т. 2. С. 360—361). Этим «крылатым словом» В. В. Буш охарактеризовал ситуацию, сложившуюся после смерти 12 мая 1925 г. первого директора Пушкинского Дома, историка русской литературы, критика и публициста Нестора Александровича Котляревского. До 31 июля исполняющим обязанности директора был Б. Л. Модзалевский, а с 1 августа директором (в порядке совместительства) стал историк *Сергей Федорович Платонов* (1860—1933), в 1929—1931 гг. — главный обвиняемый по так называемому «академическому делу».

18

22 марта 1926 г. Саратов

Дорогой Василий Васильевич.

С удовольствием получил и прочитал после долгого времени Ваше письмо. Много интересного и нового узнал из «библиографической» части письма.

Наш сборник двигается, но довольно туго. До печатания дело еще не дошло. Получен здесь циркуляр, по которому Гублит не имеет права выдавать разрешения на «литературные» книги, а все они должны быть направлены в Москву!! Отсюда, значит, следует ряд волокит. Наш издатель только что вернулся из Москвы и, надо сказать, приехал после месячного пребывания в столице в весьма мрачных настроениях. Конечно, по «тактическим» соображениям он перед «авторами» сугубо сгущал мрачные краски. Тактика была, пожалуй, и удачная: напугал действительно. Но кончилось все благополучно: от своих обещаний не отказался и книги взял. Сборник и моя работа об Успенском поедут в Москву. Сколько они там пробудут времени и в каком «настроении» они вернутся оттуда — один аллах ведает. К тому же, мне известно, Москва имеет хороший обычай иногда терять рукописи. Но ведь выхода нет! На все, решительно на все приходится соглашаться, где хоть какой-нибудь проблеск надежды сверкнет.

О Ваших работах по Салтыкову-Щедрину я этому издателю при случае скажу.[1] Но сейчас — не могу; прямо должен сказать Вам — по тактическим соображениям. Ведь просто сказать, что вот-де в Перми есть такая работа — это значит ничего не сказать. А всерьез, вплотную, с нажимом я сейчас не могу говорить, потому что хлопочу об «указ<анных>» двух работах и держу еще «единый фронт» с некоторыми другими саратовскими авторами. Но я обещаю Вам переговорить с ним «вплотную», когда волна рукописей, завалившая его сейчас, схлынет. Это может быть к лету (к маю и июлю).

Моей работой об Успенском весьма не удовлетворен. Надо бы еще поработать, кое-что доделать; да что толку в этом — доделаешь, и будет лежать в письм<енном> столе. Впрочем, и сейчас нет уверенности, что дело кончится благополучно.

Об опечатках в Вашей статье[2] сказал Скафтымову; ему было очень досадно тоже; корректуру держал, однако, не он, а Н. М. Чернышевская.[3] Впрочем, Вам, конечно, от этого не легче.

Имел письма из Питера. Там в университете последнее время идет «ажиотаж» из-за ректорского кресла. Была гражданская война и внутри Научно-исслед<овательского> института.[4]

Ваша работа над стилем писателей-натуралистов чрезвычайно должна быть интересной — насущная и очередная это задача.[5] О стиле Успенского кое-что я написал в моей работе. Но освоить его, конечно, надлежаще не мог — такой вопрос освещается сравнительным материалом. А подготовительных работ нет. Кроме того, думается, здесь будет весьма интересен и момент социологический?

Теперь хочу ответить Вам еще на одно место Вашего письма. Вы его поместили на «пятой» странице. Тема: «Пермский ун<иверсите>т и Буш».

По совести скажу, чувствую себя в Саратове прескверно, даже просто погано. Отношения с профессурой весьма кисло-сладкие. А затем — полное безденежье. Вот в Вашем письме проскользнуло, что Вы имеете 16 час<ов>. А у меня только 12. А когда была возможность мне добавить еще не то час, не то два, было отказано; это де предел. Заработка другого не предвидится — всё разобрано. Вокруг каждой должности разыгрываются сцены и раздается урчание диких зверей. Подхалимничать надо. Ну вот, все это, значит, «нехорошо», и даже не стоит об этом писать, потому что все это в порядке вещей. Пишу потому, что у Вас была указ<анная> мною выше тема. А я к этой теме даю «историческую» перспективу. Но как бы скверно здесь ни было, ехать мне в другой ун<иверсите>т не имеет смысла при двух условиях: 1) концентрация моего преподавания по одной кафедре — истории русск<ой> лит<ературы> с формальным и юридическим признанием меня профессором по данной кафедре (в пределах этой кафедры мне не так существенно, какие именно курсы читать и какие курсы могли бы быть мне предоставлены как основные — новая лит<ература>, древн<яя> или народная). От методики я постепенно хотел бы отказаться совсем. В крайнем случае — как совершенно «побочное» занятие.

2) При переходе в другой ун<иверсите>т я должен иметь уверенность, что материальная «база» хоть немного, да все-таки будет лучше.

При этих двух условиях я, пожалуй, серьезно подумал бы о том, чтобы покинуть Саратов.

Отвечаю так пространно на Вашу обмолвку в письме, потому что действительно чувствую себя здесь скверно. Знаю, что мои условия совершено не подходящие. Т<а>к к<а>к у Вас по кафедре русск<ой> лит<ературы> уже два профессора.[6] И все-таки пишу — на всякий случай; чем черт не шутит?

Летом не собираетесь в Питер?

Шлю сердечный привет.

Дружески жму Вашу руку.

Вл. Буш.

22/III <19>26.

Саратов.

[1] См. п. 15, прим 1.

[2] См. предыдущее письмо.

[3] *Чернышевская Нина Михайловна* (до 1937 г. Чернышевская-Быстрова; 1896—1975) — внучка Н. Г. Чернышевского, исследователь его жизни и творчества; возглавляла Домузей писателя в Саратове.

[4] С мая 1922 г. до мая 1925 г. ректором Петроградского /Ленинградского университета был славяновед *Николай Севастьянович Державин* (1877—1953), возглавлявший также реорганизованный им Научно-исследовательский институт по изучению литератур и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ). Его сменил и. о. проректора (с 1922 г.) историк, юрист *Михаил Васильевич Серебряков* (1879—1959; ректор ЛГУ в 1927—1930 гг.).

[5] Проблемы «натурализма» и «натуральной школы» были освещены В. В. Гиппиусом в работах о Н. В. Гоголе, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Н. Г. Чернышевском (см.: *Фридлендер Г.* От редактора // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока. М.; Л., 1966. С. 5—6).

[6] Имеются в виду сам В. В. Гиппиус, а также археограф, фольклорист, историк русской литературы, прозаик *Павел Степанович Богословский* (1890—1966); см.: *Иванова Т. Г.* П. С. Богословский и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 3—35.

19

26 апреля 1926 г. Саратов

Дорогой Василий Васильевич.

Ваше письмо получил. «Очередь» за мной. Сажусь писать, хотя и мало могу написать утешительного. Работа моя об Успенском окончена. И с ней уже происходит «обыкновенная история».[1] Мой «издатель», который категорически заверял меня в течение полугода, что напечатает ее, оказался весьма... легкомысленным человеком, мягко выражаясь. Ссылаясь на неожиданные затруднения книжного рынка, бьет отбой... А я занялся безнадежным делом — ищу нового издателя. А что это значит — Вы сами прекрасно знаете.

Такое же положение и со сборником, в который Вы прислали статью.[2] Окончательного отказа нет, но, на мой взгляд, нет почти никакой надежды и на его появление. Через три месяца обещал дать окончательный ответ; тогда де выяснится «конъюнктура» книжного рынка. Мне и Скафтымову очень совестно, но ничего сделать не можем. Положение с печатанием, видимо, катастрофическое. Все-таки если у Вас нет возможности Вашу статью пристроить теперь же в другом месте, я просил бы ее оставить еще на три месяца у нас; чем черт не шутит?

Выходит у нас на днях очередной выпуск «Ученых записок», в котором помещено будет описание и моей этногр<афической> экскурсии...[3] Да вчера вышел очередной выпуск «Трудов» Нижневолж<ского> о<бщест>ва краеведения (по этногр<афической> секции).[4] Интересно знать, получает ли Пермский ун<иверсите>т «наши» саратовские «Труды»? При рассылке Ваш ун<иверсите>т в списках значится.

О настроениях писать не стоит — скучно, нудно и неинтересно. Летом поеду, наверно, со студентами опять на «записи» в деревню недели на две.[5]

Потом хочу отдохнуть. Это буду делать даже не под Саратовом, а в Саратове, который летом представляет из себя сплошное раскаленное облако пыли. Но ничего мне не вытанцовывается; сему причина — безденежье. Если облака пыли столицы Нижнего Поволжья не окончательно скроют от меня поволжские хотя бы горизонты, то надеюсь обдумать и приступить к новым научным изысканиям: пустые места в письменном столе у меня есть еще, и даже самые обстоятельные исследования найдут себе там приют.

Вот и все, дорогой Василий Васильевич, что могу сейчас сообщить. Не найдете ли Вы возможным получить от Вашего Богословского его статью о пермск<ой> краеведч<еской> литературе и переслать мне? Или просто передать ему мою просьбу?[6]

Для Вашей кафедры методики следовало бы Вам иметь в виду доц<ента> или проф<ессора> (не знаю, и сие не есть важно) в Иркутск<ом> ун<иверсите>те В. А. Малаховского. (Он хотел оттуда удирать к нам).[7]

Дружески жму Вашу руку.

Пишите. Когда отдохну — обязуюсь написать более веселое письмо.

Вл. Буш.

26/IV <19>26.

[1] Очевидно, каламбурное использование заглавия первого романа *Ивана Александровича Гончарова* (1812—1891); роман опубликован в 1847 г.

[2] Отсутствие писем В. В. Гиппиуса препятствует идентификации с опубликованными работами; издание сборника не состоялось (см. след. письма).

[3] См. п. 16, прим. 9.

[4] Этнографический сборник. Саратов, 1926 (Труды Нижне-Волжск. обл. науч. о-ва краеведения; Вып. 34, ч. 4).

[5] Употребление кавычек свидетельствует о неустойчивости термина «фольклорная запись» в 1920-х гг.

[6] См. предыдущее письмо (прим. 6). Речь идет о статье П. С. Богословского «Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае» (Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 94—110). В фонде В. В. Буша писем П. С. Богословского нет.

[7] *Малаховский Всеволод Антонович* (1890—1966) — лингвист, с 1939/1940 г. — профессор Самарского (Куйбышевского) педагогического института. В архиве В. В. Буша — 6 писем В. А. Малаховского (август 1925—январь 1929 г.; РНБ, ф. 117, № 164).

20

2 июня 1926 г. Саратов[1]

Дорогой Василий Васильевич.

Большое спасибо за оттиск из «Zeitschrift f<ür> sl<avische> Phil<ologie>».[2] Радуюсь за словесников, печатающихся за границей, и грущу. Впрочем, и сам, кажется, скоро(?) появлюсь в «Slavia».[3]

Получил от П. С. Богословского его статью. Послал ему кое-что. Надеюсь, получил? При случае спросите.

Извините, что посылаю открытку; соберусь написать письмо. Сердечный привет.

Вл. Буш.

[1] Датируется по штемпелю на лицевой стороне открытки.

[2] *Gippius V.* Ergebnisse und Probleme der Saltykov-Forschung // Zeitschrift für Slavische Philologie. Leipzig, 1927. Bd. 4, Doppelheft 1—2. S. 178—200.

[3] В авторском списке (РНБ, ф. 117, № 26) публикация В. В. Буша в журнале «Slavia», издававшемся в Чехословакии, не указана.

21

1 августа 1926 г. Саратов

Дорогой Василий Васильевич.

Вашу краеведческую статью получил; большое спасибо.[1] Извините, что не сразу написал: был в фольклорной экскурсии. Ездил со студентами опять за «сказками и песнями» по Вольск<ому> у<езду> Сар<атовской> г<убернии>.[2] Отдохнул немножко, подышал свежим деревенским воздухом. Кое-что собрали. Есть и интересные вещи. Но ведь всему этому — одинаковая участь с другими работами: лежать под спудом. Пока реальная польза для студентов: кой-чему учатся на этом деле. Только теперь в наших «Записках» напечатали краткое описание наших прошлогодних странствований.[3] Где пристраивать собр<анный> материал — не приложу ума. Предположенные журналы, «Этнография» и «Худож<ественный> фольклор»,[4] не двигаются с места и, кроме объявлений, что они готовятся к печати, о них вот уже два года, как ничего не слышно.

Мою статейку посылаю Вам в двух экземплярах. Один передайте Богословскому.[5]

С Гл<ебом> Успенским по-прежнему плохо. Пытаюсь пристраивать по частям. Но что из этого выйдет — не знаю. Пока и писать-то не хочется.

Сборник, для которого Вы прислали статью, почти безнадежен; выяснится, наверное, через месяц все окончательнейше!

В «Revue des études Slaves» я не сотрудничаю. Журнал выходит в Париже. Его редактирует небезызвестный Вам, наверное, André Mazon.[6] Ему, между прочим, принадлежит большая статья в посл<едних> №№ журн<ала> о Тургеневе.[7] Печатает ее на основании неизв<естных> рукописн<ых> черновиков Тургенева, находящихся в Париже.[8]

Мазону я писал и запрашивал его, не знает ли он каких-нибудь документов о пребывании Успенского в Париже (72 г., 74—76 гг.). Ведь У<спенск>ий в это время был в общении с Тургеневым.[9] У меня были подозрения, что в архиве (?), из кот<орого> черпает материал Мазон, могли быть и материалы об Успенском. Но мои предположения не оправдались.[10]

С Фасмером[11] я вступил в контакт. Совершенно с Вами согласен, что их журналы надо поддержать. Конечно, сотрудничеством, сообщением сведений, а кроме того *подпиской* для университета, семин<арской> библ<иотеки>. Ведь удивляешься, как они могут ставить такие журналы. Я случайно знаю, что «Zeitschrift» Фасмера *имеет* всего-навсего 204 подписчика!! И существует! Правда, возникает уже вопрос о частичном сокращении размера.

Спиридонов — Василий Спиридонович — конечно, может написать обзор изучения русск<ой> критики с 74 г. Его адрес: Ленингр<ад>, Зимин пер<еулок>, 4, кв. 2. Только вряд ли он сейчас возьмется за это дело. Весь — в работе над XII-м т<омом> Собр<ания> соч<инений> Белинского. Завален корректурами... и, однако, не уверен, что набранная книга в 35 лл. выйдет в свет.[12]

В. С. Спиридонов — не только мой знакомый, но и добрый мой приятель, для меня — Спиридоныч. Но этот Спиридоныч не имеет времени сейчас написать мне открытки. Между прочим, он — гл<авный> работник в Толст<овском> Музее при Ак<адемии> н<аук>.[13]

Языковеда (общ<его>) мог бы указать одного — Любовь Владимировну Арасимович (ассист<ент> в Ленингр<адском> ун<иверсите>те).[14] Но не знаю, пойдет ли. Впрочем, я, кажется, Вам ее указывал.

Пишите. Не забывайте. Это лето я провожу «ужасно». Безвыездно сижу в городской духоте и 20 часов в сутки сплю.

Дружески жму Вашу руку.

Вл. Буш.

1/VIII <19>26.

[1] О чем идет речь — неясно.

[2] Подразумевается летняя этнографическая экспедиция 1925 г. (см. п. 16, прим. 9).

[3] То же.

[4] «Этнография» (с 1931 г. «Советская этнография») — сборник, издававшийся Главнаукой в 1926—1930 гг.; вышло 12 книг. «Художественный фольклор» (1926—1929) — издание Государственной Академии художественных наук; вышло 5 книг.

[5] Подразумеваются оттиски из «Ученых записок Саратовского государственного университета» (см. прим. 2—3).

[6] *Mazon André* (Мазон Андрей Альбинович; 1881—1967) — французский филолог-славист; в 1905—1908 гг. преподавал в Харьковском университете. В 1921 г. основал международный журнал по славяноведению и был бессменным главным редактором в течение 45 лет.

[7] См.: *Mazon A.* L'elaboration d'un roman de Tourguenev: «Á la veille», «Premier amour», «Fumée» // Revue des études slaves. 1925. T. V, fasc. 3—4. P. 244—268.

[8] См.: *Mazon A.* Manuscrits parisiens d'Ivan Tourgenev: Notices et extraits. Paris, 1930. (Bibliothèque de l'Institut français de Leningrad; T. 9); *Мазон А.* Парижские рукописи И. С. Тургенева / [Сокр.] пер. с франц. Ю. Ган; Под ред. Б. Томашевского. М.; Л., 1931.

[9] Эта тема освещена в статье Н. В. Алексеевой в связи с публикацией писем И. С. Тургенева (см.: Литературный архив. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 221—226).

[10] Письмо А. Мазона к В. В. Бушу неизвестно.

[11] *Фасмер Макс* (1886—1962) — выдающийся русско-немецкий лингвист, чл.-корр. АН СССР (1928). Из российских немцев; после революции — в эмиграции. Его письма к В. В. Бушу 1926—1928 гг. по поводу участия в «Zeitschrift» см.: РНБ, ф. 117, № 227. В журнале М. Фасмера была опубликована статья: *Busch V.* Gl. Uspensky zur Geschichte der Textgestalt seiner Werke // Zeitschrift für Slavische Philologie. Leipzig, 1928. Bd 5, Heft 1/2. S. 63—95.

[12] См. п. 16, прим. 11.

[13] Толстовский музей был создан в 1911 г. на основе первой выставки, посвященной Л. Н. Толстому. В 1920-е гг. располагался по адресу Тучкова наб., д. 2а, где находились и выставочные помещения Пушкинского Дома. В 13 залах экспонировались изобразительные, мемориальные и печатные материалы. Музей владел также автографами Л. Н. Толстого. Помимо экскурсий, Толстовский музей вел большую библиографическую и публикаторскую работу (см.: Толстовский музей. Путеводитель. Л., 1925). В 1931 г. Музей был ликвидирован. Его коллекция рукописей первоначально была передана в Пушкинский Дом, а затем, в 1940 г., в Москву в Музей Л. Н. Толстого.

[14] Отчество указано ошибочно. Имеется в виду корреспондентка В. В. Буша (ф. 117, № 84) славист *Любовь Вячеславовна Разумовская* (урожд. Арасимович; 1897—1969); справку о Л. В. Арасимович-Разумовской см.: Научные работники Ленинграда. Л., 1934. С. 14.

22

12 декабря 1926 г. Саратов

12/XII <19>26.
Саратов.

Дорогой Василий Васильевич.

Не сердитесь на меня за продолжительное молчание. Безумно занят. Уйма лекций в Университете. Заседания. Работа в местн<ом> Музее нар<одного> образования... Впрочем, расписывать нечего: всюду одинаковая картина — сутолока.

Хорошего в Саратове по-прежнему мало. Истор<ико>-лит<ературный> сборник, несмотря на свой «стаж», все еще не дожил до окончательного приговора, но, очевидно, он будет не в пользу его. Приговор ожидается в первых числах января.

О высылке Вам рукописи Чернышевского я спрашивал Скафтымова и обращался в Музей. Узнал следующее: Управление музеями (Губмузей) не согласился на высылку оригинала. Заведующая Музеем им<ени> Черн<ышевского> — Нина Мих<айловна> Быстрова-Чернышевская[1] — решила переслать Вам копию, но, за неимением времени, вышлет ее Вам нескоро. Напишите, чем я могу быть Вам полезен. И устраивает ли Вас копия. Оригинал, видимо, Вам из Саратова не вышлют; это — окончательно.

Приступил к печатанию книжки об Успенском.[2] Решил ее распатронить на три тощих выпуска. В «ближайшем» будущем выйдет, наверное, первый, а, может быть, первый и второй выпуск. Издание приходится субсидировать самому из моей собственной казны. А посему у меня к Вам преоригинальнейшая просьба: не найдете ли Вы возможным в Перми «распространить» неск<олько> экземпляров, ну, хотя бы 5—10. Цена книжке будет назначена 1 р<убль>—1 р<убль> 25 коп<еек>. «Организовать дело» можно было бы так. Если Вы любезно согласились бы исполнить мою просьбу, то я Вам по выходе книги из печати прислал бы количество экз<емпляров>, которые Вы укажете, а деньги Вы выслали бы уже после «сбыта» товара. Книжка озагл<авлена> «Лит<ературная> деят<ельность> У<спенско>го. Очерки». Во всяком случае в первом жиденьком выпуске будет общий обзор всей его основной литер<атурной> раб<оты>, а во-втором — связь его

лит<ературной> деят<ельности> с эпохой (влияние литер<атурной> среды, критики, революц<ионного> нар<одничества> и «экономики»). Б<ыть> может, удастся первый выпуск соединить со вторым. Надеюсь выпустить в нач<але> января. Первая корректура первой части прошла уже. Вам лично экземпляр не замедлю выслать.

Для Фасмера послал статью по истории текста У<спенско>го.[3] Кажется, согласился напечатать. А на днях получил приглашение от Перетца[4] дать заметку в Сборник, затеваемый Ак<адемией> наук в честь акад<емика> А. И. Соболевского (70 лет со дня рождения).[5] Послал из моих прежних работ по др<евней> литер<атуре>. Не знаю, примет ли?[6]

Из добрых знакомых меня вспомнили: А. Г. Фомин — прислал небольшую книжечку «Библиография» (конспект лекций);[7] В. С. Спиридонов — Инструкцию по описанию журналов.[8] Он председатель секции изучения журналистики в Иссл<едовательском> инст<итуте> в Ленингр<аде>.

От М. К. Азадовского из Иркутска получил «Ленские причитания», «Бестужев-Рюмин как этнограф», 6-й вып<уск> прекрасной «Сибирской жив<ой> старины».[9]

От Н. С. Державина получил I-й том изд<ания> Иссл<едовательского> инст<итута> «Язык и литература». Там есть материал прямо и непосредственно по Вашей части — о Салтыкове-Щедрине. Знаете?[10] Наверно, знаете и книгу Никитиной «Р<усская> лит<ература> от символизма до наших дней» с предисл<овием> Пиксанова в изд<ании> «Никит<инских> субботн<иков>».[11] Книга на 35 печ<атных> лл.! Весьма полезный библиогр<афический> справочник-темник для занятий новейшей литературой.

Чувствую, что надо бы съездить в Москву или Ленинград, да некогда и денег нет. Последние откладываются для выкупа печатаемой книжонки.

Пишите, не забывайте. Не откажите в скорейшем сообщении, могу ли я рассчитывать на распростр<анение> «вышеописанной» книжки через Ваше посредство. (10 экземпляров! Дешево! Вне конкуренции!!).

Сердечный привет.

Вл. Буш.

P. S. Вот что скверно: с нашего лингв<истического> отдел<ения> уезжает в Казань крупнейший ученый — Гр<игорий> Андр<еевич> Ильинский (каф<едра> общ<его> язык<ознания>) — член-корр<еспондент> Ак<адемии> наук.[12]

P. S. Книжка, конечно, плохая, но в марте 27-го г. 25 лет со дня смерти.[13]

[1] См. п. 18, прим. 3.

[2] Т. е. «Литературная деятельность Гл. Успенского» (см. далее и следующие письма).

[3] См. п. 21, прим. 11.

[4] *Перетц Владимир Николаевич* (1870—1935) — филолог, академик (1914).

[5] *Соболевский Алексей Иванович* (1856/1857—1929) — лингвист, академик (1900). Юбиляру был посвящен очередной «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР» (1928. Т. 101, № 3).

[6] См.: *Буш В. В.* К вопросу о «Хождении Трифона Коробейникова» // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского, изданного ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников. Л., 1928. С. 154—156. См. также п. 2.

[7] *Фомин А. Г.* Библиография: Программа / Высш. курсы библиотековедения при Государственной Публичной библиотеке. Л., 1926.

[8] См.: Инструкция для описания журналов / Науч.-исслед. ин-т сравнительного изучения лит. и языков Запада и Востока. Группа журналистики, критики, публицистики. Л., 1926. См. также: 2-е изд., доп. Л., 1928 (со вступительной статьей В. С. Спиридонова «К истории изучения русской журналистики»).

[9] *Азадовский Марк Константинович* (1888—1954) — историк русской литературы, этнограф, фольклорист; участник Пушкинского семинария С. А. Венгерова. См. его работы: 1) Ленские причитания. Чита, 1922; 2) Н. Бестужев — этнограф. Иркутск, 1925 (оттиск; см.: Сибирская живая старина. Иркутск, 1925. Вып. 3. С. 9—40). См. также: Сибирская живая старина: Этногр. сб. Иркутск, 1926. Вып. 2(6).

[10] О Н. С. Державине — инициаторе издания сборников ИЛЯЗВ «Язык и литература» — см. п. 18, прим. 4. В. В. Буш указывает на публикацию Н. В. Яковлева «М. Е. Салтыков-Щедрин. Экскурсии в область умеренности и аккуратности» (Язык и литература. Л., 1926. Т. 1, вып. 1—2. С. 387—408).

[11] *Никитина Евдоксия Федоровна* (1895—1974) — литературный критик, библиограф. Салон Е. Ф. Никитиной (1914) с 1921 г. носил название «Никитинские субботники»; тогда же возникло одноименное московское издательство. Упоминаемую книгу см.: *Никитина Е. Ф.* Русская литература от символизма до наших дней: Лит.-социол. семинарий / С предисл. Н. К. Пиксанова. М., 1926.

[12] См. о нем п. 10, прим. 4.

[13] Г. И. Успенский умер 24 марта (6 апр.) 1902 г.

23

25 февраля 1927 г. Саратов

Дорогой Василий Васильевич!

Не сердитесь на черную неблагодарность мою. Вашу интереснейшую статью о «Людях и куклах» получил давно.[1] Но так уж замотался здесь, что даже поблагодарить Вас до сих пор не успел.

На днях вышлю Вам копию рукописи Чернышевского.[2] И тогда напишу пообстоятельнее; считайте — письмо за мной. Теперь же должен выслать Вам обратно рукопись Вашей статьи: сборник не выйдет; издатель оказался «липовым».[3]

На днях вышлю Вам также мою книжицу об Усп<енском> и неск<олько> экземпл<яров> для «распространения», на которое Вы любезно согласились.

Видели книгу С. Д. Балухатого «Проблемы драматург<ического> анализа» (изд<ательство> «Academia»)?[4] Получил от него. Книга интересная...

Не сердитесь на краткость и опоздание с ответом.

Дружески жму Вашу руку.

Вл. Буш.

25/II <19>27.
Саратов.

[1] См.: *Гиппиус В. В.* Люди и куклы в сатире Салтыкова. Пермь, 1927 (оттиск; см.: Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском государственном университете. 1927. Вып. 2. С. 27—57 — вышел в декабре 1926 г.).

[2] См. следующие письма.
[3] См. п. 14 и 16, прим. 1.
[4] *Балухатый С. Д.* Проблемы драматургического анализа: Чехов. Л., 1927 (Вопросы поэтики; Вып. 9).

24

2 марта 1927 г. Саратов

Дорогой Василий Васильевич.

Посылаю Вам 10 экз<empляров> моей книжки. Надеюсь, что часть будет реализована. Продавать можно по 1 р<ублю>. В апр<еле> — 25 лет со дня смерти У<спенско>го,[1] сл<едовательно>, книжка — «юбилейная». Б<ыть> м<ожет>, это поможет? Если продадите хоть 5 экз<empляров> — не задержите высылку денег, не ждите продажи всего товара. Все изд<ание> ложится тяжелым бременем на меня лично. На днях вышлю Вам копию с статьи Черныш<евского>. Нет ни минутки свободной — присесть, подумать, побеседовать ли с Вами...

Дружески жму Вашу руку.

Вл. Буш.

2/III <19>27.

[1] Ср. п. 22, прим. 13.

25

3 апреля 1927 г. Саратов

3/IV <19>27.
Саратов.

Дорогой Василий Васильевич.

Письмо было «за мной». И часто чувствовал угрызения совести. Но так уж складываются у меня обстоятельства, что выкроить свободную минутку почти невозможно. Да, откровенно говоря, и писать почти нечего. Описывать скверные настроения свои — будет лирикой, а она не особенно в почете, да и не интересна. А относящееся к эпическому виду — весьма просто и прозаично.

Подходит к концу учебный год. Оглядываюсь назад — ничего за год не сделано. Все время ушло на универс<итетские> лекции (17 часов в нед<елю>!!!). Много отнимал времени Кружок препод<авателей>-словесн<иков> при Муз<ее> нар<одного> образ<ования>.[1] Несколько раз выступал с публичными лекциями, один раз — даже с выездом в уездный гор<од> Аткарск. Не особенно люблю я такие выступления — да делать нечего: литературные выступления у нас вошли почти что в моду в этом сезоне. Приезжали и читали литер<атурные> лекции после Рождества Маяковский, Жаров, Уткин, Степной, много раз выступал Лелевич.[2] Устраивали засед<ания> памяти Пушкина,

Гоголя, ныне — Глеба Успенского.[3] И всегда полная аудитория. Конечно, отрадно все это, но требует от нашего брата напряжения и отрыва от чего-то более важного и серьезного.

Эти дни здесь на очер<едном> съезде Советов присутствует Луначарский. Конечно, тоже «выступал»: о судьбах русск<ой> интеллигенции.[4]

Жду не дождусь конца семестра, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок, а затем засесть опять за работу.

Из книжных новинок, которые лежали у меня и которые не могу внимательнее просмотреть — сборник «Ars poetica» (ст<атьи> по вопр<осам> поэтики),[5] потом «Поэтика», в<ыпуск> 2 — изд<ание> Инст<итута> ист<ории> иск<усств>.[6] В Питере Инст<итут> книговед<ения> выпустил «Книгу о книгах».[7]

Приходит к концу печат<ание> Сборн<ика> в честь Соболевского,[8] Горбачев заканчивает нов<ую> книгу (курс) о новейшей русск<ой> лит<ературе>,[9] а Полонский затевает пятитомную истор<ию> лит<ературы> XX в<ека> (коллективно).[10] Последние две новости знаю от Лелевича, только что ездившего в Москву.[11] Ефимов в Смоленске в «Уч<еных> зап<исках>» приступил к печатанию своей книги о соврем<енном> изуч<ении> литер<атуры>.[12] В Баку вышла книга А. В. Багрия «Русск<ая> лит<ература>»[13] — курс лекций по XIX—XX в. Книгу мне удалось купить. Впрочем, о ней уже наверно знаете: ее разругали в посл<еднем> № «Родн<ого> яз<ыка> в школе», где помещена и Ваша статья о Салтыкове-Щедр<ине>.[14]

У нас пока ничего не намечается к изданию, но наш проф<ессор> русск<ой> истории С. Н. Чернов печатает в Москве (ГИЗ) автобиогр<афию> Чернышевского с подр<обным> комментарием (кн<ига> лл. на 12).[15]

Вот и все новости. Пересылаю Вам точную копию рукописи Чернышевского; можете положиться: сохранено все в точности вплоть до орфографии. Копию снимала Вера Николаевна, т<о> е<сть> моя жена, которая в этих делах понаторела.[16]

Дружески жму Вашу руку.

Хотелось бы повидаться и опять провести как-нибудь вечерок вместе, как тот, питерский, который прошел так уютно-хорошо.

Вл. Буш.

P. S. Как с моими книжками? Просьба: сколько бы Вы не «наторговали» — пришлите *не позднее* 1-го мая. 2 мая мне надо уплачивать вексель и каждый рубль будет мне дорог!

[1] Ср.: В научных обществах // Известия. Саратов, 1927. 17 апр. (анонс доклада В. В. Буша «О методах преподавания литературы» на очередном заседании кружка 19 апреля).

[2] См.: 1) *Архангельский Н. М.* Владимир Маяковский в Саратове // Известия. Саратов, 1927. 28 янв. — Подпись: Н. Икарский; 2) Там же. 29 янв. (анонс выступлений В. В. Маяковского с докладом и чтением стихов 29 и 30 янв.); 3) Владимир Маяковский // Там же. 30 янв.; 4) О докладе В. В. Маяковского «Лицо левой литературы» // Там же. 30 янв.; 5) *Архангельский Н. М.* Два вечера Владимира Маяковского // Там же. 2 февр. —

Подпись: Н. Икарский; 6) *Наместников Ю.* Старшему мастеру словесного цеха Вл. Маяковскому [Стихотворение] // Там же. 3 февр.; 7) Вечер А. А. Жарова и И. П. Уткина // Там же. 4 февр.; 8) Пролетарские поэты в Саратове // Там же. 5 февр.; 9) *В. К-ов.* Жаров и Уткин // Там же. 6 февр.; 10) *Гамма.* На вечере пролетарских поэтов // Там же. 6 февр.; 11) *Донской Г.* Быт и настроения молодежи в литературе: (Доклад т. И. Уткина) // Там же. 8 февр.; 12) *Киш Г.* О поэтах: (Заметки журналиста) // Там же. 9 февр. О лекции Г. Лелевича «Рабочий класс и художественная литература» и чтении своих произведений членами Саратовской ассоциации пролетарских писателей см.: Известия. Саратов, 1927. 17 февр. (анонс вечера 19 февраля). О приезде прозаика *Николая Александровича Афиногенова* (отец драматурга А. Н. Афиногенова; псевд. Н. Степной; 1878—1947) газетных сообщений не было.

[3] В феврале—апреле 1927 г. отмечались 75 лет со дня смерти Н. В. Гоголя, 90 лет со дня гибели А. С. Пушкина. См. также: *Архангельский Н. М.* Глеб Успенский: (К 25-летию со дня смерти) // Известия. Саратов, 1927. 24 марта. — Подпись: Н. Икарский. Вскользь отмечены «ценные книги» профессора Саратовского университета В. В. Буша «Глеб Успенский» (1925) и «Литературная деятельность Гл. Успенского» (1927).

[4] См.: 1) Приезд народного комиссара просвещения А. В. Луначарского // Известия. Саратов, 1927. 2 апр.; 2) Доклад т. Луначарского [1 апреля на открытии XVI губернского Съезда Советов, в изложении] // Там же. 3 апр.; 3) Тов. Луначарский в Саратове [объявление о лекции «Быт: брак, семья и половой вопрос»] // Там же; 4) *Архангельский Н. М.* Судьбы русской интеллигенции: Лекция тов. Луначарского // Там же. 7 апр. — Подпись: Н. Икарский.

[5] Ars poetica / Под ред. и с предисл. М. А. Петровского. М., 1927. Вып. 1 (статьи Б. И. Ярхо, А. М. Пешковского и др.). Сборник издавался подсекцией теоретической поэтики Литературной секции Государственной Академии художественных наук; см. также: Вып. 2. Стих и проза. М., 1928.

[6] Поэтика: Временник Отд. словес. искусств. Л., 1927. Вып. 2. Сборник выходил с 1926 г. (вып. 1) по 1929 г. (вып. 5).

[7] В. В. Буш идентифицирует сборник с известным указателем Н. А. Рубакина, имея в виду: Книга о книге. Л., 1927. Сб. 1. Всего вышло 3 выпуска (1929. Сб. 2; 1932. Сб. 3).

[8] См. п. 22, прим. 6.

[9] См.: *Горбачев Г.* Современная русская литература: Обзор литературно-идеологических течений современности и критические портреты современных писателей. Л., 1928; то же. 3-е изд., испр. и доп. 1931. *Горбачев Георгий Ефимович* (1897—1937) — критик, доцент Ленинградского государственного университета, видный деятель Российской ассоциации пролетарских писателей, затем Литфонда.

[10] *Полонский Вячеслав Павлович* (наст. фам. Гусин; 1886—1932) — историк, литературный критик, публицист. Замысел не был реализован (очевидно, по идеологическим причинам).

[11] *Лелевич Г.* (наст. имя и фам. Калмансон Лабори Гилелевич, 1901—1945) — поэт, литературный критик; оказал на своего сослуживца по Саратовскому университету В. В. Буша большое идейное влияние (см. его 48 писем и телеграмм за 1926—1933 гг. в архиве В. В. Буша — РНБ, ф. 117, № 157).

[12] *Ефимов Николай Иванович* (1889 — ?) — историк русской литературы. Подразумевается книга: Социология литературы: очерки по теории историко-литературного процесса и по историко-литературной методологии. Смоленск, 1927. В письме от 13 марта 1927 г. Н. И. Ефимов сообщал В. В. Бушу: «Сочту приятным долгом выслать Вам мою книгу <...> по выходе ее из печати» (РНБ, ф. 117, № 127, л. 29). Анекдотично письмо Н. И. Ефимова к В. В. Бушу из Самары (где он тогда преподавал) от 8 марта 1923 г.: «Скажите, Вы — автор сказок, выпущенных издательством „Academia“ <...>, или Вера Николаевна?» (там же, л. 6—6 об.). Корреспондент идентифицировал кого-то из супругов по совпадению первого инициала с популярным немецким поэтом-юмористом и художником-карикатуристом Вильгельмом Бушем (1832—1908), имея в виду следующие издания: 1) *Буш В.* Веселые рассказы и рисунки. Макс и Мориц. Пб., 1923; 2) *Буш В.* Веселые рассказы и рисунки. Плиш и Плум. Пб., 1923.

[13] *Багрий Александр Васильевич* (1891—1949) — историк древнерусской и украинской литературы, библиограф; профессор Бакинского университета. Имеется в виду его семи-

нарий: *Багрий А. В.* Русская литература XIX—первой четверти XX в.: Пособие к лекциям. Баку, 1926.

[14] Разгромный отзыв (исключительно «идейно выдержанный») принадлежал словеснику, поэту *Константину Борисовичу Бархину* (1879—1938), чье имя в настоящее время прочно забыто. См.: Родной язык в школе. 1927. № 2. С. 331—333. См. также: *Гиппиус Вас.* Литературное окружение Салтыкова-Щедрина // Там же. С. 66—78.

[15] Подробнее о С. Н. Чернове см. п.11, прим. 6. Имеется в виду: *Чернышевский Н. Г.* Литературное наследие. М., 1928. Т. 1: Из автобиографии. Дневник 1848—1853 гг.

[16] Имеется в виду статья Н. Г. Чернышевского «Естественность всех вообще ломоносовских стоп в русской речи» (см.: Отрывок неизданной статьи Чернышевского о версификации / С предисл. В. В. Гиппиуса // Николай Гаврилович Чернышевский: Неизданные тексты, материалы и статьи. Саратов, 1928. С. 101—109). Публикатором отмечено содействие А. П. Скафтымова, В. В. и В. Н. Бушей в получении копии.

26

4 мая 1927 г.[1] *Саратов*

Дорогой Василий Васильевич.

Письмо Ваше получил. С удовольствием ответил бы Вам письмом же, но нет времени и сил. За продажу двух книг спасибо. Остальные — непроданные — прошу вернуть мне обратно, если можете, не задерживая их дольше в Перми. В ГИЗ сдавать[2] — значит похоронить книжку на год, на два. С приветом

Вл. Буш.

[1] Датируется по почтовому штемпелю на открытке.
[2] Имеется в виду книготорговая сеть Госиздата.

27

28 января 1928 г. Саратов

28/I <19>28.
Саратов.

Дорогой Василий Васильевич.

Не сердитесь за молчание, превратившееся в «черную неблагодарность» после присылки Вами Вашей интересной крит<ико>- библ<иографической> ст<атьи> о Салтыкове.[1] Таков был темп жизни в «тихой» провинции, что некогда было урвать времени даже для писем. Когда же наступили «праздники» — я решился на хирургическую операцию: добился месячного отпуска и уехал на целый месяц в Ленинград и Москву. Там, забыв все саратовские дела, высиживал дни в Пушкинск<ом> Доме и Публ<ичной> библиотеке. Цель поездки была — предварительное ознакомление с рукописными материалами по позднему литер<атурному> народничеству. Удалось ознакомиться с целым рядом рукописей и писем Златовратского, Каронина (особня-

ком), А. И. Эртеля, и (опять отдельно) с папкой материалов по Решетникову.[2]

Результат — некот<орая> настроенность на научн<ую> работу и необходимость (психологическая!) двигать ее, не взирая ни на какую загруженность преподавательской и администр<ативной> работой.

Параллельно с работой в библиотеках шли встречи, визиты и оживленные беседы со всякими «литературщиками». В Ленинграде виделся с А. Г. Фоминым, С. Д. Балухатым, В. С. Спиридоновым, Б. Л. Модзалевским (выпустил II-й т<ом> писем Пушкина),[3] Н. В. Яковлевым (готовит II-й т<ом> пис<ем> Салт<ыкова>-Щедр<ина>),[4] Искозом-Долининым,[5] Горбачевым (выпустил 2-е изд<ание> «Капит<ализм> и р<усская> лит<ература>» и 3-е изд<ание> «Очерков»),[6] с Н. С. Державиным,[7] Строевым-Десницким,[8] А. А. Шиловым (готовит 2-й т<ом> Словаря революц<ионных> деятелей — 60—90-е гг.).[9] В Москве виделся с Переверзевым (ред<актирует> 1-й вып<уск> журн<ала> «Литер<атура> и марксизм»),[10] с Пиксановым (выпустил «Областн<ые> литер<атурные> гнезда», хрест<оматию> «М. Горький», заканчивает печатанием исслед<ование> о «Горе от ума»),[11] с П. Н. Сакулиным (готовит общий курс «Ист<ории> р<усской> лит<ературы>» в 4 т.т. с древнейш<их> времен).[12]

В Ленингр<аде> был в Исследов<ательском> инст<итуте> на 3 засед<аниях>, из них одно было посвящено разбору Вам, конечно, известной кн<иги> Иоффе «Стиль и эпоха».[13] Отзывы давали Горбачев и Строев-Десн<ицкий> весьма отрицательные.

В результате свиданий и много свежих впечатлений, и целый ворох преподношений книгами.

Пока еще не вступил здесь в «исполнение моих служ<ебных> обязанностей», письмо Вам и сочинил. А Вы уже поддержите, дабы наша переписка хоть изредка да продолжалась бы.

Дружески жму Вашу руку.

Вл. Буш.

[1] Подразумевается оттиск статьи: *Gippius V.* Ergebnisse und Probleme der Saltykov-Forschung // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1927. Bd. 4. Doppelheft 1—2. S. 178—200. См. автограф: РО ИРЛИ, ф. 47, оп. 1, № 157. Перевод, выполненный в 1974 г. И. Н. Тарасенко, см.: РНБ, ф. 1339 (фонд М. Д. Эльзона), оп. 2, № 293; машинопись, не опубликовано.

[2] Поездка В. В. Буша была связана с работой над книгой: *Буш В. В.* Очерки литературного народничества 70—80-х гг. Л.; М., 1931. В ней были введены в научный оборот архивные материалы, отражающие творчество прозаиков *Николая Николаевича Златовратского* (1845—1911), *Николая Елпидифоровича Петропавловского* (псевд. С. Каронин; 1853—1892), с 1889 г. жившего в Саратове под гласным надзором полиции, *Александра Ивановича Эртеля* (1855—1908) и шестидесятника *Федора Михайловича Решетникова* (1841—1871). См. также: 1) Из переписки А. И. Эртеля с А. Н. Паниным / Сообщ. В. В. Буш // Литературные беседы. Саратов, 1929. [Вып. 1]. С. 136—150; 2) *Буш В. В.* Творчество Н. Е. Каронина-Петропавловского // Литературные беседы. Саратов, 1930. Вып. 2. С. 8—32; 3) Материалы к биографии Каронина / Сообщ. В. В. Буш // Там же. С. 33—63.

[3] *Модзалевский Борис Львович* (1874—1928) — выдающийся филолог-архивист, один из основателей Пушкинского Дома (1905). В. В. Буш называет книгу: *Пушкин А. С.* Письма. 1826—1830. Л., 1928. Первый том (за 1815—1825 гг.) вышел в 1926 г.; третий (письма

1831—1833 г.) подготовил *Лев Борисович Модзалевский* (1902—1948) (вышел в 1935 г.). В 1989—1990 г. издание было выпущено репринтом (М., изд-во «Книга»).

[4] *Яковлев Николай Васильевич* (1891—1981) — историк литературы, сотрудник Пушкинского Дома. О чем идет речь — неясно: если считать первым томом писем М. Е. Салтыкова-Щедрина издание 1924 г. («Письма. 1845—1889»), подготовленное при участии Б. Л. Модзалевского, то вторым томом можно назвать «Неизданные письма: 1844—1889» (М.; Л., 1932; подготовили Е. Н. Дубов и Е. М. Макарова под руководством Н. В. Яковлева). В 1937—1939 гг. письма М. Е. Салтыкова-Щедрина вышли томами в составе его Полного собрания сочинений (кн. 1—3, т. 18—20; Н. В. Яковлевым подготовлена кн. 2, т. 19).

[5] *Искоз Аркадий Семенович* (псевд. Долинин; 1880—1968) — литературный критик, ученик С. А. Венгерова; с 1920-х гг. — исследователь жизни и творчества Ф. М. Достоевского; псевдоним стал паспортной фамилией исследователя.

[6] См.: *Горбачев Г. Е.* Капитализм и русская литература: Ист.- лит. и критич. статьи. 2-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1928. Третье издание «Очерков современной русской литературы» вышло в 1925 г. В 1928 г. вышла другая книга Г. Е. Горбачева: Современная русская литература: Обзор литературно-идеологических течений. Л., 1928.

[7] *Державин Николай Севастьянович* (1877—1953) — филолог-славист; директор ИЛЯЗВ (до 1931 г.).

[8] *Десницкий Василий Алексеевич* (партийный псевд. В. Строев; 1878—1958) — историк русской литературы, литературный критик.

[9] *Шилов Алексей Алексеевич* (1881—1942) — историк революционного движения, архивист; В. В. Буш знал его по совместной работе в Книжной палате при С. А. Венгерове. Биобиблиографический словарь «Деятели революционного движения в России» был начат изданием в 1927 г. (пятый том вышел в 1933 г.); прекращено ввиду разгрома Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев.

[10] *Переверзев Валериан Федорович* (1882—1968) — историк русской литературы, филолог. Журнал теории и истории литературы «Литература и марксизм», где он был главным редактором, издавался Институтом языка и литературы в 1928—1931 гг. с периодичностью шесть номеров в год.

[11] *Пиксанов Николай Кириакович (Кирьякович)* (1878—1969) — филолог, библиограф, фольклорист; с 1931 г. — чл.-корр. Академии наук. Подразумеваются его труды: 1) Областные культурные гнезда: Историко-краеведческий семинарий. М.; Л., 1928; 2) Максим Горький: Сб. критических статей о нем. М.; Л., 1928 (в соавт. с П. Е. Будковым); 3) Творческая история «Горя от ума». М.; Л., 1928 (переиздание подготовлено А. Л. Гришуниным. М., 1971).

[12] *Сакулин Павел Никитич* (1868—1930) — литературовед, академик (1929). Замысел остался неосуществленным.

[13] *Иоффе Иеремия Исаевич* (1888—1947) — профессор Ленинградского университета, автор работ по эстетике. Имеется в виду его книга «Культура и стиль» (Л., 1927).

28

6 ноября 1929 г. Москва

6 ноября <19>29 г.
Москва.

Дорогой Василий Васильевич.

Виноват перед Вами за мое гробовое молчание и снисхождения не заслуживаю. Но должен тут же прибавить, что сие письмо пишу потому, что вырвался на длительное время из Саратова. Сижу в московск<ом> общежитии ученых в тиши «зала для занятий».

В Москве пробуду недолго. Потом еду для занятий в Ленинград и там надеюсь полностью использовать время моей командировки (до 1- го февраля).

Работаю над литер<атурным> народничеством. Не хочется писать о деталях. Столько говорил об этом, а продвижение в печать идет медленно-медленно. Здесь устраиваю кое-какие мелочи, а в дальнейшем надеюсь свести все в одну книжку.

Хорошо было бы встретиться и погуторить. Ведь было бы о чем?

Получили ли Вы наш саратовский сборник О<бщест>ва литературоведения «Литературные беседы»?[1]

Большое-пребольшое спасибо, что не забываете меня, несмотря на мое молчание: Ваши последние две статьи получил.[2]

Быть мож<ет>, Вас будет интересовать, что на новейшую литературу к нам приехал вместо Лелевича Иос<иф> Марк<ович> Машбиц-Веров.[3] По всей видимости, будет для нас весьма ценным работником и снова оживит несколько заглохший саратовск<ий> фронт текущей литературы.

Как поживаете Вы? И как поживает литература в Перми? Черкните в Ленинград (Зимин пер<еулок> 4, Вас<илию> Спир<идоновичу> Спиридонову для передачи мне). К Вам на педфак перебрался один из наших физиков — Н. А. Трифонов.[4] Жму Вашу руку.

Жду цидулки.

В. Буш.

[1] См.: Литературные беседы / Изд. Общества литературоведения при Саратов. гос. ун-те. Саратов, 1929. См. также п. 27, прим. 2.

[2] Имеются в виду оттиски статей В. В. Гиппиуса: 1) М. Е. Салтыков-Щедрин и реакция начала 80-х годов: (По неизданным материалам) // Сборник Общества исторических, философских и социальных наук при Пермском государственном университете. Пермь, 1929. Вып. 3. С. 193—218; 2) М. Е. Салтыков — сотрудник «Искры» // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. Вып. 1: Обществ. науки. Пермь, 1929. С. 43—67.

[3] *Машбиц Иосиф Маркович* (псевд. И. Веров; 1900—1989) — литературный критик.

[4] *Трифонов Николай Александрович* (1891—?) — инженер-металлург.

29

30 января 1932 г. Ленинград

Дорогой Василий Васильевич.

С удовольствием получил от Вас — после долгого-долгого времени — письмо.

Прежде всего об изд<ании> Салтыкова-Щедрина.[1] На текущий момент ничего определенного сказать не могу. При первоначальном обсуждении плана издания комиссия в ГИХЛ'е предполагала Вас, и поручить либо какой-ниб<удь> один-два тома либо — к этому мнению больше склонялись — в отдельных томах редактирование тех именно произведений, над которыми Вы работали, по присланному Вами списку.

Но сейчас дело с изданием в очень неопределенном положении. В результате персональных перетурбаций в ГИХЛ'е, несогласованности между Москвой и Ленинградом в вопросах денежной базы дело застопорилось и в ближайшее время будет еще раз обсуждаться. Когда снова все прояснится — напишу Вам четко по интересующему Вас вопросу.

О Вашем переезде в Иркутск знал еще в Саратове.[2] Вашу работу «Литер<атурное> общ<ение> Гог<оля> с Пушкиным» получил в свое время и, по-моему, послал Вам об этом благодарственное извещение.[3]

Если можете выслать Вашу книгу «Гоголь в письмах и воспоминаниях» — буду благодарен. (Знаю ее, но не имею.)[4]

Со своей стороны, посылаю Вам только что вышедшие мои «Очерки литерат<урного> народничества» — книгу, которой, несомненно, придется подвергнуться жестокой критике.[5] Посылаю и ст<атью> о Дневнике Ор<еста> Миллера (к историографии в классовом освещении). Статья напечатана в I вып<уске> нашего журн<ала> «Литература» (Труды ИНЛИ).[6] Целиком весь № журнала, к сожалению, лишен возможности выслать. Если его у Вас нет и если хотите получить для кабинета литературы — высылайте на мое имя деньги (3 рубля экз<емпляр>), вышлю через Институт.

В 1-м № «Литерат<урного> наследства» напечатал статью-материал «Письма марксистов против Михайловского». Журнал вышел, но я его сам еще не видел.[7]

В Ленинград перебрался в марте мес<яце>. След<овательно>, почти год тому назад. Состою ученым секретарем Института.[8] Год был бурный. Бури не кончились. В Инст<итуте> сейчас положение тяжелое. За отстранением Горбачева (исключен и из партии)[9] и ухода ряда сотрудников, все руководство временно до назначения нового лица на мне. И иногда встает вопрос: хорошо ли я сделал, перебравшись из Саратова в Ленинград и хватит ли у меня сил здесь на обостреннейшем методологическом фронте.

С приветом.

В. Буш.

30 янв<аря> <19>32.
Ленинград.
Тучкова наб<ережная>, 2.
Акад<емия> наук,
Инст<итут> нов<ой> русск<ой> лит<ературы>
(ИНЛИ).

[1] Имеется в виду Полное собрание сочинений и писем в 20 т. (М.; Л., 1933—1941), осуществленное ИРЛИ. Тома выходили по мере готовности в Государственном издательстве художественной литературы (ГИХЛ).

[2] В. В. Гиппиус преподавал в Пермском университете до осени 1930 г. Затем — до весны 1932 г. — читал курсы истории русской литературы и фольклора в Иркутском университете. Последнее десятилетие жизни и деятельности связано с Пушкинским Домом. В этой связи заслуживает внимания письмо В. Е. Евгеньева-Максимова к В. В. Бушу

от 16 июня 1932 г.: «В порядке совершенно частном разрешите Вам указать на возможность привлечения к музейной работе В. В. Гиппиуса» (РНБ, ф. 117, № 125, л.6 об.).

[3] См.: *Гиппиус В. В.* Литературное общение Гоголя с Пушкиным // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. 1930. Вып. 2. С. 61—126. Местонахождение экземпляра неизвестно. Приведу дарственные на экземплярах оттисков, хранящихся в РНБ: 1) Дорогому Владиславу Евгеньевичу Максимову на память о встречах автор. Иркутск, 23-II-31 (шифр Л20В-8/50); 2) Глубокоуважаемому Николаю Осиповичу Лернеру от автора, 23-III-31 (шифр Л20В-8/50а; экземпляр содержит многочисленные полемические записи адресата).

[4] Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост. В. В. Гиппиус. М., 1931. Переизд.: *Гиппиус Вас.* Гоголь. Воспоминания. Письма. Дневники. М., 1999 (Лит. мастерская).

[5] См. п. 27, прим. 2. Печатных откликов не последовало.

[6] *Буш В. В.* О. Ф. Миллер и его дневник (К историографии русской литературы в классовом освещении) // Литература. 1931. № 1. С. 90—108. *Орест Федорович Миллер* (1833—1889) — фольклорист, историк литературы. В 1887 г. за резкое выступление против М. Н. Каткова был отстранен от заведывания кафедрой Петербургского университета.

[7] В. В. Буш в это время еще не знал, что его «материал» не опубликован; не вошел он и в последующие номера. В ноябре 1933 г. издательство расторгло договор на эту публикацию (РНБ, ф. 117, № 24, л. 6).

[8] В. В. Буш занял должность ученого секретаря ИРЛИ (тогда — Института новой русской литературы) с 1 марта 1931 г. (см.: РНБ, ф. 117, № 18, л. 1).

[9] См. п. 25, прим. 9. Г. Е. Горбачев был исключен из партии как «троцкист». Расстрелян в тюрьме.

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ А. С. ПОЛЯКОВА

(Письма к С. А. Венгерову, А. Г. Фомину и Н. К. Никольскому)

Публикация М. Д. Эльзона

Александр Сергеевич Поляков (1882—1923), известный историк русской литературы и театра, пушкинист, библиограф, основатель и первый директор Центральной театральной библиотеки (ЦТБ), был заметной фигурой в культурной жизни России начала XX века.[1] В литературе местом его рождения обычно указывается село Ундоры. Между тем, просматривая письма А. С. Полякова к его любимому учителю Семену Афанасьевичу Венгерову (РО ИРЛИ, ф. 377, оп. 4, № 1800), я обнаружил листок, явно относящийся к знаменитому венгеровскому собранию автобиографий: «*Поляков Алндр Серг. р. 10 ноябр. 1882 г. в с. Лобасках Ардатовск. у. Симбирск. губ., с<ын> учителя» (л. 18). Судя по «звездочке» и формулировке, этот неизвестный ранее документ содержит запись из оборвавшегося на статье «Павлов» «Критико-биографического словаря» С. А. Венгерова.[2]

Из массива писем А. С. Полякова к С. А. Венгерову для настоящей публикации отобрано два наиболее значимых письма, отражающих разносторонние интересы корреспондента. Остальные письма являются в основном списками артистов, писателей, ученых, о которых А. С. Поляков намеревался написать справки или статьи для «Нового энциклопедического словаря»,[3] а также письмо от 31 декабря 1914 г. с отчетом о работе Пушкинского семинария при Психоневрологическом институте. Особо отмечу последний лист в единице хранения 1800. Это печатное сообщение А. С. Полякова о начатой им подготовке «Биографического словаря писателей, ученых, общественных и государ-

---

[1] См. о нем: *Ильинский Л.* Памяти А. С. Полякова // Белинский В. Г. Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь. Драма в 5 д. Неизданый текст / С предисл. и прим. А. С. Полякова. Пг., 1923. С. 5—16; *Петрицкий В. А.* Поляков Александр Сергеевич // Книга: Энциклопедия. М., 1999. С. 505—506. — Автор указан ошибочно, правильно: М. В. Машкова.

[2] *Венгеров С. А.* Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Предварительный список. СПб., 1915—1916. Т. 1—2, вып. 1—5.

[3] Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1911—1916. Т. 1—29 (не завершено; доведено до слова «Отто»). См. также корректурные экземпляры т. 31 и 32 в Центральной справочной библиотеке Российской национальной библиотеки («Падалка» — «Познанское великое княжество»).

© М. Д. Эльзон, 2005

ственных деятелей и других замечательных своей жизнью и деятельностью лиц Симбирской губернии (от основания г. Симбирска до наших дней)». Замысел не осуществился и о нем самом, по располагаемой нами информации, до сих пор не было известно библиографам.

Естественным продолжением переписки А. С. Полякова с С. А. Венгеровым нам представляются письма А. С. Полякова к ученику С. А. Венгерова, библиографу-литературоведу Александру Григорьевичу Фомину (1887—1939) — сослуживцу А. С. Полякова по Российской книжной палате. Хранящаяся в Пушкинском Доме эпистолярия содержит 12 писем и открыток за 1913—1923 гг. (РО ИРЛИ, ф. 568, оп. 2, № 428). Отобрав для настоящей публикации письма А. С. Полякова как директора Центральной театральной библиотеки (1920—1923), хочу отметить, что заслуживает внимание также письмо от 15 мая 1915 г., где обсуждается рецензирование единолично подготовленного А. Г. Фоминым Полного собрания сочинений и писем И. С. Никитина (считавшегося образцовым),[4] и письмо от 5 августа 1916 г., в котором А. С. Поляков советует адресату подписываться не «А. Фомин», а с двумя инициалами, дабы его не смешивали с А. А. Фоминым,[5] публиковавшим пушкиноведческие материалы из привезенного им в 1915 г. из Парижа архива братьев Тургеневых.[6]

Наконец, нам показались заслуживающими внимания письма А. С. Полякова к академику Николаю Константиновичу Никольскому (1863—1936) — видному историку древнерусской книги, возглавившему после смерти С. А. Венгерова в 1920 г. Институт книговедения (Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук, ф. 247, оп. 3, № 582). Эти письма касаются составления сборника в честь президента Русского библиологического общества А. И. Малеина.[7] Думается, что этот материал также будет интересен современному читателю.

Письма печатаются без сокращений; дореволюционная орфография приведена в соответствие с современными правилами правописания; в отдельных случаях уточняются знаки препинания.

---

[4] *Никитин И. С.* Полное собрание сочинений и писем / Под ред., с биогр. очерком, статьей и прим. А. Г. Фомина. СПб., 1912—1915. Т. 1—3.

[5] *Фомин Александр Александрович* (1868—?) — историк русской литературы и театра. См.: Писатели современной эпохи: Биобиблиогр. словарь. М., 1995. Т. 2. С. 203—204.

[6] См.: Тургеневы: Иван Петрович, Андрей Иванович, Николай Иванович, Сергей Иванович // Личные фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома: Аннотированный указатель. СПб., 1999. С. 263—265.

[7] *Малеин Александр Иустинович* (1869—1938) — филолог-классик, книговед; член-корреспондент Академии наук (1916). Один из основателей (1899) и президент Русского библиологического общества (1919—1926). К его юбилею был издан сборник «Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества профессора А. И. Малеина» (Пг., 1922). Экземпляр этого сборника из библиотеки А. И. Малеина с 1986 г. находится в Отделе редкой книги Библиотеки Академии наук. См.: *Эльзон М. Д.* Александр Иустинович Малеин // Книга: Исследования и материалы. М., 1983. Сб. 47. С. 170—180.

I

ПИСЬМА К С. А. ВЕНГЕРОВУ

1

14 (27) июля 1914 г. Кадников[1]

Кадников.
1914 г.
14 июля.

Глубокоуважаемый Семен Афанасьевич!

Посылаю Вам снимок с нашего кадниковского Пушкина, правда, с запозданием, но что делать.[2] Здесь снимает «г. Чижиков», военный писарь, у которого мало свободного времени, а еще меньше знаний по фотографии. Снимали мы наш «монумент» три раза и два снимка не вышли. Если снимок пригодится — буду очень рад. В Вашей иконографии он, во всяком случае, не будет лишним, т<ак> к<ак> прежний (пока затерянный) хуже и меньше прилагаемого. Здесь я купил один деревенский архив (переписку барыни со старостой, различные документы конца XVIII—начала XIX века), представляющий исторический интерес. У нас здесь горят леса, деревни, падает скот от сибирской язвы, на полях стоит тощий хлеб и дым, дым, дым. Солнце в виде красноватого желтка пробивается сквозь облака дыма. Погода страшно перменчивая, от 30° до 2° тепла на протяжении одних суток, т<ак> ч<то> я не вынес сей прелести и проболел лихорадкой больше недели.

Передайте почтенной редакции «Словаря» и «Списка» мой привет и благие пожелания.[3] Я собирался написать им чрез неделю, опоздал и теперь не знаю, все ли они на месте. Где Ф. Ф., не отозвались ли последние события на его пролетарском существовании.[4] На днях еду в Вологду покупать книги у букиниста; буду ли так счастлив, как в прежние годы; благословите. Читал рецензию о «Пушкинисте» в «Русском богат<стве>» и нахожу, что там подошли гораздо ближе к нашей работе и взглянули глубже, чем присяжные пушкинисты из «Речи».[5] Видел объявление о выходе I выпуска «Литерат<уры>» под вашей редакцией.[6]

Привет Вашей семье.

Желаю Вам хорошего отдыха, покоя и меньше срочной работы.

Ваш А. Поляков.

P. S. Получили ли Вы заметки мои для «Словаря» Брок<гауза> и Ефр<она>?[7]

[1] Уездный город Вологодской губернии.

[2] Речь идет о фотоснимке с памятника А. С. Пушкину для коллекции С. А. Венгерова.

[3] Подразумеваются «Новый энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона» (СПб., 1911—1916. Т. 1—29) и второе издание венгеровского «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Предварительный список» (СПб., 1915—1916. Т. 1—2, вып. 1—5).

[4] Видимо, здесь имеется намек на начало Первой мировой войны; кого под инициалами Ф. Ф. имеет в виду А. С. Поляков — неясно.

[5] Речь идет об издании: Пушкинист. Историко-литературный сборник / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1914. Т. 1. Анонимная рецензия А. Г. Горнфельда (Русское богатство. 1914. № 7. Отд. II. С. 340—348) в письме А. С. Полякова противопоставлена газетному отклику в «Речи» (1914. 19 марта, Литературная летопись. С. 5). Под «присяжным пушкинистом», возможно, подразумевается Н. О. Лернер.

[6] См.: Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914—1918. Т. 1—3, вып. 1—8 (издание не закончено). См. также переиздание (М., 2004).

[7] В непубликуемом нами письме, датированном 30 сентября 1912 г., А. С. Поляков сообщал своему адресату, что он приступил к написанию заметок о Г. Н. Геннади и Г. В. Геракове; обе напечатаны в т. 13 «Нового энциклопедического словаря» (вторая заметка — без подписи). В письме говорится о словарных статьях для следующих томов этого издания. См. п. 2.

2

26 июня (9 июля) 1915 г. Москва

Москва.
1915.
26 июня.

Дорогой Семен Афанасьевич!

Посылаю Вам для Энциклопедического словаря «Минаевых», «Мочалова» скоро вышлю.[1] Портреты, о которых Вы справлялись, не изданы Румянцевск<им> Муз<еем> и вообще их в печати не имеется. Такую справку дали мне сведущие «москвоградцы». Шлет Вам свой привет Л. Э. Бухгейм,[2] с которым я на днях познакомился и у которого нашел, на мой взгляд, подходящую группу для «Списка». Это группа членов 3-го Археологического съезда в Киеве от 1874 года, фотография. Список членов съезда пришлю вместе с «Мочаловым». Л<ев> Э<дуардович> просил Вам кланяться. Я кое-что везу Вам в подарок от него. Приеду я к середине августа, но если что Вам нужно, то черкните по адресу: Кадников, Вологодск<ой> губ<ернии>, мне. Передайте Замкову, что на днях я ему вышлю письма.[3] Ну как подвигается «Список»? Я здесь стараюсь его пропагандировать. Если готова библиография А. Г. Фомина к «Русск<ой> лит<ературе>», то не будете ли любезны переслать ему мою просьбу прислать оттиск, а я, в свою очередь, хотел бы дать о ней отдельно отзыв в «Библиогр<афических> изв<естиях>».[4] Боднарский идет на парах, но ... из-за недостатка бумаги типография держит номер 3—4 (1914). 15-й год начинает выходить с августа.

Желаю Вам всего хорошего. А главное, отдохните получше, плюньте на разные «очереди» и дайте себе несколько недель покоя. Привет Замкову, Фомину.

Поклон Вашим.

Ваш А. Поляков.

[1] См.: *Поляков А. С.* Минаев Д. Д. // Новый энциклопедический словарь. Т. 26. Стб. 562—563; Минаев Д. И. // Там же. С. 563—564. — Без подписи; *Поляков А. С.* Мочалов П. С. // Там же. Т. 27. Стб. 386—388.

[2] *Бухгейм Лев Эдуардович* (1880 — после 1942) — видный библиофил, издатель, с июня 1919 г. сотрудник Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Знакомство А. С. Полякова с Л. Э. Бухгеймом связано с изданием указателя «Труды профессора С. А. Венгерова: Библиографический перечень» (М., 1916; составитель А. С. Поляков).

[3] *Замков Николай Кузьмич* (1894 — после 1932) — историк русской литературы, библиограф, участник Пушкинского семинария. В 1917 г. выехал из Петербурга; жил в Москве. Преподавал во 2-ом Московском государственном университете.

[4] Библиографический указатель А. Г. Фомина «Библиография новейшей русской литературы» был опубликован в пятом выпуске «Русской литературы XX века» (см. п. 1, прим. 6). Рецензия А. С. Полякова появилась в журнале, издававшемся известным библиографом *Богданом Степановичем Боднарским* (1874—1968), президентом Русского библиографического общества (см.: Библиографические известия. 1915. Кн. 1—2. С. 80—81).

II

ПИСЬМА К А. Г. ФОМИНУ

1

2 декабря 1920 г. Петроград

1920 г.
2/XII.

Дорогой Александр Григорьевич!

Посылаю на имя Палаты (я не знаю, как теперь ее называют) от Совета Музея[1] просьбу. Очень хотелось бы, чтобы она была удовлетворена. Я надеюсь на архив покойного С<емена> А<фанасьевича>,[2] там есть портреты писателей, коих у нас не найдется и которые мы нигде не найдем. Если будет принципиальное согласие, то я бы пришел сам, чтобы отобрать. Желательно, чтобы к 7—8 числу вопрос был выяснен, так как с 10 числа начинаем печатать каталог выставки.[3]

Думаю, что рукописей у С<емена> А<фанасьевича> не найдется, да за ними мы и не гонимся. Два слова об открытии библиотеки. В то воскресенье (12 дек<абря>) я не могу быть, так как у меня доклад в Неофилолог<ическом> Общ<естве> о Пушкине. Если есть время — приходите (Филологич<еский> инст<итут> в 2 часа).[4]

Очень прошу ускорить ответ на нашу просьбу, которая, думаю, будет удовлетворена Палатой.

Ваш А. Поляков.

[1] Имеются в виду Книжная палата и Центральный театральный музей.

[2] С. А. Венгеров скончался 14 сентября 1920 г. Об истории его архива см.: *Родюкова М. В.* О судьбе архива Семена Афанасьевича Венгерова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С. 373—383.

[3] О какой выставке идет речь, выяснить не удалось.

[4] Петербургский историко-филологический институт был основан в 1867 г. при ликвидации педагогических курсов при университете. Готовил преподавателей древних языков, русского языка и словесности, историков для средних учебных заведений. В 1921 г. присоединен к Петроградскому университету.

2

23 ноября 1922 г. Петроград

23/X.[1]

Дорогой Александр Григорьевич!

27 числа сего ноября в 10 часу вечера жду Вас и непременно с Антониной Андреевной[2] к себе, где я должен буду признаться Вам, что мне исполнилось совершеннолетие — 40 лет. Разделите со мною печаль мою...

Ваш А. Поляков.

[1] Явная описка; должно быть — 23/XI. Напомним, что А. С. Поляков родился 10 (23) ноября 1882 г. По-видимому, по каким-то причинам празднование сорокалетия было перенесено на 27 ноября. Письмо датируется 1922 г.

[2] *Фомина Антонина Андреевна* — библиограф, библиотечный работник; жена А. Г. Фомина.

3

23 января 1923 г. Петроград

23/I. 1923.

Дорогой Александр Григорьевич!

Сейчас был у меня Я. П. Гребенщиков[1] и сообщил, что в пятницу в 5 часов будет чествование 50-летия педагогической и 25-летия библиотечной деятельности библиотекарши Лиговского народного дома (б. Паниной) Александры Васильевны Пешехоновой.[2] Просил кого-нибудь быть от Общества[3] и Библиотеки. Кроме того, не будет ли какого приветствия от Института книговедения. Я дал ему слово, что извещу об этом Вас, что и делаю. Думаю, не грех старушку и поздравить, хотя бы в общих фразах.

Ваш А. Поляков.

P. S. Мы решили с В. В. Познанским быть там.[4]

[1] *Гребенщиков Яков Петрович* (1887—1935) — сотрудник Публичной библиотеки, библиофил; был дружен с А. М. Ремизовым, А. А. Ахматовой и др.; член Общества библиотековедения.

[2] *Пешехонова Александра Васильевна* — сестра Александра Васильевича Пешехонова (1864—1933), публициста, члена редакции «Русского богатства». В мае—августе

1917 г. он был министром продовольствия. После Октябрьского переворота — видный оппозиционер; выслан из Советской России в 1922 г.

[3] Подразумевается Русское библиологическое общество.

[4] *Познанский Василий Васильевич* — в 1917—1920 гг. заведующий одним из отделов Российской книжной палаты; в дальнейшем работал в Театральной библиотеке.

4

17 мая 1923 г. Петроград

17/V.[1]

Дорогой Александр Григорьевич!

Чуяло мое сердце, что не быть моей лекции в четверг. С вечера воскресенья (меня основательно промочило тогда дождем) заболел инфлюенцей.[2] Это бы полбеды, но проклятые зубы не дают ни отдыха, ни срока.[3] Болят все разом, ни один не бастует. Примите все это во внимание. Сижу дома, глотаю дрянь вроде хины и не выхожу из дома на эту треклятую погоду. Не сердитесь. Причина уж такова, которой я не предвидел и не желал.

Ваш А. Поляков.

[1] Письмо датируется 1923 г. Судя по письму А. С. Полякова к Н. К. Никольскому от 27 мая 1922 г., данное письмо могло бы датироваться и 1922 годом, но вероятнее всего, оно относится к 1923 г., то есть написано за полгода до смерти А. Полякова.

[2] Инфлюенца — разновидность гриппа.

[3] Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Демьянова уха» (1813). В тексте басни: «Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку / И не давал ему ни отдыху, ни сроку».

III

ПИСЬМА К Н. К. НИКОЛЬСКОМУ

1

Первая половина 1922 г. Петроград

Глубокоуважаемый Николай Константинович!

Жажду видеть Вашу статью для Малеинского сборника,[1] ибо приспе[2] час Ваш. Дайте то, что находите нужным. Шлю Вам свою книжечку о Пушкине,[3] пусть она послужит лишний раз доказательством моей искренней любви и глубокого уважения к Вам.

Ваш А. Поляков.

P. S. В качестве приложения посылаю еще «Ежегодник» мой.[4] Присоедините «академическое» к «императорскому».

А. П.

[1] Речь идет о готовившемся сборнике «Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества профессора А. И. Малеина» (Пг., 1922). Н. К. Никольский участвовал в этом издании статьей «К истории русских книг XIX века (Материалы из частной переписки)». Сам А. С. Поляков опубликовал здесь статью «Эпизод из истории гонения на книгу (к истории Комитета цензуры иностранной)».

[2] Приспел, то есть настал (*старосл.*).

[3] См.: *Поляков А. С.* О смерти Пушкина. Пг., 1921 (на обл.: 1922). Книга издана в серии «Труды Пушкинского Дома».

[4] См.: Ежегодник императорских театров за 1918/1919 гг. Пг., 1920 (на обл.: 1922). Это был последний, 26-й, том данного издания.

2

27 мая 1922 г. Петроград

27 мая
1922 г.

Дорогой Николай Константинович!

Позвольте Вам напомнить относительно Вашей статьи для Малеинского сборника. «Приспе» час Ваш. Было бы очень печально, если б Вашей работы в сборнике не оказалось, и для меня, и для А<лександра> И<устиновича>. Я думаю, что Вы не захотите огорчить по крайней мере А<лександра> И<устиновича>. На этой неделе я жду от Вас обещанного. Сижу дома, обвязанный компрессами, потому на Палатском торжестве быть не могу, о чем искренно сожалею.[1] Передайте мои поздравления всем сотоварищам моим по работе. От библиотеки за меня присутствует Вас<илий> Вас<ильевич> Познанский.[2] Как здоровье Ваше, слышал, что и Вы отдали дань петроградской инфлюэнце.

Ради всех богов, статейку, хотя бы маленькую, хотя бы с куриный нос. Без Вас сборник невозможен.

Примите уверение в совершенном почтении глубоко уважающего Вас

А. Полякова.

[1] Имеется в виду пятилетие Российской книжной палаты. Основана декретом Временного правительства; начала работу 16 мая 1917 г.; 23 мая был утвержден «Наказ Книжной палате», определивший ее структуру и основные направления деятельности. См. хронику в книге Г. В. Михеевой «История русской библиографии. 1917—1921 гг.» СПб., 1992; здесь же словарь ведущих сотрудников Палаты. О А. С. Полякове — на с. 362—363.

[2] См. п. 3, прим. 4 — из писем к А. Г. Фомину.

3

5 июня 1922 г. Петроград

5 июня.

Дорогой Николай Константинович!

Шлю Вам корректуру в сверстанном виде, т<ак> к<ак> в полосах пришлось поторопиться сдать в типографию. В это время разнесся

слух, что типография будет на $1^{1/2}$ м<есяца> закрыта.[1] Поэтому я позволил себе не показать Вам статью в таком виде. Думаю, что исправлений будет немного. Очень бы обязали меня, если б в пятницу или субботу вернули, а в понедельник я сдал бы оба листа в печать. Предисловие к Вашим материалам очень интересно и Вы впервые затрагиваете такой любопытный вопрос.[2] Извините меня, но я позволю себе Вам высказать следующее. Вам нужно отдохнуть. У Вас совершенно переутомленный вид. Вы обязаны беречь себя. Настоящих ученых остается так мало, что страшно становится за русскую науку. Пожалейте хотя бы ее, если у Вас не хватает духу пожалеть себя. Итак, жду корректуру.

Глубоко уважающий Вас

А. Поляков.

P. S. В субботу Библиотека[3] открыта до 2 часов. Если Вы сможете сделать в пятницу, то я пошлю за корректурой сам в Палату.[4]

[1] Книга в честь А. И. Малеина печаталась в Первой государственной типографии (ул. Гатчинская, 25).

[2] См. п. 1, прим. 1 — из писем к Н. К. Никольскому. А. С. Поляков оценил идею Н. К. Никольского о необходимости введения в научный оборот материалов из уцелевших семейных архивов, частных коллекций и пр. (см.: Sertum bibliologicum... С. 297). Как пример, автор опубликовал находящиеся «в одном из частных собраний» (то есть у него) письма французского географа и филолога Ж. Д. Барбье дю Бокажа (1760—1825) к адмиралу Г. А. Сарычеву (1763—1831) от 16 апреля 1811 г. (по-французски, без перевода), И. П. Лопухина к митрополиту Амвросию (от 13 апреля 1814 г.), переводчика И. Г. Бутовского (1785 — ?) к А. В. Сарычевой (ум. 1846) (от июля 1819 г.; по-французски, без перевода), В. Г. Анастасевича к протоиерею Д. С. Вершинину (от 1 мая 1843 г.). Местонахождение оригиналов неизвестно.

[3] Имеется в виду Театральная библиотека.

[4] Осенью 1920 г. Книжная палата была переименована в Институт книговедения (занимала здание: наб.Фонтанки, 29), однако А. С. Поляков «родное» ему учреждение принципиально называл по-старому и в 1922 г.

В. Я. ПРОПП

Стих об Егории Храбром

Вступительная заметка А. Н. Мартыновой, подготовка текста и комментарии Н. А. Прозоровой

В фонде В. Я. Проппа (РО ИРЛИ, ф. 721) хранятся статьи, посвященные духовным стихам о Егории (Георгии) Храбром.

Как известно, духовные стихи о Георгии-Егории содержат три сюжета: змееборство, мучения Егория и его поездка по Руси. Первый эпизод — предмет исследования В. Я. Проппа в статье «Змееборство в древнерусской живописи» (ф. 721, оп. 1, № 43, 44), представляющей собой редакцию изданной в 1973 г., после смерти ученого, статьи «Змееборство Георгия в свете фольклора»[1] (см. рукопись: № 45—48), редакцию несколько более полную, построенную на большом иконографическом материале с привлечением обширной библиографии. В фонде Владимира Яковлевича хранятся 6 редакций этой работы: машинописных и рукописных. Каждая из них вложена в отдельные обложки, на которых сделаны пометы: «Пространная редакция с библиографией», «Отброшенная редакция», «Краткая редакция для печати» и др.

В. Я. Пропп намерен был иллюстрировать статью фотоснимками икон св. Георгия или их репродукциями (№ 49—51). Об этом свидетельствуют пометы в тексте (№ 43). Например, на л. 13 авторская запись: «К стр. 11. Сфотографировать фреску по — Лазарев. Фрески Старой Ладоги».[2] На л. 19: «Сюда иллюстрацию: История русского искусства. II, 1954.[3] Репродукция плохая». «Цветная репродукция. Лазарев. Новгородская иконопись. М., 1969, 17. Здесь без клейм».

Всего автор предполагал поместить шесть иллюстраций к статье.

Судя по нескольким редакциям, В. Я. Пропп работу над статьей вел в течение нескольких лет, вероятно, с начала 1960-х годов. Незадолго до смерти он прочитал свой последний доклад на кафедре русской литературы филологического факультета Ленинградского государственного университета. Видимо, после доклада он передал сокращенную редакцию данной статьи для опубликования. Думается, что сокращения текста и изъятия иллюстраций были произведены автором по требованию издательства.

---

[1] *Пропп В. Я.* Змееборство Георгия в свете фольклора // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 190—208.

[2] *Лазарев В. Н.* Фрески Старой Ладоги. М., 1960.

[3] История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря. М., 1953—1955. Т. 1—3.

© А. Н. Мартынова, Н. А. Прозорова, 2005

Применив в исследовании древнерусской иконописи метод фольклористики, ученый приходит к выводу, что образ змееборца, меняясь, тянется из глубокой исторической древности. Поэтому, считает он, гипотезы некоторых исследователей о том, что Георгий-змееборец представляет собой историческое лицо — ошибочны: «Подвиг его фантастический, и в этом отношении облик Георгия принципиально совершенно иной, чем облик таких деятелей, возведенных в сан святых, как Владимир, Дмитрий Донской, Александр Невский и др.».[4]

В этой же статье В. Я. Пропп касается двух других сюжетов: мучений Георгия (Егория) и его поездки по Руси, т.е. двух эпизодов, составляющих так называемый «Большой стих о Егории Храбром». Анализируя стих, автор делает заключение, что он позднего и искусственного происхождения. Кратко пересказав сюжет о поездке Егория по Руси, Владимир Яковлевич пишет: «Рассказ этот поражает современного читателя своей нескладностью. Почему Георгий, освободившись из темницы, совершенно беспрепятственно находит путь домой, тогда как обратный путь к царству своего мучителя обставляется многочисленными препятствиями?... С нашей точки зрения, нескладная композиция, логическая непоследовательность и механическая нанизанность мотивов — один из признаков позднего и притом искусственного происхождения песни в целом».[5] Следовательно, в опубликованной статье о Егории-змееборце В. Я. Пропп утверждает, что «Большой стих о Егории» позднего и искусственного происхождения.

Тем интереснее было обнаружить в архиве ученого рукопись неопубликованной статьи «Стих об Егории Храбром» (РО ИРЛИ, ф. 721, оп. 1, № 58—59). Статья незакончена, в ней автор анализирует один эпизод — мучения Егория, не касаясь второго — поездки Егория по Руси.

В статье автор высказывает предположение о том, что стих о мучениях Егория доносит отклики первых веков христианства и конфликт сюжета состоит в недопущении христианства и его установлении. В. Я. Пропп предполагает также, что в основе стиха лежит песня ранней формации.

Рукопись представляет собой черновой текст статьи и подготовительные материалы и наброски к ней: рабочие таблицы, тезисы и т. д. Среди этих материалов — план статьи «Змееборство Георгия в свете фольклора»: «Ссылка на сказку. Характеристика типа икон. Фреска Старой Ладоги. Запреты на Егория» и др. Эти и другие пункты плана и явились основой опубликованной статьи «Змееборство Георгия в свете фольклора». Следовательно, можно предположить, что эта статья о мучениях Егория была написана раньше, чем работа «Змееборство Георгия» и ее архивная редакция «Змееборство в древнерусской живописи».

Несмотря на то, что статья о мучениях Егория была написана более трех десятилетий назад, она актуальна и в настоящее время. «Большой стих о Егории Храбром» до сих пор остается одним из самых загадочных явлений народной культуры, и проблемы, связанные с ним, все еще наукой не решены.

В 1995 г. В. А. Бахтина опубликовала монографию Б. М. Соколова «Большой стих о Егории Храбром», более полувека пролежавшую в архиве, предварив публикацию обширной и глубокой статьей. Предметом исследования Б. М. Соколова явилась вторая часть «Большого стиха» — поездка Егория по Руси. Основная концепция монографии состоит в попытках доказать, что Егорий Храбрый имел реального исторического прототипа в лице князя Ярослава I. Интересна и гипотеза автора о том, что первоначально это была историческая песня о князе Ярославе, которая позднее присоединилась к духовному стиху о мучениях Егория.

---

[4] *Пропп В. Я.* Змееборство Георгия в свете фольклора. С. 208.
[5] Там же. С. 203.

Статья В. Я. Проппа, как и монография Б. М. Соколова, не утратила своего научного значения, а сопоставление двух разных концепций и аргументов известных ученых не может не вызвать интерес современного читателя.

Текст статьи и подготовительные материалы, демонстрирующие методику работы В. Я. Проппа, публикуются по черновому автографу, хранящемуся в фонде ученого (Ф. 721, оп. 1, № 58). Сокращения раскрыты в ломаных скобках, сноски сверены, в необходимых случаях уточнены страницы. В редких случаях допущена минимальная редакторская правка. Цитаты, приводимые Проппом, даются полностью и с учетом фонетических особенностей источника. Примечания к статье подготовлены Н. А. Прозоровой.

I. ЧЕРНОВОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ[1]

1.

Изучая песни о Егории Храбром, можно установить, что есть два разных вида или типа их. В одних говорится о том, что Егорий был взят в плен и подвергался жестоким пыткам. Описание этих пыток составляет основное содержание этих песен. Другие имеют сюжет совершенно иной: в них повествуется о том, как Георгий спас девушку, отданную на съедение змею.

Мы рассмотрим оба сюжета отдельно, после чего может быть поставлен вопрос о связи между ними.

Более распространена была песня о страстях Георгия. Известно свыше 50-ти печатных текстов ее. Кроме того, имеется некоторое количество в фольклорных архивах. Больше всего записей (8 текстов) было сделано в бывшей Архангельской губернии. Однако песня была широко распространена по всей России. Записи имеются из губерний Олонецкой, Новгородской, Московской, Симбирской, Смоленской, Пермской, Оренбургской, Вятской, Витебской, Курской. В ряде случаев место записи не указано, и можно предполагать, что песня исполнялась не только в этих местах. Бросается в глаза чрезвычайно широкий ареал распространения. Вместе с тем в большинстве губерний сделано не более 1—2 записей. Это говорит о том, что, хотя песня была распространена очень широко, исполнялась она редко. Есть указание на то, что она исполнялась слепцами, нищими. Возможно, однако, и другое предположение. У либерально настроенных русских собирателей и ученых песня находилась в некотором пренебрежении. Характерно, что наибольшее количество песен было опубликовано Бессоновым,[2] который извлек их из множества разнообразных рукописей. Исследовательская литература также невелика. Сравнительно хорошо изучена византийская рукописная традиция.[3]

Мы будем излагать сюжет по его составным частям в той последовательности, как это диктуется самой песней. В первую очередь подробно излагаются типичные и часто встречающиеся формы, вслед за этим более бегло трактуются формы, встречающиеся редко. Правомерность такого способа изложения может оспариваться, однако опытный фольклорист всегда отличит исконные формы от форм на-

носных и случайных. Статистика не всегда дает надежный критерий для выделения основных и исконных форм, но пренебрегать ею также нельзя.

Песня в ее полной форме начинается с определения пространственных и временных границ, в пределах которых будут развиваться события. Есть некоторое количество вариантов, в которых повествование обходится без этих определений и прямо начинается с действий: такие тексты могут рассматриваться как неполные. Их художественные достоинства обычно ниже, чем достоинства более полных песен. Есть некоторые замечательно полнокровные подробные песни на 200 (Бесс<онов> 109), 300 (Ром<анов>, с. 308),[4] Марков 200 (24)[5] (стихов. — *Н. П.*).

Первое, что сообщает песня, — она определяет время и место событий. Начинается ли песня с определения времени или места — это значения не имеет.

Когда происходит действие? Здесь сразу бросается в глаза, что на словах время определяется точно, на деле же за этой точностью кроется неопределенность. Время определяется либо через календарные сроки, либо через указание на царствование. Бросается в глаза, что определение через календарные сроки во всех, географически очень отдаленных местах, определяется в пределах некоторых словесных колебаний совершенно одинаково. «Во шестом (седьмом) году седьмой тысячи» (Бесс<онов> 99, 102, 115 и др.),[6] или то же, но в «восьмой тысяче» (Бесс<онов> 100, 104, 106; Романов 5 и др.). Разница как будто в тысячу лет, но по существу это не столько хронологические, сколько словесные варианты. Певец хронологии конкретно себе не представляет. Действие происходило очень давно. Для нас важно другое: хронология определяется по летоисчислению, которое имелось в России до введения отсчета от Рождества Христова. Этот способ летоисчисления был введен Петром в 1700 году. Все исторические песни от Петра и позже ведут свое летоисчисление по этому календарю. Если не хронологические даты, то способ исчисления от сотворения мира, имеющийся во всех вариантах этих песен, в которых вообще есть упоминание хронологии, ведут свое исчисление (т. е. ведется. — *Н. П.*) по дореформенному способу. Это заставляет предполагать, что данные строки сложились до XVIII века.

Наряду с определением начала через хронологические рамки имеется определение через ссылки на царствование. В этих случаях почти исключительно фигурирует Федор.

При царе было при Федоре.

Наряду с этим эпизодически встречается имя Онуфрия.

Вряд ли устойчивое упоминание царя Федора можно отнести к царствованию царя Федора Иоанновича (1584—1598). Важнее, что ни в одном варианте ни разу не упоминается ни один царь, царствовавший после Петра, что имя Федора фантастично, видно по его отчеству. Назван он Хвёдор Стрепелатович (Бесс<онов> 98, 99, 106).[7]

Вслед за определением времени и места действия певцы вводят в повествование действующих лиц. Как и в других фольклорных жанрах, в песне сообщается о родителях героя. Роль отца и роль матери очень различная. Отец упоминается как глава семьи — и только.

Во седьмом году в восьмой тысячи,
При том царю при Феодоре
(Бесс<онов> 100).[8]

Таковы первые строки многих текстов. Отец в дальнейшем никакой роли играть не будет. События начинаются при нем — и только. Первое действующее лицо повествования не он, а мать героя:

А жила царица благоверная,
Святая Софья Премудрая
(Бесс<онов> 102).[9]

Отец упоминается без всяких эпитетов, зато мать всегда «благоверная», «святая», «премудрая». Как мы увидим дальше, она будет играть в повествовании существенную роль. В таком соотношении можно усмотреть следы весьма архаических семейных отношений, характерных для матриархата. Глава семьи — женщина. У нее рождаются дети. Соответственно фольклорному закону троичности по форме 2 + 1, или в данной песне чаще 3 + 1, — это две дочери или три дочери и сын.

Была София, породила она трех дочерей,
Четвертаго сына Егория
(Бесс<онов> 112).[10]

На дочерей певец пока внимания не обращает, все его внимание обращено на Егория. Образ его в большинстве текстов описывается, за вычетом незначительных колебаний, более или менее одинаково:

По колина ноги в чистыим сербре,
По локоть руцы в красным золоте,
Голова его вся земчужная.
(Бесс<онов 98>).[11]

Детали, которые певцы иногда прибавляют от себя, не меняют картины:

А ўво лбе звезда як жарко сонца
(Романов 5 в).[12]

Эти и подобные детали нельзя рассматривать как описание. Как представить себе, например, «жемчужную голову»? Это не столько описание, рассчитанное на зрительное восприятие, сколько оценочные эпитеты.

В некоторых вариантах сообщается, что, едва родившись, он начинает петь херувимские стихи (Романов 1 б).

Здесь напрашивается вопрос о характере фольклорного героизма. Герои в фольклоре вообще не становятся героями, а рождаются ими,

равным образом как другие рождаются их врагами и антагонистами. Здесь опять следы некоторой весьма архаической философии предустановленности. Но эта предустановленность вместе с тем служит основой моральной оценки: одни рождаются, чтобы совершать героические подвиги, и получают высокую нравственную оценку, другие от рождения назначаются для совершения актов величайшего аморализма, жестокости, насилия — и подвергаются осуждению и наказанию. Развития характеров фольклор не знает, он знает только типы.

После того как певец показал героя песни, он сразу же переходит к повествованию о событиях. События эти начинаются с того, что совершенно неожиданно появляется враг, антагонист, и сразу же разрушает жизнь чудесной семьи.

2.

Имя Героя.

Наезжал царище Кудреянин
(Криничная).[13]

Первое, что бросается в глаза, это имя врага. Чаще всего он именуется Демьянище, но наряду с этим встречается имя Кудреянище (Кудреванко). Имя это вряд ли требует особого истолкования. Для данного сюжета оно представляет собой некоторый стандарт.

Однако из этого стандарта есть исключения, которые требуют особого внимания. В трех песнях царь назван Диклитианище, т.е. Диоклетианом. Можно думать, что имя это заблудилось сюда случайно. Но оно записано в очень далеко отстоящих одно от другого местах.

При том царе при Федоре...
Из того-ли из града из Китаева
Подымался неверный царь Диклитианище

Такая запись была сделана в начале XX века в Новгородской губернии со слов слепого певца (Жив<ая> Стар<ина>. 1906, вып. 1, отдел II, стр. 22 и сл.).[14] Другую подобную запись сообщил Сперанский из Курской губернии (Этн<ографическое> Обозр<ение>. 1906, № 1—2, стр. 15).[15] Наконец, в сборнике Варенцова (25) царь назван Дектиан.[16] У Якушкина № 3:

Подымался неверный царь Диклитианище
(место не указано).[17]

То, что это имя встречается в очень отдаленных друг от друга районах, заставляет предполагать, что оно не заимствовано одним певцом от другого. Это видно и по тому, что песни эти весьма различны, как по стилю, так и по характеру эпизодов. Интересно это имя потому, что оно принадлежит римскому императору Диоклетиану (284—305), который известен как наиболее свирепый из всех имевшихся гоните-

лей на христианство. Отношение его к христианам, однако, менялось: в начале своего правления он привлекал христиан и ставил их на высокие должности. Но постепенно его отношение к ним менялось и превратилось в гонения. Храмы разрушались, богословские книги уничтожались. Император требовал, чтобы христиане приносили жертвы языческим богам, а те, кто отказывался, подвергались пыткам и казням.[а] Против христиан было издано несколько правительственных указов, но христиане держались стойко.

Ниже мы увидим, что совпадает не только имя, но что песенный Диклитианище действует совершенно так же, как действовал исторический Диоклетиан: он требовал, чтобы христиане приносили жертву языческим богам, а отказывающихся он подвергал жестоким пыткам и казням.

Историческая связь не может быть ни доказана, ни отрицаема. Но на возможность ее указать необходимо. Мы увидим, что для предположения о связи имеются и некоторые другие аргументы. Имя Диоклетиан — не русское и никогда не было принято в России. Оно занесено, но откуда и как — этот вопрос может быть разрешен только после привлечения более широкого не русского материала. Для русского крестьянина оно звучит чуждо, оно для русских неудобопроизносимо и нет ничего удивительного, что оно было заменено русским именем Демиан, сохранившим начало (Ди,-Де,) и конец (-ан) этого имени.

3.

Форма появления врага

1. Как появляется идолище.

2. Откуда <появляется идолище>.

Теория. Он является не со стороны, а из той же страны, в которой родился Георгий.

Следующий этап хода действия — появление на сцену врага.

Во многих вариантах враг появляется из какой-то другой земли. Он как бы совершает налет. Из какой страны он появляется, об этом певцы имеют очень смутное представление.

А из той земли из бусурманския
Выступал царище злой Демьянище
(Бесс<онов> 104).[18]

Место, откуда появляется басурманище, наделяется самым неопределенным названием. Такие обозначения, как «с басурманской стороны», «с неверной земли» певцов вполне удовлетворяют.

В других вариантах земля эта именуется, но наименование ее неустойчиво и фантастично.

[а] Об историческом Диоклетиане существует обширная литература, которая здесь не может быть приведена *(прим. автора)*.

Из того-ли из града из Китаева
Подымался неверный царь Диклитианище
(Отто).[19]

Это не Китай, а фантастический город.

Да што из тово видь царства Вавилонсково
Да поднимался царь-царище Демьянище
(Ист<омин> и Ляп<унов > 4).[20]

Аграфена Крюкова[21] (Марков, 24) называет его собственным именем «Грубиянин»,[22] в Печорской песне он назван «Имбалищо» (Ончуков, отдел II, стр. 23).[23]

В других песнях иносказательно говорится, что он является из языческой страны.

Такая неустойчивость требует особого внимания. Выше указывалось, что песня не полигенетична, а скорее всего начала складываться в определенное время и в определенном месте. Можно предполагать, что все разнообразные формы страны, из которой появляется враг Георгия, вторичны и что в первоначальном тексте фигурировал не внешний враг, а языческий правитель той же страны, в которой рождается Георгий. Но с течением столетий, когда христианство овладело всей страной целиком, гонитель христианства не мог являться из той же страны, в которой родился герой христианин, и враг стал появляться, как это вообще свойственно эпическому фольклору, из другой страны, определяемой певцом не с точки зрения географии или этнографической принадлежности, а с точки зрения принадлежности к другой вере.

Есть отдельные варианты, в которых враг появляется не извне, а из той же страны, в которой растет герой.

Вот, например, текст, записанный в Можайском уезде Московской губернии. Здесь повествуется о том, что мать родила трех дочерей и сына Ягорья.

Уж прослышал про Ягорья
Царь царевища,
Уж прослышал про Ягорья
Царь царевища,
Царь царевища,
Царь неверища.
Царь неверища,
Он и взял свята́ Ягорья
Во свою веру,
Он и взял свята́ Ягорья
Во свою веру,
Во свою веру
Басурманскую.

Далее повествуется, что царь начинает Егория допрашивать. (Бес<онов>113).[24]

Сходная ситуация имеется и в некоторых других текстах (см., напр<имер>, Бес<онов> 100, 101, 107, <110 — здесь мучитель — род-

ной отец Егория>, 111, 112, 114; Якушкин 2; Романов 5; Григ<орьев> 57 (93);[25] Марк<ов> 24; Ончуков, стр. 23—24).[26]

В некоторых вариантах говорится очень неопределенно, что Демьянище «увозит Егория во свою землю», но этот увоз не представляет собой композиционного элемента в развитии сюжета. Если певец эту строчку пропустит, все действие будет развиваться на той же земле, на которой родился Егорий.

Эти пространственные определения для развития хода действия значения не имеют.

4.

Пленение.
Допрос и ответы.

Появляется ли враг извне, или изнутри, или он присутствует с начала повествования, действие во всех случаях развивается совершенно одинаково.

Овладев Георгием, Демьянище прежде всего подвергает его допросу. Цель Демьянища состоит не в уничтожении героя, а в склонении его в языческую веру.

Завязка, следовательно, состоит в попытке не уничтожения Георгия, а склонения его в языческую веру. Борьба идет, следовательно, не между двумя государствами, или народами, и не между двумя государственными системами, а между двумя религиозными системами — христианством и язычеством.

Действие начинается с допроса.

Стал ён Егорья распрашивати,
Распрашивать, разговаривать:
— Ты святой Егорий Хорабрай!
— Которую веру ты веруишь,
— Которому Богу ты молишься?
(Бесс<онов> 106).[27]

Ответ свидетельствует о том, что в некоторых случаях певцы имеют более или менее ясное представление о православной догматике, но в большинстве случаев представление это весьма путаное.

Когда Георгий отвечает:

(Ист<омин> и Ляп<унов> 4).

Да видь я в веру верую крещенную,
Да видь во Мать Божью да Богородицу,
Да видь во Троицу Велику неразделимую[28] —

то здесь с точки зрения церковного богословия все верно: Богородица не входит в состав Троицы (бог-отец, бог-сын, бог-святой дух). В большинстве же случаев певцы имеют о церковной догматике весьма смутное представление.

Типичные, наиболее часто встречающиеся формы исповедания звучат так:

Я молюсь Богу — самому Христу,
Самому Христу, царю небесному,
Еще Матери Богородицы,
Славной Троицы нераздельныя

(Бесс<онов> 99).[29]

Если вникнуть в подобные высказывания, то христианство знает не триединое божество, а пять божеств: Троицу, Христа и его мать.

Есть еще более путаные ответы.

На расспросы Демьянища Георгий отвечает (Сперанский, Этн<ографическое> Об<озрение>. 1901, 3):

Я того роду божаственскаго,
Самого Криста, царя небеснаго,
Самой матерь-Божии
Пресвятой Троицы нераздельной[30]

Эта историческая и догматическая неоднородность нисколько не нарушает смысла песен.

Георгий не личный, не национальный и не социальный враг Демьянища, а враг религиозный. Если эту завязку перевести на историческую почву, она приводит нас к первым векам развития христианства и к попыткам это развитие заглушить. В свете этого становится понятным, почему Демьянище не уничтожает своего антагониста, а пытается обратить его в свою веру.

Георгий — христианин, Демьянище — поборник языческой веры. Цель Демьянища состоит в том, чтобы в лице Георгия уничтожить христианскую веру, обратить его и всех его сторонников в язычество, а если это не удастся — уничтожить его и всех христиан.

(Бесс<онов>)

(Кир<еевский>108)[31]

Ты не веруй самому Христу,
Самому Христу, царю небесному,
А ты веруй сатане врагу со диаволом[32]

Георгий, конечно, всегда отказывается, после чего начинается центральная часть песни, а именно, описание мук, которым Диоклетиан подвергает Георгия.

5.

Пытки.

Муки эти имеют целью насильно заставить Георгия испов<ед>ов<ов>ать языческую веру, а если это не удастся — погубить его.

Повелел Егория света мучити
Он и муками разноличными
(Бесс<онов> 102).[33]

Можно назвать до 30-ти различных видов мучений, которым в песнях подвергается Георгий. Перечисление этих мук композиционно составляет центральную часть песни. В изображении их певцы проявляют известную изобретательность. Можно предположить, что в какой-то степени песня отразила реальную действительность производства пыток. Чаще всего мучений бывает три-четыре. Есть, правда, певцы, которые говорят о 12-ти муках, но обычно в тексте песен называют не более шести. Наиболее часто встречающиеся, так сказать, стандартные формы, состоят в том, что Георгия пилят пилой, рубят топором, топят в воде, варят в смоле. Эти формы в пределах наших материалов встречались от двадцати до почти сорока раз. Это, так сказать, формы стандартные. Наряду с этим есть формы более редкие. Перечисление всех форм имеет некоторый интерес, т<ак> к<ак> мучения Георгия изображались и на иконах и их интересно сличить с песнями. Его варят в котле, водят по гвоздям, куют в железные сапоги, жгут на огне, вертят или трут колесом. Есть и совсем редкие или единичные формы, по-видимому, представляющие собой плод воображения отдельных певцов. Его жгут в печи, бросают о землю, стегают батожьем, секут воловьими жилами, приколачивают гвоздем к дереву.[34]

Разнообразие форм очень велико, но результат всегда описывается одинаково: на Егория никакие муки не действуют, он их всегда выдерживает. Если его пилят пилой, то:

У пил зубья позагнулися
Мучители все утомилися
(Бесс<онов> 101).[35]

То же происходит и при других видах мучений:

Повелел Егория в топоры рубить;
Не довлеть Егорья в топоры рубить:
По Божию повелению,
По Егориеву молению,
Не берут Егория топоры Немецкия;
По обух лезья приломилися
(Там же).[36]

Не взяло Егорья и на воде тонуть:
Он против воды, Егорий, гоголем плывет
(Як<ушкин> 3).[37]

Даже, когда Егория пытались уничтожить кипящей смолой, о нем поется:

Повелел Ягорья во смоле варить,
Во смоле варить, во воде топить:
По верху Ягорий смолы плавает
(Бесс<онов> 99).[38]

Это — результат не только стойкости Егория, но и чуда.

Ишше стал он Ёгорьюшка в котли варить;
Да Ёгорей-от в котли-то он стойком стоит,
Он стоит-то в котли-то да всё стихи поёт,
Ише песь-ту поёт всё Херуимскую;
У Егорья под котлом-то не огонь горит,
Не огонь-то горит, все разны цветы цветут,
Всё цветы-ти цветут, все разны лазурёвы

(Марков 24).[39]

О том, что во время мучительств расцветают цветы, говорится довольно часто.

Когда его водят по гвоздям, гвозди под его ногами подгибаются или ломаются (Бесс<онов> 102).

Его приказывают жечь на огне, но он посреди огня стоит невредим (Бесс<онов> 102). Его куют в железные сапоги, жгут на огне, вертят колесом. Некоторые певцы эпически распространяют каждое из описаний. Очень полный образец был записан, например, Якушкиным в Орловской губернии.

Пывялел царища басурманища,
Пывялел Егорья на марях тапить
На марях тапить с белым каменем.
Ен паёть стихи херуимския
Да гласом гласить по-евангельски,
Да сверх жа воды Ягорий плаваить!
Ничаго Ягорью не вредилоси:
Уся яво тела суцилялоси.

(Якушкин 2).[40]

Мы не будем здесь описывать или перечислять все виды мучений. У современного читателя вызывает некоторое недоумение, что Егорий при этом мук собственно не испытывает. Он спасается чудом, вмешательством небесных сил.

Но для певца такое вмешательство не механическое, не спасение извне, а спасение заслуженное. После каждого из мучений говорится, что он готов умереть:

Я умру за веру християнскую,
Не покину веру християнскую,
Не буду веровать во Латынскую,
Латынскую, бусурманскую!

(Бессонов 101).[41]

Чудо совершается не механически, оно — награда за внутреннюю устойчивость героя. Оно — чудо, но чудо заслуженное.

6.

Попытка уничтожить. Заключение в темницу и выход из нее.

Попытка наказать Георгия пытками или посредством пыток или уничтожить его, терпит неудачу: его невозможно измучить до смерти.

Тогда Демьянище пытается уничтожить его по-иному: он приказывает вырыть глубокую яму и посадить в нее Егория. Погреб описывается как огромный и глубокий, обычно даются гиперболизованные размеры его. Одно из наиболее полных и колоритных описаний этого заключения было записано в селе Павловском Московской губернии Звенигородского уезда:

Посадил святаго Егория во глубок погреб,
Закрывал досками железными,
Задвигал щитами дубовыми,
Забивал гвоздями полужёными,
Засыпал песками крутожёлтыми,
Засыпал он и притаптывал,

И притаптывал, и приговаривал:
— Не видать Егорью света белаго,
— Не видать Егорью солнца краснаго,
— Не слыхать звона колокольнаго!

(Бесс<онов> 103).[42]

Этот рассказ — непременное звено повествования, которое имеется во множестве различных вариаций, не имеющих значения для хода повествования.

Проходит много лет, и Демьянище уже торжествует победу, но, конечно, песня не может кончиться гибелью героя. Певцы иногда не сообщают, сколько времени Георгий находился под землей, но если эти сроки обозначаются, то это всегда 30 лет или 30 лет и 3 года.

Происходит чудо: <...>[43]

А по Божьему повелению,
Восставали духи сильны Божие,
Разносило пески рудожёлтые,
Поломало гвозди полужёные,
Разметало доски железныя,
Выходил Егорий по сверьх земли,
Завидел Егорий свету белаго,
Услышал звону колокольнаго,
Обогрело его солнце красное.

(Бессон<ов> 104).[44]

Также, как на Егория не действуют пытки, на него не действует и подземное заключение.

Оковы отпадают, Демьянище вновь оказывается бессильным. Иногда певцы прибавляют, что оковы падают не сами собой, а «по Егорову моленью». Иногда его освобождению способствует «сама Мать Пречистая Богородица», но это единичные позднейшие привнесения.

Для современного читателя здесь многое неясно. Если Георгия надо было погубить, почему его не закапывают в землю, как это фактически иногда делалось в начале средневековья, почему для него под землей строят огромную хоромину, в которой можно двигаться? Совершенно очевидно, что это делается, чтобы сохранить Георгия живым. Подобный мотив в фольклоре встречается неоднократно. Так, например, в былине о бунте Ильи Муромца против Владимира поется

о том, что разгневанный Владимир приказывает вырыть глубокий погреб, посадить туда Илью, закрыть этот погреб решеткой или досками, завалить выход камнем или засыпать его песком.[6] Вопреки намерениям Владимира Илья остается живым: Евпраксия, дочь или жена Владимира, втайне от него приказывает прорыть в темнице подкоп и поддерживает Илью пищей и одеждой. Фигура Евпраксии несомненно позднейшее привнесение. Более ранние формы этого мотива обходятся без рационализаторского прибавления о тайном приеме пищи — многолетнее пребывание под землей есть одно из условий последующей героизации и деификации,[45] как это видно по древнегреческому мифу об Эдипе.[в] С этой точки зрения мотив многолетнего подземного заключения в песне о Георгии оказывается весьма архаическим, более архаическим, чем соответствующий мотив в былине.

7.

Откуда (в какой земле) Егорий выходит. Встреча с матерью.

Где, в какой земле или в каком городе Егорий выходит из подземелья? Самый естественный ответ на этот вопрос гласил бы, что он выходит из земли там же, где он был заключен. Но анализ текстов показывает, что это далеко не всегда так, и эти случаи требуют особого внимания.

Есть варианты, в которых героя никуда не уводят и не уносят. Враг налетает на родную землю Егория, тут же его пытает, и тут же заключает в подземелье.

В этих текстах никакой топографии, никаких географических названий vea* нет. (См., напр., Киреевский 107, 112, 113, 114;[46] Якушкин 2; Истомин и Дютш 43;[47] Романов 5-б; Ончуков, Жив<ая> Стар<ина>. 1907, вып. I, отдел II, стр. 23 (№ 4), стр. 24 (№ 5), вып. II, отдел II, стр. 51 (№ 6), стр. 51— 53 (№ 7); Балашов, стр. 194;[48] Криничная, рукопись). Всего можно назвать 12 таких текстов. Может быть, эта форма — исконна? Но это вряд ли так. Все приведенные случаи в художественном отношении неполноценные, очень сокращенные, дефектные, поздние. Особенно плохую сохранность обнаруживают тексты Ончукова.

Содержание и форма повествования в этих случаях логичны в том отношении, что все события происходят в одном и том же месте. Но эта логичность — отнюдь не признак художественности. Художественно убедительны те случаи, когда враг налетает из чужой земли,

---

[6] Перечень вариантов см.: В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2-ое, М., 1958. Стр. 291—292. Здесь приведено 47 вариантов (*прим. автора*).См. также современное издание: *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1999. С. 291—301.

[в] Некоторый материал по этому вопросу <читай> в моей статье «Эдип в свете фольклора». Лен<инградский> гос<ударственный> университет. Ученые записки. Серия филологических наук, вып. 9, 1944. Стр. 138—176 (*прим. автора*). См. также позднейшее издание: *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976. С. 258—299.

* Vea = via — дорога, путь (*лат.*).

уносит Георгия в свою землю и там подвергает пыткам. Есть варианты, в которых враг уносит Егория «в свою землю» большей частью без всяких топонимических уточнений или в таких неопределенных выражениях как «во свою землю, во неверную», в Демьянскую, латинскую, басурманскую, в царство Вавилонское. Каждое из этих обозначений встречается только по разу, и ни одно из них не может быть признан<о> исконн<ым>. Установить точную топографию событий оказывается невозможным и, как мы увидим ниже, это отнюдь не случайно. Прослеживая географические обозначения дальнейшего хода событий, мы наталкиваемся на неожиданное, но довольно постоянное и характерное противоречие: Георгий опущен в подземелье в одной земле или стране, а выходит из подземелья в стране другой, причем певцы этого несоответствия не замечают. Вот несколько типичных примеров. Демьянище уносит Егория «во свою землю, во неверную», а из подземелья Егорий выходит в Чернигове. (Кир<еевский> 99). Другие примеры. Герой рождается в Иерусалиме. Демьянище уносит его в «землю жидовскую» (т. е. языческую), а из темницы Егорий выходит прямо «на святую Русь» (Кир<еевский> 105). Демьянище уносит Егория «у свою землю латысьскую, басурманскую», а выйдя из подземелья Егорий «пошел по святой Руси» и приходит к Чернигову (Кир<еевский> 115). Таких примеров можно привести больше. Мы не будем приводить статистических данных всех разновидностей этого несоответствия, т<ак> к<ак> исторические вопросы статистикой еще не решаются. Разнобой в этом случае не нарушение, а закономерно возникшая форма. Но, как и почему этот разнобой получился и чем он объясняется? Если верны те исторические предпосылки, о которых говорилось выше, то мучения христиан производилось на месте и тем правителем страны, который подвергал христиан пыткам. Но с перенесением всего действия в Россию, т. е. в христианскую страну, язычник-мучитель уже не мог изображаться как русский или вообще как житель той страны, в которой находится жертва мучителя, или христианской страны, и он превращается в<о> внешнего врага, налетающего извне, или о месте, откуда он берется, хранится молчание. Так рассмотрение этого мотива вновь возвращает нас к предположению чрезвычайной архаичности сюжета.

Это же наблюдение поможет нам понять, почему, выходя из подземелья в языческой стране, Егорий вдруг видит храм и в нем свою мать Софию.[49]

Выходом из темницы сюжет, собственно, кончается. Слушатель ждет еще непременного наказания Демьянища, и оно действительно наступит в конце песни. Но до этого в повествование вклинивается цепь эпизодов, которые должны рассматриваться как <u>новое</u> повествование.

Рассмотренное нами повествование кончается тем, что Георгий, выходя из темницы, встречается со своей матерью. Но этот конец одного повествования есть вместе с тем начало другого. Герой встречает мать вовсе не для того, чтобы отныне мирно продолжать жизнь в лоне своей семьи. Он встречает ее для того, чтобы прощаться.

Эпическое произведение фольклора часто начинается с того, что герой прощается с матерью и просит у нее благословения. Этот случай мы имеем и здесь и в этом смысле встреча героя с матерью <...>.[50]

Таким образом, по внешним данным следует говорить о контаминации двух произведений в одно целое.

Этому предположению противоречит, однако, что на русском материале нет ни одного случая отдельного существования второго сюжета.

Проблема эта может быть решена только путем изучения этой второй части песни о мучениях Георгия.

[1] Данную статью предваряет черновой (неполный) набросок плана, составленный Проппом, и приведенный ниже:

1. Два типа песен — об освобождении женщины, о мучении.
3. Записи.
7. Пространственно-временные определения.
8. Когда (хронологически).
11. <Когда> (в какое, царствование)
13. Родители героя.
16. Облик героя.
19. Появление врага (кратко, предварительно).

(РО ИРЛИ, ф. 721, оп. 1, № 58, л. 2).

[2] Имеется в виду издание: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. М., 1861—1864. Вып. 1—6.

[3] Далее в тексте помета Проппа: «Следует библиография и л<итерату>ра вопроса».

[4] Имеется в виду: *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 5.

[5] Имеется в виду: *Марков А. В.* Беломорские былины. СПб., 1901.

[6] Здесь и дальше Пропп упоминает издание Бессонова и цитирует по нему, а также по другим изданиям тексты. Все цитаты Проппа (иногда — неполные, со снятыми фонетическими особенностями) сверены с источниками и приводятся нами по оригиналам с сохранением фонетических и синтаксических особенностей.

[7] Ср. Бессонов, 98:

Да при том царе, да ли все при Федоре,
Да при Федоре Стратилатора

Бессонов, 99:

Во шестом году седьмой тысячи
Во при том царю же а при Хведоре Стрепелатому.

Бессонов, 106:

Ва шестом году в осьмой тысячи,
Да при том царю было при Хведору
А при Хведору Стритилатову.

См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. М., 1861—1864. Вып. 2. С. 393, 397, 456.

[8] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 403.

[9] Там же. С. 422.

[10] Там же. С. 493.

[11] Там же. С. 393.

[12] *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Вып. 5. С. 311.

[13] Текст цитируется Проппом по рукописи, хранившейся у фольклористки Н. А. Криничной. В заглавии раздела — «Имя Героя» — явная описка. Следует: «Имя антагониста / врага».

[14] См.: *Otto H.* Старые русские стихи. Песни стихарей // Живая старина. 1906. Вып. 1. Отд. II. С. 22.

[15] Имеется в виду статья: *Сперанский М. Н.* Курский лирник Т. Н. Семенов // Этнографическое обозрение. 1906. № 1. С. 1—28; в рамках этой статьи см. о Егории. С. 15—18.

[16] См.: *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 100—110. Царь здесь назван «Дектиан», «Дектианище» (С. 100 и сл.)

[17] См.: *Якушкин П. И.* Сочинения. СПб., 1884. С. 487.

[18] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 433.

[19] См.: *Отто Н.* Старые русские стихи. Песни стихарей. С. 22.

[20] См.: Песни русского народа. Собраны в губ. Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы — С. М. Ляпунов. СПб., 1899. С. 11—12 .

[21] *Крюкова Аграфена Матвеевна* (1855—1921) — русская народная сказительница. От Крюковой был записан А. В. Марковым обширный эпический репертуар (64 текста былин, баллад, исторических текстов и духовных стихов). См.: *Марков А. В.* Беломорские былины.

[22] Точнее, «Грубиянишша». См.: *Марков А. В.* Беломорские былины. С. 152 и сл.

[23] См.: *Ончуков Н. Е.* Печорские стихи и песни // Живая старина. 1907. Вып. 1. Отд. II. С. 23.

[24] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 494.

[25] См.: *Григорьев А. Д.* Архангельские былины и исторические песни. СПб., 1904. Т. 1. Ч. 2. С. 287—290 (Борьба Егория с царем Кудреванко).

[26] См.: *Ончуков Н. Е.* Печорские стихи и песни. С. 23—24.

[27] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 457.

[28] См.: Песни русского народа. Собраны в губ. Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. С. 12 .

[29] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 398.

[30] См.: *Сперанский М. Н.* Духовные стихи Курской губернии // Этнографическое обозрение. 1901. № 3. С. 41.

[31] Стих о Егории Храбром, опубликованный П. В. Киреевским, см.: Русские народные песни, собранные Петром Киреевским. Ч. 1. Русские народные стихи // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1848. № 9. С. 148—154. Известно, что часть собранных Киреевским материалов вошла позднее в издание П. А. Бессонова «Калики перехожие». Видимо, поэтому у Проппа даны одновременно две сноски — на Бесссонова и Киреевского. Цитата, приводимая ниже, относится к изданию Бессонова (108). См. прим. 32.

[32] См. *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 475.

[33] Там же. С. 423.

[34] Далее в тексте помета Проппа: «Сюда сравнение с иконописью».

[35] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 411.

[36] Там же. С. 411—412.

[37] См.: *Якушкин П. И.* Сочинения. С. 488.

[38] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 399.

[39] См.: *Марков А. В.* Беломорские былины. С. 155—156.

[40] См.: *Якушкин П. И.* Сочинения. С.485.

[41] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 411.

[42] Там же. С. 429—430.

[43] Далее в тексте мысль не выражена и не записана и следует отсылка: См.: Исторические корни < волшебной сказки. Л., 1946>. См. современное издание: *Пропп В. Я.* Морфология <волшебной> сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 1998 (Собрание трудов).

[44] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 435—436.

[45] Деификация (*deи* от лат. Deus — бог + facere — делать) — обожествление.

[46] Здесь и ниже, ссылаясь на П. В. Киреевского, В. Я. Пропп имел в виду издание П. А. Бессонова «Калики перехожие», в котором публиковались материалы из собрания П. В. Киреевского.

[47] Имеется в виду издание: Песни русского народа. Собраны в губ. Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова — Ф. М. Истомин, напевы — Г. О. Дютш. СПб., 1894. (См. о Егории С. 9—11).

[48] Стих о Егории см.: *Балашов Д. М.* Народные баллады / Вступ. статья, подгот. текста и прим. Д. М. Балашова. М.; Л., 1963. С. 194.

[49] Здесь помета Проппа: «Это надо несколько подробнее, сделать выписки».

[50] В этом месте текст обрывается, видимо, в рукописи не сохранилась часть листов.

II. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СТАТЬЕ

Материалы, наброски.

Стих о Егории.[1]

Аннотации разн<ые>.

Кроме внешнего сюжета (события) песня имеет внутренний сюжет (установление правды).

Борьба высокой морали и чистоты с аморализмом.

Не напущены ли препятствия Демьянищем, чтобы Егория не пропустить? Он ставит их по старому (Романов, 5).

Топографии все равно не получается.

Егорий просыпается в своей стране. Бросает свет на начало: унесение его есть вторичное образование.

	Где родится	Куда его уносят	Где выходит из темницы	Куда направляется	Топонимика конца
К. 98	Нет.	Во свою землю во неверную.	Не указано. Все разорено.	А поехал Егорий к царю Демьянищу.	Киев.
К. 99	Нет.	Во свою землю.	Нет.	Пошел Егорий по Чернигову.	Киев.
К. 100	Нет.	Нет.	60) Стал Егорий поверх земли, земли свято-русския.	75) Сходил к царевищу Демьянищ<у> отплатить ему дружбу прежнюю.	Киев.
К. 101	Иерусалим.	23. В свою землю жидовскую.	Выходил во святую Русь Приходил…во Иерусалим город.	Поеду я по всей земле светло-русской утверждать веры христианскою.	Палата белокаменная, где пребывает царище Демьянище.
К. 102	Нет.	98	101	К Ерусалиму. Здесь молится его мать.	Нет.
К. 103	Иерусалим.	98	101	102	Нет.
К. 104	Нет (Чернигов).	Нет.	Нет.	А пошел Егорий во Чернигов город.	Нет.
К. 106	Нет.	Во свою землю во Демьянскую.	Воротился из Чернигова «По верху свету Русскова».	В Чернигов. Оттуда в царство Демьяново.	Киев. Там Демьянище.
К. 107	Нет.	Нет.	Нет.	К родной матушке.	Нет.

	Где родится	Куда его уносят	Где выходит из темницы	Куда направляется	Топонимика конца
К. 108	Иерусалим.	Из земли жидовской.	Выходил на святую Русь.	В свой во Ерусалим-город.	Нет.
К. 109	Во святой земле православной.	И т. д. другой тип.			
К. 110	(В татарской земле).	Никуда.	С своей земли.	Не указано (леса и пр.).	Крутая гора.
К. 111	Вифлеем.	Нет.	«На белы Руси».	К матушке.	Нет.
К. 112	Нет.	Нет.	Нет (не окончено).		
К. 113	Нет.	Нет.	Нет.	—	—
К. 114	Нет.	Нет.	«Выставал Егорей на святую Русь».		
К. 115	Нет.	У свою землю латысьскую, басурманскую.	Пошел Ягорий по святой Руси. Приходит к Чернигову.	В землю латысьскую ко царю Демьянищу.	Приезжает в землю латысьскую.
Варенцов 94	Чернигов.	Нет.			
В. 95	Иерусалим.	Царство Вавилонское.	Тут же. Церковь.	?	Вавилон.
Он. 1	Чернигов.	Нет.	Выходил Егорий на святую Русь.	Поехал к Кудревану Кудреванычу.	Не указан.
Як. 2	Нет.	Нет.	Пошел «во тот во град».	Пойду к царищу басурманищу.	Подъезжал к царищу басурманищу.
Як. 3	Нет (Иерусалим).	Из града из Китаева (Китай-город).	Нет.	Обратно в Иерусалим.	
ИД. 4	Нет.	Нет.	Нет.	—	—
Рм. 5	Нет.	Нет.		В Чернигов; разорен, «пойду к царю Демьяну».	—
Рм. 5 б	Нет.	Нет.	Нет.	«по белу свету пройти».	Нет.
Рм. 5 в	Нет.	«из свои землю».	В Чернигове.	Нет.	Нет.
ИЛ. 4	Иерусалим.	Царство Вавилонское.	«стоит церковь соборная».	По России утверждать веру.	Нет.

	Где родится	Куда его уносят	Где выходит из темницы	Куда направляется	Топонимика конца
ЭО 1901	Нет.	Из неверной земли.	Чернигов град разорен.	«Пойду, побою царя Демья<ни>щу».	Нет.
ЭО 1906, 1—2	—	—	В Чернигове.	—	
Отто.	Иерусалим.	—	Город весь повырублен.	«Пошел... в Иерусалим град».	Нет.
Онч. Стр. 51	—	—	Вышел «на святую Русь».		
Онч. Стр. 10					
Онч. Стр. 23	—	—	—		
Онч. Стр. 51		В чужу землю, во неверную.			
Балашов.					Нет.
Кринична.	—	—	Не указано. Едет к матери.	Едет к матери.	

Причины похищения: чудесный облик Георгия говорит о его христианстве.

Эпизод с тюрьмой. Где бы ни находился Егорий, Богородица является из Чернигова.

Иерусалим фигурирует потому, что это святыня, а не по внешним историческим причинам.

Появление врага ex machina[a] есть исконная форма. Она продиктована художественной логикой повествования; внешняя причина (логическая) присоединяется позже.

Враг появляется на сцене внезапно и неожиданное его появление внешне ничем не подготовлено.

Набег показывает, что он совершается 1) изнутри 2) извне 3) без указания. Документ исторический. Сюжет не мог возникнуть в XVIII. Это — историческая песня ранней формации.

Конфликт — за недопущение христианской веры и ее установление.

Подобно тому, как былина доносит отдаленные отклики татарского нашествия, так данная песня гораздо более древняя, доносит отклики первых веков христианства.

Историческая основа песни о Егории храбром — гонение на христиан. Деклетианище — то внешний враг, то изнутри. Изнутри — архаическая форма. Внешним врагом сделан позже.

Полное единообразие наводит на мысль о едином источнике.

[a] ex machina — букв. из машины; здесь — внезапно (*лат.*).

Певец не понимает, что Христос входит в состав Троицы.
Неканонич<еск>ое исповедание.
Кир<еевский> 107.
Путаное начало.
Внешней причины (по ходу действия) нападения на Иерусалим нет никакой. Причина сюжетная.
Принятие хр<истиан>ства было актом прогрессивным.
Бесс<онов> 98:

12 Ай узнал царища вор Демьянища
Вор Демьянища басурманища.

Причина столкновения внутренняя и не требует внешней мотивации.
Земля «латысьская» и пр. свидетельствуют о получении сюжета извне.
Во избежание повторений.
<В> краткой редакции, сданной для печати имеется:[2]
Стр. 2 Ссылка на сказку.
Стр. 2 и сл. Кирпичников,[3] Веселовский,[4] Рыстенко,[5] Крумбахер,[6] Ауфгаузер.[7]
Стр. 5 Змееборство вне Византии.
7. Характеристика типов икон.
10. Фреска Старой Ладоги.
11. Запреты на Георгия.
12. Духовный стих о Егории-змееборце.
14. Икона Русского музея.
18. Клейма этой иконы.
19. Песня о мучениях Георгия.
21. Клейма.
22 Икона поражения змея.
И т. д.

Муки.

Топором сечь 11111; (рубить) 1; лезвия ломаются 11111111 1111111111111111 31
— Пилой пилить 111111; (ломаются) 1111111111111111111111 111111111 37
Водой топить 11111111; (бросают в море) 1111111111111 21
Колесом вертеть 1; (тереть) 1
В котле варить 1111111111 10
Жгут в печи 11
Железные сапоги 11111 5
Сажают в смолу 111
В смоле варить 1; (поверх плавает) 1111111111111111 16
По гвоздям водить 111111111 9
На огне жечь 111111 6
Бросают о землю 1
«В ножи резать» 1

«Тереть» 11; (вертеть) 1
«Батожьем стегать» 1; (железным батожьем) 1
«Пригвоздить к древу»
Воловьими жилами сечь.[8]

Надо установить, как идет сокращение, что выпадает в первую очередь (Егорий — посмотреть дефектные версии), чем заменяется, что добавляется.

Ончуков духовные стихи не внес в свое собрание, опубликовал их отдельно.[9]

Отсюда надо взять. Надо выписать библиографию из «Стихи духовные» Сперанского.[10]

Не указано 11
Арх<ангельская> губ<ерния> 1111
Дер<евня> Саларево
Село Каменка
Орловск<ая> губ<ерния> +1,1
Симбирск<ая> губ<ерния>
Смоленск<ая> губ<ерния> +1
Московск<ая> губ<ерния> +1
Олон<ецкая> губ<ерния> +111
Пермск<ая>
Астрах<анская>
Оренб<ургская>
Вятск<ая>
Витебск
Курск 2
Новгор<од>
Архангельск 4
Не указано 11111
Мурм<анская> обл<асть> 1
Пудожск<ий> р<айо>н 1

Ауфгаузер знал 118 рукописей.

Все византийские рассказы о мучениях Георгия очень длинны, рассказы непоследовательны и нелепы, эпизоды противоречат один другому и т. д. Это — никак не исконная, а вторичная форма использовалась средневековыми летописями.

Позднейшие тексты лучше обработаны и планомерны.

Отброшенное и замененное. Пока не уничтожать.

Против контаминации говорит то, что песня о странствиях Георгия не нашла никакого отражения в иконописи.

Собственно развития сюжета нет, есть нанизывание эпизодов (леса <нрзб.>и т. д.)

Есть во всем этом, однако, подробность, которая требует дополнительного объяснения. Почему освобождение происходит только через 30 лет или 30 лет и три года и пр.?

Чудо происходит по молитве Егория.

Сам стихи поет.

Внутренняя устойчивость.

После рассказа о героях, певец переходит к повествованию о событиях, представляющих собственно предмет повествования.

События эти начинаются с внезапного появления нового персонажа, антагониста, он появляется неожиданно и похищает и уводит с собой Георгия и его сестер: «Выступал царище враг Демьянище» (Сперанский, № 3), «Подымался неверный царь Диклитианище» (Отто).

Первый вопрос, который необходимо решить, это вопрос — откуда он появляется. В большинстве случаев песня на этот вопрос не дает никакого ответа. Она начинается не с места действия, а со времени:

Во седьмом году в восьмой тысячи[11]

Другие певцы сообщают, что он появляется из другой земли, причем из земли языческой:

А из той земли из бусурманския
Выступал царище злой Демьянище
(Бесс<онов>).[12]

или

Да што из тово видь царства Вавилонсково
Да подымался царь-царище Демьянище
(Ист<омин> и Ляп<унов> 4).[13]

Существенна здесь еще не география, а другое: враг является из языческой земли.

Независимо от формы ответов и некоторых деталей их, смысл всегда один: Георгий исповедует христианство. Демьян знал это и раньше, но ему нужно удостовериться в этом формально, чтобы осуществить свою цель: либо обратить Георгия в свою веру, либо уничтожить его.

Демьянище делает попытку обратить Георгия в свою веру, причем делает это в следующих выражениях <...>.[14]

Кудреванко всегда появляется на сцене внезапно и неожиданно. Иногда говорится о том, что он разоряет город, рубит князей и бояр и народ, иногда, что он разоряет город и церкви, после чего возвращается обратно и уводит с собой Георгия и его сестер; во многих случаях, однако, певцы ограничиваются тем, что сообщают только о похищении Егория и его сестер. Это не война, это налет, которому никогда не оказывается никакое сопротивление. Для развития сюжета описание или упоминание разорения города значения не имеет — не в этом завязка. Завязка состоит в похищении, уводе в плен Георгия, — в этом главное, и об этом певцы иногда сообщают без всякого объявления войны.

Демьянище узнает о существовании Георгия и его чудесного облика и совершает налет без всякого объявления войны. Его цель — похитить Георгия.

Ай узнал царища, вор Демьянища,
Вор Демьянища басурманища.
Уносил Егорья во свою землю,
Во свою землю, во неверную.

(Бессон<ов> 98).[15]

[1] Ниже дается список сокращений фамилий авторов и периодических изданий, использованных Проппом в подготовительных материалах к работе над статьей «Стих об Егории Храбром». Выходные данные изданий см. выше в комментариях к публикуемой статье.

К. — Киреевский (см.: Бессонов); В. — Варенцов; Он. — Ончуков; Як. — Якушкин; ИД — Истомин и Дютш; Рм — Романов; ИЛ — Истомин и Ляпунов; ЭО — Этнографическое обозрение; Крин. — Криничная.

[2] Имеется в виду статья Проппа, сданная им в печать: *Пропп В. Я.* Змееборство в свете фольклора // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 190—208.

[3] Здесь и далее Пропп указывает авторов использованной им исследовательской литературы. Имеется в виду: *Кирпичников А. И.* Св. Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879.

[4] Имеется в виду труд: *Веселовский А. Н.* Разыскания в области русского духовного стиха, ч. II: Св. Георгий в легенде, песне и обряде // Сборник отд-ния русского языка и словесности АН. СПб., 1881. Т. 21. № 2. С. 1—228.

[5] *Рыстенко А. В.* Легенда о Св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературе. Одесса, 1909.

[6] *Krumbacher K.* Der hl. Georg in der griechischen Überlieferung. Aus dem Nachlasse herausgegeben von A. Ehrhard. Abhandlungen der Kgl. Bayer. Akademie d. Wissenschaften, philos.-philol. u. hist. Kl. XXV, 3. Abh.

[7] *Aufhauser J. B.* Das Drachenwunder des heiligen Georg in der griechischen und lateinischen Überlieferung. Leipzig, 1911.

[8] Далее в тексте следует выписка на немецком языке о Диоклетиане, сделанная Проппом из Энциклопедического словаря: Christenverfolgungen // Brockhaus' Konversations = Lexikon. Leipzig, 1901. Bd. 4. S. 219.

[9] *Ончуков Н. Е.* Печорские стихи и песни. СПб., 1908 (Мучения Егория см. С. 14—18).

[10] См. выше прим. 30 к публикуемой статье.

[11] См. выше прим. 8 к публикуемой статье.

[12] См. выше прим. 18 к публикуемой статье.

[13] См. выше прим. 20 к публикуемой статье.

[14] Далее в рукописи текст отсутствует.

[15] См.: *Бессонов П. А.* Калики перехожие. Вып. 2. С. 393.

ИНФОРМАЦИЯ

В разделе «Информация» «Ежегодник Рукописного отдела» продолжает публиковать архивные справки о фондах, обработанных в последнее время.

ЛЕМАНЫ ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ И АЛЕКСАНДРА КАРЛОВНА

Фонд 112

Павел Михайлович Леман (1797—1860) происходил из рода швейцарских немцев, переселившихся в XVIII в. в Россию.[1] Фамилия Леман восходит к французскому названию Женевского озера. В России предки Павла Михайловича поступили на государственную службу и добились права на потомственное дворянство. Дворянский герб рода Леманов внесен в «Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи».

Отец Павла Михайловича, Михаил Михайлович Леман (1768—1831), надворный советник, служил комиссионером в Петербургском провиантском депо Военного ведомства. Мать, Мария Максимовна, происходила из курляндского рыцарского рода Брискорн.

Павел Михайлович Леман в 1810 г. был отдан на воспитание в Горный кадетский корпус, откуда вышел, не желая служить по горной части, в 1811 или 1812 г. Вскоре он поступил на военную службу в лейб-гвардии артиллерийскую бригаду сначала фейерверкером, а затем юнкером. П. М. Леман — участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Однако резервная бригада, в которую он был переведен прапорщиком, непосредственное участие в боях не принимала. В 1815 г. за отличие на службе его производят в подпоручики, в 1817 г. переводят в лейб-гвардии Московский полк, где в 1818 г. он получает чин поручика, в 1819 г. — штабс-капитана, в 1822 г. — капитана. В 1824 г. его производят в полковники и переводят в лейб-гвардии Финляндский полк, а через четыре месяца, по собственному прошению, в Пермский пехотный полк.

В начале 1825 г. П. М. Леман был принят П. И. Пестелем и Н. И. Лорером в Южное тайное общество декабристов. Он не был активным членом этого общества и в восстании не участвовал. Тем не

[1] О П. М. Лемане см.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 100—101; *Леман Е. П.* Декабрист Павел Михайлович Леман // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1996. Вып. 27. С. 187—197.

менее 6 января 1826 г. он был арестован в селе Немирове Подольской губернии, и 14 января вместе с Н. В. Басаргиным доставлен в Петербург, на главную гауптвахту в Зимнем дворце. После допроса у генерала В. В. Левашова в тот же день был заключен в Петропавловскую крепость, в шестнадцатую куртину.

Согласно высочайшему повелению от 13 июня 1826 г., пробыв еще месяц в крепости, П. М. Леман был переведен в Томский пехотный полк, а в 1827 г. — в Мингрельский пехотный полк на Кавказ для участия в русско-турецкой войне. За участие в сражениях с турками он был награжден орденами св. Анны 2-й степени, св. Станислава 4-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость».

В 1829 г. П. М. Леман назначен командиром 41 егерского полка, а в 1831 г. — командиром бригады и в составе войск генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича отправлен в Варшаву для подавления польского восстания. В 1834 г. его производят в генерал-майоры и назначают командовать 1-й бригадой 2-й пехотной дивизии.

В 1843 г. за жестокое обращение с нижними чинами П. М. Леман был отстранен от командования и назначен состоящим по армии. Только заступничество светлейшего князя И. Ф. Паскевича спасло его от военного суда. В 1844 г. он был уволен в отставку с пенсией и мундиром. Жил вместе с семьей в Петербурге, где и умер в 1860 г. Похоронен на Смоленском православном кладбище.

Имя П. М. Лемана не значится среди знакомых А. С. Пушкина (его нет в словаре Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение». Л., 1988), но они могли встретиться на Кавказе летом 1829 г. (во время поездки Пушкина в действующую армию полковник Леман был дежурным офицером при штабе И. Ф. Паскевича) или в Петербурге в 1831—1832 гг., когда поэт снимал квартиру в доме Брискорнов, близких родственников Лемана по материнской линии.

Павел Михайлович Леман был женат (с 1832 г.) на Александре Карловне фон Краббе, дочери генерал-лейтенанта Карла Карловича фон Краббе и его жены Софьи Федоровны (урожд. Колачевской). В семье П. М. Лемана было 11 детей, двое из них умерли в младенчестве. В 1846 г. П. М. Леман и его семья были внесены в третью часть родословной дворянской книги Санкт-Петербургской губернии.

Дети: Владимир (1836—1860), Константин (1838—?), Анна (1839—?), Александр (1841—?), Мария (1844—?), Ольга (1847—?), Алексей (1848—?), София (1852—?), Вера (?—?).

Старший сын, мичман Владимир Павлович Леман, погиб при взрыве на клипере «Пластун» в 1860 г. Константин Павлович Леман — моряк, капитан II ранга; был женат на Марии Николаевне Бутеневой (1847—1879). Их дочь Александра Константиновна в первом браке замужем за Александром Яковлевичем Острогорским, во втором — за Вильямом Робертовичем Зоммером (1873—?).

Александр Яковлевич Острогорский (1868—1908) — коллежский асессор, директор Технического училища в С.-Петербурге. Выпускник С.-Петербургского университета, он с 1894 г. служил в Министерстве финансов в Департаменте торговли и мануфактур. В 1898 г. произве-

ден в титулярные советники. Уволен по собственному прошению в 1899 г. В том же году произведен в коллежские асессоры. В 1900 г. назначен директором Тенишевского училища. В 1903 г. награжден орденом Св. Станислава 2-й степени, а в 1905 — орденом Св. Анны 2-й степени. Имел двоих детей: Константина (1896 г. рожд.) и Елену (1898 г. рожд.).

Александра Константиновна Острогорская (урожд. Леман) после смерти мужа в 1910 г. вышла замуж за В. Р. Зоммера, сына Роберта Карловича Зоммера (1834—1907) — статского советника, учителя немецкого языка гимназии императорского С.-Петербургского Историко-филологического института. Р. К. Зоммер был женат на Марии Больтон, материалы которой имеются в фонде.

Архив П. М. и А. К. Леманов поступил в Пушкинский Дом 30 ноября 1925 (поступление № 321). За 6 лет до этого в 1919 г. от В. Р. Зоммера поступила библиотека и какая-то часть архива (см. приложение к Книге поступлений № 1).

Архив Леманов состоит из нескольких почти самостоятельных фондов: Краббе, Леманы, Острогорские-Зоммеры, Зеленины. Но поскольку все эти семейства связаны между собой родственными отношениями, архив Леманов можно рассматривать как семейный.

Творческих рукописей в этом архиве нет. Значительную часть архива составляет переписка А. К. Леман, а также ее сыновей и дочерей. Наибольший интерес представляют 7 писем жены А. С. Грибоедова Нины Чавчавадзе за 1823—1831 гг., а также упоминание о ней в письмах С. Ф. Краббе (матери А. К. Леман) и С. Ф. Коссевича. В архиве имеются письма отца художника М. А. Врубеля, А. М. Врубеля, женатого на племяннице А. К. Леман, Анне Григорьевне Басаргиной. Сестра ее, Елизавета Григорьевна Басаргина (в замуж. Бекетова) — бабушка А. А. Блока (в архиве сохранился пригласительный билет на бракосочетание ее дочери А. А. Бекетовой с А. Л. Блоком — родителей поэта). Вера Павловна Леман, дочь А. К. Леман, гостила летом 1877 г. в Шахматово. Остальная часть переписки носит сугубо родственный характер. Среди документов — личные, служебные, имущественно-хозяйственные бумаги Краббе, Леманов, Острогорских-Зоммеров: свидетельства о рождениях, о крещениях, браках; формулярные списки, указы о награждении орденами (среди них следует отметить два рескрипта о награждении К. К. Краббе с подписью Александра I); финансовые документы Острогорских-Зоммеров.

Материалы Леманов имеются также в ф. 33 (Боратынские), оп. 3, № 61—77 (родственная переписка Владимира, Константина, Александра, Алексея Павловичей и Анны Павловны) и в Р. I, оп. 2, № 322—329 (материалы Н. Ф., О. Н., М. Н. Бутеневых).

Фонд Леманов состоит из одной описи, насчитывающей 296 ед. хр. за 1805—1919 гг., систематизированных по четырем разделам. Материалы описи расположены в соответствии с систематизацией личного фонда: документы к биографии и по деятельности, переписка. Во всех разделах и подразделах материалы расположены по хронологии. Переписка систематизирована по алфавиту адресатов и корреспонден-

тов. Степень родства указывается по отношению к тому лицу, материалы которого составляют данный раздел (подраздел).

Первый раздел составляют материалы Павла Михайловича Лемана, расположенные в следующем порядке: в начале раздела находится свидетельство о его бракосочетании с А. К. Краббе, за ним следуют документы об отстранении П. М. Лемана от командования 1-й бригадой второй пехотной дивизии, о передаче аренды земли вдове А. К. Леман. Заключает раздел переписка П. М. Лемана с разными лицами.

Второй раздел, включающий в себя три подраздела, составляют материалы Александры Карловны Леман (урожд. фон Краббе), жены П. М. Лемана, и ее родственников.

В первом подразделе находятся документы самой А. К. Леман в следующем порядке: загранпаспорт, переписка с разными лицами.

Второй подраздел составляют материалы Карла Карловича Краббе, отца А. К. Леман, расположенные следующим образом: документы о производстве его в чин майора, о награждении его золотой шпагой и орденами, имущественно-хозяйственные документы, переписка с разными лицами.

Третий подраздел включает материалы братьев и сестры А. К. Леман, представленные по их старшинству. В начале подраздела находятся материалы Николая Карловича Краббе: указ императора Александра I о его назначении директором Инспекторского департамента, переписка его с разными лицами. Затем следуют материалы его жены Эмилии Даниловны, представленные письмами к ней разных лиц. Далее идут материалы Владимира Карловича, Федора Карловича и Нины Карловны, также представленные письмами.

Третий раздел образуют материалы детей Павла Михайловича и Александры Карловны Леман: Владимира, Константина, Анны, Александра, Марии, Алексея, Веры и членов их семей. Раздел имеет три подраздела.

В начале подраздела 3.1.1. находятся материалы Владимира Павловича (они составляют 1 ед. хр. и поэтому присоединены к материалу семьи К. П. Лемана) и Константина Павловича об их пребывании в военно-морском училище, о службе Константина Павловича на флоте, о назначении ему пособия по выходе в отставку. Далее следует его переписка. Продолжает подраздел материал Марии Николаевны, жены К. П. Лемана (урожд. Бутеневой): указ Санкт-Петербургской дворянской опеки о назначении ее попечительницей над несовершеннолетним сыном Арсением и переписка. Завершает подраздел диплом, полученный Арсением Константиновичем за первый приз на парусной гонке шлюпок Учебного отряда судов Морского кадетского корпуса.

В начале подраздела 3.1.2. находятся документы А. К. Леман (в первом браке Острогорской, во втором браке Зоммер) об утверждении в правах наследства после смерти первого мужа А. Я. Острогорского и финансовые документы, связанные с претензиями его кредиторов. Далее следуют материалы самого А. Я. Острогорского: формулярный список (копия) и переписка. Затем идут материалы их сына К. А. Ост-

рогорского: удостоверение о зачислении в Петроградскую школу подготовки прапорщиков инженерных войск и его письма к О. Н. Бутеневой. Далее располагаются за знаком звездочек детские письма Острогорских, Григория и Анны, к О. Н. Бутеневой и коллекция открыток, адресованных Острогорским.

В конце подраздела 3.1.2. находятся документы второго мужа Анны Константиновны — Зоммера Вильяма Робертовича, его отца — Зоммера Роберта Карловича, матери — Марии Васильевны (урожд. Больтон) и брата Зоммера — Георгия Робертовича, представленные главным образом личными документами (в материалах Г. Р. Зоммера имеется одно письмо к нему В. О. Клемма).

Подраздел 3.2. составляют материалы Зелениной (урожд. Леман) Анны Павловны, дочери П. М. Лемана: заграничный паспорт и переписка, а также материалы ее мужа Зеленина Ивана Павловича, представленные письмами к нему разных лиц. Здесь же находятся материалы Зелениных с неустановленной степенью родства.

Подраздел 3.3. составляют материалы Леманов: Александра Павловича, Марии Павловны, Алексея Павловича, Веры Павловны — детей П. М. и А. К. Леманов, и Лемана Константина Михайловича — брата П. М. Лемана, а также членов семьи Леманов с неустановленной степенью родства.

Четвертый раздел составляют материалы других лиц. Сюда входят: творческие материалы; биографические; материалы по деятельности; переписка.

А. В. Дубровский

ЗНАМЕНСКИЙ МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ

Фонд 683

Знаменский Михаил Степанович (род. 14(26) мая 1833, г. Курган Тобольской губ. — ум. 3(15) марта 1892, Тобольск), художник, мемуарист, краевед.

Родился в семье священника. С детских лет общался с ссыльными декабристами, жившими на поселении в Тобольске и Ялуторовске. Первоначальным общеобразовательным знаниям его обучили в семье М. И. Муравьева-Апостола и в школе, созданной И. Д. Якушкиным. Среднее образование Знаменский получил в уездном училище Тобольской духовной семинарии. Увлечение рисованием также началось в общении с декабристами, которые поддержали в своем воспитаннике развивающийся талант и направили его учиться в Петербургскую образцовую духовную семинарию, где он занимался в классах рисования. По окончании ее в 1853 г. Знаменский вернулся в родной город и служил учителем рисования. Как художник Знаменский работал в жанре карикатуры и стал известен своими пародийными рисунками на тему демократической критики романа Л. Н. Толстого «Война и мир», публиковавшимися на страницах журнала «Искра» (1859—1862; 1865—1869). В то же время Знаменский создал ряд акварельных портретов декабристов и иллюстрации к их произведениям. Во время поездок на сибирский Север в 1863 и 1866 гг., а также в Среднюю Азию во время Кокандской войны (1864 г.) Знаменский делал многочисленные этнографические зарисовки. С 1870-х гг. начинает серьезно заниматься краеведением Сибири, пишет популярные очерки по истории Тобольска, которые помещает в периодической печати. Значительное число этих очерков были собраны в его книге «Исторические окрестности г. Тобольска» (Тюмень, 1901). Некоторое время Знаменский был редактором газеты «Тобольские губернские ведомости».

В эти же годы Знаменский начинает писать воспоминания о своем детстве, проведенном в близком общении с декабристами. Эти мемуары появляются в печати иногда под псевдонимом «Старожил». Кроме

того, в 1885 г. он публикует документальные материалы, сохранившиеся в архиве его семьи.

Архивные материалы Знаменского поступили в РО ИРЛИ в 1960 г. (поступление № 75) от В. И. Абрамовой в составе коллекции собирателя русского и украинского фольклора И. С. Абрамова. Фольклорные записи И. С. Абрамова, сделанные в Воронежской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Черниговской, С.-Петербургской и др. губерниях в 1908—1959 гг., составили коллекцию 217 в Р. V (Фольклорные коллекции) Рукописного отдела (п. 1—3). Здесь же оказались и материалы иного характера, собранные И. С. Абрамовым: рукописный сонник XVIII в., рукописные сборники духовных стихов XIX в., исторические документы 1821—1873 гг. (расписки, квитанции, прошения), его собственные статьи 1930-х гг. по вопросам русского фольклора (см. Р. V, кол. 217, п. 4). Остальная же часть материалов, собранных И. С. Абрамовым, касающаяся в основном М. С. Знаменского, была выделена в отдельный фонд 683. И. С. Абрамов, в 1930-е гг. проживавший в Тобольске, по-видимому, целенаправленно собирал материалы для биографии М. С. Знаменского. Фонд 683 прошел научно-техническую обработку в 2002 г.

Настоящая опись включает 22 ед. хр. за 1840-е—1939 гг. Сначала представлены произведения Знаменского и подготовительные материалы к ним. Документы даны в хронологическом порядке. Затем следуют рисунки Знаменского. Далее дается группа документов по биографии Знаменского: его дневник, вырезки из тобольских газет с упоминанием его имени, каталог выставки картин, в перечне которого названы живописные работы Знаменского. Последней в этом корпусе материалов представлена фотография Знаменского с неустановленным лицом.

После материалов самого М. С. Знаменского следует его переписка: письма к родителям и письмо матери М. С. Знаменского к нему. Далее представлены материалы родственников: список личных документов отца Знаменского — Степана Михайловича, и «Воспоминания детства» его сестры — Александры Степановны. Завершают раздел четыре единицы хранения, содержащие коллекцию фотографий И. С. Абрамова. Фотографии здесь расположены в следующем порядке: одиночные, групповые, видовые (материалы не атрибутированы).

Материалы М. С. Знаменского находятся также в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 765), Российской государственной библиотеке, Центральном государственном архиве Казахстана, Областном краеведческом музее Тюменской области и др. архивах.

Е. Р. Обатнина

МАЙКОВ ВАЛЕРИАН ВЛАДИМИРОВИЧ

Фонд 570

Биграфические сведения о В. В. Майкове чрезвычайно скудны. Отсутствуют материалы к биографии и в его фонде. Приводимые здесь биографические сведения взяты из различных справочных источников и из материалов Л. Н. Майкова (ф. 166), в семье которого он воспитывался вместе со своим братом Владимиром. Важные сведения для характеристики личности В. В. Майкова и его отношений с семьей Л. Н. Майкова содержит его письмо к двоюродному брату Николаю Аполлоновичу Майкову (ф. 570, № 38).

Майков Валериан Владимирович (февр. 1857—11 авг. 1899), педагог, сотрудник «Журнала министерства народного просвещения», родился в Петербурге в семье Майковых, известной своими литературно-художественными интересами. Он был сыном прозаика, переводчика и издателя Владимира Николаевича Майкова (1826—1885) и писательницы Екатерины Павловны Майковой (урожд Калита; 1836—1920), племянником поэта Аполлона Николаевича и историка литературы, академика, вице-президента Академии наук Леонида Николаевича Майковых.

Мать В. В. Майкова — Е. П. Майкова — в 1866 г. оставила мужа Вл. Н. Майкова и троих детей: Евгению (1853 г. р.), Валериана (1857 г. р.), Владимира (1863 г. р.) и ушла с учителем своих детей разночинцем-нигилистом Ф. В. Любимовым (см.: *Чемена О. М.* Создание двух романов (Гончаров и шестидесятница Е. П. Майкова). М., 1966). Вл. Н. Майков тяжело переживал уход жены, любимой и обожаемой всеми Майковыми и другом семьи И. А. Гончаровым, и вскоре отошел от литературной и издательской деятельности. В последние годы жизни он жил в Нарве. Сыновья его Валериан и Владимир продолжительное время воспитывались в семье Л. Н. Майкова.

Предположительно в 1881 г. В. В. Майков окончил историко-филологической факультет С.-Петербургского университета. С 1883 по 1889 г. он преподавал русский язык и словесность в Нарвской гимназии, а затем до конца жизни — древние языки, русский язык, рус-

скую историю и логику в гимназии Видемана (С.-Петербург). Кроме того, в 1894 г. В. В. Майков читал курс лекций по истории русской литературы на Высших женских курсах. В материалах фонда отложились тексты лекций с обширными вставками, правкой, замечаниями Л. Н. Майкова.

Работы В. В. Майкова публиковались в «Журнале министерства народного просвещения», «Вестнике Европы», «Пантеоне литературы». В 1886 г. вышел отдельным изданием исторический очерк «Виды города Нарвы и его окрестностей», написанный в соавторстве с В. Владимирским. Им же было подготовлено издание: *Дельвиг А. А.* Сочинения / С приложением биогр. очерка, составленного Вал. В. Майковым. СПб., 1893 (То же. 1895).

В. В. Майков проявил себя и как переводчик с древнегреческого языка. Им переведены и прокомментированы эпиникии древнегреческого поэта Пиндара и написана биография поэта (см. «Журнал министерства народного просвещения» за 1892, 1893, 1896 г.).

Похоронен В. В. Майков в С.-Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря.

Архив В. В. Майкова приобретен Библиотекой Академии наук в 1922 г. у вдовы фондообразователя Марии Павловны Майковой (через посредство Всеволода Измайловича Срезневского). Об этом свидетельствует сохранившееся в деле фода ее письмо, в котором она благодарит Академию наук за вознаграждение, полученное в связи с передачей материалов мужа.

В 1923 г. сотрудником БАН А. Петровым была составлена «Краткая опись» архива (с пометой: «Поступление 1922 года»). В начале 1930-х годов архив был передан в Пушкинский Дом (первая фондовая карточка составлена 17 декабря 1934 г.).

В январе—феврале 2002 г. была проведена научно-техническая обработка фонда согласно действующим правилам. В процессе обработки было решено письмо В. В. Майкова к его двоюродному брату Николаю Аполлоновичу Майкову, ранее учтенное по Разряду I, оп. 17, № 114, выделить из Разряда и присоединить к данному фонду.

Научно-техническая обработка фонда выполнена Г. Г. Поляковой.

В результате научно-технической обработки фонд составляют 46 единиц хранения, систематизированных в одну опись. В описи выделены три раздела.

Первый раздел — «Научные работы, переводы, лекции, речи, учебные программы гимназий по русской словесности, стихотворения» (№ 1—36; 1880-е—1899) — составлен из трех подразделов: 1.1. Научные работы: статьи, заметки, исторические и биографические очерки (№ 1—16; 1881—1893); 1.2. Переводы с древнегреческого, английского и французского языков (№ 17—25; 1885—1894); 1.3. Лекции, речи, учебные программы гимназий по русской словесности (№ 26—36; 1880-е—1899). Стихотворения (2 ед. хр.) вынесены за знак звездочки в данном разделе. Единицы хранения внутри каждого подраздела расположены по хронологии.

Второй раздел — «Переписка» (№ 37—42; 1878—1902) — дан в алфавите фамилий адресатов и корреспондентов. За знак звездочки вынесено единственное письмо жены В. В. Майкова М. П. Майковой к Л. И. Срезневской.

Третий раздел — «Материалы других лиц» (№ 43—46; 1883—1888). Единицы хранения здесь также систематизированы в алфавите фамилий авторов.

Г. Г. Полякова

ВОЛКОНСКИЙ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ

Ф о н д 860

Князь Михаил Николаевич Волконский родился 7 (19) мая 1860 г. в Петербурге. В 1882 г. окончил Училище правоведения и до 1891 г. находился на государственной службе. Литературные и театральные интересы Волконского, первые успехи на писательском поприще привели его к решению оставить службу.

Первые публикации Волконского относятся, вероятно, к середине 1880-х гг. (его подписью пользовались также его жена М. В. Волконская и теща Е. Н. Кондрашова, поэтому вопрос об авторстве остается открытым). С 1890 г. произведения Волконского регулярно появляются на страницах столичных журналов, выходят в свет романы «Семья Колениных», «Мертвые и живые», «Одержимые», «Судьба», «Благородные чувства» и др. Кроме того, Волконский выступает как исторический беллетрист: в 1891—1915 гг. опубликовано более 20 его романов и повестей на исторические сюжеты, главным образом, XVIII века. Волконский — автор ряда приключенческих сочинений, рассказов, путевых очерков, фельетонов.

Как драматург и как общественный деятель Волконский принимал активное участие в театральной жизни Петербурга. Начиная с 1887 г. он был членом литературно-артистического кружка при Александринском театре, сотрудничал в театре А. В. Кугеля «Кривое зеркало», «Передвижном театре» П. П. Гайдебурова и др. В разные годы с успехом шли пьесы Волконского, написанные в комедийном и пародийном ключе: «Вампука, принцесса Африканская» (1900), «Образцовая словесность» (1900), «Гастроль Рычалова» (1911), «Описанная кровать, или Муж, каких много» (1913), «Они забавляются» (1913) и др. Волконскому принадлежит также ряд статей о театре и современном искусстве.

С конца 1892 г. до начала 1895 г. Волконский был редактором журнала «Нива». На этом посту он в 1894—1895 гг. в качестве бесплатного приложения к журналу издал собрание сочинений Ф. М. Достоевского, привлек к сотрудничеству в журнале А. П. Чехова.

В своих общественно-политических настроениях Волконский совершил эволюцию от участия в умеренно-либеральном Русском литературном обществе (конец 1880-х—начало 1890-х гг.) до сотрудничества в умеренно-консервативном «Новом времени» и ультраправом «Русском знамени» в середине 1900-х гг. Волконский — член совета «Русского собрания» (1903) и активный деятель «Союза русского народа» (1905). После 1907 г. Волконский оставил политическую деятельность, полностью посвятив себя творчеству.

Жена Волконского Мария Васильевна, урожд. Кондрашова (1860—1940), выступала в печати как прозаик, пользовалась псевдонимом К. Маривэ, а также, по ее утверждению, именем мужа. От этого брака у Волконского было две дочери — Анастасия и Екатерина. С начала 1900-х гг. Волконский состоял в гражданском браке с Натальей Викторовной Деген-Арабажиной.

М. Н. Волконский умер 13 (26) октября 1917 г. в Петрограде.

Подробнее о нем см.: *Охотин Н. Г., Подольская И. И.* Волконский Михаил Николаевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 470—472; *Кармазинская М. А.* Маривэ К. // Там же. М., 1994. Т. 3. С. 515—516.

Материалы М. Н. Волконского поступили в Рукописный отдел Пушкинского Дома в 1973 г. (поступление № 72) от Кирилла Алексеевича Гофмана, сына А. Е. Гофмана. В 2002 г. начата научно-техническая обработка материалов, в процессе которой стала очевидной целесообразность создания личного фонда М. Н. Волконского. Решение об этом было принято на заседании Экспертной комиссии Рукописного отдела 6 июня 2002 г. Личному фонду М. Н. Волконского присвоен № 860. Обработка фонда выполнена Т. М. Двинятиной.

Материалы М. Н. Волконского хранятся также в других фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома; в том числе — две его краткие автобиографии: в письме к П. Н. Полевому от 29 июля 1900 г. (ф. 326, № 18) и в письме к А. Н. Сальникову от 11 марта 1901 г. (ф. 357, оп. 5, № 29). Кроме того, материалы М. Н. Волконского находятся в Российском государственном архиве литературы и искусства, Российской государственной библиотеке, Российском государственном историческом архиве.

Документы фонда прошли научно-техническую обработку в соответствии с современными правилами. В фонде сформировано 32 ед. хр. (1880-е—1933), которые включены в одну опись и систематизированы по двум разделам.

В первом разделе представлены материалы М. Н. Волконского, во втором — материалы его родственников и других лиц.

В начале первого раздела в хронологическом порядке расположены произведения М. Н. Волконского: стихотворения, комедия «Дядюшка Оломов» (автограф и типографский экземпляр), фрагмент романа «История Пети Ртищева» и отрывок из неустановленного прозаического произведения.

Затем следуют материалы к биографии и по деятельности, фотографии и переписка. Материалы к биографии и по деятельности не-

многочисленны и выстроены по хронологии. За свидетельством для жительства в С.-Петербурге и окрестностях (выдано М. Н. Волконскому, его жене и дочерям и сопровождается отметками о явках М. Н. Волконского в городскую управу и записью о его смерти) помещен счет из отеля «Rauha», далее — договор с Обществом издательства А. А. Каспари на издание Полного собрания исторических романов и повестей М. Н. Волконского и договор о найме квартиры. Завершает этот ряд список произведений М. Н. Волконского за 1893—1896 гг., составленный неустановленным лицом. После него помещены фотографии М. Н. Волконского, одиночные и групповые. В конце раздела, после письма М. Н. Волконского к Н. К. Шильдеру (историку, директору Публичной библиотеки), следуют письма к князю: секретаря Общества русских драматических писателей и оперных композиторов И. М. Кондратьева и заведующего конторой журнала «Вокруг света», личность которого установить не удалось.

В начале второго раздела находятся материалы Натальи Викторовны Деген-Арабажиной (1870—1943), второй жены М. Н. Волконского, состоявшей с ним в гражданском браке. К ним относятся оттиск неустановленного издания ее перевода новелл Д. фон Лилиенкорна и фотография 1907 г., на которой она запечатлена со своим племянником Борисом Дегеном. Далее — фотография Б. Дегена с неустановленным лицом. За ней расположены фотографии (одиночные и в группе) сестры Н. В. Деген-Арабажиной — Марии Викторовны Гофман (урожд. Деген). После них в хронологическом порядке выстроены материалы ее сына, артиста и поэта Алексея Евгеньевича Гофмана: рукописный журнал Ревельской гимназии «Первые опыты», в котором он принимал активное участие, три записные книжки 1918—1920-х гг. с дневниковыми записями, стихотворениями и рисунками, пейзаж его работы, а также одиночные и групповые фотографии. Особую группу составили материалы, относящиеся к родственным между собой семьям Менде и Гофман: это памятная записная книжка с биографическими сведениями о членах семей Менде и Гофман, составленная Владимиром Александровичем Менде и его неустановленным родственником. Затем следуют одиночные и групповые, неатрибутированные, фотографии членов семьи Гофман и подборка видовых фотографий.

В конце второго раздела расположены две единицы хранения, относящиеся к другим лицам. Это справка биографического характера, выданная Анне Яковлевне Гуревич (сестра Л. Я. Гуревич, литератор, в 1900-е годы — секретарь редакции журнала «Русское слово»), и подборка газетных вырезок, сделанная неустановленным лицом, с отрывками из художественных произведений, подписанных различными псевдонимами (могут принадлежать как М. Н. Волконскому, так и его первой жене, М. В. Волконской, или какому-либо третьему лицу).

Т. М. Двинятина

СИНЕГУБ-БУДАКОВ ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Ф о н д 675

Евгений Сергеевич Синегуб-Будаков, минералог, писатель, родился 22 сентября (4 октября; в документах фонда указывается 5 октября) 1881 г. в г. Чите. Отец его, Сергей Силович Синегуб (1851—1907) — революционер-народник, осужденный в 1878 г. по процессу 193-х. Мать, Лариса Васильевна Синегуб (урожд. Чемоданова; 1856—1923), дочь сельского священника, вместе с мужем вела пропаганду среди рабочих. После 4,5 лет заключения в Петропавловской крепости и в Доме предварительного заключения С. С. Синегуб был сослан на каторжные работы, которые отбывал в Нижнекарийской тюрьме. В 1881 г. ему разрешили выйти на поселение.

Еще до ареста С. С. Синегуб был довольно известным поэтом. Его стихотворения «Дума ткача», «Барка», «Разговор царя с народом» и др. использовались революционерами для пропаганды социалистических идей. Кроме того, им были уже написаны две поэмы: «Илья Муромец» и «Атаман Сидорка». В заключении, в Петропавловской крепости, он продолжал писать стихи.

В 1889 г. С. С. Синегуб с семьей живет в Чите, а в следующем году едет в Амурский край, где в течение двух лет работает на золотых приисках Ниманской компании по найму в качестве служащего и занимается литературной работой. На страницах сибирской и дальневосточной печати — в «Сибирской газете» и в газете «Владивосток» — появлялись его стихи, рассказы, корреспонденции.

После возвращения с приисков Ниманской компании С. С. Синегуб живет несколько лет в Чите, а в конце 1895 г. переезжает в Благовещенск. Он и его жена, Лариса Васильевна Синегуб, становятся активными сотрудниками «Амурской газеты», а затем и газеты «Амурский край». Здесь публиковались стихотворения, рассказы, публицистические статьи, а также фельетоны С. С. Синегуба и рассказы, очерки, статьи, журнальные обозрения, библиографические заметки Л. В. Синегуб. В Благовещенске Синегубы прожили до 1900 г., затем переехали в Томск. Здесь они сотрудничают в газете «Сибирская жизнь».

В 1906 в Ростове-на-Дону был издан сборник С. С. Синегуба «Стихотворения 1905 г.» с подзаголовком «Из старых тюремных тетрадей». Ранее, в 1877 г., некоторые тюремные стихотворения были тайно переданы на волю и опубликованы в сборнике «Из-за решетки», изданном в Женеве.

Родители Е. С. Синегуба прожили нелегкую жизнь: тюрьмы, каторга, ссылка, постоянная материальная необеспеченность. Они пережили смерть четырех детей из десяти: в возрасте 17 лет застрелился старший сын Сергей, спустя несколько лет покончила с собой 16-летняя дочь Наталья, умерла четырехлетняя дочь Шура, пропал без вести в русско-японскую войну сын Анатолий. Уже после смерти С. С. Синегуба погибли ещё двое сыновей: Лев, который был казнен в 1908 г. за участие в неудавшемся покушении на министра юстиции И. Г. Щегловитова, и Владимир, который погиб на фронте.

Детство Е. С. Синегуба прошло на золотых приисках Забайкалья и Приморского края, здесь в нём и пробудился интерес к минералогии.

В 1892 г. он поступил в Читинскую классическую гимназию, в восьмом классе был переведён в Благовещенскую гимназию и закончил ее в 1899 г. с серебряной медалью. В этом же году поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета.

Весной 1901 г. за участие в студенческом движении Е. С. Синегуб был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Затем он был выслан из Москвы и исключен из университета, но осенью того же года снова принят в университет, однако участия в студенческом движении не оставил. Синегуб арестовывался еще дважды и в 1902 г. был исключен из университета без права поступления вновь и с запрещением проживания в столицах и университетских городах.

С 1902 по 1903 г. он отбывал воинскую повинность в Рязани. Затем осенью 1903 г. поселился в Севастополе и в конце 1903 г. нелегально эмигрировал за границу. Работая на парусной шхуне матросом, плавал по Средиземному морю, Атлантическому океану, Северному морю. Побывал во Франции, Италии, Швеции, Англии.

В конце 1904 г. Е. С. Синегуб приехал из Лондона в Женеву. Здесь он женился на Нине Алексеевне Белевской, дочери А. С. Белевского, сосланного в Сибирь в 1898 г. по делу о Лахтинской типографии кружка «Молодых народовольцев».

В 1905 г. после общей политической амнистии Е. С. Синегуб возвратился в Москву. Здесь он стал заниматься преподавательской и литературной работой. Когда он был ещё студентом 1 курса, сотрудничал в «Сибирской жизни», затем здесь же печатались его заграничные письма, стихотворения. Изредка Синегуб печатался в других провинциальных газетах. С 1905 г. помещал очерки, статьи в «Русском богатстве», «Русских ведомостях», «Ежемесячном журнале» и др. изданиях. С 1909 по 1911 г. он работал в редакции «Смоленского вестника», с 1912 г. стал постоянным сотрудником «Русских ведомостей».

В 1906 г. у четы Синегубов родилась дочь Наталья, в 1908 г. дочь Ирина.

В 1914 г. Е. С. Синегуб был призван в армию, в 1916 г. его отправили на фронт. Служил на Северном и Румынском фронтах. После Февральской революции он был выбран председателем солдатского комитета части.

В начале 1918 г. Е. С. Синегуб уехал в Томск. Здесь после смерти отца жили его мать и сестры; затем в 1919 г. он переехал в Красноярск, где жили родственники его жены. В своей автобиографии Е. С. Синегуб пишет, что «после прихода в Красноярск Красной Армии и установления советского строя поступил по трудовой мобилизации в Красноярский Губернский Лесной Комитет (позднее Гублестрест), где прослужил до конца 1923 года...» (см. оп. 1, № 64). В архиве же имеются два документа на имя некоего Будакова Георгия Сергеевича: удостоверение Бирюсинской комячейки Мининской волости Красноярского уезда Енисейской губ. от 25 декабря 1922 г. в том, «что он в течение трехлетнего проживания в д. Бирюсе Мининской вол. ни в чем предосудительном замечен не был; состоя же на службе Енгублескома и Енгубтопуправления в должности помпроработ, оставался на высоте гражданского долга...», и удостоверение в том, что он служил в Енгублестресте «с 3 февраля 1920 года по 1 декабря 1923 года, исполняя обязанности помпроработ...». Исходя из этого можно предположить, что Е. С. Синегуб и Г. С. Будаков одно и то же лицо. По-видимому, в целях конспирации Е. С. Синегуб либо уже приехал в Сибирь с подложными документами, либо по приезде сменил фамилию и имя. В дальнейшем, во всех документах он именуется Е. С. Синегуб-Будаков. В конце 1923 г. Е. С. Синегуб-Будаков переехал в Москву, поступив на работу в трест «Русские самоцветы», и прослужил там до 1932 г. товароведом-минералогом. В том же году перешел в Институт прикладной минералогии, где работал хранителем музея и руководителем группы региональной минералогии до декабря 1935 г.

С 1931 г. он сотрудничал в различных изданиях: Большой технической и Малой советской энциклопедиях, журнале «Минеральное сырье» и др. периодических изданиях. С 1936 по 1938 г. работал в Ломоносовском институте Академии наук (позднее влившемся в Институт геологических наук АН). В это время для изданий Академии наук был подготовлен ряд его трудов: «Минералы СССР», «Неметаллические ископаемые СССР» и др., но в связи с войной значительная часть его работ не была напечатана.

В годы войны Е. С. Синегуб-Будаков работал в г. Миассе, в комиссии, направленной Наркомнефтью на Южный Урал с целью изыскания месторождений стратегического сырья. Затем работал в Тресте нерудных ископаемых в Челябинской и Пензенской областях.

С 1943 по 1944 г. был откомандирован в Москву старшим геологом в состав Московской геологоразведочной экспедиции. С 1944 г. приглашен на должность заведующего минералогическим музеем Московского Геологоразведочного института, где и служил до конца жизни. В это время, кроме административных обязанностей, он выполнял научную и педагогическую работу.

Параллельно со своей основной деятельностью Е. С. Синегуб-Будаков продолжал писать рассказы, очерки, стихотворения. Большей частью эти работы не опубликованы.

Умер он 30 ноября 1953 г. в Москве.

Литература: *Лосев А. В.* С. Синегуб на Амуре // Приамурье мое. Благовещенск, 1971. С. 257—288; *Якушин Н.* С. С. Синегуб в Сибири и Амурском крае (по новым материалам) // Сибирские огни. 1977. № 2. С. 175—182.

Основная часть архива Е. С. Синегуба-Будакова поступила от его вдовы Н. А. Синегуб в 1966 г. (поступление № 61). Это были рукописи его поэтических и прозаических произведений, биографические материалы, переписка.

В 1974 г. от племянника Е. С. Синегуба, С. В. Синегуба, поступили дополнительные материалы, касающиеся С. С. Синегуба (поступление № 66): рукописи произведений С. С. Синегуба, поэма «Атаман Сидорка», тетрадь его стихотворений и др.; переписка.

В том же 1974 г. были получены новые дополнения к архиву от племянницы Е. С. Синегуба Н. А. Батуриной (поступление № 67): удостоверение о происхождении С. С. Синегуба, статья В. Брусянина «К 10-летию со дня смерти С. С. Синегуба», фотографии его и членов его семьи и др.

В 1979 г. от Н. А. Батуриной поступили ещё некоторые материалы (поступление № 14, 15). Это списки стихотвоений Е. С. Синегуба, его биографические документы, семейная переписка Батуриных и др. Больше поступлений не ожидается.

Архив отца Е. С. Синегуба-Будакова, С. С. Синегуба, хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства — ф. 1291, 45 ед. хр., 1896—1915.

До обработки архив Е. С. Синегуба представлял собой россыпь. Некоторые единицы были предварительно сформированы И. М. Юдиной. Научно-техническая обработка фонда по современным правилам была начата в 1999 г., затем прервана в связи с переездом Рукописного отдела Пушкинского Дома в другое здание и продолжена в 2001 г.

В результате научно-технической обработки ф. 675 была сформирована 221 единица хранения, которые распределены в соответствии со схемой систематизации по трем описям.

Опись 1 — «Творческие материалы, материалы к биографии, материалы о деятельности (1897—1959)» — состоит из 3-х разделов. В связи с небольшим объемом документов в ней объединены творческие материалы, документы к биографии и документы о деятельности. Раздел 1 составляют творческие материалы. Они распределены на 3 подраздела: 1.1. Повесть, пьеса, рассказы, очерки, миниатюры, сказки. В каждом жанровом комплексе материалы расположены по хронологии, недатированные — по алфавиту названий произведений. 1.2. Поэма, стихотворения. За поэмой следуют три сборника стихотворений в хронологическом порядке, далее остальные стихотворения также в хронологическом порядке. 1.3. Статьи, рецензии, речи, воспоминания, ри-

сунки, выписки из различных источников — расположены в хронологии.

В раздел 2 вошли биографические документы, которые расположены в следующем порядке: личные документы, автобиографии, личные листки по учету кадров и анкеты, список трудов, составленный Е. С. Синегубом, записи дневникового характера, юбилейно-поздравительные материалы, хозяйственно-бытовые документы, фотографии, документы о фондообразователе, открытки.

Раздел 3 составляют материалы о деятельности. В связи с небольшим количеством документов, они расположены в хронологическом порядке.

Опись 2 — «Переписка (1902—1953)» — состоит из 2-х разделов: письма Е. С. Синегуба и письма ему. Материалы расположены по алфавиту фамилий адресатов и корреспондентов.

Опись 3 — «Материалы родственников, материалы других лиц (1874—1974)» — представлена двумя разделами. Раздел первый — материалы родственников. Они расположены по степени родства: документы жены, детей и их семей, родителей, братьев и сестер и их семей и других родственников.

Среди этих материалов особо выделяются материалы отца Е. С. Синегуба — С. С. Синегуба. Несмотря на малое количество документов (28), по составу это небольшой полноценный фонд, куда входят поэма, стихотворения, рассказы, записи дневникового характера, материалы о С. С. Синегубе, фотографии, материалы редакционно-издательской деятельности, переписка.

Раздел второй — документы других лиц, куда входят творческие материалы, биографические, переписка — систематизирован в алфавитном порядке персоналий (геологи Г. Горшков и В. Мухин, А. В. Луначарский, революционер-народник Н. А. Морозов, публицист и фольклорист Г. Н. Потанин и др.).

А. Г. Носова

СОРОКИН ПИТИРИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Ф о н д 863

Питирим Александрович Сорокин родился 21 (по другим данным — 23) января 1889 г. в Яренском уезде Архангельской губернии в семье золотых дел мастера Александра Прокопьевича Сорокина. Мать, Пелагея Васильевна Сорокина, — обрусевшая зырянка. Жизнь и быт зырян стали одной из сфер научных интересов П. А. Сорокина. Одна из первых его работ — «Современные зыряне» (Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 24. С. 948). В 1904 г. П. А. Сорокин окончил второклассную школу в селе Гам, поступил в церковно-учительскую школу в деревне Хреново. В этом же году вступил в партию социалистов-революционеров. В декабре 1906 г. был арестован, но вскоре освобожден.

В конце 1907 г. уехал в Петербург, поступил на Черняевские курсы. По окончании курсов в 1909 г. поступил в основанный в 1908 г. В. М. Бехтеревым Психоневрологический институт, где курс социологии читали профессора М. М. Ковалевский и Е. В. де Роберти. В 1910 г. П. А. Сорокин перевелся на юридический факультет Петербургского университета. В 1913 г. был арестован за написание антимонархического памфлета к 300-летию Дома Романовых. После трехнедельного тюремного заключения был освобожден под поручительство М. М. Ковалевского. После окончания в 1914 г. университета П. А. Сорокин был оставлен при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. Одновременно с подготовкой к экзаменам П. А. Сорокин читал лекции по социологии в Психоневрологическом институте, институте Лесгафта, сотрудничал в журналах «Русское богатство», «Заветы». В 1917 г. П. А. Сорокин стал приват-доцентом Петроградского университета. В то же время он продолжал свою политическую деятельность в партии социалистов-революционеров и после Февральской революции стал одним из редакторов органа партии газеты «Дело народа». В апреле 1917 г. организовал группу правых эсеров «Воля народа», создал газету под тем же названием, опубликовал в ней несколько десятков статей под общей рубрикой «Заметки социо-

лога». П. А. Сорокин был избран делегатом на третий съезд партии эсеров, проходивший в мае—июне 1917 г. в Петрограде. В июле 1917 г. П. А. Сорокин занял пост секретаря А. Ф. Керенского. 17 сентября 1917 г. он выступил на заседании Всероссийского демократического совещания от имени Московской, Костромской, Таврической, Бессарабской губерний, был избран депутатом Совета республики. После октябрьского переворота опубликовал в газете «Воля народа» статью «Совершено великое преступление». П. А. Сорокин был избран депутатом Учредительного собрания, выступил от фракции социалистов-революционеров с речью по поводу ареста большевиками членов Учредительного собрания П. Д. Долгорукова, А. И. Шингарева, Ф. Ф. Кокошкина.

2 января 1918 г. П. А. Сорокин был арестован большевиками в связи с обвинением в участии в покушении на В. И. Ленина. В 1922 г. выслан из России. С 1923 г. жил в США, преподавал в Миннесоте (1924) и Гарварде (1929—1959). В 1964 г. был избран президентом Американской социологической ассоциации. Скончался в 1968 г.

Основные сочинения П. А. Сорокина: «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914), «Система социологии» (т. 1—2, 1920), «Социальная и культурная мобильность» (1927, 1959), «Социальная и культурная динамика. Исследование смены основных систем искусства, знания, этики, права и социальных отношений» (т. 1—4, 1930—1937), «Россия и США» (1944), «Основные черты русской нации в 20 столетии» (1967).

Архив П. А. Сорокина поступил в Рукописный отдел Пушкинского Дома 7 мая 1928 г. (поступление № 779) в дар от литературоведа и публициста Ферапонта Ивановича Седенко (П. Витязева). Тогда же был создан личный фонд П. А. Сорокина (ф. 290) в составе 110 ед. хр. (опись фонда хранится в учетных документах Рукописного отдела ИРЛИ). Согласно акту от 31 декабря 1936 г., все материалы архива П. А. Сорокина, за исключением № 43, 54, 55, 57, 58, 59, 60, 105 (материалы литературного характера), были переданы в Центрархив, а фонд № 290 был ликвидирован (позднее № 290 получил фонд А. В. Селиванова, обработанный в 1953 г.). По распоряжению Главного архивного управления НКВД СССР от 5 апреля 1941 г., архив П. А. Сорокина поступил в Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (ныне Государственный архив Российской Федерации), где хранится по настоящее время (ф. 602, 66 ед. хр., 1904—1924 гг.). На заседании Экспертной комиссии Рукописного отдела ИРЛИ 19 сентября 2002 г. было принято решение на основе оставшихся в РО ИРЛИ материалов создать новый личный фонд П. А. Сорокина, присоединив к нему две единицы из материалов, хранящихся в разрядах (Р. I, оп. 5, № 208 — письмо М. Горького к П. А. Сорокину; Р. I, оп. 12, № 283 — черновой автограф статьи П. А. Сорокина «Основные проблемы социологии П. Л. Лаврова»). Для полноты сведений решено было поместить в фонд ксерокопии описи фонда П. А. Сорокина, находившегося в Пушкинском Доме до 31 декабря 1936 г., и списка материалов фонда, переданных в Центрархив (из учетных доку-

ментов Рукописного отдела ИРЛИ). Личному фонду П. А. Сорокина присвоен № 863.

Материалы П. А. Сорокина хранятся также в других фондах Рукописного отдела Пушкинского Дома: в фонде В. С. Миролюбова (ф. 185, оп. 1, № 1100, 1713—1716, 1839), в фонде Д. А. Лутохина (ф. 592, № 41, 239, 380—382), в фонде В. Н. Сперанского (ф. 292, № 79), в фонде К. А. Сюннерберга (Эрберга) (ф. 474, № 247).

Документы фонда прошли научно-техническую обработку в соответствии с современными правилами. В фонде сформировано 12 ед. хр. (нач. 1900-х—1936), которые включены в одну опись и систематизированы по двум разделам.

В первом разделе представлены произведения П. А. Сорокина и подготовительные материалы к ним, во втором — биографические материалы П. А. Сорокина и письма к нему.

В соответствии с основными интересами фондообразователя в начале раздела помещается его статья «Основные проблемы социологии П. Л. Лаврова». Затем следует его роман «Перед полднем», очерк «Аккорды жизни» и стихотворения. Замыкают раздел подготовительные материалы к статье «Л. Н. Толстой как философ» и к неустановленной фольклорно-этнографической работе.

В начале второго раздела в хронологическом порядке представлены биографические материалы П. А. Сорокина: дневниковые записи личного характера, «Дневник путешествия на Удору». Далее в алфавитном порядке корреспондентов расположены письма к П. А. Сорокину (А. М. Горький и Т. И. Райнов). За звездочкой дается единица хранения с ксерокопиями описи его материалов, находившихся в РО ИРЛИ до 1936 г.

Т. В. Мисникевич

ГУЩИК ВЛАДИМИР ЕФИМОВИЧ

Ф о н д 820

Владимир Ефимович Гущик, писатель, родился 5 июля 1892 г. в Стрельне под Петербургом. Отец его, Ефим Викентьевич Гущик, заведовал хозяйственной частью Музея императора Александра III (ныне Русский музей), а впоследствии был бессменным ординарцем «белого генерала» М. Д. Скобелева. Мать В. Е. Гущика умерла рано, оставив 8 человек детей — четырех сыновей и четырех дочерей. Отец вновь женился, и мачеха, очень достойная женщина, взяла на себя заботу о детях. Будущий писатель окончил коммерческое училище и начал служить в Петербурге по почтово-телеграфному ведомству. Он писал стихи, которые печатал во второразрядных периодических изданиях столицы.

В 1911 г. В. Е. Гущик женился на Марии Ивановне Григорьевой, которая стала верной спутницей писателя почти до конца его жизненного пути. На короткое время он был командирован по своему ведомству в Кишинев, но вскоре вернулся и продолжил работать в Петербурге. В 1913 г. В. Е. Гущик выпустил первый «Сборник стихотворений». Живя в Гатчине, В. Е. Гущик знакомится с художником П. Е. Щербовым и летом 1917 г. с А. И. Куприным, который стал его литературным наставником и старшим товарищем. Там, в Гатчине, в 1917 г. В. Е. Гущик был избран председателем Союза любителей свободного искусства. Союз занимался охраной гатчинских памятников старины и искусства, спасая их от разграбления солдатами. Он привлек к этой работе А. И. Куприна, который стал президентом Союза. По этой работе В. Е. Гущик встречался уже после октябрьского переворота 1917 г. с А. В. Луначарским, который назначил его комиссаром по охране полковых музеев, также беспощадно громившихся революционными солдатами.

В 1919 г. В. Е. Гущик был арестован ЧК за «контрреволюционные разговоры» и некоторое время провел в тюрьме. Это и стало материалом для его нескольких произведений, в том числе для одного из первых появившихся в печати прозаических произведений — «В про-

странстве (Дневник с натуры)», опубликованного в 1921 г. уже в Эстонии. В. Е. Гущик был отстранен от службы с запрещением в течение 5 лет занимать какие бы то ни было должности.

Осенью 1919 г. в Гатчину вошли белые, и В. Е. Гущик вступил (как и А. И. Куприн) в белую Северо-западную армию генерала Н. Н. Юденича, получил офицерский чин и был назначен в полковую контрразведку. Потом с армией (и опять же с А. И. Куприным) вместе с семьей отступал от Петрограда, оказался в Нарве, где попал в больницу и перенес тяжелую операцию. Затем в 1920 г. переехал в Таллинн. Начался период эмиграции.

В. Е. Гущик стал сотрудничать в таллиннских газетах и журналах. В 1921 г. в газете «Свободное слово» печатались его стихотворения, фельетоны, рассказы. В этом же году В. Е. Гущик вместе с поэтом А. А. Баиовым (А. Готвилем) предпринял попытку организовать издание в Эстонии литературного журнала «Гамаюн», стремился привлечь к сотрудничеству в нем А. И. Куприна, с которым в эти годы активно переписывался. Вышел лишь один номер журнала в 1925 г. под редакцией В. Е. Гущика. В 1921—1922 гг. он принимает участие в издании двуязычного русско-эстонского журнала «Театр и кино». В середине 1920-х гг. печатался в таллиннских русских газетах «Ревельское время», «Ревельское слово», «Час», «Рассвет», «Наша газета», в «Старом нарвском листке», в рижском «Слове». Газеты были бедные, гонораров почти не платили — В. Е. Гущик с семьей жил в большой нужде. Средства к существованию добывал, работая в мастерской по производству игрушек, в небольшой рекламно-декоративной мастерской (у него был талант художника), чаще же — маляром.

В 1927 г. в рижском издательстве вышла первая книга исторической прозы В. Е. Гущика — «Тайна Гатчинского дворца. Великий князь Михаил Александрович». В 1929 г. в Таллинне — первый сборник рассказов «Христовы язычники»; в 1931 г. — второй сборник «На краю», рассказ «Каквас. История одной собаки». В этом же году при его участии предпринимается еще одна попытка наладить выпуск в Таллинне русского литературного журнала «Панорама». Вышло всего 5 номеров.

В первой половине 1930-х гг. налаживаются личные связи В. Е. Гущика с видными деятелями русского зарубежья, в частности с Н. К. Рерихом. В этом же году В. Е. Гущик начинает печататься в парижском журнале «Иллюстрированная Россия». В начале 1933 г. под руководством В. Е. Гущика создается литературная секция при таллиннском обществе «Витязь» и одноименная газета.

В первой половине1930-х гг. происходят перелом в мировоззрении В. Е. Гущика и изменения в его творческой манере. Монархист, человек откровенно правых убеждений в 1920-е гг., теперь увлекается учением евразийцев и, наряду с В. Пейлем, становится виднейшим представителем этого движения в Эстонии. Он вступает в переписку с ведущими его деятелями — с П. Н. Савицким и Г. В. Вернадским, которые высоко отзываются о его творчестве и находят в нем отражение евразийства. Происходит весьма сложное «примирение» писателя с совет-

ским режимом. В 1938 г. в Таллинне при активном участии В. Е. Гущика выходит коллективный сборник «Поток Евразии. Кн. I». В 1938 г. в Берлине, а затем в 1939 г. в Брюсселе выходят его новые сборники рассказов «Забытая тропа» и «Жизнь».

В 1939 г. В. Е. Гущик был принят на службу в Министерство просвещения Эстонской республики. В числе прочего В. Е. Гущику было поручено написать серию брошюр на русском языке о современных вождях Эстонии и крупнейших эстонских государственных и культурных деятелях прошлого. В 1940 г. выходят брошюры «Наш президент Константин Яковлевич Пятс», «Великий эстонец профессор живописи Иван Петрович Келер» и др.

В 1940 г., еще до присоединения Эстонии к СССР, В. Е. Гущик вполне добровольно становится секретным сотрудником советской разведки в Эстонии. Ему была поручена слежка за проживавшими в Эстонии активными белогвардейцами. Многие потом были арестованы органами НКВД и уничтожены. В. Е. Гущику также было поручено достать секретные чертежи с машиностроительного завода «Крулль и К°», что он и сделал с помощью сына-инженера. Работа в советской разведке не объясняется причинами материального порядка: в конце 1930-х гг. В. Е. Гущик был уже материально обеспечен. Можно допустить, что причины могли быть идейного характера: В. Е. Гущику могло показаться, что его работа — на пользу будущей России — Евразии.

Однако и работа на советскую разведку после присоединения Эстонии к СССР не спасла В. Е. Гущика от кары «пролетарского правосудия». Сначала его отстранили от должности пограничного секретаря и он стал работать директором Таллиннского зоопарка. 4 января 1941 г. В. Е. Гущик был арестован. Ему инкриминировались служба в Белой армии, авторство «контрреволюционных» произведений, участие в «контрреволюционном течении евразийцев» и в деятельности антисоветских организаций типа «Витязь» и в органах печати типа «Панорама», связи с антисоветскими кругами. В связи с войной затянувшееся следствие по делу Гущика не было закончено в Таллинне. Он был этапирован в Киров. Суд над ним состоялся 9 сентября 1941 г. В. Е. Гущик был приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Он подал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР, в которой всячески подчеркивал свои заслуги перед советской властью в разоблачении «врагов народа»; даже в заключении его в качестве сексота-«наседки» подсаживали в камеры к заключенным для получения информации. Приговор был смягчен: расстрел был заменен десятью годами лишения свободы.

Последующие годы жизни В. Е. Гущика прошли в лагере — в Унжлаге (Горьковская область). Он вскоре заболел и был переведен в больницу на станцию Сухобезводное Горьковской железной дороги (центр Унжлага). Там он, уже тяжело больной, работал в культурно-воспитательной части художником и на других должностях. Там же познакомился с медсестрой, тоже заключенной, Ниной Александров-

ной Спегальской, с которой у него установились близкие отношения. Чтобы их прервать, его перевели в другую больницу.

Находясь в больнице, В. Е. Гущик вновь обратился к литературному творчеству. Им были написаны воспоминания о А. И. Куприне, стихотворения, которые он пересылал жене и Н. А. Спегальской. Умер он 28 или 29 октября 1947 г. Похоронен на ст. Сухобезводное.

Трагической была и судьба его сыновей. Сын Юрий, инженер, был арестован как сын врага народа, отсидел 3 года в Востокураллаге, был отпущен в 1946 г. и умер в Таллинне. Другой сын, Олег, был одаренным поэтом, успевшим выпустить при жизни сборник стихов «Следы» (1939 г.), и в то же время художником — ему принадлежит обложка единственной появившейся в печати (1939 г.) пьесы отца «Антихрист». Олег искренне переживал арест отца и брата, считал это ошибкой, недоразумением, и всячески стремился своим личным поведением доказать, что это ошибка. В начале войны он вступил в истребительный батальон, не смог эвакуироваться из Таллинна, был схвачен оккупационными властями и 1 ноября 1941 г. казнен.

Биографическая справка составлена по статье: *Исаков С.* Жизнь и творчество В. Е. Гущика // Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Тарту, 1996. С. 244—259 (Блоковский сборник; Т. 13).

29 декабря 1985 г. от Лидии Константиновны Гущик (невестки В. Е. Гущика) в РО ИРЛИ поступили историко-литературные документы (поступление № 26): парижские письма А. И. Куприна к В. Е. Гущику; письмо И. Северянина к В. Е. Гущику; книги В. Е. Гущика с дарственными надписями; стихотворения сына, О. В. Гущика и др. Научно-техническая обработка фонда по действующим правилам была сделана А. Г. Носовой в феврале—марте 2003 г. В других фондах РО ИРЛИ и других архивохранилищах материалов В. Е. Гущика не имеется.

В результате научно-технической обработки ф. 820 были сформированы 32 ед. хр. В связи с небольшим количеством документов они включены в одну опись и распределены в соответствии со схемой систематизации по двум разделам.

В первом разделе сгруппированы творческие материалы: рассказы, исторические очерки, пьеса (типографские экземпляры). Они расположены в хронологическом порядке. Далее, в том же порядке представлены стихотворения (в том числе типографские экземпляры); воспоминания; рисунки.

Во второй раздел включены биографические материалы фондообразователя: похвальная грамота, фотографии, карандашный портрет работы А. Егорова; затем два письма В. Е. Гущику, перед которыми помещен конверт от несохранившегося письма В. Е. Гущика жене. Далее следуют материалы сына О. В. Гущика — стихотворения, расположенные в хронологическом порядке, фотография; затем материалы А. И. Куприна: две его книги с дарственными надписями В. Е. Гущику и брошюра К. Шмулевича, посвященная памяти А. И. Куприна.

А. Г. Носова

СОКОЛОВ ИППОЛИТ ВАСИЛЬЕВИЧ

Ф о н д 797

Соколов Ипполит Васильевич — поэт, историк театра и кино; член Всероссийского союза поэтов (в 1919—1924 гг.), член Союза кинематографистов (с 1957 г.). Родился 21 января 1902 г. в Харькове в семье служащего Василия Васильевича Соколова и его жены Анны Васильевны Соколовой.

Сведения о первоначальном образовании И. Соколова не обнаружены. В 1918—1919 гг. он учился в Социалистической Академии общественных наук на политико-юридическом отделении (разряде). В то же время посещал в Москве Студию стиховедения, которую вели В. Брюсов, А. Белый, Вяч. Иванов, и одновременно литературную студию при Московском отделении Пролеткульта, где вместе с В. Казиным, Н. Полетаевым, В. Александровским, Г. Санниковым и другими молодыми людьми слушал выступления В. Шершеневича, В. Ходасевича и А. Белого. В 1919 г. им был прослушан курс лекций по теории стиха поэта и переводчика С. П. Боброва.

Печататься Соколов начал с весны 1919 г. В Воронеже, в газете «Огни» (№ 7 от 7 апреля) при содействии В. Шершеневича и Р. Ивнева появилась его первая литературная статья «Имажинизм» (дополненная и переработанная под названием «Имажинистика» вышла в 1921 г. отдельным изданием). В 1919—1922 гг. он наряду с Б. Земенковым, С. Захаровым, Г. Сидоровым-Окским, Т. Левитом, С. Спасским, Б. Лапиным и др. входил в группу поэтов-экспрессионистов и написал ряд декларационных и теоретических статей об этом направлении в литературе, театре и кино: «Бунт экспрессиониста» (осень 1919), «Бедекер по экспрессионизму» (осень 1920), «Немецкий театр экспрессионизма» (1922), «Киноэкспрессионизм» (1922) и др.

В 1919 г. вышел в свет первый и единственный отдельный поэтический сборник И. Соколова. В него молодой поэт включил одиннадцать стихотворений и с присущим ему в ту пору эпатажем назвал: «Полное собрание сочинений. Издание не посмертное. Т.1. Не стихи»; а в аннотации к сборнику пояснил: «Итак, я швыряю принципы полиметрии».

Закончив Социалистическую Академию, Соколов начал служебную деятельность в Центральном институте труда при ВЦСПС, где он в 1921—1922 гг. занимался вопросами антропомеханики, трудовой гимнастики и возглавлял опытную станцию. В то же время он работал в Научно-художественной лаборатории при Государственном институте ритмического воспитания, где вместе с В. О. Перцовым (впоследствии биографом В. В. Маяковского) участвовал в профотборе учащихся, которые в дальнейшем обучались различным видам искусств. В 1922—1923 гг. Соколов возглавлял секцию физкультуры при Московском отделении Пролеткульта. Помимо этого, он в 1921—1925 гг. был заместителем и помощником председателя Совета по театрализации физкультуры при Главном управлении Всеобуча и театральном отделе Главполитпросвета.

В начале 1920-х гг. Соколов опубликовал книги и статьи по физкультуре: «Система трудовой гимнастики» (М., 1922), «Руководство по физкультуре» (М., 1923), «Новая физкультура пролетариата» (журнал «Горн». 1922. № 2) и др.

В 1925 г. Соколов закончил Московский государственный университет и стал заниматься в основном преподавательской деятельностью. Сначала он читал курс лекций «Современный театр» в Государственных экспериментальных мастерских при Камерном театре. Позднее, в 1926—1927 гг., — читал доклады на сценарной секции Ассоциации работников кино. В 1927—1928 гг. — преподавал теорию и практику драматургии театра и кино в ГТК и работал консультантом художественного отдела Объединенной кинофабрики Совкино. В 1928—1929 гг. — преподавал на заочных сценарных курсах Общества друзей советской кинематографии. В 1930-х гг. — преподавал в Московском госуниверситете, на курсах усовершенствования Центральной кинофабрики Совкино и на сценарных курсах ГТК, руководил сценарными курсами Госкинопрома Грузии. В 1940-х гг. — читал лекции по истории советского и зарубежного кино в Московском Доме кино, преподавал курс драматургии кино в Литературном институте им. М. Горького. В 1960—1964 гг. вел курс теории драматургии театра, кино и курс истории кино в Московском государственном университете.

Помимо этой деятельности в различных организациях и учреждениях, Соколов в 1920-х—1960-х гг. постоянно публиковал статьи, посвященные истории и развитию театра и кино в журналах: «Советское кино», «Киножурнал АРК», «Кинофронт», «Кино», «Искусство кино», «Вестник театра», «Вестник искусств», «Эрмитаж», «Мастерство театра», «Новый зритель» и др. Среди наиболее значимых работ в его творческом наследии книги: «Режиссура А. Я. Таирова» (М., 1924), «Киносценарий» (М., 1926), «Как сделаны звуковые фильмы» (М., 1930), «Чарли Чаплин» (М., 1938), «Выразительные средства кино» (М., 1941), «История изобретения кинематографа» (М., 1960).

Умер И. В. Соколов 8 декабря 1974 г. в Москве.

Литература о нем: Кино. Энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 399; *Терехина В.* «Бедекер по русскому экспрессионизму» // Арион: Журнал поэзии. 1998. № 1. С. 51—64.

Фонд № 797 (арх. И. В. Соколова) скомплектован из двух небольших поступлений. В 1974 г. (см. Кн. поступлений за 1974 г. № 42) в дар

от И. В. Соколова поступили две книги с дарственными надписями ему от авторов: от А. Б. Кусикова — «Искандар Намэ» (М., 1921) и от С. Е. Нельдихена — «Он пошел дальше» (М., 1930). Соколов также передал свои фотографии 1970-х гг., фотокопии афиш и газетных извещений о поэтических вечерах 1919—1928 гг., в которых он принимал участие.

В 1975 г. (см. Кн. поступлений за 1975 г. № 17) у вдовы И. В. Соколова, Т. И. Соколовой, РО ИРЛИ приобрел основную часть архива: коллекцию редких книг, творческие работы И. В. Соколова и подготовительные материалы к ним, документы биографического характера, переписку и др.

Научно-техническая обработка фонда по действующим архивным правилам произведена научным сотрудником РО ИРЛИ Л. К. Хитрово в ноябре 2002 г. В других фондах РО ИРЛИ и других архивохранилищах материалов И. В. Соколова не имеется.

В результате научно-технический обработки личного архива И. В. Соколова (ф. 797) сформировано 75 ед. хр. за 1912—1974 гг. Они включены в одну опись и систематизированы по четырем разделам.

В первом разделе сначала в хронологическом порядке находятся немногочисленные, разнообразные по жанрам работы И. В. Соколова. В конце этого раздела в том же порядке расположены подготовительные материалы к работам, которые отсутствуют в фонде.

Второй раздел в основном составляют биографические материалы И. В. Соколова. В начале раздела за личными документами и небольшой группой автобиографических документов (автобиография, анкета, личный дневник) расположены в хронологическом порядке остальные биографические материалы. В общий хронологический ряд внесены также ед. хр. с афишами поэтических вечеров, в которых принимал участие И. В. Соколов, и статья В. Г. Шершеневича с упоминанием о поэтическом творчестве фондообразователя. В конце раздела находятся: карандашный портрет (художник Ю. Козлов), фотопортреты (одиночные и групповые) И. В. Соколова и Т. И. Соколовой, его второй жены.

В третий раздел включена переписка фондообразователя. Письма расположены в алфавитном порядке адресатов и корреспондентов. В конце раздела находится письмо неустановленного лица к кинорежиссеру И. П. Пырьеву.

В четвертый раздел включена коллекция редких книг за 1912—1930 гг. из личной библиотеки И. В. Соколова. В ее составе издания поэтических сборников, статей, воззваний и манифестов имажинистов, конструктивистов и представителей других литературных направлений. Они расположены в алфавите авторов книг. В том случае, если имеются несколько сборников одного автора, то они следуют в хронологическом порядке. Большая часть книг имеет владельческую надпись, пометы и записи И. В. Соколова.

Л. К. Хитрово

Н. А. Прозорова

ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX —XX веков, ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН в 1999—2000 годах

Рукописный отдел Института русской литературы выражает глубокую благодарность за принесение в дар архивных материалов М. С. Астафьевой-Корякиной, В. П. Бударагину, С. А. Воронину, Г. Ю. Гаген-Торн-Шенкман, Д. Герати (Испания), Л. В. Герашко, Ю. В. Геренгу, А. М. Грачевой, Н. Л. Дмитриевой, А. Н. Захарову, Д. В. Иванову, Л. Н. Ивановой, Е. А. Игнатьевой-Родионовой, М. Казаковой-Эндер (Италия), М. Д. Кондратьеву, Н. Г. Князевой, Ю. Д. Левину, И. А. Лобаковой, А. Н. Мартыновой, И. Б. Муратовой, Л. Н. Назаровой, Е. М. Ольшанской, М. А. Оскольской, В. Н. Пасековой, Е. О. Путиловой, М. В. Рейли, Рейтцин (Raitzyn) (Франция), О. Ф. Саксон, Н. В. Скворцовой, Н. И. Солуниной, Т. С. Царьковой, Н. Б. Четвериковой, Э. А. Шеварднадзе, Ж. Шерону (США), Л. И. Шлионской, М. Д. Эльзону, З. Б. Эндер (Италия) и выражает признательность памяти дарителей В. П. Астафьева, Н. В. Венгеровой, Р. П. Дмитриевой, В. П. Купченко, Л. Д. Лихачевой.

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк русской литературы, библиограф. Фонд 377.

П. Ю. Венгерова. «Мемуары бабушки. Картины из культурной истории евреев в России в 19-м веке». Со вступ. словом Г. Карпелеса. Т. I. Перевод с нем. В. А. Федосеевой. Машинопись (1908; 1992—1995).

Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, критик, художник, переводчик. Фонд 562.

Вырезки из газ. «Русский Туркестан», «Русь» и др. с его статьями (1904—1907).

Гуро Елена Генриховна (1877—1913) — писательница, художница. Фонд 613.

«Елена Гуро. Поэт и художник. 1877—1913». Каталог выставки. СПб., 1994. Типограф. экз.

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, филолог, переводчик. Фонд 607.

Условия редакционного сотрудничества в журн. «Золотое Руно». Автограф (1907). Договор с Г. А. Леманом и С. И. Сахаровым на передачу права издания сборника статей «Родное и Вселенское». Машинопись (1916). Договоры с издательствами «Всемирная литература» и «Брокгауз—Ефрон» 3 (1918—1920). Письма издательства «Всемирная литература» 2 (1919).

«Архив Вячеслава Иванова в Риме». Опись поэтических сочинений и переводов В. Иванова. Подготовил А. Шишкин. Принтерный вывод с дарственной надписью Д. В. Иванова и А. Шишкина Рукописному отделу Пушкинского Дома (1998). Фотопортреты (20) одиночные и фотография дома, где жил В. Иванов. Подлинники и переснимки (1919—1948; 1998; б. д.). Фотографии (17) В. И. Иванова в кругу родных, близких, друзей, литераторов и др. Среди них Д. В. Иванов, Л. В. Иванова, О. А. Шор, Д. С. Мережковский, В. А. Мануйлов, М. Синьорелли и др. (<1913>—1937). Фотография бюста (2 ракурса) В. Иванова работы В. Реслера и портрета (2 экз.) (1940-е). «Архивная комната» (Фотография Римского архива В. И. Иванова). Подлинник (1998).

Л. Д. Зиновьева-Аннибал. Фотопортрет. Ксерокопия (б. д.). В. К. Иванова (урожд. Шварсалон) и Д. В. Иванов. Фотографии (2). Подлинник и ксерокопия (1914—1915).

Д. В. Иванов. Одиночные фотопортреты (8). Подлинник и ксерокопии (1920-е —1956; 1998; б. д.). Д. В. Иванов и Л. В. Иванова. Групповой портрет. Переснимок (сер. 1920-х) Д. В. Иванов с воспитанниками пансионата св. Гавриила. Фотография. Ксерокопия (<1925—1926>). Д. В. Иванов с Л. В. Ивановой и Иоанном Павлом II и участниками 2-го Международного симпозиума, посвященного В. И. Иванову. Групповые фотопортреты (4). Подлинники (1983). Д. В. Иванов у могилы своих родственников и вид семейной могилы Ивановых. Фотографии (2). Подлинник и ксерокопия (1998). Л. В. Иванова. Фотопортреты (2). Подлинники (нач. 1920; 1930-е—1940-е). Л. В. Иванова с В. К. Шварсалон. Групповая фотография. Подлинник (1907). Л. В. Иванова с В. К. Шварсалон и П. М. Васиной. Групповой фотопортрет. Подлинник с надписью на обороте рукой Л. В. Ивановой: «Москва. Масленица 1914 года» (1914).

Т. Л. Сухотина-Толстая. Фотопортреты (2). Подлинники (б. д.). Б. Филиппов. «Памяти О. А. Шор». Статья. Ксерокопия. С пометой Д. В. Иванова: «„Новое русское слово“. 28.XI.82».

Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов) (1878—1946) — критик, публицист, журналист, историк русской и общественной мысли, мемуарист. Фонд 79.

А. А. Блок. «Возмездие». Поэма. («Продолжение II-й главы»). Список рукой Иванова-Разумника (б. д.).

Матюшин Михаил Васильевич (1861—1934) — художник, композитор, теоретик музыки. Фонд 656.

«Борис Эндер — советский художник авангардист». (Boris Ender. Pittore d'avanguardia nell'Union Sovietica». Calcografia nazionale. Roma. 1 aprile — 15 maggio. 1977). С дарственной надписью М. Козаковой-Эндер: «Прошу внести в фонд М. В. Матюшина. С уважением М. Козакова-Эндер. 1 февраля 1979».

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — поэт. Фонд 202.

И. М. Колесницкая. «Поэма Н. А. Некрасова „Мороз-Красный нос" в литературе о народе 1850—60-х годов. (Проблема художественного своеобразия)». Машинопись (<1960>).

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт. Фонд 241.

Материалы, относящиеся к выставке архивных и музейных экспонатов из собрания Пушкинскогоо Дома, посвященной 180-летию со дня рождения Я. П. Полонского (Рязань): фотографии (8) экспозиции; фотографии (5) лиц, выступавших на открытии выставки; фотографии (4) памятных мест Рязани, связанных с жизнью Я. П. Полонского (2000).

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — поэт. Фонд 244.

Материалы правнучки А. С. Пушкина Н. С. Шепелевой (урожд. Мезенцовой): воспоминания, семейная переписка, альбом «Потомки Пушкина» (фотографии, репродукции и др.). Автографы, подлинники, переснимки (1910-е—1990-е).

Э. А. Шеварднадзе «Наш Пушкин». Текст выступления на открытии пушкинских дней в Грузии. На груз. и рус. яз. Принтерный вывод, подпись — автограф (1999).

Н. И. Солунина «Пушкину». Стихотворение. Автограф (1999). Фотография пушкинского праздника. Подлинник (1937).

В. П. Бударагин. «На открытие выставки „Имя Пушкинского Дома"»; «Вот отшумел, пронесся юбилей...» Стихотворения (2). Автограф (1999).

Д. Герати. Текст выступления на презентации факсимильного издания «А. С. Пушкин. Рабочие тетради» (СПб.; Лондон, 1995—1997. Т. 1—8). Автограф (1999).

Шлионский Л. И. «Творчество молодого Пушкина», «Лев Толстой и Пушкин», «Есенин и Пушкин» и др. Статьи. Машинопись с правкой автора (1950-е —1960-е).

Ю. Левин, Б. Пинес, И. Френкель. «Дантес выстрелил». Повесть. Машинопись (1936—1937).

А. Н. Захаров. Романс на слова А. С. Пушкина «Отцы пустынники и жены непорочны...». Для баса и фортепиано. Нотный автограф

(1989). «Сказка о медведихе». Детская опера на слова А. С. Пушкина. Посвящена 200-летию со дня рождения поэта. Клавир. Нотный автограф с дарственной надписью Рукописному отделу Пушкинского Дома (1999).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Айзенштадт Вениамин Михайлович (псевд. Вениамин Блаженный; Блаженных) (1921—1999) — поэт.

Стихотворения. В тетради. Автограф (1946—1989).

Барков Дмитрий Николаевич (1796—1855) — театральный критик, переводчик.

«Повесть о развратном монахе». Список рукой неустановленного лица. Ксерокопия (б. д.; 1938). «Повесть о бесстыдном монахе». Варианты. Список. Фотокопия (б. д.; 1938). «Сказка о кузнеце, который играл в карты с чертом». Список. Фотокопия (б. д.; 1938). «Сказка о Змее Горыныче, о храбром монахе и его неблагодарном царе Романе». Список. Фотокопия (б. д., 1938). «Сказка о Воре-Ворище, о влюбленном монахе и о красавице царевне». Список. Фотокопия (б. д.; 1938).

Гумилев Николай Степанович (1886—1921) — поэт, переводчик, критик.

«Фарфоровый павильон». Сб. стихотворений. Пг., 1918. Типограф. экз. На л. 1 в правом верхнем углу надпись карандашом: «Ане с любовью» (<1918>).

Лесман Моисей Семенович (1902—1985) — пианист, библиофил, коллекционер.

Рукописные материалы деятелей русской истории, культуры и литературы XIX—XX вв.: творческие рукописи, переписка, авторские и дарительные надписи, изобразительный материал и др. В их числе: К. Н. Батюшков, А. А. Блок, В. Д. Бонч-Бруевич, М. Горький, А. С. Грибоедов, Д. В. Давыдов, В. И. Даль, Б. С. Житков, В. И. Иванов, Ю. Иваск, Н. В. Кукольник, М. Ф. Ларионов, М. Ю. Лермонтов, А. Н. Майков, Н. Минский, А. Ф. Онегин, К. Ф. Рылеев, В. М. Саянов, И. Северянин, Л. Н. Толстой, В. Ф. Ходасевич, О. В. Швецов, Т. Л. Щепкина-Куперник, И. Г. Эренбург и др. Среди материалов — беловые и черновые автографы, авторизованная машинопись, машинопись, наборные рукописи и др.[1]

Малахов Сергей Арсеньевич (1902—1973) — историк литературы XIX—XX вв.

---

[1] Материалы коллекции М. С. Лесмана находятся в научно-технической обработке и будут доступны исследователям после завершения комплектования коллекции и ее научного описания.

Эпиграммы на советских писателей и поэтов (Ф. А. Абрамова, Л. И. Борисова и др.). Автограф (1963).

Хлебников Велимир (Виктор Владимирович) (1885—1922) — поэт.

Альбом Л. М. Михайловой с рисунками и записями разных лиц. Среди них стихотворение В. Хлебникова «С новым годом! С книжкой новой...» и его автографами (1913; б. д.). Фотопортрет. Подлинник (<1900-е>).

О. Ф. Саксон. Воспоминания о семье Михайловых и В. Хлебникове. В тетради. Автограф (1999). Материалы семьи Михайловых: свидетельство об обучении М. М. Михайловой в школе массажа доктора С. Я. Эйгорна (1913); фотопортреты (3) М. М. Михайловой (1915; б. д.), фотопортреты (2) Л. М. Михайловой (1911—1917; б. д.); предписание Куйбышевского райвоенкомата А. М. Михайловой для несения службы в блокадном Ленинграде (1942) и др.

Хмельницкий Сергей Исаакович (1907—1952) — писатель.

«Завещанный путь». Роман. Главы II, III, XII, XVII, XXII. Машинопись с правкой (1945). Фотопортрет одиночный. Подлинник (1938). Письма к Е. А. Борониной 2 (1937—1943), В. А. Коц 58 (1940—1947; б. д.).

Коллекция фольклорных материалов.

«Девичьи альбомы». 3 (<1970-е>).

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БУЛАНИНА
(1953—2005)

16 апреля 2005 г. скончалась Татьяна Владимировна Буланина, организатор и директор петербургского гуманитарного издательства «Дмитрий Буланин», с которым тесно и плодотворно — на протяжении многих лет — сотрудничает Институт русской литературы. Тяжелая болезнь унесла из жизни человека, который формально никогда не был пушкинодомцем, но имя которого останется надолго в устных преданиях Пушкинского Дома.

Т. В. Буланина родилась 4 августа 1953 г. Судьба ее была типичной для девочки из интеллигентской ленинградской семьи: школа с углубленным изучением английского языка (1960—1970), русское отделение филологического факультета Ленинградского государственного университета (1970—1975), дипломное сочинение по литературе XVIII в.,

написанное под руководством еще работавшего тогда в ЛГУ И. З. Сермана. Затем были долгие годы преподавания русского языка на подготовительном факультете для иностранных студентов Политехнического института (ныне университета) (1975—1993). Здесь Т. В. Буланина очень скоро стала человеком, пользовавшимся любовью и уважением среди студентов, которые приехали на Север издалека — по большей части из «развивающихся», как тогда говорили, стран Азии и Африки. Она учила их не только языку, она щедро дарила им теплоту своей души, помогая адаптироваться в чужой и незнакомой стране — в Советском Союзе. В Политехническом институте Т. В. Булаииной было присвоено звание доцента, здесь ее, как опытного педагога, рекомендовали для работы в университетах Китая и Италии.

Однако преподавание русского языка иностранцам было не единственной сферой деятельности Т. В. Булаииной. Университетская школа сформировала у нее академические интересы. Закономерно поэтому, что в 1982 г. она поступила в аспирантуру на родной филологический факультет ЛГУ и здесь под руководством А. М. Панченко (еще одна ниточка, тянущаяся к Пушкинскому Дому) три года работала над диссертацией, названной «Риторика в Древней Руси: Сведения о теории красноречия в русской письменности XI—XVI веков». Конечно, Т. В. Буланина никогда не была ученым в том смысле, который вкладывается в это слово в академической среде, то есть не занималась научными изысканиями непрерывно — на протяжении всей жизни. И все же ее статьи, опубликованные в рамках работы над диссертацией, как и сам диссертационный труд, успешно защищенный в 1985 г., существенно обогащают наши знания об искусстве слова в средневековой славянской письменности. Отметим, что несколько исследований по теме диссертации, равно как и немногочисленные печатные работы, появившиеся в более поздние годы, увидели свет, в том числе, в изданиях Пушкинского Дома (статьи в журнале «Русская литература», сборнике «XVIII век», энциклопедические статьи в «Словаре книжников и книжности Древней Руси»). Хронологический список трудов Т. В. Булаииной см. в «Трудах Отдела древнерусской литературы», т. 57.

В 1992 г. в жизни Т. В. Булаииной открылась новая страница. Произошедший поворот в истории нашей страны побудил отдельных представителей интеллигенции самим, без указания власть придержащих, выбирать новые аспекты своей деятельности. Т. В. Буланина организовала издательство «Дмитрий Буланин», очень скоро завоевавшее заслуженный авторитет среди гуманитарной общественности как в России, так и за рубежом. В самом начале своего существования издательство, еще не развернувшее свою деятельность, размещалось на квартире Булаииных. Директору издательства тогда приходилось быть и менеджером, и бухгалтером, и экспедитором, и редактором, и корректором. И со всеми сложностями становления нового дела Т. В. Буланина справилась достойно. В 1993 г. вышла в свет первая книга издательства — монография Я. С. Лурье «После Льва Толстого: Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века».

В настоящее время издательством, созданным Т. В. Буланиной, выпущено уже более четырехсот книг. Это серийные издания, в том числе «Археологические вести», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Книжные центры Древней Руси», «Лица: Биографический альманах», «Немцы в России», «Новгородский исторический сборник», «Новое в русской лексике», «Православный Палестинский сборник», «Труды Отдела древнерусской литературы» и др. Это библиографические и справочные издания, десятки монографий и сборников статей. И в каждой из книг — частица труда и души Т. В. Буланиной.

Со второй половины 1990-х гг. началось плодотворное сотрудничество издательства, руководимого Т. В. Буланиной, с Рукописным отделом Пушкинского Дома. Т. В. Буланина, уже набравшаяся опыта в издательском деле, включается в подготовку книг, задуманных архивистами Пушкинского Дома. В 1998 г. шла работа над мемуарами Е. В. Дягилевой, хранящимися в РО ИРЛИ — «Семейная запись о Дягилевых». Т. В. Буланина подает разные идеи — вплоть до выбора формата книги и оформления суперобложки, которые должны были наиболее адекватно отражать «мысль семейную», заложенную в воспоминаниях мачехи «великого импресарио» Сергея Дягилева. В том же году издательство выпустило книгу сотрудников Рукописного отдела Т. А. Кукушкиной и Е. Р. Обатниной «„Серапионовы братья“ в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации». В 1999 г. была издана «Избранная переписка» К. Р., великого князя Константина Константиновича, извлеченная из его личного фонда, который находится в Пушкинском Доме. И опять Т. В. Буланина, забывая о неизбежной для научного издательства ограниченности в средствах, с увлечением работает над фотографиями, которые предлагаются составителями сборника. В 2003 г. архивисты Пушкинского Дома совместно с издательством подготовили каталог «Музыка и музыканты: Творческие и биографические материалы в фондах и коллекциях Рукописного отдела Пушкинского Дома. XVIII—XX вв.» Наконец, последние тома «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» (на 1995, 1996, 1997, 1998—1999, 2000 год) в 1999—2004 гг. готовились к печати издательством, руководимым Т. В. Буланиной.

Татьяна Владимировна Буланина была удивительно активным и деятельным человеком. Казалось, что она могла преодолеть все препятствия. Ее бурная энергия поражала окружающих и привлекала к ней множество людей. Одни видели в ней преподавателя русского языка, другие — ученого, третьи — издателя, четвертые — делового партнера. Была она и матерью четырех детей и бабушкой трех внуков. А для меня она с 1970 г. была самой близкой подругой.

Татьяна Иванова

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

А. 302
А. см. Измайлов А. А.
Абамелек-Лазарев С. С. 18
Абамелек-Лазарева М. П. 18
Абрамов И. С. 377
Абрамов Ф. А. 403
Абрамова В. И. 377
Абызов Ю. И. 254
Авербах Л. Л. 116
Аверьянова-Дидерикс Л. И. 105
Авчинников А. Г. 284
Адамович Г. В. 73, 264
Адельсон Н. О. 200, 202
Адрианов С. А. 15
Азадовский К. М. 309
Азадовский М. К. 309, 324, 325
Азаров А. Л. 28
Азов (наст. фам. Ашкинази) В. А. 85, 104
Азукюль И. П. 244
Айзенштадт (псевд. Вениамин Блаженный; Блаженных) В. М. 402
Айзман Д. Я. 108
Айхенвальд Ю. И. 98, 100
Аксаков И. С. 22, 23, 300
Аксаков К. С. 22, 170, 300
Аксаков С. Т. 22, 300
Аксаковы, семья 22, 299, 300
Аксененко Е. М. 41, 158, 160, 191, 192
Аксенов И. А. 73
Александр I, император 179, 373, 374
Александр II, император 57, 146, 160, 172, 180, 181, 183, 194, 199, 284
Александр III, император 175, 180, 181, 183, 184, 196, 197, 214, 215, 217, 392
Александр Александрович, вел. кн. 175, 188
Александр Невский, древнерусский кн. 345
Александра Федоровна, императрица 43
Александровский В. 396
Алексеев М. см. Воинов Я. В.
Алексеев М. П. 152
Алексеева Н. В. 322
Алексей Александрович, вел. кн. 188, 216, 217
Алпатов М. В. 267, 271, 280, 281, 285
Алперс В. В. 271
Алперс В. М. 271
Алперс С. В. 271
Альбрехт-Углицкая А. А. 26
Альфред Эрнест Альберт, герцог Эдинбургский 181, 182
Алябьев А. А. 152
Алянский С. И. 243, 262
Амвросий, митрополит 343
д'Амелиа А. 252, 259
Амфитеатров А. В. 21, 85, 86, 93, 252
Амфитеатрова И. В. 93
Анакреонт (Анакреон) 171
Анастасевич В. Г. 343
Ангелина (в миру фон Розе А. Ф.), монахиня 159
Андерсен Г. Х. 166, 175
Андреев В. М. 117
Андреев Л. Н. 19, 30, 270
Андреева М. Ф. 42
Андреевский С. А. 21
Аничков Е. В. 106, 125, 127, 128
Аничкова А. М. 106
Анна Иоанновна, императрица 174
Анненков П. В. 19, 161, 169, 170
Анненков Ю. П. 96
Анненский (псевд. Кривич) В. И. 107
Антонов В. В. 174
Аптекман О. В. 105
Апухтин А. Н. 19, 23, 25
Арабажин К. И. 46
Арапов А. А. 267, 280, 281, 285
Арапова (урожд. Ланская) А. П. 22
Арасимович Л. В. см. Разумовская Л. В.

* Составила Н. А. Прозорова.

Арватов Б. И. 302
Аркадакский К. 133
Арнштам А. М. 220, 222
Арсений Земка см. Тарасий Земка
Арсеньев К. К. 19
Артизов А. 99
Архангельская В. К. 305
Архангельский (псевд. Икарский) Н. М. 327, 328
Асеев Н. Н. 302
Аскоченский В. И. 177
Асланов А. П. 278
Астафьев В. П. 399
Астафьева-Корякина М. С. 399
Атава см. Терпигорев С. Н.
Ауфгаузер см. Aufhauser J. B.
Афанасьев В. В. 158, 160, 165, 171, 174, 175
Афанасьев-Соловьев И. И. 78, 79, 83
Афиногенов (псевд. Н. Степной) А. Н. 326, 328
Афиногенов Н. А. 328
Ахматова А. А. 82, 85, 90, 100, 108, 117, 128, 252, 264, 284, 297, 340
Ашкинази В. А. см. Азов В. А.
Ашукин Н. С. 95

Бабиченко Д. Л. 111
Багрий А. В. 327—329
Баиов (Байов, псевд. А. де Готвиль) А. А. 393
Байков 262
Байрон Д. Г.173
Бакунин М. А. 170
Балакирев М. А. 53, 54, 57, 62, 65—68
Балашов Д. М. 357, 360, 363
Балтрушайтис Ю. К. 86
Балухатый С. Д. 308, 310, 311, 313—315, 325, 326, 330
Бальмонт К. Д. 30, 76, 266
Барабанов Е. 114
Барабанова 44
Бараева-Успенская А. В. 303, 315
Баранов В. 124
Барановский В. Р. 10
Баратынский Е. А. см. Боратынский Е. А.
Барбье дю Бокаж Ж. Д. 343
Бард см. Воинов Я. В.
Барков Д. Н. 402
Бартенев П. И. 212
Бартенев Ю. Н. 49
Баршев Н. В. 107, 116, 117
Барышников М. Н. 230
Барятинский А. И. 178
Басаргин Н. В. 372
Басаргина А. Г. 373
Басаргина (в замуж. Бекетова) Е. Г. 373
Баскаков В. Н. 5
Батурина Н. А. 387
Батурины, семья 387
Батюшков К. Н. 402
Батюшков Ф. Д. 30, 84
Баузе Р. П. 140
Бахрах А. В. 248
Бахрин К. Б. 329
Бахрушин А. А. 46, 48
Бахрушин А. П. 42
Бахтина В. А. 345
Бебутова Е. А. 269, 271, 278
Безобразов В. В. 177
Безобразов В. П. 26
Безобразов П. В. 26
Безобразов П. Н. 26
Безродный М. 236
Безыменский А. И. 113
Бекетова А. А. см. Кублицкая-Пиоттух А. А.
Бекетова Е. Г. см. Басаргина Е. Г.
Беккер Е. см. Вестфаль Е.
Белевская Н. А. 385
Белевский А. С. 385
Беленсон А. Э. 96
Белинков А. В. 287
Белинский В. Г. 169, 170, 300, 314, 315, 322, 335
Белицкий Д. П. 140
Белкин В. П. 272—274, 276—278
Белкин Вл. 253
Белов С. В. 243
Белоус В. Г. 288
Белый А. (наст. имя и фам. Б. Н. Бугаев) 89, 95, 112, 248, 396
Беляев М. Д. 12, 15, 21, 40, 51, 300, 302
Беляев М. П. 54
Беляев Ю. Д. 19, 21
Бем А. Л. 294, 295
Бендер П. 56
Бенедиктов В. Г. 21, 51
Бенкендорф А. Х. 165, 174
Берг Ф. Н. 192—194
Бердяев Н. А. 98, 100
Березин М. 78
Берендгоф Н. 83
Берзин Ю. Л. 117
Берков П. Н. 291
Бернштейн И. И. см. Ионов И. И.
Бертенсон Л. Б. 19—21
Бертье М. 278
Бессонов П. А. 346—348, 350—356, 359, 360, 364, 366, 367
Бестужев Вл. см. Гиппиус Вл. В.
Бестужев-Марлинский А. А. 26, 175
Бестужев-Рюмин К. Н. 33, 34, 324
Бестужевы-Рюмины, семья 38
Бехтерев В. М. 389
Бианки В. В. 121
Бильдерлинг А. А. 37
Бисмарк Г. Ф. Г. 199
Бисмарк О. Э. Л. 198, 199
Блок А. А. 13, 30, 75, 85, 89, 90, 93—95, 106, 108, 128, 218, 239, 241—243, 247, 252,

255, 262, 264, 267, 268, 270, 280, 287, 305, 319, 373, 401, 402
Блок А. Л. 373
Блок Г. П. 12
Блок Л. Д. 128
Блох Я. Н. 258, 260, 261, 263
Боборыкин П. Д. 19, 163, 166, 173
Бобров С. П. 72, 396
Богатко Е. И. 228
Богданова Н. Г. 8, 10, 11, 14
Богданова-Бельская (в замуж. Пэдди-Кабецкая, Дерюжинская, Гросс) П. О. 272, 277, 278
Богданович Т. А. 135
Богомолов Н. А. 14, 95, 277
Богословский П. С. 319—321
Боднарский Б. С. 338, 339
Болдырева З. Д. 239
Больтон М. В. см. Зоммер М. В.
Бонч-Бруевич В. Д. 402
Бонч-Томашевский М. М. 279
Боратынские, семья 373
Боратынский (Баратынский) Е. А. 13, 44
Борисов И. П. 184, 201
Борисов Л. И. 107, 403
Борисов П. И. (Петя) 184, 187, 190, 200—204, 206, 210—214
Борисова (урожд. Фет) Н. А. 184, 204
Борисов-Мусатов В. Э. 280
Борисова-Мусатова Е. Э. 273, 280
Борисоглебский М. В. 97, 106, 107, 109, 110, 112
Боронина Е. А. 403
Борх А. М. 62
Боткин В. П. 15, 24
Боткин М. П. 201
Боткин С. П. 203, 204, 213
Боткина М. П. см. Шеншина М. П.
Боткина (урожд. Враская) Н. С. 8—11, 24
Брамбеус см. Сенковский О. И.
Браудо Е. М. 96
Браун Н. Л. 116, 140, 141
Брем А. 176
Бриан М. И. 112
Брискорны, семья 371, 372
Бродский Н. Л. 304, 305
Брокгауз Ф. А. 335, 337, 338
Брусянин В. 387
Брюллов А. П. 165, 173
Брюллов К. П. 51, 173
Брюсов В. Я. 30, 42, 73, 106, 125, 267, 396
Брюэр (урожд. Тургенева) П. 155, 157
Брянчанинов Игнатий см. Игнатий (Брянчанинов)
Бугаев Б. Н. см. Белый А.
Будаков Г. С. см. Синегуб-Будаков Е. С.
Бударагин В. П. 399, 401
Будков П. Е. 331
Буланина Т. В. 404—406
Буланины, семья 405
Булгаков К. А. 64
Булгаков М. А. 108, 117
Булгари С. Я. см. Веригина С. Я.
Бунин И. А. 106
Бунич-Ремизов Б. Б. 228
Буренин В. П. 20, 85
Бурцев В. Л. 84
Бутенев Н. Ф. 373
Бутенева М. Н. см. Леман М. Н.
Бутенева О. Н. 373, 375
Бутенко Ф. Х. 141
Бутовский И. Г. 343
Бухарин Н. И. 124
Бухгейм Л. Э. 5, 8, 18, 45, 338, 339
Бухштаб Б. Я. 300
Бучина Л. И. 95
Буш В., художник 328
Буш В. В. 33, 287 — 334
Буш В. Н. 288, 291, 293, 295, 299, 304, 306, 308, 327—329
Буш Т. В. 288
Быков П. В. 85, 277
Быкова З. И. 277
Быстрова-Чернышевская Н. М. см. Чернышевская-Быстрова Н. М.
Бюше, переводчица 244

В. Г. 74
Ва(о)гау Б. А. см. Пильняк Б. А.
Вагинов К. К. 118
Вагнер А. А. 200— 203, 205, 206, 208, 210, 212, 213
Вагнер Н. П. 120
Вайсенберг Л. М. 117
Ваксель П. Л. 284
Ванновский П. С. 195, 197
Варенцов В. И. 349, 359, 362, 363, 367
Варшер Т. С. 253, 254
Васильева Е. И. 248, 250, 252, 253
Васина П. М. 400
Васнецов В. М. 21
Ватсон М. В. 45, 84, 133
Вахтангов Е. Б. 278
Введенский А. И. 79
Вейнберг П. И. 177
Вейнер П. П. 19
Вейсбрем П. К. 239
Вельяминов А. А. 160, 167, 178
Венгеров С. А. 13, 15, 28, 33, 42, 84, 220, 287, 288, 295, 299, 300, 314, 315, 325, 331, 335—399
Венгерова З. А. 85
Венгерова Н. В. 399
Венгерова П. Ю. 399
Вениамин Блаженный (Блаженных) см. Айзенштадт В. М.
Вересаев В. В. 89, 107, 117, 128, 261, 264
Верещагина (в замуж. Хюгель) А. М. 48
Веригин А. И. 153, 195, 196

Веригина (урожд. Булгари) С. Я. 150, 153
Веригина В. П. 267, 269, 271
Верн Ж. 174
Вернадский Г. В. 393
Веров И. см. Машбиц И. М.
Верт К. 198
Верховский Ю. Н. 224, 264
Вершинин Д. С. 343
Веселовский А. Н. 106, 282, 299, 364, 367
Вестфаль Александр 55
Вестфаль Анатолий 61
Вестфаль (урожд. Беккер) Е. 60—62
Вестфаль (Вестфален) И. 53— 63, 66—68
Вестфаль (урожд. Шрёдер) К. 55, 57, 58
Вестфаль Л. 55, 57
Вестфаль Максимилиан 55, 57
Вестфаль Мария 55, 57
Вестфаль Ф. 53, 54, 57, 59— 68
Виардо П. 146, 148, 152, 153, 185
Вигель Ф. Ф. 19
Вилинская М. А. см. Вовчок Марко
Вильгельм, император Германии 199
Вильегас Э. 171
Вильчевский 78
Виницкая А. А. 124
Виноградов А. Г. 86, 252
Виноградов Н. Г. 262
Виноградова Е. В. 50, 179, 191—192
Витберг А. А. 19
Витберг Ф. А. 6, 19
Витте С. Ю. 197, 215
Витязев П. см. Седенко Ф. И.
Вихман Ф. К. 58
Вишняк А. Г. 237
Владимир Святой, древнерусский кн. 297, 345, 356, 357
Владимир Александрович, вел. кн. 188, 217
Владимиров см. Воинов Я. В.
Владимирский В. 379
Власенко, управляющий имением И. П. Новосильцова 210, 211
Вовчок Марко (наст. имя и фам. М. А. Вилинская; в1-м браке Маркович; во 2-м браке Лобач-Жученко) 21, 51, 166, 176
Воинов (Войнов; псевд. М. Алексеев, Бард, Владимиров, Орский, Яровой) Я. В. 252, 253
Волин Б. М. 114
Волков Н. 268
Волков Р. М. 302, 303
Волковыский Н. М. 85, 86, 93, 96, 97, 100, 101, 131, 133
Волконская А. М. 382
Волконская Е. М. 382
Волконская (урожд. Кондрашова; псевд. К. Маривэ) М. В. 381—383
Волконские, семья 38
Волконский М. Н. 381—383
Волошин (наст. фам. Кириенко-Волошин) М. А. 267, 277, 281, 399
Волошинов В. А. 71
Волынский (наст. фам. Флексер) А. Л. 85, 88, 91, 93, 94, 96, 100, 103—105, 108, 131, 133
Вольтер 39
Вольфсон И. В. 133
Воронин С. А. 399
Воронов П. Н. 37
Воронский А. К. 98, 103
Врангели, семья 38
Врангель (урожд. Дементьева-Майкова) М. Д. 19, 21, 22
Врангель Н. Е. 22
Врангель Н. Н. 21, 22
Врангель П. Н. 21, 22
Враская В. Б. 11
Враская Н. С. см. Боткина Н. С.
Вревская С. Б. 13
Вревская (урожд. Лопухина) С. Н. 40
Вревские, семья 13, 40
Врубель А. М. 373
Врубель М. А. 373
Вульф А. Н. 13
Вульф, семья 40
Вульферт Н. В. см. Станкевич Н. В.
Высотская О. Н. 267, 269, 270
Высоцкий Е. В. 301, 302
Вяземская (урожд. Новосильцова) Е. П. 179, 186, 188
Вяземская З. Н. см. Нечаева З. Н.
Вяземский П. А. 20, 21, 31

Гаген-Торн-Шенкман Г. Ю. 399
Гаевский В. П. 26
Гайдебуров П. П. 381
Гаклендер Ф. 166, 175
Галанина Ю. 267
Галахов А. Д. 19, 23
Галахов Н. П. 211
Галахова 181
Галахова (урожд. Шеншина) О. В. 209, 211
Галаховы, семья 210, 212
Галушкин А. Ю. 98, 100, 112—115
Гамма 328
Ган Ю. 322
Ганзен А. В. 85, 86, 100, 106, 116, 131
Ганибесов В. П. 141
Гаршин В. М. 43—45
Гаршина (урожд. Золотилова) Н. М. 43
Гаскелл (Гаскель) Э. 176
Ге (урожд. Садовская) Е. Я. 161
Ге Н. Н. 161
Гегузин И. 239
Гедеонов А. М. 57, 65
Гейне Г. 197
Гейнеке И. Г. см. Одоевцева И. В.
Геллер Л. 98, 112, 114
Генералова Н. П. 2, 181, 185

Геннади Г. Н. 338
Георг I, король греческий 185, 203
Георгиевский Г. П. 145, 146
Гераков Г. В. 338
Герати Д. 399, 401
Герашко Л. В. 68, 399
Геренг Ю. В. 399
Герман Й. 63—67
Герстекер Ф. см. Герштекер Ф.
Герцен А. И. 7, 16, 35, 42, 169
Гершензон М. О. 6, 36, 86
Герштекер Ф. 165, 174
Гете И. В. 50
Гибшман К. Э. 267, 277
Гизетти А. А. 85, 93,115
Гиппиус (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нелединский) Вл. В. 287
Гиппиус Вас. В. 287—334
Гиппиус Д. И. 305
Глазберг (Гласберг) Н. Б. 7—9, 14, 40
Глазенап Б. Г. 195, 196
Глазунов А. К. 108
Глазунов И. 249
Глазунов И. И. 174, 177
Гласберг Н. Б. см. Глазберг Н. Б.
Глебова-Судейкина О. А. 284
Гликберг А. М. см. Черный Саша
Глинка М. И. 51, 54, 57, 59, 62—68
Глиноецкий А. А. 213, 214
Глушков И. Ф. 313, 314
Гоген П. 274, 282
Гоголь Н. В. 24, 27, 48, 169, 170, 215, 303, 305, 319, 327, 328, 333, 334
Годин Я. В. 105
Голденков, слуга Новосильцова 200
Голенищев-Кутузов А. А. 21
Голлербах Е. 256
Голлербах (в 1-м браке Штейн) Е. В. 45, 46
Голлербах Э. Ф. 85, 104, 109
Головин А. Я. 279
Головнин А. В. 26
Голохвастов П. Д. 197—199
Гольцев В. А. 19
Гомер 171
Гончаров И. А. 28, 31, 50, 302, 320, 378
Гончарова Н. Н. см. Пушкина Н. Н.
Гораций (Квинт Гораций Флакк) 180, 183, 189, 211, 212, 217
Горбачев Г. Е. 107, 327, 328, 330, 331, 333, 334
Горбунов, учитель 147
Горбунов К. А. 15
Горнфельд А. Г. 30, 85, 104, 338
Городецкий С. М. 13, 82, 234
Горчаков А. М. 180, 184, 185
Горчакова М. А. 185
Горчинский П. А. 12, 44
Горшков Г. 388
Горький М. 19, 27, 84, 85, 89, 100, 123, 124, 131, 133, 135, 249, 263, 288, 330, 331, 390, 391, 402
Готвиль А. см. Баиов А. А.
Готовцова Феофания см. Феофания (Готовцова)
Гофман А. Е. 382, 383
Гофман А. Я. 133
Гофман В. Р. 43
Гофман К. А. 382
Гофман (урожд. Деген) М. В. 383
Гофман М. Л. 10—15, 37, 42—44, 48
Гофман (урожд. Никольская) О. Н. 11, 44
Гофман, семья 383
Гоцци К. 266, 275, 285
Грааль-Арельский (наст. имя и фам. С. С. Петров) 82
Грабарь И. Э. 344
Градовский В. Г. 19
Градовский Г. К. 19
Грамматикова Л. Ф. 26
Гранжар А. см. Granjard H.
Грачева А. М. 249, 252, 255, 262, 399
Грачов А. 223
Гребенка Е. П.19
Гребенщиков Г. Д. 250, 251, 262
Гребенщиков Я. П. 234, 262, 340
Грекова Е. А. 104, 117
Греч Н. И. 27
Гречишкин С. С. 260
Гржебин З. И. 220, 241, 247, 256, 259, 261, 263
Гржебина Е. З. 263
Грибоедов А. С. 178, 373, 402
Григоров Н. 78, 79
Григорович Д. В. 31, 187, 188
Григорьев А. А. 50, 51, 299, 300
Григорьев А. Д. 352, 360
Григорьева М. И. см. Гущик М. И.
Грим В. 175
Грим Я. 175
Гримм, братья 166, 167, 175, 177
Грин А. С. 85, 90
Грисбах Ф. 50
Гришунин А. Л. 331
Громов В. А. 153
Громова Т. В. 114
Гронский И. М. 124
Гросс В. Н. 277
Гросс П. О. см. Богданова-Бельская П. О.
Гросс Э. В. 277, 278
Грот К. К. 195, 196
Груздев И. А. 91, 135, 141, 264
Грузинов И. 80
Грушко Н. 264
Губе Р. М. 195, 196
Губер П. К. 85, 93, 96, 100, 117, 133
Гудзий Н. К. 294, 295
Гуковский Г. А. 118
Гуль Р. 255

Гумилев Л. Н. 92
Гумилев Н. С. 41, 73, 84, 85, 90—93, 133, 239, 297, 402
Гумилева А. Н. 92
Гунке И.(О. К.) 64, 65
Гунст Е. А. 267, 271, 280, 281, 285
Гуревич А. Я. 383
Гуревич Л. Я. 84, 85, 88, 100, 110, 131, 383
Гурко И. В. 192
Гуро Е. Г. 399, 400
Гусев, полковник 280
Гусева В. П. см. Судейкина В. П.
Гусева Л. 270
Гусин В. П. см. Полонский В. П.
Гусман Б. 78
Гуссаковский А. С. 53
Гутнов А. Е. 220
Гущик В. Е. 392—395
Гущик Е. В. 392
Гущик Л. К. 395
Гущик (урожд. Григорьева) М. И. 392
Гущик О. В. 395
Гущик Ю. В. 395
Гюго В. 174

Давыдов Д. В. 402
Даданов П. И. см. Узник П.
Даль (псевд. Казак Луганский) В. И. 21, 25, 31, 219, 402
Данзас Т. Б. см. Семечкина Т. Б.
Данзас Ю. Н. 85
Данилевский А. А. 246, 260
Данилевский А. С. 170
Данилова И. Ф. 246, 260
Данько Е. Я. 107
Дарвин Ч. 176
Даргомыжский А. С. 26, 51
Дашков А. Я. 26
Дашков Д. Я. 26, 28, 29
Дашков П. Я. 26, 27
Дашковы, братья 27
Двинятина Т. М. 382, 383
Дворникова Л. Я. 240
Дегаев С. П. 280
Деген Б. 383
Деген М. В. см. Гофман М. В.
Деген-Арабажина Н. В. 382, 383
Дедлов В. Л. см. Кигн В. Л.
Дейша В. А. (Вася) 274, 282
Дейша Е. Ф. 282
Дельвиг А. А. 6, 16, 21, 44, 51, 379
Делянов И. Д. 180, 182—185,189—192, 198, 204, 208, 211—215, 217
Дементьева-Майкова М. Д. см. Врангель М. Д.
Ден З. 67
Дениско 149
Депнер Ц. 161, 169
Державин Г. Р. 21, 22, 28
Державин Н. С. 319, 324, 325, 330, 331
Дерюжинская П. О. см. Богданова-Бельская П. О.
Десницкий (псевд. Строев) В. А. 330, 331
Дешкин Г. Ф. 73
Диоклетиан, римский император 349, 350, 353, 367
Дмитренко А. Л. 72
Дмитриев А. М. 140, 141
Дмитриева Н. Л. 399
Дмитриева Р. П. 399
Дмитрий Донской, древнерусский кн. 345
Дмитрий Ростовский, святитель 293
Добролюбов Н. А. 52
Добужинский М. В. 248, 258, 286
Долгоруков П. В. 179
Долгоруков П. Д. 390
Долгоруковы, семья 38
Долинин А. С. см. Искоз-Долинин А. С.
Долинина А. А. 109
Долинский М. З. 270
Донаньи 267
Донской Г. 328
Достоевская А. Г. 31, 32
Достоевский Ф. М. 16, 19, 20, 23, 27, 31, 32, 51, 102, 238, 304, 305, 310, 311, 313, 331, 381
Драмов-Петров Н. И. 11
Дрейфельд И. Э. 241
Дрентельн А. Р. 193, 195
Дрожжин С. Д. 19
Дроздков В. 75, 83
Дружинин А. В. 163, 167, 173, 174, 177, 178
Дубельт Л. В.165, 174
Дубов Е. Н. 331
Дубровский А. В. 50, 375
Дымшиц С. И. см. Толстая С. И.
Дьяконов А. П. 297, 314
Дьяконов М. А. 232, 234, 242, 249, 263
Дюкан Максим см. Du Camp Maxim
Дютш Г. О. 357, 360, 362, 367
Дягилев П. П. 24
Дягилев С. П. 24, 406
Дягилева Е. В. 24, 406

Евгеньев-Максимов (наст. фам. Максимов, псевд. В. Евгеньев) В. Е. 51, 117, 294, 295, 333, 334
Евлахов А. М. 311, 312
Егоров, муж Егоровой Е. И. 178
Егоров А. 395
Егоров А. И. 269
Егоров В. 77
Егоров И. В. 287, 288
Егорова (урожд. Руновская) Е. И. 169, 178
Екатерина II, императрица 50, 179, 292
Елачич Н. А. 25
Елизавета Алексеевна, императрица 43
Елизавета Петровна, императрица 179, 291

Елизавета Федоровна (урожд. принцесса Гессен-Дармштадтская), вел. кн. 199, 285
Елохина Т. И. 284
Ермолаев И. А. 71, 72
Ермолов А. П. 178
Есенин С. А. 76—78, 80, 82, 83, 108
Ефимов Н. И. 327, 328
Ефремова Ю. Д. 50
Ефрон И. А. 335, 337, 338

Жаров А. А. 326, 328
Жданов А. А.124
Жемчужников А. М. 20
Жиглевич Е. 118
Жирмунский В. М. 289, 290, 310, 311
Житков Б. С. 402
Жоффрьо М. Л. 8
Жуковский В. А. 16, 21, 22, 180
Журавлев А. А. 6
Журба (наст. фам. Скрыпников) П. Т. 141

Заболоцкий Н. А. 118
Заволокин П. Я. 69, 70, 75, 109
Зайончковская Н. Д. см. Крестовский В.
Зайцев Б. К. 89, 95
Зайцева Т. А. 54
Залевский В. 256
Замков Н. К. 338, 339
Замотин И. И. 304, 305
Замятин Е. И. 85, 86, 91, 93—95, 98—104, 107, 108, 112—118, 131, 263, 264, 297
Зарецкий Н. В. 220, 223, 242, 256, 259
Зарин Е. Ф. 163, 166, 173
Зарина Е. И. 117
Зародова Л. Д. 16, 50, 68
Засулич В. Н. 105
Захаров А. Н. 399, 401
Захаров С. 396
Захаров-Мэнский Н. Н. 73, 106
Званцев П. 72
Зеленин И. П. 375
Зеленина А. П. см. Леман Анна П.
Зеленины, семья 373, 375
Зелинский Ф. Ф. 84
Земенков Б. С. 396
Земка Тарасий см. Тарасий Земка
Зилоти А. И. 237, 238
Зинголь В. Е. 292, 293
Зиновьев Г. Е. 87
Зиновьева-Аннибал Л. Д. 400
Златовратский Н. Н. 329, 330
Знаменская А. С. 377
Знаменский М. С. 376, 377
Знаменский С. М. 377
Зноско-Боровский Е. А. 279, 284, 285
Зозуля Е. Д. 114
Золотарев С. А. 96
Золотилова Н. М. см. Гаршина Н. М.
Золотницкий А. В. 74, 75, 77, 83
Золотницкий В. 76
Золотницкий Д. 239
Зоммер А. К. см. Леман А. К.
Зоммер В. Р. 372, 373, 375
Зоммер Г. Р. 375
Зоммер (урожд. Больтон) М. В. 373, 375
Зоммер Р. К. 373, 375
Зонов А. П. 239
Зоргенфрей В. А. 85, 91, 264
Зотов В. Р. 27
Зощенко М. М. 91, 108, 120, 141, 264
Зряхов Н. И. 317

Ибсен Г. 266
Иванов Вс. В. 124, 264
Иванов Вяч. И. 13, 396, 400, 402
Иванов Г. В. 85, 86, 91, 93, 264, 297
Иванов Д. В. 399, 400
Иванова (урожд. Шварсалон) В. К. 400
Иванова Л. В. 400
Иванова Л. Н. 399
Иванова Т. Г. 2, 5, 49, 68, 319, 406
Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов) 118, 128, 218, 252, 288, 400, 401
Иваск Ю. 402
Ивнев Р. (наст. имя и фам. М. А.Ковалев) 80, 396
Игнатий (Брянчанинов), епископ 160, 167, 169, 177
Игнатьева-Родионова Е. А. 399
Изгоев А. С. 93
Измайлов А. А. 45, 255
Измайлов Н. В. 11, 12, 14—18, 35, 48, 49
Икарский Н. см. Архангельский Н. М.
Ильинский Г. А. 297, 306, 324
Ильинский Л. К. 8, 33, 36, 335
Иоанн Дамаскин, богослов 159, 167, 177
Иоанн Павел II, римский папа 400
Иогансон В. 71
Ионов (наст. фам. Бернштейн) И. И. 96, 107, 248, 249, 258
Иоффе И. И. 330, 331
Ирецкий В. Я. 85, 86, 88—90, 92—95, 98, 100, 101, 131, 133, 263, 264
Иродионова В. В. см. Чешихина В. В.
Исаков С. 395
Искоз-Долинин (псевд. Долинин) А. С. 297, 310, 311, 313, 330, 331
Истомин Ф. М. 351, 352, 357, 360, 362, 366, 367
Исцеленный Н. 256
Ишимова А. И. (О). 19
Йост (Йоост, Ост) А. И. 187, 189, 200—203, 205, 206, 210, 214

К. см. Снессорева С. И.

К. Р. см. Константин Константинович
К-ов В. 328
Кавелин К. Д. 51, 177

Каверин В. А. 91, 108, 117, 141, 264
Казак Луганский см. Даль В. И.
Казакова-Эндер М. 399
Казанович Е. П. 8—12, 14, 42, 43, 51, 52
Казин В. 396
Казнаков Н. Г. 195, 196
Кайдаров А. К. 84
Калита Е. П. см. Майкова Е. П.
Калкбреннер Ф. В. 162, 171
Калмансон Л. Г. см. Лелевич Г.
Калмыкова А. М. 84
Калнынь Я. А. 141
Каляев И. П. 260, 262, 263, 284
Каменев Л. Б. 103, 104
Каменский В. В. 71
Канашевич В. П. 280
Канкрин В. Е. 147, 155
Канкрин Е. Ф. 145
Канкрин О. Е. 155
Канкрина (урожд. Муравьева) Е. З. 145
Канкрина З. Е. см. Кейзерлинг З. Е.
Капица Ф. С. 307
Каплинский В. Я. 306
Каплун (псевд. С. Сумский) С. Г. 223, 232, 233, 259
Караман Шимэ см. Мерси Аржанто Л.
Карамзин Н. М. 21
Карамзинская М. А. 382
Кара-Мурза (псевд. С. Крымский) С. Г. 267
Каратыгин В. 51
Каратыгин П. А. 28
Каренин Влад. см. Комарова В. Д.
Каринский Н. М. 248, 249
Карл-Людвиг, эрцгерцог Австрийский 183
Каронин С. см. Петропавловский Н. Е.
Карпелес Г. 399
Карпов Е. П. 85, 86, 131, 302
Карский Е. Ф. 299, 300
Карцов Г. 25
Каспари А. А. 383
Каспер, управляющий А. А.Фета 205, 206
Кассек Д. 264
Катифоро А. 291
Катков М. Н. 170, 214, 215, 334
Кауфман А. Е. 85, 133, 252, 261, 264
Каханов М. С. 195, 196, 213
Кашкин Д. Е.162, 171
Кашпирев В. В. 177
Кашпирева С. С. 166, 177
Кваренги Д. 18
Кейзерлинг А. А. 153
Кейзерлинг (урожд. Канкрина) З. Е. 153
Келер И. П. 394
Керенский А. Ф. 390
Керженцев П. М. 248
Керн А. П. 31
Кигн (псевд. Дедлов) В. Л. 21
Кигн Е. А. 21
Кильдеев Д. 200
Кин В. П. 115
Киреевские 162, 170
Киреевский И. В. 169
Киреевский П. В. 353, 357, 358, 360—362, 364, 367
Кириенко-Волошин М. А. см. Волошин М. А.
Кириллов В. Т. 115
Кирпичников А. И. 364, 367
Киршон В. М. 124
Киселев А. А. 286
Кистер К. К. 58
Киш Г. 328
Кишкин Н. М. 7
Клейдер В. 177
Клейн Т. П. 86
Клейнман И. А. 133
Клемм В. О. 375
Климачева А. К. 284
Клюев Н. А. 118, 128
Книпович Е. Ф. 229, 255
Княжнин В. Н. 50—52
Князева Н. Г. 399
Кобак А. В. 174
Кобринский А. А. 69, 79
Ковалев М. А. см. Ивнев Р.
Ковалев П. И. 11
Ковалев С. И. 10—12
Ковалева Г. 263
Ковалевский М. М. 389
Коган Д. З. 267, 271, 280, 281, 284
Кожебаткин А. М. 267
Кожевников П. 255
Козаков М. Э. 85, 97, 112, 116, 120, 121, 124, 140, 141
Козакова-Эндер М. 401
Козин П. 71
Козлов А. И. 49
Козлов И. И. 49, 300
Козлов Ю. 398
Козловская (урожд. Лонгинова) А. М. 14, 42, 43
Козмин Н. К. 9—12
Кокошкин Ф. Ф. 390
Колачевская С. Ф. см. Краббе С. Ф.
Колбасьев С. А. 120
Колеров М. А. 255
Колесницкая И. М. 401
Коллинз У. 174
Кологривов В. А. 62
Колчак А. В. 22
Кольцов А. В. 48, 171
Комаров Н. Н. 12
Комарова (урожд. Стасова; псевд. Влад. Каренин) В. Д. 7, 10—13, 24, 30, 85, 133
Комарова Н. П. см. Хабиас Н.
Коммисаржевская А. И. 281
Коммисаржевская В. Ф. 24, 239, 260, 266, 267, 280, 282

Коммисаржевский Ф. Ф. 239, 266, 267
Кондратьев И. М. 383
Кондратьев М. Д. 399
Кондрашова Е. Н. 381
Кондрашова М. В. см. Волконская М. В.
Кондурушкин С. С. 84
Кони А. Ф. 16, 19, 23, 26
Кони Ф. А. 19, 166, 176
Коновницын, граф 181
Константин Константинович (псевд. К. Р.), вел. кн. 7, 18, 21, 23, 30, 49, 50, 159, 406
Константин Николаевич, вел. кн. 26, 185
Конычева Н. М. 267
Коплан Б. И. 9—12, 15—17
Коплан С. А. см. Шахматова-Коплан С. А.
Коринфский А. А. 85
Кормон Ф. 279
Корнилов Ф. П. 195, 196
Корнилов Б. П. 118, 120
Коробейников Т. 290, 291, 296, 298, 325
Коровин К. А. 266
Королев, издатель 174
Королевич Влад (псевд.; наст. имя и фам. В. В. Королев) 76—78
Короленко В. Г. 19, 23, 30, 51, 89, 106, 194
Корсун А. А. 21
Коссевич С. Ф. 373
Костенко К. Е. 283
Костенко О. Г. см. Чеховская О. Г.
Костомолоцкий И. А. 239
Костылев В. 249
Котельников А. Г. 241
Котляревская В. В. 21
Котляревский Н. А. 8—14, 17, 19, 21, 23, 27, 30, 33, 36, 37, 45, 316, 317
Котрелев Н. В. 267
Коц В. А. 403
Кошелев В. А. 209
Краббе А. К. см. Леман А. К.
Краббе В. К. 374
Краббе К. К. 372—374
Краббе Николай К. 374
Краббе Нина К. 374
Краббе (урожд. Колачевская) С. Ф. 372, 373
Краббе Ф. К. 374
Краббе Э. Д. 374
Краббе, семья 373
Краевский А. А. 21, 174
Крайский (наст. фам. Кузьмин) А. П. 116, 117
Крандиевская Н. В. см. Толстая Н. В.
Краснобородько Т. И. 14, 43
Краснов В. А. 294, 295
Краснов К. 168
Крейд В. 267
Кремлев А. Н. 84
Крестовский В. (псевд.; наст. фам. Хвощинская Н. Д.; в замуж. Зайончковская) 21
Кривич см. Анненский В. И.
Криничная Н. А. 349, 357, 359, 363, 367
Кристи М. П. 104
Кричинская (урожд. Успенская) М. Г. 297, 302
Кругликова Е. С. 282, 285
Круглый А. О. 172
Крузенштерны, семья 38
Крумбахер К. 364, 367
Крученых А. Е. 302
Крылов И. А. 16, 341
Крылова 281
Крылова Г. А. 50
Крымов Н. П. 267, 271
Крымский С. см. Кара-Мурза С. Г.
Крюкова А. М. 351, 360
Крючков Д. А. 133
Кубасов И. А. 8, 9, 11, 20, 27
Кублицкая-Пиоттух (урожд. Бекетова, в 1-м браке Блок) А. А. 270, 373
Кугель А. В. 381
Кузмин М. А. 73, 74, 85, 90, 108, 239, 264, 267—269, 271, 273—276, 278—281, 283—285
Кузнецов Д. 71
Кузнецов П. В. 267, 284
Кузнецова П. С. см. Стасова П. С.
Кузьмин А. П. см. Крайский А. П.
Кузьмина Л. И. 50
Кукольник Н. В. 26, 28, 51, 170, 402
Кукушкина Е. Д. 2
Кукушкина Т. А. 84, 86, 406
Кульбин Н. И. 278
Кунин И. 54
Куприн А. И. 20, 21, 30, 392, 393, 395
Купченко В. П. 282, 399
Курганович А. В. 172
Курочкин Н. С. 19, 20
Кусиков А. Б. 74—76, 80, 82, 264, 398
Кюи Ц. А. 20, 31, 54

Лабзин А. Ф. 22
Лавренев Б. А. 107, 140
Лавров А. В. 2, 218
Лавров П. А. 248, 249
Лавров П. Л. 390, 391
Лаврова Н. Н. 50
Лаврухин Д. И.140
Лаганский Е. М. 116, 117
Лажечников И. И. 175
Лазарев В. Н. 344
Ламберт Е. Е. 145—157
Ламберт И. К. 146, 153
Ламберт К. К. 152, 155
Ламберт Я. И. 147
Ланская А. П. см. Арапова А. П.
Ланская Н. Н. см. Пушкина Н. Н.

Лапин Б. 396
Ларионов М. Ф. 402
Лахузен Т. 98
Левашов В. В. 372
Левин Ю. Д. 399, 401
Левит Т. 396
Левитан И. И. 266
Левшин Платон см. Платон (Левшин)
Лейкин Н. А. 20
Лейкинд О. Л. 279
Лелевич (наст. имя и фам. Калмансон Л. Г.) Г. 326—328, 332
Леман (урожд. Краббе) А. К. 371—375
Леман (в 1-м браке Острогорская, во 2-м браке Зоммер) А. К. 372—375
Леман (в замуж. Зеленина) Анна П. 372—374
Леман Алексей П. 372—375
Леман Александр П. 372—375
Леман Арсений К. 374
Леман Вера П. 372—375
Леман Владимир П. 372—374
Леман Г. А. 400
Леман Е. П. 371
Леман К. М. 375
Леман К. П. 372—374
Леман (урожд. Бутенева) М. Н. 372—374
Леман М. П. 372, 374, 375
Леман Мария М. 371
Леман Михаил М. 371
Леман О. П. 372
Леман П. М. 371—375
Леман С. П. 372
Леманы, семья 373
Ленин В. И. 390
Леонов Л. М. 115, 124
Леонова Д. М. 67
Леонтьев (наст. фам. Щеглов) И. Л. 293
Лермонтов М. Ю. 26, 37, 46, 48, 50, 402
Лернер Н. О. 292, 294, 334, 338
Лесгафт П. Ф. 389
Лесков Н. С. 28
Лесман М. С. 402
Лесючевский Н. В. 121
Леткова (в замуж. Султанова) Е. П. 85, 133
Либединский Ю. Н. 116, 121, 122
Ливен Е. 77
Лидин В. Г. 103, 115
Лилиенкорн Д. 383
Лисовская М. Н. 42
Лисовская Э. Ф. 42
Лисовский Н. М. 42
Лист, торговец 209
Литвин Е. Ю. 6, 36
Лихачева Л. Д. 399
Лихтерман А. Я. 40
Лобакова И. А. 399
Лобач-Жученко М. А. см. Вовчок Марко
Лозина-Лозинский А. К. 24
Лозина-Лозинский К. С. 24
Лозинский Г. Л. 85
Лозинский М. Л. 92, 95
Ломоносов М. В. 47
Лонгинов М. Н. 14, 41— 43
Лонгинов Н. М. 42, 43
Лонгинова А. М. см. Козловская А. М.
Лопатин Г. А. 105
Лопе де Вега 171
Лопухин И. П. 343
Лопухина М. А. 50
Лопухина С. Н. см. Вревская С. Н.
Лорер Н. И. 371
Лосев А. В. 387
Лосев А. Ф. 71, 72
Лотарев И. В. см. Северянин И.
Лохвицкая М. А. 19
Луговой А. (наст. имя и фам. Тихонов А. А.) 19
Лукина В. А. 145, 181
Луначарский А. В. 107, 327, 328, 388, 392
Лундберг Е. Г. 224, 228
Лунц Л. Н. 91, 264
Лурье Я. С. 405
Лутохин Д. А. 391
Львов Л. И. 220, 223
Львов Н. А. 16
Львова Н. Г. 220, 223
Любимов Д. Н. 24
Любимов Ф. В. 378
Любимова М. Ю. 95, 96, 98
Любич-Романович В. И. 162,170
Любомиров П. Г. 306, 313, 314
Любощинский М. Н. 195, 196
Лядов А. К. 12
Ляпунов С. М. 25, 351, 352, 360, 362, 366, 367
Ляпунова А. С. 53, 54, 66
Лясковский А. И. 42
Ляхницкий Р. С. 253, 254

М. Я.Р. 241
Магденко Е. П. см. Смирнова Е. П.
Мазон А. А. 321, 322
Мазуркевич В. А. 85, 100
Майков А. Н. 6, 21, 23, 31, 51, 378, 402
Майков В. А. 7
Майков В. В. 249
Майков Валерьян В. 378—380
Майков Владимир В. 378
Майков В. Н. 378
Майков Л. Н. 49, 378, 379,
Майков Н. А. 378, 379
Майкова А. А. 49
Майкова Е. В. 378
Майкова (урожд. Калита) Е. П. 378
Майкова М. П. 379, 380
Майковы, семья 378
Макарова Е. М. 331
Макеев Н. 91

Маковский Д. П. 297
Маковский С. К. 264
Максименков Л. 124
Максимилиан, герцог Лейхтенбергский 175
Максимов Д. Е. 295
Максимова Е. 98
Малахов С. А. 402
Малаховский В. А. 320
Малеин А. И. 296, 297, 300, 336, 342, 343
Малышкин А. Г. 117
Мамонтов С. И. 275, 284
Манасеин Н. А. 215
Мандельштам И. Б. 93
Мандельштам О. Э. 91
Мансуров Б. П. 196
Мансуров Н. П. 196
Мансурова Н. П. см. Новосильцова Н. П.
Мансуровы, братья 195, 196
Мануйлов В. А. 400
Маривэ К. см. Волконская М. В.
Мариенгоф А. Б. 75, 80, 82
Мария Александровна, вел. кн., герцогиня Эдинбургская 181
Мария-Терезия, эрцгерцогиня Австрийская 182, 183
Маркевич Б. М. 20
Маркиш С. П. 300
Марков А. В. 347, 351, 352, 355, 359, 360
Марков А. Ф. 27
Маркович М. А. см. Вовчок Марко
Маркс А. Ф. 26, 177
Маркс Л. Ф. 26
Маркус М. А. 59, 62
Марлинский А. см. Бестужев-Марлинский А. А.
Марр Н. Я. 140
Мартынов 140
Мартынов Л. С. 78
Мартынов И. Ф. 86
Мартынова А. Н. 344, 399
Марченко Т. В. 14
Масальский К. П. 162, 171
Масютин В. Н. 221
Маторина Р. 313, 315
Матюшин М. В. 401
Маурер Л. 56, 57, 60
Мацулевич Л. А. 47, 48
Машбиц (псевд. И. Веров) И. М. 332
Машкова М. В. 295, 335
Маяковский В. В. 75, 326—328, 397
Мгебров А. А. 267, 269—271, 280—282
Медведев П. Н. 97, 104, 107, 112, 116—118, 120, 125
Мезенцова Н. С. см. Шепелева Н. С.
Мей Л. А. 6
Мейербер Д. 153
Мейерхольд В. Э. 266—269, 279, 280
Меймре А. 254
Мелеагр 171
Мельников (псевд. А. Печерский) П. И. 28
Менде В. А. 383
Менде, семья 383
Мёних 210
Мережковский Д. С. 20, 30, 84, 287, 400
Меркулов П. А. 195, 197
Мерси-Аржанто (урожд. Караман Шимэ) Л. 20
Метерлинк М. 266, 279
Метлин Н. Ф. 195, 196
Мещерский Б. А. 278
Мещерский В. П. 193, 194, 196
Мещерские, семья 38
Микешин М. О. 21
Миклухо-Маклай Н. Н. 20
Милашевский В. А. 255, 262, 265
Милиоти Н. Д. 267
Миллер В. Ф. 290
Миллер О. Ф. 31, 333
Миллер С. В. 275, 285
Миллер Т. 176
Милюков П. Н. 84
Милютин Д. А. 197
Милютин Н. А. 26
Милютина Е. А. 11, 12
Минаев Д. Д. 339
Минаев Д. И. 339
Минаевы, семья 338
Минский Н. М. 402
Минц З. Г. 267, 270
Миролюбов В. С. 85, 109, 391
Мисникевич Т. В. 391
Митроцкий М. В. 11
Михаил Александрович, вел. кн. 393
Михаил Николаевич, вел. кн. 178
Михайлов Н. Н. 40
Михайлова А. К. 52
Михайлова А. М. 403
Михайлова Л. М. 403
Михайлова М. М. 403
Михайловская Н. Д. 92
Михайловский Д. Л. 92
Михайловский Н. К. 314, 333
Михайловский Н. М. 30
Михайловы, семья 403
Михеева Г. В. 33, 287, 300, 342
Михневич В. О. 28, 105
Могилянский М. М. 267
Модзалевская В. Н. 9—12, 44
Модзалевский Б. Л. 5, 6, 8—16, 18—20, 22—23, 26, 27, 29, 32, 33, 35—38, 43—46, 48, 50—52, 292, 293, 302, 316, 317, 330
Модзалевский К. Н. 23
Модзалевский Л. Б. 331
Мок-Бикер Э. 284
Мольер Ж. Б. 266
Моравский Е. 71
Морковин В. 242
Морозов Н. А. 388

Морозов П. О. 29, 30, 302
Морозов Ю. П. 30
Морозова А. Ю. 30
Мосх 171
Мочалов П. С. 338, 339
Мудров М. Я. 22
Муйжель В. В. 264
Муравьев А. З. 146
Муравьева Е. А. 95
Муравьева Е. З. см. Канкрина Е. З.
Муравьев-Апостол М. И. 376
Муратов П. П. 275, 285
Муратова И. Б. 399
Муромский В. П. 84
Мусатова Е. Э. см. Борисова-Мусатова Е. Э.
Мухин В. 388
Мышицкая, игуменья 164
Мякотин В. А. 84, 93
Мякотина В. А. 105

Надеждин Н. И. 22
Надсон С. Я. 70
Назарбек (Назарбекова) Е. А. 269, 271
Назаренко Я. А. 310, 311
Назарова Л. Н. 399
Наместников Ю. 328
Наппельбаум И. М. 82
Наппельбаум М. С. 80
Направник Э. Ф. 24, 31
Населенко Е. П. 9—12
Наумов О. 99
Невежин П. М. 41
Неверов (наст. фам. Скобелев) А. С. 288, 316
Неверов Я. М. 19
Незлобин К. Н. 266, 285
Некрасов Н. А. 6, 7, 13, 16, 24, 31, 51, 52, 169, 294, 295, 401
Нелединский Вл. см. Гиппиус Вл. В.
Нельдихен (Нельдихен-Ауслендер) С. Е. 82, 91, 264, 398
Немирович-Данченко Вас. И. 85, 100, 224, 261, 264
Нестеров М. В. 21
Нечаев А. 188
Нечаева (урожд. Вяземская) З. Н. 186, 188, 190, 209
Нечаевы, семья 214
Никитенко А. В. 31, 174
Никитин И. 140, 141
Никитин И. С.171, 336
Никитин Н. Н. 121, 140, 141, 258, 261, 264
Никитина Е. Ф. 324, 325
Никифоров Н. Н. 7—9
Николаев А. С. 295
Николаевский Б. И. 224, 231
Николай Чудотворец, архиепископ Мирликийский 292, 293
Николай I, император 67, 174
Николай II, император 295
Николай Александрович, вел. кн. 163, 172, 175, 188
Николай, епископ Пинарский 293
Никольская О. Н. см. Гофман О. Н.
Никольский Б. В. 38, 39
Никольский Н. К. 19, 299, 300, 335, 336, 341—343
Нистрем К. М. 62, 63
Новиков И. А. 89
Новиков Н. И. 28
Новосилец Ю. 179
Новосильцов И. П. 179—217
Новосильцов Н. П. 179, 180
Новосильцов П. И. 179
Новосильцов П. П. 179, 180, 207
Новосильцова Е. А. см. Торсукова Е. А.
Новосильцова Е. П. см. Вяземская Е. П.
Новосильцова (урожд. Мансурова) Н. П. 179, 196
Новосильцова С. П. см. Шангран С. П.
Новосильцовы, семья 179
Нодье Ш. 150, 153
Носов А. А. 12
Носова А. Г. 6, 68, 266, 269, 272, 278, 282, 388, 395

О. А.Н. 81
Обатнина Е. Р. 218, 221—223, 228, 249, 259, 264, 265, 377, 406
Обермиллер (Обермюллер) А. Л. 203, 204, 213
Оболенская Н. П. см. Хабиас Н.
Оболенский В. В. см. Осинский Н.
Обручев Н. Н. 195, 197
Овчаренко Я. П. см. Приблудный И.
Одоевский А. И. 51
Одоевский В. Ф. 20, 21, 28, 31, 290
Одоевцева (наст. имя и фам. Гейнеке И. Г.) И. В. 133, 264
Ознобишин Д. П. 22
Оксенов И. А.117
Оксман Ю. Г. 288, 295, 302, 303, 309, 316
Оленин А. А. 26
Олимпов К. К. см. Фофанов К. К.
Ольга Константиновна, вел. кн., королева греческая 185, 192, 194, 198, 203
Ольденбург С. Ф. 27, 36, 46, 47, 49, 96
Ольхин М. Д. 173
Ольшанская Е. М. 399
Онегин (Отто) А. Ф. 14, 16, 52, 402
Ончуков Н. Е. 351, 352, 357, 360, 362, 365, 367
Орг А. Г. 232
Орлеанский Н. М. 11, 12
Орский см. Воинов Я. В.
Осинский Н. (наст. фам. Оболенский В. В.) 109
Осипов С. Я. 218—260

Осипова А. В. 219, 222, 226, 231, 235—239, 240, 242—247, 251, 253—259, 263
Осиповы, семья 40
Оскольская М. А. 399
Осоргин М. А. 87, 98, 100
Ост см. Йост А. И.
Остен-Сакен Н. П. 211
Остен-Сакен П. Н. 210, 211
Островский А. Н. 28, 35, 300, 302
Острогорская Александра К. см. Леман А. К.
Острогорская Анна К. 375
Острогорская Е. А. 373
Острогорский А. Я. 372, 374
Острогорский Г. К. 375
Острогорский К. А. 373, 374
Острогорские-Зоммеры, семья 373
Отроковский В. М. 299, 300
Отто Н. 351, 359, 360, 363, 366
Охотин Н. Г. 382
Оцуп Н. А. 264

Павел I, император 50, 179
Павленков Ф. Ф. 314
Павликова Е. А. 158, 160
Павлова М. М. 26, 225
Павлович Н. А. 264
Павловский А. И. 111
Пальмов И. С. 19
Панин А. Н. 330
Панферов Ф. И. 124
Панфилова Н. 267
Панченко А. М. 405
Парнис А. Е. 267, 277, 283
Пархоменко И. К. 106, 125
Пасекова В. Н. 399
Паскевич И. Ф. 372
Пассано Е. М. 34
Пассек Т. П. 20
Пастернак Б. Л. 117
Пастернак Л. О. 21
Пейль В. А. 393
Пендорф В. 64
Пергамент М. Я. 96
Переверзев В. Ф. 330, 331
Перетц В. Н. 295, 299, 324
Перетц Е. А. 194, 196
Перетц Л. Н. 12, 48
Перцов В. О. 397
Пестель П. И. 371
Пестовский В. А. см. Пяст В. А.
Петр I, император 290, 291, 347
Петрицкий В. А. 335
Петрищев А. Б. 96
Петров А. 379
Петров А. А. 7
Петров Д. К. 302
Петров С. С. см. Грааль-Арельский
Петрова Т. 71
Петровская И. Ф. 279
Петровский М. А. 328
Петропавловский (псевд. С. Каронин) Н. Е. 288, 329, 330
Печаткин В. П. 173
Печерский А. см. Мельников П. И.
Пешехонов А. В. 84, 340
Пешехонова А. В. 340
Пешкова-Толиверова А. Н. 20, 21
Пешковский А. М. 328
Пиксанов Н. К. 313, 315, 324, 325, 330, 331
Пильняк (наст. фам. Ва(о)гау) Б. А. 112—117, 261, 264
Пильский П. М. 253, 254
Пиндар 379
Пинес Б. 401
Пинкевич А. П. 288
Пиотровский Б. Б. 47
Пиотровский Н. Г. 32
Пирогов Н. И. 160, 161, 163, 172, 174, 204
Писарев Д. И. 16, 176
Писарев М. И. 24
Писарев С. И. 290—292
Писемский А. Ф. 28, 31, 173
Платон (Левшин), митрополит 50
Платонов С. Ф. 11
Платонов С. Ф., академик 25, 30, 295—297, 317
Платонов Степан Ф. 195, 196
Плетнев П. А. 40, 175
Плетнева А. К. 50
Плюшар А. А. 162, 165, 170, 173
Победоносцев К. П. 183, 184
Подольская И. И. 382
Познанский В. В. 340—342
Познанский Н. Ф. 306
Познер В. С. 264
Познер С. В. 93
Позняков С. С. 272—274, 277, 278, 282, 283
Покровская Е. Б. 10—12
Полевой Н. А. 162, 170
Полевой П. Н. 382
Полетаев Н. 396
Поливанов А. Ю. 171
Поливанов Н. И. 48
Половцов А. А. 197, 199, 214
Полонская Е. Г. 141, 264
Полонская Ж. А. 25
Полонский Б. Я. 25
Полонский (наст. фам. Гусин) В. П. 327, 328
Полонский Я. П. 6, 16, 19—21, 25, 26, 70, 401
Полоцкий С. А. 74, 76—80, 83
Полторацкий П. М. 26
Поляков А. С. 19, 33, 36, 40, 42, 300, 302, 335—343
Полякова Г. Г. 379, 380
Попов А. А. 161, 169, 170, 175
Постников С. П. 239, 263

Потанин Г. Н. 388
Потебня А. А. 454
Потемкин П. П. 267, 272, 276, 277
Приблудный И. (псевд.; наст. имя и фам. Овчаренко Я. П.) 82
Прилежаева-Барская Б. М. 268, 277, 278
Прозорова Н. А. 15, 17, 18, 36, 68, 344, 346, 399
Прокофьев А. А. 122, 140, 141
Пронин Б. К. 269, 283
Пропп В. Я. 344—367
Прощин Ф. П. 8, 11
Пумпянский Л. В. 112
Пунин Н. Н. 267
Путилова Е. О. 399
Путткаммер, министр внутренних дел Германии 199
Пухальская Ю. А. 50
Пушкарева З. В. 12
Пушкин А. С. 7, 13—16, 18, 19, 21, 24, 27, 29, 32, 35, 36, 38, 39, 47, 49— 52, 70, 75, 97, 105, 147, 150, 152, 153, 175, 238, 287, 293—295, 302, 305, 319, 326, 328, 330, 333, 334, 337, 339, 341, 372, 401, 402
Пушкин С. Л. 40
Пушкина (урожд. Гончарова, во 2-м браке Ланская) Н. Н. 22
Пыпин А. Н. 21, 26
Пыпин Н. А. 26
Пырьев И. П. 398
Пэдди-Кабецкая П. О. см. Богданова-Бельская П. О.
Пэтэк К. 74
Пяст (наст. фам. Пестовский) В. А. 90, 91, 264, 268, 269, 271
Пятс К. Я. 394

Рабинович С. 225
Радлова А. Д. 264
Радищев А. Н. 6, 16, 28, 313
Раевская-Хьюз О. 224, 231
Разумовская (урожд. Арасимович) Л. В. 322, 323
Райнов Т. И. 391
Раковский Л. И. 113, 116
Раль А. А. см. Сенковская А. А.
Раль Ф. 55, 56
Рамазан 282
Растаргуев П. А. 71
Ратке М. Г. 254
Рафаил М. А. 140
Рачинский А. А. 252
Рашковский Н. Я. 116
Редько А. М. 84, 100, 133
Резникова Н. В. 230, 246
Резниковы, семья 252
Рейли М. В. 399
Рейнбот П. Е. 12, 36
Рейтблат А. И. 317
Рейтцин 399
Ремизов А. М. 13, 90, 106, 218—265, 270, 340
Ремизова-Довгелло (псевд. Скоропадский В. Н.) С. П. 141, 219, 225, 228, 230—238, 240, 242—247, 249—252, 254—259, 262, 263
Ремизовы, семья 226, 228, 232
Репин И. Е. 19—21
Рерих К. Н. 259
Рерих Н. К. 260, 393
Реслер В. 400
Решетников Ф. М. 51, 330
Рид М. 175
Римский-Корсаков Н. А. 12, 31, 54, 66, 67
Ричиотти В. (псевд.; наст. имя и фам. Турутович Л. И.) 77—80, 82, 83
Роберти Е. В. 389
Рогинский Л. 78
Родов С. А. 111
Родюкова М. В. 68, 339
Рождественский В. А. 85, 93, 107, 120, 264
Рождественский Н. Н. 108
Рожков Н. А. 93
Розанов А. С. 278
Розанов В. В. 20, 106
Розе А. Ф. см. Ангелина, монахиня
Розен 19
Розенбах Н. О. 195, 197
Розенберг В. А. 315
Розинер А. Е. 96
Ройзман М. 79, 80
Роллан Р. 81, 82
Романов Е. Р. 347, 348, 352, 357, 359, 361, 362, 367
Романович В. см. Любич-Романович В. И.
Романовы, династия 389
Россини Д. 152
Рубакин Н. А. 328
Рубец К. В. 10,11
Рубинштейн А. Г. 42
Рубинштейн Н. Г. 54
Рунич Д. П. 28
Руновская А. И. 169
Руновская Е. И., мать С. И. Снессоревой 168
Руновская Е. И., сестра С. И.Снессоревой см. Егорова Е. И
Руновская М. И. 169
Руновская С. И. см. Снессорева С. И.
Руновский Александр И. 169
Руновский (псевд. Слесарев А. И.) Аполлон И. 168, 169, 178
Руновский И. Н. 168
Руновский К. И. 169
Руновский М. И. 169
Руновский Н. И. 169
Руновские, семья 160
Руппиус (Рупиус) О. 166, 174

Руссо Ж. Ж. 39
Рылеев К. Ф. 13, 402
Рысс П. Я. 84
Рыстенко А. В. 364, 367
Рышков Вл. А. 47, 48
Рязановский И. А. 227

С. О. см. Осипов С. Я.
Сабашников М. В. 311, 312
Сабашникова М. В. 229, 274, 281, 282
Савельев Н. С. 28
Савельев П. 173
Савина М. Г. 19, 24
Савицкий П. Н. 393
Савич С. Е. 128
Савченко Т. 80
Садовская Е. Я. см. Ге Е. Я.
Садовский (Садовской) Б. А. 72, 270
Садофьев И. И. 107, 113, 116
Сажин В. Н. 43, 94, 95
Саитов Б. В. 9, 10
Саитов В. И. 42
Саксон О. Ф. 399, 403
Сакулин П. Н. 292, 293, 312, 316, 330, 331
Салиас Е. А. 21
Салтыков-Щедрин М. Е. 28, 32, 34, 48, 169, 198, 311, 312, 315, 317, 319, 324, 327, 329—332
Сальников А. Н. 382
Санд Ж. 12, 13, 174
Сандо Ж. (Ю.) 172
Санников Г. 396
Сапунов К. Н. 269
Сапунов Н. Н. 266—286
Сарычев Г. А. 343
Сарычева А. В. 343
Сарьян М. С. 239
Сахаров С. И. 400
Саянов В. М. 116, 117, 122, 141, 402
Свербеев А. Д, 145
Свирин Н. Г. 121, 140, 141
Северюхин Д. Я. 279
Северянин И. (наст. фам. Лотарев И. В.) 70, 395, 402
Седенко (псевд. П. Витязев) Ф. И. 390
Сейфуллина Л. Н. 107
Селиванов А. В. 390
Селивановский А. П. 122
Семевская А. М. 34
Семевский М. И. 34
Семенников В. П. 11, 36, 40, 290, 291
Семенов Е. И. 6, 8, 18, 23, 36
Семенов Н. П. 193, 194
Семенов С. А. 116
Семенов Т. Н. 359
Семенов-Тян-Шанский П. П. 194
Семечкина (урожд. Данзас) Т. Б. 23
Сенковская (урожд. Раль) А. А. 163, 164, 166, 173
Сенковский (псевд. барон Брамбеус) О. И. 28, 160, 163—165, 173, 174
Сент-Джон П. 175
Сервантес М. 171
Сергеев А. 267
Сергей Александрович, вел. кн. 198, 199, 203, 275, 284, 285
Серебряков М. В. 319
Серман И. З. 405
Серов А. Н. 51
Сидоров-Окский Г. 396
Сизов В. С. 286
Сизов П. В. 276, 286
Сизова Е. Д. 286
Симов В. А. 266
Синегуб Александра С. 385
Синегуб Анатолий С. 385
Синегуб В. С. 385
Синегуб И. Е. 385
Синегуб (урожд. Чемоданова) Л. В. 384
Синегуб Л. С. 385
Синегуб Н. А. 387
Синегуб Н. Е. 385
Синегуб Н. С. 385
Синегуб С. В. 387
Синегуб С. Сергеевич 385
Синегуб С. Силович 384, 385, 387, 388
Синегуб-Будаков Е. С. 384—388
Синегубы, семья 384, 385
Синеокова Л. 71
Синьорелли М. 400
Сиповский В. В. 302
Скатов Н. Н. 2
Скафтымов А. П. 297, 304—306, 308, 309, 311, 313— 315, 317, 319, 323, 329
Сквирская Т. З. 68
Скворцова Н. В. 399
Скобелев А. С. см. Неверов А. С.
Скобелев М. Д. 392
Скоринко И. В. 140, 141
Скоропадский В. Н. см. Ремизова-Довгелло С. П.
Скребицкий А. И. 51
Скрыпников П. Т. см. Журба П. Т.
Слезкин Ю. Л. 93
Слепнев Н. В. 118, 122
Слесарев А. И. см. Руновский Аполлон И.
Словохотов Л. А. 307, 308
Слонимский М. Л. 85, 116, 120, 121, 124, 140, 141, 264
Случевский К. К. 125
Смирдин А. Ф. 173
Смиренский А. А. 92
Смиренский В. В. 82, 106, 107, 265
Смирнов 141
Смирнов А. А. 274, 277, 282, 283
Смирнов И. 121
Смирнов М. 231
Смирнова (урожд. Магденко) Е. П. 282

Смирнова О. Г. см. Чеховская О. Г.
Смирновы, семья 277
Снессорев (Снесарев) А. В. 170, 171
Снессорев Н. А. 171, 172
Снессорева (урожд. Руновская) С. И. 158—178
Снессорева М. И. 177
Снесаревы (Снессоревы), семья 170
Соболев Л. С. 141
Соболевский А. И. 249, 324, 325, 327
Соболевский С. А. 43
Соболь А. (наст. имя Юлий Михайлович) 99, 100, 102
Соколов Б. М. 297, 304, 305, 345, 346
Соколов В. В. 396
Соколов И. В. 396—398
Соколова А. В. 396
Соколова Т. И. 398
Соколов-Микитов И. С. 221, 230, 231, 233, 234, 262, 263, 265
Соколовский А. К. 261, 263
Соколовский К. М. 263
Соллогуб В. А. 31
Соловьев В. Н. 267
Соловьев В. С. 30, 45
Соловьевы, семья 261
Сологуб Ф. (наст. фам. и имя Тетерников Ф. К.) 26, 45, 84, 85, 90, 96, 104, 106—108, 112, 125, 133, 252, 264
Соломон, иудейский царь 151, 153
Солунина Н. И. 399, 401
Сомина И. 279
Сомов К. А. 267
Сорокин А. П. 389
Сорокин Г. Э. 116
Сорокин П. А. 389—391
Сорокина П. В. 389
Спасский С. Д. 82, 396
Спегальская Н. А. 395
Сперанский В. Н. 391
Сперанский М. Н. 349, 353, 359, 360, 365, 366
Спиридонов В. С. 299, 300, 308, 311, 314, 315, 322, 324, 325, 330, 332
Срезневская Л. И. 380
Срезневский В. И. 379
Ставский В. П. 124
Сталин И. В. 99, 123, 124
Станиславский К. С. 279
Станкевич Н. В. 160, 161, 169, 170, 293
Станкевич (урожд. Вульферт) Н. В. 161
Старицкий Е. П. 195, 196
Старк Э. А. 270
Старков А. Н. 116
Стародворский Н. П. 280
Старчевский А. В. 27, 163, 173, 177
Стасов В. В. 12, 13, 16, 23, 53, 54, 57, 65, 66, 157, 174
Стасов В. П. 23
Стасов Д. В. 23, 63, 65—67
Стасова (урожд. Кузнецова) П. С. 23
Стасова В. Д. см. Комарова В. Д.
Стасова Е. Д. 13, 24, 87
Стасова Н. В. 157
Стасовы, семья 24
Стасюлевич М. М. 187, 188, 218, 219, 229
Стафф И. К. 176
Стеклов В. А. 47
Стенник Ю. В. 291
Степанов В. П. 47, 291
Степанов Н. А. 51
Степной Н. см. Афиногенов А. Н.
Стравинская А. К. 31
Стравинский Ф. И. 31
Стрепетова П. А. 19
Строганов П. С. 204, 205
Строганов С. Г. 186, 187
Строганов С. Н. 188
Строганова Н. П. 188
Строгановы, семья 188, 200
Строев В. А. см. Десницкий В. А.
Струве Г. В. 255
Судейкин Г. П. 280
Судейкин Л. Г. 280
Судейкин С. Ю. (Г.) 267, 273, 278—280, 284
Судейкина (урожд. Гусева) В. П. 280
Судейкина С. Г. 280, 283, 284
Судейкины, семья 274, 284
Султанова Е. П. см. Леткова Е. П.
Сумский С. см. Каплун С. Г.
Суриков И. З. 21
Суринова М. Н. 284
Сухово-Кобылин А. В. 21
Сухотина-Толстая Т. Л. 400
Сушицкий В. А. 305
Сюннерберг (псевд. Конст. Эрберг) К. А. 73, 391

Таганцев В. Н. 41
Тагер Е. М. 116, 120
Таиров А. Я. 397
Танеев С. А. 195, 196
Тарабрин И. М. 47
Тарасенко И. Н. 330
Тарасий Земка 299, 300
Тарентани М. И. 166
Теккерей У. 174
Темме Й. 166, 175
Тепляков В. Г. 22
Терехина В. Н. 397
Терещенко Е. И. 230, 238
Терещенко Е. М. 237, 238
Терещенко М. И. 218, 219, 230, 233, 234, 237, 238
Терещенко П. И. 230, 238
Терпигорев (псевд. Атава) С. Н. 28
Тетерников Ф. К. см. Сологуб Ф.
Тимашева-Беринг М. А. 207
Тиме Е. М. 108

Тименчик Р. Д. 267, 277, 278, 283, 287
Тимирязев И. С. 171
Тимирязева С. Ф. 162, 171
Тимирязевы, семья 171
Тимофеев А. Г. 74, 285
Тихвинская Л. 279
Тихонов А. А. см. Луговой А.
Тихонов А. А., служащий Пушкинского Дома 11
Тихонов А. Н. 85, 93, 95, 96, 103, 104, 110, 133
Тихонов Н. С. 82, 85, 108, 116, 120, 124, 140, 141, 264
Толлер Э. 81, 82
Толстая М. Н. 151, 153, 154
Толстая (урожд. Крандиевская) Н. В. 282
Толстая С. А. 19
Толстая (урожд. Дымшиц) С. И. 285
Толстой А. К. 27
Толстой А. Н. 20, 107, 108, 120, 274, 282, 285
Толстой В. П. 153
Толстой Д. И. 230
Толстой Л. Л. 39, 40
Толстой Л. Н. 13, 16, 19, 21, 23, 27, 39, 48, 102, 153, 184, 215, 300, 323, 376, 391, 402, 405
Толстые, семья А. Н.Толстого 275, 282
Толстые, семья Л. Н.Толстого 153
Толчаин В. 54, 63
Томашевский Б. В. 12, 15, 35, 297, 322
Торсуков А. А. 179
Торсукова (в замуж. Новосильцова) Е. А. 179
Траншель А. 177
Трахтенберг В. А. 84
Тренин В. 74, 76, 83
Трифонов Н. А. 332
Троицкий В. П. 70
Троллоп Э. (А). 166, 176
Трофимов С. Н. 7—9, 11, 47
Тугендхольд Я. А. 267, 279, 281, 285
Тукалевский В. Н. 232, 241, 246, 249
Тургенев А. И. 336
Тургенев И. П. 336
Тургенев И. С. 15, 16, 19, 21, 23, 24, 26—28, 48, 50, 145—157, 169, 185—188, 297, 321, 322
Тургенев Н. И. 336
Тургенев Н. Н. 154
Тургенев С. И. 336
Тургенева П. см. Брюэр П.
Тургеневы, братья 336
Турова Е. 258
Турутович Л. И. см. Ричиотти В.
Туфанов А. В. 82, 116
Тынянов Ю. Н. 109, 120
Тьер Л. А. 191
Тэн И. А. 166, 176
Тюрин А. Н. 118
Тютчев Н. С. 105
Тютчев Ф. И. 21, 24, 50, 75, 193, 212, 213

Узник П. (псевд.; наст. имя и фам. П. И. Даданов) 71
Уксусов И. И. 141
Унковский В. Н. 242
Урицкий М. С. 87
Урюпинский Г. И. 84
Успенская М. Г. см. Кричинская М. Г.
Успенский Б. Г. 302
Успенский Г. И. 19, 20, 51, 288, 297, 298, 301, 304—308, 310, 313—319, 321, 323—328
Устимович П. М. 12, 48
Устинов А. 94, 95
Уткин И. П. 326, 328
Ухтомская М. В. 25
Ухтомский Э. Э. 24, 25
Ушинская Н. К. 31
Ушинский К. Д. 31

Ф., протоиерей 285
Ф. Ф. 337, 338
Фадеев А. А. 115, 116, 124
Файман Г. С. 98
Фасмер М. 322, 324
Фатов Н. Н. 316
Федин К. А. 85, 97, 104, 107—109, 112, 116, 117, 124, 134, 135, 140, 222, 234, 248—250, 258, 263, 264
Федина Н. К. 116
Федор Иоаннович, царь 347
Федоров П. К. 161, 169, 170
Федорова И. В. 181
Федосеева В. А. 399
Федотова Г. Н. 19
Фельдман О. 267
Фелье О. 176, 177
Фелькель Ю. К. 180, 198, 199
Феоктистов Е. М. 23, 214, 215
Феоктистова С. А. 23
Феофания (Готовцова), игуменья 159, 167, 177
Феофилактов Н. П. 267, 274, 283
Ферреро Д. (И. И.) 58, 64, 65
Фет (Шеншин) А. А. 21, 24, 44, 45, 179—181, 183—194, 199, 201, 203—205, 207—217, 300
Фет М. П. см. Шеншина М. П.
Фет Н. А. см. Борисова Н. А.
Фигнер В. Н. 105
Филиппов (наст. фам. Филистинский) Б. А. 118, 400
Филиппов, хозяин кофейни 262
Филистинский Б. А. см. Филиппов Б. А.
Филонов П. Н. 105
Философов Д. В. 24, 84
Финдейзен Н. Ф. 54, 63, 65, 278

Флейшман Л. 114, 224, 231
Флексер А. Л. см. Волынский А. Л.
Фогт (Фойгт) И. В. Ю. 50
Фомин А. А. 336
Фомин А. Г. 33, 288, 299, 300, 308, 311, 314—316, 324, 325, 330, 335, 336, 338—342
Фомина А. А. 340
Фонякова Н. Н. 37
Форш О. Д. 116, 120, 141, 264
Фофанов К. М. 19, 82, 92, 106, 124, 125
Фофанов (псевд. Олимпов) К. К. 128
Фофанова А. К. 92
Франц-Иосиф, император австрийский 183
Фрезинский Б. 264
Френкель И. 401
Фридлендер Г. М. 305, 319
Фриш Э. В. 195, 196
Фролов А. А. 262, 265
Фролова Е. В. 53
Фроман М. А. 104, 116
Фукс Б. К. 313, 314

Хабалов С. С. 295
Хабиас Н. (псевд.; наст. имя и фам. Н. П. Комарова; в замуж. Оболенская) 82
Халабаев К. И. 48
Халаджиева Г. Н. 239
Харитон Б. И. (О). 133
Хармс (наст. фам. Ювачев) Д. И. 79, 118
Хвощинская Н. Д. см. Крестовский В.
Хитрово Е. М. 15
Хитрово Л. К. 50, 398
Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович) 403
Хлебников Л. М. 263
Хмельницкий С. И. 403
Ходасевич В. Ф. 100, 220, 240, 264, 297, 396, 402
Ходотов Н. Н. 108
Холодилин Н. Н. 39
Холодов Р. М. 239
Хохлова Н. А. 37, 88
Хохрякова Т. Н. 10
Хьюз Р. 224, 231
Хюгель А. М. см. Верещагина А. М.

Царькова Т. С. 2, 399
Цыбульский Н. К. 278

Чавчавадзе Н. А. 373
Чайковский М. И. 31
Чайковский П. И. 12, 31
Чаплин Ч. 397
Чапыгин А. П. 105, 107, 116
Чеботаревская Александра Н. 84
Чеботаревская Анастасия Н. 84
Чеботаревская О. Н. см. Черносвитова О. Н.
Чеботаревская Т. Н. 26
Чебышева М. Л. 9
Чемена О. М. 378
Чемоданова Л. В. см. Синегуб Л. В.
Черейский Л. А. 372
Черемисинов Г. А. 214
Черкасская-Палечек М. Б. 24
Черненко А. И. 140
Чернов Л. 78, 80
Чернов С. Н. 308, 309, 327, 329
Чернова М. А. 309
Черноков М. В.141
Черносвитова (урожд. Чеботаревская) О. Н. 26
Черный Саша (наст. фам. Гликберг А. М.) 276
Чернышев В. И. 10—12
Чернышевская-Быстрова Н. М. 309, 317, 319, 323
Чернышевский Н. Г. 16, 254, 307— 309, 314—316, 319, 323, 325—327, 329
Чернявский А. В. 254
Чертков М. И. 207, 208
Четвериков Б. Д. 105
Четверикова Н. Б. 399
Чехов А. П. 19, 21, 23, 30, 52, 310, 314, 315, 326, 381
Чеховская (в 1-м браке Костенко, во 2-м Смирнова) О. Г. 282, 283
Чечотт (Чечот) О. А. 201—203, 205, 206, 210—213
Чешихина (псевд. Иродионова) В. В. 71, 72
Чешихин-Ветринский В. Е. 297, 298, 313, 315
Чичерин Г. В. 241
Чудакова М. О. 114
Чудинов А. Н. 249
Чудовский В. А. 133
Чуковский К. И. 85, 94, 131, 133
Чуковский Н. К. 121, 264
Чулков Г. И. 259
Чумандрин М. Ф. 122—124, 140, 141
Чюмина-Михайлова О. Н. 20

Шагинян М. С. 264
Шалый Ю. 179
Шамиль, имам Дагестана и Чечни 168, 178
Шангран (урожд. Новосильцова) С. П. 207
Шапорин Ю. А. 269
Шапорина (урожд. Яковлева) Л. В. 266—286
Шау Т. 166, 175
Шахматов А. А. 16, 17, 27, 45, 106, 292, 293, 296, 297, 299
Шахматова-Коплан С. А. 11, 12, 16
Шахов Н. Н. 41
Шварсалон В. К. см. Иванова В. К.

Шварц А. И. 112
Шварц Е. Л. 116, 120, 239
Швецов О. В. 402
Шеварднадзе Э. А. 399, 401
Шевченко Т. Г. 6
Шекспир У. 173
Шелгунов Л. 19
Шелгунов Н. В. 19
Шеллер-Михайлов А. К. 19, 21
Шеншин Д. Н. (Корри) 215, 216
Шеншин Н. Н. 216
Шеншин П. А. 189
Шеншина (Фет; урожд. Боткина) М. П. 24, 182—185, 187, 189—191, 193, 196, 198, 200, 203, 207, 209—212, 215—217
Шеншина О. В. см. Галахова О. В.
Шеншины, семья 179, 189
Шепелева (урожд. Мезенцова) Н. С. 401
Шептицкий 47
Шервашидзе (Чачба) А. К. 273, 279, 286
Шереметевы, семья 38
Шерон Ж. 399
Шершеневич В. Г. 74—77, 79, 80, 82, 83, 396
Шестов Л. И. 246, 260
Шиллер Ф. 50, 171
Шилов А. А. 33, 36, 330, 331
Шильдер Н. К. 383
Шингарев А. И. 390
Ширмаков П. П. 84
Шишкин А. Б. 400
Шишков В. Я. 85, 92, 97, 100, 104, 106, 108, 110, 112, 218, 221, 223, 224, 231, 232, 234—239, 240, 243, 248—251, 256, 258, 260—265
Шишкова К. М. 262, 263
Шкапская М. М. 82, 120, 249, 261, 262
Шкловский В. Б. 85, 96, 100
Шлионская Л. И. 399
Шлионский Л. И. 401
Шляпкин И. А. 33, 45, 287, 290, 291, 294, 295, 299, 300, 302
Шмерельсон А. Б. 70
Шмерельсон Б. Б. 70
Шмерельсон Б. Г. 69
Шмерельсон Г. Б. 69—83
Шмерельсон М. Б. 70
Шмерельсон О. Б. 70
Шмерельсон Р. А. 69
Шмидт Л. Ю. 115
Шмулевич К. 395
Шнейдерман Э. М. 76, 78, 79
Шницлер А. 267
Шопен Ф. 39
Шор О. А. 400
Шпаков В. 177
Шредер К. см. Вестфаль К.
Шрейбер Я. С. 226
Штакельберг А. П. 12, 49
Штейн В. И. 46
Штейн Е. В. см. Голлербах Е. В.
Штейн С. В. 8, 9, 40, 44—46
Штраус И. 293
Шубинский С. Н. 28
Шульц А. Э. 244
Шумихин С. В. 230, 277

Щеглов Д. Ф. 173
Щеглов И. Л. см. Леонтьев И. Л.
Щегловитов И. Г. 385
Щеголев П. Е. 100, 221, 250, 251, 260, 262, 302
Щеголева В. А. 11
Щеколдин Ф. И. 228
Щепкина-Куперник Т. Л. 19, 402
Щербаков А. С. 124
Щербаков В. И. 214
Щербатов 48
Щербатовы, семья 38
Щербина Н. Ф. 6, 19, 21
Щербов П. Е. 392

Эйгорн С. Я. 403
Эйхенбаум Б. М. 48, 104, 118, 294, 295
Элиот Д. 174
Эльзон М. Д. 287, 300, 330, 335, 336, 399
Энгельгардт А. Н. 197—199, 207, 208
Энгельгардт Б. М. 11, 12, 44
Энгельгардт В. П. 54, 63—65, 67
Энгельгардт Н. А. 84
Энгельгардт С. В. 185
Энгельгардт С. М. 21
Эндер Б. В. 105, 401
Эндер З. Б. 399
Эндрюс Э. 98
Эрберг Конст. см. Сюннерберг К. А.
Эрдман Б. 80
Эрдман Н. 80
Эренбург И. Г. 402
Эрлих В. И. 78—80, 105, 117, 120
Эртель А. И. 288, 330
Эттингер П. Д. 266
Этцель П. Ж. 176
Эфрон С. Я. 245
Эфрос А. М. 88—90, 103, 267

Ювачев Д. И. см. Хармс Д. И.
Ювенал 180, 211—214, 217
Юденич Н. Н. 45, 254, 393
Юдин П. Ф. 124
Юдина И. М. 387
Юдина М. В. 112
Юлова А. П. 270
Юргенсон Э. П. 45
Юркун Ю. И. 85
Юсупова З. И. 38

Язовицкая Э. Э. 53
Языков М. А. 50
Языкова А. М. 50

Яковлев Г. Н. 33
Яковлев Н. В. 11, 12, 20, 32—34, 39, 46—48, 299, 300, 325, 330, 331
Яковлев Я. А. 99
Яковлева Л. В. см. Шапорина Л. В.
Яксанов В. З. 305, 307—311
Якулов Г. 80
Якушкин И. Д. 376
Якушкин Н. 387
Якушкин П. И. 349, 352, 354, 355, 357, 360, 362, 367
Янсон Ю. Э. 207, 208
Яровой см. Воинов Я. В.
Ярослав Мудрый, древнерусский кн. 345
Ярхо Б. И. 328
Ясинский И. И. 45
Яхонтов В. Н. 82
Яцимирский А. И. 299, 300
Ященко А. С. 231

Andersen H. см. Андерсен Г.
Aufhauser J. B. 364, 365, 367
Busch V. см. Буш В. В.
Busch W. см. Буш В.
Clemens 133
Du Camp Maxim 190, 191
Ender B. см. Эндер Б.
Feuillet O. см. Фелье О.
Gaskell E. см. Гаскелл Э.
Gerstäcker F. см Герштекер Ф.
Gippius V. см. Гиппиус В. В.
Granjard H. 145—148, 152, 153
Grimm J. см. Гримм Я.
Grimm W. см. Гримм В.
Hackländer F. см. Гаклендер Ф.
Hoover H. 91
Krumbacher K. см. Крумбахер К.
Lambert см. Ламберт Е. Е.
Lowe D. 264
Mazon A. см. Мазон А.
Miller T. см. Миллер Т.
Nodier см. Нодье Ш.
Raitzyn см. Рейтцин
Reid T. M. см. Рид М.
Ruppius O. см. Руппиус О.
Saint-John P. см. Сент-Джон П.
Saltykov см. Салтыков-Щедрин М. Е.
Sandeau L. S. J. см. Сандо Ж.
Schröder (Schroeder) J. C. M. см. Вестфаль К.
Sokolov J. см. Соколов-Микитов И. С.
Tain H. см. Тэн И. А.
Temme J. D. см. Темме Й.
Tourguénev I. см. Тургенев И. С.
Trollope A. см. Троллоп Э.
Uspensky Gl. см. Успенский Г. И.
Vériguine см. Веригина С. Я.
W. 188
Weissman B. 91
Westphal A. J. J. см. Вестфаль А.
Westphal F. J. см. Вестфаль Ф.
Westphal J. M. см. Вестфаль И.
Westphal L. M. M. см. Вестфаль Л.
Westphal M. Ch. H. см. Вестфаль Мария
Westphal M. N. J. см. Вестфаль Максимилиан

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Т. Г. Иванова. Рукописный отдел Пушкинского Дома в 1917—1922 гг. 5
Е. В. Фролова. Фридрих Вестфаль — корреспондент М. А. Балакирева . . . 53
А. А. Кобринский. Материалы Григория Шмерельсона в Рукописном отделе Пушкинского Дома 69
Т. А. Кукушкина. Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920—1932). Очерк деятельности 84

ПУБЛИКАЦИИ

Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу. (*Публикация В. А. Лукиной*) 145
Автобиографический очерк С. И. Снессоревой «На память другу». (*Публикация Е. М. Аксененко*) 158
Письма И. П. Новосильцова к А. А. Фету (1883—1890). Часть 1 (1883—1884). (*Публикация Е. В. Виноградовой*) 179
«В России, как встретимся, будем вспоминать» I. Переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым (1913—1923). II. Письмо В. Я. Шишкова к А. М. Ремизову (1921). (*Публикация Е. Р. Обатниной*) 218
Л. В. Шапорина. О Н. Н. Сапунове. (*Публикация А. Г. Носовой*) 266
Письма В. В. Буша к Вас. В. Гиппиусу. (*Публикация М. Д. Эльзона*) 287
Из эпистолярного наследия А. С. Полякова (Письма к С. А. Венгерову, А. Г. Фомину и Н. К. Никольскому). (*Публикация М. Д. Эльзона*) 335
В. Я. Пропп. Стих об Егории Храбром. (*Вступительная заметка А. Н. Мартыновой, подготовка текста и комментарии Н. А. Прозоровой*) 345

ИНФОРМАЦИЯ

А. В. Дубровский. Леманы Павел Михайлович и Александра Карловна. Фонд 112 371
Е. Р. Обатнина. Знаменский Михаил Степанович. Фонд 683 376
Г. Г. Полякова. Майков Валериан Владимирович. Фонд 570 378
Т. М. Двинятина. Волконский Михаил Николаевич. Фонд 860 381

А. Г. Носова. Синегуб-Будаков Евгений Сергеевич. Фонд 675 384
Т. В. Мисникевич. Сорокин Питирим Александрович. Фонд 863 389
А. Г. Носова. Гущик Владимир Ефимович. Фонд 820. 392
Л. К. Хитрово. Соколов Ипполит Васильевич. Фонд 797 396
Н. А. Прозорова. Обзор архивных материалов XIX—XX веков, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 1999—2000 годах 399
Т. Г. Иванова. Татьяна Владимировна Буланина (1953—2005) 404

Указатель имен. 407

ЕЖЕГОДНИК РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА ПУШКИНСКОГО ДОМА НА 2001 г.

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Редактор *Иванова Т. Г.*
Корректор *Кучепатова С. В.*
Компьютерная верстка *Л. Ю. Егоровой*

Издательство «Дмитрий Буланин»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93; 953001 — книги, 95 3850 — литература по филологическим наукам

Подписано в печать 27.12.05.
Формат 60x90 1/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 30.
Тираж 800 экз. Заказ № 1478.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России“»
198099 С.-Петербург, ул. Промышленная, д. 38/2.

Заказы присылать по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон/факс: (812) 542-52-23
E-mail: dbulanin@sp.ru
http://www.dbulanin.ru

ISBN 5-86007-433-6

